This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ИЗУЧЕНІИ

ГРЕКО-СЛАВЯНСКАГО МІРА

ВЪ ЕВРОПѢ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Владиміра Ламанскаго.

С.-Петербургъ.

Типографія Майкова, въ д. Мин. Фин., на Дворц. площ.

1871.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Довольно продолжительныя занятія источниками изданными и рукописными, старательное изученіе литературы предмета, личныя наблюденія во время путешествій и пятилѣтнее преподованіе нарѣчій, литературъ и исторіи Славянскихъ позволили автору собрать немалый запасъ данныхъ и свѣдѣній, выработать нѣкоторыя самостоятельныя убѣжденія и взгляды, и,—вмѣстѣ съ пробѣлами Русской литературы,—внушили ему мысль приступить къ изданію въ свѣтъ цѣлаго ряда историко-критическихъ изслѣдованій о нѣкоторыхъ мало разработанныхъ или неправильно понимаемыхъ вопросахъ и частяхъ политической и культурной исторіи Восточной Европы или Греко-Славянскаго міра, какъ среднихъ, такъ и новыхъ временъ.

Начало давно задуманнаго и занимающаго автора труда, предлагаемое изслѣдованіе состоитъ изъ трехъ главъ.

Въ первой главѣ указавъ въ исторіи Европейско- или Арійско-Христіанскаго человѣчества на двойственность, въ средніе и новые вѣка, а въ новѣйшее время и на тройственность главныхъ племенныхъ группъ и культурныхъ дѣятелей, авторъ пытается сжато, но опредѣлительно, выяснить то понятіе, которое онъ придаетъ Греко-Славянскому міру, его главнѣйшія отличія отъ міра Романо-Германскаго, характеръ и силу, продолжительность и значеніе въ средней и новой исторіи внутренней борьбы и взаимодѣйствія этихъ двухъ міровъ Арійско-Христіанскаго человѣчества Стараго Свѣта.

Во второй главѣ, оставивъ пока въ сторонѣ Грековъ и другія инородческія племена нашего міра, авторъ указываетъ на степень вниманія, которое обращается на Славянъ, и на мѣсто, которое имъ отводится въ Европейскихъ общихъ историческихъ обзорахъ, курсахъ, учебникахъ средней и новой исторіи, въ общихъ сочиненіяхъ и спеціальныхъ изслѣдованіяхъ по исторіи Германіи, гдѣ

авторы принуждены касаться хотя нѣкоторыхъ Славянскихъ народовъ. Дабы вѣрнѣе добыть возможно полное и точное представленіе о господствующихъ въ Европѣ, преимущественно въ Германіи, воззрѣніяхъ, мнѣніяхъ и взглядахъ на Славянство, авторъ обращается къ сочиненіямъ Нѣмецкихъ ученыхъ, писателей и публицистовъ нѣсколькихъ поколѣній и самыхъ разнообразныхъ школъ и направленій, и передаетъ ихъ мнѣнія, положенія и приговоры о Славянахъ по большей части ихъ же собственными словами. Это заставило автора часто прибѣгать къ большимъ извлеченіямъ и выпискамъ, могущимъ утомить читателя, но при выборѣ между легкостью изложенія и основательностью и достовѣрностью показаній авторъ никогда не колебался. При томъ же, нѣсколько растягивая изложеніе, эти выписки предлагаютъ замѣчательное подтвержденіе заявленнаго въ первой главѣ наблюденія объ отношеніяхъ Романо-Германскаго міра къ Греко-Славянскому въ послѣднія столѣтія и вообще, въ субъективномъ смыслѣ, представляютъ матеріалъ любопытный, важный и необходимый для Русскаго общаго и научнаго образованія, и однако мало у насъ извѣстный, по слабому еще знакомству нашему съ Нѣмецкою историко-политическою литературою о Славянствѣ. Раскрывъ тѣсную внутреннюю связь этихъ воззрѣній, положеній и мнѣній о Славянской расѣ съ одной стороны съ современною научною системою средней и новой исторіи, а съ другой — съ исторіею многовѣковыхъ отношеній Германіи къ Славянству, авторъ отмѣчаетъ, что въ сознаніи Европейскомъ, преимущественно Германскомъ, Россія въ Славянствѣ исключенія не составляетъ, и Русскій народъ отъ южныхъ и западныхъ Славянъ строго не отдѣляется. Указавъ на большое вліяніе и распространенность части этихъ воззрѣній и мнѣній въ Русскомъ обществѣ и литературѣ, авторъ объясняетъ внутреннюю настоятельность строгаго критическаго разбора и научной повѣрки ихъ.

Въ третьей главѣ, на основаніи представленныхъ свидѣтельствъ и показаній, авторъ сжато, собственными словами, передаетъ общее, господствующее въ Германіи воззрѣніе на способности, историческое мѣсто и призваніе Славянскаго племени. Критическій свой разборъ авторъ начинаетъ подробнымъ до мелочей анализомъ извѣстныхъ ему попытокъ Нѣмецкихъ мыслителей, ученыхъ и публицистовъ точнѣе обозначить и ближе опредѣлить главную суть ихъ заключеній и наблюденій относительно существеннаго, кореннаго и природнаго несходства (а не культурнаго, которое зависитъ отъ разности историческихъ возрастовъ обѣихъ расъ) Славянъ съ Гер-

манцами и ближайшаго ихъ сходства и сродства съ разными низшими породами и видами человѣчества. Вызванная и обусловленная глубокимъ уваженіемъ къ авторитету и заслугамъ Нѣмецкой образованности вообще и многихъ извѣстныхъ Нѣмецкихъ ученыхъ въ частности, внимательность и подробность критическаго разбора этихъ попытокъ привела автора къ признанію ихъ совершенной незначительности въ объективномъ и высокой важности въ субъективномъ смыслѣ, заставила глубже вникнуть въ нѣкоторыя стороны Нѣмецкой исторической науки, по такъ называемой средней и новой исторіи, и преимущественно по тѣмъ частямъ исторіи Германіи, которыя наиболѣе соприкасаются съ исторіею Славянъ. Тутъ авторъ старался сжато, но опредѣлительно, отмѣтить нѣкоторыя ошибочныя, господствующія въ Нѣмецкой исторіографіи, воззрѣнія, болѣе или менѣе искажающія представленіе и смыслъ цѣлыхъ эпохъ и отдѣловъ средней и новой исторіи. Въ заключеніе авторъ излагаетъ извѣстное Европейское, преимущественно Французское, ученіе о Туранствѣ Великоруссовъ, и объясняетъ его занимательность и важность, въ субъективномъ смыслѣ, для познанія новѣйшихъ политическихъ отношеній Франціи къ Россіи и Германіи, а, въ объективномъ, для правильной оцѣнки извѣстной антропологической теоріи о постоянствѣ расъ и неизмѣняемости ихъ признаковъ.

Въ дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ, которыя Богъ дастъ начнутъ являться въ печати еще въ нынѣшнемъ году, авторъ, сверхъ критической оцѣнки внутреннихъ доказательствъ и основаній господствующаго Германскаго воззрѣнія на Славянъ, болѣе или менѣе долго останавливается на нѣкоторыхъ мало изслѣдованныхъ вопросахъ какъ по исторіи отношеній различныхъ Славянскихъ народовъ къ различнымъ странамъ Романо-Германскаго міра, такъ и по исторіи взаимныхъ отношеній различныхъ Славянскихъ народностей между собою.

Новѣйшія грозныя, по содержанію, и громадныя, по послѣдствіямъ, событія въ Европѣ должны кажется еще глубже укоренить и сильнѣе распространить въ общественномъ сознаніи Германіи любимое и давнее ея возрѣніе на Славянъ. Съ благополучнымъ окончаніемъ своихъ дѣлъ на Романскомъ западѣ, новая Германская имперія вѣроятно не замедлитъ дать почувствовать Россіи великую практическую важность близкаго знакомства съ этимъ воззрѣніемъ. Всякая добросовѣстная попытка раскрыть и подвергнуть его подробному анализу теперь можетъ быть кажется нелишнею. Возможно, что люди, болѣе автора способные и болѣе его знакомые

съ Славянствомъ и съ Европейскою, преимущественно Нѣмецкою, литературою о немъ, найдутъ, что авторъ взялся за дѣло не по своимъ силамъ, не съумѣлъ подняться и удержаться на высотѣ своей задачи. Онъ все-таки почтетъ себя счастливымъ, если его слабый опытъ вызоветъ въ подобныхъ лицахъ желаніе самимъ взяться за вопросы и задачи, неумѣло имъ затронутыя.

18 Января 1871 года.

ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стр.	13	строка	33	до Наполеоновъ I и III	до Наполеона I
»	16	»		Англія	Англія и Германія
»	21	»		Таціана	Тиціана
»	53	»	4	саммхъ	самыхъ
»	56	»	3	Schwaueu, s Sachseu	Schwaben u. Sachsen
»	103	»	14	освобожденію	освобожденіемъ
»	106	»	22	министерствѣ	министерство
»	107	»	35	Русской Америки колоній	Русско-Американскихъ колоній
»	132	»	18	представлять его въ	представлять въ
»	171	»	32	Карловингккихъ	Карловингскихъ
»	177	»	29	leichtsinigen	leichtsinnigen
»	179	»	10	вѣрнѣйшихъ	важнѣйшихъ
»	181	»	27	неположенію	положенію
»	181	»	37	Тевтонически	Тевтонски
»	185	»	18	оно	она
»	190	»	39	это открытіе общаго	открытіе этого общаго
»	200	»	23	прозваніе	призваніе
»	209	»	22	интелегтуально	интелектуально
»	226	»	9	перебоя	перебой
»	236	»	24	Германская.	Германская по преимуществу.
»	243	»	25	господствуютъ	начинаютъ господствовать
»	247	»	15	восточной Пруссіи	восточной части Пруссіи
»	256	»		Франкской	новой западной
»	263	»	22	тогдаш-	тогдашнихъ
»	272	»	18	Grafschaft	Grafschaft Wallis
»	273	»	24	краніоологическія	краніологическія
»	277	»	25	östr. Medic. Zeit.	.... Arch.
»	286	»	24	скромностью	со скромностью
»	307	»	32	Weltherschaft	Weltherrschaft

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ИЗУЧЕНІИ ГРЕКО-СЛАВЯНСКАГО МІРА ВЪ ЕВРОПѢ.

I.

ИСТОРІЯ (СРЕДНЯЯ И НОВАЯ):

Also zwischen Ost und Westen
Sich bewegen sei's zum Besten.
Göthe.

Писатель замѣчательнаго критическаго дарованія, занимающій въ исторической наукѣ весьма почтенное мѣсто, оказавшій и Славянской исторіи услуги незабвенныя, хотя быть можетъ и не заслуживаетъ названія ни отца, ни вотчима Русской исторіи, Августъ Людвигъ Шлецеръ [1]) былъ едвали не первый Европейскій ученый, который созналъ неудовлетворительность такъ называемой ново-Европейской, или средней и новой исторіи. Онъ же обратилъ вниманіе на нѣкоторую двойственность нашего материка въ отношеніяхъ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ. Взявши за граничную черту рѣки Эльбу и Дунай, Шлецеръ рѣшился раздѣлить Европейскій міръ и его исторію на южную, по ту, и на сѣверную, по эту сторону этихъ рѣкъ. «Такое дѣленіе, говоритъ

---

[1]) Schlözer (Aug. Lud.). Oeffentliches und Privat-Leben von ihm selbst beschrieben. I. Fragment. Göttingen. 1802. Его біографія написанная его сыномъ: Schlözer. Christ) Aug. Ludw. von Schlözer's Oeffentliches u. Privat-Leben... beschrieben von, dessen ältesten Sohne. Leipzig. 1828. 2 Bde. 8. Статья А. Н. Попова—Шлецеръ. Разсужденіе о Русской исторіографіи. (Моск. Сборникъ 1847 с. 399—483). и статья С. М. Соловьева. „Августъ Людвигъ Шлецеръ“ (Русск. Вѣстн. 1856. Февраль).

Шлецеръ, имѣетъ свою пользу и основаніе, во первыхъ въ хронологіи, ибо тутъ именно кончался міръ, извѣстный древнимъ, и во вторыхъ въ этнографіи, ибо на этомъ обширномъ пространствѣ, отъ устьевъ Травны почти непрерывно до устьевъ Дуная, жилъ народъ одного племени, Славяне или Венды, хотя съ теченіемъ времени они перемѣнили свои жилища, подвинулись далѣе на югъ за Дунай, и въ Иллиріи, Далмаціи, Хорватіи, Босніи и пр. образовали государства, но на сѣверѣ Нѣмцами были далеко оттѣснены за Эльбу и даже истреблены. Эти Славяне безспорно народъ сѣверный. И какъ метода требовала разсматривать всѣ вѣтви одного племени въ совокупности, то поэтому не только Угрія, но и разныя другія, болѣе южныя, Славянскія земли, нѣкогда независимыя, а потомъ присоединенныя къ Угорскому, Турецкому и Венеціанскому государствамъ, одинаково принадлежатъ къ сѣверной исторіи. Хотя въ этихъ странахъ воздухъ и климатъ южные, но жители ихъ сѣверяне, и обстоятельства ихъ жизни болѣе связаны съ сѣверною, чѣмъ съ южною Европейскою исторіею: изъ подобныхъ же причинъ отчасти очень сѣверная Британія остается въ отдѣлѣ южной исторіи. Вообще все распредѣленіе касается только *методы*, а не самой *исторіи*. Каждая метода имѣетъ свои трудности; но какая нибудь метода должна же быть, и въ разныхъ мѣстахъ моего сочиненія я привожу въ ея пользу не столько причины внутренней необходимости, сколько удобства ея.»

«Еще относительно опредѣленія объема сѣверной исторіи рѣшился я на одно нововведеніе, облегченное мнѣ новѣйшими открытіями Русскихъ и Французскихъ ученыхъ: я включилъ въ нее Сибирь и Азіатскій сѣверъ. Полнота системы требовала, по моему, такого нововведенія. Европейскій сѣверъ населенъ такими племенами, которыя, какъ Финны и Самоѣды, далеко простираются въ Азію. Въ средніе вѣка онъ получилъ множество новыхъ пришельцевъ изъ Азіи, онъ испыталъ перевороты, ближайшіе поводы или отдаленнѣйшія причины которыхъ заключаются далеко внѣ границъ его, и отмѣчены въ Азіатскихъ лѣтописяхъ. Иначе сѣверная исторія оканчивалась бы Дономъ и Ураломъ, теперь же она простирается за Каспійское море до Монголіи и предѣловъ Китая. Еще много темнаго и неизвѣстнаго въ этомъ соединеніи Европейскаго и Азіатскаго сѣвера, но съ благодарностью будемъ мы пользоваться сдѣланными уже открытіями, и дальнѣйшимъ ихъ распространеніемъ подготовимъ нашихъ современниковъ къ будущимъ, болѣе глубокимъ изысканіямъ".

Такова основная мысль знаменитой Шлецеровской сѣверной исторіи Nordische Gechichte. Halle. 1771 [1]).

Эта мысль Шлецера о двойственности Европейской исторіи и его попытка представить дѣленіе ея, имѣютъ важное значеніе въ исторіи науки и заслуживаютъ глубокой признательности. Также очень удачна его мысль о невозможности отдѣлить Русскую Азію отъ Европейской Россіи; столь же вѣрно и мѣтко его замѣчаніе о необходимости разсматривать всѣ Славянскія племена въ совокуп-

---

[1]) Общій планъ, основная идея и 137 страницъ изъ 618 всего сочиненія принадлежатъ Шлецеру. Все прочее въ немъ или переводъ или извлеченія, сдѣланныя Шлецеромъ изъ сочиненій Датскихъ и Шведскихъ ученыхъ Шенинга, Ире, Эрихсена, Сума, Штерманна, Брокманна, Вармгольца, Русскихъ Нѣмцевъ Байера, Стриттера и Фишера. Изъ этихъ 137 страницъ собственно Шлецеровскихъ только 30 посвящены Славянамъ, именно 19 страницъ обзору историческому и 11 страницъ филологическо-этнографическому очерку. Шлецеръ говоритъ, что «Славянская исторія огромнаго объема, начинается въ V в. и непрерывно продолжается до нашего времени, перекрещиваетъ значительную часть прочей Европейской и Азіатской исторіи и по нынѣшней системѣ государствъ составляетъ самую занимательную часть сѣверной исторіи. Послѣ Арабовъ, господствовавшихъ отъ Малакки до Лиссабона, я не знаю другаго народа, который бы такъ далеко распространилъ свое могущество и свои колоніи. Отъ Дубровника (Рагузы) у Адріатическаго моря на сѣверъ до моря Ледовитаго, на право до Камчатки, въ сосѣдствѣ Японіи, и на лѣво до Балтики вездѣ находимъ Славянскіе народы частью господствующими, частью служащими другимъ народамъ. Но ихъ исторія мало извѣстна. Еще недавно нѣкоторые ученые не считали Славянъ Европейцами и выводили ихъ изъ Понта и Кавказа. Эту обширную энциклопедію Славянской исторіи можно обнять однимъ взглядомъ раздѣливъ ее на 7 классовъ. 1) Русскій. 2) Польскій. 3) Чешскій. 4) Нѣмецко-Славянскій. 5) Иллирско-Славянскій. 6) Угорско-Славянскій. 7) Турецко-Славянскій. При этомъ весьма легко и поверхностно, даже для того времени, указываетъ Шлецеръ на главнѣйшія эпохи и особенности исторіи каждыхъ изъ этихъ народовъ, и затѣмъ перечисляетъ важнѣйшіе источники и пособія. Это былъ трудъ очень полезный въ свое время, обличающій въ авторѣ человѣка умнаго, даровитаго, образованнаго, критически требовательнаго. Но странно искать въ этомъ трудѣ какой-то геніальности, какого то богатства новыхъ мыслей и изслѣдованій. Авторъ обнаруживаетъ знакомство, и то не совершенно полное, скорѣе съ библіографіею, чѣмъ съ литературою предмета. По идеѣ это трудъ не новый, такъ какъ давно уже и Византійскіе и Арабскіе и Латинско-Нѣмецкіе писатели неоднократно высказывали мысль и замѣчанія, что Славяне самое распространенное племя въ Европѣ, что они всѣ очень близки по языку и обычаямъ. Германія издавна знала объ этомъ, всегда этого опасалась и всячески старалась мѣшать объединенію и даже взаимному общенію Славянъ. Еще въ XVI в. *Крантцъ* въ своей Вандаліи и *Хитрей*, его продолжатель, представляли опыты Сла-

ности, относя ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ Россіею къ одному отдѣлу Европейской исторіи. Но исполненіе мысли Шлецера нельзя назвать особенно удачнымъ. Предложенная имъ система сѣверной и южной исторіи произвольная и искусственная, не свободна отъ ошибокъ и внутреннихъ противурѣчій. Это вѣроятно и было причиною, что его основная мысль не достигла того признанія въ ученомъ мірѣ, котораго по истинѣ заслуживала бы.

Совершенно несправедливо относитъ Шлецеръ южныхъ и задунай-

вянской исторіи. Въ началѣ XVIII в. Нѣмецкій историкъ *Генрихъ графъ фонъ Бюнау* очень толково и удачно воспользовался Византійскими и Нѣмецкими лѣтописями и изложилъ первоначальную исторію Славянъ до X в. Наконецъ огромный фоліантъ Чеха *Іордана* De originibus Slavicis 1745, великолѣпный трудъ Imperium Orientale 1711, Дубровчанина *А. Бандури*, превосходные труды словака *Беля*, Чеха *Добнера*,—не говоря уже о болѣе старыхъ трудахъ Словинца *Герберштейна*, Далматинца *Лучича*, Словинца *Вальвасора*, Хорватовъ *Вранчича*, *Крижанича*, Поляка *Кромера* и мн. друг. Славянъ, - слишкомъ полновѣстно доказываютъ, что для Славянскаго міра для Славянскихъ ученыхъ эти 19 страницъ, изъ коихъ болѣе, чѣмъ на три придется однихъ выписокъ заглавій, эти собственно 16 страницъ Шлецера, не лишенныя ошибокъ хронологическихъ и историческихъ (даже для того времени), недосмотровъ (Шлецеръ не упоминаетъ Бандури, важнѣйшихъ трудовъ М. Беля) и даже забавныхъ промаховъ напр. онъ говоритъ *Slavonien-Slovenska zeme*, промахъ, обнаруживающій знатокамъ большое невѣдѣніе. Изъ 11 страницъ Шлецера о Славянскихъ нарѣчіяхъ только собственно 5 принадлежатъ Шлецеру, остальныя Словинцу *Поповичу*, этому геніальному самоучкѣ, по мѣткому слову Шафарика. Правда Шлецеръ сдѣлалъ очень хорошія замѣчанія на классификацію г. Поповича, и затѣмъ предложилъ свой перечень нарѣчій, не сопроводивъ его никакими филологическими признаками. Впрочемъ онъ не могъ этого сдѣлать, ибо изъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій зналъ только Русскій языкъ да учился по Польски, и то (особенно въ 1771 г.) зналъ нехорошо, не понималъ отличій древне-Русскаго отъ древне-Славянскаго языка. Надо замѣтить, что у Славянъ нѣкоторые ученые гораздо раньше Поповича предлагали классификацію Славянскихъ нарѣчій, и нѣкоторые изъ нихъ напр. Поляки *Гозіушъ и Кромеръ* въ XVI в., *Бандури* и *Ломоносовъ* въ XVIII в. сдѣлали нѣсколько важныхъ замѣчаній объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но Шлецеръ имѣлъ предшественниковъ и между своими соотечественниками, особенно въ *Колѣ и Фрищѣ*. Сверхъ того всѣ Славянскія нарѣчія, за исключеніемъ Болгарскаго и Словенскаго (Словацкаго) имѣли уже свои грамматики и словари. Правда Шлецеръ перечисляетъ важнѣйшіе изъ нихъ, но этотъ библіографическій указатель былъ только пополненъ заглавіями нѣсколькихъ сочиненій, вышедшихъ послѣ Фриша и его предшественниковъ. Такъ у Сербо-Лужичанина *Френцеля* есть также подобныя указанія. Этихъ замѣчаній, полагаемъ, достаточно для того, чтобъ указать на національное увлеченіе Нѣмцевъ, которые называли и называютъ Шлецерову сѣверную исторію сочиненіемъ, составляю-

скихъ Славянъ къ народамъ сѣвернымъ и крайне невѣрно его замѣчаніе о тѣснѣйшей связи ихъ внѣшней и внутренней жизни съ исторіей сѣверною, чѣмъ съ южною. Напротивъ исторія Византіи, Венеціи, королевства Неаполитанскаго и потомъ Турціи тѣснѣйшимъ образомъ связана съ исторіею Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ и Словинцевъ. Соглашаемся съ Шлецеромъ, что понятія о сѣверѣ и югѣ довольно условныя и относительныя, и что для жителя Африки Средиземное море и всѣ южные Европейскіе полуострова представляются моремъ и странами сѣверными. Но однажды признавъ,

---

щимъ эпоху въ Славянской наукѣ. Для Нѣмцевъ оно имѣетъ очень важное значеніе, безспорно, но не для Скандинавовъ, ни тѣмъ болѣе для Славянъ. Точно также, чтобы вѣрно судить о значеніи Шлецеровскаго Нестора въ наукѣ не Русской, а Славянской, надо помнить что до выхода его Славянская наука имѣла уже труды Бандури, Беля, Добнера, Антона, Дуриха и нѣсколько превосходныхъ изслѣдованій Пельцеля, Добровскаго, да и наша литература имѣла уже Болтина. Учиться критикѣ могли Славяне и безъ Шлецера. Вина Русскихъ, что они не знали ученыхъ Славянскихъ, какъ часто и теперь не знаютъ. Въ Русской литературѣ понынѣ повторяется мнѣніе о Шлецерѣ, якобы онъ есть *отецъ Славистики*. Наши писатели повторяли эту Нѣмецкую мысль отчасти по невѣдѣнію, отчасти изъ желанія заслужить похвалы и одобреніе Петербургской Академіи Наукъ, въ которой кромѣ 2, 3 спеціалистовъ никто Шлецера ни судить, ни понимать не могъ, но все Нѣмецкое ея большинство твердо держалось канона, что *туземцы* (какъ называла обыкновенно Академія Русскихъ ученыхъ) занимающіеся отечественною исторіею, должны непремѣнно Шлецера считать отцемъ Славистики, а *Русь* объяснять не существующимъ Шведскимъ Rodsen. Два великана Славянской науки, Словакъ Шафарикъ и нашъ Карамзинъ вотъ какъ судили объ Несторѣ Шлецера, въ которомъ впрочемъ есть много прекрасныхъ, отрывочныхъ, критическихъ замѣчаній. Карамзинъ писалъ А. И. Тургеневу въ 1810 г. о Шлецерѣ по поводу Нестора. «Для кого его трудъ? Для 7 или 8 любопытныхъ. Да и пользы немного. Изъясненіе и переводъ также весьма плохи и часто смѣшны. Старикъ не зналъ хорошо ни языка лѣтописей, ни ихъ содержанія далѣе Нестора, а выписки изъ иностранныхъ лѣтописей не новость для ученыхъ». Въ другомъ письмѣ къ нему же: «Если бы я писалъ коментаріи на ученые труды Шлецера, при всей моей почтительной къ нему привязанности, я бы осмѣлился объяснить почему Шлецеръ, не всегда справедливо оцѣниваетъ Византійскіе источники. Шлецеръ пользовался только одними выписками изъ Стриттера и едва ли перебиралъ самихъ Византійцевъ, подобно нашему неутомимому Кругу». Шафарикъ въ одномъ мѣстѣ своихъ Древностей выразился про Шлецера: «Ученый часто мелочный и недалекій во всемъ Славянскомъ». Диѳирамбы Погодина и Шевырева, преувеличенные отзывы Соловьева о Шлецерѣ происходили преимущественно изъ необращенія ими должнаго вниманія на ученые и критическіе труды Скандинавскихъ и Славянскихъ тружениковъ до Шлецера, и даже его Нѣмецкихъ предшественниковъ.

какъ дѣлаетъ Шлецеръ, сѣверную и южную Европу, нельзя уже безъ самыхъ смѣшныхъ натяжекъ причислять Британію и сѣверную Германію къ Европѣ южной, а Болгарію, Ѳракію, Македонію, Герцеговину и Далмацію къ Европѣ сѣверной. И неужели по своимъ темпераментамъ Сербъ и Хорватъ скорѣе сѣверяне, чѣмъ Англичанинъ и сѣверный Нѣмецъ! И если такое дѣленіе оправдывается желаніемъ не дробить исторію Славянъ, какъ одного племени, то чѣмъ оправдать отдѣленіе Скандинавовъ отъ сѣверныхъ Нѣмцевъ и Англичанъ и причисленіе послѣднихъ, вопреки очевидности, къ народамъ южнымъ. Ума по преимуществу аналитическаго, слабый даромъ обобщенія, быть можетъ даже по природной наклонности Нѣмецкаго ума къ искусственнымъ системамъ и построеніямъ, Шлецеръ не съумѣлъ придумать для Европейской исторіи дѣленія болѣе простаго и естественнаго, чѣмъ на сѣверную и южную исторію. Но Шлецеру принадлежитъ заслуга выраженія плодотворной мысли, всѣхъ послѣдствій которой онъ самъ могъ не сознавать, она заключается въ указаніи двойственности Европейской исторіи, въ опредѣленіи одной изъ половинъ ея, какъ преимущественно Славянской, и объясненіи внутренней необходимости съ одной стороны не отдѣлять Русской Азіи отъ Европейской Россіи, а съ другой исторію Русскаго народа и государства разсматривать въ связи съ исторіею другихъ Славянскихъ земель, южныхъ и западныхъ.

Удачнѣйшее и вѣрное дѣленіе Европейскаго христіанскаго міра и его исторіи было впервые предложено, сколько мнѣ извѣстно, Французами—Шарьеромъ и С. Роберомъ [1]). Все, что въ произвольной

---

[1]) У Шарьера встрѣчаются замѣчательныя по времени мысли о Россіи и Славянахъ. La politique de l'histoire par Ernest Charrière. Première partie. Histoire. Paris. MEDCCXLI. „La supériorité précoce que prit la puissance russe sur les autres races slaves tenait à la variété des intérêts qu'elle embrassait au Nord et au Midi. Perpétuée pendant quatre cents ans dans la même famille, cette fixité en indique la force pendant que ces chefs montrent à travers les désordres inséparables de l'instabilité du pouvoir, de la division et du partage des Etats entre les fils du prince, la même persistance de vues et la même aptitude déployées à l'Occident par les Francs avec lesquels leur histoire présente des approchements singuliers. Elle fut développée encore par leur accession au christianisme byzantin, choix hardi et d'une prévoyance presque prophétique comme tout ce qui tient à l'instinct des nations. En effet, une vague prédiction avertissait déjà les empereurs grecs que leur capitale devait tomber un jour au pouvoir de ces Barbares qui avaient successivement remplacé tous les autres, en restant seuls toujours entiers et de plus en plus redoutables. Aussi, lorsque Constantinople sera tombée, au 15 siècle, au pouvoir des Turcs, la Russie représentant par son système religieux

и искусственной системѣ Шлецера, было вѣрнаго и мѣткаго, все это сохранено въ новомъ дѣленіи ея, а ошибки и внутреннія противурѣчія правильно отстранены. Историческая наука получила систему простую и естественную, вполнѣ соотвѣтствующую географическимъ, этнографическимъ и историческимъ признакамъ, дѣйствительно дѣлящимъ Европейскій міръ и его исторію на двѣ различныя половины, но только не на сѣверную и южную, а на восточную и западную. Эти двѣ половины такъ важны и внутренне различны между собою что справедливо называются двумя особыми, самостоятельными мірами. Міръ Западно-Европейскій назы-

---

l'empire d'Orient effacé, se trouvera investie d'un pouvoir moral et d'un avenir que seule entre les peuples slaves elle aura su préparer en maintenant les liens naturels avec les races opprimées (p. 262—4). „Le monde slave ou oriental, que nous posons en face de l'Occident dans une correspondance morale et physique avec lui, présente la seconde expression de la nature européene et ses traits peuvent au besoin servir de preuve mathématique à l'appui de la première... Quant à son unité originaire, toute vivante dans son état actuel, elle est en rapport complet avec celle de son sol, plus compacte, moins brisée d'îles et de péninsule's que l'Occident, ce qui a contribué à la maintenir dans son harmonie primitive. A peine entamé sur quelques unes de ses extrémités, il n'a point subi l'éducation romaine, ni passé par les modifications du moyen âge et des sociétés modernes: (p. 217, 219). Замѣчательное по многимъ мыслямъ и замѣткамъ, важнымъ для политики и историка, сочиненіе Шарьера не свободно отъ множества ошибокъ и недостатковъ, забавныхъ промаховъ и парадоксовъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя его мысли поражаютъ своею тонкостью и мѣткостью. Въ разныхъ мѣстахъ онъ высказываетъ свои мнѣнія о Россіи, весьма любопытныя. «Ici toutes les proportions de territoire se trouvent dépassées, et l'accroissement de la population ajoutant au péril de cette extension, la Russie, qui n'est plus seulement un Etat, mais un monde, frappe en quelque sorte au type de son unité toutes ces générations nouvelles, entretenues soigneusement dans un petit nombre d'idées, que la discussion ne vient pas contester, qui grandissent avec les populations, enracinées dans les consciences et manifestées au dehors par cette persévérance de vues et cette perpétuité de moyens, qui font arriver les nations au succès le plus formidable. Il y a deux sortes de puissances, l'une réelle, agissante, ostensible: c'est celle du présent; l'autre éventuelle, fictive peut-être, mais réalisable: c'est celle de l'avenir. Les peuples qui n'ont pas devant eux cette perspective de progrès, manquent d'un ressort essentiel. A force de répéter une chose, on se la persuade, et cette conviction est déjà la moitié de l'exécution. Qu'un peuple se dise à lui même que tel empire lui est donné par la nature, dévolu par son droit de supériorité, et soyez sûr que tôt ou tard il l'obtiendra: car le succès est à celui qui veut fortement et longtemps. C'est ce qui a fait la destinée extraordinaire de la Russie: elle s'est dit qu'elle irait sur la Vistule, et elle y est alliée, comme elle ira à Constantinople, comme elle ira même à Calcutta, si l'Europe n'entre dans la voie que nous lui avons signalée». (II, 462—3). „On pourra donc, si on y (ient absolument, soulever la Pologne, quitte à s'abandonner généreusement au milieu des convulsions qu'on aura produites: on créera, comme on l'a tenté, un royaume grec, des

вается міромъ Романо-Германскимъ или Латино-Нѣмецкимъ, иногда и Католическо-Протестантскимъ. Въ противуположность ему міръ Восточно-Европейскій вѣрно названъ міромъ Греко-Славянскимъ, Восточно-Христіанскимъ. Особенность историческихъ задачь, раздѣльность, а иногда и совершенная противуположность ихъ интересовъ еще яснѣе обличились съ того времени, когда рѣшительнѣе опредѣлился самобытный характеръ Сѣверо-Американской республики и высказалась, при ея срединномъ положеніи между старою Европою и Россіею, разность ея отношеній къ этимъ двумъ несхожимъ между собою мірамъ. Такимъ образомъ Токквиль [1]), императоръ

---

hospodorats sur le Danube, une Servie; une Bulgarie indépendante; mais avec ces derniéres mesures on n'aura rien fait, et la difficulté sera seulement déplacée. On retrouvera toujours devant soi l'influence russe, et peu à peu on verra retourner contre soi les forces qu'on avait cru créer contre elle. Les peuples, d'abord séduits par un semblant de nationalite, et entraînés dar l'attrait de tout ce qui est nouveau, ne tarderont pas à se dégoûter d'un bien dont ils n'auront que l'apparence; et après s'être compromises dans des intrigues subalternes, la France se sera aliené l'opinion slave en jetant la perturbation dans son unité, et en détournant de leur voie des peuplés appelés à une association plus rationnelle; elle se verra bientôt en butte à l'inimitié de ceux qu'elle aura cru servir; *car il n'y a pas d'intérêt pour eux à être constitués en opposition avec la Russie, à se priver ainsi des avantayes naturels qu'elle leur apporte, pour s'imposer une nationalité que tout contredit dans leur organisation sociale, qu'ils sont inhabiles à gouverner comme ils seraient incapables de la défendre. D'ailleurs elle se rencontre avec toute sa réalité et tous ses avantages dans l'association par laquelle on sort de l'inextricable labyrinthe de ces petis intérêts, pour rentrer dans la question générale, où ils s'agrandissent et où ils se trouvent reliés au système de garantie mutuelle de liberté au-dedans et de sécurité au dehors*". (II, p. 465—6).

[1]) Токквиль (De la Démocratie en Amérique. Paris. 1864. T. II p. 430—1). «Il arrivera donc un temps où l'on pourra avoir dans l'Amérique du Nord cent cinquante millions d'hommes, égaux entre eux, qui tous appartiendront à la même famille, qui auront le même point de départ, la même civilisation, la même langue, la même religion, les mêmes habitudes, les mêmes moeurs, et à travers lesquels la pensée circulera sous la même forme et se peindra de mêmes couleurs. Tout le reste est douteux, mais ceci est certain. Or, voici un fait entièrement nouveau dans le monde, et dont l'imagination elle même ne saurait saisir la portée. Il y a aujourd'hui sur la terre deux grands peuples qui, partis de points différents, semblent s'avancer vers le même but: ce sont les Russes et les Anglo-Américains. Tous deux ont grandi dans l'obscurité; et tandis que les regards des hommes étaient occupés ailleurs, ils se sont placés tout à coup au premier rang des nations, et le monde a appris presque en même temps leur naissance et leur grandeur. Tous les autres peuples paraissent avoir atteint à peu près les limites qu'a tracées la nature, et n'avoir plus qu'à conserver; mais eux sont en croissance; tous les autres sont arrêtés ou n'avancent qu'avec mille efforts; eux seuls marchent d'un pas aisé et rapide dans une carrière dont l'oeil ne saurait encore apercevoir la borne. L'Américain

Наполеонъ III, Лавалеттъ [1]), М. Шевалье во Франціи [2]), Констан-

---

lutte contre les obstacles, que lui oppose la nature; le Russe est aux prises avec les hommes. L'un combat le désert et la barbarie; l'autre—la civilisation, revetue de toutes ses armes (?): aussi les conquêtes de l'Américain se font-elles avec le soc du laboureur, celles du Russe avec l'épée du soldat (?) Pour atteindre son but, le premier s'en repose sur l'intérêt personnel, et laisse agir sans les diriger, la force et la raison des individus. Le second concentre en quelque sorte dans un homme toute la puissance de la société. L'un a pour principal moyen d'action la liberté; l'autre la servitude (?). Leur point du départ est différent, leurs voies sont diverses; néanmoins, chacun d'eux semblé appelé par un dessein secret de la Providence à tenir un jour dans ses mains les destinées de la moitié du monde». Это писано еще 1835—39 г. Удивительно, что этому благородному и умному писателю не представлялась мысль по видимому очень простая, именно что крѣпостное состояніе есть главное препятствіе и задержка матеріальнаго и духовнаго развитія Россіи.

[1]) См. извѣстный циркуляръ 4 (16) Сент. 1866.

[2]) М. Шевалье въ Rapports du Jury International publiés sous la direction de Michel Chevalier. Paris. 1868. T. I p. DXV—XVI. Dans trente années environ, les Etats Unis auront, selon toute probabilité, cent millions de population, en possession des plus puissants moyens, répartis sur un territoire qui ferait quinze ou seize fois la France, et de la plus admirable disposition. Ils se préparent, dès à présent, une alliance rendue facile par le pressentiment commun de grandes destinées, avec un autre empire tout aussi vaste, quoique moins favorisé de la nature, qui se dresse à l'orient de l'Europe et qui lui aussi, aura à la fin du siècle, une population de cent millions d'hommes, animés d'une même pensée. La concorde est indispensable à l'Europe occidentale et centrale, si elle ne veut pas être dominée par ces deux colosses qui apparaissent, en dessinant chaque jour davantage leurs gigantesques proportions et leurs espérances, et en resserrant chacun son unité, comme pour frapper plus sûrement un grand coup, destiné à retentir d'un pôle à l'autre. Vainement les nations de l'Europe occidentale et centrale s'atribuent une primauté que, dans leur vanité, elle croit à l'abri des évenements et éternelle; comme s'il y avait rien d'éternel, dans la grandeur et la prospérité des sociétés, ouvrages des hommes. La société Romaine était, elle aussi, infatuée de sa supériorité, quand les Germains passèrent le Rhin ou franchirent les Alpes pour la fouler aux pieds. Шевалье указываетъ затѣмъ на необходимость для Европы образовать особую федерацію о которой еще 25 лѣтъ назадъ уже говорилъ В. Кузенъ и приводитъ знаменитыя слова Наполеона I: «Désormais toute guerre européenne est une guerre civile». Впрочемъ это désormais начинается не съ Наполеона I, а съ Аттилы или по крайней мѣрѣ съ папы Николая I или съ Григорія VII. Съ тѣхъ поръ всѣ вертикальныя и горизонтальныя столкновенія внутри Романо-Германскаго міра всегда бывали войнами внутренними, междо-усобными, и, ослабляя Европу, были полезны Россіи и вообще міру Греко-Славянскому.

го вѣрныхъ мыслей и замѣчаній объ этомъ предметѣ въ сочиненіяхъ Шафарика, Палацкаго, Колара (въ его автобіографическихъ запискахъ, въ Славы Дцерѣ и въ нѣкоторыхъ примѣчаніяхъ къ ней), въ посмертномъ сочиненіи Штура (Славянство и міръ будущаго), въ чтеніяхъ Мицкевича, въ сочиненіяхъ гр. Гуровскаго, Трентовскаго, гр. Цѣшковскаго, Либельта.

Дѣленіе христіанско - Арійскаго міра на восточный и западный. Греко-Славянскій и Романо-Германскій, основано на строгомъ различеніи ихъ внутреннихъ, существенныхъ признаковъ, географическихъ, этнографическихъ, религіозныхъ, общественныхъ, вообще, культурныхъ особенностей. Это дѣленіе имѣетъ величайшую научную важность, и дѣленіе Шлецера или другихъ на югъ и сѣверъ (безъ натяжекъ Шлецера, т. е. безъ причисленія южныхъ Славянъ къ сѣверу, и сѣверныхъ Германцевъ къ югу) не выдерживаетъ сравненія.

недавно газета Таймсъ — не заставитъ себя долго ждать, а одинъ Британскій министръ (лордъ Станлей) недавно выразилъ убѣжденіе, что менѣе, чѣмъ черезъ сто лѣтъ Россія и сѣверная Америка будутъ самыми могущественными державами въ мірѣ. Что въ политикѣ признается дѣломъ близко предстоящимъ, то уже въ извѣстной степени дѣйствительно существуетъ, ибо точно опознанное будущее помогаетъ опредѣленію силъ настоящаго, и Англійскій государственный человѣкъ, выражая свое убѣжденіе въ будущности Россіи и Америки, дѣлаетъ указаніе настоящей политикѣ и объясняетъ необходимость тѣснаго союза западныхъ Европейскихъ державъ (§ 12). Между обѣими политическими крайностями (самодержавіемъ и республикою) существуетъ симпатія, которая заключается въ нѣкоторыхъ общихъ характеристическихъ признакахъ, въ нѣкоторомъ сходствѣ положенія, въ общихъ интересахъ и направленіяхъ силы. Одинаковая юность — хотя и не въ равной степени, сходное естественное положеніе въ громадной, по большей части еще дикой странѣ, занятой сходнымъ процессомъ постепенныхъ открытій, колонизаціи и покореніемъ грубыхъ племенъ, — такое же сосѣдство слабѣйшихъ и распадающихся государствъ, такое же соперничество съ Европейскимъ Западомъ, образовали въ обѣихъ націяхъ сходный реалистическій смыслъ, одинаково безпокойную страсть къ переселеніямъ, одинаковую наклонность къ политическому распространенію, туже историческую положительность, тоже сознаніе на силѣ основаннаго права господства надъ другими и общей великой и блестящей будущности». (с. 57—58). «*Внѣшне* понимаемое «несомнѣнное призваніе» Англо-Американцевъ и великое будущее Славянъ обозначаютъ дальнѣйшее распространеніе и господство надъ истощенными націями, и образованіе съ одной и съ другой стороны новой культурно-исторической міровой державы. Для Россіи также, какъ и для Соединенныхъ Штатовъ сознаніе силы возвышается близкимъ зрѣлищемъ слабости и упадка». (с. 60—61).

Нельзя конечно отрицать нѣкоторыхъ болѣе или менѣе значительныхъ различій между сѣверомъ и югомъ Европы и между ихъ частными исторіями, но онѣ все таки далеко не такъ всеобщи и глубоки, чтобы можно было безъ особенныхъ натяжекъ и преувеченій раскалывать Европейскій міръ на южную и сѣверную половину. Правда даже относительно запада въ общежитіи и въ печати нерѣдко употребляются выраженія: протестантскій, Германскій сѣверъ, католическій, Романскій югъ. Но наука не можетъ допускать такихъ выраженій, по явной ихъ неточности. Католическая, не Германская Ирландія принадлежитъ къ сѣверной Европѣ, равно какъ и сѣверная Франція,—страна Романская и католическая, а страны Германскія и католическія, Баварія и Тироль, во всякомъ случаѣ скорѣе принадлежатъ къ южной, чѣмъ къ сѣверной Европѣ.

Нельзя также отвергать, что въ исторіи Европы, именно Романо-Германскаго міра, съ древнѣйшихъ поръ (III—IV в. по Р. Х.) до новѣйшаго времени довольно ясно различается сѣверо-южное и юго-сѣверное направленіе народныхъ движеній и столкновеній. Къ этому порядку относятся переселенія и завоеванія Германцевъ въ Италіи, Испаніи, Африкѣ, походы и набѣги Норманновъ на Германію, Францію, Испанію и Южную Италію, знаменитые Итальянскіе походы императоровъ съ Карла В. или даже Оттона I вплоть до императоровъ Максимильяна I (1493—1519) и Карла V (1519—1556), войны имперіи съ Франціею въ Италіи за Испанское наслѣдство; господство Австрійскихъ Габсбурговъ въ верхней Италіи, (съ Раштатскаго мира въ 1714 г.), ихъ борьба и войны съ Пьемонтомъ и потомъ королевствомъ Итальянскимъ до Кустоццы и Виса (Lissa). Сюда же принадлежатъ и войны и усилія Французовъ утвердиться въ Италіи (Неаполѣ, Миланѣ, Генуѣ) при Карлѣ Анжуйскомъ, его преемникахъ, при Ренатѣ Лотарингскомъ, Карлѣ VIII и его преемникахъ до императоровъ Наполеона I и III; войны Франціи въ Испаніи и съ Испаніею, въ средніе вѣка и особенно съ Фердинанда Католика и Людовика XII, Карла V и Франциска I и ихъ наслѣдниковъ до Наполеоновъ I и III; завоеваніе Норманнами Англіи и длинный рядъ войнъ Англіи съ Франціею и Испаніею. Этотъ сѣверо-южный и юго-сѣверный потокъ историческихъ явленій такъ важенъ и многозначителенъ въ исторіи Романо-Германской Европы, что въ теченіе слишкомъ тысячи лѣтъ въ главнѣйшихъ странахъ запада не было ни одного поколѣнія, которое бы прямо или косвенно не участвовало въ отмѣченныхъ событіяхъ. Тѣмъ не менѣе вмѣстѣ съ этимъ вертикальнымъ потокомъ проходитъ въ Романо-Германской исторіи

и другой потокъ горизонтальный, хотя быть можетъ онъ и не имѣетъ такой первостепенной важности. Разумѣю западно-восточное и восточно-западное направленіе народныхъ движеній и столкновеній въ границахъ Романо-Германскаго міра. Къ этому порядку историческихъ явленій принадлежатъ походы Англо-Саксовъ, Ютовъ, Скандинавовъ на Англію, и ихъ завоеванія въ ней, взаимныя сношенія, соперничество и борьба Англичанъ, Голландцевъ и Датчанъ съ Нѣмецкими Ганзеатическими городами (Любекомъ, Бременомъ), завоеваніе Франками Галліи, войны Карла В. съ Саксами, борьба и войны Франціи съ Германіею въ средніе вѣка и въ послѣднія четыре столѣтія, войны и владычество Испанцевъ въ Италіи, войны Англіи съ Нидерландами. Какъ бы ни преувеличивали важности и значенія сѣверо-южнаго и юго-сѣвернаго направленія народныхъ движеній и столкновеній въ исторіи Романо-Германской, все-таки внѣшняя борьба, и внутренній антагонизмъ и соперничество, въ нихъ раскрывающіяся, ни по содержанію, ни въ способахъ выраженія, ни тѣмъ болѣе въ своихъ послѣдствіяхъ, далеко не имѣютъ того громаднаго историческаго смысла и значенія, которыя скрываются въ исторіи взаимныхъ отношеній востока и запада христіанско-Арійскаго человѣчества, въ другомъ болѣе обширномъ горизонтальномъ потокѣ историческихъ явленій, въ томъ западно-восточномъ и восточно-западномъ направленіи народныхъ движеній и столкновеній, въ которомъ выражается и совершается въ продолженіи слишкомъ тысячи лѣтъ борьба, антагонизмъ и соперничество двухъ міровъ Греко-Славянскаго и Романо-Германскаго. Тамъ борьба и антагонизмъ происходятъ отъ неравномѣрнаго и не единовременнаго распространенія извѣстныхъ господствующихъ стихій и идей, въ сущности общихъ и однородныхъ (Романцы и Германцы, папы и императоры, города и рыцари, Францискане и Доминиканцы, и разные духовные ордена, католики и протестанты, конституціоналисты и республиканцы). Здѣсь они коренятся на взаимной племенной враждѣ и при глубокихъ внутреннихъ антипатіяхъ Грековъ и Латинянъ, Славянъ и Нѣмцевъ, исходятъ изъ самаго существеннаго и кореннаго разногласія идеаловъ религіозныхъ, общественныхъ и политическихъ.

Какъ маловажны и незначительны, какъ можно сказать частны и мѣстны современные политическіе вопросы въ западной Европѣ сравнительно съ вопросомъ восточнымъ? Какъ въ сущности безцвѣтны и блѣдны вопросы Римскій, Испанскій, Рейнскій, Бельгійскій, Шлезвигъ-Голштинскій, Майнскій передъ вопросомъ о западныхъ окраинахъ Греко-Славянскаго міра! Эти домашніе, частные

вопросы западной Европы, безспорно очень важные для Итальянцевъ, Французовъ, Испанцевъ и Нѣмцевъ, строго говоря, мало касаются Англіи, еще менѣе Россіи и Америки, могутъ имѣть только самое отдаленное вліяніе на судьбы другихъ частей свѣта и на дальнѣйшій ходъ христіанской образованности. Значеніе этихъ вопросовъ ростетъ и умаляется, по мѣрѣ ихъ близости и по соотношенію съ вопросомъ восточнымъ, съ вопросомъ о православіи и Латинствѣ (Римъ), о союзѣ Россіи съ Пруссіею или Франціею (Рейнъ, Бельгія, Майнъ), съ вопросомъ о томъ, что станется, въ случаѣ распаденія Австріи и Турціи, съ Чехіею, Моравіею и Австрійскою Силезіею, южною Стиріею и Хорутаніею, Истріею, Далмаціею, Албаніею, Босніею, Герцоговиною, Старою Сербіею, Болгаріею, Ѳракіею, Македоніею и Цареградомъ? Какъ въ настоящее время такъ называемый вопросъ восточный преобладаетъ и господствуетъ надъ всѣми другими чисто западными вопросами, точно также и въ продолженіе всей средней и новой исторіи христіанско-Арійскаго человѣчества взаимныя отношенія Греко-Славянской и Романо-Германской ихъ половинъ, запечатлѣны гораздо болѣе всемірноисторическимъ характеромъ, чѣмъ всѣ народныя движенія и столкновенія, совершавшіяся какъ въ предѣлахъ Романо-Германскаго, такъ и въ предѣлахъ Греко-Славянскаго міра, и въ горизонтальномъ, и въ вертикальномъ направленіи.

Къ этому отдѣлу всемірно-историческихъ событій относятся: освобожденіе Славянъ въ нынѣшней Россіи отъ Готовъ съ помощью Гунновъ (375 г.) и Аттилы (+455), отбросившаго Германскія племена съ востока на западъ, очистившаго Европейскій востокъ отъ Нѣмцевъ, опрокинувшаго ихъ на южныя и западныя области западной Римской имперіи, а Славянъ на восточныя земли Германіи и западной Римской имперіи и на всѣ Европейскія земли имперіи восточной; въ V, VI, VII в. по Р. Х. совершается далекое распространеніе нѣсколькихъ Славянскихъ племенъ изъ нынѣшней Россіи на югъ и западъ. Въ VII в. при Самѣ (636—662 г.) является первая попытка Славянства къ образованію государственнаго союза, для отпора иноплеменникамъ, для борьбы съ Аварами и Нѣмцами, съ Франками Дагоберта. Въ то же и въ ближайшее за нимъ время весь почти Балканскій полуостровъ переходитъ въ руки Славянъ. Пелопонисъ не славянится, какъ преувеличенно замѣчалъ Константинъ Порфиродный и какъ, противно истинѣ, утверждалъ недавно Фальмерайеръ, но тѣмъ не менѣе принялъ въ себя нѣсколько Славянскихъ стихій, которыя проникли (въ VII, VIII в.) и въ М. Азію,

гдѣ Славяне завязали свое, важное впослѣдствіи, знакомство съ Арабами и цѣлыми военными отрядами поступая къ нимъ въ службу, появляются съ ними постепенно въ Сиріи, Африкѣ, Сициліи, Испаніи. Между тѣмъ глубокій, внутренній, не исчезающій съ принятіемъ христіанства, антагонизмъ Эллинской и Римской образованности, и двухъ этихъ историческихъ народностей, приводитъ наконецъ, не безъ сильнаго участія и вліянія Германцевъ и Славянъ, занявшихъ западныя и восточныя Римскія провинціи, уже болѣе или менѣе впитавшихъ въ себя, хотя и не въ равной степени идеи и основы христіанской и классической образованности изъ двухъ источниковъ Византіи и Рима, приводитъ наконецъ къ совершенному разрыву восточной и западной половины христіанскаго человѣчества (IX—XI в.). Къ началу этого періода уже совершилось на западѣ возстановленіе Римской имперіи въ монархіи Карла Великаго. Это возстановленіе или возобновленіе имперіи обозначаетъ для запада и Германцевъ ту мысль, что Богъ въ наказаніе Грековъ за ихъ нечестіе похитилъ у нихъ imperium orbis—владычество міра и перенесъ его къ Германцамъ въ награду за ихъ мужество и благочестіе.

Romani gloria regni
Nos penes est.

Такъ хвалятся позднѣйшіе Итальянцы, Нѣмцы, Испанцы, Французы и Англичане, въ теченіе вѣковъ враждующіе между собою и перебивающіе другъ у друга эту славу. Задавшись этою фикціею Римской имперіи, сильнѣйшій изъ противниковъ въ данное время стремится къ такъ называемой всемірной и универсальной монархіи, а слабѣйшіе въ это время противники, сами нѣкогда къ тому-же стремившіеся, заключаютъ оборонительные союзы для поддержанія такъ называемаго политическаго равновѣсія. Еще эта фикція не истребилась въ умахъ народовъ Европы (Наполеонъ I, въ новѣйшее время Англія), какъ въ виду образованія и возрастанія двухъ громадныхъ державъ, великой Греко-Славянской имперіи на востокѣ и Англо-Саксонской республики на западѣ, возникаетъ и развивается въ Европѣ новое ученіе объ образованіи Европейской федераціи, постояннаго Европейскаго союза для борьбы и противувѣса Россіи и Америкѣ. Но съ вопросомъ, кто будетъ въ головѣ этого союза,—иначе гдѣ его прочность и единство дѣйствій?—это новое по видимому ученіе оказывается очень старымъ. Европѣ съ Америкой спорить ново, такъ какъ послѣдняя сама очень новаго образованія, но не ново спорить Европѣ съ Россіею и со всѣмъ

Греко-Славянскимъ міромъ, котораго она главнѣйшій уже болѣе 2 вѣковъ, а нынѣ и единственный самобытный представитель. Еще Карлъ В. началъ войны со Славянами западными для покоренія ихъ имперіи, слѣдовательно Нѣмцамъ, и для обращенія ихъ въ христіанство, становившееся уже исключительно Латинствомъ. Современно съ борьбою Константинопольскаго и Римскаго патріарховъ (Фотій и Николай) совершаются: основаніе Русскаго государства, изобрѣтеніе Славянской азбуки и начало Славянской письменности, обращеніе въ христіанство Болгарскаго народа, проповѣдь Кирилла и Меѳодія въ Моравіи и Панноніи, въ Чехіи, борьба Моравскихъ князей Ростислава и Святополка съ Германіею, борьба Нѣмецкаго духовенства съ арх. Меѳодіемъ и изгнаніе послѣ его кончины его учениковъ изъ Моравіи. Въ X—XI в. происходитъ утвержденіе Угровъ или Мадъяръ въ Тисско-Дунайской равнинѣ и образованіе на развалинахъ Моравской державы Святополка, Угорско-Славянской державы Арпадовичей, которая надолго, правда, вбила инородческій клинъ въ Славянское тѣло, тѣмъ не менѣе создала сильный оплотъ Славянамъ противъ Германіи. Чехія при Болеславахъ I и II, и Польша при Болеславѣ Храбромъ съ успѣхомъ выдерживаетъ борьбу съ Германскими императорами Саксонской династіи, которые съ усиленною энергіею продолжаютъ начатое Карломъ В. завоеваніе Славянъ Полабскихъ и ихъ насильственное обращеніе въ христіанство. Чехія и еще болѣе Польша, утрачивающія въ то время преданія православныя и основы церкви Славянской, нерѣдко помогаютъ своимъ единовѣрцамъ Нѣмцамъ противъ иновѣрныхъ соплеменниковъ Полабскихъ и тѣмъ значительно облегчаютъ германизацію. западныхъ Славянскихъ земель. Въ это же время окончательно совершается отдѣленіе Римскаго патріархата отъ единства Вселенской церкви и создается та теорія папской власти, которая долго будетъ исключительно руководить политикою Романо-Германскаго міра въ отношеніи къ міру Греко-Славянскому. Уже Григорій VII заключаетъ союзъ съ Норманнами, отымающими у Византійской имперіи Сицилію и Калабрію. Этотъ же папа благословляетъ уже Роберта Гвискара на разрушеніе и завоеваніе Греческаго, схизматическаго царства. Крестовые походы, вскорѣ за тѣмъ начавшіеся, имѣютъ для запада цѣлью, вмѣстѣ съ отнятіемъ у Турокъ Гроба Господня, подчиненіе восточныхъ христіанскихъ общинъ Римскому престолу и разрушеніе Византійской имперіи. Въ это же время (съ к. XI по к. XII в.) Итальянскія торговыя республики Пиза, Генуя, Венеція, пользуясь побѣдами крестоносцевъ, уже угрожающихъ имперіи,

которую Латины пришли спасать отъ невѣрныхъ, вымогаютъ себѣ у восточныхъ императоровъ самыя выгодныя привиллегіи и постепенно завладѣваютъ торговлею въ Константинополѣ, Солунѣ, островахъ Іонійскаго и Эгейскаго Архипелага, морскихъ городахъ М. Азіи, вездѣ тамъ заводятъ свои конторы и колоніи. Между тѣмъ въ нач. XII в. Венеція лишается Далмаціи, которая вновь соединяется съ Хорватіею, а черезъ нея и съ Угріею. Она тщетно потомъ пытается снова ею завладѣть во время войны съ императоромъ Мануиломъ Комниномъ. Пользуясь политическою слабостью Чехіи и Польши, еще болѣе господствомъ въ нихъ Латинской церкви, Германія съ помощью Даніи успѣваетъ наконецъ сломить Славянъ Полабскихъ. Соревнуя Франціи, она снаряжаетъ свой крестовый походъ (1147), по благословенію св. Бернарда Клервалійскаго, для совершеннаго истребленія или по крайней мѣрѣ обращенія Славянъ язычниковъ въ христіанство ad delendas penitus aut certe convertendas nationes illas. Папа и аббатъ въ своихъ посланіяхъ объявляютъ Нѣмецкимъ крестоносцамъ, что ихъ подвигъ также великъ и святъ, какъ и крестоносцевъ, идущихъ на Іерусалимъ. Тѣ и другіе получаютъ одинаковое отпущеніе грѣховъ. Во 2 половинѣ XII в. происходитъ наконецъ окончательное завоеваніе Мекленбурга, Бранденбурга и Помераніи и постепенно ростетъ германизація Саксоніи и Силезіи, все сильнѣе втираясь въ Польшу и Чехію. Въ 1150 г. августинскій монахъ Мейнардъ, пріѣхавшій съ Бременскими купцами, начинаетъ свою проповѣдническую дѣятельность на берегахъ Двины у Ливовъ и тѣмъ подготовляетъ завоеваніе Нѣмцами Ливоніи. Общая слабость и раздробленность Греко-Славянскаго міра, отъ частыхъ сношеній, становится близко извѣстною Романо-Германцамъ. Въ лицѣ Итальянцевъ успѣвшіе уже перенять и заимствовать много разнообразныхъ знаній отъ несравненно болѣе образованныхъ Грековъ, руководимые нѣсколькими великими своими историческими дѣятелями (Иннокентій III, Генрихъ Дандоло, Фридрихъ II, Рудольфъ Габсбургскій) Романо-Германцы въ XIII в пріобрѣтаютъ самые блистательные успѣхи надъ міромъ Греко-Славянскимъ, разрушаютъ наконецъ имперію Византійскую, основываютъ Латинскую имперію на Босфорѣ, различныя Франко-Итальянскія владѣнія въ Мореѣ, Греческихъ островахъ и приморьѣ, насильственно подчиняютъ Риму православныя епархіи и жестоко преслѣдуютъ православіе. Независимая Греція существуетъ только въ М. Азіи и въ Никею переносится престолъ императорскій; Далмація покоряется Венеціи. Чешскій король Оттокаръ II (1253—1278 г.), монархія

котораго простиралась отъ Исполиновыхъ горъ до Адріатическаго моря. до Порденоне и включала сверхъ Чехіи, Моравіи, части Силезіи, нижнюю Австрію, Стирію, Крайну, Хорутанію, часть Фріуля и Истрію, этотъ великій, *желѣзный* король, не свободный впрочемъ отъ многихъ ошибокъ въ Славянской политикѣ, падаетъ въ роковой борьбѣ съ Рудольфомъ Габсбургомъ. Послѣ этого Чехія на нѣсколько лѣтъ ввержена въ безсиліе безнарядья, во время котораго хозяйничали и усиливались въ ней Нѣмцы. Въ Польшѣ одинъ изъ князей ея Конрадъ Мазовецкій, не видя себѣ никакой помощи противъ язычниковъ Пруссовъ, вызываетъ Нѣмецкихъ крестоносцевъ и отводитъ имъ земли (Kulmerland) (1225—26). Заискивая въ Римѣ противъ императора, Оттокаръ II предпринимаетъ походы противъ Пруссовъ въ помощь Нѣмецкому ордену (1254—5, 1264, 1267—8) и основываетъ для него городъ Кенигсбергъ (1255), знаменитую въ послѣдствіи Прусскую крѣпость, обращенную противъ Россіи. Пользуясь слабостью Руси и побѣдами Татаръ, Датчане и Нѣмецкіе крестоносцы утверждаютъ господство Латинской церкви на Ливонскомъ Балтійскомъ поморьѣ, завоевываютъ Русскій городъ Юрьевъ, отымаютъ множество подданныхъ у Полоцка, Новгорода и Пскова (1200—38). Впрочемъ этому натиску запада Греко-Славянскій востокъ даетъ, гдѣ можетъ, и часто энергическій, отпоръ. Болгарскій царь Калоянъ въ союзѣ съ Греками наноситъ жестокій ударъ новообразовавшейся Латинской имперіи (15 апр. 1205). Греки, не вынося владычества Латинянъ, успѣваютъ наконецъ, пользуясь ихъ раздорами, съ возстановителемъ Византійской имперіи, Михаиломъ Палеологомъ (+1282) положить конецъ господству Латинянъ на Босфорѣ (1261), но Грекамъ въ Мореѣ и на островахъ только покорностью Туркамъ удалось освободиться отъ Латинянъ (въ 15, 16, 17 в.). Въ борьбѣ съ Карломъ Анжуйскимъ, государемъ Неаполя и Сициліи, замышляющимъ завоеваніе Византійской имперіи, Михаилъ Палеологъ помогаетъ недовольнымъ Французскимъ владычествомъ Итальянцамъ и подготовляетъ знаменитый заговоръ, разразившійся Сицилійскою вечернею (1282). На сѣверѣ мужественный князь Польскій Святополкъ Поморскій (1240—53) энергически борется съ Нѣмецкими крестоносцами, а Русскіе князья Александръ Невскій (1240, 1242), Довмонтъ (1268, 69 г.) успѣваютъ своими побѣдами, слабыми предвѣстницами Таненберга и Полтавы, задержать дальнѣйшій напоръ и успѣхи Шведовъ, Датчанъ и Нѣмецкихъ *Божьихъ дворянъ*, славныхъ предковъ нашихъ Остзейскихъ бароновъ. Въ XIV в. въ лицѣ Неманичей, особенно Стефана Душана (1336—1355), Угорскаго короля

Лудовика Великаго (1342—1382), Чешскаго короля Карла I, (1346—78), Польскихъ Владислава Локотка (1305—1333) и особенно Казимира Великаго (1335—70), Литовско-Русскихъ князей Гедимина (1315—40) Олгерда, (1340—78), Ягайла, Московскихъ Ивана Калиты (1328—40), Симеона Гордаго (1340—83) и Дмитрія Донскаго (1363—89) Греко-Славянскій міръ имѣлъ нѣсколько высоко-даровитыхъ и сильныхъ государей, и западу, ослабленному Авиньонскимъ плѣненіемъ папъ (1305—1378), упадкомъ Германской имперіи, войнами Англіи и Франціи (1346—1453), Генуи и Венеціи (1292—99; 1350—55; 1377—81) было не до предпринятія наступательныхъ движеній на Греко-Славянскій міръ. Впрочемъ Генуэзцы и Венеціане вмѣстѣ овладѣваютъ Смирною (1344) и удерживаютъ ее во власти запада до 50 лѣтъ. За то Критъ нѣсколько разъ, но безуспѣшно, подымается противъ Венеціанцевъ. Новгородцы даютъ славный отпоръ королю Магнусу (1348); безпутный же Чешскій король Іоаннъ Люксамбургскій продолжаетъ ошибки Конрада Мазовецкаго, Оттокара II и совершаетъ походы на Пруссовъ въ помощь Нѣмецкому ордену, да выхлопатываетъ ему у Польши новыя владѣнія. Зато Лудовикъ В. въ союзѣ съ Генуеею наноситъ жестокіе удары Венеціи, отымаетъ у нея Дубровникъ и всю Далмацію и наконецъ заключаетъ, тяжкій для республики, извѣстный Туринскій миръ 1381 г. Сверхъ того онъ предпринимаетъ два удачные похода (1347 и 1350 г.). въ Неаполитанское королевство, гдѣ еще съ XII в., если не раньше, находились большія Славянскія поселенія. Въ XV в. Греко-Славянскій міръ успѣваетъ одержать нѣсколько блистательныхъ успѣховъ надъ Романо-Германцами, и нерѣдко переходитъ въ наступленіе. Незабвенная битва при Таненбергѣ или Грюнвальдѣ (1410 г.) наноситъ жесточайшій ударъ Прусскому ордену и навсегда отрѣзываетъ Ливонію отъ Германіи. Констанцскій, Базельскій и Флорентинскій соборы всего лучше доказываютъ, какъ давно уже западъ озабоченъ восточнымъ вопросомъ, который и тогда въ формѣ Гусситскаго Чешскаго, и схизматическаго Греческаго вопроса превышалъ своимъ значеніемъ всѣ современные западные вопросы. Всемірно-историческимъ характеромъ отмѣчены слѣдующія событія XV в.: проповѣдь Гуса и Іеронима, удаленіе Нѣмцевъ изъ Праги, сожженіе въ Констанцѣ великихъ Славянскихъ дѣятелей, какъ еретиковъ, противниковъ Рима, и какъ народныхъ агитаторовъ, противниковъ Германизма, народное движеніе Чеховъ, и незабвенные подвиги Гуситовъ въ войнахъ со всею почти Римско-Нѣмецкою Европою (1419—1431), борьба короля Чешскаго Юрія Подѣбрада (1458—71) съ Римомъ и императоромъ, эми-

рація многихъ Грековъ въ Италію и Францію и распространеніе подъ ихъ вліяніемъ гуманизма въ Европѣ, взятіе Цареграда Турками, которымъ покорялись Греки и большинство православныхъ Славянъ въ сознаніи собственнаго безсилія бороться съ воинственною ордою и изъ вѣрнаго, событіями оправданнаго, убѣжденія, что изъ двухъ золъ господство чалмы предпочтительнѣе господства тіары, что Турки для ихъ вѣры и народности будутъ лучше, честнѣе и во всякомъ случаѣ безвреднѣе Европейцевъ. Въ это же время подымается на сѣверѣ третій Римъ, втихомолку собирающій Русскія земли, вдали отъ запада, занятаго междоусобіемъ Англіи и Франціи, борьбою Испанцевъ съ Маврами, еретическими и крестьянскими смутами, поднявшимися тутъ и тамъ подъ вліяніемъ Гуситовъ, страхомъ грозныхъ и побѣдоносныхъ Турокъ. Называемые угнетенными Греками и накликаемые другъ на друга взаимно-враждующими Европейскими державами, Турки ударъ за ударомъ уничтожаютъ плоды и послѣдствія крестовыхъ походовъ, постепенно стягивая подъ власть Стамбула всѣ Греко-Славянскія православныя земли, прежнія области Восточной имперіи. Пожиная плоды Таненбергской битвы, по взятіи Маріенбурга (1457), Польша Торунскимъ миромъ (1466) пріобрѣтаетъ у Нѣмецкаго ордена западную Пруссію и оставляетъ за нимъ Пруссію восточную, какъ ленное владѣніе Польской короны. Мужъ Софіи Палеологъ, великій собиратель земли Русской, къ которому, тѣснимая Магометомъ II, обращается за помощью владычица Адріатики, а нѣкогда и самаго Цареграда, какъ къ единственному, законному преемнику и наслѣднику Палеологовъ, Иванъ III наноситъ жестокій ударъ Нѣмецкой Ганзѣ запечатаніемъ въ Новгородѣ двора Св. Петра и конфискаціею товаровъ Ганзейскихъ купцовъ на сумму въ 960,000 марокъ (1494 г.) въ войнѣ съ орденомъ, несмотря на мужество Плетенбера, битвами Смолинскою и Гелмедскою доказываетъ, что Орденъ не въ силахъ бороться съ Москвою, даже въ союзѣ съ Польшею и Литвою.

Въ XVI—XVII в., когда Романо-Германскій міръ проявилъ такое неистощимое богатство духовныхъ силъ, произведя множество великихъ умовъ и геніальныхъ дѣятелей: Лютера, Декарта, А. Дюрера, Кеплера, Лейбница, Рембрандта, Рафаэля, М. Анджело, Л. да-Винчи, Таціана, Галилея, Сервантеса, Шекспира, Бакона, Ньютона, въ это новое время Греко-Славянскій міръ, по видимому совершенно стирается, не принимаетъ ни малѣйшаго участія въ успѣхахъ новой образованности. Вмѣстѣ съ тѣмъ кажется прекращается стародавній антагонизмъ и борьба двухъ половинъ хри-

стіанско-Арійскаго человѣчества: историческое колесо уже не обращается между востокомъ и западомъ. Такъ оно дѣйствительно представляется въ большей части курсовъ новой исторіи, занятыхъ исключительно передачею однихъ западныхъ Европейскихъ событій. Но не совсѣмъ такъ оно было въ дѣйствительности. Въ XVI—XVIII в. Чехія. Польша, Далмація вносятъ не ничтожные вклады въ новую образованность, представивши по художеству, естествознанію, новой протестантской, богословской и исторической наукѣ нѣсколькихъ замѣчательныхъ дѣятелей: геніальнаго миніатора Кловіо, Вячеслава Голара, прозваннаго отцомъ Англійской граверной школы,—Коперника, Залужанскаго, Бальвин, Гетальдича, Градича, Бошковича, Матвѣя Флакка Иллирика, Андрея Дудича, Благослава, Павла Скалу, Амоса Коменскаго, многихъ другихъ протестантскихъ дѣятелей Чехіи и Польши, имѣвшихъ большее вліяніе не только дома, но и въ Германіи, Голландіи и Англіи,—Іордана, Беля, Бандури, Добнера, Антона, Добровскаго и др., не мало способствовавшихъ успѣхамъ новѣйшей филологіи и исторіи. Въ XVIII в. начинаетъ и Россія свою научную дѣятельность, и призывомъ знаменитыхъ иностранцевъ, снаряженіемъ обширныхъ экспедицій и трудами Русскихъ ученыхъ успѣла уже обогатить всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія. Заслуги нѣкоторыхъ Русскихъ и вообще Славянскихъ ученыхъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія въ области наукъ математическихъ, естествознанія, землевѣдѣнія, филологіи и исторіи уже признаны въ ученомъ мірѣ.

Строго-научный, критическій анализъ приводитъ къ тому несомнѣнному выводу, что такъ называемая ново-Европейская образованность, разсматриваемая чисто-этнографически, не есть исключительно продуктъ и созданіе Романо-Германскаго духа, и для нашего Греко-Славянскаго міра нѣчто совершенно чуждое, постороннее и внѣшнее. Напротивъ добросовѣстное и правдивое изученіе дѣла доказываетъ, что и въ средніе вѣка и въ новое время этотъ міръ всегда принималъ посильное участіе въ успѣхахъ этой образованности. Такимъ образомъ и новая исторія, какъ и средняя, не есть исключительно Романо-Германская. Далѣе отъ внимательнаго взгляда не скрыто, что тотъ же антагонизмъ, то же взаимодѣйствіе этихъ двухъ міровъ продолжается и въ новой исторіи съ неменьшею силою. Въ исторіи XVI—XVII в. обыкновенно отмѣчаютъ слѣдующія событія, какъ явленія всемірно-исторической важности: открытіе Америки, реформацію, тридцатилѣтнюю войну, возвышеніе Испаніи, борьбу съ нею Франціи, Англіи, Нидерлан-

довъ. Эти событія всѣ имѣли болѣе или менѣе могущественное вліяніе на тысячелѣтнія взаимныя отношенія Греко-Славянскаго и Романо-Германскаго міра, и сами въ свою очередь болѣе или менѣе отъ нихъ зависѣли и ими опредѣлялись. Открытіе Америки ослабляетъ натискъ и напоръ Романо-Германцевъ на міръ Греко-Славянскій, отвлекая большой запасъ ихъ наступательныхъ силъ отъ востока на далекій западъ, который не имѣетъ уже никакихъ причинъ и поводовъ къ враждебнымъ столкновеніямъ съ нашимъ міромъ и можетъ еще, со временемъ сдѣлаться его союзникомъ. Реформаціонное движеніе Лютера, Кальвина, Цвинглія раскалываетъ Романо-Германскій міръ на глубоко враждебныя и непримиримыя части, постепенно дробя и сокрушая ту искуственную, но крѣпкую организацію, которая въ Папскомъ Римѣ объединила и сплотила на нѣсколько вѣковъ все племенное и мѣстное разнообразіе Европы, руководя ея наступательными движеніями на Греко-Славянскій востокъ. Его главный, злѣйшій врагъ, Римская курія унижается, топчется, позорится въ тѣхъ самыхъ странахъ и у тѣхъ народовъ, которые пролили столько потоковъ Греко-Славянской крови, за непослушаніе и неблагоговѣніе къ папамъ и Риму, такъ ненавидѣли и презирали Грековъ и Славянъ-*схизматиковъ* за ихъ нежеланіе добровольно признать истиною то ученіе, которое они сами теперь признали ложью. Реформація нанесла сильный ударъ завоевательному движенію запада на востокъ, особенно Германизаціи. Нельзя искренно и успѣшно продолжать дѣло, въ принципѣ осужденное. Изгнавши Латинскій языкъ изъ богослуженія и признавъ народный языкомъ кирки, Лютеранство волею-неволей признало законность литературной заработки языковъ и нарѣчій своихъ рабовъ и крѣпостныхъ, Славянъ, Литовцевъ, Латышей, Эстовъ и такимъ образомъ вручило оружіе противъ Германизма тѣмъ побѣжденнымъ народамъ, у которыхъ онъ систематически истреблялъ національность и родной языкъ. Картина внутренняго разложенія западнаго церковнаго общества, его взаимныя распри и препирательства незамѣтно убиваютъ въ Греко-Славянскомъ мірѣ тотъ страхъ и обаяніе, которое производитъ на противниковъ видъ крѣпкаго и грознаго единства, въ какомъ нерѣдко выступалъ средневѣковый западъ передъ нашимъ, лишеннымъ организаціи и единства, востокомъ. Возвышеніе Испаніи при Карлѣ V и Филиппѣ II было тѣмъ полезно Греко-Славянскому міру, что перенесло руководящую силу и повелѣвающую власть изъ Италіи и Германіи дальше на западъ; ибо нельзя же не сознаться, что

сила Германскаго императора Карла V была не въ Германіи, а въ Испаніи. Это значительно ослабило наступательную и ассимилирующую силу Нѣмцевъ и Итальянцевъ по отношенію къ Грекамъ и Славянамъ. Тѣснимые или обижаемые Венеціею, Греки Мореи и островов Архипелага, Албанцы, Дубровникъ, Славяне Далмаціи и Истріи, даже Черногорцы и Ускоки, равно какъ и Польша противъ Швеціи нерѣдко ищутъ и находятъ помощь въ Испаніи, которая часто, противно интересамъ запада, оказываетъ имъ эту помощь и тѣмъ охотнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ сильнѣе встрѣчаетъ себѣ сопротивленіе въ Итальянцахъ (Венеціанцахъ) и Нѣмцахъ. Въ своихъ козняхъ и безпокойныхъ замыслахъ противъ Венеціи вице-король Неаполитанскій Оссуна находитъ въ Дубровчанахъ, Далматинцахъ, Албанцахъ и Ускокахъ самыхъ вѣрныхъ союзниковъ, помощниковъ и исполнителей и самъ въ свою очередь увлекается и вдохновляется ихъ планами и предложеніями. Тридцатилѣтняя война, въ которую Чехія прожила такія страшныя и печальныя годины, имѣло однако и свою полезную сторону для міра Греко-Славянскаго: его старый, исконный врагъ, Германія, страшно изнуренная и истощенная продолжительною войною, между прочимъ и Славянскими отрядами Тилли и Валенштейна, послѣ Вестфальскаго мира, лишившаго ее Нидерландовъ, Альзаса, Лотарингіи и проч., на цѣлое почти столѣтіе приведена была въ совершенное политическое ничтожество и надолго потеряла способность много вредить Славянству; а тѣмъ временемъ выросла и окрѣпла Россія, на опасности отъ которой для Германіи такъ краснорѣчиво указывалъ еще Лейбницъ. Борьба Франціи, Англіи, Нидерландовъ, Швеціи съ Испаніею и монархіею Габсбурговъ была также чрезвычайно благодѣтельна для отношеній Греко-Славянскаго міра къ Романо-Германскому. Послы Густава Адольфа, занятаго борьбою съ Габсбургами и Польшею, заискивая въ Россіи, говорили въ Москвѣ рѣчи, въ которыхъ было больше смысла, чѣмъ они сами могли предполагать и тѣмъ болѣе желать. Шведскіе послы называли Швецію стѣною Московскаго государства, передовымъ полкомъ, бьющимся въ Германіи за Россію. Торжество Габсбурговъ и Испаніи въ этой борьбѣ означало торжество католицизма и іезуитовъ, которые Брестскою уніею и своими кознями въ смутное время при самозванцахъ, въ Польшѣ и Россіи успѣли одержать нѣсколько побѣдъ и нанести жестокіе удары Русской церкви и Русскому народу. Политическое возвышеніе Франціи, Нидерландовъ и Англіи, послѣдовавшее за униженіемъ и упадкомъ Италіи, Испаніи, Германіи, было тѣмъ по-

лезно для Греко-Славянскаго міра, что отнынѣ вся тяга Романо-Германскаго міра отдалилась отъ него, перейдя на крайній западъ. Отнынѣ, если Греко-Славянскій міръ терпитъ отъ преобладанія Франціи и Англіи, то часто терпитъ за одно съ Итальянцами и Нѣмцами, иногда даже меньше послѣднихъ, ибо, какъ прежде Испанія, такъ послѣ Англія и особенно Франція ищутъ на Греко-Славянскомъ востокѣ союза, поддержки и помощи для сохраненія своего преобладанія надъ Германіею, Италіею и Испаніею. Такъ Франція поддерживаетъ противъ Австріи недовольныхъ въ Угріи, помогаетъ Бетлемъ Габору, Зринію, Надажди Франкапану и Текели, обоимъ Рагоціямъ, Валенштейну въ Чехіи; неоднократно ищетъ союза съ Россіею противъ Германіи и Англіи. Преобладаніе Франціи и Англіи уже тѣмъ для насъ лучше преобладанія Испаніи, что она представляла и охраняла папизмъ и іезуитство, начала самыя враждебныя нашему міру. Хотя Франція поддерживаетъ и защищаетъ также католицизмъ на востокѣ, однако его дѣйствіе не можетъ быть такъ злокачественно, какъ католицизма Испанскаго, не потому, чтобы во Франціи вовсе не было іезуитскаго и ультрамонтанскаго духа; а потому что въ ней самой, подъ вліяніеаъ галликанизма, гугенотовъ, энциклопедистовъ, католицизмъ встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе. Сверхъ того католическое вліяніе Франціи сдерживается и ослабляется въ этомъ отношеніи вліяніемъ протестантской Англіи, въ которой притомъ всегда бывали болѣе или менѣе живы преданія православныя и сочувствіе къ Греко-Славянскому міру.

Таковъ смыслъ нѣкоторыхъ историческихъ явленій XVI—XVII в., но онѣ не исчерпываютъ всей исторіи этихъ столѣтій. Въ другихъ событіяхъ и явленіяхъ того времени еще сильнѣе проявляется старое, вѣковое взаимодѣйствіе двухъ половинъ Арійско-христіанскаго человѣчества. Частная исторія Польши, Австріи, Турціи и Россіи въ XVI и XVII в., представляетъ нѣсколько событій всемірно-исторической важности и глубокаго вліянія на частную исторію Романо-Германскихъ странъ и народовъ. Польша Сигизмунда I, Сигизмунда Августа, Генриха Валуа и Стефана Баторія, и по своему пространству, и военнымъ силамъ, и по своей образованности, занимала въ тогдашней системѣ Европейскихъ государствъ весьма видное мѣсто. Германское завоеваніе на Балтійскомъ поморьѣ, Ливонія, будучи не въ силахъ сопротивляться силамъ Ивана Васильевича Грознаго, отдается Польшѣ (1561 г.). Въ 1526 г., по смерти Угорскаго и Чешскаго короля Людовика при Мохачѣ, Чехія, Угрія, Хорватія избираютъ на свои престолы Габсбурга Фердинанда I.

Этимъ полагается основаніе Австрійской монархіи, соединившей въ себѣ нѣсколько милліоновъ сѣверозападныхъ и южныхъ Славянъ, которые въ средніе вѣка при Само, Болеславахъ Чешскихъ, Оттокарѣ II, Вячеславѣ II не разъ уже представляли попытки къ подобному соединенію. Правда, въ этотъ разъ они соединялись чужероднымъ государемъ, подъ чужимъ знаменемъ. Правда, объединеніе шло изъ юговосточной Нѣмецкой марки, издавна имѣвшей своею цѣлью нѣмечить и католичить Славянъ. Правда, что въ теченіе трехъ слишкомъ вѣковъ Славянскія племена содержимы были въ самомъ черномъ тѣлѣ. Тѣмъ не менѣе судьба этихъ племенъ могла бы быть еще хуже, если бы они не соединились даже и въ такой неудачной формѣ, слабыя, малочисленныя, разъѣдаемыя разными внутренними болѣзнями, онѣ бы легко, безъ Австріи, могли бы быть поглощены Германіею, долгой слабости и разъединенію которой весьма много способствовало существованіе Австріи, какъ Германской имперіи. Строго-католическое и ретроградное направленіе Вѣнскаго правительства если часто дѣйствовало вредно на Славянскія народности, за то съ другой стороны охраняло ихъ отъ Нѣмецкой ассимиляціи. Вмѣшиваясь въ дѣла Германіи по праву ея императоровъ, эти короли Чешскіе и Угорскіе, подъ вліяніемъ своего не Нѣмецкаго окруженія, зачастую поступали противно всѣмъ интересамъ Германскимъ, и тѣмъ безсознательно оказывали большую услугу Славянству. Турція въ этомъ отношеніи имѣетъ заслугъ еще болѣе, чѣмъ Австрія. Вообще, за немногими исключеніями, мусульманство всегда отличалось гораздо большею терпимостью относительно православія, чѣмъ католичество, а большинство Азіатовъ, Гунны, Хозары, старые Мадьяры, Монголы и Турки питало къ Славянамъ гораздо меньше племенной вражды и ненависти, чѣмъ Нѣмцы. Въ Турціи Магомета II, Баязета и особенно мудраго Солимана Греки и православные Славяне нерѣдко находили такое покровительство и защиту отъ Латинянъ, которое имъ не въ силахъ были доставить послѣдніе слабые Византійскіе императоры, Сербскіе и Болгарскіе государи. Не въ одной фанатической храбрости и энергіи Турокъ, а преимущественно въ ихъ религіозной терпимости и въ ихъ пониманіи религіозной нетерпимости Латинскаго запада заключается тайна ихъ удивительныхъ успѣховъ въ войнахъ съ Австріею и Венецею. Массы простонародья въ Угріи, и въ Греко-Славянскихъ владѣніяхъ Венеціанской республики положительно видѣли въ Туркахъ XVI и XVII в. своихъ освободителей отъ гнета дворянъ и Латинской іерархіи. Даже послѣ Солимана завоеваніе Кипра (1571)

и Крита (1669) Турками было торжествомъ для массы туземнаго Греческаго православнаго населенія, которое давно составляло заговоры и тайно призывало Турокъ освободить ихъ отъ Венеціанскихъ нобилей, чиновниковъ и Латинской іерархіи. Войны Угріи, Австріи, Венеціи, Рима, Неаполя, Испаніисъ Турками въ XV—XVII в. представляютъ во многихъ отношеніяхъ продолженіе борьбы Романо-Германскаго запада съ Греко-Славянскимъ востокомъ. Цѣлью этихъ крестовыхъ походовъ и союзовъ противъ Турокъ было съ одной стороны изгнаніе Турокъ изъ Европы, а съ другой—возстановленіе Латинской имперіи на Босфорѣ и обращеніе схизматиковъ въ Латинство. Не одинъ папа лелѣялъ въ себѣ надежду, что Богъ сподобитъ еще его отслужить обѣдню въ Константинополѣ (celebrar messa in Constantinopoli), какъ говаривалъ Климентъ VIII. Карлъ VIII Французскій, Карлъ V и Филиппъ II, быть можетъ и Генрихъ IV, не разъ мечтали о взятіи Цареграда. Что этого не случилось, въ этомъ состоитъ величайшее счастье Греко - Славянскаго міра. Поэтому все дурное и тяжелое, заключавшееся въ господствѣ Турокъ, было зломъ относительнымъ и искупается тою пользою и тѣмъ благомъ, которое доставила Турція міру Греко-Славянскому, оберегая и защищая его отъ Романо - Германцевъ, пока не образовалась въ немъ такая держава, которая бы лучше ея могла исполнить это назначеніе. Еще при Солиманѣ (1520 — 1566) и Турки и христіане Турецкіе уже провидѣли такую державу Греко-Славянскую. Лучшіе знатоки современной Турціи, Венеціанскіе посланники и баилы часто замѣчаютъ, что Турки, презирающіе Франковъ, сильно побаиваются царя Московскаго, на котораго ихъ подданные глядятъ, какъ на свою надежду, единовѣрнаго царя-защитника и будущаго освободителя. Это значеніе Россіи на востокѣ усилилось особенно послѣ паденія царствъ Казанскаго и Астраханскаго, а также послѣ развитія Русскаго казачества на Черномъ морѣ. Подобно Ускокамъ въ Адріатикѣ, казаки наводили страхъ и ужасъ на Турокъ и радовали сердца христіанъ, предпочитавшихъ чалму тіарѣ, но не хотѣвшихъ мириться съ Агарянскимъ игомъ. Завоеваніе Сибири и начало Русскихъ въ ней поселеній составляетъ также всемірно-историческое событіе царствованія Ивана Васильевича Грознаго: Романо Германцы въ Новомъ Свѣтѣ, а Славянство въ Азіи полагали начатки будущихъ міровыхъ державъ передъ которыми блѣднѣютъ всѣ эти болѣе или менѣе фантастическія средневѣковыя попытки къ возобновленію Римской имперіи. Борьба Россіи съ Поляками, въ началѣ XVII в. больше дѣйство-

вавшими, какъ орудіе Рима, была не столько борьбою племенною, сколько борьбою православія съ Латинствомъ. Истощенная борьбою и смутами, Россія принуждена мириться съ Поляками и Шведами на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Только съ половины XVII в., Москва, справившись съ силами, начинаетъ свое наступленіе на западъ, пріобрѣтаетъ Малороссію, одерживаетъ нѣсколько блестящихъ успѣховъ надъ Польшею, но со Шведами, несмотря на нѣкоторыя удачи въ Ливоніи, заключаетъ невыгодный Кардисскій міръ (1661 г.).

Въ послѣднія слишкомъ полтораста лѣтъ этотъ антагонизмъ и взаимодѣйствіе двухъ половинъ христіанскаго міра выступаетъ съ осязательною ясностью и опредѣленностью: въ сѣверной войнѣ (1700—21) прославленной Полтавою и заключенной Ништатскимъ міромъ, доставившимъ Россіи господство на Балтійскомъ поморьѣ, въ войнахъ со Швеціею при Елисаветѣ Петровнѣ, Екатеринѣ II и Александрѣ I, въ семилѣтней войнѣ, когда Русскіе нѣкоторое время занимали Кенигсбергъ и Берлинъ, когда побѣдою при Кунерсдорфѣ чуть не довели до самоубійства величайшаго государя и полководца Германіи, въ войнѣ Русскихъ съ Французами 1799 г., прославленной дивными подвигами Суворова въ сѣверной, и быстрыми дѣйствіями адм. Ушакова и кап. Белле въ южной Италіи, въ войнахъ Россіи съ Франціею въ Германіи за Австрію и Пруссію, въ походѣ Наполеона въ Россію и народной войнѣ 12 года, въ походѣ 1813 г., во вступленіи Русскихъ въ Парижъ. Если политическая система Наполеона I, во многомъ напоминаетъ монархію Карла Великаго, за то исторія внѣшней политики Россіи съ 1799 по 1815 г. всего лучше доказываетъ, какая громадная перемѣна совершилась въ это тысячелѣтіе въ отношеніяхъ Греко-Славянскаго востока къ Романо-Германскому западу. Сравните тогдашній нашъ отпоръ Карлу Великому съ новѣйшими отпорами Наполеону I, Англо-Французамъ, въ Крымскую войну. Государственный ростъ Россіи и ея блестящіе политическіе успѣхи съ 1709 по 1815 вмѣстѣ съ ея войнами съ Турціею при Аннѣ Ивановнѣ, Екатеринѣ II, Александрѣ I и Николаѣ I, образованіе Сербскаго княжества и Греческаго королевства имѣли громаднѣйшее вліяніе на пробужденіе самосознанія въ Славянскихъ народностяхъ Турціи и Австріи, составили новую эпоху въ исторіи Греко-Славянскаго міра, который, смѣло можно сказать, во всю свою слишкомъ тысячелѣтнюю исторію никогда еще не бывалъ въ такой степени проникнутъ мыслью объ общности своихъ интересовъ въ отношеніи къ міру Романо-Германскому, о высокой важности своего всемірно-историческаго призванія. Изъ этого впро-

чемъ еще отнюдь не слѣдуетъ заключать о современной зрѣлости и готовности Греко-Славянскаго міра удовлетворительно разрѣшить такъ называемый восточный вопросъ, т. е. вопросъ о своихъ западныхъ окраинахъ. Хотя сознаніе общности интересовъ въ настоящее время развито глубже, чѣмъ когда либо прежде, однако оно все еще не на столько сильно и повсемѣстно распространено, какъ это необходимо для болѣе или менѣе общаго и согласнаго дѣйствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Греко-Славянскій міръ еще недостаточно окрѣпъ для перемѣны своихъ внѣшнихъ отношеній. Она едва ли можетъ совершиться безъ перемѣны внутреннихъ отношеній различныхъ частей Романо-Германскаго міра прежде чѣмъ Новый Свѣтъ достаточно созрѣетъ и окрѣпнетъ для пріобрѣтенія того перевѣса и преобладанія, которое въ Романо-Германскомъ мірѣ съ возрастаніемъ міра Греко-Славянскаго постепенно передвигается съ востока на западъ и въ ближайшемъ будущемъ должно перейти отъ Франціи и Англіи къ Америкѣ, какъ нѣкогда досталось имъ отъ Испаніи, а послѣдней отъ Италіи и Германіи. Какъ бы то ни было, только новѣйшая культурная и политическая исторія христіанско-Арійскаго человѣчества уже совершается и все далѣе будетъ развиваться не на одномъ Азійско-Европейскомъ материкѣ, но и въ Америкѣ, и вообще на всемъ земномъ шарѣ. Съ умноженіемъ Романо-Германскаго народонаселенія въ Америкѣ, Австраліи и Африкѣ путемъ естественнаго размноженія и усиленіемъ эмиграціи изъ Европы,—это желанное для Греко-Славянскаго міра перемѣщеніе центра тяжести Романо-Германскаго міра произойдетъ само собою въ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Эти же годы, въ ожиданіи лучшаго Россіи и всему Греко-Славянскому міру гораздо плодотворнѣе употребить на подъемъ своего матеріальнаго и нравственнаго быта, который бы значительно повліялъ на заселеніе и обработку нашихъ пустынныхъ пространствъ, чѣмъ истощаться въ безполезныхъ агитаціяхъ, непроизводительныхъ тратахъ и усиліяхъ для разрушенія Турціи и Австріи, преждевременное паденіе которыхъ скорѣе могло бы быть вредно, чѣмъ полезно Россіи и всему міру Греко-Славянскому.

Народныя движенія и столкновенія въ средѣ Романо-Германскаго міра, какъ въ вертикальномъ, такъ и въ горизонтальномъ направленіи, не отличаются глубиною и силою той взаимной племенной вражды, такимъ ожесточеніемъ той тысячелѣтней слишкомъ борьбы, которая, по своему внутреннему историческому значенію и по своимъ результатамъ, во столько же важнѣе всякой внутренней борьбы, происходившей въ границахъ Романо-Германскаго

запада, во сколько современный восточный вопросъ превышаетъ своимъ значеніемъ всѣ другіе, чисто западные политическіе вопросы.

Не таковъ также въ идеѣ и въ результатахъ тотъ внутренній антагонизмъ, который раскрывается въ народныхъ движеніяхъ и столкновеніяхъ, вертикальныхъ и горизонтальныхъ, происходящихъ въ тоже время въ предѣлахъ міра Греко-Славянскаго, т. е. въ борьбѣ и войнахъ южныхъ Славянъ съ Греками, Албанцами, Угріи съ Болгаріею и Сербіею, Угріи съ Поляками и Русскими, Чеховъ и Поляковъ или Болгаръ и Сербовъ, Сербовъ и Хорватовъ, Угріи и Чехіи, сѣверовосточной и югозападной Руси и Литвы, Москвы, Россіи и Польши.

Если борьбу Славянъ съ Греками, Албанцами и Литовцами по идеѣ, по силѣ ожесточенія и по послѣдствіямъ, можно еще сравнивать съ борьбою нѣкоторыхъ Германскихъ племенъ съ Романскими, или Германцевъ съ Кельтами, то за то взаимный антагонизмъ Болгаръ и Сербовъ, Сербовъ и Хорватовъ, Словаковъ и Чеховъ, Чеховъ и Поляковъ, даже Поляковъ и Русскихъ, и по силѣ своего выраженія, и по степени распространенности, и по своимъ результатамъ, совершенно блѣднѣетъ передъ взаимнымъ антагонизмомъ Франціи, Италіи и Испаніи. Взаимная борьба этихъ Славянскихъ народностей наиболѣе запечатлѣна характеромъ домашнихъ усобицъ и гражданскихъ распрей, часто даже религіозныхъ и соціальныхъ войнъ. Она болѣе имѣетъ аналогіи съ борьбою Генуи съ Венеціею, Пизы съ Флоренціею, Венеціи съ Миланомъ и Неаполемъ, конституціоналистовъ и Мадзинистовъ въ Италіи, Гвельфовъ и Гибелиновъ, католиковъ и лютеранъ, Пруссаковъ и Австрійцевъ, Австрійцевъ и Баварцевъ, велико-нѣмецкой и мало-нѣмецкой партій (gross-deutsch и klein-dentscch), экономистовъ Шульца-Делича и М. Вирта съ соціалистами Ф. Лассаля въ Германіи или католиковъ и гугенотовъ, орлеанистовъ, бонапартистовъ, умѣренныхъ республиканцевъ и красныхъ соціалистовъ во Франціи. Между тѣмъ, какъ борьба Италіи, Франціи и Испаніи сама по себѣ носитъ характеръ не столько борьбы домашней и внутренней, сколько борьбы и войнъ національно-политическихъ. Сознаніе общности происхожденія и близости взаимнаго родства, сходство въ народномъ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ и нарѣчіяхъ въ Славянскомъ племени всѣхъ отраслей живетъ также гораздо глубже и крѣпче, чѣмъ въ племени Германскомъ, во взаимныхъ отношеніяхъ Нѣмцевъ, Скандинавовъ, Голландцевъ и Англичанъ.

Антагонизмъ Грековъ и Латинянъ, Славянъ и Нѣмцевъ, можно даже сказать, значительно пересиливаетъ антагонизмъ той или другой половины христіанско-Арійскаго человѣчества съ племенами Азіатскими, стародавними противниками и непріятелями Арійцевъ. Наступая на насъ изъ Азіи, они встрѣчались съ раздвоеніемъ христіанскаго міра и такимъ образомъ сознательно и безсознательно, волею и неволею являлись обыкновенно союзниками то Латинянъ и Нѣмцевъ противъ Грековъ и Славянъ, то Славянъ и Грековъ противъ Нѣмцевъ и Латинянъ. Этимъ пришлецамъ и насильникамъ въ Европѣ, рѣдко особенно многочисленнымъ, и, за исключеніемъ Арабовъ, по большей части кочевникамъ и хищникамъ, степнякамъ и наѣздникамъ, рѣдко удавалось долго выдерживать роль самостоятельныхъ политическихъ дѣятелей, и всего чаще приходилось принимать или замѣнять служебную роль орудія и чужой политики. Въ рядахъ самихъ Арабовъ и подъ ихъ знаменами бьются Славяне съ Греками, и Греки и Славяне съ Романо-Германцами, и даютъ перевѣсъ Арабамъ надъ своими непріятелями и противниками. Въ крестовые походы въ XI, XII и XIII в. и въ войны западной Европы съ Турками въ XV, XVI, XVII в. происходитъ борьба Турокъ и Латинянъ за господство и преобладаніе въ Греко-Славянскихъ земляхъ, ни тѣмъ, ни другимъ собственно не принадлежащихъ. Дѣло тутъ идетъ не о побѣдѣ Туранцевъ или Арійцевъ, Азіи или Европы, мусульманства или христіанства, а о господствѣ чалмы или тіары, Турокъ или Франковъ въ земляхъ Арійскихъ и христіанскихъ, для которыхъ эта борьба была полезна, по скольку она ослабляла обѣ противныя стороны, одинаково имъ непріязненныя и враждебныя. Истинный бичъ Божій для запада, Аттила былъ избавителемъ и освободителемъ Славянъ. Побѣдоносный напоръ Нѣмцевъ и Латинянъ на Славянъ и Грековъ въ XII и XIII в. прямо и косвенно облегчаютъ завоеванія Монголамъ, которые въ свою очередь, раззоряя и опустошая Славянскія земли съ востока, помогаютъ Латинамъ и Нѣмцамъ въ ихъ завоеваніяхъ на Греко-Славянскомъ югѣ и западѣ. Авары, пока нападали на Византію и притѣсняли однихъ Славянъ, были очень полезны западу. Въ теченіи всей своей безъ мала тысячелѣтней исторіи Мадьяры никогда почти не имѣли своей рѣшительной самостоятельной политики, то служатъ Нѣмцамъ противъ Славянъ, то Славянамъ противъ Нѣмцевъ [1]). Притѣсненіе православія въ Ла-

1) Русскія деревни и города, нѣтъ сомнѣнія, не мало вытерпѣли насилія и притѣсненій отъ Русскихъ войскъ въ 1708—9 и въ 1812 г. передъ изг-

тинскихъ колоніяхъ на христіанскомъ востокѣ вызываютъ и облегчаютъ успѣхи Турокъ, которые въ XV, XVI, XVII в. своими блестящими побѣдами надъ Германіею, Генуею, Венеціею, Римомъ и Испаніею правда разносятъ власть мусульманъ надъ землями христіанскими, но вмѣстѣ и освобождаютъ православныхъ Грековъ и Славянъ отъ ига Латинскаго, которое нерѣдко во многихъ отношеніяхъ бывало тяжелѣе Турецкаго.

Такимъ образомъ въ средней и новой исторіи христіанско-Арійскаго человѣчества Стараго Свѣта преимущественное вниманіе и главный интересъ историка должны сосредоточиваться на восточно-западномъ и западно-восточномъ направленіи, на горизонтальномъ потокѣ событій и происшествій, народныхъ движеній и столкновеній, происходящихъ между Греко-Славянскою и Романо-Германскою его половинами. Исторія ихъ взаимныхъ отношеній, натиска и отпора, взаимнодѣйствія и вліянія есть главная ось, около которой обращается историческое колесо многовѣковой, богатой и разнообразной жизни христіанско-Арійскихъ племенъ Европы и Азіи. Второстепенное значеніе и болѣе эпизодическій и частный характеръ имѣютъ всѣ горизонтальные и вертикальные потоки событій, въ собственныхъ предѣлахъ какъ Романо-Германскаго, такъ и Греко-Славянскаго міра. Исторія современнаго имъ не-Арійскаго и не-христіанскаго, конфуціевскаго, буддистскаго, шаманскаго и мусульманскаго востока представляетъ свои особые, самостоятельные міры, частныя исторіи которыхъ могутъ обращать на себя вниманіе нашей средней и новой исторіи только по близости ихъ отношеній къ Греко-Славянскому или Романо-Германскому міру и по степени ихъ участія въ судьбахъ этихъ двухъ міровъ. Какъ Азіатскимъ племенамъ въ Европѣ по большей части выпадала роль несамостоятельныхъ политическихъ дѣятелей, а орудій Греко-Славянской или Романо-Германской политики, то ихъ исторія въ Европѣ

наніемъ и истребленіемъ Шведовъ Карла XII и Французовъ Наполеона. Такъ разумѣется въ большей степени и нынѣшнее Мадьярское правительство Андраши и Этвеша наноситъ много вреда Угорской Руси, Словакамъ, Румунамъ, Сербамъ и Хорватамъ, но за то и оказываетъ имъ громаднѣйшую услугу ослабленіемъ и подавленіемъ Нѣмецкаго элемента въ Угріи, съ которымъ эти народности собственными силами не могли бы совладать. Въ этой службѣ Мадьяръ Славизму, надъ которымъ они безсильны господствовать, содержится глубокая иронія исторіи и вмѣстѣ тайна всѣхъ ихъ успѣховъ въ борьбѣ съ Романо-Германскимъ западомъ, какъ при Лудовикѣ Великомъ (1342—82) и Матвѣѣ Корвинѣ (1458—90), такъ и въ новѣйшія времена съ Вѣною и Габсбургами, начиная съ Яна Заполи и Фердинанда I.

получаетъ истинный свой смыслъ и значеніе только при вѣрномъ освѣщеніи картины взаимныхъ отношеній Греко-Славянъ и Романо-Германцевъ.

При равновѣсіи силъ главныхъ представителей Романо-Германскаго міра, какъ въ горизонтальныхъ, такъ и вертикальныхъ народныхъ въ немъ столкновеніяхъ, временное торжество и побѣда часто доставались тому изъ нихъ, кто умѣлъ во-время опереться на той или другой части Греко-Славянскаго міра и найти себѣ въ немъ помощниковъ и союзниковъ. Такъ въ борьбѣ папъ и императоровъ, Гвельфовъ и Гибелиновъ, Нѣмцевъ и Итальянцевъ, Итальянцевъ и Испанцевъ, Французовъ, Англичанъ, Испанцевъ и Нѣмцевъ—Греки, Албанцы, Славяне Далмаціи и Истріи, Сербы, Хорваты, вообще Славяне Угорскіе, Чехія, Польша и Россія своимъ вмѣшательствомъ и участіемъ въ распряхъ Романо-Германцевъ, нерѣдко рѣшаютъ дѣло или склоняютъ побѣду въ пользу той или другой стороны. Такъ горизонтальные и вертикальные потоки событій Романо-Германской исторіи не могутъ быть ясно представляемы и вѣрно излагаемы безъ точнаго познанія внутренней и внѣшней исторіи Греко-Славянской.

Если для Грековъ, Албанцевъ и южныхъ Славянъ въ борьбѣ ихъ съ Итальянцами, особенно съ Венеціанцами, Германія и Испанія иногда бывали полезными въ нѣкоторой степени союзниками и защитниками, то для Славянъ южныхъ и сѣверныхъ въ борьбѣ съ Нѣмцами и Англичанами иногда бывали и могутъ еще быть полезны Италія и Франція.

Западно-восточные и восточно-западные потоки народныхъ движеній и столкновеній въ средѣ Греко-Славянскаго міра всегда бывали тѣмъ злѣе и враждебнѣе, чѣмъ болѣе одна изъ противныхъ сторонъ опиралась на Романо-Германскій западъ, ибо тогда борьба усложнялась, переходя отъ домашнихъ вопросовъ о племенной игемоніи къ вопросамъ о внѣшней самобытности и духовной свободѣ относительно Романо-Германцевъ. Такъ въ борьбѣ Хорватовъ и Сербовъ, Поляковъ и Русскихъ шелъ споръ не только за племенную игемонію, Хорватскую или Сербскую, Польскую или Русскую, но и за преобладаніе и господство православія или Латинства, двухъ разныхъ религіозныхъ и соціальныхъ началъ.

Съ совершеннымъ ослабленіемъ Азіатскихъ стихій на огромнѣйшей части восточныхъ окраинъ Греко-Славянскаго міра, и при существованіи еще въ немъ слѣдовъ и остатковъ нѣкогда сильнаго антагонизма западно-восточнаго, нѣкоторый натискъ Романо-

Германцевъ на западныя окраины нашего міра какъ до извѣстной степени, нерѣдко уже имѣлъ, такъ и можетъ еще имѣть весьма благодѣтельныя послѣдствія для политическаго и духовнаго развитія Греко-Славянъ.

Такъ ясное представленіе и вѣрное изложеніе горизонтальныхъ и вертикальныхъ потоковъ событій Греко-Славянской исторіи рѣшительно невозможно безъ точнаго познанія внутренней и внѣшней исторіи Романо-Германцевъ.

Правильность дѣленія исторіи христіанско-Арійскаго человѣчества или такъ называемой средней и новой исторіи, не на сѣверную и южную, а на восточную и западную, оправдывается и нѣкоторыми другими основаніями и соображеніями. Еще Шлецеръ вѣрно замѣтилъ, что исторію южныхъ Славянъ нельзя совершенно отдѣлять отъ исторіи Россіи. Нельзя эти обѣ исторіи разсматривать совершенно отдѣльно отъ исторіи Византіи, отъ исторіи Грековъ и Албанцевъ. Наконецъ странно называть Россію державою сѣверною, послѣ того какъ она прочно утвердила свое господство на Азовскомъ морѣ, сѣверномъ и восточномъ берегу Чернаго, въ Крыму, Астрахани, въ Закавказьѣ и въ глубинѣ средней Азіи. Россія столько же сѣверная, сколько и южная держава. Между же югомъ и сѣверомъ западной Европы гораздо меньше различія, чѣмъ между ея востокомъ и западомъ. Одинъ исключительно католическо-протестантскій, другой преимущественно православный, съ разнообразнымъ населеніемъ, исповѣдующимъ католицизмъ, протестантство, мусульманство, буддизмъ и шаманство. Одинъ преимущественно Кельто-Латино-Германскій съ болѣе или менѣе незначительнымъ количествомъ Басковъ, Евреевъ, Цыганъ, другой преимущественно Славянскій, при величайшемъ разнообразіи другихъ этнографическихъ стихій: Греки, Албанцы, Романцы (Румуны, Волохи), Нѣмцы, Лѣты (Литва и Латыши), различныя Иранскія, (Армяне, Грузины, Осетины, Курды), Финскія, Монгольскія, Турецкія и Татарскія племена. Тѣмъ же почти относительнымъ однообразіемъ и сходствомъ, въ слѣдствіе благотворнаго умѣряющаго вліянія гольфстрёма на сѣверѣ, и Средиземнаго моря на югѣ, отличается западъ отъ востока и въ климатическомъ отношеніи. Италія и Испанія избавлены отъ тропическаго зноя близкой Африки, а Ирландія, Англія и другія сѣверныя части Европейскаго запада пользуются умѣренною зимою, которая напримѣръ въ южной и западной Англіи не мѣшаетъ рости и зеленѣть лавру. Столь же рѣзко отличаются востокъ и западъ своимъ общимъ географическимъ характеромъ. Относительно рас-

предѣленія горъ и равнинъ, суши и воды, матерой земли и береговой линіи, Романо-Германскій западъ безъ своихъ не-Европейскихъ владѣній, надѣленъ такъ равномѣрно, что почти правильно раздѣляется на шесть болѣе или менѣе равныхъ частей—Скандинавію, Великобританію, Германію съ Голландіею и Францію съ Бельгіею, Италію, и Испанію съ Португаліею [1]). Эти три Германскихъ, преимущественно протестантскихъ, и три Романскихъ, почти исключительно католическихъ, страны имѣютъ характеръ почти равныхъ полуострововъ, съ трехъ сторонъ окруженныхъ морями. Невыгодность въ этомъ отношеніи Германіи вознаграждается въ мірѣ Германскомъ островнымъ положеніемъ Великобританіи и многими мелкими островами Скандинавскими, а невыгода Франціи вознаграждается для нея островомъ Корсикою и для всего Романскаго міра большими Итальянскими островами Сициліею и Сардиніею. Хотя горные хребты Чехіи, Угріи, Балканскаго полуострова, Кавказа, восточной и западной Сибири и Русскаго Туркестана своимъ протяженіемъ, высотою, внѣшнимъ разнообразіемъ и внутреннимъ богатствомъ значительно превосходятъ горныя системы Романо-Германскаго запада, тѣмъ не менѣе на нашемъ Греко-Славянскомъ востокѣ преобладаетъ и господствуетъ однообразіе равнинъ и степей, которое вмѣстѣ съ развитіемъ большихъ рѣчныхъ системъ помогло и содѣйствовало образованію одного многочисленнѣйшаго народа и громаднѣйшаго государства. Болѣе или менѣе богато развѣтвленная, береговая линія Истріи, Далмаціи Албаніи, Греціи, Греческихъ острововъ Іонійскаго и Эгейскаго морей, Малоазійскихъ береговъ Архипелага, Чернаго моря, Русскихъ береговъ Чернаго, Бѣлаго, Каспійскаго морей и Великаго Океана, эта береговая линія своимъ протяженіемъ превзойдетъ береговую линію Романо-Германской Европы—тѣмъ не менѣе на нашемъ востокѣ преобладаетъ и господствуетъ материкъ надъ берегомъ, охранительный, консервативный характеръ его обитателей надъ жаднымъ къ новому, подвижнымъ, безпокойнымъ и неугомоннымъ духомъ прибрежныхъ жителей.

Разчлененный равномѣрно, Романо-Германскій западъ (въ Европѣ) состоитъ изъ трехъ Германскихъ, протестантскихъ, и трехъ Романскихъ и католическихъ странъ, разграниченныхъ моремъ и горами и представляющихъ преобладаніе полуостровнаго характера. Отъ того, при всей общности этнографическаго состава и просвѣтитель-

---

[1]) Швейцарія раздѣляется при этомъ на три части, отходящія къ Германіи, Италіи и Франціи.

наго начала Романо-Германскаго міра, на этомъ сравнительно небольшомъ пространствѣ земли, въ теченіи слишкомъ тысячи лѣтъ, не смотря на неоднократныя попытки и стремленія, тутъ и тамъ возникавшія, никогда не могло образоваться и сложиться одного очень многочисленнаго народа и одного великаго государства, а развилась политическая система шести странъ и племенъ, которыя, поочередно, стремятся къ исключительному господству и преобладанію, и всякой разъ уступаютъ стремленію другихъ частей, ищущихъ возстановить потерянное равновѣсіе. Ученія о такъ называемыхъ универсальныхъ, великихъ и малыхъ державахъ, о системѣ политическаго равновѣсія и пр. имѣютъ чисто мѣстный, частный западно-Европейскій характеръ, основаны только на Романо-Германскихъ историческихъ и географическихъ условіяхъ и вовсе ни съ какой стороны непримѣнимыхъ ни къ Россіи, ни къ сѣверной Америкѣ, ни даже къ Великобританіи. Благодаря своему островному положенію, нѣкоторой разности и бо́льшему богатству своего этнографическаго состава, различію источниковъ и способовъ первоначальнаго распространенія христіанства, сравнительно съ другими Романо-Германскими странами, Великобританія занимаетъ въ Романо-Германскомъ мірѣ совершенно особенное, можно сказать исключительное, мѣсто. Эта страна всегда была наименѣе католическою, какъ и теперь она наименѣе протестантская. Географически наиболѣе удаленная отъ міра Греко-Славянскаго, она хранила и хранитъ наиболѣе сродныхъ и сочувственныхъ съ нимъ стихій. Она совершенно выдѣляется изъ Европейскаго запада своими колоніями и владѣніями въ Америкѣ, Вестъ-Индіи, Австраліи и юго-восточной Азіи, такъ распространила въ свѣтѣ свой языкъ и народность, что она сама составляетъ теперь особый христіанско-Арійскій міръ, превышающій численностью, богатствомъ, могуществомъ и образованностью всю остальную западную Европу Этотъ Англо-Саксонскій міръ раздѣляется на двѣ державы, имперію Великобританскую и Сѣверо-Американскую республику. Ни къ той, ни къ другой одинаково неприложимы чисто-Европейскія понятія политическаго равновѣсія или великихъ державъ. Республика заявляетъ гордыя, оправдываемыя впрочемъ ея возрастающимъ могуществомъ притязанія на безраздѣльное господство нацѣломъ Американскомъ материкѣ. Не-Европейскія владѣнія Англо-Саксонской имперіи слишкомъ въ три раза превосходятъ всю площадь Романо-Германской Европы. Между тѣмъ какъ насчитываютъ людей, говорящихъ Итальянскимъ языкомъ до 26, Испанскимъ отъ 35 до 40, Французскимъ

отъ 40 до 42, Нѣмецкимъ отъ 48 до 50 милліоновъ душъ [1]),—на Англійскомъ языкѣ и теперь уже говорятъ отъ 76 до 80 милліоновъ людей. Романцы, и самые энергическіе и просвѣщенные изъ нихъ Французы, мало обнаруживаютъ способности къ колонизаціи, а наиболѣе изъ нихъ къ ней способные, Итальянцы, не имѣютъ собственныхъ земель и колоній. Въ томъ же, если еще не въ худшемъ положеніи находятся Нѣмцы, которые ежегодно принуждены выдѣлять изъ среды своей десятки тысячъ эмигрантовъ въ Америку, гдѣ они и ихъ дѣти мало-по малу теряютъ свою народность, научаются языку Англійскому и пропадаютъ или предназначены пропасть въ стихіи Англо-Саксонской, которая одна въ мірѣ Романо-Германскомъ обладаетъ такимъ громаднымъ просторомъ, что цѣлые вѣка еще можетъ безпрепятственно рости и множиться. Несчастныя въ этомъ отношеніи для народности Нѣмецкой побѣды Пруссаковъ при Кениггрецѣ и Садовой принудили Австрію, довольно успѣшно до того времени проводившую Нѣмецкій языкъ и культуру у подданныхъ своихъ Мадьярскихъ, Славянскихъ и Румунскихъ, прибѣгнуть къ системѣ дуализма, благодаря которому въ обширныхъ земляхъ короны Св. Стефана господство Нѣмецкаго языка уже совершенно, и, можно надѣяться, навсегда вытѣснено, и два милліона коренныхъ Нѣмцевъ, обитателей этихъ земель, волею-неволею обречены теперь мадьяриться, а Богъ дастъ со временемъ, съ возобладаніемъ въ Угріи стихіи Славянской, и славяниться. Эти же побѣды, такъ вознесшія Пруссію, возъимѣли огромное дѣйствіе на пробужденіе Славянскаго самосознанія, какъ въ Россіи, такъ и въ Славянскихъ земляхъ Австро-Угріи: для мыслей, прежде ясныхъ только немногимъ, открылось блестящее будущее. Обрусѣніе Нѣмцевъ въ Россіи и распространеніе Русскаго языка и грамотности въ земляхъ Славянскихъ на югѣ за Дунаемъ, и на западѣ за Вислою и Карпатами уже отмѣчены грозною судьбою, какъ событія ближайшихъ къ намъ временъ, а онѣ

[1]) Заимствуемъ это число у Кольба но оно безъ сомнѣнія преувеличено. До 13 милліоновъ Нѣмцевъ (въ Новомъ Свѣтѣ, Франціи, Угріи, Россіи и пр.) собственно говоря не могутъ сюда итти въ расчетъ, такъ какъ у всѣхъ этихъ Нѣмцевъ языкъ *государственный* не Нѣмецкій. Да еще болѣе 2 милліоновъ Нѣмцевъ въ Австріи-Цислейтаніи должны бы быть изъяты изъ этого числа, такъ какъ живутъ въ Славянскихъ земляхъ, между Чехами, Моравами и Словинцами, составляя значительное меньшинство туземнаго населенія. Такъ что вмѣсто этой хвастливой цыфры 50 заглаза довольно принять 40 милліоновъ Нѣмцевъ, которыхъ можно сопоставлять рядомъ съ Англичанами, Французами, Русскими, какъ господствующими національностями.

ведутъ за собою такое же вытѣсненіе Нѣмецкой народности и языка на востокѣ, какое уже давно началось и яснѣе обозначилось на Англо-Саксонскомъ западѣ. Но и независимо отъ этихъ завоеваній, предстоящихъ Русскому языку, и въ настоящее уже время, при всей великой скудости населенія Русской имперіи, при слабомъ развитіи Русской гражданственности, науки и литературы, нашъ языкъ все-таки вмѣстѣ съ Англо-Саксонскимъ есть одинъ изъ самыхъ распространенныхъ языковъ земнаго шара и не менѣе Англо-Саксонскаго можетъ хвалиться богатымъ будущимъ. Указанныя Европейскія понятія политическаго равновѣсія и великихъ державъ еще даже менѣе приложимы къ Россіи, чѣмъ къ Великобританіи и Америкѣ. Занимая собою шестую часть свѣта, она и теперь уже обладаетъ населеніемъ, равнымъ всему Романскому племени въ западной Европѣ (Французамъ, Итальянцамъ, Испанцамъ съ Португальцами), и слишкомъ на 30 милльоновъ превышающимъ все Германское населеніе Стараго Свѣта, за исключеніемъ Англичанъ. Ю. Фребель и К. Францъ примѣрами Россіи, Великобританіи и сѣверной Америки съ убѣдительною ясностью доказали, что прежнее опредѣленіе *великихъ* Европейскихъ державъ и такъ называемая система Европейскаго равновѣсія въ настоящее время мало имѣетъ смысла и все болѣе обращается въ устарѣлую, ничего не выражающую, формулу. Хотя Россія и есть главный и даже единственный самобытный представитель Греко-Славянскаго міра, однако понятіе о немъ ею одною не исчерпывается, и не въ ней одной онъ заключается. Дѣйствительно, въ отношеніяхъ этнографическомъ, географическомъ, историческомъ, культурномъ и политическомъ, нынѣшняя Россія не есть сама по себѣ строго законченное и округленное цѣлое. Три слишкомъ милліона чисто-Русскаго народа въ восточной Галичинѣ, сѣверо-восточной Угорщинѣ и Буковинѣ, вопреки всѣмъ началамъ справедливости, живутъ еще въ подданствѣ Нѣмецкаго католическаго государя. Изъ всѣхъ ученій въ мірѣ о границахъ естественныхъ и народныхъ, конечно ученіе о необходимой принадлежности Русскихъ Карпатъ къ имперіи Всероссійской есть ученіе самое умѣренное, правильное и благоразумное. Живущіе за Карпатами, исконные сосѣди и друзья Угорской Руси, Словаки въ сѣверо-западной Угріи и восточной Моравіи, составляютъ естественное этнографическое звѣно между Русскимъ народомъ и Чехами, исконными непріятелями Нѣмцевъ и энергическими бойцами за свободу и независимость Славянства. Рядъ поселеній Чехо-Моравскихъ, Словенскихъ, Русскихъ (въ Моравіи, Угріи, Молдавіи и Валахіи) съ

сѣвера, и Хорвато-Сербскихъ и Болгарскихъ съ юга, болѣе или менѣе пронизали въ разныхъ направленіяхъ Нѣмецкій, Мадьярскій и Румунскій клинья, отдѣляющіе Славянъ сѣверныхъ отъ южныхъ: Чеховъ, Морававъ, Словаковъ, Русскихъ отъ Словинцевъ, Хорватовъ, Сербовъ и Болгаръ. Огромное большинство этихъ Славянъ, подобно Грекамъ, Румунамъ и части Албанцевъ, принадлежитъ къ православной церкви, которая, какъ и Славянство, въ Россіи имѣетъ главнаго своего и строго говоря единственнаго самобытнаго представителя. Сами Мадьяры, и по степному характеру своей равнинной области между Тиссой и Дунаемъ, и по своему этнографическому, Финско-Турксько-Славянскому составу, и по своей соціальной жизни, по сильному преобладанію села и деревни надъ городомъ, не имѣютъ себѣ ничего близкаго и подходящаго въ западной Европѣ, а въ южныхъ степяхъ, въ Финскихъ, Туркскихъ инородцахъ и соціальномъ бытѣ Россіи, находятъ себѣ близкое подобіе и родство.

Шестая часть свѣта, Россія, получаетъ почти полный видъ особаго самобытнаго материка только съ приложеніемъ къ ней остальной восточной, Закарпатской и Задунайской, Греко-Славянской Европы, которая ни судьбами своими, ни этнографическимъ составомъ, ни географическимъ характеромъ съ одной стороны не походитъ на западную, Романо-Германскую Европу, а съ другой—безъ Россіи, на которую опирается, не составляетъ одного самостоятельнаго цѣлаго. По мѣрѣ приближенія къ югу и къ юго-западу, все болѣе съуживается или развѣтвляется эта не-Русская, Греко-Славянская область, обособляясь и раздробляясь наконецъ во множествѣ Славянскихъ и Греческихъ островов Адріатики; Іонійскаго и Эгейскаго морей. Въ соотвѣтствіе географическому характеру края, и въ его населеніяхъ, съ приближеніемъ къ югу и юго-западу возрастаетъ и усиливается духъ партикуляризма, крайней мѣстной автономіи и независимости, во многомъ благопріятный для развитія личной бойкости и энергіи, для образованія небольшихъ вольныхъ торговыхъ и морскихъ республиканскихъ общинъ съ широкимъ самоуправленіемъ. Принадлежа къ народностямъ слабымъ и малочисленнымъ,—Грековъ менѣе 3, а Сербо-Хорватовъ не болѣе 6 милліоновъ,—приморскіе города Истріи, Далмаціи и Албаніи, Славянскіе острова Адріатическаго и Греческіе острова Іонійскаго и Эгейскаго морей, въ однихъ своихъ центральныхъ правительствахъ, Сербіи и Греціи, никогда не могутъ находить достаточной охраны своимъ торговымъ интересамъ и всегда будутъ нуждаться въ защитѣ и покровительствѣ великаго, единовѣрнаго и единокровнаго народа

и государства, которое для своихъ арсеналовъ, морскихъ крѣпостей и военнаго флота, всегда будетъ нуждаться въ опытныхъ природныхъ морякахъ и щедро можетъ вознаграждать ихъ труды и заслуги, какъ то доказываютъ примѣры многихъ Грековъ и Далматинцевъ, съ Петра Великаго съ честью служащихъ въ Русскомъ флотѣ, и множество Греческихъ и юго-Славянскихъ торговыхъ судовъ, ходящихъ подъ Русскимъ флагомъ. Населеніе этого Греко-Славянскаго прибрежья и Греко-Славянскихъ острововъ, какъ всякое приморское населеніе, всегда отличалось и теперь отличается нѣсколько космополитическимъ характеромъ, никогда не ладившимъ и не могущимъ поладить съ тѣмъ узкимъ и тѣснымъ духомъ мелкой государственности и ограниченнаго провинціализма, который никогда не перестанетъ господствовать на изрѣзанномъ горами и долинами Греческомъ и юго-Славянскомъ материкѣ. Въ скрѣпленіи связей и сношеній чисто Греко-Славянскаго морскаго населенія съ міровою державою, единовѣрною и единоплеменною, исчезаютъ сами собою всѣ невыгоды и опасности такого космополитическаго направленія, особенно для такихъ слабыхъ и незначительныхъ народностей, каковы Греческая и юго-Славянская, окруженныхъ притомъ сильными соперниками и врагами. Сами центральныя ихъ правительства, въ свою очередь, всегда будутъ въ извѣстной степени зависѣть отъ Россіи и нуждаться въ ея помощи и покровительствѣ.

Карпаты и Балканы въ мірѣ Греко-Славянскомъ вовсе не имѣютъ того значенія, которое принадлежитъ Альпамъ и Пиринеямъ, вмѣстѣ съ Ламаншемъ и Рейномъ, раздѣляющимъ Европу на шесть равныхъ частей. Карпаты могли бы еще имѣть для Россіи относительно Угріи значеніе Пиренеевъ для Франціи, относительно Испаніи, если бы во первыхъ площадь Угріи также равнялась площади Россіи, какъ площадь Испаніи почти равняется площади Франціи, и еслибы во вторыхъ, внутренность Угріи была занята не Мадьярами, а тѣмъ же Угорско-Русскимъ и Словенскимъ племенемъ, которое живетъ въ Татрахъ и Карпатахъ. Тогда подобно нынѣшней Испаніи, единоплеменная Россіи, сѣверная Угорщина могла бы еще не искать своего центра на сѣверѣ по ту сторону горъ. Если бы Арабы или Мавры понынѣ занимали внутренность Испаніи, подобно Мадьярамъ въ Угріи и стремились къ поглощенію Романцевъ и Басковъ сѣверной Испаніи, то, нѣтъ сомнѣнія, послѣдніе тяготѣли бы тогда къ Франціи, какъ Угорская Русь и Словаки принуждены теперь тяготѣть къ Россіи. Говоря о населеніи Карпатовъ и Бескидовъ не слѣдуетъ забывать, что и въ западной Галичинѣ, по ту

сторону Сяна, и даже въ Силезіи. огромнѣйшее большинство сельскаго населенія, Мазуры, Горали и проч., при сильной ненависти къ Нѣмцамъ, вовсе не питаютъ вражды къ Россіи. Своевременнымъ и честнымъ введеніемъ у нихъ необходимыхъ соціальныхъ реформъ, въ смыслѣ крестьянскаго Положенія 19 февраля 1864 г., легко и навсегда они могутъ быть привлечены на нашу сторону. Усиленіе и подъемъ Славянства въ Карпатахъ должны возстановить нарушенный теперь историческій законъ, по которому должны бы преобладать и господствовать не Мадьяры надъ Славянами, а наоборотъ, промышленный, торговый, густо населенный Славянскій сѣверъ Угріи, долженъ бы господствовать надъ исключительно земледѣльческимъ и скотоводственнымъ, жидко населеннымъ Чудскимъ и Мадьярскимъ югомъ. Окаймляющіе Угрію Карпаты своими горными рѣками и потоками, на востокѣ и западѣ, словно распростертыми объятіями сжимаютъ Чудскую, Тиссо-Дунайскую степь.

Отдѣляющіе Болгарію отъ Ѳракіи, Балканы еще менѣе Карпатовъ составляютъ преграду для сѣвера. По своей почвѣ и географическому типу, Болгарія есть естественное продолженіе Бессарабіи и Валахіи, населена тѣмъ же самымъ народомъ, который занимаетъ проходы Балканъ и въ огромномъ большинствѣ обитаетъ, по ту сторону этихъ горъ, во Ѳракіи и Македоніи, упирая свои южные выселки въ стѣны Цареграда и Солуня. Весь Черноморскій берегъ Болгаріи и Ѳракіи, также близокъ и доступенъ сѣвернымъ Черноморскимъ портамъ Россіи какъ Туркменскій и Персидскій берега Каспія открыты ей изъ Баку или Астрахани. Принужденные бороться и соперничать съ Ногайскими и Турецкими поселеніями въ Болгаріи, съ Греческими во Ѳракіи и Македоніи, Болгаре всегда будутъ стараться искать себѣ опоры и услона въ Россіи, развивать и укрѣплять свои Славянскія силы и дарованія въ Русскихъ училищахъ, въ нашей литературѣ и образованности. въ свое время столько обязанной Болгарамъ.

Еще Ами Буэ замѣтилъ, что Балканскій полуостровъ наиболѣе закрытъ и недоступенъ съ сѣвера и юго-запада, въ горахъ Босніи, Черной Горы и Албаніи, представляя наиболѣе преградъ для проникновенія въ нее стихіямъ Романо-Германскимъ, между тѣмъ, какъ онъ наиболѣе открытъ и доступенъ съ сѣверо-востока, со стороны Россіи, что и заставило Турцію прибѣгнуть къ цѣлой системѣ искусственныхъ укрѣпленій на Дунаѣ, въ Шумлѣ и Варнѣ. Но эта открытость Турціи еще усиливается этнографическими и религіозными условіями Балканскаго полуострова, который доступенъ Россіи и съ Чер-

наго моря и изъ М. Азіи, тогда какъ Романо-Германскому западу морской путь въ Турцію лежитъ черезъ рядъ Греко-Славянскихъ портовъ и стоянокъ въ Адріатикѣ, Іонійскомъ и Эгейскомъ моряхъ. Ю. Фребель въ отношеніяхъ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ къ Мексикѣ, средней и южной Америкѣ находитъ нѣкоторое сходство съ отношеніями Россіи къ Греко-Славянскимъ землямъ Турціи, но онъ не обратилъ при этомъ вниманія на огромную этнографическую, историческую и культурную разницу. Россія связана съ этими землями самыми крѣпкими узами церковными, племенными, всѣми своими историческими преданіями и многовѣковымъ взаимнодѣйствіемъ, обоюдными вещественными и нравственными интересами, которые не существуютъ между протестантскимъ Англо-Саксонскимъ сѣверомъ и католическимъ и Испанскимъ центромъ и югомъ Америки. Наконецъ, если не ограничиваться югомъ сѣверной Америки, а принимать въ соображеніе и Америку южную, то въ этихъ обоюдныхъ отношеніяхъ открывается громадное различіе пространственныхъ условій, ибо южная Америка относительно сѣверной составляетъ особое самостоятельное цѣлое, и почти равную величину, тогда какъ весь за-Дунайскій и за-Карпатскій Славянскій міръ занимаетъ относительно Россіи положеніе только Мексики относительно Соединенныхъ Штатовъ. Какъ Мексика составляетъ естественное дополненіе сѣверо-Американскаго материка, такъ эта за-Карпатская и за-Дунайская часть Греко-Славянскаго міра остроконечнымъ очертаніемъ своихъ югозападныхъ, южныхъ и юговосточныхъ береговъ, своими многочисленными островами. образуетъ для шестой части свѣта, имперіи Всероссійской, то пирамидальное построеніе юга (pyramidaler Bau des Südens), которое отмѣтилъ Гумбольдтъ. какъ признакъ всѣхъ большихъ материковъ, на что до него еще вѣрно указывали Баконъ, Ломоносовъ и Форстеръ. Послѣдній къ характеристикѣ большихъ материковъ присоединилъ еще два признака, а именно нахожденіе одного или многихъ острововъ на востокъ отъ южныхъ остроконечностей материка и присутствіе большаго или меньшаго залива на западѣ. Въ Негропонтѣ и во множествѣ Греческихъ острововъ на востокъ отъ Морен, равно какъ въ Финскомъ, Ботническомъ и Венеціанскомъ заливахъ на западѣ, оба эти, указанные Форстеромъ, признака имѣются у нашего Греко-Славянскаго міра. Горные хребты сѣвернаго Китая, Тибета и Гиндукуша въ средней Азіи съ бо̀льшимъ правомъ, чѣмъ хребетъ Уральскій, могутъ служить гранью особаго материка. Съ теченіемъ времени, съ укрѣпленіемъ и распростра-

неніемъ торговыхъ и нравственныхъ связей Россіи съ землями Греко-Славянскими, съ распространеніемъ въ нихъ языка Русскаго, съ возрастаніемъ народонаселенія въ Россіи и въ Сѣверной Америкѣ, и съ постепеннымъ увеличеніемъ Европейской эмиграціи въ Новый Свѣтъ, при дальнѣйшемъ логическомъ развитіи всѣхъ послѣдствій экономическаго строя въ старомъ Романо-Германскомъ свѣтѣ [1]), быть можетъ еще рѣзче и опредѣленнѣе выразится характеръ самостоятельнаго материка у міра Греко-Славянскаго. Далѣе обозначится, быть можетъ, что материкъ этотъ имѣетъ на западѣ два полуострова *Скандинавскій* и *Прусско-Романскій*, въ которомъ Испанія и Италія представляютъ такіе же два выступа, какіе имѣются на югѣ у полуострова Скандинавскаго. Этотъ Прусско-Романскій полуостровъ, предполагаемъ, что Германія будетъ наконецъ объединена Пруссіею,—могъ бы получить для Россіи и всего Греко-Славянскаго міра совершенно такое же географическое и культурное значеніе, какое имѣетъ для нея Скандинавскій полуостровъ и какое особенно имѣла Швеція для Россіи Петра Великаго, славное значеніе ея наставницы и учительницы. Для другой же части Арійско-христіанскаго человѣчества, для міра Англо-Саксонскаго въ Новомъ Свѣтѣ, эти два Романо-Германскіе полуострова Греко-Славянскаго материка, особен-

---

[1]) Нельзя не согласиться съ Европейскими экономистами, что для рабочихъ классовъ Европы, какъ бы ни были полезны разныя благотворительныя учрежденія, товарищества (trade-unions, sociétés coopératives) и нѣкоторыя законодательныя мѣры (объ ограниченіи рабочихъ часовъ и пр.), все таки самое дѣйствительное средство отъ нищеты есть эмиграція. См. напр. Fawcett-Henry. The economic position of the British labourer. Cambridge and London 1865. p. 224 и сл. На международномъ конгрессѣ благотворительности во Франкфуртѣ 1857 г. *да Мота* (изъ Бразиліи) замѣтилъ между прочимъ: «le mal (la misère de plusieurs pays de l'Europe) doit être attribué à l'exrès de la population misérable. Et de là une foule de conséquences désastreuses, la multiplicité des crimes, les désordres de toute espèce, le manque de sûreté, la faim et la mort pour les autres; d'un côté le développement extraordinaire et la concentration de luxe et de la richesse; de l'autre la misère et la lutte, que détermine un immense désir de bien-être. Mais que faire? Convient-il d'attendre patiemment la réforme des moeurs et des lois sociales? Ce serait impossible. Le mal grandit incessamment et l'urgence du remède n'admet pas de délai. Or, le seul remède pratique, c'est l'émigration, c'est là le seul moyen de combattre cette sorte de maladie chronique, qui afflige et démoralise une partie notable des populations. Voyez ce que serait l'Angleterre, au point de vue économique, sans l'émigration et sans les ressources que lui présentent ses rapports avec les pays coloieux! Considérez bien cette grande question, et dites moi si ce n'est pas la colonisation des terres lointaines qui a sauvé ou qui peut sauver l'Europe»? — (Congrès international de bienfaisance de Francfort sur le Mein. Session de 1857. T. I. 1858. p. 134, 5).

но Прусско Романскій, имѣли бы значеніе М. Азійскаго полуострова для древней Греціи, причемъ западнымъ островамъ Англо-Шотландіи, Ирландіи и Исландіи принадлежала бы роль Кипра, Родоса, Кандіи и другихъ Греческихъ островов, которые служили и служатъ природными мостами, связывающими Азію съ Греціею.

И тутъ опять проявляется большее сходство и ближайшее сродство Греко-Славянскаго юга съ Россіею, чѣмъ съ Романо-Германскимъ западомъ и даже съ его югомъ. Собственная Европа, или два Романо-Германскихъ полуострова Греко-Славянскаго материка обращены на западъ и югъ, къ Америкѣ и къ Африкѣ, а не къ Азіи, не къ востоку, такъ что самая юговосточная ихъ оконечность, Италія, на восточномъ берегу своемъ представляетъ весьма слабое развитіе портовъ, пристаней и гаваней, и до того невыгодна въ морскомъ отношеніи, что безъ своихъ подданныхъ Славянскихъ и Греческихъ Венеція никогда бы не пріобрѣла славы большой торговой и морской державы, и такъ называемое владычество (dominio) Венеціи въ Адріатическомъ морѣ имѣло смыслъ и значеніе, поскольку она владѣла Истріею и Далмаціею, Іоническими и другими Греческими островами. Между тѣмъ, какъ Греко-Славянскій югъ весь обращенъ къ Азіи (и также къ Африкѣ, преимущественно сѣв. восточной), отъ Мореи до Константинополя представляя въ нее самые легкіе и удобные переходы, какъ черезъ рядъ островов Архипелага, такъ и черезъ узкіе проливы, собственно Константинопольскій, Мраморное море и Дарданеллы. Эта смежность Греко-Славянскаго міра съ Азіею имѣла огромное вліяніе на его историческія судьбы, открывая его племена первымъ ударамъ воинственныхъ ордъ Азіатскаго востока. Эти завоеванія и опустошенія въ земляхъ Греко-Славянскихъ надолго задержали ихъ умственное развитіе, за то борьба съ Азіатами и ихъ долгое владычество закалили нравственныя силы Греко-Славянъ и пріобрѣли имъ право на воздѣйствіе, преобладающее вліяніе и владычество въ Азіи.

Къ числу особенностей Греко-Славянскаго міра сравнительно съ Романо-Германскимъ, и вмѣстѣ къ числу причинъ гораздо болѣе тихаго и медленнаго у насъ развитія образованности, слѣдуетъ кажется отнести и рѣшительное преобладаніе въ нашемъ мірѣ села надъ городомъ, крестьянства надъ горожанами, буржуазіею или мѣщанствомъ, сельчанъ и мужиковъ надъ дворянами, рыцарствомъ, начала общинности, старины, привязанности къ обычаю и пошлинѣ надъ началомъ личности, стремленіями къ новизнѣ, переворо-

тамъ и преобразованіямъ. Рыцарство и мѣщанство, феодальные собственники и владѣльцы рыцарскихъ замковъ, города Италіи и Германіи, среднее сословіе Франціи и Англіи служатъ яркими и блестящими представителями своихъ странъ, во взаимной борьбѣ и соперничествѣ, общими совокупными усиліями возводятъ можно сказать все величественное зданіе Романо-Германской образованности. Въ мірѣ же Греко-Славянскомъ всѣ попытки и стремленія къ привиллегіямъ городовъ [1]) и болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ приводили къ разоренію и ничтожеству богатые торговые посады и селенія, къ введенію въ страну многочисленныхъ Нѣмецкихъ поселенцевъ съ великими для нихъ преимуществами и съ неменьшимъ ущербомъ для національной политики государства (напр. въ Чехіи, Польшѣ); а дворянство, съ правами бароновъ и рыцарей, обращалось въ помѣщиковъ, мало чѣмъ отличавшихся отъ мужиковъ, или въ простыхъ рабовладѣльцевъ, Польскихъ пановъ и Сербо-Боснійскихъ бояръ, которые этими привилегіями наводили позоръ и погромы на свои земли, у насъ Пугачевщину, у Поляковъ и Чеховъ раздѣлъ Польши и Бѣлогорскую битву, у Сербовъ завоеваніе Турецкое. Всѣ когда либо возникавшія аристократіи Славянскія отличались всегда крайнею подражательностью и легкомысленною измѣною народному знамени, тогда какъ аристократіи Италіи, Испаніи, Франціи, Германіи, Англіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ кратковременныхъ періодовъ въ своей исторіи, постоянно отличались и отличаются крѣпкимъ національнымъ духомъ и горячимъ, хотя бы и узкимъ, патріотизмомъ [2]). Ни

---

[1]) Въ древней Россіи съ понятіемъ о городѣ связывалось понятіе огороженнаго, укрѣпленнаго селенія, окруженнаго рядомъ деревень или во всякомъ случаѣ съ принадлежащимъ ему, болѣе или менѣе обширнымъ, просторомъ земель. У насъ *городъ и уѣздъ*, у прочихъ Славянъ *градъ и жупа*, были понятія нераздѣлимыя. „И тому ся стати мочно ли, что городу быти безъ уѣзда? Ано и села или деревни безъ поль и безъ угодей не живутъ, а городу какъ быти безъ уѣзда“? (1566 г. Рум. Собр. I. № 192 с. 547).

[2]) Нѣкоторые умные иностранцы ясно это сознавали. Такъ Фальмерайеръ мѣтко замѣтилъ: «Im Grunde ist Russland ein Bauerstaat, wie das alte welterobernde Rom». (Gesam. Werke. Leipzig. 1861. II. 75). Въ Греко-Славянскомъ мірѣ центръ тяжести лежитъ въ крестьянствѣ. Въ немъ главныя нравственныя, общественныя и политическія силы страны. Блазіусъ, А. Гумбольдтъ не могли скрыть своего удивленія къ уму и даровитости Русскаго мужика и положительно признавали нравственное превосходство крестьянства надъ дворянствомъ. Тоже замѣчается и въ другихъ Греко-Славянскихъ земляхъ. Въ одномъ Англійскомъ журналѣ (The quarterly Review № 253. July, 1869) авторъ близко знакомый съ восточными христіанами та-

у Грековъ, ни у Албанцевъ, ни у Румунъ (ихъ бояре не западные аристократы, а тѣже Русскіе помѣщики) нѣтъ точно также буржуазіи и аристократіи. Сельское населеніе, земщина, крестьянство, *мужичье* преобладаетъ и господствуетъ въ политической, общественной и экономической жизни Греко-Славянской. И культура страны и умственное развитіе совершались и совершаются при такихъ условіяхъ гораздо медленнѣе, чѣмъ при благопріятномъ для развитія личности господствѣ аристократіи и буржуазіи, невыгодномъ за то для экономическаго положенія массы народа, опредѣленнаго на батрачество [1]). Съ этимъ преобладаніемъ крестьянства тѣсно свя-

---

кимъ образомъ представляетъ это явленіе, которое бросается въ глаза каждому наблюдательному путешественнику. We may remark, in a general way, that in the moral classifications of the different stages of society the reverse generally obtains in the East to what holds good in Europe; for in the latter the larger proportion of vice and crime is decidedly among the lower classes, especially in cities; the richer and higher are comparatively free from social evils a fact of which the main solution lies not exclusively in better education and the like, but also in that riches, throughout the greater part of Europe, subject their possessors to that surest safeguard of morality, public opinion, while the poor range comparatively without its pale. But in the East, from opposite causes, the poor are subject to public opinion, the rich are emancipated from it, and have always been so; and hence the scriptural canon regarding the good effects of poverty, and the corresponding anathemas of the wealthy is a canon by no means of equal literal corectness in Europe as it is, even in the present day, in Asia. (p. 17—18). Эта разность происходитъ главнѣйше отъ того, что съ одной стороны институтъ аристократическій не свойственъ Славянскимъ землямъ; насильственно въ нихъ введенный, онъ быстро вырождается, образуя однѣ уродливыя явленія, съ другой же стороны Греко-Славянскій міръ, говоря вообще, почти не знакомъ съ западнымъ типомъ безземельнаго крестьянина батрака и рабочаго пролетарія. Масса народа Греко-Славянскаго не только въ Россіи, но даже и въ Австріи, наиболѣе въ Турціи, живетъ еще подъ благотворнымъ вліяніемъ крѣпкаго семейнаго быта и общиннаго самоуправленія.

[1]) См. Кн. А. Васильчикова. О самоуправленіи. С.-Петербургъ. 1869. Т. I. «Крестьянство, вѣрно замѣчаетъ почтенный авторъ, занимаетъ въ Россіи первенствующее мѣсто въ общественномъ и земскомъ строѣ, первенствующее не только по своей многочисленности, пространству владѣній, общей доходности и цѣнности имуществъ, но и потому, что оно организовано лучше, полнѣе, самостоятельнѣе, чѣмъ прочія сословія, тѣснѣе связано, и среди всякихъ внѣшнихъ, свыше исходящихъ, притѣсненій и невзгодъ окрѣпло во внутреннемъ, униженномъ своемъ составѣ». (с. XLI).—«Мы не видимъ возможности разстраивать этотъ вѣковой ходъ нашего общественнаго построенія и полагаемъ, что съ нимъ надо помириться, точно такъ, какъ мы миримся съ суровостью нашего климата и съ другими преградами, воздвигнутыми историческими и естественными явленіями, независящими

занъ тотъ государственный идеалъ верховной власти, который господствуетъ на громадномъ просторѣ Греко-Славянскаго міра, не только у Русскихъ, но и у южныхъ, и у огромнаго большинства западныхъ Славянъ, и даже у Румунъ, Албанцевъ, Грековъ, Грузинъ, Армянъ, Сирійцевъ. Этотъ идеалъ строго отличается отъ такихъ же государственныхъ идеаловъ, въ разныя времена существовавшихъ и нынѣ существующихъ въ мірѣ Романо-Германскомъ. Этотъ идеалъ не сходенъ и съ идеею императорской власти, господствовавшей въ средніе вѣка въ Германіи и Италіи, такъ какъ съ нею была тѣсно связана другая, огромному большинству нашего міра совершенно чуждая и глубоко противная, идея папской власти. Преобладаніе земщины и крестьянства не можетъ быть объясняемо одними этнографическими особенностями, хотя онѣ и могли имѣть нѣкоторое вліяніе, но главнѣйше основано на особенностяхъ просвѣтительнаго начала міра Греко-Славянскаго, на православномъ ученіи о церкви, столь глубоко несогласному съ ученіемъ о немъ Латино-Германскимъ или католическо-протестантскимъ. Вмѣстѣ съ торжествомъ Латинства у западныхъ Славянъ падали земщина и крестьянство. Въ странахъ чисто православныхъ не можетъ долго держаться и тѣмъ болѣе развиваться аристократія. Отъ того въ странахъ православныхъ, вмѣстѣ съ притязаніями аристократическими, служилые люди и крупные землевладѣльцы всегда выказываютъ сочувствіе и поползновеніе къ католицизму.

Исторія Греко-Славянскаго міра отличается отъ исторіи Романо-Германскаго и тѣмъ также обстоятельствомъ, что, съ первыхъ временъ принятія христіанства и письменности, у огромнѣйшаго большинства нашихъ племенъ языкомъ культурнымъ и дипломатическимъ былъ языкъ національный, у Грековъ Греческій, у Армянъ Армянскій, у Грузинъ Грузинскій, у Славянъ Славянскій. Между тѣмъ какъ на западѣ, не только въ первые вѣка до XIII и XIV в., но и долго послѣ, вся семья Романскихъ и Германскихъ племенъ имѣла одинъ общій церковный, культурный и дипломатическій, хотя и мертвый, языкъ. Это важное обстоятельство также много содѣйствовало успѣхамъ наукъ и болѣе быстрому и общему развитію образованности высшихъ классовъ всей Романо-Германской Европы, хотя и не осталось безъ нѣкоторыхъ вредныхъ послѣдствій на просвѣщеніе массъ

отъ человѣческой воли. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы полагаемъ, что препятствія эти не непреодолимы, и что неудобства, нами указанныя, скорѣе могутъ быть исправлены, чѣмъ другіе неизлѣчимые недуги, коими болѣютъ другія общества». (CXLIII).

народныхъ, много препятствуя распространенію и укорененію въ нихъ началъ христіанскихъ и даже простому развитію грамотности.

Столь же существенное и коренное различіе міровъ Греко-Славянскаго и Романо-Германскаго заключается въ крайнемъ несходствѣ взаимныхъ отношеній между носителями началъ общаго и частнаго, единства и разнообразія, представителей силъ центростремительной и центробѣжной. Романо-Германскія племена распадаются на пять большихъ историческихъ разновидностей: три Романскія (Франція, Италія, Испанія) и двѣ Германскія (Англія и Германія). Эти пять языковъ достигли болѣе или менѣе значенія всемірно-историческаго. Довольно невидное положеніе современной литературы и образованности Испанской выкупается ея славнымъ прошедшимъ въ XVI и XVII в. и обширнымъ современнымъ распространеніемъ языка ея въ Новомъ Свѣтѣ. Голландскій, Шведскій и Датскій языки, при всѣхъ похвальныхъ усиліяхъ и многихъ замѣчательныхъ дарованіяхъ ихъ писателей, все-таки не могутъ имѣть значенія внѣ своихъ тѣсныхъ родинъ. Даже въ Швеціи и Норвегіи Датскій языкъ и Датская книга далеко, кажется, не въ общемъ употребленіи. Въ Греко-Славянскомъ мірѣ рядомъ съ Русскимъ народомъ находится нѣсколько малыхъ Славянскихъ народностей, изъ коихъ ни одна не восходитъ до 10 милліоновъ душъ, а изъ иноплеменныхъ самая многочисленная, Румунская, не превышаетъ 8 милліоновъ душъ, и между этими малыми народностями есть народности старыя съ богатыми нѣкогда, болѣе или менѣе самобытными культурами. Въ ряду ихъ первое мѣсто безспорно занимаетъ народность Греческая, затѣмъ Армянская, Грузинская... Но въ настоящее время эти народности малочисленны, слабы политически и культурно. Современное развитіе ихъ языковъ и литературъ не возвышается даже до нынѣшняго положенія языковъ Голландскаго, Датскаго или Шведскаго. Народности Чешская, Польская, Сербо-Хорватская имѣютъ обработанные литературные языки и въ извѣстной степени не бѣдныя словесности, но въ слѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ и также своей малочисленности, эти народности поставлены въ невыгоднѣйшее положеніе, чѣмъ Мадьяры, Румуны или Греки. Языки Польскій, Чешскій, Сербо-Хорватскій не могутъ съ успѣхомъ бороться, первый противъ языковъ Нѣмецкаго и Русскаго, Чешскій противъ Нѣмецкаго, Сербо-Хорватскій противъ Нѣмецкаго, Итальянскаго и Мадьярскаго. Несравненно еще невыгоднѣе положеніе языковъ Болгарскаго, Словинскаго, Словенскаго и Сербо-Лужицкаго. Литературная обработка

всѣхъ этихъ нарѣчій приноситъ большую пользу въ смыслѣ пробужденія Славянскаго самосознанія въ массахъ народныхъ, но не даетъ возможности сколько нибудь образованнымъ людямъ обходиться въ ежедневной практической и умственной дѣятельности безъ языковъ Итальянскаго и Нѣмецкаго. Среди этого множества разныхъ литературныхъ и нелитературныхъ, Славянскихъ и инородческихъ нарѣчій, выступаетъ въ мірѣ Греко-Славянскомъ могущественный и богатый языкъ Русскій, господствующій, государственный языкъ міровой державы, прямой и единственный законный наслѣдникъ древне-Славянскаго письменнаго языка. Въ нашемъ мірѣ ни одинъ изъ современныхъ языковъ, кромѣ Русскаго, не можетъ имѣть притязанія на значеніе всемірно-историческое, на сколько нибудь большое распространеніе внѣ предѣловъ своихъ тѣсныхъ родинъ. Для всѣхъ этихъ Славянскихъ народностей и многочисленныхъ инородцевъ, орудіемъ обоюднаго пониманія и взаимной связи, общимъ дипломатическимъ органомъ и даже языкомъ высшей образованности можетъ быть только языкъ Русскій. Такъ начала единства и разнообразія, силы центростремительная и центробѣжная, въ мірѣ Греко-Славянскомъ находятся совершенно въ иномъ сочетаніи, чѣмъ въ мірѣ Романо-Германскомъ. Славянство въ этомъ отношеніи не представляетъ ни малѣйшаго сходства съ племенами Романскимъ и Германскимъ. Романское племя походило бы тогда лишь на Славянство, когда бы напримѣръ, при современной Франціи, вмѣсто Италіи и Испаніи, было шесть, семь Португалій или Бельгій, съ особыми нарѣчіями и словесностями, съ такими же, какъ и у Славянъ, иноплеменными клиньями, и съ такою же неровною борьбою противъ шести враждебныхъ или соперническихъ племенъ. Точно также и Германское племя только тогда походило бы въ этомъ отношеніи на Славянское, когда бы напримѣръ, не было вовсе Англо-Саксовъ, а были бы одни нынѣшніе Нѣмцы, и притомъ уже объединенные въ сильной Германской имперіи, которая была бы окружена шестью Даніями и Голландіями, развивающимися не при нынѣшнихъ своихъ условіяхъ, а при такихъ, которыя походили бы на современные порядки западныхъ и южныхъ Славянъ. Еще также можно было бы приравнивать положеніе Германскаскаго племени къ положенію Славянскаго, если бы существовало въ немъ одно сильное Англо - Саксонское племя, а вмѣсто 35 милліоновъ нынѣшнихъ Нѣмцевъ было бы шесть различныхъ племенъ въ родѣ Норвежцевъ, Шведовъ и Датчанъ, раздѣленныхъ болѣе или менѣе сильными и враждебными иноплеменниками.

Въ этомъ отношеніи Россія и малыя племена Славянскія представляютъ всего болѣе аналогіи съ древнимъ Римомъ и Элладою. Россія, какъ Римъ, представляетъ сильно выработанное начало единства; южные и западные Славяне, какъ Эллины, непомѣрно развитое начало мѣстнаго и народнаго разнообразія. Но далѣе сходство опять исчезаетъ. Южные и Западные Славяне не являются, какъ Эллада въ отношеніи къ Риму, однимъ цѣльнымъ организмомъ, самостоятельнымъ историческимъ типомъ, съ своимъ особымъ языкомъ, съ богатѣйшею, самобытною образованностью, во многихъ отношеніяхъ далеко превосходившею образованность Рима. При всемъ неравенствѣ и несходствѣ положенія, южные и западные Славяне принадлежатъ къ одному историческому типу съ Русью. Ихъ нарѣчія и народная словесность, семейный и общественный бытъ, сохраняютъ поразительныя черты общаго внутренняго родства, не того, что̀ связывало, какъ близкихъ другъ къ другу Арійцевъ, Эллиновъ съ Италиками, а родства отдѣльно взятыхъ Эллиновъ—Іонянъ, Дорянъ, Эолійцевъ или Италиковъ-Латинянъ, Умбровъ, Марсовъ и Самнитянъ. Бо̀льшая часть не-Русскихъ или живущихъ внѣ Россіи Славянъ, т. е. изъ 25 милліоновъ болѣе 13 (Болгаре, Сербы, отчасти Хорваты, Словаки), находятся въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на низшей степени развитія, чѣмъ народъ Русскій. Разумѣемъ тутъ не одну грамотность, но и народное самоуправленіе. У остальныхъ же 10 милліоновъ Славянъ, (Чеховъ, Словинцевъ, Сербовъ-Лужичанъ, и нѣкоторыхъ частей Поляковъ, Сербовъ, Хорватовъ и пр.), культура слишкомъ мало національная. Если же относительно распространенія грамотности и школъ у южныхъ и западныхъ Славянъ и есть иногда очень значительныя преимущества передъ Россіею, то они съ извѣстными усиліями достижимы для насъ и вознаграждаются многими иными благопріятными условіями національнаго развитія, которыя въ мірѣ Славянскомъ присущи одному Русскому народу.

Но Русскій народъ и его языкъ преобладаетъ численно, пространственно и духовно не только въ племени Славянскомъ, но и въ цѣломъ Греко-Славянскомъ мірѣ, не только между родственными ему народами и языками, но и всѣми единовѣрческими и иновѣрческими племенами, живущими на материкѣ нашемъ и его окраинахъ. Разумѣемъ Грековъ, Албанцевъ, Румуновъ, Армянъ, Грузинъ, различныя Кавказскія племена, Литовцевъ, Латышей, Мадьяръ, Турокъ, различныя Иранскія, Финскія, Татарскія и Турецкія племена, вошедшія въ составъ Русской имперіи или живущія въ предѣ-

лахъ нынѣшней Австріи и Европейской Турціи. Съ развитіемъ Русской образованности, съ умноженіемъ желѣзныхъ дорогъ и усиленіемъ внѣшней и внутренней торговли Россіи, знаніе Русскаго языка все болѣе и болѣе должно распространяться у всѣхъ этихъ племенъ, и безъ сомнѣнія все глубже будетъ проникать на западъ въ Европу и на югъ и востокъ въ нынѣшнюю Азіатскую Турцію, Персію, среднюю Азію, Китай и Японію. Но и въ настоящее время, при всемъ этомъ пестромъ разнообразіи племенъ, въ мірѣ Греко-Славянскомъ все-таки преобладаетъ общее надъ частнымъ, начало единства надъ началомъ разнообразія. Славянство, именно въ лицѣ Русскаго народа, представляетъ собою громадный крѣпкій кряжъ или стволъ, а всѣ прочія инородческія племена являются его вѣтвями. Численно, пространственно и духовно преобладаетъ и господствуетъ Славянство, а въ немъ и чрезъ него, народъ и языкъ Русскій. Въ нашемъ мірѣ нѣтъ и не можетъ явиться той двойственности, которая была въ Римской имперіи и выражалась въ ней господствомъ Греческаго языка и образованности на востокѣ, Латинскаго на западѣ. Въ нашемъ мірѣ нѣтъ такой національности и образованности, нѣтъ такого языка, которые бы могли оспаривать первенство, преобладаніе и господство у Русской національности и образованности, у Русскаго языка.

Великое различіе между Греко-Славянскимъ востокомъ и Романо-Германскимъ западомъ заключается также въ разности историческихъ возрастовъ Славянъ, Кельтовъ и Германцевъ, этихъ главныхъ дѣйствующихъ племенъ въ средней и новой исторіи. Кельты и Германцы цѣлыми столѣтіями раньше Славянъ выступили на историческое поприще или были увлечены въ водоворотъ историческихъ событій, вошли въ непосредственное соприкосновеніе съ Греціей и Римомъ. Въ то время, которое для Славянъ было въ полномъ смыслѣ до-историческимъ, еще въ IV, III, II в. до Р. Х., Кельты громятъ Римлянъ и Грековъ въ Италіи, Ѳракіи, Македоніи, Греціи, М. Азіи. Въ первые полтора вѣка нашего лѣтосчисленія Испанія, Галлія, даже часть Британіи подчиняются Римской образованности, покрываются Римскими дорогами, каналами и водопроводами, амфитеатрами и цирками, великолѣпными дворцами и храмами, многочисленные остатки и слѣды которыхъ понынѣ свидѣтельствуютъ о прочности Римскихъ предпріятій и глубинѣ Римскаго вліянія. Еще сильнѣе оно отразилось на совершенной почти Романизаціи языковъ Испаніи и Галліи, просвѣщавшихъ потомъ вмѣстѣ съ Италіею и Британіею завоевателей Германцевъ и ихъ первоначальную родину, Гер-

манію, и полуостровъ Скандинавскій. Повсюду въ Испаніи, Галліи, Британіи заводятся училища Римскаго языка и краснорѣчія, прилежно изучается классическая литература. Романизованныя страны Кельтовъ и Иберовъ даютъ Риму лучшихъ авторовъ и знаменитыхъ писателей: Испанія — Лукана, Марціала, Силія Италика, Флора, Мелу, М. и Л. Сенекъ, Квинтиліана и пр., Галлія—П. Теренція Варрона, Корнелія Галла, Трога Помпея, Петронія, Воціэна Монтана, Домиція Афра и многихъ другихъ грамматиковъ, правовѣдовъ, риторовъ. Во II в. христіанство проникаетъ уже въ Испанію, Галлію, Британію (отъ Грековъ изъ М. Азіи), отчасти даже въ Германію (cisrhenana). Въ IV—V в. въ Италіи, Галліи и Британіи христіанская церковь уже вполнѣ утвердилась, является развитая, образованная іерархія, со множествомъ епископовъ, имѣющихъ важное политическое значеніе и большое вліяніе на народъ, со многочисленными мужскими и женскими монастырями, въ которыхъ занимаются письменностью. Въ Испаніи и Галліи часто происходятъ соборы по дѣламъ вѣры и церковнаго устройства, нерѣдко съ участіемъ Африканскихъ, Итальянскихъ и Британскихъ епископовъ. Такъ извѣстны соборы въ Испаніи: въ Эльвирѣ 305 г., Сарагоссѣ 380 г., Толедѣ 400 г.; въ Галліи: въ Арлѣ 314 г., Ріэсѣ (въ Провансѣ) 439 г., въ Оранжѣ 441 г., Везонѣ 442 г., Анжерѣ 454 г., Арлѣ 461 г., Турѣ 461 г. и проч.

Гораздо позже Кельтовъ выступивъ на историческое поприще, Германцы все таки цѣлыми вѣками предваряютъ Славянъ. Еще ранѣе, чѣмъ съ Цесаря, со II в. до Р. Х., начинаются постоянныя непрерывныя столкновенія и сообщенія Германцевъ съ Римомъ. Лѣтъ черезъ 50 по утвержденіи Римлянъ на Рейнѣ, у нѣкоторыхъ знатныхъ Германцевъ, вѣроятно не безъ Римскихъ внушеній, вошло въ обычай посылать дѣтей своихъ на ученье въ Римскія земли и въ самый Римъ. Еще въ первые годы нашей эры находимъ въ борьбѣ съ Римомъ за независимость двухъ Германскихъ вождей Арминія и Маробуда, получившихъ Римское образованіе, знакомыхъ съ государственнымъ и военнымъ искусствомъ Рима, и уже стремящихся сплотить и объединить раздробленныя племена Германцевъ. Во II в. по Р. Х. они рѣшительно начинаютъ свои наступательныя дѣйствія противъ Римской имперіи, какъ это ясно уже выразилось въ двухъ войнахъ Маркоманновъ и Квадовъ съ Маркомъ Авреліемъ (165—175 и 177—181 г.). Въ войнахъ этихъ новѣйшіе изслѣдователи не безъ причины видятъ для Рима начало конца, прибавляя что послѣ борьбы съ Карѳагеномъ за всемірное

господство, Римъ не имѣлъ ни одной войны, которую бы можно было сравнить съ Маркоманскою. Каракалла въ 213 г. въ бытность свою въ Майнцѣ принужденъ принимать посольства различныхъ саммхъ отдаленныхъ Германскихъ племенъ, даже съ береговъ сѣвернаго моря и устьевъ Эльбы. Ища дружбы, они требуютъ золота или угрожаютъ войною. Въ 256—258 и 261—268 г. Готы и другія Нѣмецкія племена изъ южной Россіи предпринимаютъ опустошительные набѣги и походы во Ѳракію, Македонію, Грецію и М. Азію. Въ IV—V в. оттѣсненныя Гуннами и Славянами на востокъ, увлекаемыя буйствомъ силъ и молодечествомъ, страстью къ грабежамъ и легкостью завоеваній въ дряхлой имперіи, Германскія племена вторгаются во всѣ ея западныя провинціи, въ самую Италію, утверждаютъ въ нихъ свое господство, и по сверженіи Одоакромъ Ромула Августула (476 г.), кладутъ конецъ западной Римской имперіи, основываютъ Германскія королевства въ Италіи, Испаніи, Галліи, Британіи, принимаютъ христіанство, имѣютъ (Готы) переводы Священнаго Писанія и писанные законы.

Историческая жизнь Славянскаго племени начинается лишь съ конца V и въ началѣ VI в., и то только для значительнаго его меньшинства, для его южныхъ и западныхъ вѣтвей. Римская цивилизація, воспринятая Адріатическими Венетами, (если они были Славяне), по оторванности ихъ отъ главнаго ядра Славянскаго, не могла имѣть на него никакого почти вліянія. Древнія Греческія поселенія въ Крыму, Босфорѣ и на сѣверномъ Черноморьѣ (Пантикапея, Фанагорія, Ольвія и пр.) съ ихъ высокою образованностью, могли конечно имѣть нѣкоторое слабое вліяніе черезъ Скиѳовъ на предковъ нашихъ Русскихъ Славянъ, тѣмъ не менѣе собственные интересы Грековъ, людей торговыхъ по преимуществу, малочисленныхъ и невоинственныхъ, заставляли ихъ не возбуждать къ дѣятельности, а напротивъ держать по возможности въ усыпленіи и въ удаленіи отъ всего тогдашняго историческаго міра и отъ всѣхъ его политическихъ интересовъ. Для огромнаго большинства Славянскихъ племенъ (Руси, Польши) истинная исторія настаетъ уже со второй половины IX в. и даже позже. Въ это время большая часть Романо-Германской Европы считала за собою не менѣе VIII—IX вѣковъ историческаго существованія—Испанія, Галлія, Британія, не говоримъ уже объ Италіи, не имѣвшей перерыва въ своей исторіи,—по праву начинаютъ свою исторію съ Ю. Цесаря или съ первыхъ годовъ нашей эры. Германское племя, за исключеніемъ Скандинавовъ, могло уже въ это время считать за собою

не менѣе 4 вѣковъ исторической жизни. Исторія южныхъ и западныхъ Славянскихъ вѣтвей съ V по половину IX в. имѣетъ нѣкоторую аналогію съ исторіею Германцевъ отъ выступленія Кимвровъ и Тевтоновъ противъ Рима или съ Арминія до Германариха (†375), Ульфилы (†381) и Алариха (†411), съ тою лишь разницею, что Славянская исторія обнимаетъ три съ половиною вѣка и принадлежитъ меньшей части племени, тогда какъ исторія Германская этого періода, тянется болѣе 4 столѣтій и включаетъ въ свой кругъ большую часть племени. Сверхъ того Славяне въ это время (съ VI по IX в.) имѣютъ дѣло только съ незначительною частью образованнаго міра, собственно съ Иллирскимъ полуостровомъ, Греціею и отчасти съ нѣкоторыми островами Архипелага, частью М. Азіи и Италіи, тогда какъ Германцы въ теченіе этихъ слишкомъ 4 столѣтій (съ I по V в.) воюютъ, поселяются, проникаются Римскимъ христіанскимъ вліяніемъ не только во всѣхъ этихъ земляхъ Восточной имперіи, но и въ большей части западной, въ Италіи, Испаніи, Галліи, Британіи, въ Африкѣ. Вторженія и переселенія южныхъ Славянъ въ Мизію, Ѳракію, Македонію, Грецію, Иллирикъ, Далмацію, Истрію, Италію и М. Азію въ VI—VIII в. предварены аналогическими событіями Германской исторіи, напр. войнами Кимвровъ и Тевтоновъ съ Римомъ во II в. до Р. Х., борьбою Арминія, войнами Маркоманновъ и Квадовъ, первыми движеніями Готовъ на Восточную имперію, Аллемановъ и др. племенъ на Италію, Испанію, Галлію (въ I—III в. по Р. Х.). Первая попытка Славянъ къ образованію политическихъ союзовъ, Славянская держава Само (627—662), отъ нижней Эльбы до Стирійскихъ Альповъ, имѣла себѣ предшественниковъ въ попыткахъ Германскихъ союзовъ Арминія и Маробуда (I в. по Р. Х.), въ Готской державѣ Греутунговъ и Тервинговъ, Вест- и Ост-Готовъ во 2 пол. III в. Морскіе походы южныхъ Славянъ - Стримонцевъ, Рунхиновъ и западныхъ Лютичей въ VII — VIII в. могутъ быть сравниваемы съ походами Готовъ и другихъ Нѣмцевъ въ М. Азію въ 256—8 году и 261—8 году. Въ теченіи трехъ съ половиною вѣковъ (съ VI по половину IX в.), когда для огромнаго большинства Славянскаго племени (Поляковъ, Русскихъ и Словаковъ) еще продолжается доисторическое время, значительная часть Германскаго племени уже приняла христіанство, управляется своими королями и живетъ въ государствахъ, нерѣдко сильно проникнутыхъ Римскимъ духомъ, имѣетъ свои сборники законовъ, составленные болѣе или менѣе подъ сильнымъ вліяніемъ каноническаго и Римскаго права

и своихъ лѣтописцевъ, болѣе или менѣе подражавшихъ своимъ предшественникамъ, Римлянамъ-христіанамъ. При относительной незначительности Романо-Германской территоріи, при сравнительномъ удобствѣ морскихъ и сухопутныхъ сообщеній, давно открытыхъ, проложенныхъ и усовершенствованныхъ Финикіянами, Карѳагенцами, Греками и Римлянами, знанія и понятія Римско-христіанскія, всасываемыя и вбираемыя Германскими племенами въ земляхъ Романскихъ, легко передавались и сообщались другимъ Нѣмецкимъ племенамъ внутри Германіи. Огромная часть Романо-Германскаго міра успѣла уже пережить вѣкъ Карла Великаго (768-814), Британія имѣла Алфреда Великаго (871-901), югъ и средина Испаніи завоеваны высокообразованными Арабами (711-755), величественная монархія Карла В. распадается уже на отдѣльныя государства и главныя національности, которыя при своемъ несходствѣ, сохраняли однако общій письменный и дипломатическій языкъ, общія руководящія идеи, цѣлыя теоріи о возстановленіи имперіи, о папской и императорской власти, господствовавшія потомъ на западѣ въ продолженіи столѣтій, и понынѣ еще не исчезнувшія. Въ началѣ этого періода (VI—X в.) нѣкоторыя Славянскія вѣтви на южныхъ и западныхъ окраинахъ нашего міра входятъ въ ту пору исторической дѣятельности, которая была прожита Германцами еще во II—III в.; въ исходѣ же этого періода у большинства Славянъ-Моравань, Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ, Чеховъ, Поляковъ и Русскихъ, едва только полагались первые зачатки государственности и совершалось настоящее ихъ обращеніе въ христіанство.

Такимъ образомъ разность историческихъ возрастовъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ различія Романо-Германскаго и Греко-Славянскаго міра. По общему происхожденію изъ одной Арійской прародины, по сходству своего первоначальнаго быта, повѣрій, нравовъ и обычаевъ, по внутреннему строю и составу своихъ господствующихъ языковъ, эти два міра—близкіе между собою родственники, какъ родственники между собою Индусы, Персы, Эллины, Римляне и Романо-Германцы. Какъ тѣ, такъ и другіе часто современники, но отнюдь не *ровесники*. Историческіе возрасты, періоды дѣтства, юности, мужества и старчества тѣхъ и другихъ одинаково не совпадаютъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что нынѣшній XIX вѣкъ для міра Греко-Славянскаго есть собственно то, чѣмъ былъ для Романо-Германскаго XIV — XV в., если еще не болѣе отдаленное время. Большая часть земель Греко-Славянскихъ въ настоящее время менѣе населена и обработана, менѣе куль-

турна, чѣмъ была большая часть Романо-Германскихъ земель быть можетъ четыре, пять столѣтій тому назадъ. Славянскія нарѣчія, за исключеніемъ Болгарскаго, имѣвшаго особую судьбу, въ нынѣшнемъ своемъ видѣ сохраняютъ больше старины и древности, чѣмъ Германскія нарѣчія,—о Романскихъ и говорить нечего,—временъ минезингеровъ, Швабскаго и Саксонскаго зеркала (Schwaven, s Sachsen-Spiegel. XIII в.).

Греко-Славяне, по природѣ страны, своему этнографическому составу и религіознымъ началамъ составляютъ, по отношенію къ Романо-Германцамъ, совсѣмъ особый историческій организмъ или самобытный міръ, отъ котораго и безъ разности времени выступленія ихъ на историческое поприще, нельзя бы было ожидать и требовать совершенно единовременнаго развитія. Тѣмъ неумѣстнѣе такое требованіе при столь значительной, слишкомъ четырехвѣковой разности начальныхъ годовъ ихъ исторической дѣятельности. Понятно, что нерѣдко всѣми нами употребляемыя выраженія: *медленное развитіе Россіи и прочихъ странъ нашего міра сравнительно съ міромъ Романо-Германскимъ,—Россія далеко отстала отъ Европы,—Западъ, далеко опередившій Россію,* всѣ эти выраженія лишены всякой научной строгости, отличаются крайнею неточностью и свидѣтельствуютъ о неясности понятій. Никто не можетъ предъугадать, а тѣмъ паче опредѣлить сколько нибудь приблизительно время, необходимое для разныхъ, еще не пройденныхъ, періодовъ развитія того или другаго живущаго народа, или цѣлаго историческаго міра. Быстро или медленно развивалась образованность Романо-Германская, сказать въ точности очень трудно, такъ какъ намъ неизвѣстенъ конецъ Романо-Германскихъ странъ и національностей, какъ приблизительно извѣстенъ напримѣръ конецъ Индѣйской, древне-Персидской, древне-Эллинской и древне-Римской жизни и образованности. Сравненіе же медленности и быстроты историческаго развитія разныхъ міровъ и цивилизацій не можетъ также отличаться большою точностью, ибо плоды разныхъ организмовъ требуютъ разныхъ сроковъ для своего развитія. Всѣ эти образованности Арійскаго человѣчества отправлялись въ своемъ развитіи отъ разныхъ точекъ, преслѣдовали болѣе или менѣе разныя задачи, проявляли по преимуществу разныя стороны человѣческаго духа, распускались, зрѣли, процвѣтали и увядали далеко не въ одно и тоже время, часто имѣли другъ на друга очень сильное вліяніе, напр. Эллада на Римъ, Римъ на Романо-Германцевъ. Отъ богатства содержанія и разнообразія внутренняго состава, отъ большей

или меньшей сложности народныхъ организмовъ и историческихъ міровъ зависитъ медленность и быстрота ихъ развитія. Быстро или медленно развивались Романо-Германцы сравнительно напримѣръ съ Греціею и Римомъ, рѣшить очень трудно, такъ какъ эти организмы слишкомъ несходны между собою. Какъ рѣшить, быстро или медленно развивается Русскій народъ сравнительно съ Европою въ государственномъ и въ культурномъ отношеніи? Одного ли времени, однихъ ли усилій требовалось для образованія Русскаго народа и государства и нынѣшнихъ Европейскихъ государствъ и народовъ? Если *отставать* и *опережать* все одно что начать историческую жизнь нѣсколькими вѣками позже или раньше, то значитъ Англія Елисаветы, Шекспира, Бакона на нѣсколько вѣковъ отстала отъ Рима Августа, Виргилія и Овидія, а Греція Александра Македонскаго на два слишкомъ тысячелѣтія опередила современную Европу. И какой можетъ быть особенный прокъ отъ подобныхъ сравненій? Правильно ли сравнивать Россію съ Италіею, Испаніею, Франціею, Британіею, Германіею, когда исторія этихъ странъ и народовъ старше нашей цѣлыми столѣтіями? Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя и ихъ время одинаково невѣрно и неточно сравнивать какъ съ современными имъ Байрономъ, Шеллеемъ, Вальтеръ-Скотомъ и Муромъ, Шиллеромъ, Гете и Гейне, такъ и съ близкими ровесниками ихъ Вальтеромъ Фогельвейде, Вольфрамомъ Эшенбахомъ, Чаусеромъ и ихъ временемъ. Сравнивать Россію Крымской войны съ современными ей странами Европы, съ Англіею Пальмерстона, Франціею Наполеона III и Германіею А. Гумбольдта, Мюллера, Гримма и Ранке, также трудно и почти невозможно, какъ и сравнивать Россію Николая I съ ровесницами ея: съ Германіею Люксамбурговъ Карла и Сигизмунда, съ Франціею Бертрана дю-Гесклена и дѣвы Орлеанской, съ Англіею послѣднихъ Плантагенетовъ и первыхъ Ланкастеровъ. По историческому возрасту, мы, Русскіе, ровесники Романо-Германцевъ XIV—XV в., а по многимъ нашимъ интересамъ и задачамъ, мы современники ихъ потомковъ въ осьмомъ, девятомъ колѣнѣ. Въ нашихъ нравахъ, въ бытѣ и языкѣ, во всемъ, что относится до непосредственныхъ проявленій духа, содержится больше сходства и родства съ Европейцами XIV—XV в., нежели съ ихъ потомками, нашими современниками. Въ Россіи еще вся общественная и государственная жизнь запечатлѣна лѣсною дикостью и свѣжестью, деревенскою простотою и грубостью, степною смѣлостью и разнузданностью. Въ Европѣ эти черты попадаются нынѣ только въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ, за-

бытыхъ исторіею и служащихъ для Европейцевъ предметомъ археологическаго удивленія. Многія стороны нашей гражданственности глубоко проникнуты неуваженіемъ свободы личности, грубымъ произволомъ и насильственностью: мы, и общество и правительство, не имѣемъ еще истинныхъ понятій о свободѣ устнаго и печатнаго слова, о свободѣ сходокъ, о настоящей свободѣ совѣсти, о полной независимости суда отъ администраціи. Всѣ эти начала, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, уже стали признаваться Европою, хотя и не всюду, еще въ XVI в., а въ настоящее время почти всѣми Европейскими правительствами торжественно признаны, какъ правила руководящія и безусловно необходимыя для развитія народовъ и государствъ, между тѣмъ какъ въ Россіи только очень недавно литература могла возбудить вопросы объ этихъ началахъ, которыя далеко еще не признаны въ Русскомъ образованномъ обществѣ, составляющемъ весьма малую часть Русскаго народа, несомнѣнно любящаго свободу и въ ней нуждающагося не менѣе всѣхъ другихъ народовъ, но еще не вышедшаго изъ непосредственности и не достигшаго самосознанія. Можно указать на множество Европейскихъ книгъ и сочиненій XVI вѣка, за которыя ни одинъ здравомыслящій Русскій писатель, лѣтъ 20 тому назадъ, не задумалъ бы и приняться, и которыя въ настоящее время подвергли бы Русскаго писателя самымъ строгимъ преслѣдованіямъ закона и въ Русскомъ обществѣ встрѣтили бы самое рѣшительное осужденіе, не за одно несогласіе съ его мнѣніями, а за искренность, смѣлость и свободу рѣчи. Къ такой свободѣ пріучаются общества вѣками, грозными бурями политической и религіозной жизни, упорными трудами и горячими спорами отдѣльныхъ мыслителей и цѣлыхъ школъ. Все это пережила Европа, въ вѣка схоластики, Возрожденія, Реформаціи, Англійской и Французской революціи, въ тѣ времена, когда Россія и большинство Греко-Славянскихъ народовъ принуждены были выносить владычество Монголовъ и Турокъ, или вести борьбу для защиты границъ отъ вторженій и наѣздовъ дикихъ степняковъ, отъ которыхъ бо̀льшая часть Европы избавилась еще въ 955 году, побѣдою Оттона I, при Лехѣ, надъ Мадьярами. Отецъ Русской поэзіи и науки, образователь Русскаго литературнаго языка, Ломоносовъ, имѣвшій своими предшественниками Симеона Полоцкаго и Магницкаго, умеръ почти въ годъ рожденія Карамзина и за сорокъ пять лѣтъ до рожденія Пушкина; между тѣмъ Италія, Испанія, Франція, Англія и Германія имѣли уже великихъ художниковъ, поэтовъ, мыслителей и ученыхъ, умершихъ за триста, двѣсти и сто лѣтъ до рожденія

Ломоносова. Но какъ бы мы ни были близки къ средневѣковому Европейскому западу, по всему, что̀ непосредственно, мы не обязаны, да и не можемъ проходить по его пятамъ всѣ пройденныя имъ ступени развитія, съ XV вѣка до настоящаго времени, и не обречены волочиться за Европою, на IV—V вѣковъ разстоянія. Для насъ уже никогда не возможны западно-Европейскіе феодальные порядки и вытекшія изъ нихъ сословныя и общественныя, политическія и соціальныя отношенія, какъ невозможны уже инквизиція, Варѳоломеевская ночь, угнетеніе крестьянъ Франціи и Германіи XVII и XVIII столѣтія, и терроръ, со всѣми ихъ сопровождавшими и слѣдовавшими за ними явленіями. Точно также у насъ уже не мыслимы алхимія, астрологія, нелѣпыя теоріи старыхъ грамотѣевъ о происхожденіи языковъ и народовъ, легковѣріе и легкомысліе прежней исторіографіи. Нашъ народъ, говорящій языкомъ, напоминающимъ своею грамматикою Нѣмецкій литературный языкъ XIII вѣка, уже свободный землевладѣлецъ, пользуется самоуправленіемъ въ своихъ общинахъ и принимаетъ участіе, наравнѣ съ другими сословіями государства, въ хозяйственномъ управленіи уѣздовъ и губерній, судится гласнымъ судомъ съ выборными мировыми судьями и присяжными засѣдателями. Бѣдна Россія школами и литературою, скудна необходимыми условіями для процвѣтанія науки, ограниченъ кругъ Русскихъ ученыхъ, но немногіе имѣющіеся уже стоятъ на высотѣ развитія, не своихъ Европейскихъ ровесниковъ, а ихъ далекихъ потомковъ, своихъ Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ современниковъ. Мы изучаемъ небо на Пулковской, одной изъ лучшихъ обсерваторій въ мірѣ, точнѣйшимъ образомъ измѣряемъ огромнѣйшія пространства Россіи, покрываемъ ее цѣлою сѣтью физико-метеорологическихъ обсерваторій, соединяемъ отдаленные края ея телеграфами и желѣзными дорогами, математико-физическими, анатомическими, физіологическими и химическими трудами и изслѣдованіями уже вносимъ богатые вклады въ современную науку, нашими географическими экспедиціями обогащаемъ землевѣдѣніе, дополняемъ, измѣняемъ и исправляемъ труды и изслѣдованія Гумбольдта и Риттера о сѣверо-восточной, средней и малой Азіи, составляемъ богатыя, роскошныя и рѣдчайшія собранія и музеи, вносимъ въ историческую науку болѣе точныя и правильныя свѣдѣнія о Китаѣ, буддизмѣ и мусульманствѣ, изучаемъ языки и нравы многочисленныхъ нашихъ инородцевъ и переводимъ на ихъ нарѣчія священное писаніе, правильными раскопками кургановъ въ Крыму и южной Россіи открываемъ и сохраняемъ для науки превосход-

ныя произведенія Эллинскаго художества и вообще памятники древней Греческой образованности, наконецъ историко-филологическими изслѣдованіями въ области Греко-Славянской, постепенно подготовляемъ совершенную переработку такъ-называемой средней и новой исторіи.

Большая часть Греко-Славянскихъ земель внѣ Россіи, въ культурномъ отношеніи, находится гораздо ближе къ Россіи, чѣмъ къ Европѣ. Если Чехи въ Чехіи и Моравіи, Поляки, Словинцы, Хорваты и западные Сербы въ прежніе вѣка, отчасти и въ нынѣшнее время, были и суть образованнѣе Русскихъ, то за исключеніемъ Чеховъ въ XV и XVI вѣкѣ, (Гуситы и братья Моравскіе), образованность этихъ Славянскихъ народностей была и есть очень мало самостоятельная и народная, вмѣстѣ съ тѣмъ развивалась неровно и не непрерывно, встрѣчая задержки почти на одно и на два столѣтія, напр. въ XVII и XVIII вѣкѣ. Даже старые историческіе народы нашего міра имѣютъ, въ этомъ отношеніи, гораздо болѣе сходства съ Россіею, нежели съ болѣе старымъ и образованнымъ западомъ. Сильное смѣшеніе Славянъ и потомъ Албанцевъ съ Греками обновило и подкрѣпило ихъ дряхлую народность, но вмѣстѣ съ владычествомъ Турокъ надолго задержало въ нихъ успѣхи образованности. Такое же огрубляющее дѣйствіе имѣли Турки и на Армянъ, Грузинъ и Сирійцевъ. Всѣ они, вмѣстѣ съ Греками и западными Славянами, не только по вѣрѣ и многимъ историческимъ преданіямъ, но и по степени своей культуры, имѣютъ очень мало общаго съ Европою, которая въ лицѣ своихъ умнѣйшихъ представителей, знакомыхъ лично съ этими народами, сама въ нихъ видитъ себѣ чужихъ, причисляя ихъ за одно съ Русскими, къ несочувственному ей христіанскому востоку, или, по выраженію одного Англійскаго дипломата (Лонгворта) къ *Русскому космосу*.

Таковы, по крайнему нашему разумѣнію, самыя главныя и существенныя отличія міра Греко-Славянскаго отъ Романо-Германскаго. Они вполнѣ оправдываютъ мысль Шлецера о необходимости раздѣлять исторію Арійско-христіанскаго человѣчества или среднюю и новую исторію на двѣ половины, но не на южную и сѣверную, какъ предложилъ Шлецеръ, а на восточную и западную.

II.

ГОСПОДСТВУЮЩЕЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО НѢМЕЦКОЕ, ВОЗЗРѢНІЕ НА СЛАВЯНЪ.

Teutschland, Teutschland über Alles,
Ueber Alles in der Welt.
Hoffmann v. Fallersleben.

....très-peu de personnes savent comprendre avec délicatesse ces sortes de questions relatives à l'esprit des races.
E. Renan.

Съ Русской точки зрѣнія изученіе Греко-Славянскаго міра въ его прошедшемъ и настоящемъ не можетъ безъ сомнѣнія не имѣть самаго глубокаго и плодотворнаго вліянія на успѣхи Русской образованности, гражданственности и внѣшней политики. Но отъ важности Славянства, какъ предмета *нашего* изученія, еще нельзя заключать о важности занимаемаго имъ мѣста въ исторіи Арійско-христіанскаго человѣчества. Важное и многознаменательное для Русскихъ можетъ быть неважно и незнаменательно для другихъ народовъ, само по себѣ, съ точки зрѣнія строго-научной, истинно-объективной. Цѣня предметъ лишь по одной его полезности и близости къ намъ, мы не сходимъ съ точки зрѣнія субъективной, всегда нѣсколько односторонней и ошибочной.

Какое же можетъ быть историческое значеніе Славянъ, а съ ними и Русскихъ? Представляютъ ли они важный предметъ изуче-

Фойгта, Ранке, Вайтца, Гизебрехтовъ, Кепке, Зибеля, Гейссера, Дройзена, Прутца, Витерсгейма, Бюдингера, Гейнеманна, Фока, Вуттке, Лоренца, Зугенгейма, Зоухая, Вирта, Гефтера, Трейчке [1]) и мн. др.

Извѣстный Нѣмецкій историкъ Лео въ своихъ чтеніяхъ объ исторіи Нѣмецкаго народа [2]) не столько пошелъ далѣе Гегеля, сколь-

---

[1]) Hurter, Fr. E. Geschichte des Papstes Innocenz III u. seiner Zeitgenossen. Hamburg. 1834—42. 2 Bde. Его же Geschichte des Kaisers Ferdinand II. Gfrörer, Papst Gregorius VII und sein Zeitalter. 7 Bde. Philipps Deutsche Geschichte. 1832—36. Höfler—Papsthum u. Kaiserthum. Magister I. Hus и пр. Raumer, F. v. Geschichte der Hohenstaufen u. ihrer Zeit. Leipzig. 1823 — 25. 5 Bde. Stenzell, G. A. H. Geschichte Deutschlands unter den fränkischen Kaisern. Leipzig. 1826—28. 2 Bde. Menzel, W. Geschichte d. Deutschen bis auf die neuesten Tage. Stuttgard u. Tübingen. 1834. Voigt, I. Geschichte Preussens. Königsberg. 1827—39. 9 Bde. Ranke, L. Deutsche Geschichte im Zeitalter d. Reformation. (Sämmtl. Werke B. I. умолчаніе о вліяніи Гуса и Гуситовъ). Iahrbücher d. deutschen Reiches unter d. sächsischen Hause, herausgegeben v. L. Ranke. Berlin. 1837 3 Bde. (Вайцъ, Кепке и пр.) Giesebrecht W. Geschichte d. Deutschen Kaiserzeit. Braunschweig. 1860—68. 3 Bde. Giesebrecht, L. Wendische Geschichten, Berlin. 1843 3 Bde. Siebel, H. v. Geschichte d. Revolutionszeit v. 1789—1795. Düsseldorf. 3 Bde. Его же. Kleine historische Schriften. München. 1863 (ст. объ Екатеринѣ II). Häusser, L. Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs d. Gr. bis zur Gründung d. deutschen Bundes. Leipzig. 1854—56. 3 Th. Droysen Vorlesungen über die Freiheitskriege. Kiel. 1846. 2 Th. (называетъ государственный строй Россіи—le despotisme modéré par l'assassinat I, 65). Его же. Geschichte d. preussischen Politik. Berlin. 2 Ausgabe. 1868. 2 Bde. Springer, A. Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809. Leipzig. 1836—65. 2 Bde. Wietershein, E. v. Geschichte der Völkerwanderung. Leipzig. 1859—63. 3 Bde. Büdinger, M. Oesterreichische Geschichte bis zum Ausgange d. 13-ten Jahrh. Leipzig. 1858. 1 B. Его же. Ein Buch ungarischer Geschichte. Leipzig. 1866. Heinemann, Markgraf Gero. Eine historische Monographie. Braunschweig. 1860. Prutz, Heinrich der Löwe Herzog von Baiern u. Sachsen. Leipzig. 1865. Fock, O. Rügens'ch Pommersche Geschichten aus sieben Ihrh. Leipzig. 1861. 1 B. Sugenheim, S. Geschichte d. deutschen Volkes u. seiner Kultur. Leipzig. 1866—67. 3 Bde. Souchay, E. F. Geschichte d. deutschen Monarchie von ihrer Erhebung bis zu ihrem Verfall. Frankfurt a. Main. 1861—62. 4 Bde. Wirth—Die Geschichte der Deutschen. 4 Aufl. neu durchgesehen u. fortgesetzt bis auf die Gegenwart von Zimmermann. Stuttgart. 1865. 4 Bde. Lorenz. Deutsche Geschichte. Wien. 1864—66. Его же. Geschichte König Ottokar's II von Böhmen. Wien. 1866. Wuttke, H. Polen u. Deutsche. 2 Aufl. Leipzig. 1848. Städtebuch des Landes Posen. Leipzig. Treitscke, H. Historische u. politische Aufsätze vornehmlich zur neuesten deutschen Geschichte. Leipzig. 1865. Stricker, W. Die Verbreitung d. deutschen Volkes über die Erde. Leipzig. 1845. Böckh, Rich. Der Deutschen Volkszahl und Sprachgebiet in den europäischen Staaten. Berlin. 1870. О Нѣмецкихъ писателяхъ, выражавшихъ иные взгляды на Славянъ, напр. Гердерѣ, Вольтманнѣ, Бартольдѣ, Кледенѣ, Лютцовѣ, Шнеллерѣ, Цинкейзенѣ, Фальмерайерѣ, Гакстгаузенѣ, Блазіусѣ, К. Фоттѣ, мы скажемъ впослѣдствіи.

[2]) *Leo*, H. Vorlesungen über die Geschichte des deutschen Volkes und Reiches. Halle. 1857. 2 Bd. 27 Vorles. (SS. 86 ff).

ко полнѣе раскрылъ его мысль, въ своемъ сравненіи древнихъ Германцевъ и Славянъ доказывая, что при всемъ ихъ внѣшнемъ сродствѣ и сходствѣ послѣдніе все таки племя нисшее, самою судьбою предопредѣленное къ подчиненной и служебной дѣятельности относительно Нѣмцевъ. Лео такъ твердо вѣритъ въ превосходство своего племени передъ Славянскимъ, что легко въ этомъ убѣждается даже слѣдующаго рода собственными доказательствами: «У Славянъ, говоритъ Лео, слово *богъ* выражаетъ счастье, красоту, славу, короче всѣ высшія чувственныя блага человѣка въ ихъ совокупности. Напротивъ того Нѣмецкое слово «Gott» связано съ тяжелою дисциплиною, которой подчинялись исповѣдники Нѣмецкой религіи, глубоко проникнутые ея героическимъ духомъ, связано съ кудрявыми, въ строгомъ порядкѣ расчесанными волосами, которые носилъ *богъ*, и подражаніе чему было отличіемъ тѣхъ, которые покоряли свою жизнь его дисциплинѣ. Слово «Gott» связано съ Санскр. gatâ или gûtâ, обозначающимъ расчесанные волосы. Естественная радость и строгое господство надъ своею личностью, дисциплина проявляется уже въ языкахъ Славянъ и Нѣмцевъ, въ ихъ богопознаніи. Въ слѣдствіе этого Нѣмецкая религія твердо развиваетъ вѣру въ божественное мірозданіе и въ загробную жизнь человѣка (эта вѣра можетъ лишь покоиться на сознаніи личности), а древнѣйшая Славянская религія не представляетъ никакого слѣда космогоніи и продолженія личной жизни за гробомъ. Славянъ приводитъ къ понятію божества впечатлѣніе прекраснаго и высокаго, что можетъ находиться въ естественномъ блаженствѣ, дарованіе и лишеніе котораго предполагается зависимымъ отъ существа выше человѣческаго. Для достиженія естественнаго счастія и для отклоненія несчастія Славянинъ приноситъ жертвы; о развитіи же (Entfaltung) міра нравственныхъ личностей, какъ у Грековъ и Германцевъ, въ Славянской миѳологіи нѣтъ и рѣчи».

«Многоголовіе Славянскихъ боговъ,—они бываютъ съ 3, 4, 5 и 7 головами,—доказываетъ, что они не столько личности, сколько символы отвлеченныхъ идей.» Въ примѣръ отвлеченности Славянскихъ боговъ Лео приводитъ *Радегаста* (порядокъ), *Ладу* (гармонія и союзъ половъ въ любви и бракѣ). Единственное еще исключеніе, по его словамъ, составляетъ *Перунъ*-богъ грома, да и то совершенно блѣдное представленіе. Божества *Прове* у Вагровъ, *Сивы* у Полабовъ, очевидно, говоритъ Лео, Нѣмецкія божества Frouwo или Frôwo и Sif или Sib. «Славяне смогли поэтически развить только болѣе мелкія явленія душевной жизни, добрыя и

злыя, напр. *вила* у Сербовъ, *скратели* у Словенцевъ на югѣ, *Мора* или *Мурава* повсюду, *людки* и *бреини* Лужицкихъ Сербовъ и подобныя духовныя существа болѣе ограниченнаго свойства. Когда же они пытались подняться надъ ними, то приходили къ отвлеченіямъ, которыя символизировались оружіемъ, многоголовіемъ и т. п., но собственно не становились личностями.»

«Въ Славянскихъ преданіяхъ и пѣсняхъ повсюду много поэзіи, природы, чувства и субъективности, но имъ вездѣ недостаетъ высшей духовной поэзіи, изображенія высшихъ объективныхъ процессовъ и дисциплины въ обширнѣйшемъ смыслѣ, возможной лишь при твердой вѣрѣ въ объективную дѣйствительность. Именно за то, что Нѣмцы принесли Славянамъ твердую и государственную и церковную дисциплину, они такъ и не любили Нѣмцевъ, ибо ихъ боги всегда имѣли значеніе, по скольку это было угодно отдѣльнымъ лицамъ или племенамъ; къ богамъ своимъ Славяне никогда бы такъ не привязались, если бы они вообще не были символами прежняго патріархальнаго быта.»

„Общественное устройство Славянъ имѣетъ такой же естественный характеръ, какъ и ихъ религія,—это была распространенная семья, и пока Славяне бывали самимъ себѣ предоставлены, оно не развивалось далѣе. Точно такое общественное устройство, какъ описываетъ Прокопій, мы находимъ и у Славянъ на восточныхъ границахъ Германіи, пока они были предоставлены самимъ себѣ. Прокопій говоритъ про нихъ: «издревле живутъ въ димократіи», и такое же народоправленіе, расчлененное по семействамъ, при чемъ семейные старшины и племенные вожди пользуются патріархальнымъ уваженіемъ, встрѣчаемъ у Славянъ повсюду, гдѣ сильныя войны не вынуждаютъ ихъ къ большему единству или къ обширнѣйшей власти военачальниковъ, или когда иноплеменники не навязываютъ имъ чужаго образованія. Бытъ Черногорцевъ и теперь такой же.“

Затѣмъ Лео указываетъ на родовое значеніе жупъ и ихъ старшинъ. „Неразвитость политическаго быта Славянскихъ народовъ объясняетъ, почему они послѣдовательно были покоряемы Готами, Гуннами, Аварами, которые однако требовали отъ нихъ только признанія, службы и натуральныхъ повинностей, и вовсе не прикасались до ихъ внутренняго быта. Только нашествіе Гунновъ и Аваровъ на западъ увлекло туда и племена Славянскія, въ то время, когда переселенія Готовъ, Вандаловъ и Аланъ на югъ и западъ, Саксовъ въ Британію значительно обнажило восточныя

Нѣмецкія земли отъ воинственныхъ массъ, а распаденіе Турингской державы много благопріятствовало занятію Славянами Чехіи и земли между Салою и Лабою, которое конечно впрочемъ началось раньше. Въ древнихъ поселеніяхъ Саксовъ и въ новыхъ завоеваніяхъ Франковъ Славяне встрѣтили крѣпкую преграду, передъ которой они должны были остановиться, послѣ того, какъ въ слѣдствіе паденія Турингіи, послѣдніе Залабскіе Свевы должны были передъ ними отступить и уже нашли себѣ новыя жилища между Боденскимъ и Мансфельдскимъ озеромъ."

Вотъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній Лео о различіи Германцевъ и Славянъ. «Нѣмцы и Славяне самые близкіе родственники, но при великомъ внѣшнемъ сродствѣ, различіе ихъ, выступающее до мелочей, такъ значительно, что оно не только не объяснимо ихъ давнимъ раздѣленіемъ, но и предполагаетъ весьма раннее, быть можетъ первоначальное различіе ихъ духа, ихъ воззрѣній на Бога и міръ. Какъ родные братъ и сестра въ ростѣ, чертахъ лица, въ произношеніи и тѣлодвиженіяхъ обличаютъ, при каждомъ шагѣ и словѣ, свое близкое, кровное родство и однако существенно между собою различны, потому что съ самаго начала уже одинъ мужъ, а другая женщина. Тоже самое у Нѣмцевъ и у Славянъ. Но какъ это различіе рѣзче выступаетъ во время рѣшительнаго половаго развитія, и какъ очень схожихъ брата и сестру легко можно смѣшать въ ихъ дѣтскомъ возрастѣ при перемѣнѣ платья, и какъ они въ эмбріоническомъ состояніи еще не различаются своими позднѣйшими особенностями, такъ что одно время носились съ баснею о томъ, что будто всѣ человѣческіе эмбріоны первоначально бываютъ женскаго пола и будто мужской полъ есть только дальнѣйшее развитіе, къ которому были способны одни эмбріоны, а другіе нѣтъ,—точно также родство Нѣмцевъ и Славянъ выступаетъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ далѣе восходитъ въ древность и чѣмъ болѣе сравниваемъ явленія ихъ тогдашней жизни. Даже близнецы Славянъ, Латыши и Литовцы, остановившіеся въ своемъ языкѣ и развитіи на древней ступени звуковъ и жизни, обнаруживаютъ еще столь близкое родство съ древнѣйшимъ Германскимъ поколѣніемъ, Готскимъ, что можно тысячу разъ употреблять Готскій и Литовскій языки для взаимнаго ихъ объясненія, несмотря даже на то, что Литовскій языкъ остался еще гораздо ближе къ Санкриту, чѣмъ Готскій."

«Въ древности, когда еще Славяне не подверглись чужому вліянію, они преимущественно отличались отъ другихъ Европейскихъ

народовъ, и въ этомъ случаѣ наиболѣе походили на Кельтовъ,— именно отсутствіемъ опредѣленнаго понятія о собственности. Нѣмецкое слово «haben», если и не въ Готской формѣ (haban), то по крайности въ Англо-Саксонской («hafan, habban») и древне-сѣверной (hafa) не совершенно точно отвѣчаетъ Латинскому «habere», но скорѣе «capere», и имѣло первоначально тотъ же смыслъ, который лишь въ послѣдствіи былъ усвоенъ Латинскому слову habere. Такимъ образомъ оно первоначально обозначало не *владѣть собственностью*, но брать, отымать, владѣть отнятымъ. Впрочемъ понятіе собственности выступаетъ гораздо опредѣленнѣе въ языкахъ Нѣмецкихъ, въ доступныя нашему знанію времена, чѣмъ въ языкахъ Кельтскомъ и Славянскомъ, которые первоначально совершенно лишены глагола, выражающаго «haben», и обозначаютъ это понятіе только описаніями (est mihi, meum est и пр.). Въ слѣдствіе этого Славянство не имѣетъ никакого наслѣдственнаго права. Имущество принадлежитъ состоящему подъ патріархальнымъ управленіемъ отца семейству, члены котораго не имѣютъ никакихъ правъ собственности, но при жизни пользуются, на основаніи извѣстныхъ правилъ, общимъ владѣніемъ. Если умираетъ отецъ семьи, то не бываетъ никакого раздѣла, а все остается, какъ было, только другой членъ дома принимаетъ на себя отцовское управленіе, противъ котораго никакой членъ дома не можетъ предъявлять своихъ притязаній на право собственности. Но точно также и старшина родовой не имѣетъ никакихъ правъ относительно старшины племеннаго, который, по аналогіи домохозяина, управляетъ общими дѣлами племени, какъ тотъ дѣлами рода. По отношенію къ племенному начальнику нѣтъ никакихъ правъ. Личность нигдѣ не выступаетъ одинокою носительницею права, почему у Славянъ есть только чувство права, и свободомысліе живетъ только относительно чужеплеменниковъ, и никогда внутри того круга, который, какъ родъ или народъ, патріархальнымъ образомъ чувствуетъ себя замкнутымъ. Извѣстная наивность проникаетъ всю Славянскую жизнь,—но лишь только Славяне изъ нея выходятъ, какъ безпощадно подпадаютъ рѣзкому, отвлеченному началу, — когда бываютъ оскорбляемы въ своемъ любезномъ, естественномъ бытѣ, предаются канибальской жестокости, когда при усложненіи ихъ внутреннихъ отношеній, бываютъ сдерживаемы въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, то подчиняются крутому, опирающемуся лишь на насиліи деспотизму, противъ котораго каждый отдѣльно чувствуетъ себя внутренно-человѣчески оправданнымъ. Нѣчто подоб-

ное понынѣ свойственно всѣмъ Славянскимъ народамъ. Спокойное, правомѣрное правленіе свободной личности свыше ихъ естественныхъ способностей, и, тамъ, гдѣ оно заводится по иностраннымъ образцамъ, всегда ведетъ къ дерзости и безпорядку, — это не въ ихъ природѣ. Ихъ естественная любезность, тонкая приложимость ихъ воззрѣній къ природѣ вполнѣ выражаются въ ихъ языкахъ. Глаголы у нихъ никогда почти не употребляются въ простомъ коренномъ видѣ, но дополняются предлогами, которыми они такъ богаты, и часто двумя, тремя предлогами ограничиваютъ и опредѣляютъ глагольныя темы съ такимъ разнообразіемъ и нѣжностью оттѣнковъ, что мы, Нѣмцы, можемъ это выразить только многословнымъ и тяжелымъ описаніемъ. Легкость, съ которою Славяне образуютъ желательныя наклоненія, многочисленныя уменьшительныя и ласкательныя имена, придаетъ ихъ языкамъ дѣтскую гибкость; рѣзкое образованіе дѣйствительныхъ и страдательныхъ причастій настоящаго и прошедшаго времени весьма удобно для точнаго разсказа; единовременное присутствіе совершенныхъ и несовершенныхъ или лучше историческихъ и обычныхъ глагольныхъ видовъ сообщаетъ ихъ языкамъ опредѣленность выраженія, которою съ полнымъ природнымъ тактомъ обладаетъ самый простой человѣкъ и потому развиваетъ въ своемъ духѣ такія способности, которыя въ нашемъ народѣ совершенно запущены. Но всѣ эти преимущества очень ограничены, ибо онѣ привлекаютъ заботу и вниманіе духа къ чувственной жизни и къ той сторонѣ духовной, которая ростетъ въ тѣсномъ союзѣ съ чувственностью, къ жизни душевной, до такой степени, что остается мало мѣста для великихъ, обнимающихъ господствующія стороны духа, сильныхъ идей. Какъ политическая жизнь Славянскихъ народовъ коренится въ патріархальномъ, семейномъ бытѣ, и они имѣютъ только къ нему прекрасныя, естественныя способности, такъ духовная ихъ жизнь— въ области чувственнаго воззрѣнія и душевнаго представленія, — если же они изъ нея выходятъ, то подчиняются враждебной силѣ, отвлеченному разуму. Рѣзкая же послѣдовательность ума, когда овладѣваетъ фантазіею, всегда ведетъ къ мечтательности — это уже безконечная пѣснь. Всякая отдѣльная жизнь въ государственномъ и въ духовномъ отношеніи любезна, всякое господство (Domination) круто и нечеловѣчно. Славянамъ недостаетъ спокойно-равномѣрной, свободной личности, которая, не сдерживаемая дѣтскимъ смысломъ и патріархальнымъ чувствомъ, оставалась бы нѣжно-живою и въ себѣ увѣренною, сохраняла бы равновѣсіе всѣхъ силъ».

Общій смыслъ разсужденій Лео состоитъ въ томъ, что Славяне, хотя и имѣютъ много милаго и любезнаго, даже нѣкоторыя преимущества передъ Нѣмцами, все таки суть раса нисшая, чѣмъ Германцы. Про Славянина такимъ образомъ можно бы сказать: il est grand dans son genre, mais son genre est petit. Славяне рѣзко отличаются отъ Германцевъ, гораздо ближе къ Кельтамъ. Отношенія ихъ къ Нѣмцамъ, какъ женщины къ мужчинѣ, при чемъ предполагается, что послѣдній существо все таки гораздо высшее. Достояніе и удѣлъ однихъ — быть семейный и патріархальный, жизнь душевная, другихъ—свободный гражданскій и политическій строй и жизнь духа. Стремленія Славянъ къ выходу изъ этихъ, начертанныхъ профессоромъ Лео, предѣловъ всегда будутъ неудачны и всегда сопровождались несчастными для нихъ же послѣдствіями, приводили ихъ къ исключительному преобладанію и господству въ ихъ жизни отвлеченнаго и разсудочнаго начала. Господство подобныхъ абстрактныхъ и отвлеченныхъ направленій въ обществѣ есть конечно великое неудобство для развитія политической жизни народовъ, какъ то доказываетъ древняя и новая исторія примѣрами Индіи и друг. Только знающимъ Славянскую исторію едва-ли легко найти у Славянъ особенное расположеніе и наклонность къ подчиненію себя такимъ абстрактнымъ направленіямъ.

Бѣглое замѣчаніе Лео о сходствѣ Славянъ съ Кельтами нашло себѣ въ Германіи одобрителей и защитниковъ. Въ Нѣмецкой ученой литературѣ давно уже составилось убѣжденіе, что Кельты— раса несравненно нисшая, чѣмъ Германцы. Сравненіе Славянъ съ Кельтами, пріятное въ этомъ отношеніи, могло понравиться въ Германіи и какъ утѣшительное и отрадное указаніе на сходное съ Кельтскимъ, ожидающее Славянъ будущее. Какъ бы то ни было, только мысль объ этомъ сходствѣ принялась въ Германіи, и съ тѣхъ поръ, т. е. съ легкой руки Лео, во множествѣ книгъ и статей разныхъ ученыхъ и литературныхъ журналовъ она повторяется и развивается на разные лады, какъ выводъ строго-научный и положеніе доказанное, сомнѣніе въ которомъ можетъ только свидѣтельствовать объ отсутствіи той чистой объективности и тѣхъ свободныхъ отъ національнаго пристрастія воззрѣній, которыхъ обыкновенно ищутъ и такъ рѣдко находятъ Нѣмецкіе ученые въ писателяхъ иностранныхъ. Такимъ образомъ, одинъ уважаемый Нѣмецкій журналъ (Leipziger Repertorium), говоря о книжкѣ Фолькмута «Gerwinus und die Slaven», въ которой авторъ упрекаетъ Гервинуса (Введеніе въ исторію XIX ст.) за его совершенное молчаніе

о Славянахъ, замѣтилъ: «Упрекъ Гервинусу и другимъ отчасти справедливъ. Дѣйствительно недостаточно принимаютъ во вниманіе ту великую полноту матеріальной пригодности даже для Европейской жизни, которая заключается въ Славянахъ, сравнительно съ столь многими другими племенами земнаго шара. Соглашаемся также, что великія массы Славянъ сохранили нѣкоторыя драгоцѣнныя качества, которыхъ Германцы или никогда не имѣли или утратили. Вообще однако мы не думаемъ, чтобъ они были призваны оттѣснить Нѣмецкую культуру и замѣнить ее Славянскою: не потому, что у нихъ нѣтъ столько учености, какъ у Германскихъ народовъ, но потому собственно, что они не имѣютъ никакого такого преимущества передъ Германцами, на которомъ бы могла утвердиться самостоятельная и вмѣстѣ высшая образованность. Они всегда намъ представлялись, какъ младшіе братья Кельтовъ, какъ второе, болѣе удобное къ употребленію, но нисколько не исправленное ихъ изданіе. Они способны къ воспринятію и подражанію, но не къ творчеству. Они всегда, какъ только выходили изъ своей блаженной природной жизни, подражали Германцамъ и никогда своихъ образцовъ не достигали, тѣмъ менѣе улучшали. Свободная политическая жизнь легко ихъ приводитъ къ раздорамъ и безпорядкамъ. Сами по себѣ они охотно ограничиваются своимъ кругомъ и не обращаютъ своихъ взоровъ на окружающее. Себѣ самимъ предоставленные, они легко могутъ вести счастливую, благодѣтельную жизнь, но никогда ни завоюютъ, ни преобразуютъ міра. Иное дѣло, если они станутъ подъ Нѣмецкое начальство и не примутъ въ себя Нѣмецкой культуры».

Всѣ эти мнѣнія и замѣчанія о Славянахъ и объ историческомъ ихъ значеніи въ сущности очень мало расходятся съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ Гегеля. По тому громадному вліянію, которымъ такъ долго пользовалось въ Германіи философское ученіе Гегеля глубоко проникшее во всѣ роды Нѣмецкой литературы и особенно быть можетъ въ науки историко-политическія, легко можно бы подумать, что Гегелю собственно и принадлежитъ первая попытка, мысль или честь такого научнаго опредѣленія мѣста, значенія и призванія Славянъ во всемірной исторіи. Но нѣтъ! воззрѣніе это не принадлежитъ Гегелю, какъ его собственность или какъ первое его открытіе. Онъ самъ подробно его не излагаетъ, а только на него намекаетъ, предполагая его уже извѣстнымъ читателю. Въ самомъ дѣлѣ такое воззрѣніе на Славянъ утвердилось на западѣ и особенно въ Нѣмецкой литературѣ уже задолго до Гегеля. При-

ведемъ нѣсколько примѣровъ. *Гакетъ*, въ описаніи Иллиріи и Далмаціи (1816 г.) говоритъ между прочимъ о Славянахъ, что «они такъ легко и покорно подчинились самому отвратительному деспотизму, потому что они не могли себѣ составить никакого понятія о лучшей власти. Подобно большей части Азіатовъ, они въ высшей степени грязны, хотя и страстно любятъ баню. Причина ихъ нечистоплотности — слишкомъ тѣсныя жилища, ибо въ одной избѣ, даже въ одной и той же горницѣ, часто среди грязи, спитъ нѣсколько семействъ. Къ несчастью воровство у Славянъ повсюду распространено. У всѣхъ Сербовъ мущинъ и женщинъ преотвратительный нравъ, мужья такъ ревнивы, что окна ихъ домовъ постоянно заперты». Въ одномъ Австрійскомъ Нѣмецкомъ журналѣ 1812 г. такъ описывали характеръ Русскаго въ Угорщинѣ: «Характеръ Русняковъ общій всѣмъ Славянамъ. Недовѣрчивъ, обманчивъ, лукавъ, безъ малѣйшей нравственности, безъ религіи, непослушный начальствамъ, въ высшей степени тупой и грубый, преданъ пьянству и разврату»,—*Кроме* въ статистическомъ описаніи Австріи (1820 г.) отмѣчаетъ: «Нѣмцы. 5 милліоновъ. Отличаются честностью и вѣрностью, открытостью и веселостью, трудолюбіемъ и благосостояніемъ, нравственностью и любовью къ наукамъ. Славяне. 11 — 12 милліоновъ. Въ слѣдствіе долгаго рабства или служенія (кому?) и задержанной (кѣмъ?) образованности отличаются грубостью, вялостью, нечистотою, грубою чувственностью и великимъ легкомысліемъ. При томъ часто предаются пьянству, обыкновенно нѣсколько лѣнивы, скрытны, вороваты, принизительны съ высшими». *Тренкъ* (о національной храбрости. 1786) говоритъ: „Чехъ золъ, коваренъ, предатель, непримиримъ, глупъ и только тогда выходитъ хорошимъ солдатомъ, когда его съ принужденіемъ и палочными ударами выучиваютъ на плацу“.

I. Лудвигъ, (1752), въ своемъ объясненіи къ золотой буллѣ Карла IV, говоря о той статьѣ ея, которою этотъ Нѣмецкій императоръ и Чешскій король вмѣнялъ Нѣмецкимъ курфюрстамъ въ обязанность учиться языку Славянскому, замѣтилъ: „Карлъ IV долженъ бы былъ остановиться обязывать курфюрстовъ учиться грубому и необработанному языку Славянскому. Потому это предписаніе было скорѣе осмѣяно, чѣмъ принято во вниманіе и введено въ употребленіе. Курфюрстъ долженъ бы былъ стыдиться, еслибъ про него могли сказать, что онъ время и трудъ потратилъ на изученіе рабскаго языка. Во времена Карла IV Славяне были уже въ такомъ презрѣніи, что ихъ считали наравнѣ съ рабами и собаками“.—*Гебгарди*,

въ своей исторіи Славянъ (1790 г.) пополнилъ свою книгу слѣдующими и подобными имъ замѣчаніями: «Неограниченная страсть Славянъ къ убійствамъ и грабежамъ». — «Не только прежніе Нѣмецкіе или Иллирскіе Славяне, но и новѣйшіе Русскіе, безъ всякаго малѣйшаго повода, не обращая вниманія ни на минувшія событія, ни на неизбѣжныя слѣдствія въ будущемъ, увлекаются къ мятежамъ, къ нарушенію священнѣйшихъ договоровъ, къ умерщвленію ими самими избранныхъ государей. Славяне, о коихъ Прокопій говоритъ, что они не имѣли расположенія къ коварству и хитрости, являются столь лукавыми и вѣроломными, что на нихъ никогда нельзя было положиться».—«Мстительность Славянъ была неограниченная. Каждый Славянинъ грабилъ, и въ завоеванныхъ Славянскихъ земляхъ иначе нельзя было защитить Нѣмецкихъ подданныхъ, какъ только тѣмъ, что каждый странствовавшій Славянинъ, который не могъ указать истинной причины удаленія изъ своей деревни, былъ признаваемъ за уличеннаго вора и разбойника, и, какъ таковой, былъ осуждаемъ и казнимъ. Балтійскіе Славяне у Норманновъ научились мореходству и сдѣлались потомъ ненасытными корсарами».—«Славянинъ былъ искусный мореходъ, но онъ отдавался морю не для перевозки товаровъ, а для грабежа и разбоя».—«Тайныя убійства еще и теперь не необычны у легкомысленныхъ Славянскихъ женщинъ». — «Они убивали не только мущинъ и дѣтей, но даже такихъ женщинъ, которыхъ щадятъ и берегутъ другіе дикіе народы, выдумывали новыя муки, умерщвляли, наслаждались предсмертными судорогами несчастныхъ, у которыхъ они вырѣзывали на спинѣ широкіе ремни, они ихъ прокалывали или вѣшали на столбы, потрошили живыхъ и бросали такъ на волю, или подобно бойному скоту приносили ихъ въ жертву богамъ».—«Сначала Славяне выучились войнѣ у Нѣмцевъ».—«Каждый Славянинъ, отецъ семейства, считалъ удовольствіемъ умерщвлять людей, производить великія опустошенія, употреблять и удовлетворять всякаго рода развратныя страсти и наслажденія». — «Авары привыкли глядѣть, если не на всѣхъ Славянъ, то на Чеховъ, какъ на безчувственныхъ и безсрамныхъ людей, которыхъ не могло вывести изъ усыпленія никакое оскорбленіе и поруганіе». — «Славяне на островѣ Руянѣ (Рюгенѣ) принадлежали къ добродушнымъ распутникамъ, ибо были гостепріимны до расточительности».—«Кашубы отличаются суевѣріемъ, мечтательнымъ благочестіемъ и многими дурными качествами». «Они недовѣрчивы, лукавы, воры, упрямы, свирѣпы, когда не встрѣчаютъ сопротивленія, и трусливы, когда

ведемъ нѣсколько примѣровъ. *Гакетъ*, въ описаніи Иллиріи и Далмаціи (1816 г.) говоритъ между прочимъ о Славянахъ, что «они такъ легко и покорно подчинились самому отвратительному деспотизму, потому что они не могли себѣ составить никакого понятія о лучшей власти. Подобно большей части Азіатовъ, они въ высшей степени грязны, хотя и страстно любятъ баню. Причина ихъ нечистоплотности — слишкомъ тѣсныя жилища, ибо въ одной избѣ, даже въ одной и той же горницѣ, часто среди грязи, спитъ нѣсколько семействъ. Къ несчастью воровство у Славянъ повсюду распространено. У всѣхъ Сербовъ мущинъ и женщинъ преотвратительный нравъ, мужья такъ ревнивы, что окна ихъ домовъ постоянно заперты». Въ одномъ Австрійскомъ Нѣмецкомъ журналѣ 1812 г. такъ описывали характеръ Русскаго въ Угорщинѣ: «Характеръ Русняковъ общій всѣмъ Славянамъ. Недовѣрчивъ, обманчивъ, лукавъ, безъ малѣйшей нравственности, безъ религіи, непослушный начальствамъ, въ высшей степени тупой и грубый, преданъ пьянству и разврату»,—*Кроме* въ статистическомъ описаніи Австріи (1820 г.) отмѣчаетъ: «Нѣмцы. 5 милліоновъ. Отличаются честностью и вѣрностью, открытостью и веселостью, трудолюбіемъ и благосостояніемъ, нравственностью и любовью къ наукамъ. Славяне. 11 — 12 милліоновъ. Въ слѣдствіе долгаго рабства или служенія (кому?) и задержанной (кѣмъ?) образованности отличаются грубостью, вялостью, нечистотою, грубою чувственностью и великимъ легкомысліемъ. При томъ часто предаются пьянству, обыкновенно нѣсколько лѣнивы, скрытны, вороваты, принизительны съ высшими». *Тренкъ* (о національной храбрости. 1786) говоритъ: „Чехъ золъ, коваренъ, предатель, непримиримъ, глупъ и только тогда выходитъ хорошимъ солдатомъ, когда его съ принужденіемъ и палочными ударами выучиваютъ на плацу“.

I. Лудвигъ, (1752), въ своемъ объясненіи къ золотой буллѣ Карла IV, говоря о той статьѣ ея, которою этотъ Нѣмецкій императоръ и Чешскій король вмѣнялъ Нѣмецкимъ курфюрстамъ въ обязанность учиться языку Славянскому, замѣтилъ: „Карлъ IV долженъ бы былъ остановиться обязывать курфюрстовъ учиться грубому и необработанному языку Славянскому. Потому это предписаніе было скорѣе осмѣяно, чѣмъ принято во вниманіе и введено въ употребленіе. Курфюрстъ долженъ бы былъ стыдиться, еслибъ про него могли сказать, что онъ время и трудъ потратилъ на изученіе рабскаго языка. Во времена Карла IV Славяне были уже въ такомъ презрѣніи, что ихъ считали наравнѣ съ рабами и собаками“.—*Гебгарди*,

вянъ во всемірной исторіи. Но эти примѣры вмѣстѣ съ замѣчаніями Гегеля, Лео и др. еще далеко не обнимаютъ всѣхъ характеристикъ и мнѣній этого направленія, существующихъ въ новѣйшей Нѣмецкой литературѣ объ этомъ предметѣ. Поэтому намъ необходимо привести еще другія замѣчанія и опредѣленія различныхъ ученыхъ и писателей Нѣмецкихъ. Правда читатель тутъ не встрѣтитъ именъ первоклассныхъ; тѣмъ не менѣе люди, подобные Геффтеру, Вуттке, Гефлеру, Менцелю, Дитцелю и проч., не безъ заслугъ для образованности Нѣмецкой, и голоса и мнѣнія ихъ о нашемъ предметѣ пользуются въ Германіи не малымъ уваженіемъ. Не обращая на нихъ вниманія, мы останемся въ неизвѣстности о разныхъ употребительныхъ и вѣскихъ въ Германіи доводахъ и доказательствахъ въ пользу давно сложившагося и нынѣ господствующаго въ исторической наукѣ воззрѣнія на мѣсто, значеніе и призваніе Славянъ въ человѣчествѣ.

Братъ извѣстнаго Германскаго спеціалиста по международному праву, д-ръ М. В. Геффтеръ, написавшій нѣсколько сочиненій по классической филологіи, по исторіи и древностямъ Бранденбурга, издалъ въ 1847 г. извѣстное свое сочиненіе: „Der Weltkampf der Deutschen und Slaven seit dem Ende des fünften Iahrhunderts nach christlicher Zeitrechnung, nach seinem Ursprunge, Verlaufe u. nach seinen Folgen dargestellt. Hamburg u. Gotha. 1847. 8₀ (VI+481). (Міровая борьба Нѣмцевъ и Славянъ съ конца V стол.). Сочиненіе свое авторъ посвятилъ Нѣмецкому народу. «Да послужитъ оно тебѣ,—говоритъ авторъ въ своемъ посвященіи,—1) *зеркаломъ твоей славы*, въ которомъ ты познаешь, что̀ твои предки въ прошедшія времена смогли, сдѣлали, привели, какъ силою своей десницы, такъ превосходствомъ своей живости, своего ума и образованія; 2) *зеркаломъ твоего права*, по которому ты до сей минуты владѣешь господствомъ надъ довольно значительною частью первоначально Славянскихъ земель и ихъ Славянскихъ жителей; 3) *зеркаломъ утѣшенія* (Spiegel des Trostes), ибо ты здѣсь на сѣверѣ и на востокѣ твоихъ жилищъ пріобрѣтаешь вновь то, что̀ вялая и себялюбивая политика твоихъ собственныхъ или чужихъ государей въ прошедшія времена сманила или похитила у тебя на западѣ; 4) *зеркаломъ твоего будущаго*, дабы узналъ ты отсюда, какъ ты вообще долженъ поступать съ твоими противниками для побѣды надъ ними: правда съ честностью и прямотою, какъ тебѣ благоприлично, но не слабо, не вяло, не довѣрчиво-снисходительно и добро-

душно, но съ мудрою, справедливою, строгою, быстрою энергіею, и постоянно усовершенствуясь въ твоей всесторонней дѣятельности, ловкости, умѣ и нравственности. Этими добродѣтелями ты пріобрѣлъ себѣ настоящее мѣсто въ средѣ народовъ, и только ими можешь ты себѣ удержать его и даже быть можетъ достичь нѣкогда той высоты, на которой ты стоялъ подъ Оттономъ Великимъ, когда съ тобою въ силѣ и уваженіи не могъ сравниться ни одинъ народъ Европы.»

Не слѣдуетъ придираться къ этому напыщенному тону и страннымъ патетическо-археологическимъ пожеланіямъ къ возвращенію временъ Оттона Великаго, когда въ протекшія съ тѣхъ поръ девять столѣтій все измѣнилось вокругъ и около Германіи, а въ старомъ и новомъ свѣтѣ возникли молодыя громадныя державы, для которыхъ Германская имперія Оттона Великаго можетъ представляться хорошею, но небольшою провинціею. На этой слабости нашего автора останавливаться нечего, такъ какъ онъ раздѣляетъ ее со многими своими соотечественниками, даже первоклассными учеными Германіи [1]). Въ предисловіи онъ скромно говоритъ, что не причисляетъ себя къ историкамъ по призванію, соглашается, что „быть можетъ въ его книгѣ окажется чувствительнымъ недостатокъ того всеобщаго историческаго взгляда и того величественнаго изображенія, которое свойственно великимъ историкамъ.“ „Но предметъ, мною избранный, уже самъ по себѣ величественный“. Авторъ пришелъ къ нему, занимаясь частною исторіею Бранденбурга. „Съ того времени я все относительно его читалъ, изслѣдовалъ, собиралъ. Такимъ образомъ я ничего не опустилъ въ пониманіи, въ участіи, въ одушевленіи къ дѣлу, въ прилежаніи и ученіи, и быть можетъ это замѣнитъ въ нѣкоторой степени недостающее.“ Относительно сѣверныхъ марокъ (украйнъ) авторъ пользовался источниками, а по другимъ частямъ пособіями—именно по Даніи Дальманомъ, по Мекленбургу и Помераніи Л. Гизебрехтомъ и также сборникомъ Козегартена (Codex diplomaticus), по Пруссіи Фойгтомъ, по Ливоніи Крузе, по Польшѣ и Силезіи Репеллемъ, по Чехіи Палацкимъ. Вездѣ, гдѣ могъ, авторъ справлялся съ источниками и свѣрялъ съ ними своихъ предшественниковъ. Вообще трудъ автора,

---

[1]) Такою напыщенностью и неестественностью тона страдаютъ нерѣдко самыя лучшія произведенія современной Нѣмецкой исторической науки, напр. исторія Германскихъ императоровъ В. Гизебрехта.

не составляя чести и гордости Нѣмецкой исторической науки, ни по критикѣ и учености, ни по уму и таланту автора, не есть явленіе совершенно посредственное, лишено грубыхъ и нелѣпыхъ ошибокъ, обличаетъ знакомство автора съ литературою предмета. Для насъ дорого самое то обстоятельство, что авторъ не обладаетъ большимъ умомъ и талантомъ, какъ это уже видно и изъ предисловія, и вмѣстѣ отличается скромностью, собирая больше чужія мысли, чѣмъ изобрѣтая собственныя. Знакомясь съ мнѣніями и выводами автора о Славянахъ, мы знакомимся такимъ образомъ съ мнѣніями и выводами очень многихъ писателей и ученыхъ Нѣмецкихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ книга Геффтера сама въ свою очередь много сдѣлала въ Германіи для распространенія этихъ мнѣній. Разные Нѣмецкіе авторы часто ссылаются на него, еще чаще, не говоря дурнаго слова, прямо изъ него выписываютъ. Познакомимся же съ нѣкоторыми главнѣйшими мнѣніями и выводами Геффтера о Славянахъ. Не будемъ долго останавливаться на его характеристикѣ древнихъ Германцевъ. Она хоть и не совсѣмъ согласна съ источниками и фактами и хотя также напыщенна, какъ и предисловіе, но также, какъ и послѣднее, не представляетъ ничего новаго и особеннаго противъ обычныхъ въ Нѣмецкихъ книгахъ и книжкахъ характеристикъ этого рода. И тутъ авторъ прилежно собиралъ изъ другихъ авторовъ: „Еще, говоритъ онъ, были Нѣмцы древній, сильный, крѣпкій, необезсиленный, храбрый, прямой, свободный, непреклонный народъ, какъ описалъ ихъ Тацитъ въ первое столѣтіе христіанскаго лѣтосчисленія. Они отличались мужествомъ, чувствомъ права, вѣрностью, любовью къ отечественному, національнымъ смысломъ, серьезностью (Ernst), твердостью, прилежаніемъ, добродѣтелью и честностью, если когда они и грѣшили, то большею частью это случалось при испорченныхъ дворахъ знатныхъ и князей. Въ ихъ внутреннихъ отношеніяхъ вообще господствовала великая необузданность и свобода, несмотря на ленную систему; но одна личность охотно подчинялась другой, высшему, знатному, разумнѣйшему, если того требовалъ общій или высшій интересъ. При величайшей любви къ свободѣ однако послушаніе, однако добровольное подданство. Многознаменательное отношеніе въ дружинной службѣ“! и т. д. Послѣдуемъ теперь за авторомъ внимательно: „Соберемъ же мы изъ изображеній древнихъ историковъ и новѣйшихъ путешественниковъ отдѣльныя черты, и слѣдующій очеркъ, точно по нимъ составленный, вѣрно намъ представитъ природу и характеръ Славянъ. Онъ многое объяснитъ

что̀ послѣдующее историческое изложеніе намъ представитъ, и можетъ такимъ образомъ послужить базисомъ для цѣлаго. Онъ не долженъ умалчивать о добродѣтеляхъ и преимуществахъ племени, равно какъ объ ихъ недостаткахъ и порокахъ.

«Славянинъ вообще средняго, умѣреннаго роста, но крѣпкаго тѣлосложенія. Его члены крѣпки, сильны, круглы и притомъ гибки. Его физіономія тамъ, гдѣ онъ живетъ несмѣшанно, представляетъ широкія, какъ изъ дуба вырѣзанныя, лица съ широкимъ, тупымъ носомъ, съ широкимъ, толстымъ ртомъ, съ выпуклыми глазами, шишковатыми скулами. Его черты лица плоски, грубы, его волосы льняные. Къ жарѣ и холоду, къ жаждѣ и голоду, сравнительно съ другими народами, онъ менѣе чувствителенъ. Характеръ его очень сложный: удивительная смѣсь добродѣтелей и ошибокъ, достоинствъ и недостатковъ. По природѣ флегматичный, онъ любитъ миръ и покой, довольствуется малымъ, и работаетъ преимущественно столько лишь, сколько нужно для него и для семейства, немного помышляетъ о будущемъ, о запасѣ, о скопленіи, о сбереженіи, объ улучшеніи своего положенія, объ украшеніи жизни. Онъ можетъ спокойно видѣть себя и своихъ въ грязи, въ бѣдности. Изъ того же основанія онъ вялъ (indolent), допускаетъ многое надъ собой, что̀ едва ли терпѣливо перенесетъ живой, болѣе благородный духъ. Онъ терпѣливо и неутомимо переноситъ работу, спокойно идетъ въ опасность и на смерть, имѣя нѣчто восточное, мусульманское въ этомъ гордомъ презрѣніи смерти. Эта летаргія, это безконечное чувство судьбы и необходимости даетъ ему упорство, храбрость на войнѣ, въ битвѣ. Онъ добродушенъ, общителенъ, любезенъ, благочестивъ, гостепріименъ, сострадателенъ, благотворителенъ, стыдливъ, цѣломудренъ, милъ и веселъ, любитъ особенно музыку, пѣнье, поэзію, и имѣетъ къ этимъ искусствамъ чрезвычайное дарованіе. Но минутныя впечатленія легко его раздражаютъ и скоро выводятъ изъ себя. Онъ легкомысленъ и неблагоразуменъ, холерически вспыльчивъ, бурливъ, насильственъ, спорливъ, сварливъ, забіяченъ и драчливъ, даже со своими соплеменниками. Въ подобномъ раздраженіи онъ способенъ ко всякому напряженію, пожертвованію, мщенію, ко всякой жестокости и мерзости. Онъ можетъ быть услужливъ и угодливъ со всякимъ, отъ котораго ему нечего ожидать или съ своими земляками, но онъ дерзокъ и безстыденъ въ своихъ притязаніяхъ и требованіяхъ, когда онъ полагаетъ возможнымъ кому нибудь приказывать. При всемъ своемъ довольствѣ окружающимъ, при довольномъ духѣ даже въ нуждѣ и недостаткѣ, онъ жаденъ до чужаго добра, не

столько своихъ земляковъ и соплеменниковъ, сколько иноземцевъ, особенно если это добро привлекаетъ его взоры и любопытство. Тогда уже онъ становится воромъ, грабителемъ, алчнымъ до добычи, не уважаетъ ни закона, ни грозящаго наказанія; тогда онъ отказывается отъ своей природной флегмы и является проворнымъ, умнымъ, хитрымъ, лукавымъ, пронырливымъ. Въ нѣкоторыхъ земляхъ, напримѣръ въ Россіи, онъ обладаетъ нерѣдко сильною хитростью (eine unversiegliche Schalkheit) и притомъ извѣстною наблюдательностью (Lauschigkeit). Тамъ онъ насквозь пронырливый и хитрый человѣкъ, и, притворяясь ничего не дѣлающимъ, только играющимъ и шутящимъ, онъ замѣчаетъ, видитъ и подглядываетъ все, что вокругъ него происходитъ. Гордый своею національностью, презираетъ онъ иностранное, отдаляется отъ всего чужаго и крѣпко держится своего. Онъ любитъ свой народъ и своихъ соплеменниковъ и искренно ненавидитъ тѣхъ, которые его покорили, надъ нимъ господствуютъ и его порабощаютъ; онъ любитъ свой языкъ и не хочетъ знать языка своихъ притѣснителей; онъ любитъ свои обычаи и родные нравы, свою наслѣдственную вѣру и презираетъ чужую, нерѣдко до излишка, до ханжества, до нетерпимости, до собственной своей невыгоды, до смѣшнаго. Даже собственныхъ соплеменниковъ можетъ онъ преслѣдовать самою ожесточенною ненавистью, обращаться съ ними съ величайшимъ презрѣніемъ, если они принадлежатъ къ другой церкви, другому государству и другой народности; онъ можетъ желать непрерывной борьбы съ ними, ихъ порабощенія и истребленія. И какъ покоренъ и терпѣливъ онъ во всемъ другомъ, такъ нетерпѣливъ онъ со всякимъ, кто хочетъ мѣнять его нравы и обычаи. Для того онъ становится фанатикомъ. Онъ охотно выноситъ величайшее несчастіе, если онъ только при этомъ сознаетъ, что оно не отчудитъ его отъ отцовскаго обычая. Поэтому легко понять, какое непреодолимое препятствіе противупоставляетъ этотъ ограниченный патріотизмъ всякому практическому и нравственному усовершенствованію. Тутъ можетъ только помочь деспотическое насиліе, какъ то мы видѣли съ Петромъ Великимъ, только кнутъ можетъ склонить упорную дерзость. Отсюда усобицы Славянъ между собою, старыя, закоренѣлыя, которыя даже современная образованность не можетъ примирить: позоръ, отъ котораго не свободны даже лучшіе изъ нихъ. Горе тому, кого онъ заподозритъ, что можетъ притѣснить его національность! Тому онъ заклятый врагъ, противъ того выступаетъ онъ со всею силою, если не можетъ открыто, то тайно и изъ-за угла. Онъ патріотиченъ,

можетъ жертвовать имѣніемъ и кровью, храбръ, предпріимчивъ, смѣлъ, когда идетъ дѣло о свободѣ, объ отечествѣ, о домашнемъ очагѣ. Но даже въ этихъ благородныхъ стремленіяхъ ему мѣшаетъ его любовь къ удобству и бездѣятельности; онъ не выдерживаетъ, не имѣетъ твердаго постоянства воли, его энтузіазмъ похожъ на соломенный пламень. Когда при этомъ ему открываются виды на личную выгоду, то онъ становится вѣроломнымъ, легко даетъ себя подкупать; тогда онъ измѣннически выдаетъ самое дорогое: домашній очагъ, отечество, свой народъ; тогда онъ не стыдится низвергнуть друга и имъ пожертвовать, быть можетъ даже съ внутреннимъ коварнымъ смѣхомъ. И эта гордость національнымъ нерѣдко вырождается у Славянина, у знатнаго человѣка, въ подавляющій аристократизмъ, такъ что онъ становится съ собственными, ему подчиненными, соплеменниками повелительнымъ, тираническимъ, деспотическимъ и жестокимъ, между тѣмъ какъ съ сильнѣйшими и высшими, чѣмъ онъ самъ, особенно если тутъ примѣшивается личная польза, онъ можетъ быть скромно-любезенъ, льстивъ, хитеръ и фальшивъ. Точно также и нисшій не почитаетъ за стыдъ, рабски-приниженно слушать своихъ высшихъ, были бы они только изъ его народа и племени, исполнять все, даже самое гнусное, если они ему прикажутъ, позволяетъ имъ попирать себя ногами, обращаться съ собою самымъ оскорбительнымъ образомъ. Для свободныхъ государственныхъ формъ онъ повидимому организованъ очень слабо, онъ скорѣе впадаетъ въ крайности деспотизма и анархіи. Издревле для политическаго единства недоставало ему здороваго бюргерства (мѣщанства). Отъ природы одаренный разными тѣлесными и духовными способностями и талантами, онъ все легко схватываетъ, быстро усвоиваетъ чужое, искусно подражаетъ новому, едва имъ виданному; если проворенъ, то искусенъ въ изобрѣтательности. Онъ трудолюбивъ и постояненъ въ исполненіи долга, когда имѣетъ службу, которая его кормитъ и привязываетъ его къ извѣстному порядку. Такъ Славянская Богемія преимущественно снабжаетъ нынѣ Австрійскую имперію многими дѣловыми и государственными людьми, и не было бы въ этомъ отношеніи недостатка и въ Пруссіи, если бы тутъ національная ненависть не удерживала Славянъ отъ участія въ управленіи. Но и тутъ часто вредитъ Славянину его любовь къ лѣни и мѣшаетъ всякому успѣху и подъему матеріальному и духовному. Онъ не употребляетъ своего таланта, не развиваетъ его изъ себя, но всегда сначала нуждается во внѣшнемъ возбужденіи примѣромъ, нуждою и т. д. Истинно-божествен-

ное легкомысліе сопровождаетъ его во всѣхъ дѣлахъ его, и извѣстная его наблюдательность умѣетъ во всемъ находить смѣшную сторону. Русскій напримѣръ превосходный мимикъ, прирожденный актеръ, полный наблюдательности и ловкости, качествъ, проглядывающихъ во всѣхъ его тѣлодвиженіяхъ и чертахъ лица: веселость, шутки, легкое сбрасыванье тяжелаго и непріятнаго отличительныя его особенности. Къ этому еще у многихъ Славянъ присоединяется любовь къ пьянству, страсть къ спиртнымъ напиткамъ низшаго сорта, которая надламываетъ его духовныя и тѣлесныя силы, мѣшаетъ трудолюбію, самоусовершенствованію, благосостоянію, образованію, подкапываетъ зданіе домашняго и общественнаго быта. Простой Славянинъ съ одной стороны довольствуется очень малымъ, имѣетъ мало потребностей; но съ другой между этими немногими потребностями водка есть самая главная, за которую самый бѣдный, самый умѣренный отдаетъ все.

«Съ такою природою и съ такимъ характеромъ преимущественно является Славянинъ въ исторіи, именно въ исторіи борьбы съ Нѣмцами. И тутъ обнаруживаетъ онъ силу, мужество, личную храбрость, любовь къ свободѣ, къ отечеству, къ національному, и поэтому весьма затруднилъ и протянулъ для Нѣмца его покореніе. Съ другой стороны еще не менѣе онъ обнаруживаетъ ту же наклонность къ усобицамъ, тоже легкомысліе, тотъ же недостатокъ въ постоянствѣ, тоже неуваженіе къ народному праву, ту же любовь къ грабежамъ, къ необузданной свободѣ и распущенности, тоже неповиновеніе, тоже вѣроломство, предательство собственнымъ землякамъ и подданнымъ, туже коварную, легкомысленную природу, туже непостоянную и лично колеблющуюся, мгновенною страстью обусловленную политику и туже упорную привязанность къ своему. И такимъ образомъ ясно станетъ, что однимъ этимъ недостаткамъ онъ долженъ приписывать свое непріятное положеніе, въ которое онъ поставленъ относительно Нѣмца».

Ниже мы представимъ посильный нашъ разборъ главнѣйшихъ Европейскихъ и преимущественно Нѣмецкихъ характеристикъ этого рода, постараемся извлечь изъ нихъ все, что есть въ нихъ научнаго и объективнаго, воспользуемся всѣмъ тѣмъ, что есть въ нихъ субъективнаго, какъ рисующаго національное воззрѣніе Нѣмцевъ на Славянъ. Послѣднія странички своего историческаго изложенія Геффтеръ посвятилъ Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи (с. 432—452), и заключаетъ свое краткое повѣствованіе о нихъ слѣдующими словами: „частью сами отпадшіе, частью выданные Нѣмецкою

что̀ послѣдующее историческое изложеніе намъ представитъ, и можетъ такимъ образомъ послужить базисомъ для цѣлаго. Онъ не долженъ умалчивать о добродѣтеляхъ и преимуществахъ племени, равно какъ объ ихъ недостаткахъ и порокахъ.

«Славянинъ вообще средняго, умѣреннаго роста, но крѣпкаго тѣлосложенія. Его члены крѣпки, сильны, круглы и притомъ гибки. Его физіономія тамъ, гдѣ онъ живетъ несмѣшанно, представляетъ широкія, какъ изъ дуба вырѣзанныя, лица съ широкимъ, тупымъ носомъ, съ широкимъ, толстымъ ртомъ, съ выпуклыми глазами, шишковатыми скулами. Его черты лица плоски, грубы, его волосы льняные. Къ жарѣ и холоду, къ жаждѣ и голоду, сравнительно съ другими народами, онъ менѣе чувствителенъ. Характеръ его очень сложный: удивительная смѣсь добродѣтелей и ошибокъ, достоинствъ и недостатковъ. По природѣ флегматичный, онъ любитъ миръ и покой, довольствуется малымъ, и работаетъ преимущественно столько лишь, сколько нужно для него и для семейства, немного помышляетъ о будущемъ, о запасѣ, о скопленіи, о сбереженіи, объ улучшеніи своего положенія, объ украшеніи жизни. Онъ можетъ спокойно видѣть себя и своихъ въ грязи, въ бѣдности. Изъ того же основанія онъ вялъ (indolent), допускаетъ многое надъ собой, что̀ едва ли терпѣливо перенесетъ живой, болѣе благородный духъ. Онъ терпѣливо и неутомимо переноситъ работу, спокойно идетъ въ опасность и на смерть, имѣя нѣчто восточное, мусульманское въ этомъ гордомъ презрѣніи смерти. Эта летаргія, это безконечное чувство судьбы и необходимости даетъ ему упорство, храбрость на войнѣ, въ битвѣ. Онъ добродушенъ, общителенъ, любезенъ, благочестивъ, гостепріименъ, сострадателенъ, благотворителенъ, стыдливъ, цѣломудренъ, милъ и веселъ, любитъ особенно музыку, пѣнье, поэзію, и имѣетъ къ этимъ искусствамъ чрезвычайное дарованіе. Но минутныя впечатленія легко его раздражаютъ и скоро выводятъ изъ себя. Онъ легкомысленъ и неблагоразуменъ, холерически вспыльчивъ, бурливъ, насильственъ, спорливъ, сварливъ, забіяченъ и драчливъ, даже со своими соплеменниками. Въ подобномъ раздраженіи онъ способенъ ко всякому напряженію, пожертвованію, мщенію, ко всякой жестокости и мерзости. Онъ можетъ быть услужливъ и угодливъ со всякимъ, отъ котораго ему нечего ожидать или съ своими земляками, но онъ дерзокъ и безстыденъ въ своихъ притязаніяхъ и требованіяхъ, когда онъ полагаетъ возможнымъ кому нибудь приказывать. При всемъ своемъ довольствѣ окружающимъ, при довольномъ духѣ даже въ нуждѣ и недостаткѣ, онъ жаденъ до чужаго добра, не

столько своихъ земляковъ и соплеменниковъ, сколько иноземцевъ, особенно если это добро привлекаетъ его взоры и любопытство. Тогда уже онъ становится воромъ, грабителемъ, алчнымъ до добычи, не уважаетъ ни закона, ни грозящаго наказанія; тогда онъ отказывается отъ своей природной флегмы и является проворнымъ, умнымъ, хитрымъ, лукавымъ, пронырливымъ. Въ нѣкоторыхъ земляхъ, напримѣръ въ Россіи, онъ обладаетъ нерѣдко сильною хитростью (eine unversiegliche Schalkheit) и притомъ извѣстною наблюдательностью (Lauschigkeit). Тамъ онъ насквозь пронырливый и хитрый человѣкъ, и, притворяясь ничего не дѣлающимъ, только играющимъ и шутящимъ, онъ замѣчаетъ, видитъ и подглядываетъ все, что вокругъ него происходитъ. Гордый своею національностью, презираетъ онъ иностранное, отдаляется отъ всего чужаго и крѣпко держится своего. Онъ любитъ свой народъ и своихъ соплеменниковъ и искренно ненавидитъ тѣхъ, которые его покорили, надъ нимъ господствуютъ и его порабощаютъ; онъ любитъ свой языкъ и не хочетъ знать языка своихъ притѣснителей; онъ любитъ свои обычаи и родные нравы, свою наслѣдственную вѣру и презираетъ чужую, нерѣдко до излишка, до ханжества, до нетерпимости, до собственной своей невыгоды, до смѣшнаго. Даже собственныхъ соплеменниковъ можетъ онъ преслѣдовать самою ожесточенною ненавистью, обращаться съ ними съ величайшимъ презрѣніемъ, если они принадлежатъ къ другой церкви, другому государству и другой народности; онъ можетъ желать непрерывной борьбы съ ними, ихъ порабощенія и истребленія. И какъ покоренъ и терпѣливъ онъ во всемъ другомъ, такъ нетерпѣливъ онъ со всякимъ, кто хочетъ мѣнять его нравы и обычаи. Для того онъ становится фанатикомъ. Онъ охотно выноситъ величайшее несчастіе, если онъ только при этомъ сознаетъ, что оно не отчудитъ его отъ отцовскаго обычая. Поэтому легко понять, какое непреодолимое препятствіе противупоставляетъ этотъ ограниченный патріотизмъ всякому практическому и нравственному усовершенствованію. Тутъ можетъ только помочь деспотическое насиліе, какъ то мы видѣли съ Петромъ Великимъ, только кнутъ можетъ склонить упорную дерзость. Отсюда усобицы Славянъ между собою, старыя, закоренѣлыя, которыя даже современная образованность не можетъ примирить: позоръ, отъ котораго не свободны даже лучшіе изъ нихъ. Горе тому, кого онъ заподозритъ, что можетъ притѣснить его національность! Тому онъ заклятый врагъ, противъ того выступаетъ онъ со всею силою, если не можетъ открыто, то тайно и изъ-за угла. Онъ патріотиченъ,

можетъ жертвовать имѣніемъ и кровью, храбръ, предпріимчивъ, смѣлъ, когда идетъ дѣло о свободѣ, объ отечествѣ, о домашнемъ очагѣ. Но даже въ этихъ благородныхъ стремленіяхъ ему мѣшаетъ его любовь къ удобству и бездѣятельности; онъ не выдерживаетъ, не имѣетъ твердаго постоянства воли, его энтузіазмъ похожъ на соломенный пламень. Когда при этомъ ему открываются виды на личную выгоду, то онъ становится вѣроломнымъ, легко даетъ себя подкупать; тогда онъ измѣннически выдаетъ самое дорогое: домашній очагъ, отечество, свой народъ; тогда онъ не стыдится низвергнуть друга и имъ пожертвовать, быть можетъ даже съ внутреннимъ коварнымъ смѣхомъ. И эта гордость національнымъ нерѣдко вырождается у Славянина, у знатнаго человѣка, въ подавляющій аристократизмъ, такъ что онъ становится съ собственными, ему подчиненными, соплеменниками повелительнымъ, тираническимъ, деспотическимъ и жестокимъ, между тѣмъ какъ съ сильнѣйшими и высшими, чѣмъ онъ самъ, особенно если тутъ примѣшивается личная польза, онъ можетъ быть скромно-любезенъ, льстивъ, хитеръ и фальшивъ. Точно также и нисшій не почитаетъ за стыдъ, рабски-приниженно слушать своихъ высшихъ, были бы они только изъ его народа и племени, исполнять все, даже самое гнусное, если они ему прикажутъ, позволяетъ имъ попирать себя ногами, обращаться съ собою самымъ оскорбительнымъ образомъ. Для свободныхъ государственныхъ формъ онъ повидимому организованъ очень слабо, онъ скорѣе впадаетъ въ крайности деспотизма и анархіи. Издревле для политическаго единства недоставало ему здороваго бюргерства (мѣщанства). Отъ природы одаренный разными тѣлесными и духовными способностями и талантами, онъ все легко схватываетъ, быстро усвоиваетъ чужое, искусно подражаетъ новому, едва имъ виданному; если проворенъ, то искусенъ въ изобрѣтательности. Онъ трудолюбивъ и постояненъ въ исполненіи долга, когда имѣетъ службу, которая его кормитъ и привязываетъ его къ извѣстному порядку. Такъ Славянская Богемія преимущественно снабжаетъ нынѣ Австрійскую имперію многими дѣловыми и государственными людьми, и не было бы въ этомъ отношеніи недостатка и въ Пруссіи, если бы тутъ національная ненависть не удерживала Славянъ отъ участія въ управленіи. Но и тутъ часто вредитъ Славянину его любовь къ лѣни и мѣшаетъ всякому успѣху и подъему матеріальному и духовному. Онъ не употребляетъ своего таланта, не развиваетъ его изъ себя, но всегда сначала нуждается во внѣшнемъ возбужденіи примѣромъ, нуждою и т. д. Истинно-божествен-

ное легкомысліе сопровождаетъ его во всѣхъ дѣлахъ его, и извѣстная его наблюдательность умѣетъ во всемъ находить смѣшную сторону. Русскій напримѣръ превосходный мимикъ, прирожденный актеръ, полный наблюдательности и ловкости, качествъ, проглядывающихъ во всѣхъ его тѣлодвиженіяхъ и чертахъ лица: веселость, шутки, легкое сбрасыванье тяжелаго и непріятнаго отличительныя его особенности. Къ этому еще у многихъ Славянъ присоединяется любовь къ пьянству, страсть къ спиртнымъ напиткамъ низшаго сорта, которая надламываетъ его духовныя и тѣлесныя силы, мѣшаетъ трудолюбію, самоусовершенствованію, благосостоянію, образованію, подкапываетъ зданіе домашняго и общественнаго быта. Простой Славянинъ съ одной стороны довольствуется очень малымъ, имѣетъ мало потребностей; но съ другой между этими немногими потребностями водка есть самая главная, за которую самый бѣдный, самый умѣренный отдаетъ все.

«Съ такою природою и съ такимъ характеромъ преимущественно является Славянинъ въ исторіи, именно въ исторіи борьбы съ Нѣмцами. И тутъ обнаруживаетъ онъ силу, мужество, личную храбрость, любовь къ свободѣ, къ отечеству, къ національному, и поэтому весьма затруднилъ и протянулъ для Нѣмца его покореніе. Съ другой стороны еще не менѣе онъ обнаруживаетъ ту же наклонность къ усобицамъ, тоже легкомысліе, тотъ же недостатокъ въ постоянствѣ, тоже неуваженіе къ народному праву, ту же любовь къ грабежамъ, къ необузданной свободѣ и распущенности, тоже неповиновеніе, тоже вѣроломство, предательство собственнымъ землякамъ и подданнымъ, туже коварную, легкомысленную природу, туже непостоянную и лично колеблющуюся, мгновенною страстью обусловленную политику и туже упорную привязанность къ своему. И такимъ образомъ ясно станетъ, что однимъ этимъ недостаткамъ онъ долженъ приписывать свое непріятное положеніе, въ которое онъ поставленъ относительно Нѣмца».

Ниже мы представимъ посильный нашъ разборъ главнѣйшихъ Европейскихъ и преимущественно Нѣмецкихъ характеристикъ этого рода, постараемся извлечь изъ нихъ все, что есть въ нихъ научнаго и объективнаго, воспользуемся всѣмъ тѣмъ, что̀ есть въ нихъ субъективнаго, какъ рисующаго національное воззрѣніе Нѣмцевъ на Славянъ. Послѣднія странички своего историческаго изложенія Геффтеръ посвятилъ Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи (с. 432—452), и заключаетъ свое краткое повѣствованіе о нихъ слѣдующими словами: „частью сами отпадшіе, частью выданные Нѣмецкою

имперіею. Балтійскіе Нѣмцы искупаютъ вину дурной политики: они только терпимы, не самостоятельны, не господствуютъ, какъ было прежде; они могли бы, сообразно своей природѣ и характеру, такъ легко принимать участіе въ подъемѣ націи, къ которой они принадлежатъ по языку и по происхожденію, и однако они такъ ограниченны и отрѣзаны, не одною далью разстоянія; они конечно легко могутъ желать оставаться вѣрными своей Нѣмеччинѣ, и однако съ другой стороны отъ нихъ желаютъ, чтобы они какъ можно скорѣе съ нею разстались. Уже это раздвоеніе тяжело для нихъ; небо надъ ними сгущается. Но во всякомъ случаѣ эти Нѣмцы суть и могутъ быть истинною солью не для однихъ Остзейскихъ провинцій, но и для всей колоссальной имперіи, благодаря своему образованію, своему духу, своей серьезности, трезвости, бодрости, своему прилежанію. И для настоящаго и для будущаго надо имъ по крайней мѣрѣ пожелать, чтобы Русская политика это сознала и такъ бы съ ними поступала. Она повредитъ себѣ и имперіи, если намѣревается русить эти Нѣмецкія земли и если этого со временемъ достигнетъ: онѣ связаны языкомъ, литературою, нравами съ Германіею, съ Нѣмцами, которые стоятъ на гораздо высшей ступени, чѣмъ Русскіе, могущіе у нихъ только поучаться. Такимъ образомъ Русская политика погасила бы для себя свѣтъ, столь для нея благодѣтельный. На этомъ же основаніи, иное совершенно дѣло со Славянами подъ Нѣмецкимъ господствомъ».

Смыслъ этого нѣсколько темнаго замѣчанія Геффтера о томъ, что иное дѣло Нѣмцы въ Россіи и иное Славяне въ Австріи, Саксоніи и Пруссіи, раскрывается довольно ясно изъ слѣдующаго мѣста его введенія. «Отечество наше въ этнографическомъ отношеніи представляетъ замѣчательное явленіе тѣмъ, что въ его предѣлахъ и отчасти даже внутри его находятся весьма значительные остатки народа, довольно чуждаго Нѣмцамъ по происхожденію, характеру и языку. Это Славяне, члены великаго племени, которое нѣкогда было распространено на изрядной части нынѣшней Германіи, здѣсь же въ теченіе двѣнадцати и долѣе столѣтій было оттѣсняемо Германцами, такъ что въ настоящее время оно потеряло быть можетъ до 7 — 8000 миль; того племени, отъ котораго на сѣверо-восточномъ берегу Адріатическаго моря, даже въ Турціи и Угріи, удержались нѣкоторые обломки, которые въ средней и новой исторіи вообще играли несовсѣмъ ничтожную роль, изъ нѣдръ котораго возникла въ сѣверной Европѣ та міровая держава, которая нынѣ простираетъ свои длинныя, могучія руки даже на большую

часть Азіи, черезъ Кавказъ до Арарата, и черезъ Сибирь и Камчатку до западнаго берега Америки, и которая тутъ въ Европѣ, совершенно въ противоположность нашей Германіи, въ своихъ Балтійскихъ провинціяхъ имѣетъ многихъ (?) подданныхъ Нѣмцевъ.

«Откуда это? какими обстоятельствами и политическими сочетаніями образовались столь противуположныя отношенія?» Это спрашиваетъ всякій, обращавшій вниманіе на физіономію этихъ земель и ищущій этому объясненія.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ никто не рѣшится прославлять счастливыми Нѣмцевъ, находящихся подъ Русскимъ, и Славянъ подъ Нѣмецкимъ скипетромъ; ибо есть много неудобствъ отъ соединенія въ одномъ государствѣ столь разнородныхъ частей. Впрочемъ положеніе Нѣмцевъ въ Россіи предпочтительнѣе положенію Славянъ въ Нѣмецкихъ государствахъ. Нѣмцы были первоначально побѣдителями и повелителями населяемой ими страны, и какъ таковые, какъ *свободные* (Freie), отдались подъ Русское владычество съ капитуляціями и договорами, съ признаніемъ немаловажныхъ преимуществъ. Въ тоже время, согласно сущности и характеру своей національности, они образуютъ дѣятельный, промышленный, трудолюбивый, трезвый, зажиточный, образованный классъ жителей, безъ котораго Русское государство не можетъ обходиться, который оно по возможности подымаетъ и защищаетъ, какъ ни желаетъ оно для единства государственнаго обратить своихъ Нѣмцевъ въ Русскихъ и сдѣлать у нихъ Русскій языкъ національнымъ. И сверхъ того торговлею, языкомъ, литературою, журналами, общею религіею и т. д. они до такой степени связаны съ своими соплеменниками въ собственной Германіи, что мало чувствуютъ тягости отъ чужаго элемента, посреди котораго живутъ, преимущественно еще потому, что охотно и послушно примѣняются къ нему, туземному языку по большей части обучаются и находятся въ многообразныхъ сношеніяхъ съ жителями страны.

„Иное дѣло-Славяне подъ Нѣмцами. Они по большей части покоренные, первоначально побѣжденные, которые, какъ таковые, издавна чувствовали себя притѣсненными, сдавленными, ограниченными, прижатыми, и поэтому съ древнихъ лѣтъ питаютъ истинно врожденную ненависть къ своимъ—настоящимъ или предполагаемымъ—притѣснителямъ. Въ умноженіе своихъ бѣдствій они такъ далеко зашли въ этой ненависти, что, по возможности объединяясь, они держали себя вдали отъ всего Нѣмецкаго. Они примѣрно обучались и упражнялись въ языкѣ своихъ господъ (Herren) только

по колику они въ немъ нуждались: они не заботились о Нѣмецкой литературѣ; они не участвовали въ исполинскихъ успѣхахъ цивилизаціи. И что было слѣдствіемъ этого? Они отстали въ образованіи; они нисколько не подвинули впередъ, или очень мало, свою народную литературу. Ихъ предоставили (Нѣмцы) ихъ замкнутости, ихъ тупой, злобной самозаключенности, ихъ не привлекали къ участію въ государственномъ управленіи, къ которому они до послѣдняго времени дерзко обращались спиной. Такъ у нихъ есть отечество, и они въ немъ чужіе; они члены государствъ и мало имѣютъ или не имѣютъ вовсе участія въ управленіи, въ нихъ есть столько прекраснаго и достойнаго, и однако оно такъ мало извѣстно и по достоинству оцѣнено; они имѣютъ отъ природы столько отличныхъ, тѣлесныхъ и духовныхъ дарованій, и однако они уступаютъ другимъ народамъ въ столь многихъ отношеніяхъ, имѣютъ богатый, рано выработанный, въ высшей степени музыкальный и поэтическій языкъ и при этомъ вообще очень скудную литературу.

«Ко всему этому присоединяется ихъ собственная разорванность и раздробленность, вызванная, условленная и болѣе, чѣмъ въ теченіи тысячи лѣтъ, поддерживаемая разнообразіемъ отдѣльныхъ племенъ, ихъ раздѣльными жилищами, разнообразіемъ нарѣчій, ихъ характеромъ, который слишкомъ расположенъ къ взаимной ненависти и непріязни различными судьбами отдѣленныхъ народностей, многоразличіемъ правительствъ, между которыми они подѣлены, и политическихъ учрежденій во многихъ ихъ земляхъ, различіемъ вѣръ и исповѣданій, наконецъ разными азбуками, не говоря уже о томъ, что многія племена, какъ Поляки и Русскіе, разъединены долгими кровопролитными войнами и, какъ кажется, навсегда раздвоились никогда непримиримою ненавистью.

„Славянину не сознавать этого печальнаго положенія, не томиться отъ этого и не искать себѣ средствъ для выхода изъ него —было бы величайшимъ легкомысліемъ и упорнѣйшею тупостью. И однако въ продолженіе многихъ вѣковъ у большей части Славянъ держалось такое направленіе. Они не сознавали своего печальнаго положенія; оно не вывело ихъ изъ той глухой уединенности. Только въ послѣднія десятилѣтія пробудилось преимущественно у Нѣмецкихъ Славянъ болѣе живое стремленіе отстранить по возможности эти неблагопріятныя обстоятельства, вызвать болѣе счастливыя времена для своихъ соплеменниковъ, если не сейчасъ, то по крайней мѣрѣ въ ближайшее будущее, спасти еще что можно, не потерять всего остальнаго, даже если можно вновь пріобрѣсти

кое-что изъ утраченнаго. Многіе прекрасные, просвѣщенные и свободные отъ предразсудковъ люди ихъ увидали, что не слѣдуетъ упорствовать въ ненависти къ другимъ народамъ или въ самодовольствѣ и отчужденіи, что не надо скрывать собственнаго добра подъ спудомъ, а нужно его показывать міру, что надо слѣдовать возвышеннымъ стремленіямъ времени въ искусствѣ и наукѣ, въ промышленности и техникѣ, для того, чтобъ не быть въ пренебреженіи или презрѣніи другихъ народовъ. Появились люди, подобные Добровскому, Ганкѣ, Копитару, Шафарику, Данковскому, Юнгманну, Линде, Бебукичу (?), Дуброганину (?), Ксиландеру (?), Негледи (?) и др., которые представили поучительныя изслѣдованія объ языкѣ Славянскомъ и литературѣ и предложили превосходныя объясненія. Другіе, какъ Пельцель, Карамзинъ, Палацкій, посвятили свое время и трудолюбіе историческимъ изслѣдованіямъ прошедшаго своихъ земель и племенъ. Третьи наконецъ обратили вниманіе на многія превосходныя, столь мягкія и нѣжныя, часто проникающія до глубины души, преимущественно элегическія народныя пѣсни, напр. Залѣсскій, Коларъ, Вукъ, Максимовичъ, Хауптъ, Смоляръ и другіе. Четвертые не безъ успѣха пытались самостоятельно обработывать свою литературу. Даже начали связывать отдѣльныя племена въ одинъ литературный и духовный союзъ, печатать періодическія изданія, образовывать народъ и пробуждать въ немъ высшій интересъ къ родному языку и литературѣ.

„А Нѣмецъ? что онъ сказалъ на это? что сдѣлалъ? Онъ встрѣтилъ эти стремленія съ заслуженнымъ участіемъ, радостно привѣтствовалъ ихъ, онъ, который каждому честному человѣку дружески уступаетъ честныя права, онъ, [1]) который принимаетъ такъ охотно все

---

[1]) Вуттке (Гейнрихъ) —Polen und Deutsche. 2 verm. Auflage. Leipzig. (1848) весьма характеристично опредѣляетъ пользу и вредъ панславизма. Хорошая его сторона заключается въ томъ, что онъ есть плодъ ученой работы —der Panslawismus ist die Frucht gelehrter Arbeit. (S. 75). Правильнѣе бы было сказать плодъ исторіи, прошедшей жизни Славянъ. Вуттке чисто по Вагнеровски (Фаустъ) оцѣниваетъ жизненныя, историческія явленія, опредѣляетъ ихъ доброту количествомъ печатныхъ листовъ, которые онѣ производятъ или вызываютъ. Безъ панславизма, говоритъ онъ, ist kein Bücherwesen und keine schriftstellerische Bewegung im grossen Maasstabe möglich. Bücher sind nicht blos gedrucktes Papier und eine Aufregung des geistigen Lebens. Von dem Gedeihen des Schriftthums, von seiner Ausbreitung und Einwirkung hängt Gesittung, Einsicht, Glück des Menschen ab. (S. 79). Вредная сторона панславизма состоитъ въ томъ, что онъ возбуждаетъ ненависть къ Нѣмцамъ и внушаетъ Славянамъ желаніе освободиться отъ Нѣмцевъ. (S. 95). Съ особеннымъ негодованіемъ

хорошее чужое и старается его усвоить, онъ, который такъ охотно помогаетъ каждому благородному стремленію, который видитъ тутъ помощь своимъ величественнымъ, лингвистическимъ и историческимъ трудамъ и ищетъ помощи именно у того народа, который лучше можетъ сообщить свѣдѣнія о себѣ и о своемъ положеніи. И Нѣмецъ впослѣдствіи будетъ конечно относиться съ уваженіемъ къ этимъ стремленіямъ, лишь бы онѣ оставались въ границахъ законности, не вырождались бы въ опасныя движенія, безъ чего конечно уже не обошлось и, при упомянутыхъ отношеніяхъ обоихъ племенъ, вѣроятно и впредь не обойдется, почему правительства должны имѣть надъ этимъ бдительный надзоръ. Нѣмецъ искренно желаетъ, чтобы доля Славянъ, которые у насъ часто были такъ притѣснены и сдавлены, казалась имъ не столь крутою и жестокою, чтобы тяжкая участь ихъ была смягчена. Но этого они только тогда могутъ достигнуть, когда они все болѣе станутъ сближаться съ нами, когда они наконецъ совершенно отложатъ давно питаемую ненависть и завяжутъ съ нами, не въ ущербъ своей національности, истинно-дружескія отношенія.»

По мнѣнію Геффтера, къ такому примирительному результату всего легче можетъ привести изученіе его книги, вообще исторіи, и особенно исторіи борьбы Славянъ съ Нѣмцами. «Она должна примирить враждебные умы, особенно выставивъ то, что нынѣшній

приводитъ Вуттке слѣдующее мѣсто изъ панславистическаго журнала Іордана на Нѣмецкомъ языкѣ—Slaw. Jahrbücher. 1845. VI, 228, гдѣ между прочимъ сказано: «Жаловаться мы должны великому царю на то, какъ заподозрѣвается Славизмъ, какимъ позоромъ считается быть въ родствѣ съ великою націею, судьба которой покоится въ его могучей рукѣ.» Das ist der Auswuchs des Panslawismus und diesem muss entgegentreten werden. Вотъ исчадіе панславизма,—восклицаетъ Вуттке, и противъ него надо ополчиться.—Справедливость требуетъ однако сказать, что общественное мнѣніе Нѣмецкое стало такимъ образомъ относиться къ литературнымъ опытамъ Славянъ тогда собственно, когда послѣдніе стали себѣ требовать и политическихъ правъ. Прежде же, въ началѣ ихъ литературнаго пробужденія въ нынѣшнемъ столѣтіи, и этотъ литературный панславизмъ, полезный, по мнѣнію Вуттке, Геффтера и пр., возбуждалъ такіе же крики негодованія, и тѣ же нареканія, какія возбуждаетъ въ нихъ панславизмъ политическій. Въ 1819 г. одинъ Мюнхенскій литературный журналъ (München. allg. Lit. Zeit. 1819. Weinmonat S. 71) думалъ, что де наступаетъ Вавилонское столпотвореніе языковъ—in dem jetzt nicht nur ein jedes Volk, sondern sogar ein jedes Völklein, die Czechen, Polen, Slowaken, Walachen u. s. w. ihre Sprache zu einem Werkzeug der Bildung zu erheben bemüht sind, und in derselben auf slowakisch und walachisch philosophiren, dramatisiren u. s. w.»

Славянскій міръ по большей части искупаетъ грѣхи и ошибки предковъ, что со стороны побѣдителя, народа Нѣмецкаго, не дѣйствовали тутъ ни страсть къ завоеваніямъ, ни честолюбіе, даже не славолюбіе, но всего болѣе вызвали эту борьбу дерзкая наглость побѣжденныхъ, ихъ взаимная вражда и ненависть, ихъ вѣчное волненіе, ихъ недостаточное уваженіе естественнаго и народнаго права, ихъ постоянныя дразненія, нападенія и грабежи, наконецъ ихъ всегдашнее непослушаніе и наклонность къ возмущеніямъ, ихъ хитрость и обманы. [1]) Они вызывали борьбу, возобновляли ее и наконецъ привели къ результатамъ тяжелымъ. Развѣ Нѣмецъ по большей части невынужденно брался за оружіе? И, побѣждая, долженъ-ли онъ былъ не налагать *никакихъ* тяжкихъ условій побѣжденнымъ? И чья была вина, что Славяне преимущественно оставались въ накладѣ. Если этому учитъ безпристрастная исторія, то

---

[1]) Позволительно усумниться, чтобы Славяне могли удовлетвориться предлагаемымъ имъ въ поученіе чтеніемъ историческихъ сочиненій о борьбѣ Славянъ съ Нѣмцами. При томъ же изученіе исторіи этой борьбы очень часто приводило Славянъ и даже нѣсколькихъ Нѣмцевъ совершенно къ инымъ выводамъ и взглядамъ, чѣмъ они выражены Геффтеромъ. Укажемъ хоть для примѣра на извѣстную «Славы Дцеру» Колара. Вотъ какъ первые панслависты относились къ этому прошедшему: 1) «Вставайте, Славянскіе десятивѣковые лежебоки, которыхъ Германскіе людоѣды лишали народной жизни. Уснули уже на вѣки сами палачи ваши, эти языческіе Деціи и тиранны, отъ которыхъ съ плачемъ вы скрылись въ пещеры. Настали ужь свободные дни воскресенья, времена Ѳеодосія; Богъ просвѣтилъ Сакса, Датчанина и Пруссака. Ужь вашъ народъ и рѣчь имѣютъ свои права, и Слава готовитъ вамъ покойное вступленіе въ Цареградъ.» — 2) «Зачѣмъ я этими разсказами нарушаю миръ и покой, подумаютъ многіе Нѣмцы, лучше бы скрывать это, чѣмъ томить слухъ и душу. Да! Но пусть будетъ свобода всѣмъ. Что вамъ вольно было творить, о томъ да будетъ вольно намъ разсказывать. Меньшій этотъ грѣхъ, надѣемся, нежели тотъ. Вы грабили, мы не умѣли защититься. Вашъ былъ мечь, кровь наша. Ваша была суровость, наша глупость. Вы теперь позоритесь за жестокосердіе вашихъ предковъ, а мы за глупость нашихъ.» — Въ своихъ запискахъ Коларъ сказавъ о необходимости написать исторію онѣмеченія Славянъ въ Германіи, прибавляетъ: «У кого изъ Славянъ не возмущается сердце при этихъ злодѣяніяхъ, чье око останется сухимъ при чтеніи этой страшной народной трагедіи. Я по крайности, когда еще ребенкомъ читалъ исторію этого насильственнаго онѣмеченія, то никогда не могъ, и теперь не могу спокойно, безъ волненія, подумать объ этомъ. Когда я прочелъ въ хроникѣ Матвѣя Парижскаго о томъ, что когда Монголы въ 1243 г. вторглись изъ Азіи въ Европу, то повсюду разглашали передъ собой, что они пришли «propter furorem Teutonicum sua modestia temperandum», то мнѣ пришла мысль, что Мон-

какъ можетъ Славянинъ негодовать на Нѣмца? не долженъ-ли онъ скорѣе роптать на духъ (геній) собственнаго своего племени, который навлекъ на него такое злополучіе? Да! только свѣтъ прошедшаго позволяетъ намъ вѣрно понимать отношенія настоящаго, и только вѣрное пониманіе настоящаго облегчаетъ правильное дѣйствіе въ будущемъ. Между тѣмъ Нѣмецъ правъ и можетъ покойно ждать, чтобы Славянинъ довѣрчиво и дружески пошелъ къ нему на встрѣчу, если только онъ искренно желаетъ, чтобы ему было что-либо попущено отъ неумолимаго историческаго права. Въ самомъ дѣлѣ трудно найти болѣе той наивности и чистосердечія, съ которыми напр. Нѣмецъ относится къ національной Чешской ненависти въ Богеміи; въ сознаніи полнѣйшей увѣренности и превосходства онъ не обращаетъ вниманія на нее и посмѣивается съ величайшимъ состраданіемъ [1]. И все это въ порядкѣ вещей, пока Славянинъ не оставитъ своей ненависти."

голы безъ сомнѣнія видѣли это притѣсненіе и обезъязыченіе другихъ, особенно Славянскихъ народовъ, такъ что разсказы и жалобы объ этомъ достигли слуха этихъ дикарей.»—Въ запискахъ же своихъ Коларъ разсказываетъ о своемъ свиданіи въ Цюрихѣ съ извѣстнымъ Океномъ, который сказалъ ему слѣдующія замѣчательныя слова: «Америка и Славянство—это двѣ страны глубокой могилы, въ которую ранѣе или позже безъ сомнѣнія должны быть похоронены прочіе состарѣвшіеся народы. Мужественно боритесь за вашу народность и языкъ, не глядя на ругательства холопской Аугсбургской газеты. Я самъ Нѣмецъ душей и тѣломъ, но стыжусь, читая въ исторіи о немилосердномъ обращеніи Нѣмцевъ со Славянами.»—Также осуждали дѣйствія Нѣмцевъ съ Латышами и Эстами—благородные Нѣмцы Меркель, Фабри, Рутенбергъ и проч.

[1]) Такъ-ли это? похоже ли это хотя сколько нибудь на дѣйствительность? Послушаемъ самихъ Чеховъ объ этомъ, и избираемъ одного Палацкаго, хотя Нѣмцамъ не милаго, но человѣка высоко-добросовѣстнаго и заслуженнаго, весьма уважаемаго въ самой ученой Германіи. Въ рѣчи своей 1863 г. на земскомъ сеймѣ королевства Чешскаго, Палацкій настаивалъ на измѣненіи избирательнаго закона, который составленъ самымъ пристрастнымъ образомъ въ пользу значительнѣйшаго Нѣмецкаго меньшинства въ Чехіи, и доказалъ при этомъ точными статистическими данными, что чисто Нѣмецкіе округи въ Чехіи имѣютъ болѣе избирательныхъ голосовъ, чѣмъ Чешскіе округи, гораздо болѣе многочисленные, а податей платятъ Нѣмцы гораздо менѣе Чеховъ. И Чехи доселѣ не могутъ добиться перемѣны этого закона.—Укажемъ еще на одно изъ недавнихъ сочиненій Палацкаго—Die Geschichte des Hussitenthums u. Prof. C. Höfler. 2 Auflage. Prag. 1868). Тутъ заслуживаетъ вниманіе слѣдующее мѣсто: «Послѣ давно уже совершившейся германизаціи Славянъ на сѣверѣ, западѣ и югѣ, мы, Чехи, несмотря на безпримѣрныя катастрофы и слишкомъ вѣковое національное угнетеніе,

Затѣмъ авторъ пытается представить великое значеніе этой борьбы въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. «Въ нѣкоторыхъ историческихъ трудахъ эта борьба, сопровождаемая слишкомъ общими послѣдствіями, является разрозненною, по большей части незначительною, мелочною, утомительною. Довольно прочесть относящіяся сюда описанія въ сочиненіяхъ по Нѣмецкой исторіи вообще, или по частной исторіи тѣхъ Нѣмецкихъ государствъ, которыя вступали въ столкновеніе со Славянами. Какъ отрывочно тамъ

все еще не исчезли изъ ряду народовъ, и наши сосѣди принуждены еще неопредѣленное время ожидать полученія расчитаннаго ими наслѣдства. Но какъ мы, по милости Божьей, еще живемъ и, въ новую эру свободы, на своей землѣ еще не желаемъ жить плотами, то вотъ уже нѣсколько лѣтъ еще малая, но чрезвычайно дѣятельная и постоянно усиливающаяся партія подъ покровомъ Нѣмецкаго патріотизма, старается насъ представить въ журналахъ и памфлетахъ, какъ занозу въ Нѣмецкомъ тѣлѣ. Подымая небо и адъ, она бы хотѣла принести насъ въ жертву непреклонному Молоху Нѣмецкаго могущества и господства, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Для предварительнаго обеспеченія общественнаго мнѣнія въ пользу своей безнаказанности, эта партія не презираетъ никакого средства, чтобы сдѣлать изъ насъ *наилучше оклеветанный народъ въ Европѣ* и раздражить всѣ державы противъ насъ, передовыхъ постовъ Славянства. Чтобы мы ни дѣлали, намъ не избѣжать нареканій. Живемъ ли мы смирно и тихо, насъ провозглашаютъ реакціонерами, феодалами, клерикалами; показываемъ мы видъ движенія, то мы тотчасъ воплощенная сатана революціи. Каждое наше дѣйствіе и состояніе, желаніе и стремленіе, даже наше существованіе есть для нихъ уже преступленіе... Надѣюсь, что великій Нѣмецкій народъ имѣетъ въ средѣ своей еще довольно благоразумныхъ и справедливыхъ людей, дабы еще своевременно отразить такія злостныя предложенія этой безсовѣстной факціи. Просвѣщенные люди Германіи не откажутся признать, что въ совѣтахъ Промысла міроправленіе не требуетъ и не выноситъ единообразія; что всякое дѣйствіе имѣетъ свое противодѣйствіе, и Немезида можетъ медлить, но не минуетъ. Зная, что съ нашей стороны нельзя опасаться ни вызова, ни нападенія для войны истребительной, пусть они съ своей стороны воздержатся отъ легко будто бы исполнимаго насилія, дабы вслѣдствіе сильнаго новѣйшаго подъема духа не возбудить всеобщаго пожара какой-нибудь новой тридцатилѣтней войны, жертвою которой вмѣстѣ съ нами должны будутъ пасть и наши противники»... Своимъ землякамъ и соплеменникамъ Палацкій совѣтуетъ только, въ случаѣ, если борьба неминуема, «пользоваться лишь *честнымъ* оружіемъ, не изъ пощады къ нашимъ врагамъ, но изъ уваженія къ самимъ себѣ, для того, чтобъ не быть на нихъ похожими.» Чеховъ Нѣмцы еще побаиваются, но положеніе слабѣйшихъ племенъ, напримѣръ Словинцевъ еще несравненно хуже. Довольно указать на рѣчь Нѣмецкаго депутата въ Стиріи *Германа*, который перешелъ на сторону Славянъ. См. Rede des Landtags-Abgeordneten Herrn Herman gehalten im steierischen Landtage den 16 März 1863. u Ljubljani 1863.

изложено, и въ этой отрывочности какъ утомительно! какъ мелочно! какъ мало знаменательно! Совершенно иначе предстанетъ дѣло, когда разсматриваемъ его въ связи, какъ одно цѣлое само по себѣ, изучимъ спеціально его источникъ, прослѣдимъ его частно и одиночно въ теченіе столѣтій, обратимъ на многія, часто столь важныя послѣдствія, и выведемъ отсюда представляющіяся заключенія. Тогда борьба эта является величественною; тогда это борьба міровая, борьба двухъ величайшихъ Европейскихъ племенъ, а не народностей уже, которая тянется не годы и десятилѣтія, нѣтъ! столѣтія, даже долѣе, чѣмъ тысячелѣтіе. Борьба эта ведется упорно за каждую пядь земли. Она имѣла громадное вліяніе на Германію на образованіе ея государственнаго устройства и ея внѣшнія отношенія. Славянство издревле занимало значительный отдѣлъ Нѣмецкой политики, занимаетъ и теперь и, еще сильнѣе, займетъ ее въ будущемъ. Какъ далеко раздвинулись Нѣмцы за первоначальныя украйны своей родины, а съ ними распространились Нѣмецкій языкъ, Нѣмецкій характеръ, Нѣмецкое образованіе, Нѣмецкія учрежденія, Нѣмецкій духъ! Въ сколь многихъ первоначально Славянскихъ земляхъ ничего не осталось чужаго, кромѣ однихъ мѣстныхъ и родовыхъ именъ, да развѣ еще погребальныхъ сосудовъ, случайно выкапываемыхъ изъ земли! Но еще болѣе! Съ Нѣмеччиною (германизмомъ) рано породнилось христіанство, и связанныя съ нимъ строго опредѣленное (Римско-католическое) церковное устройство (Kirchenthum) въ соединеніи съ Еврейско-христіанскою и классическою, Греко-Римскою, образованностью. Поэтому эта борьба была вмѣстѣ борьбою христіанства съ язычествомъ, неограниченной религіозной свободы съ государственнымъ культомъ, образованности съ варварствомъ (der Cultur und der Uncultur). И съ побѣдою Нѣмцевъ побѣждали эти начала. И такъ они все проникали далѣе на сѣверъ и востокъ. И Нѣмцы были носителями этой замѣчательной перемѣны, были орудіемъ въ рукахъ Провидѣнія. Какъ иногда ни утомительно изложеніе многихъ часто безъуспѣшныхъ стремленій Нѣмцевъ и вѣчныхъ малыхъ дракъ и схватокъ, но вообще въ высшей степени занимательно наблюдать за этимъ наступательнымъ движеніемъ Германизма, замѣчать, какъ одна земля, одна мѣстность за другою, выясняется изъ мрака временъ и принимается въ область Нѣмецкой имперіи, націи и всеобщаго вѣдѣнія. Эта горячая борьба принесла безконечно много для образованія Нѣмецкаго духа, вызвала и закалила его силу, расширила взгляды и открыла поприще многимъ великимъ и блестящимъ предпріятіямъ."

Въ этой характеристикѣ Славянъ и въ этомъ опредѣленіи ихъ историческаго мѣста и значенія, Геффтеръ съ большею акуратностью собралъ отдѣльныя черты изъ разныхъ Нѣмецкихъ ученыхъ сочиненій 30 хъ и 40-хъ годовъ, такъ что приведенныя нами мѣста изъ его книги близко знакомятъ читателя съ господствовавшими въ тогдашней Нѣмецкой наукѣ воззрѣніями на племя Славянское. Съ того времени не произошло никакого переворота, или перелома въ этомъ отношеніи. Еще недавно (1866 г.) даровитый и весьма начитанный авторъ лучшей новѣйшей исторіи Нѣмцевъ, Зугенгеймъ, нашелъ всего удобнѣе сослаться на характеристику Славянъ Геффтера, прибавивъ, что она ему кажется самою безпристрастною [1]). Въ четвертомъ изданіи извѣстнаго Энциклопедическаго Словаря Пирера (1863), въ статьѣ о Славянахъ, представлена слѣдующая ихъ характеристика: «Что касается политическаго положенія Славянъ, то они обнаруживаютъ недостатокъ развитія, недостатокъ энергіи и организаціонной силы, замѣчательную политическую неспособность. Почти всѣ государственныя образованія Славянъ вызваны иноплеменниками, преимущественно Германцами (Само въ Чехіи, Варяги въ Россіи и пр.); городовое устройство, ремёсла, искусства, торговля, мѣщанство—все заимствовали Славяне изъ чужа. Средняго сословія они не съумѣли создать; его мѣсто занимаютъ иностранцы (Евреи во всѣхъ Славянскихъ земляхъ, Нѣмцы въ Австріи, Польшѣ, Россіи, Армяне въ Россіи, Болгаріи и пр.). Дворянство также по большей части не національное, даже всѣ государи иностранцы. Славяне имѣютъ собственно только одно сословіе, мужиковъ. Славяне въ своихъ государствахъ всегда знавали только крайности, т. е. крайній предѣлъ порядка, деспотизмъ, или необузданную свободу; къ спасительному сліянію свободы съ порядкомъ они не могли дойти. Эта политическая неспособность была причиною того, что Славянскія государства подпали сосѣднимъ государствамъ. Въ настоящее время существуетъ лишь одно Славянское государство, Русское. Но и это государство содержитъ въ себѣ множество чуждыхъ элементовъ [2]). Своимъ основаніемъ оно обязано Германцамъ, въ его городахъ сильное Нѣмецкое, Греческое, Итальянское насе-

---

[1]) Sugenheim, S. Geschichte des deutschen Volkes und seiner Kultur. Leipzig. 1866. I, 380 ff.

[2]) Должно быть авторъ изъ какого нибудь маленькаго Нѣмецкаго государства. Иначе бы онъ не забылъ, что на бѣломъ свѣтѣ не имѣется большихъ государствъ безъ чуждыхъ элементовъ.

леніе, въ рукахъ котораго находятся промыслы и торговля; дворянство состоитъ больше изъ чужихъ (Скандинавской, Нѣмецкой, Кавказской, Романской, Монгольской), чѣмъ туземныхъ стихій; царствующій домъ—Нѣмецкій. Деспотизмъ взятъ отъ Азіатовъ, цивилизація отъ Нѣмцевъ, и какъ прежде, такъ и теперь большая часть великихъ дипломатовъ, государственныхъ людей и полководцевъ суть Нѣмцы. Всѣ Славяне, не подчиненные Россіи, суть подданные чужихъ государствъ... Искренняго религіознаго одушевленія они не обнаруживали никогда; они не произвели никакихъ глубокихъ мыслителей и реформаторовъ, никакихъ подвижниковъ вѣры (keine Glaubenshelden) и доселѣ не высылаютъ никакихъ миссіонеровъ." и пр.

Профессоръ Гейдельбергскаго Университета, Карлъ Лемке, въ третьемъ, увеличенномъ и исправленномъ изданіи своей Популярной Эстетики (Leipzig 1870) почелъ нужнымъ представить характеристики разныхъ древнихъ и новыхъ народовъ, между прочимъ и Славянъ. Его воззрѣніе на нихъ въ сущности мало отступаетъ отъ Геффтеровскаго и заслуживаетъ нашего вниманія, какъ образчикъ одного изъ самоновѣйшихъ выраженій современной Нѣмецкой мысли о племени Славянскомъ. «О Славянахъ, говоритъ Лемке, я скажу вкратцѣ только о Полякахъ и Русскихъ, а о другихъ я лишь замѣчу, что въ отношеніи художественномъ у нихъ преобладаетъ музыкальное и поэтическое дарованіе; такъ напр. музыка у Чеховъ, поэзія у Сербовъ. Полякъ эстетически значителенъ (bedeutsam), какъ личность, Русскій, тутъ разумѣется идетъ рѣчь о простолюдинѣ, силенъ только въ массѣ. Полякъ живъ, фантастиченъ, легкомысленъ, танцоръ и кавалеристъ; Русскій крѣпокъ, лукавъ, расчетливъ, извозчикъ (Wagenfahrer). Полякъ отличается буйствомъ, Русскій упорствомъ (если главную основу великорусскаго народа составляютъ различныя Финскія племена, какъ теперь предполагаютъ, то многія отличія Русскихъ отъ другихъ Славянъ могутъ быть этимъ объяснены). Въ художественномъ отношеніи Поляки и Русскіе собственно только въ поэзіи достигли болѣе значительныхъ успѣховъ; въ прочихъ искусствахъ они нигдѣ почти не оригинальны, Русскіе даже и въ поэзіи. Русскій однако имѣетъ необыкновенный талантъ подражательности, которымъ съ малыми пособіями онъ производитъ значительное. Аристократическая Польша во внѣшности прильнула къ Франціи и съ Славянскимъ и варварскимъ буйствомъ и Французскимъ легкомысліемъ растратила свою силу. Русскій, полный коммунистическихъ

наклонностей, подъ деспотическимъ скипетромъ, черезъ вѣру и иныя преданія связанъ съ Византинизмомъ и отличается его ограниченностью тамъ, гдѣ не возобладало западноевропейское вліяніе. Это обстоятельство особенно важно для искусствъ образовательныхъ ибо тамъ онѣ совершенно еще въ услуженіи вѣры. Схематизмъ, безвкусіе господствуетъ; чинная восточная роскошь замѣняетъ красоту. Полякъ и Русскій неумѣренны во всѣхъ отношеніяхъ и подвержены всѣмъ проистекающимъ изъ этого недостаткамъ, которые впрочемъ сами по себѣ уже объяснимы изъ аристократическаго рабства и деспотическаго угнетенія. Всѣ Славянскіе народы сильны и, за исключеніемъ собственно миролюбивыхъ Русскихъ, воинственны. Поличье, скулы, положенье глазъ нерѣдко указываютъ на Татарское образованіе, но встрѣчается и замѣчательная красота, особенно у южныхъ Славянъ» [1]).

Извѣстные Нѣмецкіе писатели Клеммъ и Риль, историки такъ называемой культуры, по примѣру Лео, видѣли въ различіи Германцевъ и Славянъ какъ бы различіе половое, замѣчая, что Германцы представляютъ собою элементъ мужескій, дѣйствующій, а Славяне элементъ женскій, страдательный. Нѣкоторые другіе, какъ Ю. Фребель и пр., готовы даже признавать Славянъ за элементъ культурный, но разумѣется, какъ сырой матеріалъ, требующій Нѣмецкой переработки. Иные опять, подобно Гельду, [2]) дѣлятъ все человѣчество на нѣсколько народныхъ группъ, какъ представителей трехъ великихъ жизненныхъ направленій, религіознаго (Семиты), интеллектуально-политическаго (Яфетиды) и матеріалистическаго (Хамиты), и въ Европѣ усматриваютъ въ Германцахъ носителей внутренне-религіознаго, нравственнаго, въ Романцахъ носителей раціоналистическо-политическаго, а въ Славянахъ носителей матеріалистическаго элементовъ [3]). Тутъ Славяне уподобляются уже не Кельтамъ, а Хамитамъ. Съ Неграми неоднократно ихъ сравнивали разные болѣе или менѣе ученые авторы и находили поразительное сходство. Въ этомъ отношеніи съ замѣчательною откровенностью высказался, извѣстный

---

[1]) Lemcke C. Populäre Aesthetik. 3 Auflage. Leipzig. 1870 Ss. 216—217.

[2]) Held. Staat u. Gesellschaft. Leipzig. 1861. II, 214 ff.

[3]) Въ отчетѣ объ изслѣдованіи Гатталы о согласныхъ въ языкѣ Славянскомъ неизвѣстный рецензентъ (Lit. Centralbl. 1868. N 2. S. 39) находитъ въ Славянскихъ языкахъ—den Geist einer gewissen Trägheit, welche eben in der Thätigkeit der Sprachwerkzeuge sich sinnlich bekundet. Es ist dies eine merkwürdige Parallele der Slawischen mit dem Tatarischen, wie sich deren noch mehr finden, aber selten bemerkt werden.

и очень уважаемый въ Германіи, политическій писатель Густафъ Дитцель еще въ 1853 г. [1]). Онъ проповѣдывалъ, что „если Россія въ настоящее время кое какъ прозябаетъ и держится, то единственно лишь благодаря политической слабости и разорванности Германіи и тѣмъ, многочисленнымъ впрочемъ, Нѣмцамъ, которые занимаютъ всѣ возможныя должности въ Русскихъ министерствахъ и канцеляріяхъ, ибо сами добросовѣстные и Нѣмцамъ враждебные Русскіе противъ воли должны сознаться, что Русскіе чиновники (не изъ Нѣмцевъ), какъ въ высшихъ, такъ и низшихъ должностяхъ совершаютъ всѣ возможныя беззаконія, несправедливости и притѣсненія, пока, по ихъ мнѣнію, онѣ могутъ оставаться безнаказанными и неоткрытыми, что страхъ есть единственная, хотя понятно, не всегда достаточная узда, которая ихъ удерживаетъ отъ всякаго рода мерзостей, что пунктуальность, честность и неподкупность Нѣмцевъ (die Pünktlichkeit, Rechtlichkeit und Unbestechlichkeit der Deutschen) есть необходимое средство при управленіи государственномъ, даже такъ, какъ оно ведется съ Петра I. Это собственное признаніе Русскихъ, которые Нѣмцевъ ненавидятъ и этой ненависти не скрываютъ, избавляетъ насъ отъ труда объяснять то обстоятельство, что важнѣйшія должности въ Русскомъ государствѣ до послѣдняго времени по большей части бывали заняты Нѣмцами“. Далѣе Дитцель старается доказать, что эта испорченность Русской бюрократіи происходитъ не отъ той или другой ложной и неправильной системы, которую можно бы было замѣнить и исправить, не отъ извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, отъ которыхъ Россія съ теченіемъ времени могла бы избавиться, нѣтъ! „всѣ эти злоупотребленія и беззаконія проистекаютъ непосредственно изъ духа самаго народа“. „О вѣрности, честности, нравственности, которыя сообщаетъ западу свободная Германская личность, Русскій человѣкъ не имѣетъ даже никакого предчувствія (keine Ahnung), и то, чему онъ въ послѣдствіи научается черезъ образованіе, остается для него внѣшнимъ и постороннимъ. Ему внушительна только сила (ihm imponirt nur die Gewalt), стыда онъ также не знаетъ.“ „Понятно поэтому, прибавляетъ Дитцель, что Русское правительство со времени Петра I такъ всегда дорожило Нѣмцами и никогда не думало о сліяніи ихъ съ Русскими (т. е. объ обрусѣніи Прибалтійскихъ губерній), ибо этимъ можно было развратить самихъ Нѣмцевъ“. „То minimum честности, которое въ Русской го-

---

[1]) Diezel, Gust. Russland, Deutschland und die östliche Frage. Stuttgart. 1853.

сударственной службѣ еще обрѣтается, обусловлено Нѣмцами. Русскіе любимцы Петра I, которыхъ онъ всячески старался удержать на пути чести и обезпечить отъ всѣхъ искушеній, осыпавъ ихъ богатствами, нисходили до самыхъ низкихъ обмановъ,—и Петръ нашелъ только Нѣмцевъ, которые съ истинною заботливостью и любовью посвящали себя служенію государству. Безъ Нѣмца Остерманна, который твердою и неподкупною рукою провелъ Русскій государственный корабль черезъ всѣ бури и непогоды, бывшія по смерти Петра I, быть можетъ не было бы нынѣ никакого Русскаго государства, т. е. ничего, что̀ бы заслуживало это имя—gäbe es vielleicht heute keinen russischen Staat mehr, d. h. nichts, was diesen Namen verdiente. Поэтому понятно, прибавляетъ Дитцель, что крѣпостное право надолго не можетъ быть уничтожено въ Россіи, даже по причинамъ экономическимъ, такъ какъ Русскій иначе, какъ изъ подъ палки, работать не умѣетъ." „Русскіе хотя и бѣлые, но у нихъ есть свойства Негровъ. Они не работаютъ болѣе, чѣмъ нужно, и безъ принужденія». Про императора Николая замѣчаетъ Дитцель, что «онъ старается исцѣлить разрывъ, образованный Петромъ Великимъ между высшими классами и народомъ, но онъ ни на минуту не позабываетъ, что истинную государственную силу Русскаго народа составляетъ чужая, Нѣмецкая стихія» [1]). Такимъ образомъ въ себѣ самой Россія внутреннихъ силъ не заключаетъ и своимъ преобладаніемъ обязана могуществу и вліянію Нѣмцевъ въ Россіи и ихъ слабости въ Германіи. «Слабость Германіи и сила Россіи взаимно обусловлены. Будетъ сильна Германія, и Россія не станетъ внушать страха ни одному дитяти» [2]).

---

[1]) Er (императоръ Николай) repräsentirt die Russiche Nation in ihrer Gesammtheit und die Tendenz zu ihrer allmäligen innerer Einigung, er sucht den Bruch zu heilen, den Peters rücksichtsloses und gewaltsames Verfahren gerissen hat, aber er vergisst darüber keinen Augenblick, dass *die wahre staatliche Stärke des russischen Volks die fremden, die germanischen Elemente sind.* (S 39).

[2]) Вотъ еще нѣсколько мыслей и замѣчаній Дитцеля, которыя, можно сказать, господствуютъ въ настоящей Германіи. «Man denke sich eine nationale deutsche Politik auf der Basis nationaler Einheit und nationaler Interessen, und Russland hat seinen Nimbus und damit fast Alles verloren und ist nur noch ein aus der Barbarei zurücksinkender Staat, der, anstatt Macht und Ansehen über andre Nationen auszuüben und die in ihrer freier Entwicklung zu bedrohen, selbst von den Einflüssen des Auslandes abhängig werden. Seine natürliche Grundlage, der Character und die Entwicklungsstufe seines Volkes machen dieses Verhältniss der Unterordnung zu einer Nothwendigkeit, sobald ihm die Kraft nicht von aussen kommt. Man denke sich dagegen Deutschland noch länger in seiner Zersplitterung an Russland angefesselt, und dieses wird furchtbar bleiben und

Не надо думать, чтобы подобное воззрѣніе было случайно или единично въ ученой и политической литературѣ Нѣмецкой. Еще въ 1868 г. извѣстный Германскій патріотъ и старый заслуженный писатель Вольфгангъ Менцель почелъ нужнымъ перепечатать свою прежнюю характеристику Славянъ, написанную имъ въ 1854—6 гг., и въ подтвержденіе ея прибавить новыя замѣчанія о Россіи. «Отличающая нашу ученость, трусость пустила въ оборотъ мнѣніе, котораго должна стыдиться Нѣмецкая нація. Говорятъ, что мы де сами себя пережили, что мы дескать, Романцы и Германцы, принадлежимъ къ народамъ вымирающимъ, время которыхъ проходитъ; только молъ Славянское племя сохраняетъ еще первоначальную чистоту и силу, наивную вѣру, неиспорченную семейственность и т. д. Такимъ образомъ господство надъ міромъ предназначено Русскимъ, и мы должны съ этимъ покорно примириться. Это мнѣніе высказываютъ не только подкупленные Россіею писатели, но и тѣ меланхолическіе патріоты, которые отчаиваются въ народѣ, потому что не всѣ ихъ мечтанія удались». Чтобъ ихъ утѣшить и истребить подобные предразсудки, Менцель написалъ слѣдующее

---

noch furchtbarer werden, und die schlimmen Prophezeiungen, die unsrem Volke erst unter russischer Herrschaft ein neues Leben verkündigen, sind dann ihrer Erfüllung sicher, wenn man sie auch jetzt nur mit Spott und Hohn aufnimmt. (S. 69).

«Deutschland ist bei diesem Verhältniss mit allen seinen nationalen Interessen so stark betheiligt, seine Zukunft ist nach dieser Seite hin theils so bedroht, theils so vielversprechend und hoffnungsreich, und seine Gegenwart leidet unter dem Druck der russisch-deutschen Politik so sehr, dass die allgemeine Aufmerksamkeit sich nachgerade auf diesen Punkt concentriren muss und die nach einer erfolglosen nationalen Bewegung natürliche Apathie und Erlahmung, ferner keine Entschuldigung dafür abgeben könnte, wenn sich die wichtigsten und auf lange hinaus entscheidenden Begebenheiten in der europäischen Politik vorbereiten würden, ohne dass die öffentliche Meinung in Deutschland die Stellung der Nation zu derselben erkennt und klar ins Auge fasst. Wenn nicht alles täuscht, so sind gegen den Westen hin die nationalen Kämpfe ausgekämpft, könnten wenigstens nur in einer von der frühern wesentlich verschiedenen Weise aufgenommen werden, da selbst ein napoleonisches Kaiserthum nur mit Hülfe östlicher Verwicklungen einen Theil seiner Traditionen glaubt verwirklichen zu können. Im Osten hat sich die Bahn geöffnet für die Völkerkämpfe der Zukunft, hier ist das Rhodus, wo Deutschland seine europäische und civilisatorische, wie seine nationale Bestimmung zu erweisen und zu erfüllen haben wird, hier ist zugleich der Punkt, von wo aus zuerst jener Wahn seine Widerlegung finden wird, mit welchem jetzt die Kraftlosigkeit und Abgelebtheit ihre Angst um den bedrohten Besitz zu beschwichtigen sucht, der Wahn von der Unmöglichkeit des Kriegs. Die russiche Politik und die Stellung Deutschlands zu derselben, so wie die ganze Bedeutung der östlichen Frage lässt sich nicht aus einzelnen mehr oder weniger zufälligen Erscheinungen und Persönlichkeiten erkennen, sondern nur aus der ganzen Entwicklung der grossen menschheitlichen Periode, in deren Verlauf wir stehen. (S. 52—53).

разсужденіе: «Славяне ничего такого не представляютъ, что̀ бы имъ давало право на образованіе новой міровой эпохи, подобно тому, какъ Германцы господствовали въ средніе вѣка, Греки и Римляне въ классическую древность. Нижніе слои Славянскіе совершенно грубы, а высшіе глубоко испорчены. Всемірно-историческая идея вовсе не подготовлена ихъ прежнею исторіею. Церковь ихъ есть мумія, изъ которой вся жизнь ушла въ церковь западную. Ихъ государство есть удачнѣйшее подражаніе древне-восточному и Римскому деспотизму [1]). Ихъ литература повсюду есть только помои чуженародныхъ литературъ. Греки вступили во всемірную исторію съ безконечными дарованіями и идеею, точно также и Нѣмцы, принесшіе еще неистощимую нравственную силу. Но что могутъ внести и представить Славяне"?—„Что было бы съ Русскою исторіею, если бы съ Петра Великаго они управлялись только своими боярами, какъ Поляки своими воеводами и старостами? если бы ихъ цари не пользовались вѣрными, твердыми и геніальными Нѣмцами, дабы крѣпко держать въ уздѣ бояръ и народъ и дѣлать безвредными заговоры Долгорукихъ и народныя возстанія въ родѣ Пугачевщины? Русская исторія не представляетъ никакихъ доказательствъ, чтобы Русскій народъ обладалъ высокими нравственными и духовными силами. Только Нѣмецкою династіею, господствующею въ Россіи около ста лѣтъ [2]), Нѣмецкими министрами,

---

[1]) Фальмерайеръ также указывалъ, только нѣсколько иначе, на сходство Россіи съ Римомъ. „Die meisten Menschen sind zu schwach zum Guten und zu feige zum Bösen. Daher die Unordnung und die Friedensstörungen in der Welt. Rom und Moskau sind über beide Vorwürfe erhaben, und durch die Natur der Dinge selbst nicht weniger als durch ihren Genius zu Herrschaft und Gewalt über die Menschen auserkoren". (Ges. Werke. Leipzig. 1861. II, 91).

[2]) Многіе Нѣмецкіе писатели, говоря о царствующемъ домѣ въ Россіи, обыкновенно употребляютъ два пріема. Желая его похвалить, называютъ его съ Петра III Нѣмецкимъ, Голштинъ-Готторпскимъ. Намѣреваясь же его осудить и представить въ дурномъ свѣтѣ, называютъ нашихъ государей Романовыми, Славянами, Русскими, даже Татарами. «Die Russenfürsten, говоритъ Фальмерайеръ, haben ja schon am Hofe der goldenen Horde bei guter Zeit Vorstellung und Geduld gelernt, und die unbequeme verrätherische Schamröthe, sagt man, habe dem Geschlechte der Mongolen die Natur versagt. (G. W. I, 32). Удивительно, какъ не могутъ понять ученые Нѣмцы, что чистота крови въ той или другой династіи, для народовъ вопросъ вовсе несущественный. Азіаты

генералами, учеными и техниками, нѣсколько и то внѣшнимъ образомъ, Русскіе оцивилизовались и были удерживаемы въ покорности. Варварскій же элементъ все еще преобладаетъ въ своей естественности. Скиѳъ остается Скиѳомъ даже въ самомъ блестящемъ новѣйшемъ мундирѣ, и Нѣмцы, которые еще при императорѣ Николаѣ должны были *руссифицироваться*, все еще имѣютъ своею миссіею—служитъ Русскому національному интересу, помогать Русскимъ завоеваніямъ на западѣ и своихъ прежнихъ Нѣмецкихъ братьевъ приво-

---

Атилла и Солиманъ были одними изъ самыхъ лучшихъ вождей и государей въ цѣломъ Греко-Славянскомъ мірѣ. Тоже слѣдуетъ сказать и про Нѣмку Екатерину II. Важно не то, что она была Нѣмка, а то, что будучи Русскою государынею, она не хотѣла быть Нѣмкою и даже однажды сказала врачу Роджерсону: «saignez moi plus vite, afin qu'il ne reste aucune goutte de sang allemand dans mes veines», а Потемкину написала: «я не хочу вмѣшиваться въ эти скучныя и безтолковыя дѣла Германскія». Важно то, что она отлично понимала національные интересы Россіи, любила и высоко цѣнила Русскій народъ. Любопытно, что императоръ Николай сказалъ однажды какому то Прусскому генералу: «исторія про меня не скажетъ, что я былъ лучшимъ зятемъ, чѣмъ Русскимъ императоромъ—Die Geschichte soll nicht von mir sagen, dass ich ein besserer Schwiegersohn, als Kaiser von Russland gewesen sei. (См. Preussen und Russland. Leipzig. 1854. S. 32). Только Петръ III своею Нѣмцоманіею могъ увлечься до забвенія Русскихъ интересовъ и вмѣстѣ его собственныхъ, какъ Русскаго государя. Только несчастная раздражительность и своенравность Павла I могла довести до его ошибочной, анти-Русской политики въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. И сдѣлалъ ошибку Павелъ I вовсе не изъ любви къ Нѣмцамъ, а изъ нелюбви къ дѣламъ своей матери, которая ввела Русскія учрежденія въ эти губерніи. Въ народной Русской поговоркѣ: «Богъ безкровенъ, царь безроденъ» выражается именно та мысль, что народу нуженъ царь, символъ и представитель его единства, царь, понимающій свое дѣло, свои права и обязанности, а до того, какой у него родъ-племя, какая у него кровь, и кто его родня—ему все одно. Даровитъ и способенъ царь, будь онъ родомъ чистый Нѣмецъ, подобно напримѣръ Екатеринѣ II, онъ полюбитъ, заставитъ себя любить и уважать Русскій народъ, и, какъ Екатерина II, всегда будетъ недоволенъ, будетъ искренно скорбѣть и страдать, что его въ Россіи не признаютъ за Русскаго человѣка, а за Нѣмца. Для благопріятнаго же развитія Русскаго народа это именно и важно.

дить подъ Русское иго". — „Въ Славянскомъ племени никогда не было силъ и дарованій, дающихъ преобладаніе въ духовномъ мірѣ, истинное воспитаніе, облагороженіе человѣчества и потому дающихъ право на всемірное господство. Отличительное племенное свойство Славянъ есть въ высшей степени драгоцѣнная дѣтскость и любезность (Kindlichkeit und Freundlichkeit), но вмѣстѣ и легкомысліе, которое не совсѣмъ ладитъ съ правдою и честью, отчего они всегда и принимали чужое образованіе, въ высшихъ классахъ своихъ внѣшнимъ образомъ подражали Французамъ и Нѣмцамъ; и какія бы здоровыя естественныя силы ни заключались въ нисшихъ слояхъ народа, онѣ сверху, принятою съ Петра Великаго системою, повержены въ такую порчу, какой нигдѣ нѣтъ ничего подобнаго. Подобное племя лишено навсегда, особенно же въ настоящую пору, всякаго права и возможности стоять во главѣ всемірно-историческихъ народовъ. Эти Славяне никогда не будутъ въ состояніи оттѣснить или замѣнить Германцевъ и Романцевъ [1]). Точно также и выдаваемый упадокъ послѣднихъ есть непозволительный обманъ. Германскіе и Романскіе народы въ настоящее время здоровѣе и развиваютъ болѣе нравственную силу и умъ, чѣмъ въ прошлое столѣтіе. Они еще въ полной порѣ мужества. Поставьте рядомъ, гдѣ хотите, современныхъ Нѣмцевъ и Французовъ съ Русскими, и каждое дитя вѣрно отличитъ, гдѣ настоящее превосходство. Мы твердо убѣждены, что Нѣмецкій народъ не находится въ періодѣ разложенія и вымиранія, и не исчезнетъ съ великой міровой сцены, чтобы уступить свою роль Русскимъ, напротивъ на его все еще самыхъ могучихъ раменахъ долго, долго будетъ лежать всемірно-историческая работа, и онъ еще призванъ къ великимъ дѣламъ [2])".

---

[1]) Очень остроумно замѣчаетъ Фальмерайеръ: «Schlau dürfen die Russen allenfalls noch sein, aber stark und heldenmäthig hört man sie im Niemetzlande nicht gerne nennen... Um vor russischer Uebermacht sicher zu sein, glauben Viele, sei es schon genug das Dasein dieser Uebermacht zu ignoriren und grossartiges Moskowiterthum einfach zu verschweigen, wenn man es nicht läugnen kann. (G. W. I, 27—28). Im Abendland hat man gute Gründe, Slavenmacht und Slavenglanz mit einigem Widerwillen, und so lange es thunlich scheint, sogar mit vornehmer Geringachtung zu behandeln, als ebenso wenig geeignet, heisst es, Interesse an der Vergangenheit zu erregen, wie Besorgniss für die Zukunft einflössen.» (II, 6).

[2]) Намъ невольно при этомъ вспомнилось одно мѣсто изъ книги Том. Карлейля о Германіи; говоря объ ученыхъ Германіи, Карлейль замѣчаетъ, что все еще справедливы слова Шлегеля о ней:

Schamlos mehren sich Bücher, die schon im Druck sich erdrücken.
Tinte vergiesset das Volk immer noch thätig um nichts.

«Знатные Русскіе, говоритъ Менцель въ опроверженіе Гакстгаузена, съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Николай I отмѣнилъ прежнюю систему управленія Россіи Нѣмецкою интеллигенціею, выражаютъ отчасти естественное, отчасти преднамѣренное презрѣніе къ Нѣмцамъ. Естественное, такъ какъ они, хотя и считаютъ ихъ варварами, все же господа, которымъ Нѣмцы еще прежде должны были служить. Преднамѣренное, такъ какъ они единственно царскою милостью, безъ права и заслугъ, поставлены выше Нѣмцевъ, и теперь они чванятся, какъ мѣщанинъ во дворянствѣ. Впрочемъ они имѣютъ на это право, ибо у самаго необразованнаго Татарина больше здраваго человѣческаго смысла и практическаго такту, чѣмъ у заучившагося и непрактическаго ученаго народа въ Германіи [1]). Какъ самому грубѣйшему Русскому генералу не смѣяться съ презрѣніемъ надъ невыносимою тупостью Нѣмцевъ, которые, хотя бы были на столько сильны, чтобы прогнать Русскихъ въ ихъ старую родину на Волгѣ съ Балтійскаго поморья и Вислы [2]), вмѣсто того

«Это безконечное литературное производство, продолжаетъ Карлейль, приноситъ сравнительно мало результатовъ, и если вліяніе ученыхъ еще возрастаетъ, то оно все таки не соотвѣтствуетъ тому высокому мнѣнію, которымъ они пользуются въ обществѣ. Главная тому причина ихъ непрактическій характеръ. Нѣмецъ теоретикъ, Французъ машинистъ, Англичанинъ работникъ по преимуществу. Хотя теперь у Нѣмцевъ входитъ въ моду даже прославлять свою рѣшимость, придавать себѣ приличный ёлан и хвастаться своими подвигами, но все это лишь обличаетъ порокъ, который они сами сознаютъ. «Is se accusat, qui excusat». Нѣтъ ничего труднѣе на свѣтѣ, какъ что нибудь *Нѣмецкое* перевести изъ области разсужденій въ область практики. И при самомъ полномъ удивленіи къ гигантскимъ работамъ Нѣмцевъ въ литературѣ, нельзя не сознаться, что хотя Нѣмецъ знаетъ очень много, однако тѣмъ, что знаетъ, менѣе всякаго другаго самъ умѣетъ пользоваться, и надо согласиться съ Фрейлигратомъ:

Sein bestes Thun ist eben Denken.»

[1]) Это конечно рѣзко, но не намъ судить, въ какой степени оно справедливо.

[2]) Передъ Крымскою войною вышло много Нѣмецкихъ безъименныхъ брошуръ, писанныхъ преимущественно Пруссаками и настоятельно требовавшихъ отъ Прусскаго правительства рѣшительнаго выступленія противъ Россіи въ соединеніи съ Франціею и Англіею, по примѣру Сардиніи. Въ одной такой брошюрѣ говорится: «Какъ помня слова Фридриха В. о томъ, что господство Россіи въ Польшѣ обозначаетъ паденіе Пруссіи, какъ, помня это, не стремиться ей къ тому, чтобы осадить сосѣда, который, какъ доказано исторіею, постоянно стремится распространиться въ болѣе теплыхъ краяхъ? И не можетъ развѣ Пруссія задаться призваніемъ защищать евангелическихъ христіанъ въ Остзейскихъ провинціяхъ, какъ защищаетъ Россія

дерутся между собою, взаимно себя ослабляютъ и ради Русскаго союза добровольно подчиняются Русской опекѣ. Еще въ 1845 году писалъ Фальмерайеръ въ своихъ Восточныхъ Отрывкахъ: «Съ самымъ спокойнымъ безстыдствомъ въ рѣчахъ и въ лицѣ, даже не подозрѣвая того, что они этимъ могутъ насъ оскорбить, утверждаютъ Русскіе, что мы, Нѣмцы, носимъ печать рабства, политическаго безсилія и упадка, и что, по образцу нѣкоторыхъ безнадежныхъ племенъ, на челѣ нашемъ ясно это читается, и вопросъ не въ томъ, будемъ-ли мы, а гдѣ, когда и кому будемъ платить дань и оброкъ. Выгнать Турокъ и эстетически-воспріимчивыя племена Нѣмцевъ (Niemetzstämme) затянуть въ петлю, вотъ душа и жизнь Русскихъ (Seele und Leben des Russenthums). Половина работы, по ихъ словамъ, уже почти готова, такъ какъ мы, при собственной нашей немощи, освобожденію отъ ига Галловъ обязаны единственно Русскому геройству, и освободителю, по всѣмъ правамъ, останемся вѣчными должниками[1]). Русскіе значительно переглядываются и героически улыбаются, когда въ книгахъ и рѣчахъ прославляется Нѣмецкая свобода, какъ мѣстное произведеніе. Греческія родомонтады о самобытномъ политическомъ существованіи и Нѣмецкіе побѣдные гимны имѣютъ въ Россіи одинаковую цѣну. Тѣ и другіе, Греки и Нѣмцы, уже представляются, какъ неизбѣжная добыча, и для будущей дисциплины отмѣчены въ Русскихъ спискахъ. Времени не

православныхъ въ Турціи? Не имѣетъ развѣ Пруссія прекраснаго и священнаго призванія поощрять и охранять Нѣмецкую нравственность и протестантскую церковь вездѣ, гдѣ Нѣмецкая жизнь и дѣятельность проникаетъ народы». Пруссія де должна выступить рѣшительно противъ православія и руссификаціи въ Остзейскихъ провинціяхъ. Не пора ли низвести ее въ ея старыя границы... Ist es nicht Zeit Russland auf seine alten Grenzen zurückzuführen und sein Reich zu beschränken auf die eigentlich alt-russischen Unterthanen, für welche eine russische Regierung passt? (Wie muss Preussen sich zu der orientalischen Frage stellen? Von einem alten Staatsmann. Leipzig. 1854.—См. также Preussen und Russland. Leipzig. 1854.—Kann Preussen fernerhin neutral bleiben. 3-te Auflage. Leipzig. 1854).

[1]) Впрочемъ Фальмерайеръ и иначе объ этомъ писалъ, напр. въ своей замѣчательной статьѣ о гр. Остерманѣ Толстомъ: «die Soldaten Napoleons merkten, das der Krieg mit den Russen viel gefahrvoller, der Kampf auf dem Schlacht felde jedesmal hartnäckiger und der Sieg über dieses zähe Volk theurer, trauriger und doch hundertmalun fruchtbarer, als mit Italienern, Deutschen und Asiaten sei.» (II, 367). Про гр. Остермана-Толстаго подъ Кульмомъ онъ говоритъ, что онъ занялъ eine hervorragende Stellung unter den ersten Heroen jener Zeit und den noch beneidenswertheren (??) Rang *eines der grössten Wolthäter des emancipirten Deutschlands.* (II, 361).

назначаютъ, Московитъ разсчитываетъ на вѣчность своего государства, и, никогда не торопясь, онъ тѣмъ вѣрнѣе достигаетъ цѣли.»

Опровергая С. М. Соловьева (Паденіе Польши), Менцель замѣтилъ: „Если Русскимъ можетъ быть предоставлено великое всемірно-историческое призваніе ко благу человѣчества, то оно можетъ только состоять въ томъ, чтобы служить аванпостомъ западной церкви и цивилизаціи и распространять ея власть въ Азіи. Напротивъ же того, Россія становится для Европы передовымъ постомъ оріентализма, относится къ ней враждебно и угрожаетъ всей Европѣ тѣмъ же завоевательнымъ варварствомъ, которое она проводитъ въ несчастной Польшѣ. Мы имѣемъ полное право утверждать, что распространеніе Русскаго могущества идетъ паралельно разрушительному вторженію Возрожденія (Renaissance) въ область западной церкви. И тутъ и тамъ замѣчается реакція съ одной стороны до-христіанскаго варварства, съ другой до-христіанской образованности. Она стала возможна только со времени ослабленія и пониженія христіанско-Германскаго духа въ средней Европѣ, въ настоящее же время становится все сильнѣе и побѣдоноснѣе. Есть люди, которые все это считаютъ за прогрессъ, но адъ смѣется этому».

Убѣжденія и понятія Менцеля относительно Россіи, высказываемыя имъ съ всегдашнею его искренностью и берзеркеровскою горячностью, находятся въ тѣснѣйшей связи съ его общимъ воззрѣніемъ на историческое значеніе всего Славянства. Въ этомъ же воззрѣніи, хотя Менцель и выражается подъ часъ слишкомъ рѣзко и оригинально, онъ нисколько не расходится съ господствующимъ въ ученой Германской литературѣ и утвердившимся въ ней, какъ мы видѣли, задолго до Гегеля. Слѣдующія мнѣнія Менцеля о германизаціи Славянъ, о Чехіи и особенно о Гусѣ заслуживаютъ вниманія, такъ какъ онѣ очень распространены въ Германіи.

«Германизація, говоритъ Менцель, тождественна съ цивилизованіемъ и облагороживаніемъ. Въ Германскомъ принципѣ заключается что то такое, чему долго не можетъ противиться принципъ Славянскій. Русскіе получили христіанство изъ Византіи, но оттуда они не получили, какъ Поляки и Угры изъ Германіи, понятія свободы, права и чести, нравственныхъ побужденій. Огреченный Русский никогда не знавалъ рыцарства католической Угріи и Польши. Если далеко подвинувшаяся впередъ германизація будетъ задержана Русскимъ потокомъ, то Германская раса потерпитъ ущербъ въ своемъ высшемъ всемірно-историческомъ призваніи. Славянскія

населенія, хотя ихъ и подстрекаютъ къ зависти и ненависти къ Нѣмцамъ, невольно однако чувствуютъ решпектъ передъ Нѣмцами и оказываютъ больше довѣрія къ нимъ, чѣмъ къ своимъ соотчичамъ. Русскій охотнѣе покупаетъ у Нѣмецкаго купца, булочника, аптекаря, чѣмъ у Русскаго, ибо онъ увѣренъ, что найдетъ у нихъ лучшій товаръ и болѣе честности. Славянскій господинъ всегда больше боится быть обворовану скорѣе Славянскимъ, чѣмъ Нѣмецкимъ слугою. Простолюдинъ Славянинъ ждетъ больше справедливости отъ господина Нѣмца, чѣмъ отъ Славянина. Уже давно дознано опытомъ, что Славянинъ умѣетъ быть только господиномъ или рабомъ; какъ господинъ, онъ всегда наклоненъ къ произволу и самовластью, какъ рабъ, всегда лишенъ чувства чести. Поэтому ему осталось неизвѣстнымъ Романское и Германское мѣщанство и чуждымъ чувство права. Исторія Славянскихъ земель исполнена самовольной тиранніи и безправія. Нравственное превосходство Германца проявляется также въ его чистоплотности. Во всѣхъ Славянскихъ земляхъ господствуетъ грязь (der Schmutz). Въ одномъ драгоцѣнномъ сочиненіи о Карпатахъ замѣчено, что германизація подвигается впередъ вмѣстѣ съ рукомойникомъ и мыломъ. Грязный Гораль, какъ Австрійскій солдатъ, прилично вымытый и вычесанный, воротившись домой, не можетъ уже привыкнуть къ Славянскому свинству (Slavische Schweinerei), не женится уже на своей грязной землячкѣ, а беретъ себѣ въ жены Нѣмку, и тогда уже дѣти говорятъ по Нѣмецки. Такъ совершенно спокойно и незамѣтно подвигалась впередъ германизація [1])».

Говоря о Чехіи, Менцель распространяется объ императорѣ и королѣ Чешскомъ, Карлѣ IV, по обыкновенію своему, страшно преувеличиваетъ успѣхъ германизма въ Чехіи въ его царствованіе, и наконецъ съ свойственнымъ ему жаромъ опрокидывается на Гуса и Гуситовъ. „Въ началѣ 15 вѣка возникла Славянская реакція противъ германизаціи въ Чехіи. Самымъ неблагодарнѣйшимъ обра-

---

[1]) Грязь и нечистоплотность есть также одинъ изъ существенныхъ типическихъ признаковъ Славянства. Такъ *Нейманнъ* (Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwickelung. 2 Auflage. Leipzig. 1855) заявляетъ: «Von den benachbarten Deutschen wurden die Slawen seit den ältesten Zeiten Wenden oder Winden, Herumziehende, genannt, denn sie folgten ihnen Jahrhundevrte lang auf dem Fuss und besetzten alsbald das Land, das die Deutschen verliessen. Zu den Slawen gehören wahrscheinlich die schmutzigen, Läuse fressenden, Budinen des Herodot.—Unreinlichkeit ist heutigen Tagen ein Kennzeichen des gemeinen Slawen aller Stämme mit halbblauen Augen und blonden Haaren.» (S. 14).

зомъ въ мірѣ были уничтожены благословенныя учрежденія Карла IV и съ полузвѣрскою дикостью истребляемо все Нѣмецкое въ Чехіи. Виновникъ этихъ ужасовъ былъ Іоаннъ Гусъ, который съ утонченнѣйшимъ коварствомъ сдѣлалъ религію поводомъ и прикрытіемъ своей ядовитой ненависти къ Нѣмцамъ. Онъ бы повредилъ Германіи безконечно болѣе, еслибъ ему удалось привести въ исполненіе задуманный имъ союзъ Чехіи съ Франціею противъ императора Рупрехта, защищавшаго Нѣмецкіе національные интересы. Этотъ безбожный планъ удался бы, если бы Франція не была въ то время занята тяжелою борьбою съ Англіею, когда такъ прославилась Дѣва Орлеанская. Эта чудная дѣва писала въ Чехію и усовѣщивала сумасбродныхъ Гуситовъ. Не смотря на весь бѣшеный фанатизмъ, Чехи пали, ибо Поляки имъ не помогли, и они вновь покорились Нѣмецкому владычеству».

Далѣе поговоривъ о томъ, что судъ Любушинъ и пѣсни Краледворской рукописи—новѣйшая поддѣлка патріотовъ-фанатиковъ, что Чехія вся насквозь германизована, и безумно даже помышлять о преобладаніи Чешской народности въ Чехіи, что она сосѣдитъ съ Славянами, только со стороны Моравіи, «гдѣ Нѣмцы имѣютъ перевѣсъ и гдѣ вообще населеніе не столь Чешское, какъ въ Чехіи», что Австрія, удовлетворивъ требованіямъ Чеховъ, какъ въ министерствѣ графа Белькреди, или возбудитъ противъ себя Германское движеніе, или въ пользу Россіи утратитъ Чехію вмѣстѣ съ Галиціею [1]), поговоривъ обо всемъ этомъ и разномъ другомъ, Менцель повторяетъ совѣтъ, данный Чехамъ офиціознымъ авторомъ политической брошуры «Jungczechische Zustände. Leipzig» 1866 г., „пусть де подумаютъ Чехи о томъ, что отъ Нѣмцевъ они никогда не испытывали несправедливостей, какъ напр. Поляки отъ Русскихъ, что Нѣмцы имъ всегда оказывали величайшія благодѣянія (die

---

[1]) Нельзя не признаться, что Нѣмцы иногда очень хорошо понимаютъ внутреннюю связь разныхъ частныхъ Славянскихъ вопросовъ. Недавно, напримѣръ, Австрійская Presse 1868 (№ 167) весьма удачно и мѣтко указывала на связь вопроса Польскаго и восточно-Галицкаго съ Чешскимъ. «Bis der Panslawismus nicht neben der materiellen, auch die moralische Eroberung Polens vollendet hat,—und selbst Palacky wird zugeben, dass dazu heute noch keine grossen Aspecten sind,—bleibt der czechische Element eine Sprachinsel, die vergebens bald durch die ungarische Slowakei, bald durch das ruthenische Ostgalizien den Zusammenhang mit dem Czar und der Knute sucht. *So lange nicht durch die Einverleibung Galiziens und Polens in Russland der Panslawismus bis an das Gebiet der Wenzelskrone vorgerückt ist, kann alle auswärtige Hülfe den Czechen nicht das Mindeste nutzen.*"

grössten Wohlthaten), одинаковую равноправность и братское расположеніе (Brüderlichkeit). Съ негодованіемъ говоритъ Менцель о томъ, что не смотря на всѣ уступки въ пользу Чешскаго языка и народности, данныя имъ Австрійскимъ императоромъ, столь широкія, какія только можно было ожидать отъ императора Нѣмецкаго (?), не смотря на все то, нѣкоторое число съумасшедшихъ головъ (eine Anzahl czechischer Tollköpfe) отправилось въ Петербургъ и въ Москву, гдѣ, вмѣстѣ съ Русскими и другими Славянами, позволяли себѣ самыя дерзкія и наглыя выходки противъ Нѣмцевъ. Все бы это еще мало имѣло значенія, прибавляетъ Менцель, если бы Россія дѣйствительно не была великою державою, которая для своихъ политическихъ цѣлей пользуется панславистическою мыслью, и которой раздоръ сосѣдей издавна облегчалъ успѣшныя дѣйствія противъ Германской средней Европы. Если же Россія приметъ еще протекторатъ, предлагаемый ей Чехами, а Германія будетъ неединa и неустроена на столько, чтобъ помѣшать Русской узурпаціи съ этой стороны, то намъ можетъ быть очень плохо. Взглядъ на карту доказываетъ, что Чехія врѣзывается въ средину Германіи. Изъ нея ведутъ кратчайшіе пути въ Мюнхенъ, Нюренбергъ, Лейпцигъ, Дрезденъ и Вѣну. Она господствуетъ надъ Баваріею, Турингіею, Саксоніею, Силезіею, верхнею и нижнею Австріею. Если бы Чехія сдѣлалась Русскою или самостоятельнымъ Славянскимъ государствомъ, то южная Германія была бы втиснута между Чешскою границею при Эгерѣ и Французскою при Страсбургѣ. Понятно поэтому, какъ важно для всѣхъ Нѣмцевъ поболѣе прежняго заботиться о дѣлахъ Чешскихъ.»

Разсуждая о Польшѣ, Менцель сильно нападаетъ на Екатерину II, «эту хитрую Русскую, въ которой воплотился демонъ возрожденія и варварства, и высказываетъ мысль, весьма многими принятую въ Германіи, что для блага Польши и всего запада слѣдовало бы возстановить самостоятельное королевство Польское, «но приведя ее въ такую же тѣсную связь съ сѣверною Германіею, въ какой находится Угрія съ южною Германію.» Насказавъ разныхъ ужасовъ о распространеніи Русской власти въ Азіи, Менцель упоминаетъ о продажѣ Соединеннымъ Штатамъ Русской Америки колоній „для зарученія ихъ въ свою пользу, такъ какъ Россія и Америка имѣютъ общій интересъ относительно западно-Европейскихъ державъ.“ Приписывая Россіи дальновидную политику относительно Германіи и постоянное желаніе видѣть въ ней смуты, раздоры и слабость Менцель съ негодованіемъ указываетъ на распространеніе и укрѣп-

леніе Русской стихіи въ западной Россіи и Польшѣ и на дерзкія покушенія въ этомъ смыслѣ даже въ Остзейскихъ провинціяхъ, „оторванныхъ Россіею отъ Германіи.“ „Не надо забывать, прибавляетъ Менцель, что даже Чехамъ, хотя они Австрійскіе подданные, уже подавали совѣтъ прилежно учиться по Русски“. „Изо всего этого не трудно замѣтить, заключаетъ Менцель, что конечная цѣль Русской политики есть совершенное истребленіе какъ католической, такъ и лютеранской вѣры, Нѣмецкаго языка и національности, что обрусѣніе должно перейти политическую границу Россіи. Какъ необъятное море, Россія (das Russenthum) прибиваетъ свои тихія, но непреодолимыя волны къ берегу Нѣмецкой національности, и отрываетъ одинъ кусокъ Нѣмецкой земли за другимъ. И это не производитъ большаго впечатлѣнія въ Германіи. Нѣмецъ обратился кажется въ восковую фигуру, которая не замѣчаетъ, какъ отбиваютъ отъ нея цѣлые куски“.

Эти и подобныя имъ мнѣнія Менцеля, Коля, Дитцеля, Каттнера [1]), Буддеуса [2]) Штриккера, Маттеи, Гарлеса и подобныя имъ многихъ другихъ, ихъ же легіонъ, о разныхъ явленіяхъ древней, средней и новой исторіи Славянскаго міра, кромѣ свойственныхъ и исключительно имъ лично принадлежащихъ способовъ выраженія, не заключаютъ въ себѣ ничего собственно новаго и оригинальнаго. Онѣ суть лишь дальнѣйшее вы-

---

[1]) *Kattner* Edw. Preussens Beruf im Osten. Berlin. 1867. Его же Neun Kapitel über die Ortsnamen in Westpreussen und Posen. Berlin; Deutsche Abrechnung mit den Polen. Thorn. Ist Polen ein Bollwerk Deutschlands? Bromberg. 1862.

[2]) *Buddeus*. Aur. Russlands sociale Gegenwart und der Aufstand in Polen. Leipzig. 1863. «Національная печать, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — внушаетъ Русскому народу, что его призваніе состоитъ въ введеніи соціальной реформы въ Европу. Само собою понятно, что это льститъ Русскимъ и нравится соплеменнымъ Славянамъ. Намъ же, Европейскимъ культурнымъ народамъ, этотъ Азіатскій потопъ представляется столь же враждебнымъ, какъ гроза новаго Гунскаго нашествія, которое хочетъ затопить и задушить всю нашу образованность. Едва ли есть болѣе пагубное заблужденіе, какъ когда безсмысленное прогрессивное филистерство воображаетъ себѣ, что народныя движенія въ Россіи заставятъ Русскую государственную политику приблизиться къ Европейской государственной и народной жизни и отказаться отъ угрожающаго отношенія къ средней Европѣ.» Въ этихъ публичныхъ чтеніяхъ Буддеусъ старается представить всѣ опасности для Европы отъ освобожденія Русскихъ крестьянъ и усмиренія Польскаго возстанія. Словомъ онъ пугаетъ Европу димократіею царизма, тѣмъ же, чѣмъ обыкновенно пугаетъ въ Россіи Вѣсть и вообще Нѣмецко-Польская, баронско-панская партія.

раженіе и развитіе, а иногда и простое повтореніе мнѣній и воззрѣній, издавна господствующихъ въ Германіи о мірѣ Славянскомъ. Замѣчательно, что въ этомъ воззрѣніи Россія и Русскій народъ не отдѣлены отъ прочихъ Славянскихъ земель и народностей. Правда, внимательный взглядъ найдетъ нѣкоторыя разности во мнѣніяхъ Германцевъ о Русскихъ и о прочихъ Славянахъ. Но разности эти не существенныя и общаго вывода о цѣломъ племени Славянскомъ не измѣняютъ. Такъ можно замѣтить, что съ нерасположеніемъ Нѣмцевъ къ Славянамъ западнымъ, особенно Чехамъ и Словинцамъ, соединяется больше презрѣнія и пренебреженія, а къ нерасположенію ихъ къ Русскимъ скорѣе примѣшиваются страхъ и опасенія. Надлежитъ впрочемъ прибавить, что и къ Россіи и къ Русскимъ Нѣмцы стараются показывать свое презрѣніе и пренебреженіе, а Словинцевъ и Чеховъ, въ послѣднее двадцатилѣтіе, со времени замѣчательныхъ и неожиданныхъ успѣховъ этихъ народностей, Нѣмцы Австрійскіе, особенно живущіе въ этихъ Славянскихъ земляхъ и ближе знакомые съ дѣломъ, дѣйствительно начинаютъ побаиваться и часто съ трудомъ уже, больше для приданія себѣ храбрости, выдерживаютъ свой презрительный и высокомѣрный тонъ, при оцѣнкѣ явленій общественной и политической жизни нашихъ соплеменниковъ въ Чехіи, Моравіи, Стиріи, Крайнѣ. Нельзя также забывать, что до Петра Великаго, когда собственно въ Германіи началось стремленіе дѣлать изъ Россіи страшилище и пугало, въ теченіе XV, XVI в. Германія неоднократно и не шутя пугалась и побаивалась Чехіи и Польши. Въ этомъ страхѣ и опасеніяхъ Германіи главною пружиною всегда была мысль о томъ, какъ бы различныя Славянскія народности не отложили свои распри, не соединились между собою, не заключили общаго оборонительнаго и наступательнаго союза противъ Германіи. Страшное пораженіе Прусскихъ крестоносцевъ при Грюнвальдѣ въ 1410 г., грозныя побѣды Гуситовъ 1419—31 г. долго жили въ памяти Нѣмцевъ. Эти опасенія неоднократно высказывались Нѣмцами, не менѣе выразительно, чѣмъ Византійцами, Арабами, Итальянцами, Турками. Весьма понятно и естественно, что въ послѣднія два столѣтія Нѣмцы, изъ всѣхъ Славянскихъ земель, наиболѣе опасаются Россіи, ибо справедливо въ ней видятъ плотное, могущественное тѣло, которое, обладая притягательною силою и вліяніемъ на западныхъ Славянъ, легко со временемъ можетъ собрать вокругъ себя, подъ общее Славянское знамя, всѣ прочія Славянскія земли и осуществить наконецъ, болѣе или менѣе удачно, старыя попытки Болеслава Храбраго, От-

токара II и Гуситовъ. Развитіе Славянской идеи въ Россіи и Русскихъ симпатій въ земляхъ Славянскихъ вполнѣ справедливо считается Нѣмцами за наивѣрнѣйшее средство для осуществленія столь непріятной и противной имъ задачи. Какъ въ западныхъ земляхъ Славянскихъ, такъ и въ Россіи, общественному и научному сознанію Германіи представляется всего свѣтлѣе, любезнѣе, достойнѣе сочувстія и вниманія та стихія Нѣмецкая, которая успѣла утвердиться и въ Россіи и, еще болѣе, въ западныхъ Славянскихъ земляхъ. И тамъ и тутъ національному Германскому сознанію Нѣмецкій элементъ является представителемъ высшаго, добраго, свѣтлаго начала, а элементъ Славянскій носителемъ начала нисшаго, злаго и темнаго. Даже, оставляя точку зрѣнія исключительно Нѣмецкую, чисто національную, и восходя на высшую, общечеловѣческую точку зрѣнія (такъ думаетъ Германецъ), онъ естественно долженъ желать уже не для пользы одной только Германіи, но для блага всей Европы, всего человѣчества, желать побѣды и торжества Нѣмецкаго элемента надъ западно-Славянскимъ и Русскимъ, какъ начала высшаго надъ нисшимъ, добраго надъ злымъ, свѣтлаго надъ темнымъ. И въ Россіи, какъ и въ прочихъ Славянскихъ земляхъ, Нѣмецкая стихія имѣетъ высокое призваніе разносить высшую культуру, цивилизовать и облагораживать простаго *подзаконнаго* человѣка Славянскаго, такъ сказать переработывать, по выраженію Фребеля, грубое Славянское сырье въ изящный фабрикатъ Нѣмецкій. Всѣ попытки и стремленія Русскихъ къ прочному объединенію своего государства, сообразно началамъ и требованіямъ разумной національной политики, встрѣчаются въ Германіи съ такимъ же неудовольствіемъ и нескрываемымъ негодованіемъ, какъ встрѣчаются и всѣ противуположныя попытки Славянъ въ Австріи освободиться отъ господствующаго Нѣмецкаго централизма. Противурѣчіе, тутъ являющееся, есть только видимое. Оно проистекаетъ не изъ разности воззрѣній Нѣмцевъ на Славянъ Австрійскихъ и на Русскихъ, а изъ разности внѣшняго положенія Россіи и прочихъ земель Славянскихъ. Нѣмецкое сознаніе давно привыкло, — по праву или нѣтъ, это уже другой вопросъ, — считать Австрійскихъ Славянъ народностями покоренными и завоеванными. Эти Славянскія земли носятъ на Нѣмецкомъ языкѣ довольно характеристическое названіе Нѣмецко-Славянскихъ земель (Deutsch-slawische Länder). Въ Россіи же Германцы видятъ величайшее политическое тѣло, занимающее шестую часть земнаго шара, однородный и единовѣрный, господствующій народъ Славянскій въ

шестьдесятъ слишкомъ милліоновъ душъ, и между Русскими инородцами находятъ всего только полъ милліона Нѣмцевъ, и то чрезвычайно разсѣянныхъ по обширнымъ пространствамъ, не могутъ насчитать болѣе 120 тысячъ Нѣмцевъ въ самыхъ, такъ называемыхъ Нѣмецкихъ, Остзейскихъ провинціяхъ. Крайне враждебное ко всѣмъ политическимъ теоріямъ о независимости и самостоятельности Чехіи, объ образованіи особой Словинской области изъ Крайны, южной Стиріи, части Хорутаніи и Истріи, общественное сознаніе Германіи строго осуждаетъ эти стремленія, клеймя ихъ безумными и преступными, противными просвѣщенію и анти-государственными. Но оно же не только искреннѣйше желаетъ, но и всячески оправдываетъ необходимость образованія изъ трехъ губерній Рижской, Митавской и Ревельской одного политическаго цѣлаго, одной Ливоніи съ общимъ ландтагомъ, съ такою же политическою конституціею, которая, по примѣру великаго княжества Финляндскаго, поставила бы эту Ливонію въ одну личную унію съ Россіею, а Русскаго царя превратила бы имъ въ Ливонскаго герцога [1]). Можно сказать, что Нѣмецкое сознаніе на этомъ не успокоивается. Въ Германіи есть цѣлыя партіи, которыя идутъ гораздо далѣе и требуютъ ни много ни мало, какъ простаго присоединенія къ Пруссіи или такъ называемому нынѣ сѣверо-Германскому союзу — Чехіи, Моравіи, Австрійской Силезіи и Словинской земли. При этомъ утверждаютъ, что Тріестъ, яко бы городъ Нѣмецкій, необходимъ для Германіи, для господства ея въ Адріатическомъ морѣ, къ чему будто бы призываютъ Германію и все ея прошедшее съ Готовъ или хотя съ Карла В. или съ Оттона В., и ея высшая, наиболѣе богатая и полная цивилизація, и ея особое центральное положеніе въ Европѣ, предопредѣлившее ей повелѣвать Славянскимъ востокомъ и югомъ и Романскимъ югомъ и западомъ. Въ этомъ отношеніи Россія также не выключается изъ круга Славянскихъ земель. Она также предназначена послужить увеличенію границъ великаго Германскаго отечества, которое должно простираться so weit die teutsche Zunge klingt. Въ этомъ смыслѣ въ Германской политической литературѣ уже есть нѣсколько

---

[1]) См. всю эту программу, впервые ясно и опредѣленно сформулированную въ одномъ рукописномъ посланіи, которое ходило по рукамъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ въ 1861—62 г. и потомъ было напечатано Х. М. Вольдемаромъ подъ заглавіемъ Traum eines Kurländers in Belgien. (См. Die Zustände des freien Bauernstandes in Kurland nach dem Gesetze und nach der Praxis. Leipzig. 1862—63. 2 Theil. S. 338—342).

проектовъ о присоединеніи къ Пруссіи или сѣверо-Германскому союзу Польши по Вислу, Ковенской и Виленской губерній, наконецъ трехъ Прибалтійскихъ губерній [1]). Такова внутренняя связь воззрѣній Германскихъ на Россію и на прочія земли Славянскія. Нетрудно также замѣтить строгую, внутреннюю послѣдовательность этой *политики будущаго* и вѣрность ея всѣмъ преданіямъ прежней Германской политики въ отношеніи къ западнымъ Славянамъ и къ Россіи. Также очевидна тѣсная внутренняя связь этихъ политическихъ проектовъ съ господствующимъ въ Германской наукѣ воззрѣніемъ на незначительность мѣста, занимаемаго Славянствомъ въ средней и новой исторіи. По этому воззрѣнію, исторія Славянскихъ земель лишь по стольку входитъ и можетъ входить во всеобщую исторію, по скольку эти земли привлекали вниманіе и дѣятельность Германцевъ. Только утвержденіе Нѣмецкой стихіи въ той или другой землѣ Славянской сообщаетъ ей всемірно-историческое помазаніе, только господство, власть или вліяніе Нѣмцевъ у того или у другаго народа Славянскаго даетъ ему

---

[1]) См. Die Politik der Zukunft vom preussischen Standpunkte. 2 unveränderte Auflage. Berlin. 1858. Сочиненіе одного изъ нынѣшнихъ Прусскихъ военныхъ государственныхъ людей, эта брошура доказываетъ крайнюю необходимость для Пруссіи осадить и урѣзать Россію, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, такъ какъ съ Россіею будетъ уже трудно бороться, по окончаніи главной сѣти ея желѣзныхъ дорогъ и по благополучномъ осуществленіи важнѣйшихъ ея реформъ. «Nicht der ganze, von russischen Grenzen umzogene Raum ist heute eigentliches Russland und auf keinem Punkte vermag dieses, wie andere Staaten, seine Gesammt-Macht oder auch nur den überwiegenden Haupttheil derselben zu concentriren. Mit welchem ausserordentlichen Glück auch immerhin der Czaaren-Staat die Racen-Politik gehandhabt hat und wie ausserrdentlich er hiefür durch die massenhafte Einheit der russischen Nationalität,—eine Einheit, die heute jede andere in Europa bedeutend überwiegt, indem sie durch ein an Sprache, Sitten und Glauben einiges Volk von über 50 Millionen repräsentirt ist, — unterstützt wird — nichts destoweniger würde man heute noch ganze ungeheuere Glieder von dem Reichskörper abtrennen und nach geschehener Loslösung in bleibenden Sonderung halten können. Es gilt dies von Finnland nicht minder, wie von den deutsch-russischen Ostseeprovinzen, von Weichsel-Polen in demselben Maasse wie von Lithauen und Reussen (Polesien); endlich von der Krim, von Bessarabien, von dem ganzen russischen Süden am Pontus und von Cis und Transkaukasien. Hiervon sind wir nicht allein, sondern ebenso wie wir es sind, ist Russland selber davon überzeugt. Es weiss, dass diese Beschneidungen heute noch möglich und seine militärischen Kräfte, um sie zu hindern, noch unzureichend sind; dass auch in der nächsten Zeit kaum Aussicht vorhanden ist, die lose verbundenen Glieder unter sich organisch durch eine verstärcte Ausbreitung der russischen Nationalität zu verbinden. Es weiss, dass es, so beschnitten, au Gross-und Klein-Russland und die Czaarthümer Astrachan und Kasan, d. h. auf einen cisuralischen Besitz von 72,000 Quadrat-Meilen mit 38 Millionen Einwohnern beschränkt

возможность принять подобіе народа историческаго. Въ Германской исторической литературѣ это положеніе представляется такою старою, изношенною истиною, такимъ пошлымъ *трюизмомъ*, такою стереотипною правдою, что на него безпрестанно указываютъ, постоянно его приводятъ, но рѣдко раскрываютъ подробно и тѣмъ менѣе доказываютъ, какъ положеніе, не подверженное сомнѣнію и всѣмъ давнымъ давно извѣстное. Почтенный авторъ исторіи Россіи г. Э. Германъ замѣчаетъ, что исключительно или во всякомъ случаѣ «преимущественно благодаря Нѣмцамъ, ихъ образованности, трудамъ и познаніямъ Россія поднялась на степень великой Европейской державы и распространила свои предѣлы до образованнѣйшихъ странъ запада и въ доброй части Азіатскаго востока» [1]). Ту же самую мысль, иногда еще рѣшительнѣе, высказывали и многіе другіе Нѣмецкіе ученые и писатели, изучавшіе что нибудь Русское или

---

sein würde, und dass es später schwerlich anderswo, wie in Sibirien und gegenüber den unnerasiatischen Reichen Raum finden würde, seine Macht weiter zu entwickeln und nach aussen hin zur Geltung zu bringen». (S. 93)«es giebt keinen anderen Staat, der in demselben Maasse, wie der unsrige, durch die Verhältnisse, in welche er hinein gestellt ist, und durch alle andern Beziehungen zum Führer der wider Russland anstrebebenden Opposition des europäischen Staatensystems befähigt wäre. Hier liegt der Knoten aller Fäden, mit denen dereinst wenn unsere Wünsche in Erfüllung gehen, der Koloss umstrickt und letzlich zum Fall gebracht werden kann». (S. 96). См. Sendschreiben an den «Politiker der Zukunft vom preussischen Standpunkte». Berlin. 1858. — Deutschlands Errettung aus tiefster Schmach. Programm der Zukunft. 2 durchgesehene Auflage. Coburg. 1866. Здѣсь между прочимъ сказано: «Russland brütet über den Panslawismus und träumt von einer Ueberfluthung Deutschlands, mindestens bis an die Oder; der Kampf zwischen Germanen u. Slawen steht im Programm der kommenden Geschichte. Dieser Kampf könnte leicht die Feuertaufe des geeinigten Deutschlands werden: dann wird es Zeit, ernstlich von einer Reconstitution Polens zu reden». (S. 44).—Frantz. C. Die Wiederherstellung Deutschlands. Berlin. 1865. Онъ предлагаетъ присоединить къ Германскому союзу Польшу, Литву и Ливонію, назначивъ въ Варшаву, Вильну и Митаву по одному изъ Нѣмецкихъ принцевъ. Почтенный авторъ говоритъ, что онъ не соглашается съ хоромъ тѣхъ Руссофаговъ, кои проповѣдуютъ крестовый походъ на Россію, и добродушно полагаетъ, что его проектъ объ усиленіи Германіи будетъ полезенъ и пріятенъ самимъ Русскимъ (S. 427 ff.) Kattner, E. Preussens Beruf im Osten. Berlin. 1868. Здѣсь подробно прописано, какъ должна Пруссія овладѣть западными Русскими окраинами и какъ должна управлять ими.

[1]) Herrmann, E. Geschichte des russischen Staates. Hamburg. 1846. III. Vorwort. Почтенный авторъ надѣется убѣдить новыхъ Русскихъ, dass der Keim des Fortschritts ihrer nationalen Bildung nicht in dem alten Bojarenthum liegt, und überhaupt nicht innerhalb einer beschränkten Nationalität, auch nicht in der formellen Einheit einer erstarrten Kirche, und *am wenigsten in der Politik einer gewaltsamen Russificirung.* (особенно конечно Нѣмцевъ).

вообще о Россіи писавшіе, напр. Шлецеръ, Куникъ, Блумъ, Поссельтъ, Гриммъ и мн. др. [1]). Этого же мнѣнія держится и огромнѣйшее большинство Нѣмецкихъ людей въ Россіи, какъ писателей и ученыхъ, профессоровъ, академиковъ, библіотекарей, врачей, аптекарей, ремесленниковъ, купцовъ и всякаго рода промышленниковъ и артистовъ, такъ и различныхъ высшихъ и нисшихъ сановниковъ и чиновниковъ, состоящихъ въ гражданской, дипломатической, морской и военной службѣ [2]). Собственно говоря, мы, Русскіе, не имѣемъ никакой причины удивляться господству такого воззрѣнія между Русскими Нѣмцами. Это, столь лестное для ихъ племеннаго самолюбія, мнѣніе о значеніи Нѣмецкой стихіи въ Россіи, о важности собственной ихъ роли въ нашемъ отечествѣ, давно уже господствуетъ въ Германской литературѣ и непосредственно вытекаетъ изъ столь же давно утвердившагося въ Германской наукѣ воззрѣнія на историческое значеніе Славянскаго племени. Этотъ взглядъ давно признанъ въ Германской наукѣ строго-научнымъ (streng-wissenschaftlich), чисто объективнымъ (rein-objectiv) и единственно-критическимъ. Было бы странно, если бы въ Россіи, въ которой съ истинно-рыцарскимъ самопожертвованіемъ масса Русскаго народа лишена самыхъ необходимыхъ средствъ для образованія, и съ безпримѣрною щедростью, на деньги этого народа содержится множество Нѣмецкихъ училищъ, прогимназій и гимназій и наконецъ цѣлый Нѣмецкій университетъ, тратятся ежегодно большія суммы на Нѣмецкія изданія Петербургской Академіи Наукъ, было бы, говоримъ, странно въ высшей степени, если бы Нѣмецкіе подданные Россіи разсуждали о своемъ положеніи и глядѣли на себя какъ нибудь

---

[1]) О Шлецеръ см. ст. А. Н. Попова. Kunik, E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen u. Slawen. St. Petersburg. 1844—45. 2 Bde. Blum, K. L. Ein russischer Staatsmann. Des Gr. Iac. I. Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands. 4 Bde. Его же. Gr. I. I. Sievers u. Russland zu dessen Zeit. Leipzig u. Heidelberg. 1864.—Posselt. M. Der General u. Admiral Fr. Lefort, sein Leben u. seine Zeit. Frankfurt a. Main. 1866. 2 Bde. Grimm Alexandra Feodorowna. Bernhardi, Th. v. Geschichte Russlands u. der europäischen Politik 1814—31. Leipzig. 1863. I Th. Его же. Toll's Denkwuerrdigkeiten Leipzig. 1856—58. 4 Bde.

Stricker, Deutsch-russische Wechselwirkungen. Leipzig. 1849. Matthaei, Fr. Die deutschen Ansiedelungen in Russland. Leipzig. 1866. Richter, A. Geschichte d. deutschen Ostsee-Provinzen. Riga. 1857—58. 2 Bde.

[2]) Вліянію этихъ послѣднихъ надо приписать введеніе нѣкоторыхъ германизмовъ въ новѣйшій Русскій дѣловой слогъ, напр. теперь зачастую у насъ пишутъ: *предварительно сего, независимо сего, обитать Россію* и пр. Одного изъ нашихъ заслуженныхъ сановниковъ Нѣмецкаго происхожденія, барона М. А. Корфа, многіе старые наши чиновники, какъ я неоднократно слыхалъ, называютъ *Карамзинымъ канцелярскаго слога.*

иначе, не соглашались съ господствующимъ въ Германіи воззрѣніемъ на Россію и вообще на міръ Славянскій, если бы они отвергали тѣ взгляды и пріемы, строгая научность и объективность которыхъ признана Германскою наукою. Чтобы Русскій Нѣмецъ глядѣлъ на Россію, Русскій народъ не по Германски, для того надобно или заставить Германію перемѣнить свои воззрѣнія на Славянство или, путемъ воспитанія и образованія молодыхъ поколѣній, Русскихъ Нѣмцевъ отучить считать себя сынами Германіи и пріучить ихъ постепенно къ тому, чтобы они простились съ мыслью впредь занимать какое то привеллегированное мѣсто въ Россійской имперіи, составлять особый statum in statu, напротивъ за честь себѣ вмѣняли принадлежать Россіи и называться ея сынами. Но въ настоящее время мы, Русскіе, не имѣемъ ни малѣйшаго права и основанія ожидать и требовать отъ нашихъ Нѣмцевъ иныхъ къ себѣ чувствъ, чѣмъ Германскихъ. Кто близко знакомъ съ Германскою наукою, литературою, образованностью, тотъ ничего не найдетъ новаго въ различныхъ, самыхъ ругательныхъ, статьяхъ Русско-Нѣмецкихъ газетъ или патріотическихъ брошурахъ Ширрена, Блока, Сиверса, Эккарта, въ ученыхъ отзывахъ о Россіи Дерптскихъ профессоровъ Эттингена (Moral-Statistik) и Бульмеринга (статья „Die Deutschen Ostsee-Provinzen“ у Блунчли и Братера IX, 1—62). Все это есть повтореніе давнымъ давно сказаннаго о насъ въ различныхъ Нѣмецкихъ книгахъ и брошурахъ, литературныхъ, политическихъ и ученыхъ. Все это старыя погудки на новый ладъ и, въ лучшемъ случаѣ, новыя варіаціи на старую тему о неизмѣримомъ превосходствѣ Германской расы передъ Славянскою и о незначительности мѣста, занимаемаго послѣднею въ исторіи человѣчества.

Время уже подвергнуть строгому разбору это положеніе Германской науки. На немъ построена современная научная система средней и новой исторіи, какъ она излагается или понимается въ Германской и вообще Европейской наукѣ. Это воззрѣніе прежде всего поражаетъ своею обширною распространенностью. Оно господствуетъ не въ одной исторической литературѣ. Оно ежедневно высказывается въ Европѣ въ рѣчахъ политическихъ ораторовъ, профессоровъ и проповѣдниковъ, въ журнальныхъ статьяхъ и брошурахъ публицистовъ. Цѣлыя Европейскія поколѣнія воспитались, учились, жили, дѣйствовали, умерли въ этомъ воззрѣніи. Далѣе нельзя не отмѣтить, какъ другого его признака, неизвѣстности его происхожденія. Настоящія ученыя открытія, научныя положенія и теоріи, особенно въ столь новой, сравнительно, наукѣ, какъ средняя и новая исторія,

всегда могутъ быть связаны съ именами извѣстныхъ писателей и ученыхъ. Тутъ дѣло иное. Напрасно думать, что это положеніе о Славянствѣ принадлежитъ Гегелю или Лео или Гебгарди. Они сами или подробно его не излагаютъ, а только намекаютъ на него, или же подтверждаютъ новыми соображеніями и доводами, въ томъ и другомъ случаѣ одинаково предполагая его извѣстнымъ читателю. Въ самомъ дѣлѣ это воззрѣніе утвердилось въ Европѣ, и особенно въ Нѣмецкой литературѣ, за цѣлыя столѣтія до Гегеля, Лео и Гебгарди. Напрасно вы будете привлекать къ допросу и требовать на очную ставку различныхъ писателей двухъ. трехъ послѣднихъ столѣтій, и даже болѣе, дабы узнать, кто первый изъ нихъ изложилъ и доказалъ, что племя Германское выше, даровитѣе, превосходнѣе племени Славянскаго. У всѣхъ такого рода писателей оно высказывается, какъ положеніе давно извѣстное. Если бы составить сборникъ образцовъ всѣхъ этихъ Европейскихъ, преимущественно Германскихъ, разсужденій, опредѣленій и приговоровъ объ историческомъ значеніи Славянъ и о высокомъ превосходствѣ передъ ними Германцевъ, то вышла бы очень любопытная и поучительная христоматія. Перебирая имена авторовъ этихъ избранныхъ отрывковъ, мы встрѣтили бы людей самыхъ разнообразныхъ религіозныхъ и философскихъ воззрѣній, самыхъ различныхъ политическихъ направленій. Не смотря на величайшее разнообразіе и коренное несходство ихъ основныхъ воззрѣній на существо, права и границы духа, на законы его историческаго развитія, на господствующія идеи Европейской образованности, на цѣли и задачи жизни, на идеалы и способы достиженія человѣческаго благополучія, не смотря на все это разнообразіе и несходство, всѣ эти авторы, отрывки которыхъ вошли бы въ предполагаемую христоматію, согласны между собою въ одномъ, что Славяне—племя нисшее, Германцамъ неравноправное,—въ исторіи человѣчества не имѣютъ большаго значенія, что ихъ исторія, безъ сожалѣнія, можетъ быть вычеркнута изъ исторіи средней и новой.

«Такое сходство приговоровъ объ извѣстномъ народѣ множества умныхъ и ученыхъ людей, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, людей часто самыхъ разнообразныхъ направленій и противуположныхъ мнѣній о другихъ предметахъ высокой важности, не есть ли краснорѣчивое свидѣтельство въ справедливости и научности этого Европейскаго, преимущественно Германскаго, ученія о племени Славянскомъ?»

Внимательнаго разбора это воззрѣніе вполнѣ заслуживаетъ. Сла-

вянскіе писатели и ученые, не платя ему вниманія и только мимоходомъ упоминая объ его ложности и исключительности, вызываютъ обыкновенно въ своихъ Европейскихъ, преимущественно Германскихъ, критикахъ, упреки въ ложномъ патріотизмѣ, въ недобросовѣстномъ умалчиваніи извѣстныхъ научныхъ истинъ и доказанныхъ положеній, наконецъ въ незнакомствѣ съ современными требованіями науки, съ пріемами исторической критики и истинно-научнаго метода. Въ ученой Германіи почти единогласно признаются смѣшными мечтателями и фантазерами тѣ Славянскіе писатели, которые позволяютъ себѣ совершенно не соглашаться съ Германскимъ воззрѣніемъ на племя Славянское. Если эти писатели—люди несомнѣнныхъ дарованій и учености, то про нихъ говорятъ съ пожатіемъ плечъ и грустнымъ сожалѣніемъ, что люди молъ столь способные, начитанные и трудолюбивые серьезно занимаются такими пустяками; и Нѣмецкіе критики, не безъ скорби, усматриваютъ въ этомъ вредные плоды національныхъ увлеченій и пристрастій. Проводить въ историческомъ трудѣ несогласное съ этимъ воззрѣніе—это почти тоже, что заниматься квадратурою круга. Такіе упреки Славянскимъ писателямъ или основательны или несправедливы. Въ первомъ случаѣ ученые наши не могутъ, не имѣютъ права умалчивать объ этомъ воззрѣніи, напротивъ должны принять его въ основаніе всѣхъ своихъ историческихъ трудовъ, должны распространить его въ общественномъ сознаніи Славянъ. Этого мало. Если это воззрѣніе есть истинно-научное положеніе и вполнѣ доказанное, то Славянское сознаніе должно примириться со всѣми его практическими послѣдствіями и заранѣе отказаться отъ всѣхъ надеждъ на независимое и самобытное политическое существованіе нашего племени, на созданіе какой нибудь оригинальной, самостоятельной образованности. Во второмъ же случаѣ, если это воззрѣніе строго-научнаго значенія не имѣетъ, то Славянскіе ученые имѣютъ право указывать на шаткость научныхъ основъ въ системѣ построенія и изложенія такъ называемой средней и новой исторіи, но разумѣется пріобрѣтутъ это право не прежде, чѣмъ методически и научнымъ образомъ докажутъ ненаучность и невѣрность этого воззрѣнія на Славянство.

И такъ оно всячески требуетъ подробнаго разсмотрѣнія. Въ наукѣ важны не мысль и не положеніе вѣрныя и справедливыя, не столько выводъ и результатъ, сколько методъ и путь, употребленные, при разработкѣ извѣстныхъ данныхъ, для полученія того или другаго результата. Часто бываетъ, что иной парадоксальный

выводъ, только методически и научнымъ путемъ добытый, несравненно плодотворнѣе и важнѣе любой вѣрной мысли, если она высказана случайно и не соглашена съ имѣющимися въ извѣстное время, научными данными. Русскому и неприлично и нѣтъ надобности распинаться передъ Европою въ превосходныхъ качествахъ ума и сердца нашего племени. Положимъ, что въ напыщенныхъ самовосхваленіяхъ и увѣреніяхъ Германскихъ писателей и ученыхъ о превосходствѣ ихъ племени надъ ихъ тысячелѣтнимъ соперникомъ и противникомъ, нѣтъ и тѣни односторонности и исключительнаго субъективизма. Согласимся даже, что это предполагаемое превосходство, наукою не опровергнутое, даетъ имъ право на строгое сужденіе о Славянахъ, а насъ тѣмъ самымъ лишаетъ права судить о Нѣмцахъ и вообще о Романо-Германцахъ. Но мы можемъ же,—надѣемся,—разсматривать степень научности и достовѣрности этого Германскаго положенія о Славянствѣ. Познакомимся же съ методою и путемъ, которымъ полученъ этотъ выводъ. Тутъ возможны три случая: 1) и выводъ и метода могутъ быть вѣрны и истинны, 2) выводъ можетъ быть невѣренъ, а метода правильна и научна, 3) и выводъ и метода одинаково могутъ быть ложны, неправильны и ненаучны. Оставимъ пока въ сторонѣ самое воззрѣніе и положеніе, самую мысль, и займемся лишь повѣркою метода. Забудемъ, что рѣчь идетъ о нашей странѣ, о нашемъ народѣ и племени, отложимъ всякой патріотизмъ и національное самолюбіе, помня что истина всего дороже. Собственно говоря и для самолюбія Славянскаго не можетъ быть ничего обиднаго въ признаніи существеннаго превосходства Германцевъ, если это превосходство есть явленіе несомнѣнное и неопровержимое. Таково видно рѣшеніе Судебъ, котораго нельзя измѣнить и съ которымъ поэтому очень легко примириться. Для безпристрастія нашего въ этомъ случаѣ не требуется даже никакого подвига самопожертвованія и самоотреченія. Такъ обратимъ же спокойное вниманіе на всѣ важнѣйшіе доводы, которые обыкновенно приводятся въ подтвержденіе этого вывода, положенія или воззрѣнія. Не скроемъ, когда понадобится, что нѣкоторые изъ этихъ доводовъ и доказательствъ могутъ быть значительно распространены, усилены и дополнены разными достовѣрными данными, многими указаніями на различныя явленія Славянской жизни, прошедшей и современной, на весьма печальные и темные примѣры и черты дурной нравственности, грубости, невѣжества, разврата, пьянства, злоупотребленій общественныхъ и дурного управленія, подражательности, лѣности, глупости

и т. д. Славянская жизнь намъ извѣстнѣе, чѣмъ Нѣмцамъ или другимъ Европейцамъ. Они не знали и не знаютъ еще многихъ недостатковъ нашей умственной, общественной и государственной жизни. Обо всемъ этомъ мы обладаемъ гораздо большимъ запасомъ живыхъ и достовѣрныхъ данныхъ. Наконецъ припомнимъ, что у южныхъ и западныхъ Славянъ уже давно, а въ Россіи, по крайней мѣрѣ, съ XVIII в. раздавалось и раздается множество голосовъ въ пользу этого Германскаго воззрѣнія на Славянъ или въ пользу нѣкоторыхъ его частностей. На югѣ и западѣ Славянскомъ цѣлые классы, высшіе и наиболѣе образованные, нерѣдко держались, а индѣ и понынѣ держатся убѣжденія о неизмѣримомъ превосходствѣ Романо-Германскаго міра и въ слѣдствіе этого совершенно отчудились отъ своего народа, перешли въ ряды его противниковъ и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ подвизались и подвизаются на своемъ новомъ поприщѣ, добровольно сдѣлавшись Нѣмцами и Итальянцами, искренно стыдясь своего Славянскаго происхожденія. У насъ въ Россіи замѣчается подобное же явленіе. Только въ слѣдствіе особаго историческаго развитія и географическаго положенія Россіи, наши передовые классы не могли исключительно прилѣпиться къ одной какой нибудь Европейской національности. Они прилѣплялись къ Голландцамъ, Нѣмцамъ, Французамъ, Англичанамъ. Они имѣли и имѣютъ передъ собою весь западъ, Европу, а Европа, западъ отличается великимъ разнообразіемъ. Тѣмъ не менѣе и у насъ, въ Россіи, и въ нашей литературѣ можно найти представителей и защитниковъ всевозможныхъ мнѣній Европейскихъ о Россіи и о Славянствѣ вообще. Такъ огромное большинство Русскаго образованнаго общества вполнѣ искренно вѣритъ Европейскому и Германскому мнѣнію о превосходствѣ Романо-Германскихъ племенъ передъ Славянскимъ. Само собою разумѣется, что оно не принимаетъ его во всей его строгости и исключительности. Одни утѣшаютъ себя пріятною мыслью, что они все таки un accident heureux parmi les siens. Другіе придерживаются этого воззрѣнія только относительно такъ называемой Московской, Котошихинской Россіи. Третьи распространяютъ этотъ взглядъ и на такъ называемую Петровскую Россію, выдѣляя изъ нея нѣкоторыя явленія. Такъ одни начинаютъ уважать Русскую жизнь съ Радищева, другіе съ 20-хъ годовъ нашего столѣтія, третьи съ Бѣлинскаго и т. д. Нѣкоторые Русскіе люди искренно скорбятъ о томъ, что ихъ отечество не участвовало въ крестовыхъ походахъ, не имѣло понятія о рыцарствѣ. Они относятся къ старой Россіи съ такимъ же презрѣніемъ, какъ Гебгарди,

Менцель или Дитцель, ибо не могутъ безъ ужаса,—такъ увѣряютъ они,—вспомнить, что бояръ, поровшихъ и засѣкавшихъ своихъ холопей быть можетъ иногда не меньше, чѣмъ ихъ цивилизованные, и потому уже знакомые съ рыцарскимъ благородствомъ, внуки и правнуки засѣкали своихъ крѣпостныхъ, что самихъ бояръ этихъ Московскіе цари бивали батогами [1]). Но дворянская грамота и разныя другія явленія Русской жизни имъ такъ дороги и любезны, что они съ негодованіемъ отвергаютъ многіе взгляды Европейцевъ на Россію. Г. Бланкъ доказывая, что крѣпостное право необходимо для Русскаго народа, выразилъ мысль не новую, и притомъ вполнѣ Европейскую. Тоже доказывали Дитцель и многіе другіе. Различные Польскіе писатели, М. Бакунинъ и др. утверждая, что прогрессъ и благо человѣчества требуютъ разрушенія Русскаго государства, не высказываютъ ничего новаго и оригинальнаго. Это давно заявляютъ различные Европейскіе писатели, ученые и публицисты. И признавъ вѣрность и справедливость Европейскаго, преимущественно Германскаго, воззрѣнія на Славянство, трудно, почти невозможно съ ними не согласиться. Соглашаясь съ Дитцелемъ, Менцелемъ и проч., принимая многіе частные взгляды, выбирая себѣ по кусоч-

---

[1]) Западное, рыцарское чувство чести, объ отсутствіи котораго въ древней Россіи, такъ скорбятъ нѣкоторые наши западники, преимущественно изъ такъ называемаго хорошаго общества, не есть вовсе начало вѣчной и чистой нравственности, понятное и обязательное всѣмъ вѣкамъ и народамъ, и нарушеніе котораго производитъ въ душѣ человѣка стыдъ и раскаяніе. Нѣтъ, это рыцарское чувство чести есть понятіе времени, весьма темнаго, и извѣстной касты, притомъ очень нехорошей, понятіе условное и модное. Вѣрно замѣчаетъ объ этомъ Шопенгауэръ: «Есть видъ чести, совершенно отличный отъ всеобще признанной, совершенно незнакомый ни Грекамъ, ни Римлянамъ, ни Китайцамъ, ни Индусамъ, ни махометанамъ. Онъ возникъ лишь въ средніе вѣка и утвердился только въ христіанской (католической, западной) Европѣ, и тутъ только въ чрезвычайно малой фракціи населенія, именно въ высшихъ классахъ общества и въ тѣхъ, которые имъ подражаютъ. Это рыцарская честь или point d'honneur... Рыцарское чувство чести никоимъ образомъ не есть первоначальное, имѣющее основаніе въ природѣ человѣческой. Оно искусственно, и найти его источникъ нетрудно. Оно, очевидно, чадо того времени, когда кулаки упражнялись болѣе головъ, и попы (die Pfaffen) держали умъ въ оковахъ, т. е. хваленыхъ среднихъ вѣковъ и его рыцарства». Тогда въ судахъ дѣйствовали ордаліи, поединки, не разумъ, а физическая сила и ловкость, животная природа открывала судъ Божій, рѣшала правду. Таково начало дуэли. Шопенгауэръ указываетъ при этомъ на превосходную книгу Меллингена The history of duelling 1849.

кам, что нравится, изъ этого общаго воззрѣнія, г. Бланкъ, разные Поляки и г. Бакунинъ далеко не согласны со многими другими взглядами Европейскими, тѣсно съ ними связанными. Такъ г. Бланку нравится въ Россіи крѣпостное право, весь бытъ и вся жизнь, на немъ построенныя, со всѣми ихъ удовольствіями и радостями. Поляки мечтаютъ о старой Рѣчи Посполитой. Бакунинъ поклоняется Стенькѣ Разину и Емелькѣ Пугачеву. Между тѣмъ, всѣмъ этимъ Европейскимъ, особенно Германскимъ, ученымъ и писателямъ, взгляды которыхъ они повторяютъ, часто сами того не вѣдая, глубоко противны ихъ Славянскіе, непослѣдовательные ученики съ ихъ отвратительными Славянскими идеалами. Этимъ двумъ крайнимъ западническимъ направленіямъ, соціально-политическимъ (Бланку и Бакунину) [1]), приблизительно соотвѣтствуютъ двѣ крайнія Русскія школы религіозно-философскія, представляемыя Русскими католиками и іезуитами, явными и тайными, князьями Голицыными, Гагариными, Мартыновымъ и разными другими, съ одной, и нѣкоторыми нашими реалистами, съ другой стороны, напр. г. Вырубовымъ [2]). Но между этими двумя крайними направленіями, религіозно-философскими и соціально-политическими, существуетъ у насъ въ Россіи великое множество самыхъ разнообразныхъ направленій и школъ, часто совершенно враждебныхъ, но связанныхъ между собою болѣе или менѣе недружелюбнымъ отношеніемъ къ главнѣйшимъ историческимъ особенностямъ Греко-Славянскаго міра и оказывающихъ болѣе или менѣе сознательное и явное предпочтеніе къ таковымъ же особенностямъ міра Романо-Германскаго. Всѣ эти крайнія и среднія направленія, по всей справедливости, могутъ быть называемы однимъ общимъ

---

[1]) Само собою этимъ сопоставленіемъ я не хочу выводить чего-нибудь обиднаго для г. Бланка. Я указываю на крайнія мнѣнія и воззрѣнія, а до чужихъ, частныхъ поступковъ и дѣйствій мнѣ конечно нѣтъ никакого дѣла.

[2]) Разумѣемъ главнѣйше его извѣстное предложеніе на Женевскомъ конгрессѣ 1868 г. о необходимости для прогресса истребить въ народахъ вѣру въ бытіе Божіе. Совершенно не соглашаясь съ основнымъ воззрѣніемъ г. Вырубова, не можемъ не замѣтить, что такое искреннее, прямое и честное отношеніе къ дѣлу гораздо менѣе оскорбительно для христіанина и человѣка вѣрующаго, чѣмъ то, по истинѣ безбожное и циническое ученіе, которое не признаетъ истиною бытіе Божіе и ея обязательности для классовъ высшихъ, имущихъ и предержащихъ, но считаетъ необходимостью поддерживать эту вѣру въ народныхъ массахъ, для порядка и охраненія священныхъ правъ собственности. Вообще люди, отводящіе вѣру и церковь на службу къ полиціи, оскорбляютъ христіанство больше всякихъ разудалыхъ нигилистовъ, прямыхъ и искреннихъ.

именемъ Европейскихъ или западническихъ или уніатскихъ. Всѣ онѣ имѣютъ у насъ свою въ высшей степени любопытную исторію, свою литературу. У Г. Бланка, Н. Безобразова, Ржевскаго, Скарятина, Мартынова, Гагарина, Голицына, Бакунина и Вырубова многія коренныя мнѣнія о Россіи совершенно такъ сказать Европейскія, строго-логически, послѣдовательно вытекающія изъ общаго, господствующаго Романо-Германскаго воззрѣнія на міръ Греко-Славянскій. Точно такое же сходство съ разными другими сторонами этого воззрѣнія можно найти у нашихъ представителей всѣхъ среднихъ, болѣе умѣренныхъ, западническихъ, направленій [1]). Такъ напр. одни, не исповѣдуя ни католицизма, ни протестантства, признаютъ ихъ все таки выше православія, какъ двѣ формы Европей-

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ среднихъ, умѣренныхъ западническихъ направленій теперь особенно господствуютъ въ нашемъ такъ называемомъ высшемъ обществѣ. Многіе современные государственные люди наши имѣли случай публично, такъ или иначе, выразить свои мнѣнія, совершенно иногда сходныя и обыкновенно прямо ими заимствованныя изъ этого господствующаго Европейскаго, преимущественно Нѣмецкаго, воззрѣнія на Россію. Эти мнѣнія неоднократно были высказываемы въ Сѣверной Почтѣ, органѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева, и въ многочисленныхъ его предостереженіяхъ, данныхъ газетамъ Москва и Москвичъ и нѣкоторымъ другимъ журналамъ. Такія же мнѣнія о Россіи высказали товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Обуховъ въ своей извѣстной запискѣ, изданной въ Прагѣ Ю. Ѳ. Самаринымъ, и нынѣшній Курляндскій губернаторъ г. Лиліенфельдъ, въ своей брошурѣ Земля и Воля, изданной имъ самимъ въ Петербургѣ 1868 г. Судя по хвалебнымъ статьямъ Вѣсти о Виленскомъ генералъ-губернаторѣ гр. Потаповѣ и по отзывамъ Нѣмецкихъ и Французскихъ журналовъ, — если они справедливы, — графы Потаповъ, Бергъ, Паленъ и многіе другіе сановники наши болѣе или менѣе строго придерживаются такихъ же воззрѣній на Греко-Славянскій міръ. Судя же по Вѣсти, этомъ органѣ нашего высшаго общества, и по разнымъ иностраннымъ журналамъ (особенно статьи Мазада въ Revue de deux Mondes) изъ всѣхъ новѣйшихъ государственныхъ Русскихъ людей Н. А. Милютинъ и покойный Н. И. Бахтинъ были наиболѣе далеки отъ такихъ воззрѣній на Россію и составляли какъ бы исключеніе въ плеядѣ нашихъ сановниковъ. Поэтому Нѣмцы и причисляли ихъ къ такъ называемой ими національной, старо-Русской, димократической партіи, относя всѣхъ другихъ къ партіи либеральной, Нѣмецкой, Европейской. На сколько все это вѣрно, — это другой вопросъ, который здѣсь насъ занимать не можетъ. Насъ занимаетъ собственно Нѣмецкое воззрѣніе на Россію, и мы не могли обойти этого обстоятельства, хотя и не придаемъ ему особенно большаго значенія, убѣжденные, что личность играетъ роль въ исторіи не благодаря своему оффиціальному положенію, а благодаря своимъ дарованіямъ и нравственному вліянію на общество.

скаго, западнаго христіанства. Другіе, не становясь вовсе Нѣмцами и иногда даже непосредственно знакомые съ Нѣмецкою жизнью и образованностью, развѣ по Остзейскимъ баронамъ и кое какимъ камеліямъ, да по Гомбургу и Баденъ-Бадену, но вѣря въ превосходство Германской расы, думаютъ, что для блага человѣчества и Европейской цивилизаціи (отъ которой, какъ они говорятъ, они никогда не могутъ отказаться) было бы очень хорошо и полезно, если бы наприм. западные Славяне (въ Чехіи, Моравіи, Стиріи, Крайнѣ), Латыши и Эсты, у насъ, были скорѣе онѣмечены. Они же полагаютъ, что стыдно напр. истинно-образованному человѣку не одобрять безконечнаго продолженія льготъ Нѣмецкимъ колонистамъ, ежегодной выдачи нѣсколькихъ тысячъ рублей на Академическія и другія казенныя изданія на Нѣмецкомъ языкѣ, двухъ сотъ тысячъ рублей на содержаніе Нѣмецкаго университета въ Дерптѣ для 120 тысячъ Нѣмцевъ, сыновьямъ которыхъ,—не всѣ и идутъ въ университетъ,—не далеко бы было ѣздить и въ Петербургъ, многихъ тысячъ рублей на разныя Нѣмецкія прогимназіи и гимназіи въ трехъ маленькихъ губерніяхъ съ огромнымъ большинствомъ не Нѣмецкаго населенія, къ Нѣмецкому меньшинству даже враждебно расположеннаго. Видя въ Европѣ идеалъ человѣческаго развитія и зная, что Европейская цивилизація создана аристократіею и буржуазіею, ихъ борьбою и соперничествомъ, они также не могутъ примириться съ Русскою исторіею, не умѣвшею выработать ни той, ни другой, и измышляютъ средства обогатить горячо любимое ими отечество этими необходимыми рычагами цивилизаціи. Враги крутыхъ переворотовъ, поборники начала laissez faire, laissez aller, часто глубокіе поклонники Англіи, они желали бы рядомъ законодательныхъ мѣръ уничтожить общину, это, по ихъ мнѣнью, наслѣдье Татарщины, создать многочисленный классъ безземельныхъ батраковъ, тоже существенный признакъ цивилизаціи, наконецъ образовать въ Россіи порядочный средній классъ и здоровую аристократію. Для всего этого, прибавляютъ они, существуютъ въ Россіи добрые матеріалы, стоитъ только съискать способныхъ людей, которые будто тоже имѣются: Русская земля не клиномъ сошлась, и тогда намъ, Русскимъ, продолжаютъ они, съ нашими быстрыми способностями легко будетъ сравняться съ Европою. У Русскихъ Европейцевъ этого рода по видимому гораздо больше согласія съ Европою относительно Россіи и Славянства, чѣмъ у представителей двухъ крайнихъ западническихъ направленій, но это только по видимому. Въ сущности огромное ихъ большинство еще менѣе послѣдовательно,

часто гораздо менѣе послѣднихъ внушаетъ къ себѣ уваженіе Европейцевъ, и едва ли не всегда гораздо менѣе его заслуживаетъ. Слушая ихъ, гордый Европеецъ можетъ радоваться, что Европейскія идеи принимаются у Скиѳовъ. Любо и лестно Нѣмецкому профессору въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ и Грацѣ замѣчать на нашихъ Анахарсисахъ и Скилахъ, какъ старое упорство, дерзкая наглость и грубость Славянская, стоившая Нѣмецкимъ кайзерамъ и маркграфамъ столько крови, усилій и пожертвованій, побѣждается и укрощается нынѣ мирно и экономически, и утѣшать себя мыслью, что оно достигается дешевыми изданіями Нѣмецкихъ классиковъ и великими трудами ученаго Нѣмецкаго прилежанія. Но эта радость Европейца не долговременна. Онъ скоро замѣчаетъ всю непрочность такихъ пересадокъ Романо-Германскихъ началъ и учрежденій на почву Греко-Славянскую. Европеецъ слишкомъ хорошо понимаетъ всю неизбѣжность органическаго развитія народовъ. «Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно». По ближайшемъ знакомствѣ съ этими Анахарсисами, Европеецъ подмѣчаетъ всю ихъ непослѣдовательность и ихъ примѣромъ убѣждается въ вѣрности Наполеоновскаго замѣчанія: поскоблите Русскаго и получите Татарина, т. е. Скиѳа, не Европейца. Такимъ образомъ, на Европейскій взглядъ, и всѣ эти европеизованные Русскіе суть вѣрные сыны и образчики того Славянскаго племени, которое уже признано нисшимъ, къ самостоятельной образованности неспособнымъ и никогда не могущимъ не только обогнать Германцевъ, но и сравняться съ ними.

На этихъ основаніяхъ, при нашемъ разборѣ Романо-Германскаго воззрѣнія на Славянство, мы не можемъ пользоваться мнѣніями и взглядами романизованныхъ и германизованныхъ Славянъ и европействующихъ Русскихъ и принуждены отводить ихъ голоса, яко бы свидѣтельствующіе въ пользу этого воззрѣнія. Европейскіе писатели нерѣдко пользуются этимъ пріемомъ, но въ этомъ случаѣ они поступаютъ совершенно неправильно и даже едва ли добросовѣстно, такъ какъ эти свидѣтели или заслуживаютъ полнаго ихъ уваженія или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ они Европейцамъ равноправны, и тогда нѣтъ причинъ отвергать другихъ ихъ мнѣній и взглядовъ, часто совершенно противуположныхъ тому воззрѣнію, которое требуется доказать. Во второмъ случаѣ они, какъ представители и члены нисшей расы, неравноправны Европейцамъ, и, какъ свидѣтели опороченные, не должны быть притягиваемы къ допросамъ и показаніямъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, гдѣ непремѣнно требуется самостоятельность

и глубина сужденія, большая добросовѣстность и строгое чувство справедливости, всѣ качества, которыя, по ихъ же мнѣнію, очень слабо и даже вовсе не развиты въ этой нисшей Славянской расѣ. Но мы, повторяемъ, не отказываемся отъ всѣхъ фактическихъ указаній и данныхъ, приводимыхъ романизованными и германизованными Славянами и европействующими Русскими и могущихъ свидѣтельствовать въ пользу той или другой стороны подлежащаго разбору Европейскаго, преимущественно Германскаго, воззрѣнія.

III.

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ ГОСПОДСТВУЮЩАГО ЕВРОПЕЙСКАГО, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО НѢМЕЦКАГО ВОЗЗРѢНІЯ НА СЛАВЯНЪ. СРАВНЕНІЕ СЛАВЯНЪ СЪ НЕГРАМИ, ЖЕНЩИНАМИ, КЕЛЬТАМИ И ТУРАНЦАМИ. НОВѢЙШАЯ ТЕОРІЯ О ТУРАНСКОМЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ ВЕЛИКОЙ РУСИ.

«So hatte man den Grundsatz der Nationalität nicht verlassen. Aber man wandte ihn nur zu Gunsten des eigenen Volkes an. Man machte zum Grundsatz, was bei andern Völkern mehr Instinct ist, sich für den selbstgenügenden Mittelpunkt der Welt, die andern Völkern für zufällige Erscheinungen, zu halten, welche ihrerseits sehen mögen, wie weit sie kommen; eine Anschauung, in welcher es bekanntlich die Chinesen am weitesten gebracht haben... *So sind wir (Deutsche) glucklich übrig geblieben, als der allein preiswürdige Theil der Menschheit. Wie wohlthuend für die deutsche Bescheidenheit!*» (Der Grundsatz der Nationalität und das europäische Staatensystem. Berlin. 1860).

...apud Bulgaros, Russos atque *Moschos, qui et ipsi Slavi sunt.* (Cromeri, Mart. De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Basileae. 1554).

Cujus posteri (Ивана Даниловича Калиты) cum principatum suum adjunctis proximis quibusque ejusdem nationis atque linguae principibus longe lateque dilatassent, cum demum *caeteri* quoque *Russorum populi* longe maiores, antiquiores et nobiliores, quam Moschi ad eam diem fuerant, nempe *Wladimirienses, Novogrodenses, Iaroslavienses, Thverenses, Mosaicenses, Susdali, Pskovenses, Rezanenses, Severienses, et alii, ut quique adjecti sunt, in Moschorum nomen abiere, sic tamen, ut cuncti pariter Russorum nomen libenter etiamnum agnoscant...* Unde liquet, nec antiquum esse Moschorum nomen et Russorum partem, *ac unum quendam populum eos esse,* ab arce et oppido (Mosqua), quod maximis terrarum spatiis a priscorum illorum Moschorum sive Moschinorum tractu abest, non ita pridem appelationem mutuatos. (Ibid.).

Господствующее въ Европѣ, преимущественно въ Германіи, воззрѣніе на Славянъ, къ разбору котораго мы теперь обращаемся, можетъ быть приблизительно и сжато выражено слѣдующимъ образомъ: „Славянское племя, хотя и родственное Германскому, есть

тѣмъ не менѣе раса несравненно нисшая и отнюдь ему неравноправная. Въ средней и новой исторіи оно занимаетъ весьма незначительное мѣсто, вовсе не соотвѣтствующее его численности и тому пространству земли, которое оно населяетъ. Сравнительное его положеніе, относительно Германскаго племени, какъ нисшей расы относительно высшей, можетъ быть уподоблено отношеніямъ Негровъ, Хамитовъ, Туранцевъ къ Европейцамъ, Кельтовъ къ Римлянамъ и Германцамъ, женщины кк мужчинѣ. Славяне—раса пассивная, страдательная, Германцы—раса активная, дѣятельная. Эти положенія неопровержимо доказываются бѣдностью, пригнетенностью, забитостью, неразвитостью, страшною грубостью и невѣжествомъ Славянскаго простонародья, преданнаго суевѣріямъ, лѣности, безпечности и пьянству,—постояннымъ господствомъ безнарядья и всевозможныхъ злоупотребленій въ Славянской общественной и государственной жизни, совершенною неспособностью и неумѣніемъ Славянъ пользоваться умѣренною свободою, крутыми переходами ихъ государственнаго быта отъ дикой анархіи необузданной вольности къ жестокому произволу самаго наглаго деспотизма, подражательностью, испорченностью и легкомысліемъ высшихъ классовъ, ихъ невыдержанностью характера, дряблостью воли. Поэтому вся печальная и мрачная исторія Славянъ такъ мало поучительна для мыслителя, такъ ничтожна въ исторіи новой христіанской образованности. Немногія исключенія принадлежатъ тѣмъ свѣтлымъ періодамъ ихъ исторіи, когда Нѣмецкая цивилизующая и облагораживающая стихія управляла кормиломъ Славянскихъ государствъ. Неспособность Славянъ къ самобытной политической жизни доказывается также и кратковременнымъ существованіемъ ихъ союзовъ и государствъ, подпадавшихъ власти чужеземцевъ: Грековъ, Итальянцевъ, Нѣмцевъ, Аваровъ, Монголовъ, Мадьяръ и Турокъ. Россія нѣкоторымъ образомъ составляетъ исключеніе, потому что въ оба лучшіе, самые блестящіе періода ея исторіи ею управляли: въ Кіевскій—Норманны, въ Петербургскій періодъ—Нѣмцы. Норманны заложили Русское государство и намѣтили мечемъ его предѣлы. Благодаря имъ Русскій народъ не держится теперь огрубляющаго духъ мусульманства, а исповѣдуетъ христіанство, хотя конечно и въ самой нисшей формѣ православія. О заслугахъ Нѣмцевъ въ Петербургскомъ періодѣ нечего и говорить. Своимъ Европейскимъ видомъ, своимъ вліяніемъ въ дѣлахъ Европы, своимъ политическимъ могуществомъ и какою есть образованностью Россія обязана главнѣйше, если не исключительно, Нѣмцамъ. Врож-

денная низость и неблагородство Славянъ всего ярче раскрываются въ упорной враждѣ и непримиримой, слѣпой ненависти ихъ къ Нѣмцамъ, которые принесли Славянамъ христіанство, образованность, начала гуманности, справедливости и истинной свободы. Славяне въ Пруссіи, Саксоніи, Австріи, даже въ Россіи обязаны Нѣмцамъ уничтоженіемъ разъѣдавшаго ихъ народную силу крѣпостного права. Отсутствіе умственной оригинальности и творческой самобытности живо выступаетъ въ Славянскихъ словесностяхъ и художествахъ, въ недостаткѣ сколько нибудь видныхъ трудовъ въ области наукъ физико-математическихъ и историко-политическихъ, неспособностью къ философіи; даже новѣйшія анти-историческія воззрѣнія и ученія такъ-называемаго панславизма и славянофильства возникли у Славянъ изъ неумѣлаго подражанія Нѣмцамъ, которые въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій возставали противъ Французскаго вліянія въ Германіи и подняли знамя Нѣмецкой народности въ наукѣ, искусствѣ и жизни. Историческая, политическая и культурная неспособность Славянской расы краснорѣчиво доказывается также и тѣми огромными утратами, которыя въ теченіи вѣковъ привелось ей понести на югѣ и западѣ—въ Мореѣ, сѣв. Греціи, Хорутаніи, Стиріи, Австріи, Тиролѣ, Баваріи, Турингіи, Чехіи, Силезіи, Саксоніи, въ обѣихъ Пруссіяхъ, въ Познани, Бранденбургѣ, Помераніи, Мекленбургѣ, Голштиніи. Нѣмцы такимъ образомъ захватили у Славянъ и сгерманизовали слишкомъ 8 тыс. кв. м. Славянской земли. Какъ Римляне распространили свой языкъ и свою цивилизацію въ Испаніи, Галліи, Британіи, Иллирикѣ, Дакіи, такъ Нѣмцы доставили своему языку господство у тридцати слишкомъ милліоновъ Славянъ и другихъ племенъ Греко-Славянскаго міра, Литовцевъ, Латышей, Эстовъ, Мадьяръ, Румунъ, словомъ всѣхъ племенъ такъ называемой *субгерманской*, *поднѣмецкой Европы*. Изъ этихъ этнологическихъ и историческихъ истинъ естественно вытекаютъ слѣдующіе практическіе выводы. Всѣ попытки Славянъ къ освобожденію отъ Нѣмецкаго господства безполезны, безсмысленны, тщетны и заранѣе осуждены исторіею. Въ случаѣ временной удачи потеряли бы сами Славяне, лишившись необходимаго имъ руководства назначенныхъ имъ Провидѣніемъ повелителей, учителей и обуздателей (Bezwinger, Lehrer, Zuchtmeister) [1]), а исторія человѣчества сдѣлала бы огромный шагъ назадъ. Дальнѣйшее побѣдоносное шествіе и завоева-

---

[1]) Treitschke, Historiche u. politische Aufsätze. Leipzig. 1865. S. 1.

тельное движеніе Германской стихіи на Славянскій востокъ вызывается и требуется всею предъидущею исторіею Европейско-христіанской образованности, всѣми высшими интересами и задачами современной цивилизаціи. Такимъ образомъ Германія непремѣнно должна увеличиться и раздвинуть свои границы далѣе на Славянскій сѣверо и юго-востокъ. Къ Пруссіи слѣдуетъ присоединить Австрійскую Силезію, Чехію, Моравію, Словинскую землю въ южной Стиріи, Хорутаніи и Истріи, такъ какъ *Нѣмецкій городъ Тріестъ* ей необходимъ для предопредѣленнаго ей господства на Адріатическомъ морѣ. Дунайскія земли должны принять въ себя потокъ Нѣмецкой колонизаціи. Нѣмцамъ предназначено владѣть устьями Дуная, заселять Болгарію [1]. Но всѣхъ этихъ земель, хотя онѣ и

---

[1]) О необходимости германизовать Угрію и другія Дунайскія земли толкуютъ Нѣмцы еще съ императора Іосифа II, который писалъ въ 1788 г. Прусскому королю, отклоняя его посредничество между Австріею и Турціею: «J espère que V. M. ne méconnaîtra pas la légitimité de mes prétentions, et qu'elle ne sera pas moins mon ami, quand même je *germaniserai* quelques centaines de milliers d'Orientaux». Кениггрецъ и Садовая черезъ 78 лѣтъ погубили всѣ плоды прежнихъ германизаторскихъ усилій. До этой братской борьбы не только Австрійскіе и южные Нѣмцы, но и Пруссаки написали огромное количество сочиненій о великой миссіи Австріи «den slawisch, magyarisch-rumänischen Südosten unseres Welttheiles zu germanisiren und zu civilisiren». Австрійскіе Нѣмцы, по счастливому выраженію одного Пруссака, фонъ-Тилау, суть сѣмя, предназначенное оплодотворить юговосточную Европу. «Sie sind der Samen, welcher bestimmt ist das südöstliche Europa neu zu befruchten. Die weiten Ebenen der unteren Donau, von dem Austritt dieses Stromes aus dem Erzherzogthum bis nahe an seine Mündung, fast das ganze ungeheure Ländergebiet, das sich zwischen Karpathen und Balkan, zwischen dem adriatischen und dem schwarzen Meere ausbreitet, und von seinen slawischen und magyarischen, noch in thierischer Faulheit und Bedürfnisslosigkeit fortvegetirenden Bewohnern nur unvollständig benutzt wird, hat sich dem Unternehmungsgeistedieser 7 Millionen Deutschen geöffnet.» (Die Deutsche Frage von Fr. von Thielau. Berlin. 1860. S. 32). По мнѣнію Прусскихъ политиковъ, давно желавшихъ выключить Австрію изъ Германскаго союза, Австрія имѣетъ свое высокое призваніе «die Mission das deutsche Element mehr und mehr nach dem Oriente zu tragen und Europa mit dem Oriente zu verbinden; ihm fällt der Erbe der Kreuzzüge anheim. Ein reiches u. unerschöpfliches Feld liegt hier vor Oesterreich und ladet es ein zur rüstigen That. Getreulich wird Deutschland ihm zur Seite stehn.» (Das Europäische Gleichgewicht der Zukunft. Ein historisch-politischer Versuch. Berlin. 1859. S. 35). Сама природа направляетъ такое распространеніе Нѣмецкаго элемента: „Die Donau, *dieser grösste Deutsche Strom*, zeigt die Richtung an, in welcher Oesterreich u. Deutschland dauernde Gemeinsamkeit ihrer Interessen, fruchtbare Vereinigung ihres Einflusses zu erhöhter politischer Macht zu suchen haben. Die Donau bezeichnet den Weg, welcher bei zweckmässiger Gestaltung der politischen Verhältnisse den Strom der deutschen Auswanderung einschlagen musste“ (Idem zure

больше настоящей Германіи, всего этаго ей еще мало, тѣмъ болѣе, что ей можетъ не удасться пріобрѣсти даже этаго, пока будетъ сильна такъ глубоко нынѣ проникшая на западъ Россія, въ которой еще въ послѣднее время, подъ вліяніемъ разныхъ неблагоразумныхъ реформъ (Сиверсъ, Эккардтъ и пр.) такъ нагло усиливается анти-Нѣмецкое движеніе, быстро распространяются панславистическія бредни и возникаютъ Славянскіе комитеты, строющіе козни противъ германизма во всѣхъ южныхъ и западныхъ Славянскихъ земляхъ. Поэтому прежде всего нужно, дабы Пруссія осадила и урѣзала Россію отнятіемъ у нея Привислянскихъ губерній, по крайности по ту сторону Вислы, Ковенской и Виленской губерній и Русскаго Балтійскаго прибрежья или, по выраженію графа Бис-

---

Einigung und Einheit Deutschlands. Berlin. 1860. S. 11). Рошеръ говоритъ: «Англія до сихъ поръ въ полнѣйшей степени пользовалась выгодными хозяйственными связями съ своими колонистами. Мы Нѣмцы къ сожалѣнію почти вовсе ими не пользуемся. Наши эмигранты въ Россіи, Америкѣ, Австраліи или Алжирѣ пропадаютъ совершенно для отечества: они становятся работниками чужихъ народовъ, часто даже нашими соперниками и врагами. Совсѣмъ бы иное дѣло было, еслибъ потокъ Нѣмецкихъ переселенцевъ направлялся въ Нѣмецкія колоніи, такъ напримѣръ въ плодородныя, но рѣдко населенныя части Угріи, въ Польскія провинціи Австріи и Пруссіи, наконецъ въ тѣ части Турціи, которыя въ будущемъ, такъ Богу угодно, должны стать наслѣдьемъ Германіи (welche künftig, so Gott es will, das Erbe Deutschlands bilden sollen). Здѣсь путемъ колонизаціи могла бы возникнуть новая Германія, которая величиною, количествомъ населенія и богатствомъ превзошла бы еще старую и образовала бы вѣрнѣйшій оплотъ противъ всякой опасности отъ Русскихъ или Поляковъ. Эта страна въ національно-экономическомъ отношеніи могла бы для насъ быть тѣмъ же, чѣмъ есть далекій западъ для Соединенныхъ Штатовъ, особенно что касается фактической исключительности пользованія. (W. Roscher. System d. Volkswirthschaft. 3 Auflage. Stuttgard u. Augsburg. 1858. I, 534. См. его же — Kolonien, Kolonialpolitik u. Auswanderung. 2 Auflage. 1856). О необходимости для Австріи владѣть устьями Дуная см. Hasner-System d. politischen Oekonomie. Prag. 1860. S. 162. ff. О попыткѣ Австріи утвердиться въ Дунайскихъ, Румынскихъ княжествахъ см. L'Autriche dans les Principautés Danubiennes. Paris. 1858. О заведеніи Нѣмецкихъ колоній въ Болгаріи см. Unsere Zeit. Vierzehntes Heft. Leipzig. 1858. S. 116—117. Изъ ежегодно покидающихъ Германію 100, 150 тысячъ Нѣмецкихъ переселенцевъ, 50 тысячъ Нѣмцевъ, говоритъ авторъ, всего лучше могли бы обратиться на востокъ, въ Молдавію, Валахію и въ Болгарію. «Такимъ образомъ къ исходу нынѣшняго столѣтія Болгарія могла бы имѣть Нѣмецкое населеніе въ нѣсколько сотъ тысячъ душъ, изъ которыхъ бы почти половина была рождена въ Германіи и съ нею тѣсно связана.» «Кто можетъ сомнѣваться, что такое плотное населеніе Нѣмцевъ, какое возможно въ Болгаріи, не было бы важнымъ факторомъ въ буду-

марка, такъ-называемыхъ „Остзейскихъ, нынѣ принадлежащихъ Россіи, провинцій, которыя до битвы подъ Таненбергомъ (1410 г.) вмѣстѣ съ восточною Пруссіею составляли части Прусской земли (Preussisches Land), какъ вѣковое владѣніе Нѣмецкаго ордена.“ Для скорѣйшаго и удачнѣйшаго достиженія всѣхъ этихъ высокихъ цѣлей нужно предварительно подымать, возвышать, ростить и укрѣплять имѣющіеся въ Славянскихъ земляхъ Нѣмецкіе элементы и стараться объ ихъ усиленіи умноженіемъ Нѣмецкихъ колоній, проведеніемъ нѣкоторыхъ линій желѣзныхъ дорогъ (напр. Лыкской) обязательною продажею, для усиленія Русской стихіи, Польскихъ имѣній въ Виленской и Ковенской губерніяхъ Нѣмецкимъ земле-

---

щихъ судьбахъ Дунайскихъ земель? Болгарія, существенно Нѣмецкая колонія, опредѣлила бы участь этихъ земель, и это бы не осталось безъ вліянія на великое отечество. Но если Болгарія и вообще земли нижняго Дуная достанутся западнымъ народамъ, то должны достаться только Нѣмцамъ. Британцы и Ирландцы имѣютъ для колонизаціи обширныя страны Америки и Австраліи, только капиталы Англійскіе будутъ употреблены на постройку Болгарскихъ желѣзныхъ дорогъ и гаваней. Франція имѣетъ сѣв. Африку и не можетъ заселять Дунайскихъ земель. Изъ Романцевъ только Итальянцы могли бы соперничать съ Нѣмцами въ колонизаціи земель между Дунаемъ и Балканами. Но всѣ эти Нѣмецкія мечтанія (Zukunftsgebilde), къ которымъ приводятъ обстоятельства, могутъ лопнуть (zerrissen), если Россіи удастся простереть свои руки на Дунай и къ вратамъ Балкановъ (wenn es Russland gelänge, seine Hand besitzergreifend über die Donau auszustrecken und an die Felsenpforten des Hämus zu legen. Aus diesem Gesichtspunkte hat Deutschland ein unmittelbares Interesse an der orientalischen Frage). Вотъ цѣли и задачи новыхъ крестовыхъ походовъ Европы на Греко-Славянскій востокъ. Такъ нерѣдко и называютъ сами Европейцы эти стремленія свои на нашъ востокъ. Кинкель прямо говоритъ, что онъ проповѣдуетъ крестовый походъ на Россію (Kreuzzug gegen Russland). Kinkel, Polens Auferstehung die Stärke Deutschlands. Wien. 1868. О колонизаціи нашего востока Итальянцами см. Congrés international de bienfaisance. Bruxelles. 1856. II. Question de l'émigration. Colonisation en Orient et dans le midi de l'Europe. Докладчикъ Pinondel de la Bertoche (изъ Флоренціи) объясняетъ необходимость... lever l'étendard de la nouvelle croisade, en prenant l'initiative de cette regénération de l'Orient par l'Occident (p. 319). Извѣстный археологъ Лудвигъ Россъ писалъ и о заселеніи Нѣмцами даже М. Азіи; Ross, L. Kleinasien u. Deutschland. Reisebriefe und Aufsätze mit Bezugnahme auf die Möglichkeit Deutschen Niederlassungen in Kleinasien. Halle. 1850. см. Vorwort u. S. 175—191; S. 208—226. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «М. Азія отъ Синопа до Кипра предназначена Нѣмцамъ, и рѣшеніе судебъ исполнится» (S. 216)! «Довольно Нѣмцамъ служить въ Помераніи Шведамъ, въ Ганноверѣ Англичанамъ, въ Голштиніи Датчанамъ, въ Курляндіи Русскимъ, пришла Нѣмцамъ очередь господствовать, an die Deutschen ist die Reihe gekommen zu herrschen!» (S. 217).

владѣльцамъ, которые на сей случай не откажутся назвать себя Русскими, образованіемъ крѣпкой сильной Нѣмецкой партіи въ губерніяхъ Прибалтійскихъ черезъ уравненіе Нѣмецкихъ горожанъ съ дворянами, но черезъ посредство мѣстныхъ ландтаговъ, а не центральнаго правительства, разрѣженіемъ Латышско-Эстонскаго народонаселенія черезъ искусственныя выселенія Латышей и Эстовъ въ Новгородскую, Самарскую губерніи и замѣну ихъ призванными изъ Пруссіи Нѣмецкими батраками-рабочими. Наконецъ крайне необходимо этимъ тремъ губерніямъ объединиться въ одну Ливонію съ однимъ ландтагомъ и нынѣшнее подданство Россіи замѣнить до времени личною уніею, по примѣру великаго княжества Финляндскаго, съ тѣмъ, чтобы при первыхъ замѣшательствахъ, съ помощью какого нибудь новаго Паткуля можно было благополучно и безъ большихъ пожертвованій отвалиться отъ Россіи и возсоединиться съ великимъ Германскимъ отечествомъ. Пока же, въ ожиданіи лучшаго, слѣдуетъ, разыгрывая на преданности свою старую пѣсню и пользуясь давно уже забраннымъ вліяніемъ, всячески заглушать и давить пробуждающееся народное самосознаніе въ Россіи, которое не дурно, ибо это весьма помогаетъ представлять его въ одно и тоже время въ однихъ сферахъ какъ димагогическое и революціонное, а въ другихъ—какъ абсолютистское и Татарское. Нѣмецкой стихіи на Славянскомъ востокѣ предстоитъ выборъ между молотомъ и наковальней.

Du musst steigen oder sinken,
Du musst herrschen und gewinnen,
Oder dienen und verlieren,
Leiden oder triumphiren,
Amboss oder Hammer sein.

Нѣмецъ на Славянскомъ востокѣ можетъ только или служить или господствовать. Но подчиненность Нѣмцевъ Славянамъ есть, какъ замѣчаетъ Трейчке, состояніе противуестественное (widernatürlicher Zustand). Желать отъ Нѣмцевъ въ Россіи, чтобы они считали себя Русскими сердцемъ и душею (Russes de coeur et d'âmes), какъ выразился императоръ Николай I, все равно, что требовать, по выраженію кажется Меркеля, чтобы человѣкъ, ночевавшій въ конюшнѣ, считалъ себя лошадью или, по замѣчанію Бока, чтобы квадратъ, не измѣняясь въ своей формѣ, сдѣлался треугольникомъ. Съ обрусѣніемъ Прибалтійскихъ и другихъ своихъ Нѣмцевъ Россія сама нанесла бы себѣ жестокій ударъ, погасила бы для себя свѣтъ, столь для нея благотворный. Они служатъ истинною солью не для

однѣхъ Остзейскихъ провинцій, но и для всей колоссальной имперіи. Если она ихъ выщелочитъ обрусѣніемъ, то чѣмъ ей потомъ осоляться? Пунктуальность, честность и неподкупность Нѣмцевъ въ Россіи (die Pünktlichkeit, Redlichkeit und Unbestechlichkeit) есть необходимое условіе Русской администраціи, и вообще истинную государственную силу Русскаго народа составляетъ чужая, Нѣмецкая стихія—die wahre staatliche Stärke des russischen Volks die fremden, die germanischen Elemente sind, какъ это хорошо понималъ, по словамъ Дитцеля, и самъ императоръ Николай, старавшійся поправить ошибки Петра Великаго. При этомъ еще она имѣетъ въ Россіи высокое, культурное, облагораживающее значеніе. По замѣчанію Бока, Нѣмцы въ Русской государственной службѣ на высшихъ и среднихъ должностяхъ составляютъ 26%, но если бы можно было опредѣлить отношеніе вѣсомъ, т. е. принять въ соображеніе степень власти, значенія и вліянія, то, прибавляетъ онъ, оказалось бы болѣе 74%. На счетъ этихъ Нѣмцевъ въ Русской службѣ „Германія по мѣрѣ того, какъ она отъ космополитизма подвигается къ политическому сознанію, не должна бы позволять себѣ слишкомъ легкомысленныхъ осужденій, когда она въ могучемъ сосѣднемъ государствѣ усматриваетъ одноплеменный ей элементъ, всесторонне и въ значительной степени проникающій въ глубину весь громадный Русскій государственный организмъ, такъ какъ этотъ элементъ (при постоянномъ и лихорадочномъ стремленіи неумирающей Русской стихіи осадить все Нѣмецкое), все таки естественно долженъ дѣйствовать не иначе, какъ сдерживая, нейтрализуя, такъ сказать охлаждая и, хотя непримѣтно, но непрестанно, подливая Нѣмецкую воду въ Русское вино [1]). „Торжество и господство германизма на востокѣ предопредѣлено самимъ божественнымъ Промысломъ, уготовившимъ Нѣмецкому народу [2]) въ мѣсто жи-

---

[1]) Самаринъ, Окраины Россіи. Прага. 1868. I, 46.

[2]) Wietersheim, E. Geschichte der Völkerwanderung. Leipzig, 1859. I, 269. „Ausersehen und vorbestimmt für einander wurden im Rathschlusse ewiger Weisheit Europa, der edelste Theil der Erde, und die Germanische Race, die edelste der Menschheit; nicht aber, dass jenes die Grenze, nur das es der Sitz der Herrschaft dieser werde.» Daniel, H. A. Handbuch der Geographie. III Theil. Stuttgart. 1863. S. 21. Deutschland ist das Land der Mitte, das Herz von Europa. «Wie das Herz des ganzen Körpers bedarf, sagt G. Funke, so bedarf Deutschland der ganzen Welt»; aber mit demselben Recht fügt Kapp hinzu: «Wie der Körper im Herzschlag seinen Lebenspunct hat, ist der ganzen Welt in Deutschland ihr geographischer und historischer Einheitspunkt gegeben». Объ этой Нѣмецкой, глубоко укоренившейся въ Германіи фикціи о центральномъ положеніи Германіи, мы поговоримъ подробнѣе въ послѣдствіи.

тельства и подвиговъ самыя лучшія и центральныя мѣстности въ самой лучшей и центральной части свѣта, въ Европѣ, и это съ тою конечною цѣлью, дабы избранный Богомъ Нѣмецкій народъ, мирно упражняясь, на славу и украшеніе человѣчества, въ усовершенствованіи своихъ высшихъ, исключительно ему принадлежащихъ способностей и добродѣтелей, могъ спокойно благоденствовать и, ничтоже сумняся, выполнять свое предопредѣленіе, т. е. безпрепятственно повелѣвать истощеннымъ и отжившимъ Романскимъ юго-западомъ и господствовать и хозяйничать на Славянскомъ востокѣ съ тою честностью и прямотою, какая Нѣмцамъ благоприлична, но не слабо, не вяло, не довѣрчиво-снисходительно и добродушно, а съ мудрою, справедливою, быстрою энергіею. (Гефтеръ)."

Такова эта господствующая въ Европѣ, преимущественно въ Германіи, научная теорія. Кто утверждаетъ или признается, что съ нею не знакомъ, тотъ обличаетъ лишь свое искреннее или притворное невѣдѣніе Нѣмецкой исторической литературы и не можетъ вѣрно и ясно разумѣть ни такъ называемой средней и новой исторіи, ни взаимныхъ отношеній Славянъ и Германцевъ въ прошедшемъ и настоящемъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію этой теоріи, прежде всего остановимся на сравненіи Славянъ, преимущественно Русскаго народа, съ Неграми. Въ пользу этаго сравненія можно бы было привести и нѣсколько замѣчаній изъ сочиненій г. Бланка и разныхъ сотрудниковъ Вѣсти, указать на нѣкоторыхъ Русскихъ помѣщиковъ, которые бывало, при крѣпостномъ правѣ, своихъ мужиковъ и дворовыхъ людей иначе не называли, какъ Хамами, Хамовымъ отродьемъ, Татарвой или Эскимосами, употребляя эти названія въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ Дитцель назвалъ ихъ Неграми, и избѣгая послѣдняго имени вѣроятно для того, чтобы злымъ языкамъ не подать повода къ сравненію помѣщиковъ съ плантаторами. Голосъ этихъ благородныхъ Россіянъ ничего не говоритъ и не доказываетъ въ пользу этаго сравненія, такъ какъ если они Русской и Славянской крови, то сами значитъ не лучше Негровъ. Въ сравненіи Дитцеля надо отдѣлять наблюденіе и выводъ. Первое указываетъ на сходство Славянъ или Русскихъ съ Неграми. Второй заключаетъ изъ этаго сходства о неспособности Славянъ и Русскихъ къ самобытной образованности.

Русскій крестьянинъ, хотя и бѣлый, работаетъ, по замѣчанію Дитцеля, только по нуждѣ, по неволѣ, изъ подъ палки. Великорус-

су, говоритъ Гагенъ, врожденъ рабскій смыслъ (Sklavensinn) [1]. Поэтому, прибавляютъ Дитцель и Гагенъ, Русскіе не могутъ быть освобождены отъ крѣпостной зависимости, для которой они рождены и предназначены. Эти двѣ существенныя характеристическія черты Русскаго Славянина роднятъ его съ Негромъ. Нѣкоторые Американскіе и Европейскіе этнологи, мнѣнія коихъ о Негрѣ очевидно держался Дитцель, а вѣроятно и Гагенъ утверждаютъ, что Негръ, по своимъ физическимъ и духовнымъ отличіямъ отъ Европейца,

---

[1]) Hagen, K. Fragen d. Zeit vom historischen Standpunkte betrachtet. Stuttgart. 1843. Описавъ насъ, Русскихъ, по сочиненіямъ большого и безпристрастнаго, по мнѣнію Гагена, знатока Россіи, Коля, Гагенъ продолжаетъ: «Zu allem diesen kommt noch der unbegränzteste Sklavensinn, wenigstens bei dem Hauptstamme, bei den Gross-Russen, der so innig mit ihrer ganzen Natur verwachsen ist, das sie für die Freiheit niemals fähig wären. Eben darum mangelt ihnen auch jene Mannigfaltigkeit innerhalb des Nationalcharakters, wie sie sich bei uns findet, welche in sich den beständigen Keim einer fortwährenden Entwicklung birgt: die 35 Millionen Gross-Russen sind Einer, wie der Andere: kein Hervortreten besonderer Stämme oder Völkerschaften, Alles so zu sagen über einen Kamm geschoren, über den der Sklaverei. *Und eine solche Nation, die weder Energie, noch enfinderische Kraft, weder Tüchtigkeit, noch Ausdauer besitzt, eine Nation ohne alle Tiefe des Gemüthes und des Geistes, eine Nation von geborenen Sklaven sollte fähig sein, eine neue Epoche der Bildung zu begründen?* Es kann nichts lächerlicher sein. Doch man könnte uns vielleicht einwenden, es sei ja noch nicht so lange, dass die Russen angefangen hätten, zur Cultur fortzuschreiten. Man könne daher jetzt noch nicht vollkommen über sie urtheilen, erst wenn einige Zeit verlaufen, lasse sich ein genügendes Urtheil fällen. Zudem hätten sie ja doch in der kurzen Frist von ohngefähr einem Jahrhundert ungeheuere Fortschritte gemacht; es seie anzunehmen, dass sie verhältnissmässig sich immer mehr entwickeln würden. Allein man bedenke zuvörderst, durch wen sie zu der neuen Cultur gelangt sind. Nicht durch sich selbst: denn sie war etwas ihnen Fremdartiges, sondern durch den Westen Europas. Und nicht freiwillig haben sie sich dieselbe angeeignet, nicht aus einem inneren Drange nach höherer Bildung, sondern sie wurde ihnen aufgedrungen durch Peter den Grossen, der oft die barbarischesten Mittel anwenden musste, um zu seinem Zwecke zu gelangen. Jedes Volk ferner, auch wenn es in dem Zustande der grössten Rohheit sich befindet, trägt doch in sich schon die Keime seiner Zukunft, welche sich aufmerksamen Beobachter ohne weiteres darbiete. *Ein Volk, das bestimmt ist einst eine grosse Rolle in der Weltgeschichte zu spielen, wird sich auch auf der niedrigsten Stufe als ein thatkräftiges, energisches ausweisen. So erkannte Tacitus schon in unseren Vätern, wie gering auch ihre Cultur sein mochte, doch die gewaltigen Elemente, die später den germanischen Stamm zum Herren Europas machen sollten. Auch in den Russen mussten sich demnach jetzt schon die Keime zu ihrer künftigen Grosse erkennen lassen. Aber wie gesagt, davon bemerkt man gegenwärtig noch nichts. Ein Volk ferner, das über andere eine geistige Herrschaft ausüben will, zumal wenn diese auf einer hohen Stufe der Bildung stehen, muss frei sein: niemals aber vermag der Sklave über den Freien zu herrschen; das ist wider alle Natur.* (I, 352—4).

образуютъ особый, самостоятельный видъ (species) въ родѣ человѣческомъ. У Негра гораздо болѣе, чѣмъ у Европейца, сходства съ обезьяною. Негры не имѣютъ исторіи. Они не умѣютъ бѣгать, не способны къ военной службѣ. Они отвратительные работники. Негръ развивается только до отрочества и потомъ останавливается въ своемъ развитіи. И въ этомъ отношеніи онъ очень близокъ къ обезьянѣ, которая въ ранніе годы бываетъ развита и забавна, а потомъ съ годами тупѣетъ. Вообще въ умственномъ и нравственномъ отношеніи Негръ неизмѣримо ниже Европейца, т. е. Англичанина, Француза, Нѣмца [1]). «The Negro was drunken and idle,

---

[1]) Это воззрѣніе всего полнѣе и послѣдовательнѣе выражено въ замѣчательной статьѣ президента Лондонскаго Антропологическаго Общества, г. Гунта: On the Negros place in Nature. By James Hunt — въ Memoirs read before the Antropological Society of London. 1863—64. Vol. I. London. 1865. p. 1—64. Здѣсь сведены всѣ почти главнѣйшія доказательства въ пользу того, что Негръ и Европеецъ суть два различные типа человѣка, что между обезьяною и Негромъ гораздо больше сходства, чѣмъ между Европейцемъ и обезьяною. Объ эманципаціи Негровъ Гунтъ отзывается съ полнѣйшимъ презрѣніемъ, вполнѣ соглашаясь съ Ѳ. Карлейлемъ, который писалъ: «Вы, мои любезные черные друзья, теперь уже не рабы, и я не желаю вамъ снова ими сдѣлаться; но вы рѣшительно должны быть слугами тѣхъ, которые по рожденію умнѣе васъ, которые рождены вашими господами, — слугами бѣлыхъ, если они (а кто изъ смертныхъ можетъ въ этомъ сомнѣваться?) рождены умнѣе васъ. Это, вы можете на этомъ успокоиться, мои темные черные друзья, есть и всегда было закономъ міра, для васъ и для всѣхъ людей...» Гунтъ протестуетъ противъ обвиненій въ защитѣ имъ рабства, тѣмъ не менѣе положительно высказывается противъ нелѣпыхъ запрещеній объ увозѣ черныхъ изъ Африки въ Америку. «Въ Африкѣ, говоритъ онъ, продаются Негры за преступленія. Никто, надѣемся, не станетъ утверждать, чтобы въ Африкѣ не было преступниковъ! (Отчего же, между полу-обезьянами-то?). Вопросъ о томъ, что дѣлать съ преступниками, можетъ занимать вниманіе и политико-экономиста въ Африкѣ, и его величество короля Дагомея и Великобританское правительство. Или Африкѣ непозволительно ссылать своихъ преступниковъ, или они такъ негодны, что никто ихъ имѣть не захочетъ? Что дѣлать съ ослушными или преступными рабами? какъ говорилъ старо-Канабарскій князь: «Вы запрещаете мнѣ ихъ продавать, и говорите, что несправедливо убивать ихъ». Вообще въ этой статьѣ много такихъ мнѣній. Впрочемъ, подобный взглядъ на служебность и господство очень обычны въ Англіи. Такъ, Фауситъ представляетъ картину будущаго благоденствія, когда бѣдные Англичане переселятся въ Австралію, Канаду и пр., а противъ дороговизны рабочихъ будетъ предпринятъ вывозъ въ Англію *кули* и какихъ-нибудь другихъ инородцевъ для черной работы. Хорошая плата и деликатное обращеніе были бы для этихъ кули истиннымъ счастіемъ. Они бы были, какъ выражается Карлейль эвфимически, *servants hired for live.*

when not compelled to work by necessity.» Если Негра не заставлять работать, то онъ пьянствуетъ или бездѣльничаетъ. Какъ въ этой чертѣ и заключается настоящій рабскій смыслъ, одинаково общій и Негру и Русскому, то собственно говоря сравненіе Русскаго Славянина съ Негромъ сдѣлано на основаніи сходства одного ихъ психическаго, и притомъ еще сомнительнаго, признака, тогда какъ прочіе ихъ физическіе и психическіе признаки оставлены безъ вниманія. Такой пріемъ нельзя назвать строго научнымъ и сравненіе Славянъ съ Неграми правильнымъ и законченнымъ. Но положимъ сходство наше съ Неграми вполнѣ доказано и является поразительнымъ. Что же оно доказываетъ? что изъ него слѣдуетъ? Вѣрно ли заключеніе Дитцеля и Гагена о неспособности Славянъ и между прочимъ Русскихъ къ самобытной образованности?

Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, въ Антропологическомъ обществѣ въ Лондонѣ вопросъ о Неграхъ нерѣдко возбуждалъ горячіе споры и продолжительныя пренія. Противники Негровъ упрекали ихъ друзей въ ненаучности, въ отсутствіи строгой объективности, въ сентиментальности, въ ложной манерѣ Хижины дяди Тома. Не пугаясь подобныхъ упрековъ, но ссылаясь на свидѣтельства такихъ знатоковъ Африканскихъ племенъ, какъ Ливингстонъ и Бакеръ, и на собственный долголѣтній опытъ, на свое давнее и близкое знакомство, Англійскіе защитники Негровъ представили во время этихъ преній богатый запасъ самыхъ краснорѣчивыхъ данныхъ въ опроверженіе мнѣнія о томъ, что Негры—раса нисшая, чѣмъ Европейцы. Такъ приведено было много свидѣтельствъ о большомъ трудолюбіи Негровъ, объ ихъ умѣньи работать не хуже бѣлыхъ, объ ихъ замѣчательныхъ умственныхъ способностяхъ и нравственныхъ качествахъ, по которымъ они ни въ чемъ не уступаютъ Европейцамъ, только болѣе ихъ умѣлымъ, развитымъ и образованнымъ. «Видимая отсталость Негра, говорилъ Тидманнъ, есть результатъ развращающаго рабства. Соображая безчисленныя и ужасныя послѣдствія рабства, которое подобно Немезидѣ не пощадило и рабовладѣльцевъ, притупивъ ихъ нравственное чувство, развративъ ихъ характеръ, мы не можемъ не привѣтствовать нынѣшняго поколѣнія съ окончательнымъ уничтоженіемъ рабства въ Америкѣ и островахъ. Съ прекращеніемъ вывоза рабовъ изъ Африки можетъ наконецъ прекратиться рабство и для Африканскихъ племенъ. И для нихъ можетъ начаться новая жизнь. Въ самомъ дѣлѣ тѣ племена, которыя наименѣе терпѣли отъ рабства и пользуются хорошимъ климатомъ и почвою, какъ напримѣръ въ нагорьѣ Центральной

Африки, уже достигли той ступени развитія, на которой быть можетъ находились древніе Галлы и Бритты. Это явленіе укрѣпляетъ надежду, что эти Африканскія племена, подобно древнимъ Галламъ и Бриттамъ, могутъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, пройти тотъ же путь и достичь такой же высоты цивилизаціи, или выработать свою своеобразную цивилизацію, которая бы отличалась большею геніальностью, болѣе широкимъ раскрытіемъ природныхъ наклонностей и отсутствіемъ той крутой жесткости и желѣзной строгости, которая наложила свою печать на характеръ большей части Европейскихъ націй во времена крайнихъ испытаній, чему Испанцы и Французы съ ихъ религіозными войнами служатъ самыми поразительными примѣрами, равно какъ и наши соотечественники со включеніемъ Шотландцевъ, этихъ perfervidi Scoti, во всѣхъ ихъ войнахъ, особенно самыхъ новѣйшихъ.» Эта ипотеза о болѣе мягкомъ типѣ цивилизаціи, которую могутъ начать Негры, была недавно представлена извѣстнымъ писателемъ въ Эдинбургскомъ обозрѣніи, при разборѣ чтеній доктора Арнольда о Новой Исторіи и высказанной имъ мысли о томъ, что новая исторія есть не только дальнѣйшій шагъ древней исторіи, но и послѣдній шагъ, какъ будто за этимъ не можетъ быть будущей исторіи, что такимъ образомъ полнота времени совершилась. Достойно вниманія мнѣніе критика о томъ, что устойчивость новой исторіи еще не доказана, что можетъ открыться новѣйшая исторія, нынѣ представляющаяся въ видѣ возможности. Это впрочемъ не единственное мнѣніе въ пользу несущественности различія между человѣческими племенами. Въ подтвержденіе этаго домысла исторія цвѣтныхъ племенъ предлагаетъ нѣсколько примѣровъ. Такъ Негръ, который по справедливости можетъ примѣнять къ себѣ слова Шейлока: «развѣ я не такой же человѣкъ» и проч., вовсе не мстителенъ, какъ Шейлокъ. Замѣчательно, что во время своего гнета черное племя мало выражало мщенія. Даже въ самыя тяжелыя времена рабства убійство бѣлаго въ нашихъ колоніяхъ было рѣдкимъ явленіемъ, и, при великомъ дѣлѣ эманципаціи, освобожденные Негры питали казалось одно искреннее чувство благодарности, соединенное съ религіознымъ чувствомъ благоговѣнія къ Промыслу за великую ниспосланную имъ милость. Торжественный день былъ отмѣченъ многочисленными собраніями въ церквахъ, и такъ онъ празднуется ежегодно и понынѣ. Какова бы впрочемъ ни была будущая исторія человѣчества, во всякомъ случаѣ намъ слѣдуетъ помнить, что націи, нынѣ отличающіяся своими успѣхами въ наукахъ и художествахъ, были нѣкогда гру-

быми и что называется варварскими. Также грубы были и первоначальные предки древнихъ Грековъ. Помня это, не будемъ обращаться съ презрѣніемъ, нерѣдко переходящимъ въ жестокость, съ племенами, которыя еще находятся въ младенческомъ состояніи, а съ кротостью, внушая имъ довѣріе къ ихъ способности улучшаться, показывая имъ, что онѣ нуждаются лишь въ просвѣщеніи и воспитаніи для дальнѣйшаго своего развитія и для вступленія на поприще цивилизаціи. Изъ всѣхъ человѣческихъ племенъ туземцы Тасманіи и Австраліи обыкновенно причисляются къ самому низшему типу. Первымъ приписывали даже неумѣніе разводить огонь —они бы представляли въ этомъ единственный примѣръ,—говорили, что они принуждены заботливо сберегать огонь, чисто по примѣру весталокъ. Но это несправедливо, какъ меня увѣрялъ г. Робинсонъ, ихъ оффиціальный покровитель, который послѣ старательнаго ихъ изученія, составилъ себѣ высокое понятіе объ ихъ способности, прилежаніи и извѣстной врожденной добротѣ характера (of their capacity, teachability and of a certain innate goodness of character).» [1])

Въ этихъ преніяхъ Антропологическаго Лондонскаго Общества

---

[1]) The Anthropological Review. July. 1869. p. CLVI и слѣд. Большинству Нѣмецкихъ ученыхъ при ихъ размышленіяхъ о Славянствѣ эти мысли повидимому никогда не приходитъ на умъ. Они рѣшительно кажется не признаютъ возможнымъ, чтобъ внутри Арійскихъ племенъ произошли какіе-нибудь перевороты и чтобы напримѣръ современныя отношенія Славянъ къ Нѣмцамъ совершенно перемѣнились, и не въ пользу послѣднихъ. Замѣчательно, что въ Британіи, безспорно стоящей въ головѣ Европѣ, есть такіе писатели, которые предполагаютъ даже возможными гибель и паденіе самихъ Арійцевъ въ пользу другихъ племенъ, не считаютъ невѣроятнымъ, что и Африканскимъ племенамъ удастся нѣкогда создать и выработать свою самостоятельную образованность, которая можетъ быть лучше и выше нынѣшней Европейской. Европействующимъ Русскимъ нельзя, не краснѣя по уши, вспоминать, что въ Россіи есть еще люди, считающіе себя образованными, которые не стыдятся напримѣръ называть Русскій языкъ міровымъ и толковать о какой то будущей самобытной Славянской образованности. Но у Англичанъ есть писатели, которые не боятся говорить, что нынѣшнія Европейскія націи не вѣчны. Такъ еще недавно нѣкто г. Гольденъ въ своей запискѣ (Archaic Anthropology), читанной въ Обществѣ Естествоиспытателей въ Ирландіи, замѣтилъ: «The Caucasian is now dominant, —for how long? Past analogy may indicate the future; and nature seemingly.

So careful of the type; but no!
From scarped cliff and quarried stone,
She cries—a thousand types are gone,
I care for nothing, all shall go.

принималъ большое участіе и нѣкто *Конвей*, сынъ однаго рабовладѣльца въ Америкѣ, имѣвшій полную возможность близко изучить Негровъ въ Америкѣ. Онъ свидѣтельствовалъ, что «недавно, при послѣднихъ выборахъ въ южныхъ штатахъ, Негры были напуганы своими господами, что имъ не дадутъ работы, если они подадутъ голоса въ пользу республиканскихъ кандидатовъ. Возможность пугать отнятіемъ работы доказываетъ, что, по сознанію самихъ господъ, Негры желаютъ работать. Извѣстно, что со времени открытія сберегательныхъ кассъ въ южныхъ штатахъ, Негры помѣстили въ нихъ отъ четырехъ до пяти милліоновъ долларовъ. Это показываетъ, что освобожденное населеніе работаетъ прилежно. Что же касается до ухудшенія ихъ положенія послѣ эманципаціи, то полагаю, что въ большинствѣ случаевъ это вѣрно. Но это потому, что у нихъ ходилъ слухъ, распущенный плантаторами, что рабство будетъ вновь возстановлено, и они, ненавидя настоящій порядокъ вещей, имѣли причины ухудшать его, отчего конечно сами потомъ терпѣли. Но когда они увидали, что рабство возвратиться не можетъ, то положеніе ихъ перемѣнилось. Плантаторы были виною, что Негръ не улучшалъ своего положенія, а отнюдь не виновата въ томъ са-

---

При такой измѣняемости природы гдѣ ужь тутъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣчность нынѣшнихъ государствъ и національностей? Но въ нашемъ случаѣ не требуется даже никакихъ особенныхъ переворотовъ, хотя и они возможны въ Европѣ, какъ доказалъ 1848 годъ. Утверждать, что Романо-Германскій міръ стараго Свѣта или нынѣшняя Европа навсегда удержитъ свое преобладаніе и первенство въ политикѣ и образованности, возможно собственно не прежде, чѣмъ доказавъ, что Арійско-христіанскіе народы Греко-Славянскаго и Новаго Свѣта не будутъ отнынѣ распложаться, множиться, развиваться вещественно и духовно на всѣхъ своихъ громадныхъ, безлюдныхъ пустыняхъ, способныхъ пропитать еще новые десятки милліоновъ населенія. Съ теченіемъ времени остановится ли, будетъ ли уменьшаться или увеличиваться Европейская эмиграція въ Америку и Австралію, въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ ежегодно принимающія десятки тысячъ Европейскихъ эмигрантовъ? Съ дальнѣйшимъ ростомъ и развитіемъ нашихъ сосѣдей по ту сторону Берингова пролива, они естественно должны усилиться и возобладать на счетъ Европы. Такое передвиженіе центра тяжести въ мірѣ Романо-Германскомъ должно быть для Греко-Славянскаго міра еще полезнѣе усиленія Испаніи и Нидерландовъ на счетъ Италіи и Германіи или Франціи и Англіи на счетъ первыхъ. Въ томъ, что Европа еще сильна и безъ сопротивленія не уступитъ Америкѣ своего первенства, въ томъ заключается самое вѣрное ручательство искренности и прочности Русскихъ симпатій у Америки, для которой, какъ мы увидимъ, въ высшей степени важно, чтобы Восточный вопросъ благополучно разрѣшился не въ пользу Европы, а въ пользу Греко-Славянскаго міра.

мая природа Негра. Эта жалоба на Негровъ, что они стали хуже, чѣмъ были прежде, напоминаетъ мнѣ однаго Француза, обвиненнаго въ убійствѣ обоихъ родителей и просившаго судъ о помилованіи, потому де, что онъ сирота. Южане видѣли въ эманципаціи величайшую несправедливость. Настоящій порядокъ въ Америкѣ искусственный, и вина его не можетъ падать на характеръ Негра и на то положеніе, которое онъ займетъ при нормальномъ порядкѣ. Относительно его способности къ образованію я не нахожу такихъ различій между Европейцемъ и Негромъ, которыя бы позволяли утверждать, что ихъ умъ ниже ума другихъ развитыхъ племенъ. Его физическія черты правда представляютъ нѣкоторыя особенности, но подобныя отличія были замѣчены и у разныхъ другихъ племенъ.»

Докторъ *Николясъ* замѣтилъ между прочимъ: „Говорятъ, что Негръ работаетъ только, когда ему выгодно. И какъ мы всѣ въ этомъ отношеніи дѣлаемъ тоже самое, то мы не станемъ осуждать чернаго человѣка за нахожденіе у него однаго изъ главныхъ свойствъ Англичанина. То самое уже, что Негра много употребляли въ работѣ, служитъ доказательствомъ его крѣпкой мускулярной силы. Я вижу въ Неграхъ, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, надежную часть человѣчества (a hopeful part of humanity), способную, по свидѣтельству опыта, къ образованію. Требовались вѣка развитія для обращенія дикихъ Саксовъ въ современныхъ Англичанъ, и еще теперь многое остается дѣлать. Сравнивая съ Неграми крестьянъ Дорсетшира и Вильтшира и многихъ обитателей восточной части Лондона, я сомнѣваюсь, много ли преимуществъ на сторонѣ послѣднихъ“.

Въ запискѣ своей о Неграхъ, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ Антропологическаго Обозрѣнія 1864 г., г. Бувери Пюзей представилъ цѣлый рядъ самыхъ краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ въ пользу способностей и трудолюбія Негровъ. Онъ заимствовалъ эти указанія изъ отчетовъ разныхъ лицъ, представленныхъ Англійскому парламенту въ 1832 г. о Неграхъ на островѣ Ямайкѣ и вообще въ Вестъ-Индіи, изъ труда Уилькса (Wilkes-Unites States Exploring Expedition Philadelphia 1845). сочиненій Уалласа (Wallace Amazons and Rio Negro-Land 1853), Сюэлля (Sewell The Ordeal of free labour in the Britisch West- Indies 1861), Ондергилля (Underhill. The West-Indies, their social and religious condition). Ольмстеда (Olmsted, Fr. L. Journeys and explorations in the Cotton kingdom. London 1861) и мног. друг. Основываясь на этихъ по-

казаніяхъ, Пюзей имѣлъ право сдѣлать заключеніе, что Негръ въ рабскомъ состояніи работалъ тѣмъ лучше, чѣмъ человѣчнѣе съ нимъ обращались, что, работая на себя, онъ обнаруживаетъ большой умъ и прилежаніе (great intelligence and diligence). Замѣчательно, что тоже самое иногда свидѣтельствовали и рабовладѣльцы, рѣшительные противники эманципаціи Негровъ. Такъ нѣкто Ульдманъ, владѣлецъ помѣстья на Ямайкѣ съ 640 Неграми, замѣтилъ между прочимъ въ своемъ показаніи парламенту, что Негры рабы никоимъ образомъ не ниже Англійскихъ рабочихъ въ умственномъ отношеніи—„by no means inferior to the labouring classes of this country in natural intellect".

Таковы показанія о Неграхъ множества людей, отлично по опыту знакомыхъ съ этимъ племенемъ, между тѣмъ какъ наши глубокомысленные цѣнители и судьи Дитцель, Гагенъ и проч. никогда вѣроятно въ глаза не видали ни Русскаго мужика, ни Негровъ, развѣ Слугъ-Араповъ при какомъ нибудь Нѣмецкомъ дворѣ или у какого нибудь богатаго Англичанина или Американца, заѣхавшаго въ тотъ или другой Нѣмецкій городъ, гдѣ Дитцель и Гагенъ размышляли и писали на любимыя въ Германіи темы о неизмѣримомъ превосходствѣ Нѣмцевъ передъ Славянами, о неспособности Русскихъ крестьянъ къ свободѣ, объ отсутствіи у Славянъ критическаго смысла и строгой научной объективности....

Сравненіе Славянъ съ Неграми не имѣетъ никакого научнаго значенія и не обличаетъ особенной критической прыткости и умственной бойкости. Оно основано лишь на предполагаемомъ сходствѣ весьма сомнительнаго психическаго признака, якобы общаго Славянамъ и Неграмъ. Оно неудачно, ибо вовсе того не доказываетъ, что хотѣлось доказать этимъ сравненіемъ. Сходство Русскаго крестьянина съ Негромъ еще вовсе не свидѣтельствуетъ въ пользу великодушнаго положенія либераловъ Дитцеля и Гагена о неспособности Русскаго мужика къ свободѣ и о необходимости оставлять его въ рабствѣ. Наука не можетъ считать рѣшеннымъ и доказаннымъ то мнѣніе о Неграхъ, въ которое очевидно слѣпо вѣрятъ наши проницательные критики Дитцель и Гагенъ, мнѣніе о неспособности Негровъ къ свободѣ и о необходимости держать ихъ въ рабствѣ. Есть много высоко-просвѣщенныхъ Англичанъ и Американцевъ, которые рѣшительно возстаютъ
учно доказаннаго, существеннаго превосходс
Кавказской бѣлой расы передъ черною и
возможнымъ и невѣроятнымъ, чтобы че

гли имѣть свою завидную исторію, создать самобытную образованность, болѣе человѣчную и высокую, чѣмъ современная образованность Англичанъ, Французовъ, Испанцевъ. Гагену про насъ, Русскихъ, угодно было изречь: „И такой народъ, что не обладаетъ ни энергіею, ни творческою силою, ни способностью, ни твердостью, народъ безъ всякаго глубокомыслія, народъ природныхъ рабовъ, можетъ начать новую эпоху образованности. Ничего не можетъ быть смѣшнѣе этого.—Es kann nichts lächerlicher sein! Если бы Русскіе были нѣкогда предназначены, продолжаетъ Гагенъ, играть великую роль во всемірной исторіи, то бы они и на нисшей ступени своего развитія успѣли обнаружить свои дѣятельныя силы и энергію. Такъ Тацитъ въ нашихъ отцахъ, какъ ни незначительна была ихъ культура, призналъ же тѣ могущественныя стихіи, которыя позже создали изъ Германцевъ владыкъ Европы. Но никакихъ зародышей будущаго величія нельзя теперь еще замѣтить въ Русскихъ.“ В. Менцель еще въ 1868 г. писалъ: „Поставьте, гдѣ угодно, современныхъ Нѣмцевъ и Французовъ рядомъ съ Русскими, и каждое дитя вѣрно рѣшитъ, гдѣ настоящее превосходство. Man stelle, wo man wolle, die heutigen Deutschen und Franzosen den Russen gegenüber, so wird jedes Kind richtig entscheiden, wo die wahre Ueberlegenheit ist [1]). Многіе Англичане, Американцы, а также и Французы, сопоставляя Негровъ съ Англо-Саксами и Французами, не находятъ рѣшительно никакого существеннаго различія въ ихъ духовной природѣ, врожденныхъ способностяхъ и качествахъ ума и сердца. Зная теперь Дитцеля, Гагена, Менцеля и многихъ другихъ Нѣмецкихъ писателей, мы можемъ быть увѣрены, что въ этомъ случаѣ они бы намъ возразили, что во первыхъ мысли какихъ нибудь Англичанъ, Тидманна и др. о невозможности признавать послѣднимъ словомъ человѣчества и вѣчными современныя Европейскія государства и національности съ ихъ современною образованностью, суть пустыя фантазіи, не имѣющія никакого научнаго значенія, и что во вторыхъ, допуская даже вѣроятность такого предположенія о будущности Негровъ, нельзя не помнить, что тамъ Негры сравнивались и сопоставлялись съ Англо-Саксами, Французами, а они Дитцель, Гагенъ и пр. сравнивали не Негровъ, а Славянъ, Русскихъ, и не съ какими нибудь Фран-

---

[1]) Menzel, W. Unsere Grenzen. Stuttgart u. Leipzig. 1868. Всѣ вообще сужденія Менцеля, приводимыя у насъ во II главѣ, заимствованы изъ этого же сочиненія.

цузами и Англичанами, а съ чисто-кровными Германцами, настоящими Нѣмцами; между тѣмъ уже доказано вполнѣ объективно и строго-научно, что обитатели срединной страны (das Land der Mitte), сердца Европы (das Herz von Europa), благороднѣйшей части земного шара, Германіи, суть самая лучшая, благороднѣйшая часть человѣчества. Это уже давно выяснилъ Фихте въ своихъ знаменитыхъ Reden an die deutsche Nation, и это же непрестанно повторяютъ съ новыми доказательствами разные современные Нѣмецкіе писатели. Такъ еще недавно писалъ одинъ Нѣмецкій публицистъ: „Изъ практическаго опыта, который едва ли можетъ быть многостороннѣе, ибо онъ основанъ на собственныхъ наблюденіяхъ и знаніи всѣхъ частей свѣта (чего ужь кажется лучше?) извлекъ я одно убѣжденіе, что Нѣмецкій народъ въ полнотѣ своихъ силъ есть рѣшительно первый народъ на свѣтѣ—das deutsche Volk in dem Gesammtwerthe seiner Kräfte weitaus das erste Volk der Welt ist; только ложное примѣненіе и отчасти непользованіе этими силами служитъ причиною, что мы не первый народъ—dass wir nicht das erste Volk sind (однако!), но мы имѣемъ всѣ основанія къ тому, чтобы имъ сдѣлаться. Я ни во что болѣе на свѣтѣ не вѣрую, какъ только въ это; это убѣжденіе, вполнѣ обратившееся въ догматъ. Отдѣльное лицо можетъ обманывать, но никогда не народъ, какъ цѣлое. Наше поступательное движеніе есть единственное, всестороннее, гармоническое, вѣрное, истинное. Всѣ другіе народы слишкомъ дорого платятъ за свое одностороннее преуспѣяніе. А Англія? Англія всегда будетъ только граждански свободна, а не свободна духовно. Достичь того и другого, конечно лишь современемъ, на этомъ свѣтѣ можетъ только Нѣмецъ. Развивая эту мысль далѣе, мы должны сказать про Романцевъ, Французовъ и Итальянцевъ, которые только рабы своихъ собственныхъ страстей и предразсудковъ, что они никогда не будутъ свободны духовно“ 1).

Воззрѣнія Дитцеля, Гагена, Менцеля и многихъ другихъ Нѣмецкихъ писателей, ученыхъ и публицистовъ на міровое предназначеніе Нѣмецкой національности въ сущности ничѣмъ не разнятся отъ только что приведеннаго любопытнаго размышленія. Для значительнаго большинства этаго рода писателей сомнѣніе въ этой истинѣ можетъ только свидѣтельствовать объ отсутствіи настоящей объективности и строгой научности въ сомнѣвающемся.

---

1) Vor und nach dem Frieden von Villafranca. Studien zur Geschichte und Kritik der politischen Entwickelung des letzten Zeitdramas. Leipzig. 1860. S. 125.

Какъ бы то ни было, но эти два возраженія точно также не выдержатъ критики. У насъ есть средство добиться собственнаго признанія множества Нѣмецкихъ писателей, которое лучше всякихъ иныхъ опроверженій покажетъ, что Славяне, Русскіе непосредственному чувству Нѣмцевъ представляются совсѣмъ иначе, чѣмъ несчастные Негры Англичанамъ и другимъ Европейцамъ. Довольно двухъ, трехъ примѣровъ, чтобы совершенно убѣдиться въ этомъ самимъ Гагенамъ, Дитцелямъ и Менцелямъ. Въ министерство Шмерлинга Чехи были несравненно слабѣе, чѣмъ въ настоящее время, не говоримъ уже о среднихъ вѣкахъ, или о временахъ Гуситскихъ. Въ политическомъ органѣ Національ-Ферейна, который, какъ извѣстно, всегда преслѣдовалъ задачи такъ называемой мало-Нѣмецкой партіи, наиболѣе умѣренной, не желавшей никогда включать всей Австріи въ будущую великую Германію, въ журналѣ этаго общества помѣщались однако о тогдашней Чехіи статьи, которыя бы никогда нельзя было писать никакому плантатору о Неграхъ. «Мы уже обращали вниманіе читателей на положеніе Нѣмцевъ въ Чехіи и на опасность, угрожающую вслѣдствіе пробужденія Чехизма Нѣмецкому элементу на Нѣмецкой почвѣ. Въ настоящую, по крайности, минуту, нѣтъ болѣе грозной опасности для Германизма, какъ исходящей отъ Чехизма. Мы даже не можемъ назвать, исключая развѣ Шлезвигъ-Голштиніи, ни однаго клочка Нѣмецкой земли, которая бы такъ нуждалась, какъ Чехія, въ скорой и сильной защитѣ... Нѣмцы въ Чехіи со дня на день становятся безпомощнѣе и беззащитнѣе. Они разсматриваются Чехами, какъ чуждые насельники, и если бы Чехи получили нужную власть для управленія страною, то первымъ послѣдствіемъ этого было бы ослабленіе Германизма... Къ терроризму позволяетъ себѣ прибѣгать не только анти-Нѣмецкая, но и анти-образованная партія, въ той странѣ, которая всѣмъ своимъ настоящимъ высокимъ положеніемъ обязана Нѣмецкой стихіи и уже такъ онѣмечена или иначе такъ *морализована*, что она чрезъ нѣсколько лѣтъ каждому будетъ представляться чисто Нѣмецкою землею... Въ Чехіи за словами быстро послѣдовали дѣйствія. Тамъ не разсуждаютъ, а дѣлаютъ. Тамъ не заботятся о правахъ, о древнихъ правахъ Нѣмцевъ или о томъ, что подумаютъ или напишутъ въ Германіи о нарушеніи этихъ правъ. Чехи напираютъ впередъ и относительно Нѣмцевъ выказываютъ полное презрѣніе ко всѣмъ законамъ... Уже вошедшая въ жизнь автономія общины и дурные плоды ея заставляютъ насъ, Нѣмцевъ, съ ужасомъ помышлять о политической автономіи. Первое дѣло совершенное въ Чехіи, благодаря

автономіи на почвѣ общинной свободы, было разбойническое (räuberische) вторженіе въ права Нѣмцевъ, да, оно было злодѣйское (mörderische), ибо оно повлекло бы за собою, еслибъ удалось, какъ было задумано, смерть Нѣмецкой стихіи въ Чехіи. Пражскій общинный совѣтъ положилъ чехизировать всѣ народныя школы столицы [1]). Можно бы составить многотомные сборники изъ Нѣмецкихъ сочиненій, брошуръ и статей, написанныхъ хоть въ послѣднія 30 лѣтъ сотнями разныхъ авторовъ объ однихъ Чехахъ и Словинцахъ. И все таже тревога, тотъ же страхъ и опасенія, та же ненависть, тѣ же смѣшныя преувеличенія и непослѣдовательности. Нѣтъ и тѣни спокойнаго самосознанія силы, которая въ себѣ увѣрена, слабаго не обижаетъ, за себя стоять умѣетъ и никого не боится, кромѣ Бога. Но Чехи и Словинцы—это только маленькая частица Славянства. Какой же переполохъ подымается у патріотовъ Нѣмецкихъ, когда заходитъ рѣчь обо всемъ Славянствѣ или о настоящей его представительницѣ, Россіи! „Русскіе, Русскіе,—писалъ Фальмерайеръ лѣтъ 20 тому назадъ,—кричатъ одни изъ страха, другіе (т. е. Славяне) въ радостной надеждѣ, всѣ однако въ смутномъ предчувствіи, что разрѣшеніе великаго общественнаго вопроса и управленіе Европейскимъ будущимъ вообще зависитъ уже болѣе не отъ насъ самихъ, но переходитъ въ руки нашихъ восточныхъ, давящихъ насъ, сосѣдей. Но кто эти Русскіе? Чего хотятъ они? что несутъ съ собой эти полуварвары, юношеская сила которыхъ была такъ высоко восхваляема во время той борьбы, изъ которой они вышли побѣдителями Наполеона?"—„Теперь положеніе и взаимныя наши отношенія къ Русскимъ существенно измѣнились; высокомѣрное игнорированье (немогузнайство) Европейцамъ уже болѣе не къ лицу; продолжаемымъ нами презрѣніемъ къ Русскимъ мы уже выказываемъ не сознаніе духовнаго нашего превосходства, но комическія замашки Кастиліянскаго гидальго въ дырявомъ плащѣ и въ сапогахъ безъ подошвъ". „Народъ, который носитъ въ себѣ зародыши будущаго возрожденія и обновленія падающаго запада, долженъ конечно быть предметомъ самой живѣйшей нашей любознательности". Такъ писалъ Фальмерайеръ по поводу извѣстной брошуры Герцена «Съ того берега», еще въ 1850 г., а съ тѣхъ поръ, скажутъ намъ, какіе совершились въ мірѣ великіе перевороты: явился графъ Бисмаркъ, генералъ Мольтке и принцъ Прусскій покрыли себя вѣчною славою на поляхъ Кенигреца и Садовой,

1) Wochenschrift des Nationalvereins. Coburg. 1861. № 79.

образовался наконецъ сѣверо-Германскій союзъ». Все это конечно любопытно, но не надлежитъ забывать, что и въ Россіи въ эти двадцать лѣтъ произошли нѣкоторыя историческія явленія не меньшаго быть можетъ смысла, чѣмъ подвиги графа Бисмарка и принца Прусскаго, что Кениггрецъ и Садовая принесли пользу не одной Германіи, но и Славянамъ, о которыхъ и послѣ этихъ побѣдъ Нѣмецкіе патріоты не перестаютъ себѣ сочинять разныхъ страховъ и ужасовъ, какъ сочиняли и писали они много и также скучно и двадцать и пятьдесятъ и даже цѣлыя сотни лѣтъ тому назадъ, какъ никогда конечно не случалось писать Европейцамъ ни о Неграхъ, ни о какихъ другихъ неисторическихъ племенахъ или о такъ называемыхъ Naturvölker. Дитцелямъ и Гагенамъ хочется себя увѣрить, что мы имъ совершенно напоминаемъ Негровъ [1]). Еще въ декабрѣ 1869 г. въ одномъ извѣстномъ Нѣмецкомъ журналѣ (Allgemeine Augsb. Zeitung), гдѣ безпрерывно помѣщаются статьи о Россіи и Славянахъ совершенно въ смыслѣ Дитцеля, Менцеля и Гагена, неизвѣстный рецензентъ глупой книженки Ю. Эккарта замѣтилъ: «Въ смыслѣ успѣховъ практическаго пониманія значенія Россіи для Европы вообще, Пруссіи и Германіи въ особенности, ничто такъ не знаменательно, какъ мужественно патріотическій голосъ графа Мюнстера въ Прусской палатѣ господъ, непосредственно предшествовавшій паденію предложенія графа Липпе. Графъ Мюнстеръ въ числѣ причинъ настоятельности возможно-сильнаго политическаго и военнаго единства Германіи (einer möglichst starken politischen Widerstandsfähigkeit Deutschlands) указывалъ особенно на угрожающее развитіе Славянства (die drohende Entfaltung des Slawenthums)». Наивный рецензентъ забылъ тутъ только, что графъ Мюнстеръ не сказалъ при этомъ ничего новаго: если не съ Аттилы и Сама, то съ IX в., съ Карла Великаго по настоящую минуту, въ продолженіи слишкомъ тысячи лѣтъ,

1) Гунтъ въ указанной статьѣ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ сочиненія Фанъ Эври — Van Evrie, Negroes and Negro Slavery. New Iork, 1861. p. 29. «Южный плантаторъ съ сознаніемъ своего превосходства, не позволяющимъ ему прибѣгать къ какой нибудь хитрости или къ обману, снимаетъ съ себя пальто и работаетъ на томъ же полѣ, какъ и его рабъ. Послѣднему никогда не приходитъ въ голову мысль о томъ, чтобъ оспаривать это превосходство. Одинъ очень умный государственный и храбрый военный человѣкъ Юга сказалъ однажды «мы не больше думаемъ о возмущеніи Негровъ, чѣмъ о возстаніи нашихъ коровъ и лошадей» (we no more think of a Negro insurrection, than we do of a rebellion of our cows and horses). Плантаторъ также естественно приказываетъ, какъ Негръ инстинктивно повинуется».

можно привести чуть ли не изъ каждаго пятидесятилѣтія по нѣскольку Нѣмецкихъ голосовъ, которые, подобно этому Мюнстеру, то жалуются и плачутся, то сердятся и негодуютъ на это угрожающее развитіе Славянства. Уже бывали времена и положенія гораздо болѣе угрожающія. Что же касается до развитія Славянской взаимности, то смѣло можно сказать, что въ этомъ отношеніи прошедшее и настоящее даетъ весьма слабые намеки на то, чѣмъ она можетъ и должна быть въ будущемъ. Въ теченіе слишкомъ тысячи лѣтъ не прекращающіеся въ Германіи крики и вопли, испуги и негодованія противъ этаго угрожающаго развитія Славянства служатъ также удовлетворительнымъ отвѣтомъ и на второе возраженіе, т. е. что Негры, а слѣдовательно и похожіе на нихъ Славяне, могутъ представляться какъ надежды внушающія части человѣчества развѣ Англичанамъ и Французамъ, которые сами рабы страстей и предразсудковъ, не имѣющіе настоящихъ понятій о духовной свободѣ, а не Нѣмцамъ, этому въ сущности и по всей справедливости первому народу на свѣтѣ, и въ дѣйствительности не таковому только по какой то несправедливой и глупой случайности. Такому однако мрачному, безнадежному отчаянію въ Славянскомъ будущемъ, столь гнетущему умы нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ патріотовъ могутъ еще помочь разсѣяться свидѣтельства немногихъ впрочемъ, но весьма достойныхъ и видныхъ представителей Нѣмецкой національности и науки, напр. Фальмерайера, барона Гакстгаузена, Блазіуса, Окена, А. Гумбольдта, К. Фогта [1]), которые отзывались о Славянахъ и особенно о Русскихъ съ величайшимъ почтеніемъ къ ихъ природнымъ дарованіямъ и съ несомнѣнною увѣренностью въ великомъ будущемъ, ихъ ожидающемъ.

Такимъ образомъ сравненіе Славянъ съ Неграми не имѣетъ и тѣни научнаго значенія, ни какъ наблюденіе, ни какъ выводъ. Быть можетъ намъ скажутъ даже, что оно такъ глупо, что на немъ не слѣдовало и останавливаться. Но у науки нѣтъ лжи неважной, которую бы можно было терпѣть, нѣтъ и такихъ простыхъ положеній, кромѣ математическихъ аксіомъ, которыя можно бы

---

[1]) К. Фогтъ, мнѣніе котораго о Неграхъ слишкомъ извѣстно, такъ судитъ о Русскомъ народѣ. «Der natürliche Zug Russlands geht nach Süden u. Osten. Konstantinopel u. Peking werden die ewigen Zielpunkte russischer Politik sein. Russland besitzt noch einen anderen, für ihn unschätzbaren Vortheil. Es bietet den festen Punkt dar, um welchen sich die slawischen Nationalitäten mehr u. mehr zu gruppiren streben. In seinem naturwüchsigen, derben Volke ruht ohne Zweifel eine unverwüstliche Kraft. (Vogt. C. Studien zur gegenwärtigen Lage Europas. Genf u. Bern. 1859. S. 9—10).

было вносить въ науку безъ соблюденія иногда скучныхъ, но необходимыхъ пріемовъ, безъ методическихъ доказательствъ ихъ истинности. Обличеніе лжи и глупости, особенно если она рядится въ мантію ученой объективности и научной строгости, имѣетъ въ наукѣ свою полезную сторону, ибо помогаетъ возстановленію и уясненію искажаемой истины. Совершенно ничтожное въ объективномъ отношеніи сравненіе Славянъ съ Неграми имѣетъ свою любопытную субъективную сторону. Оно указываетъ на легкую готовность современнаго образованнаго Нѣмца повѣрить всякой собственной или чужой нелѣпости, лишь бы только она относилась къ Славянамъ. Дитцель, Гагенъ, подобно большинству ученой и неученой Нѣмецкой братіи, изрекающей свои приговоры о Славянствѣ, по всей вѣроятности никогда не видали ни Русскихъ Славянъ, ни Негровъ, и во всякомъ случаѣ не имѣли о нихъ свѣдѣній изъ личныхъ наблюденій и опыта. Очень вѣроятно даже, что не Гагенъ, не Дитцель первые сдѣлали такое сравненіе, а просто они вычитали его изъ какой-нибудь книги. Они легко повѣрили этому сравненію, собственному или чужому, только потому, что оно отвѣчало ихъ общему воззрѣнію на Славянъ, сходному съ извѣстнымъ Европейскимъ воззрѣніемъ на Негровъ, и даже можно сказать не противурѣчило ихъ сокровенному желанію той же участи Славянамъ, которая, имъ казалось, заслужена Неграми. Такое воззрѣніе на Славянъ и подобныя имъ положенія отнюдь не одноличныя, не Гагеновскія, не Дитцелевскія. Оно весьма распространено и давнымъ давно уже укоренилось въ различныхъ общественныхъ кругахъ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ древней, старинной и новой Нѣмецкой литературѣ есть множество сочиненій, въ которыхъ найдутся цѣлыя мѣста и выраженія о Славянахъ, иногда буквально сходныя съ выраженіями и мнѣніями плантаторовъ о Неграхъ. Читая строго-научные доводы Англійскихъ и Американскихъ этнологовъ въ защиту рабства Негровъ, Славянинъ безпрестанно вспоминаетъ столь же научныя доказательства своихъ добрыхъ ученыхъ сосѣдей относительно исторической неспособности его племени. Знаменитый апостолъ Германіи, Нѣмецъ Бонифацій въ 745 г., случайно упоминая о Славянахъ въ письмѣ своемъ къ Англо-Саксонскому королю Этибальду, счелъ долгомъ прибавить мимоходомъ, что это народъ самый отвратительный и дурной, Winedi, quod est foedissimum et deterrimum genus hominum. Извѣстный Нѣмецкій лѣтописецъ Гельмольдъ писалъ во второй половинѣ XII вѣка, что Славяне у Нѣмцевъ зовутся псами, а Чешскій лѣтописецъ Козьма

Пражскій вполнѣ подтверждаетъ это своимъ замѣчаніемъ о той врожденной Нѣмцамъ гордости и надмѣнности, съ которою они такъ презрительно относятся къ Славянамъ [1]). Исторія завоеванія и крещенія Нѣмцами Полабскихъ Славянъ, Пруссовъ, Латышей и Эстовъ, полна примѣровъ того же свирѣпства и безчеловѣчія, съ которыми мы встрѣчаемся въ исторіи Испанцевъ въ Новомъ Свѣтѣ или Голландскихъ и Англійскихъ колонистовъ въ Африкѣ. Мы готовы согласиться, что жестокости, чинимыя Европейцами въ XIX вѣкѣ, заслуживаютъ меньше пощады, извиненія и оправданія, чѣмъ жестокости Нѣмцевъ со Славянами, Литовцами, Латышами и Эстами въ темные средніе вѣка, хотя и въ то время бывали же люди, нравственное чувство которыхъ возмущалось при видѣ всей великой неправды и насилій, совершавшихся подъ предлогомъ обращенія язычниковъ въ христіанство. Но мы не можемъ современнымъ Нѣмецкимъ писателямъ, выводящимъ изъ торжества Нѣмцевъ надъ Славянами западными извѣстное свое заключеніе о неизмѣримомъ природномъ превосходствѣ Германской расы, не поставить на видъ того обстоятельства, что между новѣйшими Европейцами и туземными племенами Австраліи, Америки и Африки существуетъ гораздо болѣе различія, чѣмъ между Нѣмцами X—XIV вѣка и современными имъ Славянами, Литовцами, Латышами и Эстами; между тѣмъ есть цѣлая школа антропологовъ и этнологовъ въ Англіи, Америкѣ, Франціи и Германіи, гдѣ особенно видное въ этомъ отношеніи мѣсто занимаетъ покойный Вайтцъ съ своимъ прекраснымъ трудомъ „Anthropologie des Naturvölker", которая рѣшительно возстаетъ противъ ученія о существенномъ, коренномъ превосходствѣ Европейца передъ такъ называемыми дикарями и громко протестуетъ противъ практическихъ выводовъ этой теоріи, оправдывающихъ всевозможныя гнусности и безчеловѣчія, совершавшіяся и совершающіяся разными Африканскими, Австралійскими и Американскими культуртрегерами [2]). Многочисленныя явленія изъ исторіи

---

1) Helmold. Chron. Slav. I, 16. Et primo omnium transivit in civitatem Rethre, que est in terra Lutitiorum, convocatisque omnibus Sclavis, qui ad orientem habitant, intimavit eis illatam sibi contumeliam, et quia Saxonum voce Sclavi canes vocentur. Cosm. Prag. Chr. Maluit (Брячиславъ) viriliter agere, quam supplicando colla submittere. Perpendit enim innatam Teutonicis superbiam, et quod semper tumido fastu habeant despectui Slavos et eorum linguam.

2) Того же воззрѣнія держится и знаменитый лингвистъ Поттъ. См. его разборъ труда гр. Гобинò (Essai sur l'inégalité des races humaines. Paris. 1853—55. 4 vol.) въ сочиненіи «Die Ungleichheit menschlicher Racen hauptsächlich vom

рабства нашего племени такой же *бѣлой кости,* какъ и Европейцы, столько же, какъ и они, Арійскаго, могутъ служить блестящимъ подтвержденіемъ для этой школы антропологовъ и полезнымъ урокомъ для нашего современнаго общества, въ которомъ являются учителя съ проповѣдью ненависти и презрѣнія къ инородцамъ, ко всѣмъ этимъ нисшимъ расамъ, предопредѣленнымъ истребленію, съ добрыми совѣтами слѣдовать намъ *Прусской національной политикѣ*, возводя въ идеалъ ту политику, которую наслѣдовали Гогенцоллерны отъ Тевтонскихъ рыцарей, Альбрехтовъ Медвѣдей, Генриховъ, Оттоновъ и маркграфовъ Геро, подвиги коихъ въ нашихъ земляхъ совершенно напоминаютъ подвиги Пизаровъ и Кортесовъ въ Америкѣ, Голландскихъ боеровъ и Англійскихъ колонистовъ въ южной Африкѣ [1]). Правда и въ исторіи нашихъ сношеній съ ино-

---

sprachwissenshaftlichen Standpunkte.. Ein ethnologicher Versuch. Lemgo u. Detmold 1856. S. 81 и сл. 121 и сл. Такъ великъ въ Германіи terror Slavicus и такъ значительна grosse Russennoth, что даже превосходнѣйшій старецъ Поттъ счелъ долгомъ потолковать о Славянахъ и панславизмѣ и въ томъ смыслѣ, который совершенно противурѣчитъ общему, основному началу его труда. Изучающій всѣ языки земного шара и страшно начитанный, нашъ великій лингвистъ не имѣетъ конечно ни живыхъ свѣдѣній о Славянахъ, ни сколько нибудь ясныхъ политическихъ понятій, и этаго недостатка никто Потту въ вину не поставитъ, но Нѣмцы такъ много пишутъ и такъ любятъ разсуждать (klatschern) о Россіи, что и великій лингвистъ не могъ удержаться, чтобъ немного не пополитиканить. «Russland spekulirt in seinem Interesse auf Alles. Nicht bloss auf die sog. *conservativen* oder auch, vorkommenden Falles auf die entgegengesetzten Interessen und Partheiungen. Es schob auch, wie jetzt die griechische Religion im besonderen, so früher die christliche überhaupt, vor; zur Zeit, wo es gegen die Türken so uneigennützig den Griechen bestand, welche jedoch, wie angelegentlich das Fallmeraier und der Grieche Okonomos die Welt glauben machen wollten, nicht gerade der Schrei des Bluts «nach einem wächtigen» Hellver zog. Endlich hat Russland auch in sprachlicher und volklicher Vetterschaft lange genug, und zwar nicht erfolglos gebliebene Geschäfte gemacht. (S. 176—7).

1) Въ этомъ отношеніи очень любопытно сочиненіе однаго Прусскаго чиновника д-ра К. Ф. Коха Ueber die Bedingungen für den Bestand und das Gedeihen des Preussischen Verfassungslebens aus dem Standpunkte der politischen Anthropologie von Dr. C. F. Koch, Regierungs-und Medicinalrath in Merseburg. Halle. 1859. Пруссія должна оставаться военною державою и быть ею болѣе, чѣмъ теперь (1859), но не такъ, чтобы держать подъ знаменами большое количество войска и истощать на то свои финансовыя силы, но такъ, чтобы всѣ государственныя учрежденія имѣли цѣлью усиливать и возращать воинственный духъ и воинскія способности націи (den kriegerischen Sinn und die kriegerischen Fähigkeiten der Nation zu kräftigen u. zu steigern). Для сего нужно развивать общіе у человѣка съ животнымъ инстинкты. У человѣка не только четыре зуба-клыка общіе съ хищными животными, но и всѣ ихъ

родцами найдется не мало примѣровъ такого же звѣрства и безчеловѣчія. Слѣдуя Прусскому идеалу, мы должны гордиться этими подвигами, видѣть въ нихъ доказательства превосходства нашей расы и приводить эти примѣры въ подражаніе, разумѣется соглашая мѣры насилія съ духомъ времени. Повинуясь внушеніямъ благоволенія къ людямъ и ученія христіанскаго, мы должны, собравъ всѣ подобные примѣры насилія, твердо держать ихъ въ нашей памяти и глядѣть на нихъ, какъ на тяжкіе, наслѣдованные нами отъ предковъ долги, которые мы должны погасить разными лишеніями и пожертвованіями для христіанскаго просвѣщенія нашихъ инородцевъ, для улучшенія и подъема ихъ быта, для образованія

побужденія, способности и страсти: хитрое подстереганье непріятеля, неподвижное выжиданіе, несмотря на кипучую страсть борьбы, пока не придетъ удобная минута, борьба съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ силъ, готовность пожертвовать жизнью и всѣмъ для побѣды, преслѣдовать ее съ высшимъ земнымъ наслажденіемъ до уничтоженія врага, при пораженіи скорѣе принять самую мучительную смерть, чѣмъ служить побѣдителю рабомъ или домашнимъ животнымъ. Именно тѣмъ и отличается хищническая природа человѣка отъ животнаго, что *онъ* съ усиленною страстью ищетъ и находитъ своихъ враговъ не внѣ своего рода, а среди его. Эта хищническая природа человѣка первая побудила людей соединиться въ общества и племена, она и теперь составляетъ ихъ связь, ибо только общеніе спасаетъ отъ внѣшняго нападенія. Поэтому человѣкъ не долженъ совершенно уничтожать въ себѣ хищническихъ инстинктовъ die Raubthiertriebe ganz zu erdrücken und zu ertödten... Многіе народы оттого и погибли, что уничтожили въ себѣ благородные хищническіе инстикты „die edeln Raubthiertriebe". Приведя въ примѣръ и образецъ Англичанъ, ихъ ненависть къ Ирландцамъ, ихъ любовь къ охотѣ и гимнастикѣ, къ мясной пищѣ и т. д., авторъ затѣмъ разсматриваетъ жалкое положеніе Германской имперіи съ реформаціи и указываетъ на великое значеніе Пруссіи. Для исполненія ея великой мысли, государство должно заботиться о казенномъ обученіи всѣхъ подданныхъ гимнастикѣ по патріотической системѣ Яна, а никакъ не по Шведской, о назначеніи особыхъ провинціальныхъ директоровъ гимнастики (Provinzial-Turn-Director), о распространеніи гимнастическихъ и военныхъ пѣсенъ (Turn- und Kriegslieder). Тогда Нѣмецкіе колонисты легко вытѣснятъ Поляковъ на востокъ, которые ненавидятъ Нѣмцевъ больше еще чѣмъ Русскихъ (der National-Hass, welcher gegen Deutsche noch glühender ist, als gegen die stammverwandten Russen). Въ заключеніе авторъ представляетъ государственные и военные афоризмы изъ Маккьявелли. Наши позднѣйшіе продолжатели Аракчеева не даромъ такъ любили Пруссію, въ порывѣ восторга даже называли ее правильно устроенною казармою. Поборникъ служебности Негровъ, Ѳ. Карлейль совершенно послѣдовательно дошелъ до апоѳеозы Прусскаго Фридриха I. Назначающій Нѣмцамъ роль Славянскихъ цухтмейстеровъ,

ихъ способностей, для уничтоженія въ нихъ того недовѣрія и нелюбви къ намъ, навлекшимъ ихъ насильственнымъ и грубымъ съ ними обращеніемъ. Такое мягкое обращеніе съ инородцами для насъ, Русскихъ, гораздо легче и удобоисполнимѣе, чѣмъ напр. для Англо-Саксовъ съ Неграми или для Нѣмцевъ со Славянами, Латышами и Эстами. Передъ нами нѣтъ той вереницы звѣрствъ и безчеловѣчій, извинявшихся и оправдываемыхъ научными теоріями или благословеніями церкви. За весьма ничтожными исключеніями, наша церковь мечемъ не проповѣдывала, наша молодая наука и литература рабства не воспѣвала и не оправдывала [1]). Такое обращеніе съ инородцами никогда не расшатаетъ и

Трейчке замѣчаетъ, что Орденъ началъ свой христіанско-Нѣмецкій крестовый походъ, который былъ горячо проповѣдуемъ императоромъ, не имѣвшимъ ни христіанскаго, ни Нѣмецкаго направленія и въ то время, когда рыцарство утратило свою наивную вѣру. «So stossen wir schon an seiner Schwelle auf die geheimste Unwahrheit des Ordensstaates: sein Werk kriegericher Heidenbekehrung ward begonnen in Tagen, die dem naiven Glauben der alten Zeit bereits entwuchsen... (Hist.u. polit. Aufsätze. Leipzig. 1865. S. 7). Это впрочемъ не мѣшаетъ ему на другихъ страницахъ говорить о grandiosem Siegeszuge deutscher Gesittung (s. 8), o milde Sitte d. Deutschen (s. 24—въ противуположность die zuchtlose Rohheit des Slaventhums), и опять замѣчать—so erschrecken wir geradezu vor der Herzenskälte u. Armuth dieses zweiten Ritterthums. (s. 26). Фрейтагъ въ своемъ романѣ Soll u. Haben возводитъ такъ сказать въ перлъ созданія—den gänzlichen Mangel jener Gutmüthigkeit, die man fälschlich als eine deutsche Tugend preist. (Treitschke—ib. S. 4).

1) Тѣмъ не менѣе мы не думаемъ, что Русскій народъ совершенно чуждъ насильственности и что она принадлежитъ только однимъ Германо-Романскимъ народамъ, какъ одно изъ ихъ коренныхъ свойствъ. Насилія проистекаютъ не изъ однаго «чрезмѣрно развитаго чувства личности». Насильственностью въ этомъ смыслѣ въ значительной степени обладали и обладаютъ и Гунны и Авары, и Мадьяры и Половцы, и Монголы и Турки, и Американскія и Африканскія и Австралійскія племена, у которыхъ вовсе не чрезмѣрно развита личность. Рабъ, спокойно выносящій всѣ обиды и униженія отъ повелителя, бываетъ дерзокъ, наглъ и насильственъ съ дѣтьми, съ женою, съ посторонними людьми, когда можетъ ихъ притѣснять. Насильственность есть одно изъ дурныхъ общечеловѣческихъ свойствъ. К. Аксаковъ, на котораго ссылается г. Данилевскій, («Россія и Европа) равно какъ и И. Кирѣевскій, далеко не свободны отъ нѣкоторой сентиментальности и преувеличеній въ своихъ характеристикахъ древней Россіи и Русскаго народа. Въ этомъ отношеніи Хомяковъ глубже понималъ дѣло (Старое и Новое. Отвѣтъ Кирѣевскому). Наши отношенія къ инородцамъ представляютъ много фактовъ далекихъ отъ всякой мягкости. Припомнимъ нѣсколько извѣстнѣйшихъ обстоятельствъ. Романъ Мстиславичь Галицкій († 1205), отличавшійся крайнею жестокостью въ обра-

не ослабитъ государственнаго организма Россіи; напротивъ, скрѣпитъ его, связавъ ихъ нравственными узами съ Русскимъ народомъ. Христіанское воззрѣніе на это дѣло, постоянно расширяя требованія свободы, поможетъ широко развернуть Русскому народу его сокрытыя силы. Оставаясь-же на Прусской точкѣ зрѣнія, мы невольно и безсознательно ставимъ себѣ въ идеалъ Остзейскаго барона или Прусскаго юнкера, принуждены вербовать себѣ руссификаторовъ между Русскими Нѣмцами, у которыхъ сами состоимъ въ положеніи рабочей силы. Можно-ли совладать даже съ горстью людей, идеалу которыхъ мы поклоняемся? И не ясно-ли, что всѣ наши мѣры къ такъ называемому обрусѣнію нашихъ инородцевъ будутъ оказываться тщетными и безплодными, пока существуетъ привиллегированное положеніе Нѣмцевъ въ Россіи, которое справедливо можетъ внушать въ другихъ инородцахъ сомнѣніе въ силахъ Русскаго народа, даже полное къ нему неуваженіе. Указывая на отрицательное значеніе господствующаго Нѣмецкаго воззрѣнія, мы не

щеніи съ боярами Галицкими. чинилъ страшныя насилія съ Литвою: «работы тяжкія имъ творяше, оковавъ въ плугъ, запрягаше пахати коренья на новыхъ мѣстѣхъ; по Русски такъ называютъ *чистити*, и отъ сего пословица, когда единъ Литвинъ, научися языка Русскаго, и въ плугѣ тянувъ, рекъ: «Романе! лихимъ живеши, Литвою ореши», или «злѣ, Романе, робишь, что Литвиномъ орешь». (Старинный перев. Стриковскаго. Карамз. III, гл. III, прим. 114). Въ прекрасномъ трудѣ преосв. Иннокентія, митрополита Московскаго, «Записки объ островахъ Уналашкинскаго Отдѣла, составленныя И. Веніаминовымъ». (Спб. 1840. с. 189 и слѣд.), приведено довольно примѣровъ звѣрствъ и жестокостей Русскихъ съ Алеутами въ 18 стол. Иславинъ (Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. Спб. 1840. стр. 64 и сл.) говоритъ, между прочимъ: «Повѣсть о прошедшемъ у всѣхъ одна: всѣ они (Самоѣды) или сами, или отцы ихъ имѣли оленей, которые перешли разными способами къ Русскимъ и Зырянамъ: все это еще свѣжо въ ихъ памяти, и они ясно указываютъ на лица, на время, на мѣсто, гдѣ лишились достоянія своего, видятъ имущество въ рукахъ другихъ и не представляютъ себѣ возможности когда-либо получить его.... Русскіе и Зыряне до того презираютъ ихъ, что не почитаютъ ихъ равными себѣ, а обидѣть и обобрать бѣднаго Самоѣда, набожный и суевѣрный Печорскій житель никакъ не считаетъ грѣхомъ. Однимъ словомъ, это истинныя паріи сѣвера». Въ путевыхъ воспоминаніяхъ Кастрена есть указанія на такое же обращеніе Русскихъ съ разными Финскими инородцами, у которыхъ много преданій и разсказовъ о Русской насильственности. Такія же преданія конечно имѣются у Киргизовъ, Калмыковъ, Бурятъ, Тунгусовъ, Коряковъ, Юкагировъ и проч., которые не изъ любви же и благодарности къ намъ за хорошее съ ними обращеніе такъ часто противъ насъ возмущались. (См. Дополненія къ Акт. Истор. Арх. Ком. Спб. 1851. IV, №№ 2, 7, 8, 13, 17, 24,

чувствуемъ себя въ правѣ умолчать о тѣхъ, немногихъ впрочемъ, Нѣмецкихъ писателяхъ, которые въ своей защитѣ Славянъ часто почти дословно сходятся съ благородными Англо-Американскими защитниками Негровъ. Такъ Гердеръ говоритъ: „Многіе народы, особенно же Нѣмцы, жестоко погрѣшили противъ Славянъ.“ Тунманнъ пошелъ еще дальше: „Пора наконецъ умѣть больше уважать этотъ злополучный народъ (Славянъ въ Германіи) и перестать причислять ихъ, какъ это долго и безъосновательно дѣлали, къ народамъ варварскимъ.“ Почтенный Нѣмецъ Рореръ, въ своемъ прекрасномъ по времени очеркѣ Славянскаго населенія въ Австріи (1804 г.), высказалъ мысль, которая еще понынѣ мало признается въ Германіи по отношенію къ Славянамъ: „Не должно никогда упрекать какой-нибудь народъ въ его недостаткахъ, не приводя при этомъ ихъ объяснительныхъ причинъ. Наши сужденія были бы тогда, конечно, умѣреннѣе. Быть можетъ, наши Нѣмецкіе предки болѣе виноваты въ нѣкоторой Славянской нерадивости, чѣмъ собственная природа Славянъ.“ Фальмерайеръ однажды рѣшительно

35, 71, 97, 102, 124, 151. V, №№ 3, 4, 11, 29, 49, 68, 74 и пр.); также оба труда г. Ѳирсова о инородцахъ въ Россіи въ Московскій и Петербургскій періоды. Точно также исторія Русской администраціи, крѣпостного права, полиціи явной и тайной, бунты Стеньки Разина и Емельки Пугачева, стрѣльцовъ и военныхъ поселянъ и пр. и пр. слишкомъ убѣдительно доказываютъ, что насильственность въ общемъ смыслѣ свойственна и Русскому народу. Самообольщеніе вредитъ и научному изученію отечественной исторіи и практической дѣятельности. Не вредно ли, въ самомъ дѣлѣ, утѣшать себя и другихъ въ гуманности нашей, въ отсутствіи у насъ смертной казни, въ демократичности строя нашего государства, при существованіи *податныхъ* и *неподатныхъ* сословій, при особенностяхъ нашей военной повинности, при... при той остановкѣ и реакціи, которая у насъ въ значительной степени наступила съ закрытія крестьянскихъ коммисій. Что же касается до мнѣнія о томъ, что Россія государство и народъ не завоевательные, то оно противно понятіямъ историческаго народа и государства. Впрочемъ, какъ буду имѣть случай показать, самообольщеніе о мягкости и незавоевательности своего народа есть одно изъ общихъ свойствъ патріотическаго увлеченія всѣхъ историческихъ народовъ міра. Такое самообольщеніе, впрочемъ, много говоритъ въ пользу души человѣческой, не желающей мириться съ тѣмъ безумствомъ, обманомъ и насиліемъ, съ тѣми звѣрствами, преступленіями и пороками, которыми кишитъ печальная исторія человѣчества. Впрочемъ, я не думаю отрицать степеней насильственности, которыя зависятъ отъ многихъ разнообразныхъ условій: большей или меньшей высоты просвѣтительнаго начала того или другого народа, его общественнаго быта и государственнаго строя, его умственной образованности, духа времени и пр.

высказалъ, что „вмѣстѣ съ Турско-Татарскими племенами Нѣмцы наиболѣе виновны въ притѣсненіи Славянъ.“ Съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностью помянувъ этихъ и подобныхъ имъ писателей за ихъ честные и доброжелательные отзывы о нашемъ племени, замѣтимъ, что воззрѣніе нѣкоторыхъ антропологовъ и этнологовъ на высшія и нисшія *по существу* расы имѣетъ видимую связь съ воззрѣніемъ, бывало господствовавшимъ въ такъ называемыхъ высшихъ и богатыхъ классахъ общества, относительно ихъ существеннаго умственнаго и нравственнаго превосходства передъ нисшими классами, рыцарей, бароновъ передъ виленями. Еще недавно въ Германіи говорили, а многіе и понынѣ думаютъ: только баронессы рожаютъ, а прочія мечутъ, „nur die Baronen werden geboren, alle Anderen werden geworfen.“ Французскіе труверы выразили господствующее мнѣніе всего Европейскаго рыцарства, говоря, что „кто сотворилъ виленей, сотворилъ волковъ; все имъ не нравится, все имъ надоѣдаетъ. Они жалуются на ведро и непогоду, и ропщутъ на Бога, когда онъ не исполняетъ ихъ желаній. За то Богъ ненавидитъ мужиковъ и мужичекъ (vilains, vilaines) и насылаетъ на нихъ всѣ казни.“ Труверы эти распѣвали также, что вилени никогда не попадутъ въ рай, гдѣ Богъ не отвелъ имъ мѣста. Вѣрные этому воззрѣнію на существенное превосходство знатныхъ и богатыхъ, нѣкоторые Англійскіе антропологи и этнологи готовы были видѣть въ болѣе голодномъ, измученномъ и одичаломъ населеніи чернорабочихъ Англіи остатки древнѣйшей, нисшей расы, обитавшей въ Британіи до Кельтовъ. Незнакомые съ такими учеными теоріями, многіе наши Польскіе и Русскіе помѣщики держались того же однако воззрѣнія, признавая въ хлопахъ и крѣпостныхъ особое Хамово отродье и приписывая себѣ и своимъ холопямъ разныхъ родоначальниковъ. Подобное же воззрѣніе понынѣ господствуетъ у нашего Прибалтійскаго дворянства, которое, въ качествѣ Нѣмцевъ и бароновъ, считаетъ себя существенно выше и превосходнѣе Латышей и Эстовъ, а также и Русскихъ. Вообще въ тѣхъ странахъ и обществахъ, гдѣ рабство было сильнѣе, и дольше и крѣпче держится теорія о существенномъ превосходствѣ однихъ расъ передъ другими. Очень можетъ быть, что подобное совпаденіе есть явленіе случайное; тѣмъ не менѣе сравненіе Славянъ съ Неграми и дѣлаемое изъ него заключеніе объ исторической ихъ неспособности не имѣютъ никакого объективнаго и научнаго значенія и любопытны лишь въ смыслѣ субъективномъ. Изъ неудачи однаго сравненія еще впрочемъ не слѣ-

дуетъ, чтобы вообще разбираемое воззрѣніе на Германцевъ и Славянъ было необъективно и ненаучно.

На сравненіи Славянъ съ женщинами, — такъ оно неудачно и странно,—было бы смѣшно долго останавливаться. Такъ какъ Славянамъ приписывается природа женственная, сравнительно съ Германцами, Нѣмцами, которымъ усвояется характеръ мужественный, то естественно заключить, что Славяне ниже, неспособнѣе Нѣмцевъ-мущинъ, и похожи собственно на Нѣмокъ. Но на кого же тогда будутъ похожи Славянки? Въ субъективномъ отношеніи это сравненіе любопытно, обнаруживая не слишкомъ высокіе и лестные взгляды нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ ученыхъ на прекрасныя ихъ половины, когда они не смутились уподобить имъ Славянъ, эту нисшую, по ихъ мнѣнію, расу, которую даже иные товарищи ихъ сравнивали съ Неграми. Уподобленіемъ Славянъ женщинамъ ученые наши желали указать на служебную роль и необходимость подчиненія Славянъ Нѣмцамъ. Впрочемъ, съ занесеніемъ въ современную Германію такъ называемаго женскаго вопроса и Сандовскихъ и Миллевскихъ идей о женской эманципаціи, можно надѣяться, что этотъ научный пріемъ уподобленія Славянъ Нѣмкамъ будетъ вскорѣ покинутъ нашими учеными. Забавно также, что есть очень ученые Нѣмцы, которые, какъ напр. Фёрстеманнъ, сравниваютъ самихъ Нѣмцевъ съ женщинами, усматривая въ нихъ природу воспріимчивую и женственную (receptive, weibliche Natur) 1).

Гораздо любопытнѣе сравненіе Славянъ съ Кельтами. Говорятъ: Славяне второе, неисправленное, но болѣе удобное къ употребленію изданіе Кельтовъ, — къ употребленію, вѣроятно, Германской расы. Уподобленіе любопытное, обличающее нѣсколько библіотекарскій взглядъ на міръ и его исторію, — взглядъ, довольно распространенный у большинства, впрочемъ весьма почтенныхъ, Нѣмецкихъ историковъ, которые этимъ особенно отличаются отъ всѣхъ другихъ Европейскихъ старыхъ и новыхъ историковъ. Уподоблять народы книгамъ — пріемъ не необыкновенный, особенно у людей, не видавшихъ міра далѣе своего кабинета и библіотеки, предпочитающихъ книгамъ и жизнь и людей. Славяне второе, болѣе карманное изданіе Кельтовъ! какой чисто филистерско-библіотекарскій взглядъ на исторію! это образъ, достойный Гетевскаго Вагнера. И такъ „Славянамъ принадлежитъ та же роль въ исторіи, то же

1) Zeitschrift von A. Kuhn. 1852. I. B. Slawische Elemente in deutschen, namentlich westpreussischen Volksmundarten, ст. Фёрстеманна (s. 412—429).

призваніе въ мірѣ, что и Кельтамъ. Тѣмъ-то они и отличаются отъ Германцевъ, на которыхъ они также непохожи и отъ которыхъ они также далеки, какъ и сходные съ ними Кельты. Сходство Славянъ съ Кельтами доказываетъ, что они не могутъ создать и выработать богатую, самобытную образованность."

Обращаясь къ разбору объективности и строгой научности этаго положенія, разсмотримъ, чѣмъ похожи Славяне на Кельтовъ и что изъ этаго слѣдуетъ?

Когда въ наукѣ хотятъ указать какое-нибудь новое, незамѣченное явленіе, то необходимо представить тѣ соображенія и доводы, которые заставляютъ признать и замѣтить его, и это тѣмъ необходимѣе, чѣмъ важнѣе отмѣчаемое явленіе, чѣмъ крупнѣе предметъ наблюденія. Согласимся пока, что занимающіе шестую часть свѣта, считающіе тысячу слишкомъ лѣтъ историческаго существованія и до ста милліоновъ душъ, Славяне не могутъ казаться явленіемъ важнымъ и крупнымъ, особенно на чисто-объективный и строго-научный взглядъ Германскаго міросозерцанія. Но нельзя же не сознаться, что Кельты играли нѣкогда въ исторіи Европы великую роль, да едва-ли еще и отыграли ее. Девятнадцать, двадцать вѣковъ назадъ Кельты занимали огромную часть Европы, почти весь западъ, сѣверныя части Италіи, разныя части Германіи, нынѣшнія Чехію, части Угріи и Европейской Турціи, жили въ Малой Азіи, въ Галатіи, гдѣ еще въ IV в. по Р. Х., во времена св. Іеронима, сохранялись остатки Кельтовъ. За три, за два вѣка до Р. Х. Кельтскія племена наводятъ ужасъ на Грековъ и Римлянъ своими походами и войнами въ Италіи и Греціи. При Ю. Цесарѣ и въ ближайшее за нимъ время совершается романизація Испаніи, Галліи, отчасти Британіи, пока эти романизованныя земли не были покорены въ V в. Германскими племенами, Готами, Вандалами, Франками, Англо-Саксами и друг., которые съ теченіемъ времени слились съ побѣжденными и, кромѣ Англо-Саксовъ, приняли ихъ языкъ, уже романизованный. Въ настоящее время очень ограничена область чисто-Кельтскаго языка, раздѣляющагося на четыре нарѣчія: 1) Кимри въ Валлисѣ или въ Камбріи и на полуостровѣ Корнвалійскомъ, 2) Бретонское, во Французской Бретани, 3) Гаэльское въ сѣв. Шотландіи, 4) Ирландское, въ Ирландіи и на островѣ Менѣ. Всего чистыхъ Кельтовъ едва-ли наберется 12 милліоновъ душъ. Таковы внѣшнія судьбы Кельтовъ. Изъ всѣхъ родственныхъ Арійскихъ племенъ Славяне по языку наименѣе близки и сродны

Кельтамъ. Почти цѣлымъ тысячелѣтіемъ позже Кельтовъ выступаютъ Славяне на историческое поприще. Во многихъ странахъ Кельтскій языкъ совершенно исчезъ и съ теченіемъ времени чисто-Кельтская область постоянно умалялась. Несмотря на нѣкоторыя, болѣе или менѣе значительныя утраты на дальнемъ юго-и сѣверо-западѣ, Славянское племя постоянно росло и множилось, пока наконецъ чисто-Славянская область достигла современныхъ громадныхъ размѣровъ, такъ что изъ всѣхъ Арійскихъ языковъ только Англо-Американскій, по своей распространенности, равняется языку Славянскому. Очевидно, между Славянами и Кельтами нѣтъ такого внѣшняго сходства, которое бы прямо кидалось въ глаза, и, буде сходство имѣется, то оно есть преимущественно, если не исключительно, внутреннее, заключающееся въ общихъ психическихъ признакахъ этихъ племенъ. Психическія стороны различныхъ народовъ всего ярче выражаются въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и общественно-политическихъ учрежденіяхъ и формахъ быта. Между тѣми и другими всегда имѣется глубочайшая внутренняя связь. Но и въ этихъ отношеніяхъ опять таки мало замѣчается сходства у Славянъ съ Кельтами. У сильно наклонныхъ къ мистицизму Кельтовъ каста жрецовъ, друидовъ пользовалась громаднымъ общественнымъ вліяніемъ; такъ по крайности извѣстно о Галліи, Британіи и Ирландіи. У Славянъ, за исключеніемъ Полабской вѣтви, едва-ли и существовало сословіе жрецовъ; во всякомъ случаѣ ни языческіе жрецы, ни въ послѣдствіи христіанское духовенство, за исключеніемъ развѣ Польши, да и тамъ не всегда, не пользовались въ народѣ особымъ преобладающимъ значеніемъ. Въ Кельтскомъ политическомъ бытѣ господствовало преимущественно начало аристократическое, которое никогда почти не бывало любимымъ національнымъ учрежденіемъ у Славянъ. Кельты въ древности не любили земледѣлія; Славяне издревле извѣстны, какъ народъ преимущественно земледѣльческій. И такъ между Славянами и Кельтами безспорно могутъ быть черты сходства внутренняго, но оно должно быть, если имѣется, не на столько рѣзко и поразительно, чтобы при рѣчи о немъ, можно было, безъ ущерба ясности и даже не въ разрѣзъ съ научными требованіями, не распространиться о немъ подробнѣе и обстоятельнѣе. Это было тѣмъ необходимѣе, что Кельты, ихъ языкъ, поэзія, древности, исторія, ихъ важнѣйшія этническія особенности отнюдь еще не составляютъ предмета окончательно разработаннаго и приведеннаго въ совершенную ясность. Въ самой Германіи между извѣстнѣйшими учеными Цейссомъ,

Дифенбахомъ, Контценомъ, Эбелемъ, Лео, Фёрстеманомъ [1]), по самымъ важнымъ филологическимъ, этнографическимъ и историческимъ вопросамъ существуетъ нерѣдко большое разногласіе. Эта разность мнѣній еще увеличится, если къ Кельтологамъ Нѣмецкимъ присоединимъ Кельтологовъ Французскихъ, Швейцарскихъ и Англійскихъ. Догадаться впрочемъ не трудно, въ чемъ и почему именно желали бы нѣкоторые Нѣмецкіе ученые найти сходство Славянъ съ Кельтами. Въ самомъ дѣлѣ Нибуръ свободу Кельтовъ назвалъ безправіемъ (Rechtslosigkeit); главнымъ отличіемъ ихъ, какъ варваровъ, отъ Эллиновъ и Италиковъ, онъ отмѣтилъ существенную неспособность жить и управляться по законамъ (eine wesentliche Unfähigkeit durch Gesetze zu bestehen). По Контцену, Кельтъ отличался легкомысліемъ, поверхностнымъ взглядомъ на вещи, отсутствіемъ глубины душевной (ohne Tiefe des Gemüthes), нерасположеніемъ къ законному порядку, пьянствомъ и развратомъ, сварливостью, отчаянною храбростью и ненавистью къ иностранцамъ, между прочимъ и къ Германцамъ. По описаніямъ Геффтера, Лео и пр. всѣ эти черты одинаково свойственны и Славянамъ. Наконецъ не было ли предопредѣлено Кельтамъ погибнуть и исчезнуть передъ недолимымъ натискомъ Римлянъ и Германцевъ? Не то же ли предназначено и Славянамъ? Момзенъ въ своей исторіи Римской замѣтилъ: „Въ сильномъ круговоротѣ всемірной исторіи, который безжалостно сокрушаетъ всѣ народы некрѣпкіе и негибкіе подобно стали, Кельты не могли долго держаться; достойно и праведно (billig) заслужили Кельты туже долю отъ Римлянъ, которую ихъ соплеменники въ Ирландіи испытываютъ отъ Саксовъ. Судьба ихъ исчезнуть подобно дрожжамъ будущаго развитія въ политически превосходящей ихъ національности“ [2]). Вотъ въ чемъ собственно и заключается тайна главнѣйшаго сходства

---

[1]) Ферстеманнъ въ ст. своей у Куна (I B. l.c.) говоритъ о Кельтахъ: «Ein lange angesessenes bildungsfähiges Culturvolk mit festen Wohnsitzen, mit staatlichen Einrichtungen u. religiosen Anschauungen u. den Grundlagen künstlerischer Bildung konnte seinen Wohnsitz oder wenigstens seine hervorragende Stellung nicht an spätere u. wohl im Ganzen robere Ankömmlinge abtreten, ohne mit einem Theile seiner Cultur zugleich Elemente seiner Sprache den eingewanderten zu übermachen. Проф. Гейдельб. у-та А. Гольцманъ въ 1855 г. выступилъ съ новою теоріею о томъ, что Кельты-Германцы, а Кимры и Галлы не Кельты! Kelten u. Germanen. Eine historische Untersuchung. Stuttgard. 1855. См. рец. Диффенбаха у Куна (IV B. 379 - 398).

[2]) Niebuhr. Röm. Gesch. 2 Aufl. II, 590. Kontzen, Die Wanderungen der Kelten. Leipzig. 1861. 93. Mommsen. Röm. Gesch. 3 Auff III, 284.

Славянъ съ Кельтами; по мнѣнію ученыхъ Нѣмецкихъ Славяне предопредѣлены стать такими же дрожжами для Германіи. При этомъ нельзя не вспомнить того поучительнаго и чувствительнаго возраженія, которое сдѣлалъ на эти слова Момзена одинъ Англійскій рецензентъ его исторіи. „Нѣтъ сомнѣнія, что въ ряду многихъ испытаній завоеваніе служило Промыслу для образованія и воспитанія народовъ. Но какъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ властолюбію и жадности побѣдителей, то мы должны протестовать противъ употребленія фигуръ объ этомъ предметѣ и просить іерофантовъ исторической философіи повременить нѣсколько раздачею общихъ буллъ на завоеваніе всѣмъ тѣмъ *національностямъ*, которыя могутъ себя воображать *политически превосходными*, *высшими* и глядѣть на своихъ слабѣйшихъ сосѣдей, какъ *избранныхъ дрожжами будущаго развитія. Мы рѣшительно не довѣряемъ теоріи, которая назоветъ заслуженною долю Ирландцевъ, испытанною ими отъ Саксовъ.* (We schould decidedly demure to a theory of the matter which would stamp as just the fate which the Jrish have experienced at the hands of the Saxons). Мы совершенно несогласны вмѣсто національной нравственности возвести на престолъ „круговоротъ исторіи“ (Wirbel der Weltgeschichte), какъ верховнаго рѣшителя международныхъ дѣлъ [1]). Къ этому замѣчанію рецензента я позволю себѣ прибавить замѣчанія другого Англійскаго писателя объ Ирландцахъ. Приносящія Англичанамъ великую честь, онѣ служатъ весьма назидательнымъ возраженіемъ всѣмъ тѣмъ писателямъ и ученымъ Нѣмецкимъ, которые называли Славянъ Нѣмецкими дрожжами и сравнивали ихъ съ Кельтами, ободряясь примѣромъ Англичанъ въ Ирландіи. „Какъ ни дурно было, говоритъ Англійскій экономистъ Фауситъ, положеніе рабочихъ классовъ Англіи, оно было безконечно хуже въ Ирландіи. Ни въ какой образованной странѣ масса народа никогда не находилась въ такой отвратительной нищетѣ. Между тѣмъ Ирландія обладаетъ природными средствами для производства большаго богатства. *Въ самомъ дѣлѣ нелѣпо, даже просто нечестно объяснять несчастія Ирландіи естественнымъ превосходствомъ Саксонской расы передъ Кельтскою.* Jt is idle, in fact, it is almost wicked to explain Jreland's misfortunes, by saying that the Celtic is naturally inferior to the Saxon race. Ирландія произвела воиновъ, ораторовъ, государственныхъ людей и мыслителей, которые содѣйствовали прославленію исторіи нашей имперіи. На-

[1]) The Edindurgh Review. 1862. April.

конецъ народъ, гнѣздящійся въ Типерарьевскихъ хижинахъ, обладаетъ такими промышленными дарованіями, что при благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ Ирландцы стали піонерами цивилизаціи въ западномъ мірѣ и главными основателями націи, которая соперничаетъ съ нами въ богатствѣ и благосостояніи. Въ Ирландіи все казалось сложилось для ухудшенія народнаго быта. Землевладѣльцы не жили въ своихъ помѣстьяхъ и никогда не соблюдали обязанностей, соединенныхъ съ землевладѣніемъ. Земля была предоставляема крестьянамъ фермерамъ (cottiers); они не имѣли никакого капитала, за исключеніемъ нѣсколькихъ грубыхъ орудій и скудной утвари ихъ жалкихъ жилищъ. Они не помышляли о томъ, какую ренту сами вызывались платить; единственная ихъ цѣль была получить во владѣніе извѣстный клочокъ земли; ибо они знали, что, какъ бы ни много были они должны помѣщику, у нихъ нѣтъ собственности, которую бы онъ могъ у нихъ отнять, и что онъ долженъ имъ оставить столько картофелю, сколько нужно для ихъ существованія. У нихъ не было побужденій быть трудолюбивыми, потому что, еслибъ они производили нѣчто свыше нужнаго для удовлетворенія первыхъ нуждъ, то оно было бы у нихъ отнято для уплаты недоимокъ. Они женились съ крайнею необдуманностью, а земля, безъ капитала для обработки, постепенно все болѣе и болѣе истощалась. Съ тѣхъ поръ населеніе постоянно умножалось и въ тоже время все болѣе и болѣе истощалась почва, масса же народа все глубже погружалась въ отвратительную бѣдность. Въ 1847 г. вся эта нищета привела къ страшному кризису. Появилась болѣзнь картофеля, который былъ единственною пищею народа, и населеніе уничтожалось ужаснѣйшимъ голодомъ, которое только видѣло новѣйшее время. Въ странѣ оказалось недостаточно пищи для пропитанія населенія, и народу представился неизбѣжный выборъ между немедленною смертью и оставленіемъ родины. Невозможно съ точностью вычислить тѣ десятки тысячь, которые умерли съ голоду; изъ Ирландіи въ Америку началась эмиграція въ такомъ громадномъ размѣрѣ что она только можетъ быть сравниваема съ исходомъ Евреевъ, описаннымъ въ Священномъ Писаніи. Эта эмиграція вскорѣ еще болѣе усилилась, ибо эти переселенцы утвердились въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ земля дешева и трудъ высоко вознаграждается. Весь строй ихъ жизни измѣнился. Люди прежде отличавшіеся безпечностью въ слѣдствіе безнадежной бѣдности, стали теперь благоразумными, какъ только получили возможность копить состояніе. Первый предметъ, на который они посвятили свои сбереженія, состоялъ въ от-

сылкѣ денегъ въ Ирландію для предоставленія средствъ своимъ роднымъ и друзьямъ для эмиграціи. Съ 1847 по 1864 г. они отправили такимъ образомъ не менѣе 10.000,000 ф. стерл. Нѣтъ статистическаго факта болѣе удивительнаго или болѣе поучительнаго. Этимъ путемъ эмиграція такъ была сильно поощрена, что въ двадцать лѣтъ, съ 1841 по 1861, населеніе Ирландіи спустилось съ 8.100,000 на 5.800,000 душъ. Эта эмиграція должна быть разсматриваема, какъ самое счастливое обстоятельство, потому что безъ нея большая часть народа должна была бы пасть жертвою всѣхъ ужасовъ голодной смерти. Нельзя однако отрицать, что событія этихъ немногихъ годовъ составляютъ печальную эпоху въ исторіи нашей націи. Нерѣдко утверждаютъ, что политическая экономія есть наука безсердная; но въ Ирландіи всѣмъ тѣмъ казалось пренебрегали, что могло бы, согласно политической экономіи, пособить производству богатства, и въ результатѣ оказалось абсолютно необходимымъ или погибнуть народу отъ голодной смерти или оставить ему свою родину. Если праведное Провидѣніе управляетъ судьбами народовъ, то мы должны почувствовать, что намъ предстоитъ много потрудиться мыслью и дѣломъ для предупрежденія отмщенія и воздаянія за всѣ претерпѣнныя Ирландіею неправды отъ дурныхъ правителей, раззорявшихъ эту страну. Я вообще содрагаюсь отъ ужаса, когда слышу, что Ирландцевъ позорно описываютъ низкими, невѣжественными и лѣнивыми. Это все равно, что,—выбросивъ дочь на улицу, упрекать ее потомъ, что она стала отребьемъ общества. Нашъ государь сдѣлаетъ хорошо, если, пользуясь каждымъ случаемъ для оказанія самаго нѣжнаго вниманія къ Ирландцамъ, постарается стереть память столь многихъ претерпѣнныхъ ими жестокостей и насилій. Наше законодательство должно озаботиться изслѣдованіемъ и исправленіемъ разныхъ злоупотребленій въ Ирландіи, остатковъ религіозной нетерпимости, а Ирландскіе землевладѣльцы благоразумною щедростью должны исправить обиды прежнихъ временъ, когда люди думали, что есть право, но нѣтъ обязанностей въ связи съ землевладѣніемъ [1]).“ Печальныя происшествія послѣднихъ лѣтъ въ Ирландіи, заботы о ней министерства Гладстона и парламента всего лучше доказываютъ, что огромное большинство Англичанъ принуждено сознать справедливость вышеуказанныхъ мнѣній объ Ирландцахъ. Эти мнѣнія служатъ кажется рѣшительнымъ и строгимъ осужденіемъ тѣхъ Нѣмецкихъ теоретиковъ,

---

[1]) Fawcet. The economic position of the English labourer. 1865. p. 205—208.

которые такъ легкомысленно строятъ свои приговоры о превосходствѣ Германцевъ передъ Кельтами и передъ сходными съ ними, по ихъ мнѣнію, Славянами.

Надлежитъ прибавить, что при описаніи древнихъ Кельтовъ и при опредѣленіи ихъ племенныхъ особенностей, большинство Нѣмецкихъ ученыхъ усердно обставляетъ свои доводы разными ссылками на древнихъ Греческихъ и Римскихъ писателей. Тѣмъ не менѣе вышеупомянутыя ихъ характеристики Кельтовъ въ большей части случаевъ не отличаются особенно строгою научностью и критичностью пріемовъ. Они слишкомъ легко въ этомъ отношеніи довѣряютъ древнимъ, которые, особенно Римляне, по справедливому замѣчанію отличнаго Французскаго Кельтолога Беллоге, въ своихъ отзывахъ о Кельтахъ поражаютъ своею несправедливостью, односторонностью и пристрастіемъ [1]). Беллоге же очень удачно раскрылъ всю некритичность Контцена и нѣкоторыхъ другихъ Нѣмецкихъ ученыхъ въ ихъ строгихъ сужденіяхъ о древнихъ Кельтахъ, упрекаетъ ихъ за insatiable vanité nationale и справедливо однажды восклицаетъ: «O chauvinisme, quand tu t'empares d'un savant, quo non pectora cogis» [2]). Латинскій писатель Авзоній довольно вѣрно выразилъ Римское воззрѣніе на Кельтовъ въ слѣдующемъ двустишіи:

Nemo bonus Brito est,
Aut Brito non est, aut malus est [3]).

---

[1]) Belloguet Roger, B-on de... Ethnogénie Gauloise. III. Le génie gaulois. Paris. 1868. «Ces deux peuples civilisés, говоритъ онъ о Грекахъ и Римлянахъ, qui accusaient les autres de perfidie, ne se piquaient point entre eux et avec ces mêmes barbares, d'une foi beaucoup meilleure. Les Romains particulièrement commirent envers les Gaulois mêmes des crimes, qui effacaient toutes leurs trahisons, comme l'horrible assassinat d'un suppliant boien, raconté par T. Live XXXIX—42. et l'enlèvement du roi Bituitus. On sait de quelle manière le plus clément de leurs grands hommes traita nos malheureux Vénètes, et comme la nation entière des Senons fut exterminée par Dolabella (il fit égorger sur tout le territoire, et sans exception tous les enfants des Sénos tombés en son pouvoir). Aussi, pensé-je que si les Celtes ont jamais écrit leur histoire, la cruauté romaine devait y être entourée d'une notoriété non moins proverbiale, tout comme celle que la foi latine aurait sans doute obtenue, a-t-on dit, en place de la *foi punique*, si les livres des Carthaginois étaient seuls parvenus jusqu'à nous. En deux mots, il n'est guère d'exemples d'atrocité ou de perfidies gauloises, dont l'histoire grecque ou romaine n'offre des équivalents. (pag. 14). О противурѣчіяхъ древнихъ писателей см. тамже, pag. 31—34.

[2]) Belloguet—III, 30, 106.

[3]) Не лучше глядѣли древніе на Германцевъ. Веллей Патеркулъ говоритъ про Вара: «Js cum exercitui, qui erat in Germania, praeesset, concepit esse homines, qui nihil praeter vocem membraque haberent hominum, quique gladiis domari poterant, posse jure mulceri». (II, c. CXVII).

Сходство многихъ средневѣковыхъ и даже новѣйшихъ Нѣмецкихъ отзывовъ о Славянахъ съ мнѣніемъ Авзонія о Кельтахъ могло дѣйствительно нѣкоторыхъ ученыхъ привести къ сравненію Кельтовъ съ Славянами, а Германцевъ съ Римлянами. Какъ бы то ни было, только готовность нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ ученыхъ съ довѣріемъ принимать всѣ показанія древнихъ о Кельтахъ представляется тѣмъ менѣе критичною и научною, что огромное большинство Германистовъ описываютъ древнихъ Германцевъ съ самыми невѣроятными добродѣтелями и небывалыми доблестями, на которыя часто не встрѣчается никакихъ указаній или намековъ у древнихъ, даже у самого Тацита, который въ поученіе и укоръ Римскому обществу изображалъ ихъ въ идеальномъ видѣ, и между прочимъ совершенно обходятъ и умалчиваютъ о свидѣтельствахъ Страбона, Велейя Патеркула, Иродіана, Секста Эмпирика, Прокопія, нерѣдко представляющихъ Германцевъ вовсе не лучше Кельтовъ и прямо указывающихъ на глубокую порочность и противуестественность нѣкоторыхъ ихъ обычаевъ и нравовъ [1]), на ихъ коварство, недобросовѣстность и лживость, на ихъ кровожадность, жестокость и алчность къ деньгамъ [2]).

Опровергая важнѣйшіе ходячіе доводы въ пользу ученія объ естественномъ, врожденномъ и исконномъ превосходствѣ однѣхъ расъ передъ другими, одинъ Французскій писатель, Сюдръ представилъ однажды весьма дѣльныя соображенія. „Мы видѣли, говоритъ онъ, что Кельты натыкали на колья черепа своихъ непріятелей. Я от-

---

1) Sext. Empir. Opera Graece et Latine... Lipsiae. MDCCVIII. Pyrrhon. hypotypos. l. III. c. 24. Apud nos quidem turpe, imo vero etiam nefarium habetur, mascula Venere uti: apud Germanos autem (ut fertur) turpe non est, sed unum ex iis quae usu recepta sunt. Фабрицій наивно замѣчаетъ: Nolim autem haec de Germanis nostris intelligere, quorum castitas et pudicitia, prae ipsis Romanis laudata Tacito aliisque... Онъ предлагаетъ читать вм. *Germanois-Karmanois*. Новѣйшіе Германисты очевидно съ Фабриціемъ соглашаются и продолжаютъ восхищаться die Keuschheit de Germanen, ссылаясь по обыкновенію на Тацита Germ. c. 18. Диффенбахъ даже замѣчаетъ прямо: Aber selbst die blut-und beute-gierigsten Schaaren der Deutschen frohnten nur dem einen jener zwei entadelnden Hauptlaster, welche beide den transalpinen Galliern nachgesagt wurden: nämlich dem Trunke, nicht den geschlechtlichen Ausschweifungen. (Origines Europaee, Frankfurt a M. 1861. S. 198). Прокопій говоритъ про Геруловъ: «in vicinos grassantur adeo profecta cupiditate, ut nullum pudorem capiant ex facinore. Nefandos sectantur coitus, etiam virorum ac pecudum. Improbissimi sunt mortalium omnium et mali male perdendi. De b. Goth. II, c. XIV.

2) M. Vell. Paterc. II, c. CXVIII. in summa feritate versutissimi natumque mendacio genus, simulantes fictas litium series et nunc provocantes alter alterum injuriis, nunc agentes gratias, quod ea Romana justitiafiniret feritasque sua novitate incognitae dis-

крываю Салическую правду и нахожу въ ней слѣдующее мѣсто: „Если свободный человѣкъ отрубитъ голову своему непріятелю и помѣститъ ее на шестъ передъ своимъ домомъ и если кто нибудь, безъ его согласія, сниметъ эту голову, то наказывается пенею въ 600 динаріевъ“. Германцы дѣлали еще лучше: они скальпировали живыхъ враговъ и дѣлали себѣ чаши изъ ихъ череповъ. Въ Эддѣ, въ Нибелунгахъ только и идетъ дѣло у героевъ о питьѣ изъ непріятельскихъ череповъ да о поднесеніи имъ на блюдахъ трепещущихъ сердецъ ихъ враговъ. Первая изъ этихъ поэмъ представляетъ намъ героиню Гудруну, которая умерщвляетъ Аттилу послѣ того, какъ она подала ему съѣсть двухъ его сыновей, кузнеца Виланда, убивающаго дѣтей Нидура для выдѣлки изъ череповъ кубковъ въ подарокъ ихъ отцу. Въ Нибелунгахъ Кримгильда мучитъ и убиваетъ своихъ враговъ собственноручно. Въ глубинѣ души этихъ героевъ и этихъ женщинъ или лучше этихъ Германскихъ и Скандинавскихъ фурій, всегда почти сокрыта самая подлая страсть, алчность, составляющая главный двигатель самыхъ жестокихъ дѣяній, самыхъ низкихъ предательствъ. Отыскиваніе клада составляетъ завязку этихъ ужасныхъ драмъ. Жажда золота, крови и безстыдныя страсти, вотъ, судя по этимъ слишкомъ хваленымъ поэмамъ, основа Германскаго характера. Исторія слишкомъ вѣрно соотвѣтствуетъ этимъ грязнымъ вымысламъ. Разрушеніе и разграбленіе Римской имперіи, домашнія убійства, истребившія семью Ѳеодорика и родъ Меровея, умерщвленіе Атаульфа и его дѣтей, Лонгобардъ Албоинъ, заставляющій свою

---

ciplinae mitesceret et solita armis discerni jure terminarentur. Иродіанъ (ad an. 235 in Alex.) называетъ Германцевъ жадными до денегъ (phylargyri). На то же указываютъ и средневѣковые отечественные источники. Такъ Гельмольдъ (I, 68): In variis expeditionibus (герц. Генриха 1149), quas adhuc adolescens in Sclaviam profectus exercuit, nulla de christianitate fuit mentio, sed tantum de pecunia.—Онъ же (I, 16): Dux Bernhardus gentem Winulorum per avaritiam crudeliter opprimens, ad necessitatem paganismi coëgit. На avaritia Saxonum жалуются и Гельмольдъ и раньше его Адамъ Бременскій, (hist. eccl. l. III, c. 25): Audivi, cum veracissimus rex Danorum sermocinando replicaret, populos Slavorum jam dudum procul dubio facile converti posse ad christianitatem, nisi Saxonum obstitisset avaritia, quibus, inquit, mens pronior est ad pensiones vectigalium, quam ad conversionem gentilium. Nec attendunt miseri, quantum suae cupiditatis luant periculum, qui christianitatem in Slavonia primo per avaritiam turbaverunt, deinde per crudelitatem subjectos ad rebellandum coëgerunt, et nunc salutem eorum, qui credere vellent, pecuniam solum exigendo, contemnunt. Для Славянъ Полабскихъ принятіе христіанства было однозначительно съ платою податей Саксамъ—«christianitatis titulum resumere aut tributa solvere Saxonum principibus (Helm. I, 25).

жену Роземунду выпить изъ черепа ея отца, свирѣпства Фредегонды, разгулъ Дагоберта и Клотаря свидѣтельствуютъ, какъ глубоко коренились въ сердцахъ варваровъ жестокія, грабительскія и развратныя побужденія. Робертсонъ и еще недавнѣе знаменитый авторъ исторіи образованности во Франціи (Гизо) подробно сравнивали нравы и обычаи древнихъ Германцевъ съ нравами и обычаями нынѣшнихъ дикихъ народовъ. Эти любопытныя сопоставленія выясняютъ совершенное тождество обычаевъ, вѣрованій, чувствъ бѣлыхъ дикарей и варваровъ съ варварами, принадлежащими къ другимъ разновидностямъ человѣческаго рода. Мы достаточно кажется показали, что въ отношеніи нравственности, бѣлые, какъ въ состояніи варварства, такъ и при развитіи цивилизаціи, не имѣютъ никакого преимущества передъ своими братьями темнокожими" [1]). Къ этимъ замѣчаніямъ не мѣшаетъ прибавить, что въ средневѣковой и даже новой исторіи Германіи, особенно такъ называемой восточной Германіи или правильнѣе въ исторіи Нѣмцевъ въ западныхъ окраинахъ Греко-Славянскаго міра, особенно въ исторіи Нѣмецкихъ рыцарей въ Пруссіи и нашихъ *Божьихъ дворянъ* въ Ливоніи [2]) содержится великое множество разнообразныхъ данныхъ, дополняющихъ наиболѣе обходимыя и пропускаемыя нашими Германистами вышеупомянутыя древнія свидѣтельства о Германцахъ, которыя блистательно подтверждаютъ мнѣнія о нихъ Робертсона,

---

[1]) Sudre, Alfr. D'une nouvelle philosophie de l'histoire. La Doctrine des races. (Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. Paris. 1859. t. XLIX. p. 137 et 347, t. L. p. 59 et 199) t. L. p. 208—209. Сюдръ не авторитетъ и не великое имя въ наукѣ, но онъ говоритъ, какъ мнѣ кажется, правду, и потому я въ этомъ случаѣ на него ссылаюсь. Прекрасно объ этомъ же говоритъ Виртъ въ предисловіи къ исторіи Нѣмцевъ (1842, с. 42): «Wie würde die Urgeschichte der Deutschen bisher behandelt? Wenig anders als reine dichterische Idylle! Die älteste Verfassung der Deutschen war der Ausdruck wahrer Barbarei und Unmenschlichkeit, die späteren Gegensätze des Adels u. des Bürgerthums waren dortmals noch ungleich schroffer u. greller ausgebildet, die Sitten aber roh u. wild; und dieser Zustand, der bei wahrer, quellenmässiger Auffassung abwechselnd nur Schauder, Abscheu u. Zorn erregt, wurde uns als das Bild reinster Freiheit und Sittlichkeit vorgeführt. Ich muss leider bekennen, dass ich, irregeleitet von den beliebtesten Geschichtsschreibern, früher selbst diesen grossen Irrthum theilte und weiter verbreitete; doch eben darum mahnt die Pflicht um so dringender, das unwahre Phantasiebild endlich gründlich zu zerstören, und allen Täuschungen, welche daran sich knüpfen, ein Ziel zu setzen». Заимствуемъ это указаніе на Вирта у Палацкаго (Dějiny nar. Cesk. Praha. 1848. I. 180).

[2]) Для первоначальнаго знакомства съ ними совѣтуемъ прочесть— Меркеля Латыши особливо въ Ливоніи (Чт. М. Общ. Ист. 1870. I).

Гизо, Озанама, Сюдра, Галлама, Маколея и многихъ другихъ Французскихъ и Англійскихъ писателей и ученыхъ, какъ историковъ, такъ и этнологовъ. Обыкновенно Нѣмецкая критика отвергаетъ эти мнѣнія, усматривая въ нихъ отсутствіе глубокомыслія, Французскую легкость и поверхностность, Англійскую неспособность подняться надъ грубымъ фактомъ, недостатокъ чистой объективности, строгой критики и научнаго безпристрастія. Любопытно также, что иногда тѣ же Нѣмецкіе критики или писатели, ими похваляемые за строгую научность и объективность, чистый критицизмъ и безпристрастіе, встрѣчая у Византійскихъ, Арабскихъ и средневѣковыхъ Латинско-Нѣмецкихъ писателей свидѣтельства о Славянахъ, болѣе или менѣе сходныя съ свидѣтельствами древнихъ о Кельтахъ и Германцахъ, поступаютъ въ этомъ случаѣ совершенно также со Славянами, какъ съ Кельтами и совершенно иначе чѣмъ, съ Германцами. Напрасно позабывъ, что всѣ эти темныя дѣла и низкія свойства, дурные нравы и обычаи, съ изобиліемъ, иногда даже въ сильнѣйшей степени, попадаются въ древней, средней и новой исторіи Германіи, наши строгіе Нѣмецкіе цѣнители и судьи приходятъ часто въ непонятный ужасъ и въ совершенно излишнее удивленіе отъ Славянской грубости и испорченности, какъ будто прямые потомки столь чтимыхъ и прославляемыхъ ими дѣдовъ и прадѣдовъ въ первый разъ, лишь по знакомствѣ съ Славянами, увѣдали о темныхъ и слабыхъ сторонахъ человѣчества. При той теплой вѣрѣ, которая согрѣваетъ столь многихъ Нѣмецкихъ ученыхъ въ ихъ непогрѣшимость, при томъ почитаніи, которое распространено въ Германіи къ ея жрецамъ науки, при суевѣріи Нѣмецкаго общества, постоянно поддерживаемомъ литературою, будто бы чистая объективная критика и строго-научное безпристрастіе составляютъ исключительную принадлежность одной Нѣмецкой науки, при уродливомъ развитіи, по сознанію самихъ умныхъ Нѣмцевъ, книжнаго производства (Büchermacherei), при которомъ искусственно размножается безплодное резонерство и схоластическое сплетеніе голыхъ абстрактныхъ понятій, къ которымъ и безъ того наклоненъ Германскій умъ, при политическомъ положеніи Германіи, мѣшающемъ Нѣмцамъ принимать дѣятельное участіе въ міровыхъ событіяхъ, Нѣмецкое національное чувство ударилось преимущественно въ археологію и исторію, такъ что самъ Нѣмецкій патріотизмъ обратился собственно въ патріотизмъ археологическій, книжный и абстрактный, при всѣхъ этихъ условіяхъ весьма естественно, что сходство пріемовъ Нѣмецкихъ ученыхъ при опредѣленіи племенныхъ и историческихъ осо-

бенностей Кельтовъ и Славянъ и несходство съ этими пріемами пріема, употребляемаго при опредѣленіи особенностей Германцевъ, весьма много содѣйствовало распространенію и утвержденію въ Нѣмецкомъ обществѣ и литературѣ мнѣнія о сходствѣ Славянъ съ Кельтами. Впрочемъ мы не хотимъ этимъ сказать, что нельзя отъискивать и находить нѣкоторыя сходства этихъ племенъ, особенно въ отличіе ихъ отъ Германцевъ. Мы только хотѣли показать, что приведенныхъ Нѣмецкихъ сужденій (Нибура, Контцена, Момзена и др.) нельзя считать окончательными и вполнѣ доказанными. Мы уже упомянули о значительномъ разногласіи въ этомъ отношеніи Кельтологовъ Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ и указали на извѣстнаго знатока барона Роже де Беллоге. Укажемъ теперь на другаго Французскаго ученаго, котораго тонкая наблюдательность и блестящій даръ изложенія въ соединеніи съ познаніями и ученостью высоко поставили въ ряду ученыхъ не одной Франціи. Знаменитая характеристика Арійцевъ и Семитовъ Ренана,—я говорю о немъ,—справедлива она или нѣтъ или въ какой степени—это другой вопросъ,—нашла себѣ большихъ поклонниковъ въ Англіи и Германіи. Поэтому нельзя кажется пренебрегать попыткою Ренана опредѣлить племенныя особенности Кельтовъ, и трудно не признаться, что его замѣчанія о нихъ идутъ изъ живаго знакомства съ живымъ предметомъ, — Ренанъ самъ Кельтъ родомъ;—это не голыя абстрактныя схемы, предварительно выдуманныя ad majorem Germaniæ gloriam, съ коими мы уже ознакомились выше. Во всякомъ случаѣ статья Ренана „La poésie des races celtiques не можетъ быть оставляема безъ вниманія, когда идетъ рѣчь о племенныхъ особенностяхъ Кельтовъ. По мнѣнію этаго писателя, одна изъ главныхъ чертъ современныхъ Кельтовъ заключается въ сосредоточенности ихъ природы. „Безконечная тонкость чувства, отличающая Кельтскую расу, тѣсно связана съ ея потребностью въ сосредоточеніи. Натуры, мало раскрывающіяся, всегда чувствуютъ наиболѣе глубоко; ибо чѣмъ глубже чувство, тѣмъ оно меньше стремится къ обнаруженію. Отсюда эта прелестная скромность, какая то прикрытость, сдержанность и изящество, такъ живо проявляющіяся въ пѣсняхъ сборника Вильмарке, и столь далекія и отъ сродной племенамъ Латинскимъ риторичности чувства, и отъ напускной наивности Нѣмцевъ. Наружная сдержанность Кельтовъ, которую часто принимаютъ за холодность, зависитъ отъ этой внутренней робости, заставляющей думать, что чувство высказанное теряетъ половину своей силы и что сердце

не нуждается въ постороннихъ зрителяхъ. Если бъ было позволено назначать полъ народамъ, какъ отдѣльнымъ лицамъ, то слѣдовало бы не колеблясь сказать, что Кельтская раса, особенно въ Кимрической или Бретонской отрасли, есть существенно женская. Полагаю, что ни одно племя человѣческое не внесло въ любовь столько таинственности. Ни одно не задумывало съ большимъ изяществомъ женскаго идеала и не находилось подъ столь сильнымъ его вліяніемъ. Это родъ опьяненія, съумасшествія, головокруженія... Женщина въ поэзіи Кельтской является, какъ родъ неяснаго видѣнія, посредникомъ между человѣкомъ и міромъ сверхъестественнымъ... Сравните Женьевру и Изольду съ этими Скандинавскими фуріями Гудруною и Кримгильдою, и вы согласитесь, что рыцарскій идеалъ женщины, этотъ идеалъ нѣжности и красоты, какъ высшая цѣль жизни,—не есть созданіе ни классическое, ни христіанское, ни Германское, а чисто Кельтское..." Далѣе Ренанъ отмѣчаетъ въ Кельтахъ „глубокое чувство будущности и вѣчныхъ судебъ" своей расы, вслѣдствіе чего они все еще кажутся юными въ сравненіи съ ихъ состарѣвшимися завоевателями... „Въ идеальныхъ созданіяхъ Кельтовъ сравнительно съ Германскими съ перваго разу поражаетъ та чрезвычайная мягкость нравовъ, которая въ нихъ сказывается. Тутъ нѣтъ страшныхъ мщеній, наполняющихъ Эдду и Нибелунги. Сравните Кельтскаго и Германскаго богатыря, напр. Передура и Беовульфа. Какое различіе! Здѣсь весь ужасъ отвратительно кровожаднаго варварства, опьянѣніе убійствомъ, безкорыстный, если можно сказать, вкусъ къ разрушенію и смерти; тамъ напротивъ глубокое чувство справедливости, сильное, правда, увлеченіе индивидуальною гордостью, но вмѣстѣ большая потребность въ самопожертвованіи, строгая законность. Человѣкъ тиранническій, *черный человѣкъ*, является тамъ, какъ у Омира Лестригоны и Киклопы, только для внушенія ужаса противуположностью нравамъ болѣе мягкимъ. Это почти тоже, что *злой человѣкъ* въ наивномъ воображеніи ребенка, воспитаннаго матерью въ страхѣ Божьемъ. Первобытный Германецъ возмущаетъ насъ своею безпредметною грубостью (brutalité), этою любовью ко злу, которая дѣлаетъ его умнымъ и сильнымъ только для ненависти и вреда. Богатырь Кимрскій напротивъ въ своихъ странныхъ уклоненіяхъ всегда руководится привычками благоволенія и живого сочувствія къ существамъ слабымъ. Это чувство одно изъ самыхъ глубокихъ у народовъ Кельтскихъ. Они имѣли даже жалость къ самому Іудѣ. Св. Бранданъ встрѣтилъ его на скалѣ посреди полярныхъ морей;

онъ проводитъ тамъ одинъ день въ недѣлю, прохлаждаясь отъ адскаго огня; сукно, поданное имъ въ милостыню одному зараженному, виситъ передъ нимъ и умѣряетъ его страданія.“ — Говоря о рыцарской поэзіи Европы XII в., Ренанъ указываетъ на вліяніе Кельтское, какъ въ представленіи женскихъ характеровъ, такъ и въ изображеніи чистой, цѣломудренной любви [1]). Наконецъ знаменитый Французскій ученый отмѣчаетъ, какъ любопытное явленіе, удивительно быстрое распространеніе христіанства у Кельтовъ. „Бретань и Ирландія вмѣстѣ едва ли насчитаютъ двухъ, трехъ мучениковъ; они чтутъ, какъ мучениковъ, тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые были убиты во время набѣговъ Англо-Саксонскихъ и Датскихъ. Тутъ во очію проявляется глубокое различіе между Кельтами и Германцами. Германцы приняли христіанство такъ сказать вопреки себѣ, по расчету или по принужденію, послѣ кровопролитнаго сопротивленія и при страшныхъ возстаніяхъ. Дѣйствительно многими своими сторонами христіанство было антипатично ихъ природѣ, и можно понять сожалѣнія чистыхъ Германистовъ, которые еще теперь упрекаютъ новую вѣру за то, что она испортила ихъ предковъ. Не то было у Кельтовъ; это небольшое племя было естественно христіанское. Не искажая и не отымая у нихъ какихъ либо качествъ, христіанство только развило ихъ и усовершенствовало. Сравните легенды тѣхъ и другихъ о введеніи въ ихъ странахъ христіанства, напримѣръ Кристни-Сагу и прекрасныя легенды Люція и св. Патрикія. Какое различіе! Въ Исландіи первые апостолы суть пираты, случайно обращенные, то служащіе обѣдню, то убивающіе своихъ враговъ, то принимающіеся за свой морскій промыслъ: все у нихъ улаживается и творится безъ серьезной вѣры. Въ Ирландіи и Бретани благодать дѣйствуетъ черезъ женщинъ, черезъ какую то прелесть чистоты и кротости. Возмущеніе Германцевъ противъ христіанства никогда не было вполнѣ подавлено; никогда они не забывали насильственныхъ крещеній и Карловингкихъ миссіонеровъ съ мечемъ въ рукѣ, пока наконецъ германизмъ не взялъ своего и пока Лютеръ черезъ семь вѣковъ не откликнулся Витикинду. Кельты напротивъ того уже съ третьяго вѣка отличные христіане. Для Германцевъ христіанство долгое время

---

1) Est-ce dans l'Edda et dans les Niebelungen, au milieu de ces redoutables emportements de l'égoisme et de la brutalité, qu'on trouvera le germe de cet esprit de sacrifice, d'amour pur, de dévouement exalté, qui fait le fond de la chevalerie? „(Renan, Essais de morale et de critique. Paris. 1859. p. 414).“

было извнѣ имъ навязаннымъ Римскимъ учрежденіемъ. Они вступили въ церковь какъ бы для ея возмущенія и съ большимъ трудомъ успѣли образовать себѣ національное духовенство [1]). Къ Кельтамъ напротивъ христіанство пришло не изъ Рима; они имѣютъ свое туземное духовенство, свои собственные обычаи. Они принимаютъ его изъ перваго источника. Въ самомъ дѣлѣ несомнѣнно, что еще во времена апостольскія христіанство было проповѣдуемо въ Бретани, и многіе историки полагали небезъосновательно, что оно было принесено ими іудействующими христіанами или учениками св. Іоанна. Повсюду въ другихъ мѣстахъ христіанство встрѣтило, какъ первый слой, Греческую или Римскую цивилизацію. Здѣсь оно нашло свѣжую почву, аналогическій себѣ характеръ, естественно готовый къ его воспринятію [2]).“ Превосходно, хотя и неполно охарактеризовавъ

---

[1]) Совершенно противное говоритъ В. Гизебрехтъ (Gesch. d. deutsch. Kaiserzeit. 2 Aufl. Braunschweig. 1860. I. 51 и слѣд.). Ренанъ очевидно впадаетъ въ противоположную крайность, идеализуя своихъ Кельтовъ. Древніе языческіе Кельты были также грубы и жестки, какъ и древніе Германцы. О православіи въ Ирландіи см. замѣчательную статью Д. Валуева Христіанство въ Абиссиніи. (Ист. и Стат. Сборн. Москва. 1845. I, 286 сл.).

[2]) Вотъ еще нѣсколько замѣчаній Ренана о первоначальной церкви у Кельтовъ. „Peu de chrétientés ont offert un idéal de perfection chrétienne aussi pure, que l'église celtique aux 6, 7, 8 siécles. Nulle part peut-être Dieu n'a été mieux adoré en esprit que dans ces grandes cités monastiques de Hy ou d'Iona, de Bangor, de Clonard, de Lindisfarne... L'Irlande surtout dut offrir dans ces siécles reculés une physionomie religieuse tout à fait à part, et qui paraitrait singulièrement originale, s'il était donné à l'histoire de la revéler tout entière. En voyant aux 6, 7 et 8 siècles, ces légions des saints Irlandais, qui inondent le continent et arrivent de leur ile apportant avec eux leur opiniâtreté, leur attachement à leurs usages, leur tour d'esprit subtil et réaliste; en voyant jusqu'au 12 siècle les Scots (c'est le nom que l'on donnait aux Irlandais) servir de maîtres en grammaire et en littérature à tout l'Occident, on ne peut douter que l'Irlande, dans la première moitié du moyen âge, n'ait été le théatre d'un singulier mouvement religieux. Philologues studieux et hardis philosophes, les moines hibernais furent surtout des copistes infatigables, et c'est en partie grâce à eux, que le travail de la plume devint une oeuvre sainte. Columba, averti secrètement que sa dernière heure est proche, achève une page de psautier qu'il a commencée, écrit au bas qu'il lègue la continuation à son successeur, puis s'en va à l'église pour mourir.—Le gout des moines hibernais pour les pérégrinations maritimes à travers l'archipel, tout peuplé de monastères, des mers d'Ecosse et d'Irlande; le souvenir de navigations plus lointaines encore dans les mers polaires, fournirent le cadre de cette étrange composition (la légende de St. Brandan), si riches d'impressions locales. Pline nous apprend que déjà de son temps les Bretons aimaient à se hasarder en pleine mer pour chercher des îles inconnues; M. Letronne a prouvé qu'en 795, soixante cinq ans par conséquent avant les Danois, des moines irlandais abondèrent en Irlande et s'établirent sur le littoral. Les Danois trouvèrent dans cette île des livres irlandais, des cloches; les noms de plusieurs localités attestent encore

заслуги Кельтовъ, особенно Ирландцевъ, въ дѣлѣ распространенія христіанства въ Европѣ, предпріимчивый духъ Ирландскихъ иноковъ и ихъ страсть къ морскимъ путешествіямъ, Ренанъ указываетъ на вѣроятный домыслъ о томъ, что они, 65 годами раньше Датчанъ проникшіе въ Исландію, прежде Скандинавовъ ознакомились съ Америкою. Также удачно очертилъ Ренанъ характеръ Ирландскихъ церковныхъ легендъ и выяснилъ значеніе знаменитѣйшей изъ нихъ „Чистилище св. Патрикія", имѣвшей большое вліяніе на Божественную комедію Данта. Въ заключеніе Ренанъ выражаетъ мысль, что Кельты еще не сказали своего послѣдняго слова. „Немногія племена, говоритъ онъ, подобно Кельтамъ имѣли такую полную поэтическую юность; миѳологія, лирика, эпосъ, романическое воображеніе, религіозный энтузіасмъ, все было у нихъ; почему бы оказался у нихъ недостатокъ размышленія (reflexion)? Германія, начавшая наукою и критикою, кончила поэзіею; почему Кельты, начавшіе съ поэзіи, не кончили бы критикою? Отъ одной до другой не такъ велико разстояніе, какъ думаютъ; племена поэтическія суть племена философскія, и философія есть въ сущности такой же поэтическій видъ, какъ и другіе. Когда подумаешь, что Германія менѣе столѣтія назадъ нашла откровеніе своего духа, что цѣлыя народности, казавшіяся стертыми, поднялись внезапно въ наши дни болѣе живучими, чѣмъ когда либо, легко убѣдиться, что смѣло предписывать законы упадку и пробужденію племенъ, и что новѣйшая цивилизація, созданная, казалось, для ихъ поглощенія, можетъ только будетъ ихъ общимъ расцвѣтомъ".

Мы приводили эти замѣчанія и мысли Ренана, дабы показать, что приведенныя мнѣнія Нѣмецкихъ ученыхъ о томъ племени, съ которымъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, Славяне имѣютъ наиболѣе сходства, еще нельзя считать послѣднимъ словомъ науки. Контценъ и другіе упрекаютъ Кельтовъ въ недостаткѣ глубины. Ренанъ называетъ натуру Кельта глубокою. Такое разногласіе можетъ конечно происходить и отъ разности взглядовъ на глубину духа вообще. Характеризуя древнихъ и нынѣшнихъ Итальянцевъ, Момзенъ нашелъ тѣхъ и другихъ племенемъ мало-поэтическимъ и художественнымъ, сравнительно съ древними Эллинами и новыми

---

le séjour de ces moines, désignés du nom de *papae* (pères). Aux îles Faeroë, dans les Orcades et les îles Shetland, dans tous les parages en un mot des mers du Nord, les Scandinaves rencontrèrent avant eux ces *papae*, dont les habitudes contrastaient si étrangement avec les leurs. (Ibid.).

Германцами. „Итальянецъ, по его словамъ, не знаетъ страстей сердца, стремленія идеализировать все человѣческое и олицетворять неодушевленное... Итальянцу не досталась въ удѣлъ область внутренняя въ искусствѣ (das innerliche Gebiet)“ [1]). На эти слова знаменитаго ученаго, его Англійскій рецензентъ въ Эдинбургскомъ обозрѣніи замѣтилъ удачно: „дабы сказать, что произведенія Рафаэля и Фра Анджелико не принадлежатъ къ *области внутренняго въ искусствѣ*, по истинѣ надобно помѣщать эту *внутренность въ искусствѣ* (inward in art) слишкомъ глубоко въ духѣ человѣческомъ“. Быть можетъ такимъ же образомъ и Ренану показалась глубокою природа Кельта, которая, по мнѣнію Контцена и др., совершенно не имѣетъ глубины (ohne Tiefe des Gemüthes). Впрочемъ тутъ возможно и другое предположеніе. Быть можетъ Нѣмецкіе ученые ошибаются въ своей характеристикѣ Кельтовъ. Какъ ни смѣла такая догадка, но она въ высшей степени позволительна: у нихъ встрѣчаются же ошибки въ характеристикѣ самихъ Германцевъ, о превосходствѣ коихъ надъ всѣми другими племенами, Кельтами, Романцами, Славянами и проч., они любятъ распространяться съ такою завидною увѣренностью и съ полнымъ повидимому знаніемъ дѣла, т. е. и своего племени, и всѣхъ другихъ, съ нимъ сравниваемыхъ племенъ. Такъ извѣстные Германскіе ученые и писатели, Лео, Клеммъ, Риль, Андрее и др., видятъ въ Германцахъ элементъ мужественный, а въ Славянахъ женственный. Но столь же извѣстный Германскій ученый Фёрстеманнъ и др. видятъ въ Германцахъ природу женственную. Очевидно, тутъ кто нибудь да ошибается. Вотъ почему я и позволяю себѣ предполагать возможность нѣкоторыхъ ошибокъ въ ученыхъ Нѣмецкихъ характеристикахъ Кельтовъ, а также и Славянъ, которыхъ уподобляютъ Кельтамъ.

Высокая образованность православныхъ Ирландскихъ обителей и великія заслуги ихъ иноковъ въ просвѣщеніи западной и средней Европы, равно какъ вліяніе Кельтской поэзіи на средневѣковую словесность Романо-Германскихъ народовъ показываютъ также, что Кельтская стихія была важнымъ участникомъ въ средневѣковой Европейской образованности, которую многіе Нѣмецкіе ученые и писатели такъ любятъ называть и тоже ошибочно, исключительно христіански-Германскою или Нѣмецкою — christlich-germanische Welt, christlich-germanische, christlich-deutsche Bildung. Нельзя въ

---

[1]) Mommsen Röm. Gesch. 3-te Auflage. I, 215—216. См. объ этомъ мою статью: «Національности Итальянская и Славянская въ пол. и лит. отнош. Спб. 1865.

самомъ дѣлѣ не видѣть большой односторонности, преувеличенія и пристрастія въ желаніи присвоить однимъ Германцамъ, своему лишь племени, всю западную христіанскую образованность и въ умолчаніи о Кельтахъ и Романцахъ. Впрочемъ могутъ сказать, что Франція тутъ напримѣръ подразумѣвается, такъ какъ романизованная Галлія была завоевана Германскими Франками, Бургундами и пр., тоже и Испанія и Италія, объ Англіи же нечего и говорить, ибо извѣстно, что Англичане, потомки Англо-Саксовъ, суть чистые Германцы и что слѣдовательно Кельты племя погибшее, послужившее дрожжами Германцевъ, почему ихъ и сравниваютъ съ Славянами.

Согласимся пока, что Кельтская раса почти исчезла и сохраняется только въ Ирландіи, Шотландіи, Валлисѣ, Бретани и пр., только тамъ, гдѣ говорятъ еще по Кельтски, словомъ положимъ, что область Кельтская тождественна съ областью Кельтскихъ нарѣчій и говоровъ. Признаемъ такимъ образомъ, что языкъ и раса есть одно и тоже, и что слѣдовательно Негры въ Вестъ-Индіи или Америкѣ, говорящіе только по Англійски, суть уже Англичане, Англо-Саксы, а не Негры.

Возьмемъ такихъ Кельтовъ. Очевидно ихъ имѣли въ виду ученые Нѣмецкіе, уподобляя имъ Славянъ, это второе неисправленное, но болѣе удобное къ употребленію изданіе Кельтовъ. Очевидно нашихъ ученыхъ соблазнило желаніе провести лестную аналогію и параллель Германіи съ древнимъ Римомъ или нынѣшнею Великобританіею. Въ такомъ случаѣ Славянъ надо было уподобить Кельто-Иберамъ, Галламъ, Бриттамъ или Ирландцамъ. Нетрудно замѣтить, что и такое сравненіе сдѣлано въ высшей степени не впопадъ, крайне неловко и неумѣло. Правда, площадь Испаніи и Франціи гораздо больше Италіи, какъ площадь Славянская больше Германіи, но все же однако не въ такой степени; да и держава Римская, когда завоевала Кельтскія страны, уже не заключалась въ одной Италіи. Какъ ни разъединены и ни слабо еще вооружены современные Славяне для примѣрной борьбы съ Германіею, однако они и не такъ уже беззащитны и слабы, какъ были Кельты передъ завоевательнымъ Римомъ. Численныя отношенія Кельтовъ къ Римлянамъ также иныя, чѣмъ Славянъ къ Германіи. Относительно характера борьбы Рима съ Кельтами, времени ея продолженія и ея результатовъ, точно также замѣчается огромная ея разница съ борьбою Германіи со Славянами. Въ IV в. до Р. Х. (389, 369, 361, 360, 352) начались и велись войны Кельтовъ съ Римомъ. Они

еще долго оставались опасными Риму, особенно, какъ союзники другихъ его непріятелей. Въ слѣдующемъ столѣтіи они начали уже терпѣть отъ Рима жестокія пораженія (при Сентинѣ 295 г., при Теламонѣ 225 г., при Кластидіѣ 222 г.). Въ 58 — 51 г. до Р. Х. Цесарь уже завоевываетъ Галлію, и въ первое столѣтіе до Р. Х. Испанія, Галлія, часть Британіи становятся покорными Римскими провинціями, и огромнѣйшее большинство Кельтовъ является уже народомъ побѣжденнымъ, во всякомъ случаѣ Риму нестрашнымъ и неопаснымъ. Въ три съ половиною, въ четыреста лѣтъ Римъ совершенно покончилъ свою борьбу съ Кельтами, выйдя изъ нея рѣшительнымъ побѣдителемъ. Что же, спрашивается, во всемъ этомъ похожаго на борьбу Германіи со Славянами, которая продолжается вотъ уже слишкомъ полторы тысячи лѣтъ, такъ какъ ее можно начинать съ господства Готовъ въ южной Россіи и съ освобожденія отъ нихъ Славянъ съ помощью Гунновъ. Безспорно Славяне много потерпѣли отъ Нѣмцевъ пораженій, принуждены были имъ уступить нѣсколько земель изъ отобранныхъ ими нѣкогда отъ Нѣмцевъ. Но какъ же незначительны, мелки, ничтожны всѣ эти побѣды Нѣмцевъ надъ Славянами въ сравненіи съ побѣдами Римлянъ надъ Кельтами. Что значатъ въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ нѣкоторыя пораженія Римлянъ, нанесенныя Кельтами, съ многочисленными битвами и пораженіями, понесенными и Нѣмцами и Шведами отъ Славянъ, начиная хоть съ Дагоберта II (въ VII в.) вплоть до Фридриха II, величайшаго полководца Германіи, въ теченіе слишкомъ тысячи лѣтъ. Гдѣ у Кельтовъ въ борьбѣ съ Римлянами ожесточеніе и упорство Славянъ Полабскихъ, которыхъ Германія успѣла сломить и побѣдить только послѣ страшныхъ четырехсотлѣтнихъ усилій и напряженій не безъ помощи Скандинавовъ, Романцевъ и Римской куріи, которая своимъ вліяніемъ на Чеховъ и Поляковъ доставляла сильное подспорье Нѣмцамъ. Такихъ союзниковъ не имѣлъ Римъ въ борьбѣ съ Кельтами. Гдѣ у Кельтовъ Болеславы Чешскіе и Польскій (Храбрый), Святополкъ Поморскій, Русскіе князья Вячко, Александръ Невскій и Довмонтъ, гдѣ Таненбергъ, Гуситскія войны, Полтава и Кунерсдорфъ? Правда, въ своихъ иностранныхъ войнахъ Римъ въ послѣдствіи много пользовался храбростью и силами Кельтовъ, набирая ихъ въ свои побѣдоносные легіоны. Да похоже-ли это на участіе Славянъ въ войнахъ Германіи съ Турками и Романцами? Еще можно это участіе Кельтовъ сравнивать съ значеніемъ Славянъ въ Прусской или въ прежней Саксонской арміи

(Сербы-Лужичане). Но оно уже нисколько не похоже на силу и значеніе Славянъ въ арміи Австрійской въ войнахъ Австріи съ Турками, со Шведами, Французами. Не ъ комизмъ сравненія Германіи съ Римомъ и отношеній къ ней Славянства съ отношеніями къ Риму Кельтовъ выступитъ ярче, если вспомнить, что область Германіи съ Арминія до Бисмарка въ теченіи слишкомъ осьмнадцати съ половиною вѣковъ скорѣе уменьшилась, чѣмъ увеличилась въ своихъ предѣлахъ на западѣ, югѣ и востокѣ, что Чехія и Моравія во время Арминія были странами чисто Нѣмецкими, тогда какъ теперь Германизмъ принужденъ вести самую жестокую борьбу за исключительное обладаніе этими землями; между тѣмъ, какъ Славянское племя съ VI в. по Р. Х. по настоящее время только распространяло свои земли на югѣ и востокѣ, мужественно борясь съ Германіею на западѣ, пока наконецъ не утвердилось на югѣ до Эпира, стѣнъ Солуня и Константинополя, до Арарата и Гиндукуша, а на востокъ до береговъ Тихаго Океана, полуострова Камчатки и острова Сахалина, въ сосѣдствѣ съ Японіею, Кореею и Америкою. И неужли помощь Кельтскихъ легіоновъ Риму напоминаетъ ученымъ Нѣмецкимъ ту помощь, которую оказывала Россія Австріи въ ея войнахъ съ Турками, Мадьярами и Французами? Пусть Итальянская компанія 1799 г. аналогіею Ганнибала съ Суворовымъ напоминаетъ имъ нѣкоторымъ образомъ Пуническія войны, въ которыхъ Кельты дѣйствовали противъ Рима; но вѣдь тутъ у Славянъ съ Кельтами, а у Австріи съ Римомъ не больше сходства, чѣмъ потомъ у той же Австріи, Западной Германіи (Рейнскій союзъ) и Пруссіи, особенно послѣ Іены и Ауэрштедта. Не особенно была похожа Германія на Римъ и въ 1813 г., когда понадобилась ей такая великая помощь отъ Славянъ для ея освобожденія отъ ига *легкомысленныхъ* (leichtsinigen) *Галловъ*. И когда играли Кельты такую роль относительно Рима, какую напримѣръ играла Россія всю первую половину нынѣшняго столѣтія относительно Германіи? Гдѣ въ Римской литературѣ намеки и слѣды жалобъ и ропота на гнетущее вліяніе и давящее преобладаніе Кельтовъ въ Римской политикѣ? гдѣ хотя тѣнь этихъ жалобъ, которыми преисполнена политическая литература Нѣмцевъ съ 1813 г. или лучше съ 1815 г. по нынѣшнее время на преобладающее вліяніе Русской политики? *) Да что Рос-

*) Слѣдующія строки *отца* Ардита, писанныя имъ въ 1843 г., живо передаютъ воззрѣнія на Россію старыхъ Нѣмецкихъ патріотовъ—*нашихъ братьевъ по оружію*—въ дѣлѣ освобожденія Германіи отъ Наполеона. «Должна-ли Польша быть поглощена Россіею?... Можетъ-ли Германія, можетъ-ли Скандина-

сія? вопіяли-ли когда такъ Римляне на Кельтовъ послѣ Цесаря, какъ вопіютъ еще теперь Нѣмцы даже на Чеховъ и Словинцевъ?

вія смотрѣть покойно, какъ Русскій стоитъ у воротъ Бреславля и Данцига (Гданска), какъ Полякъ будетъ московититься и станетъ съ слѣпою волею и Русскою гордостью стремиться впередъ и представлятч себѣ, что люди на Одерѣ и Эльбѣ должны также учиться Русской командѣ, какъ онъ ей выучился? Нѣтъ, къ этому равнодушно относиться не можетъ ни западная Европа, ни тѣмъ болѣе Германія». Нѣтъ, надо всячески стараться объ образованіи между востокомъ и западомъ особаго Польскаго государства. По счастью, говоритъ онъ, Полякъ и Русскій хотя Славяне и братья, но, по исторической борьбѣ, и главное по вѣрѣ враги. Also gottlob, dass eine solche weite Kluft der verschiedenen Art zwischen den Russen u. Polen gerissen ist! — Характеристично мнѣніе Арндта о томъ, какъ смотрятъ Русскіе на Нѣмцевъ: Wie der vornehme russische Barbar den Deutschen hoch über die Achsel ansieht, wie er ihn gern verachtet, auch weil zuweilen aus Neid hasst, obgleich der Deutsche, doch endlich seit dem letztverflossenen Menschenalter den Russen gegenüber angefangen sich etwas zu besinnen und seine gefällige Dienstfertigkeit und blöde Bereitwilligkeit abzulegen. Er weiss endlich, was er an dem Russen hat, was er an ihm haben würde, wenn es einem solchen gelingen könnte sein Herr zu werden. Der russische Uebermuth und Hochmuth, die russische Unordnung und Unrechtlichkeit und eine halbasiatische Ungeheuerlichkeit der moskowitischen Sitten macht ihm einen Eindruck, wie etwa dem Rosse der Geruch des Elefanten. Gegen diesen Feind falls er sich einmal des Angriffs erkühnen sollte, braucht es nur güter Ordnung und Führung, damit der Deutche im vollsten Haufen auf Leben u. Tod für seine Gränzen streite.—Нужно прогнать Русскаго съ Вислы, ибо если онъ насъ и не можетъ проглотить, то все-таки безопаснѣе знать, что его алчущая пасть закрыта: «so ist es doch unleidlich, immer seinen hungrigen Rachen gegen uns aufgesperrt sehen zu müssen; во всякомъ случаѣ иначе онъ все будетъ висѣть надъ нами, какъ черная туча, которая бы омрачала солнце нашей жизни и нашего образованія». И такъ поскорѣе возстановимъ Польшу и прогонимъ Русскихъ на востокъ, за Днѣпръ. Это можно сдѣлать со Скандинавами въ два похода. И если Русскіе будутъ такъ горды, что не послушаются ни разума, ни права, то можно будетъ отнять у нихъ Лифляндію, Эстляндію и Финляндію... Preussen, Schweden, Dänemark mit ihren Kräften vereinigt, wo bliebe vor ihnen die russische Macht trotz ihrer fürchterlichen Masse? Es bedürfte keiner Schlachten, sie müssten sich dann todt marschieren oder verhungern? (Arndt, Versuch in vergleichender Völkergeschichte). Ну когда что нибудь подобное говорили Римляне о Кельтахъ? и это черезъ тысячу слишкомъ лѣтъ послѣ перваго столкновенія со Славянами, и это писать досталось Vater'у Арндту, которому въ 1812 г. приходилось такъ напыщенно восхвалять доблести Русскихъ, такъ льстить Россіи и умаливать ее о помощи, для того, чтобъ потомъ черезъ 30 лѣтъ во всеуслышанье и подъ своимъ именемъ заявлять великодушное желаніе голодной смерти и гибели своей избавительницѣ. Какой печальный примѣръ буззубой старческой злобы и политическаго безсилія! И это первый народный агитаторъ и пророкъ Германіи въ ея священную борьбу съ *Галлами!* Не даромъ Германія—Римъ, а Славяне—второе, карманное, но неисправленное изданіе Кельтовъ.

Не будутъ походить Славяне на Кельтовъ и въ томъ случаѣ, если съ Римомъ будемъ сравнивать не однихъ Нѣмцевъ и Скандинавовъ, а все Романо-Германское племя стараго и новаго свѣта. Вотъ уже слишкомъ тысячу лѣтъ Славянство борется съ Романо-Германскимъ міромъ стараго свѣта или Европою, и все еще оно не падаетъ, а ростетъ, сильнѣетъ и множится. Да ни Европа, ни весь Романо-Германскій міръ стараго и новаго свѣта вовсе не предстаютъ ему въ видѣ единаго, цѣльнаго, сосредоточеннаго Рима. Мы видимъ и понимаемъ не только противуположность интересовъ Европы и Америки, но и все разнообразіе и несогласимость вѣрнѣйшихъ цѣлей и задачь большей части Европейскихъ государствъ. Да и нашъ Греко-Славянскій міръ Европѣ, послѣ слишкомъ тысячелѣтней борьбы отнюдь не представляется въ томъ безпомощномъ безсиліи, въ какомъ предстояли Риму Цесаря племена и роды Кельтовъ. Сами же Европейскіе писатели (напр. Тьеръ и др.) не разъ сравнивали Европу съ Греціею, Россію съ Римомъ, или ее же съ Македоніею Филиппа, а Европу съ Греческими республиками. Насъ Русскихъ много разъ также сравнивали съ Монголами и Османами. Нѣмецкіе писатели замѣчаютъ иногда, что для Германіи Türkennoth XV, XVI, XVII вѣка смѣнился въ XVIII, XIX в. Russennoth'омъ [1]). Но какъ Монголовъ и Османовъ окончательно сокрушила не Европа, то и тутъ все-таки не оказывается желаемаго сходства у Германіи и даже у Европы съ Римомъ, а у Славянъ съ Кельтами.

Но выше мы согласились признать и допустить положеніе собственно говоря не возможное, наукою и критикою не допускаемое. Мы согласились признать Европу и ея образованность исключительно Германскою, а Кельтовъ вымершими. Мы согласились на такую странную натяжку только для того, чтобы придать хотя какое нибудь вѣроятіе находимому нашими учеными сходству Славянъ съ Кельтами и хотя мало-мальски оправдать ихъ же приговоръ объ исторической неспособности Славянъ, о невозможности имъ создать свою самобытную образованность. Впрочемъ мы готовы и теперь не отрицать нѣкоторыхъ сходствъ между Кельтами и Славянами, въ противоположность ихъ Германцамъ. Но мы должны напомнить, что наука никогда не признаетъ Европы и ея образованности исключительно Германскою, а Кельтовъ—расою вымершею.

---

[1]) Еще въ XVI в. магистры Ливонскіе жалуются императору: «der erschrecklich grosse und mächtige Moskowiter drohe der Ostsee mächtig zu werden».

Въ огромнѣйшемъ большинствѣ современныхъ Французовъ новѣйшая наука стро о различаетъ прямыхъ потомковъ Галловъ (и Кимровъ). Кельтовъ же видитъ она и въ значительной части Испанцевъ. Такимъ образомъ оказывается, что передъ Германскою расою Кельтская вовсе не такая незна ительная. Нельзя отрицать и великаго участія Валлисцевъ, Шотландцевъ, Ирландцевъ, болѣе или менѣе чистыхъ Кельтовъ, въ исторіи Англійской ж зни и образов нности. П охой же выбранъ способъ доказательства несомнѣннаго будто бы превосходства Германцевъ передъ Славянами! Да гдѣ же доказательства, что Германцы выше Кельтовъ? Въ этомъ случаѣ обыкновенно ссылают я на Англичанъ и Ир андцевъ. Мы уже привели замѣчанія объ этомъ двухъ Англичанъ, которые не считаютъ своего племени ч сто Кельтскимъ. Но надлежитъ замѣтить, что въ Англіи есть цѣлая историко-этнологическая школа, которая рѣшительно не соглашается въ современныхъ Англичанахъ видѣть родныхъ братьевъ Нѣмцамъ. Она наноситъ нашимъ Германистамъ ударъ чувствите ный и непріятный, такъ какъ за доказательствами превосходства Германскаго племени имъ часто прих дится обращаться къ своимъ *братьямъ* Англичанамъ. Но вотъ является школа Англійскихъ ученыхъ, которая громко протестуетъ противъ германизма Великобританіи и всячески отбивается отъ э ого навяз ваемаго ей родства. Въ Антропологическомъ обозрѣніи, повр мен омъ мѣсячномъ изданіи Антропологическаго общества въ Лондонѣ поборники этого мнѣнія не разъ вы казывали свои мнѣнія. Въ отзывѣ о сочиненіи Беллоге о Кельтахъ во Франціи, неизвѣстный рецензентъ Обозрѣнія замѣтилъ между прочимъ: «Беллоге негодуетъ на Ам. Тьери за то, что онъ все еще различаетъ Гаэловъ и Кимровъ Что жь бы онъ сказалъ, ес ибъ жилъ въ Англіи и увидалъ изданный подъ усмотрѣніемъ Оксфордскаго университета ученый трудъ въ п рвомъ томѣ котораго вопреки и тор ческой критикѣ и физическимъ фактамъ проводится *странное положеніе, что Англичане суть Германцы* (that Englishmen are Dutc men). Во Франціи дѣ о это понято лучше, такъ какъ Французы отдѣлены отъ Нѣмцевъ не болѣе страшною заставою, чѣмъ Ре нъ. Французы всѣхъ сословій совершенно довольны тѣмъ, что они не Тевтонскаго происхожденія. Хотя Британія отдѣлена отъ Германіи мо емъ, все еще есть много Англичан, которые вѣрятъ, что достаточно было нѣсколькихъ мародеровъ изъ Ютландіи и Голштиніи, дабы заселить почти всю Великобританію. Что касается именъ, то Фран ія и Англія находятся въ одинаковомъ положеніи, ибо та и другая при-

ня на названія Германскія. Впрочемъ въ Англіи литераторы и историки пали ницъ и поклонились слову, какъ богу, и только научные изслѣдователи убѣждены въ настоящее время, что имя никоимъ образомъ не есть указаніе факта. Во Франціи напротивъ того здравый смыслъ, если не большее распространеніе науки, запечатлѣлъ въ національномъ умѣ то убѣжденіе, что великія племена не истребляются завоеваніемъ. Вопреки своему имени и вопреки своему языку, Французъ никогда не бредитъ тѣмъ, что онъ Римлянинъ или Франкъ. Онъ допускаетъ, что и Римляне и Франки имѣли вліяніе на его исторію, но онъ гордится тѣмъ, что онъ есть, какъ это знаетъ, родомъ Галлъ (a Gaul by descent). «Мы работаемъ, не безъ успѣха, это правда, дабы доказать, что если раса что нибудь обозначаетъ, то она означаетъ коренное различіе между Германцами и Англичанами—if race means any thing, it means radical distinction between Germans and Englishmen». Ту же мысль выражаетъ въ томъ же журналѣ и нѣкто Джаксонъ, пытаясь опредѣлить міровое призваніе Англіи. «Римъ, говоритъ онъ, будемъ ли мы его разсматривать въ географическомъ отношеніи, какъ державу средиземную, а не океаническую, или какъ языческую, а не христіанскую имперію,—не былъ конечно заключеніемъ имперіалистическаго движенія, ни послѣднею сценою Европейской драмы, пятый актъ которой только теперь начинается. Мы показали, что онъ долженъ разыграться не въ Греціи и въ Италіи, а во Франціи или въ Британіи, и предпочтительно въ послѣдней. Отсюда непомѣрное возрастаніе Лондона, столь странно непропорціональное столичнымъ требованіямъ Англіи, но совершенно соотвѣтственное его нынѣшнему неположенію, какъ всемірному рынку и какъ столицѣ образованности. Это же налагаетъ на часть Британскаго народа задачу міроваго владычества, свѣтлую надежду и смутное предзнаменованіе котораго мы видимъ въ нынѣшнемъ меркантильномъ вліяніи и въ колоніальномъ могуществѣ Британцевъ, а также быть можетъ и въ томъ дѣйствіи, которымъ ихъ національный примѣръ видоизмѣнилъ многія, нѣкогда деспотическія, христіанскія правительства. Но истинное верховодство (imperial leadership) налагаетъ еще болѣе обязанностей, особенно если оно утверждается на *Кельтской площади* (on the Celtic area) *и вручается народу, по классически и по Тевтонически окрещенному, но тѣмъ не менѣе существенно Кельтскаго происхожденія* (by a classically and Teutonically baptised, but nevertheless radical Celtic population). Въ дополненіе къ меркантильной предпріимчивости, мануфактурной промышленности и меха-

нической изобрѣтательности, которыми Британія такъ рѣшительно отличается, въ дополненіе къ ея чувству законности и умѣнью пользоваться благоустроенною свободою, исполненіе такой миссіи требуетъ эстетическаго развитія, уступающаго развѣ, если уступитъ, развитію Греціи, вмѣстѣ съ утонченностью мысли и чувства, нѣжною впечатлительностью и глубокимъ сочувствіемъ природѣ, знакомыми литературамъ классическихъ или Семическихъ народовъ и ожидающими своего полнаго и рѣшительнаго выраженія изъ рукъ тѣхъ, которые уже произвели Шекспира и Шеллея въ поэзіи, и которые не смотря на филистимизмъ и всепроникающее служеніе мамонѣ, еще умѣютъ говорить о литературѣ и искусствѣ устами Матвѣя Арнольда и Джона Рускина».

Одинъ изъ главныхъ представителей этой Англійской этнологической школы, нынѣшній вице-президентъ Лондонскаго Антропологическаго общества г. Пикъ издалъ недавно особое сочиненіе о происхожденіи Англичанъ, гдѣ старается доказать, что Англо-Саксы, Юты и др. Германскіе насельники не истребили и не могли истребить первоначальнаго Кельтскаго населенія Британіи, что понынѣ Англійскій народъ и физическими и психическими своими особенностями прямой потомокъ Бритовъ и рѣзко отличается отъ Германцевъ, Голландцевъ и Нѣмцевъ. Въ главѣ о психическихъ особенностяхъ Пикъ проводитъ параллель между Англичанами и Германцами и высказываетъ какъ свои, такъ и другихъ Англійскихъ писателей мнѣнія о Нѣмцахъ. Не скроемъ, что и въ средѣ общества и въ журналистикѣ (Westminster Review) Пикъ встрѣтилъ многихъ противниковъ, тѣмъ не менѣе его мнѣнія не одноличныя и заслуживаютъ нашего вниманія по нѣкоторымъ соображеніямъ. Господствующее въ Германіи воззрѣніе на Славянъ тѣсно, нераздѣльно связано съ господствующимъ тамъ же убѣжденіемъ о неизмѣримомъ превосходствѣ Германской расы. Мнѣнія Пика и другихъ Англійскихъ писателей и ученыхъ, на которыхъ онъ ссылается, показываютъ, что это выставляемое превосходство Германцевъ не есть еще такая научная истина, которая бы достигла всеобщаго признанія. Такъ никогда не думали и не думаютъ ни въ Испаніи, ни въ Италіи, ни во Франціи. Не признаютъ ее и весьма многіе Англійскіе ученые. Допустимъ, что мнѣнія Пика и др. о Нѣмцахъ не заключаютъ въ себѣ ни одного вѣрнаго замѣчанія, ни одного мѣткаго наблюденія, ни единаго слова правды. Все же надобно согласиться, что извѣстная распространенность въ Англіи такихъ ложныхъ и неправильныхъ мнѣній о племенныхъ особенностяхъ и да-

рованіяхъ Германцевъ есть уже обстоятельство само по себѣ важное и поучительное. Англичанамъ знать Нѣмцевъ и безпристрастно къ нимъ относиться несравненно легче, чѣмъ Нѣмцамъ безпристрастно судить о Славянахъ. Нѣмцы Англичанамъ не стоятъ такъ поперекъ дороги, какъ Славяне Нѣмцамъ. Завидовать Англіи тоже нечего, какъ нечего ей и зариться на Нѣмецкія земли. Если Англичане такъ могутъ ошибаться въ своихъ сужденіяхъ и мнѣніяхъ о Нѣмцахъ, то не больше ли еще заблуждаются Нѣмцы въ своихъ сужденіяхъ и отзывахъ о Славянахъ? Намъ Русскимъ знать эти мнѣнія Европейцевъ другъ о другѣ также очень полезно. Въ нашемъ обществѣ и въ литературѣ еще можно сказать господствуетъ, по крайности количественно, Потугинское воззрѣніе на Европу и Россію, обыкновенно выражающееся въ такого рода восклицаніяхъ: «Намъ Русскимъ надо учиться, учиться и учиться, не разсуждать и умствовать о какой то самобытности, не собственнымъ умомъ доходить, а просто изучать Европу и Европейскую, общечеловѣческую цивилизацію». Настоящее и основательное изученіе Европы приводитъ къ признанію великаго ея разнообразія. Въ Европейской цивилизаціи существуетъ величайшее разногласіе воззрѣній и мнѣній о самыхъ существенныхъ и коренныхъ вопросахъ человѣчества. Что же дѣлать Русскому въ этомъ хаосѣ идей и убѣжденій? Гдѣ критеріумъ истины? У насъ у многихъ принято въ этихъ случаяхъ слѣдовать мнѣніямъ самымъ новѣйшимъ и самымъ либеральнѣйшимъ. Но есть много воззрѣній новыхъ, весьма разнообразныхъ и одинаково либеральныхъ или въ смыслѣ какого угодно либерализма совершенно безразличныхъ. О значеніи составныхъ этническихъ элементовъ Европейской цивилизаціи существуютъ у Итальянцевъ, Французовъ, Нѣмцевъ и Англичанъ самыя разнообразныя и нерѣдко совершенно противуположныя воззрѣнія и понятія. Всѣ же не могутъ быть правы и истинны. Тутъ ужь какъ ни трудно, тяжело и непріятно, а безъ собственнаго ума нельзя обойтиться. Знакомство съ этимъ разногласіемъ Европейскихъ воззрѣній можетъ быть очень полезно Русскому обществу, постепенно такимъ образомъ приводя его къ сознанію необходимости толковаго, осмысленнаго и критическаго изученія Европы и ея цивилизаціи. Познакомимся же съ наблюденіями и выводами Пика объ Англичанахъ и Германцахъ [1]). Въ основаніе

[1]) Memoirs read before the Anthropological Society of London. 1865 — 6. Vol II. London. 1866. On the Psychological Characteristics of the English People. By L. Owen Pike. p. 153—188.

своей психологической характеристики онъ принимаетъ дѣленіе и классификацію умственныхъ явленій профессора Бена. Умъ разсматривается у Бена въ трехъ отношеніяхъ, какъ: 1) способность удерживать и воскрешать миновавшія впечатлѣнія, различныя составныя части которыхъ собираются при ихъ воскрешеніи, и собираются въ томъ видѣ, какъ были получены; 2) способность отмѣчать сходства—вызывать миновавшія впечатлѣнія съ помощью настоящихъ, которыя имѣютъ одну или нѣсколько точекъ сходства съ прежними; 3) способность оригинальнаго построенія, способность зиждительная и творческая. Говоря словами Бена, мы получаемъ: 1) законъ смежности или возстановленія. Дѣйствія ощущенія, волненія происходящія единовременно или въ постепенности, стремятся такъ сложиться, что если одно изъ нихъ представится нашему уму, то всѣ прочія готовы перейти въ образъ; 2) законъ сходства „*настоящія* дѣйствія, ощущенія, мысли или волненія стремятся воскресить имъ *сходныя* между *прежними* впечатлѣніями и положеніями. 3) Законъ зиждительной ассоціаціи". Этимъ способомъ ассоціаціи умъ имѣетъ силу создавать сочетанія, отличныя отъ тѣхъ, которыя ему представлялись во время опыта. Великіе наблюдатели и собиратели фактовъ сильны элементомъ смежности. Великіе мыслители, обобщающіе и открывающіе законы, сильны элементомъ сходства. Великіе изобрѣтатели сильны элементомъ зиждительной ассоціаціи; таковы поэты, живописцы, композиторы, изобрѣтатели въ искусствахъ и наукахъ. Благодаря такому дѣленію, говоритъ Пикъ, теперь возможно сравненіе умственныхъ способностей различныхъ народностей.

Впрочемъ Пикъ начинаетъ свою характеристику не съ умственныхъ способностей, а съ самыхъ простыхъ проявленій народныхъ характеровъ. Атлетическія черты Англичанъ, любовь къ спорту, верховой ѣздѣ, дракамъ на кулачки и пр. принадлежатъ, по мнѣнію Пика, больше Бритамъ, Кельтамъ, чѣмъ Тевтонамъ, Германцамъ. Въ этомъ отношеніи древніе Бриты и новѣйшіе Англичане имѣли и имѣютъ себѣ равныхъ только въ древнихъ Грекахъ. И понынѣ, какъ доказываютъ статистическія данныя, лучшіе боксеры по преимуществу Шотландцы, Ирландцы и Корнвалисцы. «Вообще очень трудно, продолжаетъ Пикъ, опредѣлить расположеніе народностей къ тѣмъ или другимъ впечатлѣніямъ. Какъ въ душевныхъ волненіяхъ, такъ и въ умѣ очень много общаго у всѣхъ народовъ. Но есть одно волненіе, особенно отличающее большинство народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Тевтонскихъ. Это волненіе есть удивле-

ніе. Это чувство такъ у Нѣмцевъ развито, что въ языкѣ ихъ есть множество прилагательныхъ сложныхъ съ словомъ «wunder». Они даже имѣютъ или имѣли нарѣчіе «wundershalber» чуда ради. И это у нихъ неусловная манера выражаться, не выраженіе поговорочное, утратившее свой первоначальный смыслъ. Когда Нѣмецъ говоритъ вамъ, что извѣстный предметъ, чаще всего самый обыкновенный, есть wunderschön, онъ дѣйствительно такъ о немъ и думаетъ, какъ вы можете это замѣтить изъ движеній его лица или глазъ. Брови у него подымаются, глаза выпучиваются, и вообще подъ вліяніемъ удивленія онъ обыкновенно бываетъ всего сильнѣе взволнованъ. Упоминаніе большой суммы денегъ особенно возбуждаетъ въ немъ это волненіе; ему доставляетъ великое наслажденіе повторять по нѣскольку разъ «tausend» и «hundert» и всегда съ самыми живыми физическими знаками удивленія. Это любопытное обстоятельство дало поводъ многимъ авторамъ съ восторгомъ отзываться о простотѣ Нѣмецкаго характера; и нѣтъ сомнѣнія очень забавно замѣчать удивленіе, производимое вещью, удивительною только по тому впечатлѣнію, которое оно производитъ. Но едва ли удачно по этой причинѣ приписывать Нѣмецкому характеру дѣтскую простоту. Наклонность Нѣмцевъ къ удивленію есть крупная черта ихъ характера, только она не представляетъ ни всѣхъ ихъ достоинствъ, ни всѣхъ ихъ недостатковъ. Англичане напротивъ того не имѣютъ никакого расположенія къ удивленію. Если ему попадается предметъ совершенно новый, онъ весьма мало ему удивляется, но прежде всего взвѣшиваетъ его полезность. Его энергія побуждаетъ его поскорѣе воспользоваться этимъ предметомъ. Такъ одно изъ главныхъ отличій типическаго Англичанина и типическаго Нѣмца состоитъ въ разницѣ между дѣятельностью, связанною удивленіемъ и дѣятельностью, подстрекаемою энергіею и отвагою». За то у Англичанъ самое сильное волненіе, чувство стыда. И въ этомъ опять Пикъ видитъ Кельтскую черту, общую Англичанамъ съ древними Греками. Въ древнихъ Бритахъ Пикъ находитъ великія способности къ поэзіи и къ механикѣ. Древняя Греція передала Риму свои механическія изобрѣтенія и познанія, и черезъ Римъ большей части древней Европы. Новая Британія далеко превзошла весь міръ, древній и новый, своими зиждительными дарованіями. Она открыла употребленіе пара, какъ силы механической. Она примѣнила паръ къ мореплаванію и къ желѣзнымъ дорогамъ. Она открыла фотографію. Она изобрѣла счетныя машины; ея школа морской архитектуры есть безспорно первая въ мірѣ. Сверхъ того Британія имѣ

колоніи изобрѣли множество другихъ значительныхъ машинъ и ввели разныя улучшенія въ механикѣ, которыя было бы скучно перечислять, но которыя отличаютъ Британскій, Англійскій умъ его особеннымъ отпечаткомъ. Главные наши соперники въ этомъ дѣлѣ замѣчаетъ Пикъ, не Нѣмцы и не Голландцы, а Французы. Другая форма Англійской изобрѣтательности проявилась недавно въ литературѣ, въ повѣстяхъ. Англійскія повѣсти обходятъ весь міръ, но особенно любимы въ Германіи. Напротивъ того въ Англію не идутъ ни Голландскія, ни Нѣмецкія повѣсти, а идутъ Французскія, которыя также распространяются въ Германіи. *Вообще* заключаетъ Пикъ, *изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ Англичане наиболѣе, а Нѣмцы наименѣе изобрѣтательны* [1]). Точно также и въ

---

[1]) Такой же приблизительно взглядъ на Нѣмецкую литературу и образованность выразилъ знаменитый Англійскій критикъ *Джефри*, въ своей статьѣ о Вильгельмѣ Мейстерѣ Гете. «Безспорно богатые воображеніемъ и энтузіасмомъ Нѣмцы въ теченіе двухъ столѣтій пренебрегали родною словесностью и были главнѣйше извѣстны за свою ученость и трудолюбіе. Они писали огромныя Латинскія разсужденія о законахъ и богословіи и выпускали въ свѣтъ плотныя изданія классиковъ съ обширными примѣчаніями. Наконецъ имъ надоѣло слыть за ученыхъ чернорабочихъ (drudges) Европы, тоску наводящихъ своими коментаріями. Около 50 лѣтъ тому назадъ они рѣшились показать, изъ какого они металла, и раскрыть міру свои качества, какъ людей геніальныхъ и изобрѣтательныхъ. Въ этой попыткѣ первымъ дѣломъ было всячески избѣжать упрековъ въ схоластическомъ подражаніи классикамъ. *Это*, по ихъ мнѣнію, уже слишкомъ бы отзывалось старою лавочкою; и съ цѣлью доказать свои права на оригинальность, признано было необходимымъ уклониться нѣсколько въ противуположную крайность, попробовать что нибудь рѣшительно новенькое, и съ разу показать свою независимость отъ древнихъ учителей и свое превосходство надъ педагогическими правилами древности. Съ такимъ воззрѣніемъ нѣкоторые изъ нихъ схватились за Французскіе образцы, принялись серіозно изучать, какъ быть живыми—apprendre à être vif—и сочинили массу маленькихъ вещей—petites pièces,—и повѣстей галантерейнаго содержанія, въ стилѣ, о которомъ мы лучше умолчимъ. Эта манера была слишкомъ противна общему характеру націи,—и безспорно большая и лучшая часть Нѣмецкихъ писателей обратилась къ намъ за намеками и уроками для руководства на ихъ честолюбивомъ поприщѣ. Было усмотрѣно болѣе первоначальнаго сродства въ темпераментѣ и духѣ двухъ націй,—и сверхъ этого соображенія наши великіе писатели были безспорно своеобразнѣе и менѣе классичны, чѣмъ писатели Французскіе. Но Англія къ сожалѣнію изобиловала какъ хорошими, такъ и дурными образцами—и даже лучшіе были небезопасны для торопливыхъ подражателей. Какъ часто бываетъ, были предпочтены дурнѣйшіе или слабѣйшія стороны лучшихъ. Шекспиру много удивлялись, но больше за его фантастическіе скачки, неудачныя смѣлости

драмѣ, которою теперь Англія не ниже Германіи, но ниже Франціи. За то драма въ Англіи—и трагедія и комедія—имѣетъ самую блестящую исторію, и съ нею можетъ сравниться только драма Греческая. «Въ лицѣ Лессинга, Шиллера и Гете Германія сдѣлала нѣкогда великое усиліе для основанія у себя драматической школы; это усиліе произвело нѣсколько прекрасныхъ поэтическихъ произведеній, но оно въ тоже время обнаружило, какъ слабъ Нѣмецкій умъ въ практическомъ приложеніи средствъ къ цѣлямъ. Это прекрасныя поэтическія произведенія, но для сцены неудобныя, словомъ это не драмы. Въ комедіи Германія еще ниже, чѣмъ въ трагедіи; она почти лишена комическихъ писателей. И это обстоятель-

---

и нелѣпости, чѣмъ за его безконечную проницательность и великій смыслъ, выкупавшіе эти чрезмѣрности, или даже за его глубокую нѣжность и простой паѳосъ съ высотою полета и роскошью образцовъ. Во всякомъ впрочемъ случаѣ Шекспиръ былъ выше ихъ соперничества; и хотя Шиллеръ дерзнулъ, и не безславно, соперничать съ его чудесами, однако большинство его остроумныхъ соотечественниковъ стремилось къ другимъ достоинствамъ. Придуманная нелѣпость, напускная странность, наглая халатность, уродливый слогъ и преувеличенная чувствительность Тристрама Шенди, приторная мораль, утомительныя подробности и безконечныя замиранія Ричардсона, грубыя, хотя въ тоже время фантастическія умозрѣнія Джона Бункля и другихъ забытыхъ писателей въ этомъ же родѣ—все это наиболѣе нравилось Нѣмцамъ. Это было оригинально, страшно, неклассично и головоломно. Эти писатели возбуждали любопытство, не будучи въ тоже время понятны, исключали однообразіе быстротою и насильственностью своихъ переходовъ, возбуждали самую заматерѣлую чувствительность тою силою и упорствомъ, съ которымъ они громили сердца. Короче сказать они были именно тѣмъ, чего искали Нѣмецкіе оригиналы; и они немедленно ихъ приняли и стали по нимъ учиться. Дабы совершенно ихъ усвоить, имъ только оставалось преувеличить эти особенности, примѣшать къ нимъ извѣстную порцію своей старой мечтательной философіи, туманной метафизики и суевѣрныхъ умствованій, наконецъ ввести нѣсколько старчески умствующихъ теоретиковъ для приправы всего этого смѣлыми разсужденіями о нравственности и объ изящныхъ искусствахъ. Слогъ также долженъ былъ быть усвященъ странными сравненіями и неожиданными уподобленіями, заимствованными, по большей части, изъ круга низкихъ и грязныхъ предметовъ. Сказанное нами достаточно объясняетъ нелѣпость, несообразность и придуманность такого рода произведеній. Но у нихъ есть еще другое отличительное качество,—это особаго рода пошлость, господствующая у всѣхъ у нихъ и составляющая, быть можетъ, самую противную ихъ особенность. Мы не знаемъ, какъ бы лучше описать эту несчастную особенность, развѣ сказавъ, что это пошлость мирныхъ достаточныхъ бюргеровъ, занятыхъ своею говядиною и картофелемъ и помышляющихъ лишь объ удовлетвореніи своихъ личныхъ нуждъ. Конечно не было писателей, которые бы подобно нынѣшнимъ Нѣмецкимъ снисходили до такихъ подробностей

ство приводитъ къ другому важному различію Нѣмецкаго и Англійскаго ума. Нѣмцы тяжелы, вялы, болѣе склонны къ удивленію, чѣмъ Англичане, и имѣютъ быть можетъ именно въ слѣдствіе того, безконечно меньше остроумія и юмора (infinitely less wit and humour). Любовь къ удивительному, чудесному, таинственному проявляется также и въ ихъ школѣ музыки, въ которой несомнѣнно Нѣмцы проявили творческую силу. Въ Нѣмецкой школѣ живописи выразилась любовь Нѣмцевъ къ чудесному и пристрастіе ихъ къ подробностямъ. «Между новыми Европейскими нациями едва-ли есть народъ, который бы превзошелъ Англичанъ въ поэзіи; быть можетъ съ ними сравнялись въ этомъ отношеніи только древніе Греки.

своихъ героевъ и героинь. Ихъ произведенія отзываются пряностями, синею бумагою съ завернутыми въ нее жирными ватрушками и разными принадлежностями кухни. Всѣ дорогія воспоминанія дѣтства вертятся около разныхъ сластей или похищеній на кухнѣ. Посреди самыхъ страстныхъ сценъ всегда бываетъ серьезное и намѣренное упоминаніе о существенныхъ удовольствіяхъ ѣды и питья. Восторги свиданія (tête à tête), бываютъ не полны безъ бутылки хорошаго вина и вкуснаго завтрака. Ихъ истинные мудрецы изрекаютъ свои оракулы надъ стаканомъ пунша; и очарованный любовникъ находитъ новыя апологіи для обожанія своей возлюбленной въ перечисленіи гребенки, мыла, утиральника съ слѣдами ихъ употребленія. Короче сказать эти низкія потребности нашей природы, тщательно обходимыя другими писателями, намѣренно выводятся на показъ и подробно описываются у патетическихъ писателей Германіи. Мы затрудняемся объяснить такую странность вкуса, но подозрѣваемъ, что это происходитъ отъ той важности, которая придается этимъ домашнимъ потребностямъ большинствомъ читателей и писателей Нѣмецкихъ. Хотя въ Германіи есть большая доля свободы, но она выражается не столько подъемомъ массы народа до равенства съ высшими классами, сколько обезпеченіемъ за ними ихъ низшихъ и плебейскихъ привилегій. Она скорѣе позволяетъ богатѣть разнымъ цеховымъ мастерамъ, чѣмъ сообщаетъ участіе въ національныхъ правахъ, которое бы имъ позволяло стремиться къ достоинству и изяществу, къ достатку и комфорту. Въ Германіи какъ писатели, такъ и читатели принадлежатъ большею частью къ плебейскимъ, среднимъ классамъ. Ихъ ученые люди по большей части очень бѣдны и зависимы; и достаточные бюргеры, покупающіе тысячами книжки на ярмаркахъ, ни въ чемъ такъ не сочувствуютъ писателямъ, какъ въ приданіи значенія всѣмъ домашнимъ потребностямъ, которыми въ ихъ состояніи и ограничивается вся амбиція тѣхъ и другихъ. («Jeffrey. Fr. Contributions to the Edinburgh Review. 2 edit. London. 1846. I, 265–8). Такая же разность Англійскихъ воззрѣній съ Нѣмецкими выразилась и въ извѣстной статьѣ Маколея о Фридрихѣ II, такъ возмутившей Нѣмецкую критику. (см. напр. статью Хейссера Sybels Zeitschrift I, 43) и въ отзывахъ Англійской журналистики о Шлезвигъ-Голштинскомъ вопросѣ.

Отъ Чаусера черезъ Шекспира, Спенсера, Мильтона, Попе, Шеллея, Байрона и множество другихъ идетъ рядъ поэтовъ, какими никакая другая нація не можетъ гордиться. Быть можетъ нѣтъ рода поэзіи, по которому бы Англичане не представили прекрасныхъ образцовъ. и едва ли не вездѣ они раскрыли свою оригинальность. Здѣсь особенно замѣтно сходство между Англичанами, древними Бритами и древними Греками; и едва ли не тутъ всего болѣе проявляется контрастъ между Англичанами и Нѣмцами (the contrast between the English and the Germans). Нѣмецкіе поэты, хотя и многочисленные, походятъ одинъ на другаго своею, общею имъ всѣмъ, привязанностью къ чудесному, мистическому, сверхъестественному. Нѣмцы всего легче приходятъ въ волненіе отъ чего нибудь удивительнаго или чудеснаго, тогда какъ другія Европейскія націи имѣютъ болѣе широкія сочувствія (wider emotional sympathies). Поэтому за исключеніемъ Гёте и Шиллера, Германія едва ли произвела хоть одного поэта съ Европейскою извѣстностью; и даже Гёте и Шиллеръ какъ они ни были безъ сомнѣнія велики, не мало были обязаны своему изученію Шекспира. Слѣдуетъ также замѣтить, что между тѣмъ, какъ Нѣмцы, всегда привязанные къ чудесному и старательные въ обработкѣ подробностей, обыкновенно напыщенны и темны, наконецъ мало разнообразны въ своихъ произведеніяхъ, Англичане напротивъ того могутъ представить Шекспира, какъ образецъ разнообразія, Попе, какъ образецъ ясности и ритма, и Байрона, какъ образецъ описательной силы и красоты. Въ драматическомъ родѣ, какъ и въ другихъ родахъ поэзіи, творческая, зиждительная сила есть необходимый элементъ, но особенно въ драматической поэзіи. Но одно изъ самыхъ существенныхъ свойствъ поэта, есть способность признанія сходствъ. Эта способность одинаково необходима и въ опытныхъ наукахъ и въ искусствахъ, гдѣ геній можетъ себя проявить. — Сравнивая поэзію Нѣмецкую съ Англійскою, нельзя за Англіею не признать перевѣса относительно способности зиждительной и познающей сходства; съ другой стороны великая обработка подробностей, отличающая всѣ формы Нѣмецкаго искусства, относительно смежности, склоняетъ вѣсы въ пользу Германіи. Къ такому же заключенію приводитъ сравненіе Нѣмецкой философіи и науки съ философіею и наукою Англійскою. Индукція обязана своимъ открытіемъ Англичанамъ, но кажется, что и послѣ своего открытія, она остается противною Нѣмецкому уму. Нѣмецкій умъ раскрывается въ двухъ видахъ; иногда онъ принимаетъ извѣстныя посылки и выводитъ

изъ нихъ систему философіи, законченную въ каждой подробности, иногда же онъ собираетъ громадное количество фактовъ, важныхъ и неважныхъ, часто вовсе не осмысленныхъ или освѣщенныхъ извѣстною идеею прежде, чѣмъ они были переварены. Въ первомъ случаѣ возникаютъ безконечныя системы метафизики, изъ коихъ каждая рѣзко отличается отъ своей предшественницы; въ послѣднемъ случаѣ являются словари, грамматики, изданія классиковъ, монографіи о различныхъ предметахъ. Въ первомъ случаѣ подробности всѣхъ вопросовъ, предлежащихъ объясненію въ системѣ, тщательно нагромождаются на умъ, прежде чѣмъ приняты посылки; въ послѣднемъ накопляется фактъ за фактомъ съ такимъ упорствомъ, которое покажется мучительнымъ для человѣческаго существа, неодареннаго чрезвычайною способностью удерживать впечатлѣнія, или трудомъ совершенно пропащимъ для человѣка, одареннаго способностью классификаціи. Въ обоихъ случаяхъ проявляется любовь къ чудесному, мистическому. Въ одномъ случаѣ она сказывается движеніемъ мысли отъ неизвѣстнаго къ неизвѣстному, въ другомъ—массою или количествомъ—wundergross. Но какъ удивленіе, волненіе чудомъ, такъ и любовь къ мелочамъ и подробностямъ сама по себѣ—противуположны и враждебны индуктивному методу, который отличаетъ Англійскій умъ даже и въ занятіяхъ философіею. Результаты Англійской школы философіи добыты опытомъ. Совершенно иное было движеніе Нѣмецкаго умозрѣнія. Всегда субъективная и потому всегда догматическая, школа Нѣмецкихъ метафизиковъ со времени Канта прошла періодъ догматическаго пантеизма и наконецъ пришла къ столь же догматическому атеизму. Такъ какъ процессы мышленія относятся къ „закону сходства", то можно предполагать, что Нѣмцы, обнаруживая великую любовь къ отвлеченному умозрѣнію, необходимо должны обладать великою способностью замѣчать сходства. Выражаясь словами Милля, ученіе котораго объ умственныхъ процессахъ мало отступаетъ отъ ученія профессора Бена — дедуктивный методъ зависитъ отъ открытія признаковъ извѣстныхъ свойствъ, или примѣтъ этихъ признаковъ; а для открытія этихъ примѣтъ и признаковъ требуется сильная способность уподобленія. Но для вѣрнаго полученія того, что называется общимъ положеніемъ, прежде, чѣмъ выводить изъ него заключенія, потребна еще сильнѣйшая способность уподобленія. Есть общій законъ, настоящая основа всякаго истиннаго мышленія,—это открытіе общаго закона, по преимуществу требуетъ ума сильнаго въ нахожденіи сходствъ въ

разнообразіи. Нужна извѣстная сила для извлеченія выводовъ изъ общаго закона; но для открытія самаго закона требуется безусловно великое природное дарованіе. Это положеніе ничего не терпитъ отъ того, что всякое истинное мышленіе идетъ въ сущности отъ частностей къ частностямъ, что общее положеніе есть лишь условный реестръ замѣченныхъ явленій. Тщательнымъ примѣненіемъ извѣстныхъ правилъ человѣкъ съ любовью къ подробностямъ можетъ разсуждать правильно, отправлясь отъ извѣстныхъ данныхъ, и его заключенія могутъ быть правильны, какъ и самыя данныя; но только человѣкъ съ геніемъ для различенія сходствъ можетъ поставить эти данныя на научную почву. Настоящій человѣкъ науки—человѣкъ, отправляющійся въ своемъ разсужденіи отъ замѣченныхъ фактовъ,—открываетъ, что извѣстное явленіе во множествѣ случаевъ сопровождало одно или нѣсколько другихъ извѣстныхъ явленій; затѣмъ онъ производитъ извѣстные опыты съ цѣлью объяснить всѣ возможныя условія, кромѣ тѣхъ, которыя, по его предположенію, неизбѣжно сопровождаются при данномъ явленіи; и наконецъ онъ произноситъ свое заключеніе, т. е. гдѣ бы извѣстныя явленія ни встрѣчались, другое извѣстное явленіе будетъ также найдено, и изъ этого открытія согласно точнымъ правиламъ могутъ быть выведены полезные результаты. Но хотя извѣстный запасъ дарованія безъ сомнѣнія необходимъ для открытія такихъ новыхъ результатовъ, есть однако огромная разница между открытіемъ этихъ новыхъ результатовъ и первымъ открытіемъ закона. И эта разница есть именно разница между научнымъ и чисто субъективнымъ разсужденіемъ, быть можетъ немного будетъ сказать, между типическимъ Англійскимъ умомъ и типическимъ Нѣмецкимъ умомъ. Германія безъ сомнѣнія произвела нѣсколько великихъ открытелей (discoverers) и обобщителей изъ опыта, таковы были Коперникъ (хотя онъ вѣроятно Польскаго происхожденія), Кеплеръ, Лейбницъ, Гёте и Окенъ. Быть можетъ нѣтъ ни одной Европейской націи, которая бы не произвела великихъ открытелей. Италія между прочимъ произвела Убальди, Галилея, Торричелли, Бернульи, Гальвани, Франція—Декарта, Лагранжа, Лапласа, Англія—Ньютона, Галлея и другихъ астрономовъ вмѣстѣ со многими великими изобрѣтателями. Но строгій научный методъ Англичанъ есть характеристическая особенность народа и существенно противуположенъ методу Нѣмцевъ. Англичане, этотъ par excellence audax Iapeti genus, освободились отъ величайшей изъ помѣхъ-чуда. „Въ дѣлѣ истины и лжи, какъ замѣчаетъ профессоръ

Бенъ, волненіе чудомъ, удивленіе есть одно изъ развращающихъ волненій. Расказы объ обстоятельствахъ фактическихъ постоянно имъ искажаются, и въ наукѣ Баконъ могъ помѣстить чудо между своими идолами.“ Англичане знаютъ истинную цѣну фактовъ, они умѣютъ ихъ располагать, классифицировать, пользоваться ими. Они знаютъ цѣну теорій; они умѣютъ ихъ провѣрять, примѣнять и пользоваться ими. Нѣмцы въ свою очередь цѣнятъ кажется факты скорѣе по ихъ количеству, чѣмъ по ихъ качеству, а теоріи за ихъ мистицизмъ, за то скорѣе удовольствіе, которое онѣ доставляютъ теоретику, чѣмъ за согласіе ихъ съ фактами. И поэтому даже Окенъ, одинъ изъ величайшихъ умовъ по силѣ открытія сходства, такъ мало заботился о повѣркѣ своихъ данныхъ, что изъ всѣхъ его предположеній только одно объ омологіяхъ скелета прославило его имя. Его способность уподобленія была громадна; но ему не доставало той зиждительной силы, которая необходима для провѣрки. Если такимъ образомъ припомнимъ, что обѣ силы, творческая, зиждительная и познающая сходства необходимы для всѣхъ великихъ открытій, изобрѣтеній и поэтическихъ созданій, то мы увидимъ, что въ этихъ двухъ областяхъ человѣческаго ума Нѣмцы нѣсколько ограниченнѣе Англичанъ. Это особенно выражается тѣмъ, что когда у Нѣмцевъ появляется какая нибудь исключительная личность съ высокимъ развитіемъ одной изъ этихъ способностей, то обыкновенно она бываетъ слаба другою изъ нихъ. Нѣмцы могли произвести Окена, сильнаго способностью находить сходства, или Генделя сильнаго творчествомъ, но ни Уатта, ни Шекспира, одинаково сильныхъ въ томъ и другомъ отношеніи. Если въ свою очередь требуется весьма сильная память (retentiveness) для всякаго рода компиляцій, которыми преимущественно отличаются Нѣмцы, то не трудно замѣтить, что въ этой области Нѣмцы видимо превосходятъ Англичанъ. Сообразно этимъ умственнымъ отличіямъ между Германскими національностями и Англійскою, существуетъ совершенно аналогическое нравственное различіе. Всѣ Европейцы любятъ копить деньги, Нѣмцы быть можетъ не меньше Англичанъ. Но Германцы больше Англичанъ копятъ деньги изъ любви къ нимъ самимъ. Нѣмцы собираютъ факты, не заботясь о результатахъ, которые они могутъ дать, какъ копятъ деньги безъ желанія ихъ тратить. Большой Нѣмецкій купецъ есть купецъ, большой Англійскій купецъ есть купецъ-князь. Говорятъ, что Нѣмцы похожи на Грековъ образованіемъ многочисленныхъ колоній. Нѣтъ положенія болѣе далекаго отъ истины. Нѣмцы *эмигрируютъ* (выселяются), по

не колонизуютъ, точно также, какъ они гораздо чаще доводятъ новое чужое открытіе до дальнѣйшихъ результатовъ, нежели сами дѣлаютъ открытіе. Англичане великіе колонизаторы, точно также, какъ Греки въ древности. Но куда Англія высылаетъ колонистовъ, Германія высылаетъ эмигрантовъ. Есть огромная разница между этими двумя явленіями, столь же великая, какъ между *удивленіемъ* и *отвагою*.

Таковы главнѣйшія замѣчанія Пика о психическихъ особенностяхъ Англичанъ и Нѣмцевъ. Признавая даже вполнѣ неосновательною и отъ начала до конца ложною эту характеристику, мы не видимъ однако возможности избѣжать заключенія, что между природными и образованными Англичанами есть не мало людей, которые не считаютъ правильнымъ называться родными братьями Нѣмцевъ и объ этомъ, какъ видно, не особенно даже сожалѣютъ, полагая, что Англійская природа гораздо богаче и полнѣе Германской, что Нѣмцы вообще не отличаются великимъ творчествомъ ни въ искусствахъ, ни въ наукѣ, лишены Англійской смѣлости и отваги, одинаково важныхъ и для научной и для общественной дѣятельности, хотя за то преизобильно одарены чувствами удивленія, любовью къ таинственному и неизвѣстному, расположеніемъ къ мелочамъ и подробностямъ, обширною памятью, сильною компилятивною способностью и большимъ искусствомъ разъяснять не ими найденные законы пріискиваніемъ массы частностей и такимъ образомъ дополнять, развивать и совершенствовать общія открытія. Это Англійское воззрѣніе на Нѣмцевъ, которое если рѣзко отличается отъ господствующаго воззрѣнія Нѣмцевъ на самихъ себя, за то довольно близко сходится съ Французскимъ и Итальянскимъ воззрѣніемъ на нихъ же. Если даже предположимъ, что несходство воззрѣній, довольно распространенныхъ у трехъ великихъ народовъ на Нѣмцевъ, съ господствующимъ воззрѣніемъ Нѣмцевъ на самихъ себя есть самое лучшее и рѣшительное свидѣтельство необъективности, ненаучности и некритичности этихъ воззрѣній, то все же трудно не допустить, что въ воззрѣніяхъ Нѣмцевъ на Славянъ могутъ быть нѣкоторыя ошибки, хотя быть можетъ и не столь значительныя, каковы напр. ошибки Англичанъ, Французовъ и Итальянцевъ. Точно также позволительно кажется предполагать, что нежеланіе Славянъ нѣмечиться и вытекшая изъ него тысячелѣтняя борьба съ Нѣмцами за сохраненіе своей племенной самостоятельности, не свидѣтельствуетъ еще объ исторической неспособности Славянскаго племени, иначе пришлось бы называть не историческими и прочія Арійскія племена.

Итальянцевъ, Французовъ, даже Англичанъ, которые безъ всякаго раскаянія и сожалѣнія къ Нѣмцамъ себя не причисляютъ. Положимъ Пикъ и другіе еще не доказали, что Англичане—чистые Кельты, все же нельзя отрицать, что Кельтская стихія въ Англійской народности и образованности значительно преобладаетъ, и что всячески Англичане если не чистые Кельты, то и не чистые Германцы [1]). Такимъ образомъ наши ученые, намекая и указывая на сходство Славянъ съ Кельтами, но не раскрывая его ясно и не обозначая точно, ничего не успѣли, при всемъ своемъ горячемъ желаніи доказать, что Славяне — раса нисшая, чѣмъ Германцы. Если у Славянъ дѣйствительно больше сходства съ Кельтами, чѣмъ съ Неграми, то все таки сходство ихъ совершенно не то, которое ученые наши желали найти, и слѣдовательно сравненіе Славянъ съ Кельтами, также какъ и съ Неграми и съ женщинами, одинаково неудачно и даже столь же неостроумно. Въ самомъ дѣлѣ припоминаніемъ Негровъ и Ирланд-

---

*) См. Latham, The Ethnology of the British Islands. London. MDCCCLII. p. 259—260. «Кельты, Римляне, Нѣмцы и Скандинавы составили главные элементы нашего населенія, элементы смѣшанные между собою въ самыхъ разнообразныхъ степеняхъ сочетанія, особенно относительно трехъ послѣднихъ нѣтъ и приблизительной чистоты. Какъ легко найти типическаго и чистаго Кельта между Гаэлами Коннота (Connaught) или Камбро-Бритами сѣвернаго Валиса, такъ между четырьмя морями нельзя найти столь же чистаго и типическаго Германца, котораго иные писатели любятъ противупоставлять Кельту. Самый ближайшій къ этому Германскому типу есть Фризъ Фрисландіи. Надлежитъ помнить, что начавшееся смѣшеніе кровей еще продолжается; и какъ три чистые ручья Кельтской, безъ всякаго соотвѣтственнаго ключа Готской, крови еще въ полномъ цвѣтѣ, то въ слѣдствіе того происходитъ медленное, но вѣрное прибавленіе Кельтскихъ элементовъ къ Англо-Саксонскому стволу, элементовъ, которые замѣтны въ Британіи и еще значительнѣе въ Америкѣ. The Gael or Briton who maries an English wife, transmits, on his own parts, a pure Keltic strain, whereas no Englishman can effect a similar infusion of Germanism—his own breed being more or less hybrid.» — Тюкеттъ замѣчаетъ, что Англо-Саксонской стихіи въ Англійской исторіи придаютъ слишкомъ преувеличенное значеніе и въ опроверженіе этой мысли между прочимъ ссылается на Farmer's History of the Anglo-Saxons (Tuckett, I. D. A. History of the past and present state of the labouring population. London. 1846. I. 15.—To the Anglo-Saxons it has been usual to refer the most valued of our present institutions, though later and more accurate researches have lowered the previous estimate of our obligations to this people). — Не смотря на все это, ученые Германіи продолжаютъ и Англичанъ и Американцевъ величать Германцами, представляя ихъ, какъ— прямую противуположность Кельтамъ. (См. напр. Дифенбаха, Orig. Europ— *S. 188).*

цевъ, когда идетъ рѣчь о Славянахъ западныхъ, Нѣмецкіе ученые видимо желаютъ приравнять свое отечество къ Америкѣ и Англіи; но они забываютъ, что эти дѣйствительно великія державы, на которыхъ вообще походить лестно, имѣютъ однако въ своей исторіи нѣсколько мрачныхъ и позорныхъ страницъ, которыхъ лучшіе люди ихъ стыдятся, и эти страницы заняты именно исторіею Негровъ и Ирландцевъ. Такъ Нѣмецкіе патріотическіе писатели подобными сравненіями оказываютъ безъ всякаго злаго умысла, дурную однако услугу Германской исторіи и родинѣ, наводя Славянъ, особенно западныхъ, на непріятныя аналогіи и нелестные выводы [1]).

Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что отъ поборниковъ и приверженцевъ ученія о неизмѣримомъ духовномъ превосходствѣ Германской расы мы въ правѣ услышать еще одно возраженіе, которое обходить молчаніемъ не позволяютъ ни распространенность этого ученія, ни авторитетность именъ многихъ изъ его поборниковъ, ни дѣйствительныя научныя заслуги нѣкоторыхъ изъ нихъ, ни наконецъ громадное вліяніе этого ученія на систематическую постройку такъ называемой средней и новой исторіи, на характеристику и представленіе многихъ ея явленій, цѣлыхъ эпохъ и періодовъ. Это возраженіе можетъ примѣрно заключаться въ слѣдующемъ: «Германская раса есть благороднѣйшая въ человѣчествѣ, die edelste (Race) der Menschheit. Строгая внимательность

---

*) Мы уже указали на новѣйшія Англійскія мнѣнія объ Ирландіи, но такъ судила свободная Англійская печать еще гораздо раньше. Сидней Смитъ писалъ въ Эдинб. Обозр. еще въ 1820 г. «Такъ велико и продолжительно было дурное управленіе этою страною, что мы истинно думаемъ —наша имперія была бы гораздо сильнѣе, если бы между Англіею и Атлантикою было открытое море и надъ прекрасною страною Ульстера плавали акулы. Такое грабительство и распутство, такая тираннія и такое угнетеніе, такое злоупотребленіе Божьими дарами, такое поруганіе имени Божьяго во имя ханжества и духа партіи не могли быть ничѣмъ превзойдены въ исторіи образованной Европы и надолго останутся памятникомъ позора и стыда для Англіи (monument of infamy and shame to England). The works of the Rev. Sydney Smith. 4 edit. London. 1848. Vol. II. 144—5.—Справедливость требуетъ замѣтить, что весьма рѣдко, но попадаются нѣкоторые Нѣмецкіе писатели, и ученые которые высказывались съ такою же строгостью объ успѣхахъ Нѣмецкаго завоеванія на Славянскомъ востокѣ. Такъ Лютцовъ (Gesch v. Meklenburg.—S.158). «Если мы соберемъ, говоритъ онъ, въ одинъ образъ отдѣльныя черты Полабскихъ Славянъ, то увидимъ, что они собственною силою, благодаря многимъ прекраснымъ дарованіямъ, вѣрному сохраненію національныхъ благъ, языка, религіи и быта, уничтоженію у себя нѣкоторыхъ варварскихъ обычаевъ и введенію болѣе мягкихъ нравовъ, такъ дох-

ность, безпристрастность сужденія, научный критицизмъ, объективность представленія принадлежатъ къ исключительнымъ или по крайности преимущественнымъ свойствамъ этой расы. Если господствующія мнѣнія Итальянцевъ, Французовъ, Англичанъ представляютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительную разницу съ господствующимъ мнѣніемъ Германцевъ, особенно по вопросу о превосходствѣ Германской расы, то не слѣдуетъ ли разсматривать эту разность, какъ лучшее свидѣтельство и доказательство превосходства Германцевъ передъ Романцами и Кельтами, которые уже самою природою лишены того глубокомыслія (Tiefe des Gemüthes u. des Geistes), того критицизма и объективности, которыми обильно одарены Германцы и благодаря которымъ,—въ этомъ то и заключается тайна ихъ превосходства,—они могутъ глубже проникать во внутреннюю природу вещей, легче и яснѣе уразумѣвать высочайшія истины». Нельзя не признать строгой логичности и послѣдовательности этого возраженія, неизбѣжно вытекающаго изъ упомянутаго ученія. Слѣдуетъ и согласиться однако, что въ такомъ случаѣ Германская раса значительно сократится, ибо отъ нея придется тогда отчислить если не всѣхъ, то огромное большинство Англичанъ и Англо-Американцевъ, которые имѣютъ слабость не раздѣлять мнѣнія большинства Нѣмецкихъ ученыхъ и писателей

го просуществовали свободными, зажиточными, честными и нерѣдко очень сильными и всегда страшными своимъ врагамъ; если мы сравнимъ этотъ образъ съ картиною современной Нѣмецкой имперіи, благороднѣйшіе соки которой были пожираемы завистью князей, лично боровшихся съ императоромъ, жадностью и корыстолюбіемъ духовенства, грабительствомъ рыцарей, при чемъ дворянство съ своимъ правомъ кулака и меча отмѣняло правосудіе, мужика уравнивало съ своими волами, имущество купцевъ, попадавшееся ему на пути, объявляло своею добычею и уничтожало всякое равновѣсіе между свободными членами государства, въ которомъ народъ невѣжествомъ духовенства былъ вверженъ въ грубѣйшее суевѣріе,— если мы сравнимъ обѣ эти картины, то легко придемъ къ вопросу: которая же изъ двухъ ступеней, на кои возвели Славянъ и Нѣмцевъ бурныя волны ихъ судьбы, представляетъ менѣе печальный видъ? Не та же ли пропасть грозила гибелью Нѣмцамъ, какъ и Славянамъ? И не были развѣ спасены Нѣмцы только болѣе благопріятною судьбою? Политическая кончина Балтійскихъ Славянъ, приготовленная злымъ геніемъ, представляется намъ въ исторіи, какъ славная смерть героя. Das politische Ende der Wenden aber, welches ein böser Genius ihnen bereitete, wird uns in der Geschichte gleichsam wie ruhmvolle Tod eines Helden erschienen.» Тамъ же (с. 323). Der politische Untergang des wendischen Volkes muss anderswohin, als in das Buch eigener Verschuldungen eingetragen werden.

о неизмѣримомъ духовномъ превосходствѣ обитателей срединной страны (das Land der Mitte), сердца Европы (das Herz von Europa)... Разъ сдѣлавши такой вычетъ, уже конечно не слѣдуетъ, разсуждая напримѣръ о неизмѣримомъ превосходствѣ Германцевъ передъ Славянами, прибѣгать къ столь любимому и обыкновенному у Германистовъ пріему ссылаться на Англо-Саксовъ стараго и новаго свѣта и хвалиться ихъ заслугами, какъ своихъ родныхъ братьевъ. Позволяемъ себѣ думать, что хотя Англичанъ и Англо-Американцевъ строгая наука отнюдь не можетъ признавать не только исключительно, но и преимущественно Германскимъ племенемъ, однако непониманіе ими предвѣчнаго рѣшенія Промысла, опредѣлившаго благороднѣйшую часть земли въ удѣлъ благороднѣйшему племени человѣчества (Витерсгеймъ), можетъ быть для этнолога далеко не самымъ сильнымъ и рѣшительнымъ доказательствомъ не Германскости Британцевъ и Американцевъ. Голландцы, Скандинавы, несомнѣнно Германскаго происхожденія, служатъ лучшимъ тому подтвержденіемъ. И у нихъ господствующее Нѣмецкое воззрѣніе на мѣсто и значеніе Германіи и Нѣмецкаго народа вовсе не пользуется особымъ уваженіемъ. Датскій ученый Гейнрихсенъ высказалъ о немъ однажды весьма рѣзкое сужденіе, которое въ строгости не уступитъ подобнымъ же сужденіямъ Итальянцевъ, Французовъ, Англичанъ и Англо-Американцевъ о томъ же предметѣ. Въ своемъ умномъ трудѣ «Die Germanisten und die Wege der Geschichte. Kopenhagen. 1848»—Гейнрихсенъ замѣчаетъ: «Какъ Римскій патрицій обходился съ своими рабами, такъ Нѣмцы хотѣли бы обращаться съ чужими народами. Что для нихъ справедливо, то для другихъ должно быть неправдою. Чтобы видѣть обращики Нѣмецкаго высокомѣрія, довольно развернуть любой Нѣмецкій журналъ и тѣ его страницы, гдѣ идетъ рѣчь о Даніи. Если скажемъ Нѣмцу, что ихъ литература вообще богата и прекрасна, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ ниже Датской, что Германія не произвела настоящей національной комедіи, или хорошаго историческаго романа, напр. въ родѣ *Ингеманна*, что лучшій цвѣтъ національности, народный юморъ нигдѣ ярко не проявляется въ Нѣмецкой литературѣ, ибо вмѣсто естественности, всюду выступаютъ разсудочность и придуманность, Нѣмцы въ отвѣтъ на это провозгласятъ всѣ эти роды словесности ниже ихъ достоинства. Я слышалъ, какъ Нѣмцы осуждали Гольберга за то, что ему недостаетъ *всемірно-исторической почвы*. Ихъ страсти къ идеальному распространенію отвѣчаетъ страсть къ поземельному расширенію. Бли-

жайшіе къ нимъ народы *Поляки, Чехи, Датчане, Голландцы* и т. д. считаются у нихъ ступенями къ Нѣмецкому храму, подножіемъ ихъ міроваго царства (Weltreich) или, какъ говорилъ одинъ Нѣмецъ во Франкфуртѣ, его воротами, а самый Франкфуртъ есть новый пупъ земли, откуда удивленному міру должна провозглашать оракулы Нѣмецкая пиѳія. Но всей этой наглости будетъ со временемъ положенъ конецъ. Правда противо-Нѣмецкому движенію въ Европѣ, особенно съ востока, еще недостаетъ силы и согласія, но если Нѣмцы будутъ упорствовать въ своемъ презрѣніи къ другимъ народамъ, то, когда время исполнится, нападетъ на нихъ Славянскій колоссъ — и всей остальной Европѣ глаза откроются». Намъ нечего входить въ разбирательство Датско-Нѣмецкой распри, которая между прочимъ доказываетъ, что усобицы не исключительное свойство Славянскаго племени. Если отдѣльныя вѣтви Славянскія, увлекаясь братскою враждою, накликаютъ на сильнѣйшихъ своихъ братьевъ враждебныя силы иноплеменниковъ, какъ Бодричи на Лютичей, Чехи на Поляковъ, Поляки на Чеховъ, Русскіе на Польшу и Поляки на Россію и проч., то это же явленіе повторяется, мы видимъ, и въ средѣ Германскаго племени, гдѣ Баварцы служили Французамъ противъ Германіи, или Датчане называютъ на нее Славянъ, Русскихъ. Мы незнакомы съ Датскимъ языкомъ и литературою, но изъ чтенія сочиненій о Даніи, изъ личныхъ распросовъ и разговоровъ съ самими Датчанами въ Россіи и за границею, наконецъ изъ новѣйшихъ событій мы имѣли случай убѣдиться, что приведенное мнѣніе Гейнрихсена довольно вѣрно выражаетъ господствующее Датское возрѣніе на Германію и Нѣмцевъ. Что же касается Голландскаго и Шведскаго воззрѣній, то онѣ скорѣе въ этомъ отношеніи сближаются съ Датскимъ, чѣмъ съ Нѣмецкимъ. На это замѣчаніе намъ могутъ возразить, что эти три Германскіе народа представляютъ значительныя помѣси съ другими не-Германскими племенами, съ Кельтами, Финнами, Лопарями и даже Славянами. Но точно также и Нѣмцы въ Германіи нигдѣ можно сказать не представляютъ чистаго, безпримѣснаго населенія: на востокѣ, югѣ, сѣверѣ и западѣ и въ самомъ центрѣ Германіи, вездѣ въ продолженіе вѣковъ происходило скрещиваніе Германцевъ съ Славянами, Кельтами и даже Туранцами, если къ нимъ принадлежало то древнее племя, которое составляло первобытныхъ, до-Арійскихъ обитателей Европы. Такимъ образомъ признавая неизмѣримое духовное превосходство Германцевъ во всѣхъ отношеніяхъ, нужно

допустить, что смѣшеніе съ ними другихъ племенъ могло только и непремѣнно должно было портить и искажать эту благороднѣйшую расу. Вѣроятно сознавая законность такого вывода, нѣкоторые Нѣмецкіе писатели и ученые начинаютъ относиться къ этому ученію съ насмѣшкою и пренебреженіемъ, котораго оно кажется и заслуживаетъ. Впрочемъ многіе изъ нихъ соглашаются на уступку только въ пользу другихъ Германскихъ и Романскихъ народовъ, а относительно Славянъ продолжаютъ думать, какъ о расѣ низшей. Неудачность сравненія ихъ съ Кельтами еще однако не говоритъ въ пользу невѣрности господствующаго о нихъ воззрѣнія.

Послѣ того, какъ Блуменбахъ (1776) и Кювье (1805 и 1817) предложили свои системы классификаціи человѣческаго рода,—раздѣливъ его, первый на пять племенъ, т. е. 1) Кавказское, 2) Монгольское, 3) Эѳіопское, 4) Американское и 5) Малайское,—а второй на три племени: 1) Кавказское, 2) Эѳіопское или Негрское и 3) Монгольское,—многіе антропологи Англійскіе, Американскіе, Французскіе и Нѣмецкіе неоднократно предлагали различныя видоизмѣненія и поправки къ этимъ системамъ. Число различныхъ человѣческихъ племенъ то увеличивалось, то уменьшалось, измѣнялись признаки различенія племенъ, передѣлывались названія, но во всѣхъ этихъ системахъ одно понятіе оставалось постояннымъ и не подвергалось никакимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ, — это понятіе о племени бѣломъ, Кавказскомъ, Яфетовомъ, Индо-Европейскомъ, Арійскомъ и Семическомъ. Соединять ли примѣты физическія съ особенностями языковъ, какъ это дѣлалось прежде, или отдѣлять классификацію анатомическую, чисто этнологическую отъ классификаціи лингвистической, какъ это принято теперь, въ томъ и другомъ случаѣ Славяне безспорно должны быть относимы къ племени бѣлому, Кавказскому, и именно Индо-Европейскому, Арійскому, въ великихъ способностяхъ и будущности котораго никому изъ ученыхъ никогда не приходило на мысль сомнѣваться и отчаяваться, вѣроятно уже потому одному, что они сами того же Кавказскаго происхожденія. Впрочемъ въ Нѣмецкомъ ученомъ и образованномъ обществѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ лучшая его выразительница, Нѣмецкая литература, желаніе доказать себѣ и другимъ, что Славяне племя неспособное, во всякомъ случаѣ Германцамъ неравноправное, лишенное міроваго призванія, желаніе доказать это было всегда такъ сильно, что нерѣдко Нѣмецкіе ученые и писатели рѣшительно отказывались принимать понятіе Арійцевъ въ томъ объемѣ и съ тѣми признаками, которые необходимо ему принадлежатъ, по всѣмъ

требованіямъ антропологіи, этнологіи и лингвистики, по строгимъ выводамъ благороднѣйшихъ представителей Германской науки, В. Гумбольдта, Гримма, Боппа, Потта, Шлейхера, трудами которыхъ Германія по справедливости гордится. Дабы съ видимою вѣроятностью доказывать свою любимую мысль о Славянахъ, Германскимъ ученымъ, мыслителямъ, писателямъ и публицистамъ приходилось или 1) отказывать Славянамъ въ ихъ благородномъ Арійскомъ происхожденіи или 2) налагать руку на честь и достоинство своего Кавказскаго рода, признавая въ немъ значительную долю грязи и неблагородства, привносимую Славянами, и раздѣляя его поэтому на племена благородныя, чистыя, даровитыя, и племена низкія, грязныя, неспособныя. То и другое было дѣлаемо, и понынѣ дѣлается, въ ученой Нѣмецкой, а также и въ другихъ Европейскихъ литературахъ, Англійской, Французской, Итальянской и пр.

Въ самомъ дѣлѣ уже гораздо послѣ опредѣленія антропологическихъ и лингвистическихъ признаковъ Кавказцевъ, Индо-Европейцевъ и другихъ племенъ, различные Нѣмецкіе ученые, мы видимъ, упорно отрицаютъ Индо-Европейское происхожденіе и характеръ за Славянами. Такъ извѣстный ученый медикъ и писатель (даже поэтъ) К. Г. Нейманъ въ своемъ сочиненіи о природѣ человѣка утверждалъ въ 1815 г., что «народы Славянскіе составлены изъ другихъ веществъ, чѣмъ Нѣмцы, и что имъ поэтому самою природою предопредѣлено другое прозваніе, чѣмъ Нѣмцамъ. Только Европейцы, и между ними только Германское или Восточно-Азіатское племя, отнюдь же не Славянское, останется на вѣки вѣчные украшеніемъ творенія и владыками міра». Въ 1822 г. В. Шютцъ въ одномъ ученомъ Нѣмецкомъ журналѣ (Wien. Jahrb. d. Lit.) называлъ Славянъ народомъ Монгольскаго племени. Въ 1828 г. Нѣмецкій ученый Парротъ доказывалъ, что Славяне племя восточное и новое въ Европѣ, явившееся въ ней не раньше к. V в. по Р. Х. Въ 1835 г. неизвѣстный авторъ въ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и наиболѣе распространенныхъ Нѣмецкихъ повременныхъ изданій (Allg. Zeit. Ausser. Beil.) писалъ: «Не Славянами, но племенами Германскаго и Романскаго происхожденія населена Европа: Славяне только вторглись въ ея восточные предѣлы (sind nur die Eindringlinge an den östlichen Gränzen). [1])

---

[1]) Шафарикъ Slov. Star. Praha. 1862. str. 51 — 52. См. также Heusinger, Grundriss d. physischen u. psychischen Anthropologie für Aerzte u. Nichtärzte. Eisenach. 1829. Авторъ считаетъ Славянъ бѣлымъ Кавказскимъ племенемъ, но помѣщаетъ ихъ послѣ Татарскаго племени (слѣдующаго у него за Герман-

Въ 30-хъ годахъ, въ ученой Германской и вообще Европейской литературѣ это мнѣніе до такой степени было распространено и такъ глубоко укоренилось, что незабвенный нашъ Шафарикъ счелъ себя вынужденнымъ въ началѣ своихъ Древностей посвятить довольно обширную главу (въ 2 печатныхъ листа) разсмотрѣнію и доказательствамъ стародавности Славянъ въ Европѣ.

Въ одномъ изъ лучшихъ критическихъ журналовъ ученой Германіи (Lit. Centrlbl.) еще въ 1868 г. неизвѣстный рецензентъ въ статьѣ о новой книгѣ Пражскаго Слависта Гатталы замѣтилъ, что фонетическія особенности Славянскаго языка проявляютъ «духъ извѣстной косности, которая ощутительно высказывается и въ дѣятельности органовъ языка. Это замѣчательное сходство Славянщины съ Татарщиною; этихъ сходствъ вообще гораздо больше, но ихъ рѣдко замѣчаютъ». Любопытно, что это писано по поводу изслѣдованія, которое очень много, даже слишкомъ много, распространяется о Шлейхерѣ. Этотъ же Германскій лингвистъ съ особеннымъ успѣхомъ и убѣдительностью раскрывалъ самое ближайшее и тѣсное родство языка Германскаго съ Славянскимъ. Замѣчательно также, что ученый Нѣмецкій журналъ указываетъ на сходства и параллельныя явленія въ языкахъ Славянскихъ и Татарскихъ уже задолго послѣ того, какъ сама же Нѣмецкая наука строго опредѣлила глубокое внутреннее различіе языковъ флексивныхъ и безформенныхъ, приставочныхъ, и ясно раскрыла тѣсную связь склада и строя языка съ глубочайшими основами народнаго духа.

Всѣ эти примѣры становятся еще любопытнѣе, если вспомнимъ, что въ ученомъ обществѣ въ Германіи давно уже господствуетъ убѣжденіе, что истинно-научныя и объективныя воззрѣнія строго говоря имѣются едва ли не въ одной Германіи, что онѣ такъ сказать присущи и какъ бы врожденны Нѣмцамъ, что Славяне напротивъ совершенно не доросли до такихъ воззрѣній и пріемовъ, да едва ли когда и подымутся до нихъ.

Если система антропологическая и лингвистическая не особенно, какъ мы видѣли, стѣсняла нѣкоторыхъ ученыхъ и писателей по отношенію къ Славянамъ, то легко понять, что системы дѣленія человѣчества историко-философскія не только уже не могли

цами), къ которому онъ причисляетъ Афганцевъ, Осетовъ, Курдовъ. (Ss. 115—116).—Любопытный образчикъ состоянія науки 40 лѣтъ назадъ! Тутъ же (s. 116) авторъ замѣчаетъ: «Die kleine Insel Bornholm scheint zur Hälfte von *Slaven*, zur Hälfte von Germanen bewohnt zu seyn».—Откуда это?

стѣснять, но напротивъ давали широкій, свободный полетъ всѣмъ размышленіямъ о жалкой участи, Славянъ ожидающей, и объ нисшихъ способностяхъ ихъ сравнительно съ Германцами. Наконецъ въ наши дни явилась новая система антропологическая Шведскаго ученаго Ретціуса, который причислилъ Славянъ къ короткоголовымъ вмѣстѣ съ Монголами, Финнами и проч. *нисшими* расами, въ противуположность Грекамъ, Римлянамъ, Кельтамъ, Германцамъ, которые всѣ на первый разъ оказались длинноголовыми. Такъ по видимому строгая, точная наука оправдала прежнія чаянія, гаданія и вѣрованія, надежды и упованія.

Остановимся нѣсколько на этихъ историко-философскихъ системахъ классификаціи человѣчества и на системѣ Ретціуса, или лучше на нѣкоторыхъ ея дальнѣйшихъ разработкахъ и выводахъ изъ нея. Разсмотрѣніе этого предмета по отношенію къ Славянамъ доставитъ намъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ изъ исторіи Славянъ въ ученомъ Германскомъ и вообще Европейскомъ сознаніи.

Величайшее разнообразіе человѣческихъ племенъ по быту, степенямъ образованія, историческимъ судьбамъ уже давно подало мысль историкамъ и мыслителямъ раздѣлять племена и народы на охотничьи, пастушескіе, осѣдлые. Этого дѣленія, знакомаго еще древнимъ, держался и Гердеръ, которому такъ много обязана наука историческая и такъ признательны Славяне за доброе, сочувственное о нихъ слово, къ сожалѣнію столь рѣдкое въ устахъ Германскихъ. Другіе Нѣмецкіе мыслители не считали возможнымъ довольствоваться такимъ простымъ дѣленіемъ и, желая глубже схватить философское начало различія племенъ, придумывали иногда очень затѣйливыя классификаціи человѣчества. Такъ знаменитый Окенъ различалъ племена человѣческія по внѣшнимъ чувствамъ и органамъ и раздѣлялъ родъ людской на Augen-, Ohren-, Nasen-, и Gefühlsmenschen, т. е. на племена глазовыя, ушныя, носовыя и осязательныя. Шульце считалъ всего правильнѣе раздѣлять человѣчество на Thier-Menschen, Kinder-Völker, rohe-Völker, Rauber-Völker, civilisirte и cultivirte Völker, т. е. на звѣре-людей, дѣтскіе народы, грубые народы, разбойничьи народы, образованные и просвѣщенные народы. Гейзингеръ находилъ всего основательнѣе распредѣлять племена по темпераментамъ на четыре класса: 1) народы флегматики, 2) народы меланхолики, 3) народы холерики и 4) народы сангвиники. Замѣчательную склонность къ схематизаціи и удивительную вѣру въ ея пользу выказалъ Фольграфъ. Онъ призналъ единственно вѣрнымъ и разумнымъ четверное дѣленіе человѣчества,

на четыре степени, подраздѣливъ затѣмъ каждую степень на четыре класса, каждый классъ на четыре порядка, каждый порядокъ на четыре отдѣла. Къ 1-ой степени человѣчества онъ отнесъ самую нисшую, степень косности, лѣности, представляемой народами совершенно некультурными или собственно дикарями. Ко 2-ой степени подвижности онъ причислилъ полуобразованныхъ номадовъ, къ 3-ей степени дѣятельности—образованные промышленные народы, къ 4-ой степени живости высоко-просвѣщенные гуманные народы древняго міра.

Первая степень—народы необразованные, дикіе должны быть еще раздѣлены, по Фольграфу, на слѣдующіе четыре класса: 1) лѣнивые дикари (Папуасы), 2) подвижные дикари (Ново-Голландцы), 3) дѣятельные дикари (Готентоты), 4) живые или способные къ работѣ дикари (Негры).

Вторая степень, полуобразованные номады, имѣетъ также 4 класса: 1) лѣнивые или охотники-номады (сѣверные Азіаты или Сибиряки), 2) подвижные или пастушескіе номады (восточные и южные Азіаты и Африканцы), 3) дѣятельные или хищные номады (Азіатско-Европейскіе народы), 4) завоеватели-номады (восточные и западные Азіаты).

Третья степень имѣетъ слѣд. классы: 1) лѣнивые промышленные народы, исключительно земледѣльческіе (Африканцы), 2) подвижные промышленные народы или земледѣльческо-ремесленные народы (древніе Американцы), 3) дѣятельные промышленные народы или земледѣльческо-ремесленно и торговые народы (Европейцы), 4) живые промышленные народы, земледѣльческо-ремесленно-торгово-ученые (gelehrte, южные Азіаты).

Четвертая степень имѣетъ также всѣ четыре класса: 1) лѣнивые гуманные народы (Греки), 2) подвижные гуманные народы (Эѳіопы), 3) дѣятельные гуманные народы (Арійскіе народы , 4) живые гуманные народы (Браминскіе народы).

Желая представить убѣдительнѣе такое дѣленіе, Фольграфъ предложилъ, для большей ясности, свою проекцію въ математическихъ формулахъ, въ родѣ Пиѳагоровой таблицы [1]). Какъ 50 лѣтъ тому назадъ могли бы смѣяться надъ тѣмъ, кто бы захотѣлъ написать метеорологію (sic) на томъ де основаніи, что недостаетъ къ тому нуж-

---

[1]) Vollgraf, Ethnognosie und Ethnologie oder Herleitung, Classification und Schilderung der Nationen nach Maasgabe der Cultur und Race-Stufen. I Abth. Marburg. 1853. S. 15 Соображая, говоритъ Ф., dass nämlich der träge nur erst 1/4 Mensch, der regsame nur 1/2, der thätige ein 3/4 und erst der lebhafte ein vollkommener oder 4/4 Mensch sey,

ныхъ матеріаловъ, точно также, говоритъ Фольграфъ, и того, кто пожелалъ бы выставить подобную схему народовъ, могли бы нынѣ находить смѣшнымъ на томъ лишь основаніи, что для того не имѣется нужныхъ предварительныхъ свѣдѣній о народахъ, и тѣмъ болѣе, что еще и теперь есть фантасты, которые полагаютъ, что всѣ люди равны и потому совершенно отвергаютъ подобныя классификаціи. Впрочемъ Фольграфъ самъ прибавляетъ, что нынѣшнее народовѣдѣніе еще очень недостаточно, ибо у путешественниковъ и описателей очень мало умѣнья видѣть. Вслѣдъ за этимъ необходимымъ замѣчаніемъ, почтенный ученый приводитъ слѣдующую проэкцію порядковъ.

1 классъ 1 степени имѣетъ слѣд. 4 порядка: 1) Ново-Гебридскіе Папуасы. 2) Ново-Гвинейцы. 3) Борнезцы. 4) Бенгало-Адаманцы.

2 классъ 1 степени — 1) Южные Ново-Голландцы. 2) восточные Ново-Голландцы. 3) Тасманцы. 4) Здѣсь авторъ и скромно и серьезно отмѣчаетъ: noch nicht ermittelt — еще не найдено.

Для всѣхъ четырехъ классовъ каждой степени Фольграфъ нашелъ,

---

und formirt sich danach folgende Formeln. 1) Das *träge* Temperament sey = dem Werthe von $^1/_4$, dieses heisse oder sey = a und, da jedes Temperament oder jede Stufe vier Klassen hat = 4α. 2) Das *regsame* Temperament sey = dem Werthe von $—^2/_4 = b = 4\beta$. 3) Das *thätige* Temperament = dem Werthe von $^3/_4 = c = 4\gamma$. 4) Das *lebhafte* Temperament = dem Werthe von $^4/_4 = d = 4\delta$, so lässt sich mit Hülfe dieser Formeln d. Verhältniss der Stufen zu einander, wie auch aller Klassen auf folgende Weise mathematisch ausdrücken und zugleich in eine Art pythagoräischer Tafel zusammenstellen:

Stufen.	Klassen.			
	1	2	3	4
I $^1/_4$ = a.	$= 4\alpha$	$= 3\alpha \times b$	$= 2\alpha \times c$	$= 1\alpha \times d$
II $^2/_4$ = b.	$= 3\beta \times a$	$= 4\beta$	$= 3\beta \times c$	$= 2\beta \times d$
III $^3/_4$ = c.	$= 2\gamma \times a$	$= 3\gamma \times b$	$= 4\gamma$	$= 3\gamma \times d$
IV $^4/_4$ = d.	$= 1\delta \times a$	$= 2\delta \times b$	$= 3\delta \times c$	$= 4\delta$

Wir werden weiter unten noch ein zweites Schema aufstellen, welches diese erste Projection erweitern und *verständlichen* machen wird.

какой народъ слѣдуетъ помѣстить въ каждый изъ его 16 порядковъ. По неизвѣстнымъ причинамъ его затруднилъ только одинъ четвертый порядокъ втораго класса первой степени человѣчества. Судя также по вопросительнымъ знакамъ при именахъ, можно думать, что Фольграфъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ размѣстилъ своихъ Бактрійцевъ, Согдіанцевъ, Медо-Арійцевъ, Персо-Сирійцевъ, западныхъ Индустанцевъ, среднихъ и сѣверныхъ Индустанцевъ, восточныхъ и южныхъ Индустанцевъ въ послѣдніе 8 порядковъ 3-го и 4-го класса 4-ой степени человѣчества.

Славянъ Фольграфъ отнесъ къ 3 степени, т. е. къ народамъ образованнымъ и промышленнымъ, и къ 3 классу, т. е. къ народамъ земледѣльческо-ремесленно-торговымъ, — но не къ ученымъ, которые составляютъ уже 4-ый классъ. Впрочемъ авторъ не причисляетъ къ народамъ ученымъ и Германцевъ, которые у него вмѣстѣ съ Славянами, Кельтами и Латинами составляютъ 3 классъ, причемъ Славяне помѣщены въ первомъ порядкѣ, Германцы во второмъ, Кельты въ третьемъ и Латинскіе народы въ четвертомъ. Мы не будемъ уже слѣдовать за ученымъ авторомъ въ его дальнѣйшей проэкціи отдѣловъ (Zünfte), коихъ имѣется четыре въ каждомъ порядкѣ. Здѣсь авторъ, по недостатку этнографическихъ свѣдѣній, и нашелъ гораздо больше пробѣловъ: — онъ много разъ здѣсь отмѣчаетъ — die Zünfte noch nicht ermittelt, или noch zweifelhaft, — и наставилъ гораздо больше вопросительныхъ знаковъ при именахъ разныхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ народовъ, при помѣщеніи ихъ въ тѣ или другіе цехи (Zünfte). Впрочемъ нашъ ученый не скрывалъ отъ себя всей трудности подобной классификаціи и просилъ всѣхъ знатоковъ дѣла сообщить ему свои поправки. Къ сожалѣнію мы не знаемъ, была ли исправлена, развита далѣе и усовершенствована эта любопытная классификація Фольграфа его учеными соотечественниками. Нельзя умолчать, что его сочиненіе было встрѣчено нѣкоторыми писателями, какъ явленіе въ высшей степени важное; и было бы несправедливо отрицать за авторомъ нѣкоторыя крупныя частныя достоинства, вѣрности нѣкоторыхъ его замѣчаній и мыслей. Въ щекотливомъ для Нѣмцевъ вопросѣ о Славянахъ Фольграфъ воздерживается отъ всякихъ неприличныхъ выходокъ и даже замѣчаетъ: „послѣ трехсотлѣтняго господства Германцевъ и распространенія ихъ промышленной культуры почти по всему земному шару, нынѣ кажется приближается конецъ ихъ владычеству, ибо Славяне начинаютъ уже посмѣиваться надъ своими прежними учителями,

и это дурной знакъ, такъ какъ лучше служить предметомъ ненависти, чѣмъ насмѣшки.“ [1])

Есть въ ученой Нѣмецкой литературѣ и другія философскія классификаціи человѣчества, которыя сами по себѣ быть можетъ столь же любопытны, какъ и Фольграфова, за то по отношенію къ Славянамъ гораздо занимательнѣе. Такъ извѣстный физіологъ шеллингіанецъ Карусъ находилъ единственно правильнымъ и разумнымъ принимать свѣтъ, какъ общее космическое начало, въ основу дѣленія человѣчества на племена. „Кто можетъ отрицать, говоритъ онъ, что при разсмотрѣніи земли въ ея первоначальныхъ и существенныхъ отношеніяхъ къ ея собственному источнику свѣта, т. е. къ солнцу, прежде всего предстанетъ намъ планета отчасти вполнѣ освѣщенною, отчасти погруженною въ ночь, и по обѣимъ сторонамъ обнятою утреннею и вечернею зарею.“ Всѣ эти четыре состоянія единовременно присущи каждой планетѣ. Противоположность дня и ночи, бодрствованія и сна проявляется во всемъ животномъ царствѣ, существуетъ и въ человѣчествѣ, которое всего основательнѣе, по Карусу, раздѣлять на племена и народы: 1) дня, 2) ночи, 3) утренней и 4) вечерней зари (Tag.-Völker, Nacht-Völker, Oestliche Dämmerungs-Völker, Westliche Dämmerungs-Volker). Это дѣленіе Карусу кажется столь вѣрнымъ и истиннымъ, что оно, по его мнѣнію, исключаетъ всякое другое дѣленіе [2]). Это философское дѣленіе находитъ, по Карусу, полнѣйшее подтвержденіе въ дѣйствительности. „Такъ есть племена, говоритъ онъ, которыя соотвѣтствуютъ отсутствію свѣта, *ночи планеты*; сюда должны быть отнесены какъ физически, такъ и духовно не вполнѣ сложившіеся Негры—*Эѳіопское племя*. Это — *ночные народы* — отличающіеся темнымъ, часто совершенно *чернымъ* цвѣтомъ. Должны также существовать племена, которыя соотвѣтствуютъ свѣту — *дню планеты*; сюда очевидно принадлежатъ Кавказскія, Европейскія и распространенныя въ Азіи до Инда высшія племена, всѣ болѣе или менѣе *бѣлаго* цвѣта; — это *денные народы*. Въ третьихъ должны быть племена, которыя изображаютъ *утренній разсвѣтъ* въ человѣчествѣ, — это широко распространенные народы *Монгольскаго пле-*

---

[1]) Vollgraf, Ethonogn. 1. Abth. Marburg. 1853. S. 245.

[2]) Carus, C. G. Denkschrift zum hundert-jährigen Geburtsfeste Goethe's. Leipzig. 1849. Ss. 13 ff. Еще прежде Карусъ излагалъ эту систему классификаціи въ своемъ соч. System d. Physiologie. 1 Ausgabe. 1838. B. I. 2-te Ausgabe 1847. B. I S. 146. Его же статья Die Frage nach Entstehung und Gliederung der Menschheit vom Standpunkte gegenwärtiger Forschung. (Unsere Zeit, Heft 14. 1858. S. 90).

мени, изъ котораго также могутъ быть выводимы *Малайскія племена*. Ихъ организація во многихъ отношеніяхъ стоитъ по серединѣ между организаціею денныхъ и организаціею ночныхъ народовъ, и *болѣе темный* или *свѣтлый желтый цвѣтъ* составляетъ ихъ отличительный признакъ — это *восточные утренніе народы*. Въ четвертыхъ должны быть племена, которыя соотвѣтствуютъ вечернимъ сумеркамъ, и въ которыхъ преобладаетъ средняя организація и то болѣе темный, то болѣе свѣтлый красноватый цвѣтъ. Сюда относятся народы, ядро коихъ составляютъ Тольтекское и Ацтекское племена, которыя простираются съ одной стороны къ Аппалахіанскимъ племенамъ, а съ другой къ Патагонцамъ и обитателямъ Огненной земли, — это *западные, вечерніе народы* земли. Эти племена не только занимаютъ соотвѣтственныя имъ страны, но и обладаютъ существенно неравными способностями."

Разсуждая о духовныхъ способностяхъ денныхъ народовъ, Карусъ говоритъ и о Славянахъ. „Есть, говоритъ онъ, законъ строго выдерживаемый во всѣхъ подробностяхъ, по которому всякій родъ высшихъ природныхъ явленій долженъ въ себѣ повторять какимъ бы то ни было образомъ предъидущія образованія. Такъ особенно ощутительнымъ образомъ высшіе отдѣлы растительнаго міра повторяютъ отдѣлы нисшихъ формъ, и между животными классъ млекопитающихъ вмѣстѣ съ наибольшею полнотою своей организаціи отличается именно тѣмъ, что во многихъ послѣдующихъ ступеняхъ повторяетъ предъидущіе классы [1]) Извѣстное приложеніе этого закона должно находиться и въ человѣчествѣ, и если денные народы дѣйствительно представляютъ его высшій отдѣлъ, то и въ немъ тѣмъ или другимъ образомъ должно оказаться повтореніе формы трехъ предъидущихъ отдѣловъ. Я уже указалъ на три переходныя формы и на средній характеристическій членъ у восточныхъ утреннихъ народовъ, что же касается до денныхъ, то подобное отношеніе находится у нихъ еще въ сильнѣйшей степени, ибо великая средняя характеристическая группа рѣшительно отличается

---

[1]) Carus Denkschrift. Ueber ungleiche Befähigung der verschiedenen Menschheitsstämme für höhere geistige Entwickelung. Leipzig. 1849. S. 80. So wiederholen in eigenthümlich sinniger Weise höhere Abtheilungen d. Pflanzenwelt die der niedern Formen, und unter den Thieren kündigt sich die Klasse d. Säugethiere neben der grössern Vollständigkeit ihrer Organisation namentlich dadurch an, dass sie in mehren Stufenfolgen die zunächst vorhergegangenen Klassen wiederholt, — die Fischen durch die Cetaceen, die Amphibien durch die Edentaten (Schnabel u. Schuppenthiere u s. w.), die Vögel durch die Flädermäuse bevor sie in ihren höhern Sippen die eigentlichen Säugethiere darstellt...

развитіемъ высшихъ духовныхъ индивидуальностей, и потому во всѣхъ отношеніяхъ должна быть разсматриваема, какъ существенно главная въ цѣломъ племени. Она состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двѣнадцати народныхъ вѣтвей. Я здѣсь ограничиваюсь ихъ поименованіемъ, дабы точнѣе обозначить тѣхъ, которые отличаются высшими дарами духа. Привожу ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Кавказцы. 2. Персы. 3. Армяне. 4. Семиты. 5. Пелазги. 6. Этруски. 7. Ѳракійцы. 8. Иллиры. 9. Иберы. 10. Романцы. 11. Кельты. 12. Германцы.

Таковы *существенныя* и *центральныя* вѣтви денныхъ народовъ. Теперь укажу на тѣ, въ которыхъ повторяются другія различія (Geviertstrahlungen) человѣчества. Таковы денные народы, которые повторяютъ:

а. *Ночные народы.*	б. *Восточные утренніе народы.*	в. *Западные вечерніе народы.*
1. Народы Атласа (Берберы, Кабилы, Мавры).	1. Индусы (свыше 110 мил.).	Финны и Лопари, напоминающіе Эскимосовъ.
2. Нубійцы, Абиссинцы, Египтяне, Копты.	2. Турки.	
	3. Литовцы и Славяне.	

Тутъ же Карусъ прибавляетъ, что «Литовцы и Славяне повторяютъ Сибирскія и Татарскія племена, Турки напоминаютъ Китайцевъ, а Индусы суть повтореніе Малайцевъ.»

Философъ-физіологъ съ удовольствіемъ однажды замѣтилъ, что столь философски развитый умъ, какъ Ласо (Lasaulx) называлъ его дѣленіе „самымъ простѣйшимъ и самымъ остроумнѣйшимъ". Тутъ же Карусъ, не безъ видимаго пренебреженія къ Французскому легкомыслію, привелъ, что Гобино выдаетъ его классификацію за чистый вымыслъ Нѣмецкой идеологіи [1]). Впрочемъ и въ отечествѣ Каруса она не нашла себѣ многихъ послѣдователей, даже между учеными одного съ нимъ направленія и взгляда, какъ относительно построенія классификаціи племенъ на основаніяхъ философскихъ, такъ и по вопросу о существенномъ духовномъ ихъ неравенствѣ. Фольграфъ напр. не принялъ его дѣленія, а предпочелъ ему собственное, мало на него похожее. Не одинъ Французъ Гобино, но и нѣкоторые Нѣмецкіе ученые находили въ дѣленіи Каруса искусствен-

---

[1]) Carus-Die Frage nach Entstehung (Uns. Zeit. 1858. H. 14. S. 90).

ность и натяжки. И не странно ли въ самомъ дѣлѣ черный цвѣтъ Негровъ возводить къ отсутствію свѣта, когда напротивъ солнце имѣетъ несомнѣнное вліяніе на смуглость кожи и темноту волосъ? И не въ высшей ли степени страненъ рѣшительный тонъ физіолога Каруса о духовныхъ способностяхъ такихъ народовъ, какъ Ѳракійцы, Иллиры, Этруски, исторія которыхъ очень мало извѣстна самимъ историкамъ спеціалистамъ. И почему Карусъ знаетъ, — а онъ ни мало въ томъ не сомнѣвается, — что напр. Славяне, исторія которыхъ была ему конечно извѣстна не больше Ѳракійской или Иллирской, менѣе духовно одарены, чѣмъ не только Кельты, Романцы, Германцы, но и Персы, Армяне, Ѳракійцы, Иллиры? Все это такъ произвольно, случайно и лично, что даже Ласò, едва-ли не единственный ученый, который призналъ дѣленіе Каруса самымъ простымъ и остроумнымъ, не находилъ возможнымъ строго его придерживаться. Такъ относительно Славянъ Ласò разошелся съ нимъ и выражалъ мысль, что они въ цивилизаціи явятся на смѣну старѣющимъ Романцамъ и Германцамъ, за что такъ и опрокинулся на него старый Менцель съ своею смѣшною запальчивостью.

Гельдъ, какъ мы видѣли, за религіозно-политическія воззрѣнія и ихъ осуществленіе въ жизни, дѣлитъ человѣческій родъ на три отдѣла: Яфетидовъ, Семитовъ и Хамитовъ. Въ первыхъ онъ видитъ носителей интеллегтуально-политическаго, во вторыхъ — религіознаго, въ третьихъ — матеріалистическаго направленій. Обращаясь къ Европѣ, онъ усматриваетъ въ Германцахъ носителей внутренне-религіознаго, нравственнаго начала, въ Романцахъ носителей раціоналистическо-политическаго, а въ Славянахъ матеріалистическаго. Любопытно, что съ такою легкостью проникая въ глубины духа различныхъ племенъ и народовъ земнаго шара и тонко различая въ нихъ ихъ существенныя направленія, Гельдъ ни мало не замѣчаетъ слабыхъ основаній и внутренняго противорѣчія въ своей системѣ. Или матеріализмъ есть главное существенное отличіе Хамитовъ отъ Яфетидовъ и Семитовъ, и тогда почему же Яфетиды-Славяне отличаются отъ Романцевъ и Германцевъ именно своимъ матеріализмомъ? Или религіозность, духовность есть коренное отличіе Семитовъ отъ Хамитовъ и Яфетидовъ, и тогда какимъ же образомъ внутренняя религіозность и нравственность могутъ составлять существенное отличіе Германцевъ отъ Славянъ и Романцевъ? Такъ у Гельда его признаки видовые совершенно разстроиваютъ его же признаки родовые. Какое же довѣріе внушаютъ, какого авторитета заслуживаютъ краткіе на манеръ изреченій древ-

нихъ оракуловъ, рѣшительные безапеляціонные приговоры о призваніи и судьбахъ великаго историческаго, стомилліоннаго племени, мало извѣстнаго и изучаемаго, когда творцы этихъ приговоровъ не умѣютъ обойтиться безъ грубыхъ ошибокъ и въ діалектическомъ построеніи своихъ же краткихъ апріорическихъ приговоровъ и сужденій.

Извѣстный авторъ многотомныхъ сочиненій о культурной исторіи человѣчества и составитель этнографическаго музея въ Дрезденѣ, Клеммъ, котораго по дешевой и патріотической привычкѣ жаловать своихъ ученыхъ въ творцевъ и отцевъ новыхъ наукъ, Нѣмецкая печать не разъ называла отцемъ и основателемъ культурной исторіи, Клеммъ съ своими посредственными дарованіями и своею сомнительною ученостью, хотя и несомнѣнною начитанностью, если бы дѣйствительно заслуживалъ столь громкаго титула, могъ бы служить грустнымъ примѣромъ жалкаго безсилія ума человѣческаго. Что же послѣ того было бы человѣческое знаніе, если некритическіе компиляторы съ умомъ Клеммовскимъ могли бы создавать новыя науки!

Въ первомъ томѣ своей всеобщей культурной исторіи Клеммъ высказываетъ недовольство всѣми прежними классификаціями человѣчества, антропологическими и философскими, и заявляетъ, что онъ пришелъ къ мысли о необходимости дѣлить его на два отдѣла, на двѣ расы, дѣятельную и страдательную, мужескую и женскую. Первая самая малочисленная. Описавъ ея наружность, Клеммъ замѣчаетъ: „юноши этой расы, гдѣ она выступаетъ чисто и несмѣшанно, напоминаютъ Аполлона Бельведерскаго, а мужчины Геркулеса Фарнезскаго. Въ духовномъ отношеніи въ ней преобладаютъ воля, стремленіе къ господству, самостоятельности, свободѣ, элементъ дѣятельности, неутомимости, стремленіе въ ширину и даль, наклонность къ изслѣдованію и повѣркѣ, смѣлость и сомнѣніе. Все это ясно выражается въ исторіи народовъ, составляющихъ дѣятельное, активное человѣчество, Персовъ, Арабовъ, Грековъ, Римлянъ, Германцевъ. Эти народы совершаютъ переселенія, разрушаютъ старыя благоустроенныя государства, основываютъ новыя; они смѣлые мореплаватели, у нихъ свобода учрежденій, основный элементъ которыхъ постоянный процессъ; ѳеократія и деспотизмъ не удаются, хотя (sic) эти народы высказываютъ склонность ко всему возвышенному и напрягаютъ къ тому свои силы. Знаніе, изслѣдовательность и мышленіе на мѣсто слѣпой вѣры; процвѣтаютъ наука и искусство; и эти народы наиболѣе въ нихъ произ-

вели. Духъ этихъ народовъ въ постоянномъ движеніи, подымаясь или спускаясь, но лично впередъ стремящійся. Ихъ родина умѣренный поясъ, изъ котораго они завоевали и заняли всѣ другіе поясы. Въ Остъиндіи и Америкѣ, на Капѣ, Полярномъ морѣ и экваторѣ имѣютъ они свои колоніи; они посѣтили всѣ точки земли до отдаленнѣйшихъ полюсовъ, переносили всѣ климаты, со всѣхъ поясовъ собрали сокровища въ свою родину." [1])

Совершенно другими качествами отличается, говоритъ Клеммъ, пассивная или страдательная раса, которую онъ также называетъ общимъ именемъ Монголовъ. Идеалы типа этой расы представляются въ Египетскихъ и Индѣйскихъ изваяніяхъ. Народы этого отдѣла отличаются подражательностью (*особенно напр. Китайцы*), даютъ хорошихъ слугъ и солдатъ, извѣстны своею мягкостью и терпѣливостью.

Славянъ Клеммъ не помѣщаетъ въ спискѣ народовъ, составляющихъ, по его мнѣнію, активное человѣчество, и въ десятомъ томѣ своей исторіи описываетъ характеръ Русскихъ и другихъ Славянъ всѣми чертами своихъ Монголовъ или женственной, пассивной расы [2]).

Вообще въ Нѣмецкой печати очень любимъ пріемъ уподобленія Славянъ, по ихъ призванію и судьбамъ, народамъ Туранскимъ. Привычка Нѣмцевъ хвалиться передъ всѣми своею строгою научностью и объективностью и указывать на неспособность въ этомъ отношеніи Славянъ обязываетъ насъ остановиться нѣсколько на этомъ пріемѣ, такъ какъ онъ употребляется не въ однихъ газетахъ и журналахъ, въ статьяхъ неизвѣстныхъ авторовъ, но и въ строго-научныхъ трудахъ самыхъ извѣстнѣйшихъ Нѣмецкихъ ученыхъ, напр. Каруса и друг. Такой пріемъ сравненія однихъ народовъ съ другими заслуживаетъ ли названія строго-научнаго? Подобныя сравненія могутъ быть правильны и умѣстны, если онѣ служатъ къ поясненію неизвѣстнаго и темнаго чѣмъ нибудь извѣстнымъ и опредѣленнымъ. Нельзя не согласиться, что Славянскій міръ для огромнаго большинства Нѣмецкихъ ученыхъ и писателей есть предметъ неясный, темный и малоизвѣстный. Въ этомъ отношеніи пріемъ сравненія Славянъ съ другими народами могъ бы быть очень полезенъ, но подъ однимъ лишь условіемъ, дабы эти *другіе* народы были этимъ ученымъ знакомы и извѣстны гораздо болѣе, чѣмъ Славяне. Иначе придется объяснять неизвѣстное неизвѣстнымъ, темное

---

[1]) Klemm, G. Allgem. Cultur-Geschichte. Leipzig. 1843. B. I. Ss. 196—7.
[2]) Idem. B. X. Leipzig. 1852. Ss. 26 ff.

незнакомымъ. Какъ бы ни были велики заслуги Нѣмецкихъ оріенталистовъ въ области Туранской, нельзя однако отвергать, что не всѣ же результаты ихъ трудовъ сдѣлались достояніемъ Германской публики, что вѣроятно и не всѣ результаты и выводы ихъ отличаются несомнѣнною истинностью. Мы даже позволяемъ себѣ усумниться въ томъ напримѣръ, чтобы Германская наука и ученость обладала лучшимъ знаніемъ и пониманіемъ Туранцевъ, чѣмъ Славянъ. Послѣдніе сосѣдятъ съ Германіею по всей ея сѣверо-юговосточной границѣ, находятся съ Нѣмцами въ ежедневныхъ непрерывныхъ сношеніяхъ въ теченіе не одной тысячи лѣтъ, происходятъ отъ одного общаго корня, сохраняютъ въ языкѣ, правахъ, обычаяхъ, народныхъ вѣрованіяхъ глубочайшее внутреннее родство съ Нѣмцами. Туранскія же племена отдѣлены отъ Германіи цѣлымъ громаднымъ просторомъ земель Славянскихъ, никогда почти въ историческое время не находились въ прямыхъ, непосредственныхъ сношеніяхъ съ Нѣмцами, за исключеніемъ развѣ зап. Финновъ, Мадьяръ, да и тутъ по большей части посредствуютъ Славяне; еще болѣе это слѣдуетъ сказать о Туркахъ. Германскіе историки правда любятъ прославлять побѣды Германіи надъ Османами, но нельзя же забывать, что большая часть этихъ побѣдъ была пріобрѣтена не только не одними Нѣмецкими, но даже преимущественно Славянскими силами. Намъ могутъ возразить, — и мы готовы съ этимъ согласиться, — что успѣшному изученію и пониманію Славянъ Нѣмцами мѣшаютъ стародавняя вражда, ненависть къ имѣющейся у Славянъ силѣ, и презрѣніе къ слабости побѣжденной ихъ части, корыстолюбивое желаніе захватить новыя Славянскія земли. Напротивъ того, скажутъ намъ, къ Туранцамъ Нѣмцы никакой вражды, злобы и зависти не питаютъ и причинъ ихъ питать не имѣютъ, никакихъ себѣ земель Туранскихъ отнять не могутъ, а потому и не желаютъ. По всѣмъ этимъ причинамъ Туранцы могли бы быть лучше извѣстны и понятны Нѣмцамъ, чѣмъ Славяне. Но эти обстоятельства, замѣтимъ, доказываютъ также, что Нѣмцы не имѣютъ сильныхъ побужденій и необходимыхъ удобствъ для изученія Туранцевъ. Притомъ же деликатныя чувства и ученая гордость забывшихъ о своей недавней старинѣ современныхъ Нѣмцевъ, заставляющія ихъ презирать Славянъ за грубость и недостатокъ учености, должны еще болѣе возмущаться при видѣ Туранцевъ, такъ какъ ихъ гораздо менѣе, чѣмъ Славянамъ, знакомы современныя Европейскія ученость и комфортъ. Вообще, сравнивая Славянъ съ Туранцами, Нѣмецкіе писатели руководятся больше и даже исключи-

тельно желаніемъ похулить и унизить Славянъ, а вовсе не желаніемъ лучше себѣ выяснить ихъ призваніе и судьбы. Какъ ни мало въ Германіи стараются добросовѣстно изучить Славянъ, какъ ни темны и ни спутанны Нѣмецкія господствующія о нихъ понятія, какъ ни пренебрежительно относится къ Славянамъ огромнѣйшее большинство Нѣмцевъ, однако утвердительно можно сказать, что Германія знаетъ Туранцевъ еще несравненно менѣе, имѣетъ о нихъ понятія еще болѣе смутныя, и даже еще болѣе презираетъ ихъ, какъ людей нисшей породы.

Относительно народностей, составляющихъ Славянское племя, въ Германіи между учеными и образованными людьми не существуетъ строго говоря никакого разногласія. Не всѣ они быть можетъ вѣрно знаютъ, но всѣ могутъ знать, справившись въ своихъ книгахъ, и всѣ должны знать, по требованіямъ науки, на какія главныя разновидности распадается Славянское племя, какіе именно края оно заселяетъ. Относительно же Туранскаго племени не только между образованными людьми, но и между первыми учеными Германіи существуетъ значительное разногласіе. Такъ М. Мюллеръ относитъ въ лингвистическомъ отношеніи къ Туранцамъ не только Тунгусовъ, Монголовъ, Турокъ, Самоѣдовъ и Финновъ, но за исключеніемъ Китайцевъ, Арійцевъ и Семитовъ, почти всѣ остальные народы Азіи и Австраліи. Противъ причисленія къ Туранцамъ народовъ южной Азіи, Декана (такъ называемыхъ Тамуловъ, Телинга, Канарезовъ, Малаяла и Тулува) рѣшительно вооружаются и знаменитый Поттъ [1]) и почтенный Фр. Мюллеръ, который въ одномъ отношеніи идетъ даже далѣе Потта и совершенно отдѣляетъ народы сѣверо-Азіатскіе (Юкагировъ, Чукчей, Коряковъ и Алеутовъ) отъ народовъ Монгольскаго племени. За то онъ въ свою очередь къ Монголамъ вообще причисляетъ, опять не въ согласіи съ Поттомъ,— Урало-Алтайцевъ т. е. Самоѣдовъ, Финновъ, Тунгусовъ, Монголовъ, Татаръ, Японцевъ и Корейцевъ и затѣмъ Азіатовъ съ односложными языками т. е. Тибетцевъ и Гималайцевъ, Бармановъ и Логита, первоначальныхъ обитателей Индо-Китайскаго полуострова, Тайцевъ, Аннамитовъ, первоначальныхъ обитателей Китая и Китайцевъ.

Положимъ однако, что пріемъ сравненія Славянъ съ Туранцами или даже Монголами не заключаетъ въ себѣ ничего противунауч-

---

[1]) Письмо М. Мюллера см. Bunsen, Outlines of the Philosophy ofuniversal history. London. 1854. II. Ст. Потта см. Zeitschrift d. deutsch morgenländischen Gesellschaft. Leipzig. 1855. B. IX. Ss. 405 — 464.

наго. Посмотримъ лучше, какія Нѣмцами замѣчены поразительныя сходства Славянъ съ Туранцами или Монголами. Беремъ характеристику Монгольской расы, представленную однимъ изъ лучшихъ новѣйшихъ этнографовъ Германіи, Фр. Мюллеромъ. „Благодаря врожденной Монголу флегмѣ, ясно проявляющейся въ его дѣтскихъ чертахъ лица, его настроеніе духа тихое и мирное. Это доказываютъ и его занятія. Монголъ по преимуществу скотопасъ и земледѣлецъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ предается онъ охотѣ и рыболовству. Мягкому настроенію духа Монголовъ Буддизмъ прежде всего обязанъ своими великими успѣхами въ восточной и средней Азіи и тому, что его религія по числу исповѣдниковъ стала первою въ мірѣ. Флегма Монгольская нисколько однако не исключаетъ воинственнаго расположенія. Правда Монголу недостаетъ личной храбрости, которая такъ рѣзко отличаетъ другія расы. Героическіе образы, которые мы находимъ у Малайцевъ, туземцевъ Америки и у средиземной (Кавказской) расы, рѣдко попадаются въ Монгольской расѣ. Монголъ становится храбрымъ воителемъ, если другіе ему предшествуютъ съ своимъ примѣромъ, если кто его съумѣетъ нафанатизовать. Всюду, гдѣ Монголы являются завоевателями, бывали они предводимы вдохновенными людьми и движеніемъ массъ склоняютъ вѣсы на свою сторону [1]). Впрочемъ ни одно изъ великихъ царствъ, ими основанныхъ, не было въ состояніи долго пережить смерть своего основателя; въ короткое время онѣ становятся добычею побѣжденныхъ. И даже великія царства на отдаленномъ востокѣ, обитатели коихъ рѣшительно принадлежатъ къ Монгольской расѣ, своею продолжительностью преимущественно обязаны собственной тяжести—флегмѣ жителей, и тому также обстоятельству, что онѣ не подвергались нападеніямъ со стороны другихъ высокодаровитыхъ расъ. Какъ велика въ этомъ отношеніи ихъ сила сопротивленія, всего лучше доказываютъ событія новѣйшихъ временъ [2]). Учрежденія народовъ Монгольскаго

---

[1]) Этихъ двухъ періодовъ признаться мы вовсе не понимаемъ. Кто же фанатизуетъ Монголовъ, кто же ихъ вдохновенные люди, какъ не Монголы же. Не тоже ли самое бываетъ и бывало со всѣми народами земнаго шара? Гдѣ тутъ особенность Монгольская? Поставьте вмѣсто фанатизма энтузіасмъ и вмѣсто вдохновеныхъ людей, пророковъ-геніевъ и великихъ государей полководцевъ, и вы увидите, что тоже самое говорятъ о себѣ сами Европейцы и въ средніе и въ новые вѣка.

[2]) Нужно ли объяснять, какъ все это легко, малообдуманно и не вѣрно? Многовѣковое существованіе Китая и Японіи обязано лишь флегмѣ жителей и тому обстоятельству, что на нихъ не нападали народы изъ высоко-

племени въ строгомъ смыслѣ патріархальныя. Глава общества или государства стоитъ къ другимъ сочленамъ въ томъ же отношеніи, какъ отецъ къ членамъ семейства. Они ему съ своей стороны оказываютъ тотъ же почетъ, тоже повиновеніе, какъ дѣти отцу. Онъ можетъ отъ нихъ требовать такихъ же жертвъ. Вообще Монголы не вышли изъ этого патріархальнаго состоянія; даже тамъ, гдѣ они образовали большія государства, все ихъ устройство всецѣло отмѣчено печатью патріархальности. Изъ этихъ учрежденій, которыя не даютъ развиться рѣзко отмѣченнымъ индивидуальностямъ (подобное мы замѣтили и относительно наружнаго ихъ типа) проистекаетъ несамостоятельность Монгольскаго племени. Свободное движеніе въ обществѣ Монголу совершенно чуждо. Ему вездѣ формально должна быть указана дорога. Отсюда формальность, въ которую онъ постоянно впадаетъ, рабскій смыслъ, въ которомъ онъ воспитывается. Патріархальныя учрежденія вносятъ безграничное уваженіе ко всему, что дошло отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Все, что думали и дѣлали предки, должно быть хорошо, ибо они имѣли передъ собою богатый опытъ. Все это знать и сообразно съ этимъ жить есть вверхъ мудрости и умѣнья. Благодаря этимъ воззрѣніямъ Монголъ можетъ быть принимаемъ за типъ самаго коснаго реакціонера, который только медленно подвигается въ своей цивилизаціи. Съ другой стороны такія воззрѣнія производятъ извѣстное углубленіе въ свое отечественное, которое за то переходитъ въ плоть и кровь каждой особи гораздо сильнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ скрещиваются противуположные взгляды и стремленія. Этому обстоятельству величайшая культурная держава Монгольской расы, Китай обязанъ своими особенностями: безпримѣрною законченностью до послѣднихъ мелочей и вмѣстѣ такою неподвижностью, которая противурѣчитъ всякому успѣху [1]). Объ руку съ этими особенностями живетъ преобладаніе холоднаго расчетливаго разсудка, при полнѣйшемъ отсутствіи всесогрѣвающей, творческой фантазіи.

даровитыхъ расъ!! Слѣдовательно, будь только побольше флегмы у Нѣмцевъ, Германская Имперія никогда бы не пала. Вѣдь не отъ того же она пала, что на нее нападали народы, болѣе Нѣмцевъ даровитые? Вѣдь таковыхъ и даже одинаково одаренныхъ нѣтъ и быть не можетъ. Особою силою сопротивленія чужеземнымъ завоевателямъ не всегда отличаются и Европейскія государства, наприм. Германія при Наполеонѣ I, Франція при Наполеонѣ III.

[1]) Какъ же это тогда создалась Китайская образованность съ своею безпримѣрною законченностью?

Благороднѣйшія чувства любви и дружбы, играющія такую великую роль въ жизни Кавказца, чужды Монголу. Всюду выступаетъ холодный разсудокъ, прилагающій ко всему мѣрило цѣлесообразнаго и полезнаго. Поэзія Монгольской расы незначительна; подобно ихъ религіи и философіи она привязана къ землѣ. Есть только этотъ видимый міръ, о которомъ Монголъ хочетъ знать, о другомъ невидимомъ мірѣ помышлять кажется ему совершенно излишнимъ [1]).

Такова характеристика Туранцевъ или Монголовъ, противъ которой въ общемъ, а не въ мелочахъ, не встрѣчались да вѣроятно и не встрѣтятся въ ученой Германіи большіе протесты. Что же ея ученые нашли схожаго и общаго у Славянъ съ Монголами, помимо нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чертъ, которыя и были, и есть теперь у разныхъ народовъ Романо-Германскихъ. Такъ напр. нѣкоторыя патріархальныя понятія о главѣ государства еще не исчезли въ самой Германіи, особенно въ Пруссіи. Короля многіе и многіе его подданные считаютъ и называютъ отцемъ, а Прусскіе короли, не исключая и нынѣшняго, иначе кажется о себѣ и не думаютъ. Еще недавно печатали всѣ газеты письмо какого то Французскаго плѣннаго, который удивляется силѣ и глубинѣ почитанія и благоговѣнія Пруссаковъ къ лицу короля. Было время, когда Итальянцы дивились тому же у Французовъ. [2]) Преданность старинѣ и обычаю свойственна въ христіанскомъ мірѣ не однимъ Славянамъ, а между прочимъ и Британцамъ, которые столь много великаго произвели въ наукѣ и искусствахъ и славятся своею любовью къ вольности. Преданность народа обычаю и любовь его къ старинѣ не должны быть смѣшиваемы съ умственною косностью, обскурантизмомъ и канцелярскою рутиною. Это понятія совершенно разнородныя. Какъ послѣднія мѣшаютъ и вредятъ развитію общества, такъ напротивъ первыя охраняютъ свободу отъ постороннихъ посягательствъ. Во всякомъ наименѣе благопріятномъ свободѣ общественномъ инсти-

---

[1]) Reise der oesterreichischen Fregatte Novara um die Erde in den Jahren 1857, 1858, 1859 unter den Befehlen des Commodore B. v. Wüllerstorf-Urbair. Anthropologischer Theil. Dritte Abtheilung Ethnographie auf Grund des von Dr. Karl v. Scherzer gesammelten Materials bearbeitet von Dr. v. Müller. Wien. 1868. Ss. 151—152.

[2]) Маккіавелли (Delle cose della Francia): Sono i popoli di Francia umili ed ubbidientissimi ed hanno in gran venerazione il loro re.. Тоже говорятъ и Венеціанскіе посланники XVI в. во всѣхъ почти реляціяхъ о Франціи. Напр. Джирол. Липпоманъ (1579): I re di Francia solevano esser chiamati i re dei montoni, che si tosano a beneplacito del pastore: perciò dimandato il gran re Francesco, quanta fosse l'entrata del suo regno, rispose: quanta ne voglio. Alberi, Relazioni degli ambasciat. Veneti. Appendice. Firenze. 1863. p. 47).

тутѣ есть извѣстная, хотя бы самая малая часть льготная, такъ или иначе ограничивающая личный произволъ и самоуправство. И эта сторона, эта часть учрежденія всегда ближе къ народному обычаю, и тѣмъ ближе, чѣмъ она льготнѣе. Такъ въ крѣпостномъ правѣ народному обычаю и воззрѣнію принадлежала мысль о правѣ на землю. Народный обычай, старина и пошлина есть наилучшая гарантія и охрана народныхъ правъ и свободы. У насъ долго въ модѣ было глумиться и ругаться надъ упорнымъ сопротивленіемъ стрѣльцовъ, староверовъ и крестьянъ разнымъ Петровскимъ нововведеніямъ, но теперь мы кажется начинаемъ догадываться, что благодаря этому упорству въ Россіи гораздо меньше рабскаго духа, чѣмъ можно и слѣдовало бы ожидать, если бы личный произволъ хотя бы одного изъ величайшихъ историческихъ дѣятелей не встрѣтилъ себѣ никакого протеста и сопротивленія [1]).

Народная и художественная поэзія и музыка всѣхъ народностей Славянскихъ, зачатки ихъ зодчества, живописи, ваянія и рѣзьбы проявляютъ такую роскошь фантазіи, такую глубину творчества и тонкость художественнаго чутья, которымъ не разъ удивлялись высокіе цѣнители изящнаго у Французовъ и Нѣмцевъ, Итальянцевъ и Англичанъ, что было бы совершенно нелѣпо уподоблять Славянъ Монголамъ именно за скудость ихъ фантазіи [2]) Точно также Славянъ скорѣе можно упрекать за излишнюю страсть брататься и панибратничать, чѣмъ за отсутствіе сердечнаго расположенія къ дружбѣ и привязанности къ людямъ. Какое большое значеніе дружбѣ, товариществу и братству придаетъ народное Славянское воззрѣніе, можно судить по народнымъ посло-

---

[1]) Д. С. Миль совершенно вѣрно замѣчаетъ о значеніи обычая въ экономической жизни народовъ. За неимѣніемъ подъ рукою подлинника, ссылаюсь на Французскій переводъ его Основаній Полит. Экон. „Plus nous nous reportons à des époques reculées de l'histoire, plus nous voyons toutes les transactions et tous les engagements placés sous l'influence de coutumes fixes. La raison en est évidente. La coutume est le protecteur le plus puissant du faible contre le fort; c'est l'unique protecteur du premier lorsqu'il n'existe ni lois ni gouvernement pour remplir cette tâche. La coutume est la barrière que, même dans l'état d'oppression la plus complète de l'espèce humaine, la tyrannie est forcée jusqu'à un certain point de respecter. (Кн. II, гл. IV. § 2)

[2]) Впрочемъ вѣрно ли еще, что Монголы отличаются скудостью фантазіи. Нѣкоторые Нѣмецкіе ученые въ разныхъ произведеніяхъ Азіатской между прочимъ и Монгольской фантазіи, видятъ источникъ любимыхъ Европейскихъ, Нѣмецкихъ фантастическихъ разсказовъ, народныхъ и дѣтскихъ сказокъ.

вицамъ, пѣснямъ и многимъ стариннымъ обычаямъ всѣхъ Славянскихъ народовъ. Такъ у Русскихъ извѣстны названные, крестовые братья, у Сербовъ побратимы и посестримы. За своего друга, принятаго въ братья, хотя бы онъ былъ чужаго рода и племени самаго враждебнаго, напр. для Серба Турокъ, Славянинъ священнѣйшимъ долгомъ считалъ жертвовать своимъ достояніемъ и жизнью. Древность побратимства не подлежитъ сомнѣнію: оно идетъ отъ временъ языческихъ. Это видно изъ нѣкоторыхъ обрядовъ, при которыхъ оно заключалось. Въ одномъ старинномъ Сербскомъ номоканонѣ или законникѣ *побратимство* положительно запрещается въ числѣ другихъ языческихъ обычаевъ; «братотвореніе да не твориши, законопреступна бо суть сіа». Далѣе объяснена и причина такого запрещенія: „аще кто сотворить побратимство съ Турчиномъ или христіанинъ съ христіаниномъ, и побіетсе и піють кръвь единъ оть другаго, яко же видимъ ныня творещыхъ, таковіи да запрететсе 5 лѣть оть причещеніа, или пость 1 лѣто и поклонъ 108 на день. Побратимство запрещай да не твореть чловѣци, зане въси христіане братіа суть по Христу и въ степеніи не чтетсе. Аще и взимаютсе между собою, не възбраняетсе, зане свещенная правила глаголють: побратимство ничтоже есть [1])“. Впрочемъ обычай этотъ у Сербовъ былъ такъ силенъ, что всѣ церковныя запрещенія съ цѣлью его уничтожить были безсильны, пока наконецъ церковь сама не рѣшилась взять его подъ свой покровъ и охрану. Такъ въ старинной Сербской церкви былъ введенъ особый „чинъ братотворенію, пріидуть хотѣще братимитися [2])“.

---

[1]) Номоканонъ или Законникъ. Рукоп. Сербск. въ мал. 8-ку. XVI в. (въ Бѣлградской библіотекѣ, № 40), л. 46 и л. 107 об.

[2]) Отрывокъ Сербск. письма, въ 4 листа, въ 4-ку, XVI или XVII в. (въ Бѣлградской библ. № 52). «Чинъ братотворѣнію, пріидут хотѣще братимитисе, и поставит их прѣд стимі двѣрьми и поставитъ старейшаго одѣсную и дасть имъ по свѣщу и положетъ десніе рукы на светое евангеліе и вь лѣвой дасть имъ кресть, и начнеть свещенникь: свети Боже, по отче нашь тропар дню и стому Іоанну Златоустому, тажъ миром Господу помолимсе, о сьвишнем мирѣ и о спасени душь нашихъ Господу, о мирѣ сего мира Господу помолимсе, о архіепископе нашемь Господу помолимсе, о сьвакупляющихсе въ любовь нелицемѣрную Господу помолимсе, о рабѣ божіемъ симъ имя рекъ Господу помолимсе, о дарованіи има цѣломудріе и любовь нелицемѣрну Господу помолимся... яко да причеститисе има несквьрьно и соблюсти братьство независимо...» По прочтеніи Евангелія отъ Іоанна, священникъ даетъ имъ цѣловать евангеліе. «Тажь сами себе цѣлують, потомъ священникь въздвигь руцѣ и чашу съ хлѣбомь глаголеть: вьнемь светаа светимь, причещаеть ихь оть просфорѣ, и емь попь старѣго брат

Быть можетъ скажутъ, что этотъ обрядъ питья крови при заключеніи побратимства именно и представляетъ одну изъ родственныхъ чертъ Славянъ съ Монголами, такъ какъ у Татаръ, по словамъ Казвини, существовалъ подобный же обычай питья крови при разныхъ сдѣлкахъ, равно какъ и у древнихъ Скиѳовъ при заключеніи побратимства по свидѣтельствамъ Иродота и Лукіана, а Скиѳы, скажутъ намъ, были конечно Монголы, какъ то предполагали уже Нибуръ и Шафарикъ и какъ доказалъ въ новѣйшее время К. Нейманнъ, который съ помощью извѣстнаго Германскаго Монголиста Шотта, Берлинскаго академика, объяснялъ изъ Монгольскаго языка различныя сохранившіяся до насъ Скиѳскія слова. Увы! и это возраженіе въ пользу сходства Славянъ съ Монголами не можетъ выдержать критики. Если обычай пить кровь при договорахъ и сдѣлкахъ былъ употребителенъ у Татаръ, то онъ былъ извѣстенъ и другимъ народамъ несомнѣнно Арійскимъ, самимъ напр. древнимъ Германцамъ, какъ это и указано Гриммомъ съ обычною полнотою. [1]) Основательные ученые Цейссъ, Уккертъ, Гриммъ, Мюлленгофъ представили убѣдительныя доказательства въ пользу Иранскаго, Арійскаго происхожденія Скиѳовъ. Сочиненіе же Нейманна вмѣстѣ съ толкованіями Шотта напротивъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ довольно низкомъ уровнѣ, на которомъ еще такъ недавно стояли въ Германіи Монгольскія изслѣдованія, ибо пользовавшіяся въ ней авторитетомъ книга Нейманна и различныя изслѣдованія Шотта нерѣдко полны, по свидѣтельству знатоковъ, самыхъ смѣшныхъ и грубыхъ ошибокъ.

Впрочемъ уподобленія Славянъ Монголамъ или Туранцамъ лишаются всякаго разумнаго значенія при соображеніи только двухъ крупныхъ явленій, рѣзко отличающихъ наше племя отъ такъ-называемой желтой расы и долженствовавшихъ бы имѣть рѣшительный смыслъ въ глазахъ историковъ, разсуждающихъ о судьбахъ и призваніи Славянъ. Строй Славянскаго языка совершенно иной, чѣмъ Ту-

---

и тьи того маншими (sic) и обводить ихъ около налоя трищи, на немь поставлену крьсту, поюще гласъ 1-й. Господи, господи, призри сь небесъ и виждь и посѣти виноградъ свой, иже насади испрьва дѣсница твоа... О побратимствѣ и посестримствѣ у нынѣшнихъ Сербовъ см. Вука, Рјечник, и Живот и обичаји народа Српскога. У Бечу. 1867. С. 278 — 9, и Megakovича. Живот и обичаи Црногораца. У Новом Саду. 1860. С. 73 — 76. У Сербовъ и другихъ Славянъ см. Bogisić, Pravni obicaje u Slovena. Zagreb. 1867. С. 150 — 154.

[1]) Grimm, J. Geschichte d. deutschen Sprache. Leipzig. 1853. Ss. 95 — 101.

ранскихъ. Глубочайшее проявленіе народнаго духа, языкъ самъ въ свою очередь имѣетъ сильное вліяніе на складъ народнаго ума и развитіе народныхъ понятій. Славяне слишкомъ уже тысячу лѣтъ принадлежатъ къ народамъ христіанскимъ, а Туранцы, Монголы-буддисты, мусульмане, фетишисты. Если трудно отрицать въ извѣстныхъ племенахъ большее или меньшее расположеніе и наклонности къ тѣмъ или другимъ религіознымъ системамъ, то уже во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію глубина и сила вліянія, которое оказываетъ религія въ теченіе вѣковъ на духовное образованіе и бытъ народовъ. Христіанство Славянъ и флексивность ихъ языка не должны бы позволять современному ученому, сколько нибудь мыслящему и себя уважающему, отдѣлять наше племя отъ Романцевъ и Германцевъ и то уподоблять, то причислять его къ Монголамъ. И какое безуміе! уподобляя Славянъ Туранцамъ, считающимъ у себя такія древнія и великія державы, какъ Японія и Китай, съ ихъ самостоятельной культурою, еще думаютъ этимъ подтвердить свои любимыя мысли или фразы, что Славяне будущности не имѣютъ, лишены оригинальности, неспособны къ образованію большихъ и прочныхъ державъ, что если де Россія велика и нѣсколько сильна, то единственно благодаря Нѣмецкой стихіи, играющей въ ней съ Петра Великаго такую важную роль. Въ подтвержденіе сходства нашего съ Туранцами иногда указываютъ также на нѣкоторые союзы Славянъ съ Туранскими народами противъ Европы, напр. съ Гуннами. Правда въ продолженіе своей исторической жизни Славяне въ борьбѣ съ Романцами (Итальянцами, Венеціанцами по преимуществу) и Германцами неоднократно пользовались помощію Азіатовъ, Гунновъ, Мадьяръ и пр. Но говоритъ ли это хотя сколько нибудь въ пользу особеннаго сходства нашего съ этими Азіатами? Франція, также и Англія, въ теченіе трехъ столѣтій были почти постоянными союзниками Турокъ противъ Испаніи, Германіи и Россіи. Различныя Итальянскія государства, Неаполь, Флоренція, Миланъ, Венеція, не говоря уже о болѣе мелкихъ, въ XV и XVI в. не разъ подстрекаютъ и называютъ грозныхъ тогда Турокъ и другъ на друга и на Германію. Слѣдуетъ ли изъ этого заключать о внутреннемъ родствѣ и великомъ сходствѣ Французовъ, Англичанъ и Итальянцевъ съ Турками? Какъ Европейцы, такъ и Славяне, при заключеніи этихъ сдѣлокъ и союзовъ съ Турками руководились чисто практическими соображеніями и временными политическими интересами. Романцы и Германцы въ свою очередь въ борьбѣ своей съ Славянами не мало пользовались до новѣйшаго времени по

мощью Мадьяръ, Татаръ и Турокъ, которые своими побѣдами и перевѣсомъ надъ Славянами оказывали часто громадныя услуги Германіи. Можно еще замѣтить, и это нужно помнить для пониманія средней и новой исторіи, что если есть во всеобщей исторіи антагонизмъ такъ-называемой Европы и Азіи, Аріевъ и Туранцевъ, то конечно онъ нигдѣ не проявился и не проявляется съ такимъ постоянствомъ и упорствомъ, какъ въ борьбѣ Славянъ съ Аварами, Печенѣгами, Половцами, Монголами и Турками. Наконецъ глубокое различіе Славянъ и Туранцевъ краснорѣчиво и рѣшительно высказывается въ воззрѣніяхъ Славянъ и Туранцевъ другъ на друга, особенно напр. Русскихъ крестьянъ и солдатъ на Азіатовъ и этихъ послѣднихъ, отъ Мадьяръ, Турокъ, всевозможныхъ нашихъ восточныхъ инородцевъ до различныхъ средне-Азіатовъ и Китайцевъ включительно, на Уруса, Ороса, Олоса и Москова. Объ этомъ впрочемъ много разсказываютъ наблюдательные Европейскіе путешественники и хорошо знаетъ Европейская дипломатія и публицистика, которая постоянно выказывала такое сердечное сочувствіе Туркамъ, Кавказскимъ горцамъ и еще недавно Киргизамъ.

Мы перебрали многіе отзывы Германскихъ философовъ, историковъ, публицистовъ о Славянскомъ племени, разнообразныя ихъ попытки точнѣе описать и охарактеризовать его, какъ расу низшую сравнительно съ Германцами. Эти отзывы и попытки лишены, какъ мы видѣли, всякаго научнаго и объективнаго значенія, противны всѣмъ научнымъ требованіямъ и пріемамъ. Впрочемъ они любопытны и знаменательны. Не давая ровно никакого понятія о Славянахъ въ объективномъ отношеніи, эти Нѣмецкіе отзывы и опредѣленія за то знакомятъ насъ съ господствующими въ Германіи, въ ея интеллигенціи, ученыхъ и въ литературѣ, воззрѣніяхъ и чувствахъ къ стомилліонному, Арійско-христіанскому, сосѣднему ей племени, находящемуся съ ней въ беспрерывныхъ столкновеніяхъ и сношеніяхъ въ продолженіе 1200 лѣтъ ея исторической и многихъ вѣковъ ея доисторической жизни. „Славяне — не мы, не намъ чета. Славяне, это ясно, какъ день, не имѣютъ ни нашихъ дарованій, ни сколько нибудь подходящаго къ нашему призванія. Славяне — это... это... съ чѣмъ бишь ихъ лучше сравнить... Славяне — это Хамиты, носители матеріализма, говорятъ одни,—Негры, прибавляютъ другіе; нѣтъ, перебиваютъ третьи, Славяне просто раса пассивная, а мы — раса активная, мы мущины, а Славяне женщины; нѣтъ, позвольте, кричатъ четвертые, мы женщины, а Славяне мущины; больше всего, разсуждаютъ пятые, напоминаютъ

Славяне Кельтовъ, шестые замѣчаютъ особое въ нихъ сходство съ Монголами, Туранцами". Такъ вкратцѣ можно передать смыслъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами отзывовъ и приговоровъ о Славянахъ. При всемъ замѣтномъ разногласіи, названные нами Нѣмецкіе ученые, мыслители и публицисты согласны однако въ одномъ, что приговоръ Германской науки и литературы о способностяхъ и объ историческомъ призваніи Славянъ есть выводъ строго-научный, вполнѣ объективный и ни мало не подверженный сомнѣнію для ума развитаго и беспристрастнаго. Нежеланіе же Славянъ согласиться съ такимъ приговоромъ и сообразно съ нимъ смирненько жить въ ожиданіи предопредѣленнаго поглощенія ихъ высшею Германскою расою, не имѣетъ разумнаго основанія, внушено сантиментальнымъ субъективизмомъ и неспособностью Славянскаго ума къ строго-научному объективизму. Оно проистекаетъ даже изъ весьма нечистаго источника: зависти Славянъ къ Нѣмецкому уму и нравственности и фанатической ихъ ненависти къ предназначеннымъ имъ отъ Промысла наставникамъ, обуздателямъ и покорителямъ, какъ мѣтко выразился Трейчке. Нѣкоторымъ разногласіемъ терминовъ, названій смущаться нечего. Основная мысль — вѣрная, ясная. Затрудненіе и разногласіе заключается только въ названіяхъ, словахъ. Стоитъ ли на этомъ останавливаться? На счетъ словъ нужно-ли очень безпокоиться, съ ними вѣдь всегда легко управиться,

... Nur muss man sich nicht allzu ängstlich quälen;
Denn eben wo Begriffe fehlen,
Da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein.
Mit Worten lässt sich trefflich streiten,
Mit Worten ein System bereiten,
An Worten lässt sich trefflich glauben...

Со всѣмъ этимъ мы готовы бы были согласиться, еслибъ насъ не тревожило одно сомнѣніе: а что если здѣсь *слова* и *слова* не въ прозвищахъ, которыя давались Славянамъ, а въ самой общей мысли о нихъ. Вѣдь слова Хамиты, Негры, женщины, Кельты и Туранцы — сами по себѣ слова полныя смысла и значенія. Примѣненіе ихъ можетъ быть неумѣстно и неудачно. Если мысль ясная и вѣрная у человѣка, то онъ не затрудняется найти ей подходящее выраженіе. Если напротивъ человѣкъ горячится и увѣряетъ, что онъ отлично понимаетъ предметъ, только не можетъ вѣрно его обозначить, и, пріискивая выраженія для своей мысли о немъ, надастъ ему до шести словъ, самыхъ несходныхъ и разнообразныхъ, то неправильно ли будетъ заключить объ этомъ человѣкѣ,

что онъ вовсе не имѣетъ яснаго понятія о предметѣ, что онъ его не изучалъ и съ нимъ незнакомъ, а только хочетъ по упорству сохранить о немъ то мнѣніе, которое ему почему то нравится и которое Богъ знаетъ, когда и отъ кого онъ слышалъ? Въ такомъ положеніи, запираясь и упорствуя, люди впадаютъ отъ одной ошибки въ другую. За невѣдѣніемъ предмета, о которомъ ихъ спрашиваютъ, они обличаютъ спутанность и неясность своихъ понятій о предметахъ совершенно постороннихъ. Такъ и наши судьи о Славянахъ, сверхъ значительнаго невѣдѣнія, господствующаго въ Нѣмецкомъ образованномъ обществѣ по этнографіи и исторіи Славянской, обличили замѣчательную спутанность и темноту понятій о правахъ, обязанностяхъ и призваніи мущинъ и женщинъ, о цѣлыхъ племенахъ человѣческихъ, Неграхъ, Монголахъ и Кельтахъ.

При всемъ множествѣ великихъ и славныхъ ученыхъ, которыми справедливо гордится Германія, при массѣ колосальныхъ научныхъ трудовъ, предпринятыхъ и совершенныхъ ею на пользу науки и во славу ума человѣческаго, въ Нѣмецкой ученой литературѣ, разумѣемъ здѣсь науки философскія, историческія и политическія, должны еще гнѣздиться и господствовать часто совершенно ложныя и превратныя свѣдѣнія и понятія, отчасти по слабости ума человѣческаго вообще и по недостаточности современнаго знанія, отчасти, и въ значительной степени, по той непомѣрной гордости и самомнѣнію, которыя царятъ въ Нѣмецкихъ университетахъ и въ печати относительно безпримѣрнаго объективизма и строгой научности Германскаго ума, заслугъ и мѣста въ наукѣ различныхъ Нѣмецкихъ ученыхъ. Эта невиданная и небывалая нигдѣ прежде вѣра въ силу и непогрѣшимость національнаго разума согрѣваетъ многихъ и многихъ ученыхъ въ отдѣльности, незамѣтно обращаясь у нихъ въ вѣру въ собственный единоличный разумъ. Отъ этого быть можетъ ни въ какой другой Европейской литературѣ, кромѣ Нѣмецкой, нельзя найти такую массу книгъ, въ которыхъ величайшія пошлости и нелѣпости излагались бы такимъ серьезнѣйшимъ тономъ и съ такою смѣшною увѣренностью въ ихъ глубинѣ и премудрости. Много вредитъ дѣлу и особаго рода патріотизмъ въ духѣ Арндта, забавно считающій Нѣмецкимъ отечествомъ всякую землю,

So weit die deutsche Zunge klingt
Und Gott im Himmel Lieder singt;
Das soll es sein, das soll es sein;
Das, wackrer Deutscher, nenne Dein.

Обращаясь ко всеобщей, такъ называемой средней и новой исто-

ріи, мы позволяемъ себѣ утверждать, что по различнымъ эпохамъ и отдѣламъ эта важная отрасль исторической науки, даже послѣ капитальныхъ, хотя во многихъ отношеніяхъ односторонних, трудовъ новѣйшей Нѣмецкой школы Ранке, Раумера и Шлоссера (Гизебрехта, Зибеля, Гервинуса, Гейссера и проч.) требуетъ иногда совершенной переработки. Мы полагаемъ, что Славянскіе, Русскіе ученые къ этому особенно призваны. При доказанныхъ уже тонкихъ критическихъ дарованіяхъ Русскаго ума и при особенностяхъ историческихъ отношеній Россіи къ Европѣ, юныя всходящія ученыя силы наши, благодаря постепенному подъему нашихъ гимназій и университетовъ, могутъ и должны быть увлечены съ великою надеждою на успѣхъ къ такимъ критико-историческимъ трудамъ по средней и новой исторіи. Нѣмецкая историческая наука, въ этой части по крайности, страдаетъ важными недостатками, такъ какъ вмѣсто строго-научнаго безпристрастія и объективизма, которыми такъ гордятся Нѣмецкіе ученые, они напротивъ того нерѣдко бываютъ одержимы самымъ пристрастнымъ субъективизмомъ и такимъ непомѣрнымъ патріотическимъ чувствомъ и презрѣніемъ къ другимъ племенамъ и народамъ, что подъ ихъ перомъ явно искажаются цѣлыя эпохи и отдѣлы средней и новой исторіи.

Эти замѣчанія о новой Нѣмецкой исторической наукѣ и Русскому и Нѣмецкому читателю могутъ показаться въ высшей степени дерзкими. Но ихъ основательность, надѣюсь, не разъ будетъ раскрыта въ продолженіи нашего труда, теперь же можетъ быть пояснена слѣдующими соображеніями.

Что вообще Нѣмецкою наукою въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, при всѣхъ, повторяю, громадныхъ ея заслугахъ, высказано въ философіи, политикѣ и исторіи много величайшихъ несообразностей, часто представлены предметы въ совершенно ложномъ и превратномъ видѣ, въ томъ сознаются и того не скрываютъ сами Нѣмцы, ученыя заслуги и дарованія которыхъ не подлежатъ сомнѣнію.

Извѣстный Нѣмецкій натуралистъ Шлейденъ, послѣдователь философіи Канта, Фриза, Апельта, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, раскрылъ свой взглядъ на философскія системы Фихте, Шеллинга и Гегеля, которыя въ первыя сорокъ лѣтъ и даже долѣе имѣли такое глубокое и рѣшительное вліяніе на всю Нѣмецкую образованность, на обработку всѣхъ отраслей вѣдѣнія, даже естествознанія, и особенно политическо-историческихъ наукъ. «Еще Рейнгольдъ, голова чрезвычайно ограниченная и довольно пошлая, придерживаясь слабыхъ сторонъ Канта и не понимая его истинно важныхъ открытій,

пытался повести далѣе философскую мысль, но пришелъ только къ прежнимъ, уже обойденнымъ Кантомъ, заблужденіямъ. За нимъ послѣдовалъ Фихте, сильный нравственный характеръ, но безъ логической выработки, безъ діалектическаго навыка, безъ всякаго философскаго генія; точно также не понимая Канта, онъ ухватился за ошибку Рейнгольда и выработалъ ее съ необдуманною поспѣшностью въ свой пустой формализмъ *я* и *не я*. Фихте пріобрѣлъ еще національное значеніе своимъ нравственнымъ вліяніемъ на подъемъ Германіи, но его незрѣлыя, ученическія философскія работы были скоро позабыты. Ему по пятамъ послѣдовали два геніальничавшихъ великана, которымъ мы позже были обязаны нелѣпымъ *культомъ генія*. Съ смѣлымъ пренебреженіемъ всѣхъ прежнихъ трудовъ они провозгласили свои незрѣлыя работы за глубокую мудрость и новую философію. Сами собою или своими пріятелями они были объявлены великими геніями, какъ будто дѣйствительный даже геній, безъ основательнаго и обширнаго умственнаго труда, безъ обильнаго знанія можетъ что нибудь произвесть въ мірѣ. — Къ этому кружку геніевъ принадлежали и кружки Рахили Фарнгагенъ, Арнима и т. д. Отсюда вѣчныя похвалы Гегелю въ Дневникѣ Фарнгагена ф. Энзе и нападки его на Берлинскую Академію Наукъ, которая, къ чести ея должно замѣтить, никогда не соглашалась избрать Гегеля въ свои члены.—Шеллингъ, „калліостро философіи", перевелъ Фихтово „Я не я" „въ всецѣлое безразличіе субъективнаго и объективнаго"; съ полнѣйшимъ произволомъ лишая всѣ слова ихъ реальнаго содержанія, ихъ живаго значенія, онъ построилъ изъ ничего не говорящихъ формулъ сравненія систему философіи природы, въ которой свои жалкія крохи реальнаго невѣжества онъ выставлялъ, какъ философскую необходимость. Эта пустая болтовня не коснулась астрономіи и математической физики, но на нѣкоторое время запутала органическія естественныя науки; впослѣдствіи Шеллингъ сдѣлался мистагогомъ и исчезъ въ туманѣ своей философіи миѳологіи. На его мѣсто выступилъ Гегель; дабы сказать нѣчто новое и самостоятельное, онъ произвелъ свою глубокую мудрость „Бытіе-Ничто." [1]) Разочарованный печальными результатами Шеллинга и

1) Философемы, построенныя на «Я=не Я», «бытіе=ничто», или «абсолютное бытіе» совершенно такая же безсмыслица, какъ еслибы математика захотѣла отправиться отъ положеній, подобныхъ «1 = 00, + = −» или «абсолютное=». Напр. «бытіе» есть только отношеніе предмета къ познающему субъекту, свойство познающаго представленія; абсолютная относительность (Verhältnissmässikeit), какъ абсолютное=, безъ членовъ отношенія, есть полнѣйшая безсмыслица. Прим. Шл.

собственными непріятными опытами (астероиды были открыты въ тотъ самый годъ, какъ Гегель представилъ философское доказательство ихъ невозможности), онъ обратился къ исторіи, которую онъ на долгое время испортилъ тѣмъ, что училъ строить, какъ философскую необходимость, всегда неизбѣжно неполный и случайный историческій матеріалъ. Между тѣмъ и исторія оправилась отъ этихъ нелѣпостей, и въ разнообразныхъ путяхъ его учениковъ удержалось только всякому здравому человѣческому смыслу противное „діалектическое движеніе мыслей" и „перебоя понятія въ его противуположность". Все это каждому, занимавшемуся какимъ бы то ни было реальнымъ знаніемъ, казалось грустною картиною упадка философіи. — Цѣлый рядъ этихъ несчастныхъ философовъ (Afterphilosophen) отличается еще своимъ абсолютнымъ невѣжествомъ въ наукахъ естественныхъ, именно въ самыхъ крѣпкихъ отрасляхъ человѣческаго знанія. Безсмыслицы, которыя нагородилъ Гегель въ своей философіи природы, такъ ужасны (haarsträubend), что онѣ подняли бы крикъ всеобщаго негодованія между натуралистами, если бы вообще кто нибудь изъ нихъ захотѣлъ обращать вниманіе на безобразія этихъ философскихъ карикатуръ.—Я долго думалъ, что Гегелева философія природы есть крайній предѣлъ въ этомъ отношеніи. Но въ новѣйшее время она была еще превзойдена „Системою натурализма" Левенталя. Это максимумъ того, что можетъ быть сочинено пустотою мыслей и реальнымъ невѣжествомъ (или что еще хуже поверхностностью). По счастью онъ самъ себя характеризуетъ, рекомендуя свою книгу „похвальными отзывами многихъ тысячей достопочтенныхъ лицъ", какъ родъ философскаго „Eau de Lob", „Revalenta arabica" или Гопфова мальцэкстракта.

Если это невѣжество въ естествознаніи было обще всѣмъ названнымъ, то отъ такого легкомысленнаго занятія самою серьезнѣйшею изъ всѣхъ наукъ, философіею, обработываемою почти исключительно Шеллингомъ и Гегелемъ, произошла другая существенная невыгода, именно полный упадокъ логики. Не пройдя строгой школы математики, эти лжегеніи (Scheingenies) не знали никакого строгаго сочетанія представленій. Въ наукахъ опытныхъ и ихъ методѣ они ничего не разумѣли; о примѣненіи этой методы къ философіи, объ опытномъ (психологическомъ) основаніи логики они не хотѣли слышать; ибо это положило бы конецъ ихъ праздной болтовнѣ. Шеллингъ впалъ снова въ открытую уже Кантомъ амфиболію понятій, а Гегель, который сознательно и положительно плевалъ на здравый человѣческій смыслъ, своею безумною діалекти-

кою совершенно распустилъ всякую строгость мышленія въ скомкаваньи произвольныхъ и случайныхъ разсужденій. Но это еще не все. Кому неизвѣстно, что развитіе науки не мыслимо безъ яснаго, сильнаго, чистаго языка? Кто говоритъ безсмыслицу, тотъ долженъ остерегаться такого языка, ибо онъ сейчасъ его выдастъ. И вотъ эти *долженствовавшіе быть* геніи изобрѣли совершенно новый, никому, кромѣ ихъ, непонятный языкъ, для котораго они не представили грамматики и синтаксиса, но который въ словахъ и сочетаніяхъ по Латыни и по Нѣмецки имѣлъ такой видъ, что могъ заставить немыслителей думать, что тутъ долженъ же быть какой нибудь смыслъ („es müsse sich dabei doch auch was denken lassen").

Фихте въ своемъ ученіи о наукѣ съ своимъ „я есмь я", и „я есмь не я" (первое по Нѣмецки пустая тавтологія, а второе чистѣйшая безсмыслица) уже началъ воздвигать Вавилонскую башню. Шеллингъ въ свою философію природы ввелъ способъ выраженія, который ровно ничего не могъ обозначать. Нѣмецкій и Латинскій смыслъ рѣченій велъ къ тривіальности. Подъ словами: „totale Indifferenz" (всецѣлое безразличіе), полюсъ, полярность, contraction и expansion и т. д. надо было разумѣть совсѣмъ иное, чѣмъ требовалось обычаемъ языка. Но великій Кофта не унижался до того, чтобы гдѣ нибудь сказать, что же собственно, сверхъ обыкновеннаго смысла, должны обозначать употребляемыя имъ слова. У Гегеля же языкъ обратился въ совершенную, изобрѣтенную имъ, тарабарщину, для разумѣнія которой каждому, кто искалъ въ ней болѣе, чѣмъ однихъ звуковъ, не имѣлось ни словаря, ни какихъ другихъ пособій. Говорятъ, что Гегель въ своей юности былъ великимъ филологомъ, однако, при первомъ своемъ выступленіи, онъ осрамилъ себя въ своей диссертаціи совершеннымъ искаженіемъ очень яснаго мѣста въ Платонѣ; и въ самомъ началѣ его перваго философскаго труда „Феноменологія Духа" обнаружилось его совершенное безсиліе въ разумѣніи и употребленіи языка, именно въ его разсужденіи, такъ часто выдававшемся за глубокомысленное, о „здѣсь" и „теперь", которое для всякаго, заботящагося объ языкѣ и понимающаго значеніе указательнаго нарѣчія, есть безсмыслица, происшедшая изъ ученическаго невѣжества. Легко было предвидѣть послѣдствія искаженія языка, психологіи, логики и метафизики. Прусская школьная полиція сдѣлала изъ Гегеля философскаго Мессію. Такъ называемые Гегеліанцы наводнили собою Нѣмецкіе университеты, и чего недоставало въ знаніи и глубинѣ мысли, то замѣняли они, какъ и ихъ предводи-

тель, наглостью и безстыдствомъ, покрывая своими криками тихіе голоса истинной и скромной философіи. Повсюду съ новопробужденною силою выступившее естествознаніе отвернулось съ пренебреженіемъ отъ этой пустой болтовни, и между учащеюся молодежью вошло какъ бы въ моду считать того глупцемъ, кто занимается философіею или посѣщаетъ подобнаго товарища, развѣ съ намѣреніемъ часъ другой надъ нимъ позабавиться." Въ этомъ отношеніи Шлейденъ совершенно выдѣляетъ нѣкоторыхъ ученыхъ Нѣмецкихъ, преимущественно Гербартіанцевъ. „Такъ, продолжаетъ Ш., порвалась связь, которая соединяла естественныя науки между собою и съ общимъ образованіемъ, и которую именно крѣпко утвердили основатели точнаго естествознанія. Выступило новое явленіе нашего времени, такъ называемый спеціализмъ, при которомъ частные изслѣдователи ограничиваются большею или меньшею областью, быть можетъ благодаря большей сосредоточенности много въ ней успѣваютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ за незнаніемъ связи общаго человѣческаго знанія бываютъ тѣмъ ограниченнѣе и запутаннѣе въ своемъ сужденіи, если ему подвергаютъ что нибудь не подлежащее прямо ихъ спеціальности. Къ этому же эти изслѣдователи ищутъ точности гораздо болѣе въ намѣренномъ невѣдѣніи всего лежащаго внѣ ихъ горизонта, чѣмъ въ строгомъ примѣненіи положительнаго метода въ своей спеціальности" [1]).

Мыслитель сильный, съ глубокою ученостью, основатель цѣлой школы, считающей въ своей средѣ нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ, Гербартъ и его послѣдователи въ томъ же приблизительно смыслѣ, какъ и Шлейденъ, отзывались о философскихъ системахъ Шеллинга и Гегеля, и объ ихъ вліяніи на Нѣмецкое образованіе.

„Между тѣмъ, какъ естествоиспытатели, говоритъ Гербартіанецъ Тило, заняты были искореніемъ вымысловъ Шеллинговой философіи природы, какъ произведеній „ума зашедшаго за разумъ" (einer tollgewordenen Vernunft), Гегелевскій отзвукъ Шеллингіанизма былъ поставленъ на очень выгодное мѣсто, для того, чтобы лучеобразно освѣщать высшія образовательныя заведенія великой страны. Въ немъ должно было совершиться примиреніе обыкновеннаго раціонализма съ церковною ортодоксіею, политическаго либерализма съ консерватизмомъ, т. е. съ абсолютизмомъ, такимъ образомъ,

---

[1]) Schleiden, M. J. Ueber den Materialismus der neueren deutschen Naturwissenschaft, sein Wesen und seine Geschichte, Leipzig. 1863. Ss. 34—39. См. его же Schellings und Hegels Verhältniss zur Naturwissenschaft.

чтобы въ новой наукѣ было возстановлено такъ называемое высшее единство противоположнаго; и возведеніемъ къ такъ называемому абсолютному знанію было признано за частными точками зрѣнія и отступающими направленіями ихъ относительное значеніе. Это вообще звучало очень гуманно и либерально, но скрывало въ себѣ такой абсолютизмъ, какой только возможенъ, когда притязающее на абсолютность знаніе чувствуетъ за собою помощь политической власти. Прусскіе государственные люди къ сожалѣнію поступили неблагоразумно, когда вмѣсто того, чтобы дойти до основанія дѣла, предались гаданіямъ и такимъ образомъ сухое и неясное ученіе, ради нѣкоторыхъ случайныхъ внѣшностей, было признано за важное образовательное средство и щедро покровительствуемо. Доведенная до крайней послѣдовательности, теорія абсолютнаго развитія (Werdens) была принята за полезное орудіе истиннаго прогресса и за охрану консервативныхъ интересовъ. Такимъ образомъ въ Пруссіи революціонизація научнаго мышленія была обращена въ законъ на десятки лѣтъ. Различныя формы „бытія-ничто“ и „да-нѣтъ“ составили закваску новаго научнаго образованія. Безстыднѣйшая софистика, какъ дѣло узаконенное и свыше особенно покровительствуемое, производило свое мысли спутывающее вліяніе на гимназіи и университеты. Нетрудно было предвидѣть, что̀ взойдетъ изъ такого посѣва; мы это пережили и еще будемъ имѣть дѣло съ его послѣдствіями. Тамъ, гдѣ такъ долго логическая нелѣпость выдавалась за умозрительную форму философскаго познанія и все еще въ такомъ смыслѣ предлагается юношеству, тамъ нельзя ожидать, чтобы заведенная спутанность мышленія (Confusion des Denkens) такъ скоро могла бы пройти“. Модную въ его время Гегелевскую философію Гербартъ называлъ „hohle, flatterndê, kecke, plauderhafte Wesen von schlüpfrig glänzendem Ansehen“ [1]).

---

[1]) Zeitschrift für exacte Philosophie im Sinne des neuern philosophischen Realismus. Leipzig. 1860. B. I. H. I. Статья Тило.—Die Grundirrthümer des Idealismus in ihrer Entwickelung von Kant bis Hegel. Ss. 51—53. Свой разборъ философіи Гегеля Тило заключаетъ слѣдующими словами: «Eine solche Philosophie kann nur dazu dienen, den seiner natürlichen Entstehung nach an sich verwickelten Gedankenkreis nur noch mehr zu verwirren, nicht aber feste Ordnung, Deutlichkeit und Präcision, und gesetzmässigen und, soweit die dem Menschen vergönnten Data reichen, lückenlosen Zusammenhang der Begriffe hervorbringen. Denn ihre Einheit ist Verwirrung, ihre Absolutheit Widerspruch und ihre Totalität der Erkenntniss ein totales Nicht-Erkennen. (H. II. S. 148).

Стоящій совершеннымъ особнякомъ, человѣкъ сильныхъ дарованій и оригинальнаго характера, Шопенгауэръ, который послѣ своей смерти (1860) сталъ все больше находить себѣ въ Германіи учениковъ и послѣдователей, отзывался о Фихте, Шеллингѣ и Гегелѣ съ великимъ пренебреженіемъ и негодованіемъ. „Мы видимъ, говорилъ онъ, какъ во всѣхъ Нѣмецкихъ университетахъ любезная посредственность старается собственными средствами создать философію, да еще по предписанной мѣркѣ и цѣли; — зрѣлище, надъ которымъ было бы жестоко смѣяться". „Нельзя желать уваженія отъ поколѣній, которыя на двадцать лѣтъ прокричали Гегеля, этого духовнаго Калибана, на всю Европу за величайшаго изъ философовъ. Такое общество не можетъ раздавать почетныхъ вѣнковъ; его одобреніе непотребное и его сужденіе не имѣетъ смысла". Свое время Шопенгауэръ называлъ глубоко павшимъ вѣкомъ относительно всѣхъ духовныхъ стремленій, а Нѣмецкую литературу деморализованною, въ которой искусство сочетать высокія слова съ низкимъ образомъ мыслей достигло своей вершины. „Съ свѣжей юности изуродованныя и испорченныя Гегелевщиною головы", по словамъ Ш, не въ состояніи понимать глубокомысленныхъ изслѣдованій Канта. „Они рано привыкли пустѣйшій наборъ словъ принимать за философскую мысль, жалчайшіе софизмы за остроуміе и глупѣйшее умничанье за діалектику. Головы ихъ развинчены дикими словосочетаніями, надъ разгадываніемъ смысла которыхъ умъ тщетно мучится и истощается. Для нихъ нѣтъ никакой критики разума, для нихъ нѣтъ философіи, для нихъ возможна лишь medicina mentis"... „Животное, говоритъ Шопенгауэръ, никогда не можетъ далеко отступить отъ естественнаго пути, ибо его побужденія ограничиваются единственно видимымъ міромъ, гдѣ имѣетъ мѣсто только возможное, только дѣйствительное; напротивъ же того въ отвлеченныя понятія, въ мысли и слова входитъ все только продуманное, вмѣстѣ съ тѣмъ и ложное, невозможное, нелѣпое и безсмысленное. Такъ какъ смыслъ есть у всѣхъ, а сила сужденія у немногихъ, то человѣкъ доступенъ съумасшествію, приноситъ себя въ жертву всѣмъ едва вообразимымъ химерамъ, въ которыхъ его убѣждаютъ, и которыя, дѣйствуя какъ побужденія его произволенія, увлекаютъ его во всякія безобразія и нелѣпости, въ неслыханнѣйшія крайности и въ дѣйствія, самыя противоположныя его животной природѣ. Настоящее образованіе, при которомъ познаніе и сужденіе идутъ вровень, можетъ быть доступно только немногимъ, и только немногіе способны его принимать. Для толпы

вездѣ мѣсто его занимаетъ родъ выправки: оно достигается примѣромъ, привычкою и очень раннимъ, твердымъ запечатлѣніемъ извѣстныхъ понятій, прежде чѣмъ опытъ, умъ и разсудокъ успѣваютъ разрушить дѣло. Такъ прививаются къ людямъ мысли, которыя потомъ столь твердо сидятъ въ ихъ головахъ и неискоренимы потомъ никакимъ поученіемъ, какъ будто бы онѣ были врожденны, за что онѣ часто и принимаются даже философами. Такимъ способомъ съ одинаковымъ успѣхомъ можно привить людямъ правильныя и разумныя понятія, и также самыя нелѣпыя, напр. пріучить ихъ къ тому или другому идолу приближаться съ священнымъ ужасомъ, и при произнесеніи его имени, простираться во прахъ не только тѣломъ, но и духомъ; добровольно полагать достояніе и жизнь за слова, имена, на защиту самыхъ невѣроятнѣшихъ прихотей; произвольно соединять величайшую честь или глубочайшій стыдъ съ тѣмъ или другимъ предметомъ, и затѣмъ всякаго съ внутреннимъ убѣжденіемъ высоко цѣнить или презирать; отказываться отъ всякой животной пищи, какъ въ Индустанѣ, или пожирать, какъ въ Абиссиніи, отрѣзанные отъ живаго животнаго еще теплые, трепещущіе куски; ѣсть людей, какъ въ Ново-Зеландіи, или жертвовать Молоху своихъ дѣтей; оскоплять себя и добровольно кидаться на костеръ, словомъ все что угодно. Отсюда крестовые походы, крайности фанатическихъ сектъ, отсюда хиліасты и бичующіеся, преслѣдованія еретиковъ, аутодафе, и все, что только представляетъ длинный списокъ человѣческихъ безумствъ. Дабы не подумали, что только темныя столѣтія представляютъ подобные примѣры, я прибавлю нѣсколько новѣйшихъ. Въ 1818 г. изъ Виртемберга ушло 7000 хиліастовъ въ сосѣдство Арарата, ибо тамъ должно было возникнуть проповѣданное Юнгъ-Штиллингомъ новое царство Божіе. Галль разсказываетъ, что въ его время одна мать убила и изжарила своего ребенка, дабы его жиромъ вылечить ревматизмъ мужа. Трагическая сторона заблужденія заключается въ практикѣ, комическая — въ теоріи. Если бы напр. можно было твердо убѣдить трехъ человѣкъ, что солнце не есть причина дневнаго свѣта, то можно бы было надѣяться, что вскорѣ это сдѣлалось бы общимъ убѣжденіемъ. Противнаго, бездарнаго шарлатана и безпримѣрнаго мазателя безмыслицъ (Unsinnschmierer), Гегеля могли въ Германіи прокричать за величайшаго философа всѣхъ временъ, и, въ теченіе двадцати лѣтъ, многія тысячи твердо и сильно въ это вѣрили, даже внѣ Германіи» [1]).

[1]) Schopenhauer, A. Die Welt als Wille u. Vorstellung. 3-te Auflage. Leipzig. 1859. B. I. Предисловіе ко 2-му изд. и B. II. Ss. 74, 75.

Наконецъ укажемъ на новѣйшія Нѣмецкія матеріалистическія школы и напомнимъ различные рѣзкіе отзывы ихъ представителей о прежнихъ и сравнительно недавно господствовавшихъ въ Германіи религіозныхъ и философскихъ ученіяхъ и системахъ, а также столь же рѣшительныя и строгія осужденія матеріалистовъ со стороны послѣдователей этихъ философскихъ школъ.

Въ нашу задачу не входитъ разборъ и критика философскихъ системъ Фихте, Шеллинга, Гегеля, Фриза, Аппельта, Гербарта, Шопенгауэра или новѣйшихъ матеріалистовъ. Для насъ теперь совершенно безразлично, за которою изъ этихъ враждебныхъ сторонъ истина и правда, кто тутъ особенно заблуждается и преувеличиваетъ. Намъ пока довольно, что всѣ эти системы, ученія и направленія возникли и развились въ Германіи въ теченіе нынѣшняго столѣтія, всѣ и теперь имѣютъ своихъ учителей и учениковъ, смѣлыхъ представителей и горячихъ послѣдователей, которые проводятъ свои основныя убѣжденія въ различныхъ сферахъ дѣятельности, вносятъ свои начала въ обработку самыхъ разнообразныхъ спеціальностей по всѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія. Это сообщаетъ литературѣ Нѣмецкой внѣшній видъ необычайной дѣятельности, но едвали много способствуетъ разъясненію тьмы, напущенной на умы большинства. Оно утомилось словопреніями учителей и, разочаровавшись въ надеждѣ узнать отъ нихъ истину, отвернулось совсѣмъ отъ философіи, какъ прежде отъ религіи, и пробавляется разными готовыми, непровѣренными положеніями, преимущественно матеріалистическаго свойства, вмѣсто вѣры и идеаловъ держится культа великихъ людей (покойниковъ или живыхъ) и вдохновляется неумѣряемымъ высшими нравственными началами и потому до крайности грубымъ чувствомъ національности или до нельзя эгоистическимъ и узкимъ патріотизмомъ. Понятно, что, при такомъ рѣшительномъ разногласіи существующихъ въ Германіи религіозныхъ сектъ и философскихъ школъ, не можетъ не быть великой путаницы, всякаго рода несообразностей и множества взаимныхъ противорѣчій въ ученой литературѣ Нѣмецкой по отдѣламъ политики и исторіи. Удивительно ли также, что по вопросу объ опредѣленіи историческаго положенія и призванія Славянскаго племени, существуетъ въ Германіи такое разнообразіе мнѣній, когда Нѣмецкіе ученые доселѣ не могутъ сколько нибудь согласиться въ опредѣленіи историческаго мѣста и значенія Гегеля и его сочиненій, такъ долго и много изучаемыхъ. Одни считаютъ его величайшимъ мыслителемъ всѣхъ вѣковъ, другіе большимъ невѣждою и шарлата-

номъ. Кажется понять и оцѣнить одного писателя всячески нетруднѣе, чѣмъ понять и опредѣлить значеніе стомилліоннаго племени, столь недолго изучаемаго и такъ мало знакомаго. Обращаясь къ средней и новой исторіи, отмѣтимъ нѣкоторыя ходячія и стереотипныя положенія и любимыя мысли огромнаго большинства современныхъ Нѣмецкихъ историковъ и политиковъ, которыя совершенно невѣрны, искажаютъ представленіе самыхъ важныхъ историческихъ явленій, извращаютъ смыслъ цѣлыхъ событій и эпохъ.

„Духовное превосходство, высокая нравственность Германской расы вообще, и Нѣмцевъ въ особенности, ихъ центральное положеніе въ Европѣ, располагаетъ и предопредѣляетъ Германію къ владычеству и господству надъ истощеннымъ и безсильнымъ Латинскимъ западомъ и грубымъ, некультурнымъ Славянскимъ востокомъ".

Это конечно одно изъ самыхъ любимыхъ центральныхъ положеній современной Нѣмецкой образованности. На эту тему написаны сотни книгъ и тысячи статей. Въ историческихъ и географическихъ учебникахъ, въ популярныхъ изданіяхъ эта мысль жуется и пережевывается на разные лады [1]). Блестящіе успѣхи новѣйшей войны

---

[1]) Kohl, Reise in Steiermark und im bairischen Hochlande. Dresden und Leipzig. 1842. «Das Land der europäischen Mitte, *wie wir Deutsche unser Vaterland mit weit grösserem Rechte* nennen können als die Chinesen das ihre in Bezug auf Asien. Со всѣми Европейцами, говоритъ Коль, мы сосѣдимъ, всѣмъ имъ сочувствуемъ. Daher sympathisiren wir auch am Rhein mit den Franzosen, an der Donau mit den Türken, an der Nordsee mit den Engländern, *an der Ostsee hie und da sogar noch etwas mit den Russen*, отъ всѣхъ этихъ народовъ отличаемся де мы какимъ нибудь добрымъ качествомъ, котораго они не имѣютъ. Англійской гордости мы противопоставляемъ терпѣніе, Французскому легкомыслію долгую обдуманность, Итальянской мстительности и ревности примирительность и спокойствіе, Славянскому насильственному деспотизму чувство права и вѣрность—dem slawischen gewaltthätigen Despotismus Rechtssinn und Treue (Ss. 1—4). Kutzen, Das deutsche Land in seinen charakteristischen Zügen und seinen Beziehungen zu Geschichte und Leben der Menschen. 2-te Ausg. Breslau. 1867. 2 Bde. Проф. Куценъ говоритъ, что со времени переселенія народовъ «war der Schauplatz eröffnet, welcher jetzt der Mittelpunkt der Weltgeschichte werden sollte... In dieser Glanzperiode des deutschen Landes und Volkes zur Zeit der Ottonen, Salier und Hohenstaufen, in diesem Heldenalter der deutschen Nation war das römisch-deutsche Reich das herrschende, war Deutschland die leitende Macht, Deutschlands Geschichte die allgemeine Europas, war es das Centralland der allgemeinen Interessen» (B. I. Ss. 20—21.). Кутценъ старается доказать, что Германія занимаетъ середину Европы во всѣхъ направленіяхъ отъ запада ли на востокъ или отъ сѣвера на югъ, по прямой длиннѣйшей линіи, или по діагонали отъ сѣверозапада на юговостокъ, или отъ сѣверовостока на югозападъ. Но отъ Крита до Сѣвернаго мыса

въ глазахъ огромнѣйшаго большинства возводятъ это положеніе на степень математической аксіомы. Такимъ образомъ можно вполнѣ быть увѣрену, что въ Нѣмецкой исторической наукѣ надолго теперь утвердятся всѣ ложныя общія заключенія и тѣ различныя извращенія событій, которыя естественно вытекаютъ изъ этого положенія одностороннаго и невѣрнаго. Оставимъ пока Славянъ въ сторонѣ, и постараемся вникнуть въ смыслъ положеній о центральномъ мѣстѣ Германіи и объ истощеніи Латинскихъ племенъ, Франціи въ особенности. У Европейцевъ въ общежитіи принято говорить: средняя, центральная Европа, и при этомъ разумѣется Германія. Но нетрудно замѣтить, что это названіе научной точности не имѣетъ. Что такое Европа? Настоящій ли географическій материкъ, подобный Африкѣ, Америкѣ, Австраліи? Не Азіатскій ли это полуостровъ? И не культурное ли это понятіе, равнозначительное Романо-Германскому міру? Для насъ Россія оканчивается на Восточномъ Океанѣ, въ сосѣдствѣ Японіи и Китая, въ Туркестанѣ и въ Закавказьѣ, на границахъ Персіи и Азіатской Турціи, а Европа начинается на границахъ Пруссіи, и едва ли Румыніи и Австріи, первую и Славянскія земли до Чехіи, Истріи, Далмаціи, Черной Горы и Албаніи включительно мы не зовемъ Россіею, но и всегда затрудняемся давать имъ названіе Европы. Въ Греціи уже въ Патрасѣ общій народный голосъ называетъ Европою только западъ. Острова Критъ, Кипръ, Родосъ, Самосъ и пр. причислять ли къ Европѣ или къ Азіи? Очевидно Греко-Славянскому міру, особенно въ нынѣшнемъ видѣ, владѣющему такими громадными пространствами въ Азіи, не идетъ названіе Европы, которое по этому вѣрнѣе оставлять за Романо-Германскимъ міромъ.—Гдѣже собственно центральное положеніе Нѣмцевъ? Даже если Европу окончимъ Ураломъ, что совершенно произвольно и невѣрно, то и въ такомъ случаѣ Германія окажется слишкомъ малою, чтобы называться центральною Европейскою страною. Если же подъ Европою

или отъ Гибралтара до Перми, отъ Баку до Гебридскихъ острововъ или отъ Астрахани до Бреста—какъ бы мы ни дѣлили Европу по поламъ, вездѣ окажется ея центръ въ западной Россіи приблизительно—въ Виленской, Гродненской, Минской и Волынской губерніяхъ. Германія не только не центральна въ Европѣ,—если даже произвольно включимъ Россію въ Европу и еще произвольнѣе ограничимъ ее Ураломъ, — но и самая середина Германіи не Нѣмецкая,—ея центръ занятъ Славянскою Чехіею,—пойдемъ ли отъ юга къ сѣверу, отъ Боцена къ Рюгену или Борнгольму, или отъ сѣверовостока къ югозападу, отъ Кенигсберга къ Боцену, или отъ запада къ востоку отъ Бреславля къ Сарбрюкену.

понимать Романо-Германскій міръ, то Германіи принадлежитъ вовсе не центральное, а напротивъ украинское положеніе. Германія есть восточная Европейская украйна или марка: не даромъ всѣ силы новой Германіи были сосредоточены въ двухъ ея восточныхъ маркахъ, Пруссіи и Австріи. Въ этомъ любимомъ Нѣмецкомъ тезисѣ содержится также опроверженіе другаго не менѣе любимаго о грубости, варварствѣ Монголизмѣ Славянъ и Россіи въ особенности. Если Русскіе, какъ Славяне, Нѣмцамъ неравноправны и скорѣе близки къ Монголамъ и Азіатамъ, чѣмъ къ Нѣмцамъ, то съ какой стати избирать Уралъ за границу Европы отъ Азіи, и къ чему тогда вообще отдѣлять Русскихъ отъ Азіатовъ? Правда тогда совсѣмъ уже должно исчезнуть центральное положеніе Германіи. Она, скажутъ, центральна въ Европѣ, т. е. въ образованномъ христіанскомъ человѣчествѣ. Въ такомъ случаѣ вы значитъ причисляете къ нему Россію и Славянъ. Съ развитіемъ и образованіемъ послѣднихъ, съ заселеніемъ Сибири будетъ совершенно пропадать всякая тѣнь, малѣйшее подобіе центральности Германіи. Впрочемъ она и теперь, какъ мы видѣли, не имѣетъ большаго смысла, тѣмъ болѣе, что даже въ Романо-Германскомъ мірѣ стараго и новаго свѣта, — послѣдній не менѣе конечно Россіи заслуживаетъ причисленія къ образованному христіанскому человѣчеству, — Германія или Нѣмцы вовсе не занимаютъ такого центральнаго мѣста. Будемъ ли считать Англо-Саксовъ чистыми Германцами, что̀ едвали справедливо, или особымъ, самостоятельнымъ племенемъ, во всякомъ случаѣ Нѣмцамъ не принадлежитъ и принадлежать не можетъ то центральное положеніе, которое имъ занимать такъ хочется. Если Англо-Саксы Стараго и Новаго Свѣта—раса Германская, то Нѣмцы занимаютъ въ ея средѣ весьма второстепенное мѣсто, и по пространству земель и по численности населенія. Если же Англо-Саксы собственно не Германская, а особая смѣшанная раса, то въ Романо-Германскомъ мірѣ первое, преобладающее мѣсто все же будетъ принадлежать не Германцамъ вообще и не Нѣмцамъ въ особенности, а Англо-Саксамъ. Если правильно, — а противъ этого трудно спорить,—Арійско-христіанское человѣчество раздѣлять нынѣ на 3 группы народовъ или на 3 міра: 1) Романо-Германскій міръ стараго свѣта, 2) Романо-Германскій міръ новаго свѣта и 3) Греко-Славянскій міръ, то центральное положеніе во вселенной принадлежитъ уже никакъ не Германіи, а благодаря круглому виду нашей планеты, каждому изъ этихъ трехъ міровъ поперемѣнно, т. е. Европа занимаетъ центральное положеніе между Америкою и Россіею, Россія между Европою и Америкою, послѣдняя между Европою и Россі-

ею. Германія же будетъ не срединною землею, а украйной, восточною Европейскою маркою.

Латинскія племена истощились, износились, вымираютъ. Это уже давно твердятъ Нѣмцы. Въ этомъ смыслѣ писали Ульрихъ фонъ Гуттенъ и Лютеръ объ Итальянцахъ и потомъ Лейбницъ о Французахъ. Въ нынѣшнихъ несчастіяхъ и позорѣ Франціи Нѣмцы видятъ блестящее тому подтвержденіе. Какъ ничто Европейское намъ Русскимъ не чуждо, то и это мнѣніе о Романцахъ имѣетъ у насъ своихъ защитниковъ. Такъ думалъ не одинъ Герценъ. Съ нимъ нынче соглашаются и нѣкоторые наши государственные люди, еще недавно восхищавшіеся мудростью Наполеона, его устройствомъ Французской полиціи, литературными предостереженіями и пр. Они уже намъ говорятъ: новѣйшая Франція разноситъ только канканы, кафешантаны и моды, да развѣ еще дикія ученія комунистовъ. Такимъ образомъ разсмотрѣніе занимающаго насъ вопроса имѣетъ для читателей общій интересъ. Эта Нѣмецкая мысль, — она появилась у Нѣмцевъ и у нихъ наиболѣе распространена, — можетъ быть 1) совершенно справедлива, 2) совершенно неправильна и 3) можетъ заключать въ себѣ значительную правду.

Положимъ, что это совершенно справедливо. Что же изъ того слѣдуетъ, что оно доказываетъ? Непосредственно слѣдущая за цивилизаціею Западной Римской Имперіи, новая Европейская цивилизація въ отношеніи своихъ просвѣтительныхъ началъ есть католическо-протестантская, а относительно своихъ этнографическихъ элементовъ есть Кельто-Романо-Германская. Начинать ли исторію новой Европы съ такъ называемаго переселенія народовъ и паденія Западной Римской Имперіи, съ V в., или съ образованія или возстановленія новой Западной Имперіи при Карлѣ В. съ к. VIII и нач. IX в., во всякомъ случаѣ совоплощеніе и сопроникновеніе этихъ двухъ или трехъ племенныхъ стихій было такъ глубоко и рѣшительно, что за исключеніемъ развѣ произведеній чисто народнаго творчества, — въ Европейской исторіи и цивилизаціи, съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ дней включительно, самый строгій анализъ не съищетъ ни одного сколько нибудь крупнаго историческаго событія, ни одного важнаго явленія, про которое можно бы было не колеблясь сказать: — это есть дѣло чисто Германское, а это чисто Романское.. Въ Латинской Европѣ, въ Италіи, Испаніи и Франціи имѣется много Германскихъ этническихъ элементовъ. Готы, Герулы, Лонгобарды, Бургунды, Вандалы, Франки и прочія Германскія племена, завоевавшія Италію, Испанію, Галлію, были правда въ по-

слѣдствіи ассимилированы туземнымъ населеніемъ, тѣмъ не менѣе внесли въ эти страны немало собственныхъ стихій. За исключеніемъ далекой Скандинавіи: въ Норвегіи и Швеціи былъ силенъ элементъ Финскій, въ Даніи — какъ въ сѣверной Германіи — элементъ Славянскій,—Германская Европа въ свою очередь не мало заключала въ себѣ Кельтскихъ и Латинскихъ элементовъ, которые съ теченіемъ времени были также усвоены туземнымъ населеніемъ Германіи. Что̀ въ частности Великобританія, то въ общемъ вся Романо-Германская Европа. Про Англію и Англичанъ нельзя напр. сказать, что они чистые Германцы, или Романцы, или Кельты, хотя въ Великобританіи и есть углы, гдѣ болѣе или менѣе чисто сохраняется та или другая раса. Англія въ этомъ отношеніи есть микрокосмъ Европы. Иногда называютъ Римскій католицизмъ явленіемъ чисто Романскимъ. Это конечно несправедливо. Такъ называемый католицизмъ есть христіанство извѣстнаго рода, особенныхъ свойствъ и признаковъ, которыми Европа съ половины IX в. постепенно стала отличаться и обособляться и отъ Греко-Славянскаго христіанства и отъ того западнаго христіанства, которое господствовало въ Европѣ до Исидоровскихъ декреталій, папъ Николая I, Льва IX и Григорія VII. Въ этомъ же постепенномъ обособленіи церквей Римскаго патріархата отъ церквей Восточныхъ, въ усвоеніи имъ этихъ особенныхъ свойствъ и признаковъ, Германскія племена имѣли огромное и рѣшительное участіе. Несправедливо также иногда утверждаютъ, что папизмъ есть чисто Романское, а протесты противъ него—чисто Германское явленіе. Въ Италіи была сильная партія Гибелиновъ; да и Гвельфы Италіи, шедшіе за одно съ папами противъ императоровъ, оказывали (Венеція, Флоренція и пр.) энергическое противудѣйствіе всѣмъ попыткамъ папъ вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла, и не признавали стариннаго ученія Римской куріи о папской непогрѣшимости. Различныя ереси и ихъ горячіе поборники въ средніе вѣка были еще можетъ быть гораздо многочисленнѣе въ странахъ Романскихъ, въ Италіи, Испаніи и Франціи, особенно южной, чѣмъ въ Германіи. Не странно ли увѣрять, что Римскій католицизмъ совершенно чуждъ и глубоко противенъ Нѣмецкому духу, когда съ IX вѣка по начало XVI вѣка онъ безразлично господствовалъ и въ южной и въ сѣверной Германіи. Не во имя ли этой чуждой и неугодной Нѣмецкому духу вѣры пролиты были такіе потоки крови, предпринято столько крестовыхъ походовъ и пріобрѣтено Германіею столько Славянскихъ, Литовскихъ и Финскихъ земель? Да и теперь нѣсколько милліоновъ Нѣмцевъ, почти

Наконецъ укажемъ на новѣйшія Нѣмецкія матеріалистическія школы и напомнимъ различные рѣзкіе отзывы ихъ представителей о прежнихъ и сравнительно недавно господствовавшихъ въ Германіи религіозныхъ и философскихъ ученіяхъ и системахъ, а также столь же рѣшительныя и строгія осужденія матеріалистовъ со стороны послѣдователей этихъ философскихъ школъ.

Въ нашу задачу не входитъ разборъ и критика философскихъ системъ Фихте, Шеллинга, Гегеля, Фриза, Аппельта, Гербарта, Шопенгауэра или новѣйшихъ матеріалистовъ. Для насъ теперь совершенно безразлично, за которою изъ этихъ враждебныхъ сторонъ истина и правда, кто тутъ особенно заблуждается и преувеличиваетъ. Намъ пока довольно, что всѣ эти системы, ученія и направленія возникли и развились въ Германіи въ теченіе нынѣшняго столѣтія, всѣ и теперь имѣютъ своихъ учителей и учениковъ, смѣлыхъ представителей и горячихъ послѣдователей, которые проводятъ свои основныя убѣжденія въ различныхъ сферахъ дѣятельности, вносятъ свои начала въ обработку самыхъ разнообразныхъ спеціальностей по всѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія. Это сообщаетъ литературѣ Нѣмецкой внѣшній видъ необычайной дѣятельности, но едвали много способствуетъ разъясненію тьмы, напущенной на умы большинства. Оно утомилось словопреніями учителей и, разочаровавшись въ надеждѣ узнать отъ нихъ истину, отвернулось совсѣмъ отъ философіи, какъ прежде отъ религіи, и пробавляется разными готовыми, непровѣренными положеніями, преимущественно матеріалистическаго свойства, вмѣсто вѣры и идеаловъ держится культа великихъ людей (покойниковъ или живыхъ) и вдохновляется неумѣряемымъ высшими нравственными началами и потому до крайности грубымъ чувствомъ національности или до нельзя эгоистическимъ и узкимъ патріотизмомъ. Понятно, что, при такомъ рѣшительномъ разногласіи существующихъ въ Германіи религіозныхъ сектъ и философскихъ школъ, не можетъ не быть великой путаницы, всякаго рода несообразностей и множества взаимныхъ противорѣчій въ ученой литературѣ Нѣмецкой по отдѣламъ политики и исторіи. Удивительно ли также, что по вопросу объ опредѣленіи историческаго положенія и призванія Славянскаго племени, существуетъ въ Германіи такое разнообразіе мнѣній, когда Нѣмецкіе ученые доселѣ не могутъ сколько нибудь согласиться въ опредѣленіи историческаго мѣста и значенія Гегеля и его сочиненій, такъ долго и много изучаемыхъ. Одни считаютъ его величайшимъ мыслителемъ всѣхъ вѣковъ, другіе большимъ невѣждою и шарлата-

не только Индѣйцевъ-Германцевъ, но и Персовъ, Армянъ, Грековъ, Римлянъ, Кельтовъ, Славянъ и Литовцевъ. Въ самомъ спеціальномъ христіанско-Нѣмецкомъ мірѣ и его образованности нельзя не признавать болѣе или менѣе значительнаго участія двухъ инородческихъ стихій — западно-Славянской и Еврейской.

Такимъ образомъ Европейская цивилизація, и средневѣковая и новая, есть плодъ общихъ, совокупныхъ усилій Романскихъ и Германскихъ народностей. Если справедливо, какъ утверждаютъ очень многіе Нѣмецкіе писатели, что Латинская, Романская стихія истощилась, гибнетъ, вымираетъ, то необходимо согласиться, что оскудѣваетъ, бѣднѣетъ, истощается Европейская цивилизація вообще. Въ ней значитъ пропадаетъ одинъ изъ самыхъ главныхъ дѣятелей и факторовъ. Очевидно въ такомъ случаѣ Европейская цивилизація должна стать гораздо тоще, бѣднѣе и одностороннѣе.

Гдѣ же разумныя причины и основанія утверждать, какъ это любятъ въ Германіи, что никакой надобности не предвидится и потребности не имѣется въ новомъ культурномъ дѣятелѣ, въ новомъ всемірно-историческомъ племени, хоть бы напримѣръ въ Славянскомъ? Если и по сіе время Славяне могли быть нелишними въ человѣчествѣ и самой Европѣ оказывали нѣкоторую пользу (Гусъ, Коперникъ, А. Коменскій), то не становятся ли они теперь рѣшительно необходимыми въ виду такого обѣднѣнія Европейской сцены. Между тѣмъ намъ говорятъ, что благо будущаго человѣчества и всемірно-историческій процессъ требуютъ, чтобы нынѣшнія Славянскія народности, по примѣру нѣкоторыхъ исчезнувшихъ вѣтвей въ Люнебургѣ, Мекленбургѣ, Помераніи и Бранденбургѣ, были поглощены, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, благороднымъ Нѣмецкимъ племенемъ. Удивительное пристрастіе къ спеціализаціи. Въ идеалъ прогресса человѣчества поставляется все большее и большее однообразіе, односторонность и повтореніе.

Если Романская стихія вымираетъ, то какой же послѣ того смыслъ въ извѣстномъ положеніи объ общечеловѣчности и безконечности Европейской цивилизаціи, будто де ей и ея царствію не будетъ конца. Но вѣдь было начало, отчего не быть и концу? Были и погибли Индійская, Ассирійская, Египетская, Греческая и Римская цивилизаціи. Отчего бы не могла наконецъ погибнуть и Европейская?

Сколько великихъ народовъ и государствъ прошло и исчезло съ лица земли? Сколько силъ разбилось, сколько славъ померкло? Почему Европу и ея цивилизацію не можетъ постичь участь, которой не избѣжали другія сильныя племена и цивилизаціи? Почему бы

для нея былъ иной законъ? На это иногда возражаютъ, что тѣ народы были языческіе, со своими національными вѣрованіями, а Европа— міръ христіанскій, ея религія — общечеловѣческая. Но мы видимъ Европу расколотою на двѣ части — католическую и протестантскую. Каждая обвиняетъ свою противницу, что она не понимаетъ, какъ слѣдуетъ, а искажаетъ и извращаетъ христіанство. Кто же правъ, за кѣмъ истина? Не обѣ же лучше? На это иные замѣчаютъ, что все это давно пережито, что ни католичество, ни протестантство не имѣютъ въ Европѣ никакого смысла, что нынѣ онѣ смѣнились общечеловѣческою философіею, наукою, индуктивнымъ методомъ. На это впрочемъ можно возразить, что въ Европѣ, въ образованныхъ классахъ мало людей искренно вѣрующихъ въ католицизмъ и протестантство, тѣмъ не менѣе великое множество образованныхъ Европейцевъ придерживается того или другаго, отчасти по привычкѣ, отчасти за неимѣніемъ ничего лучшаго, изъ боязни остаться безъ всякихъ вѣрованій. Въ этомъ отношеніи католицизмъ въ Европѣ такъ еще силенъ, что онъ еще недавно дѣлалъ завоеванія въ протестантскихъ странахъ, въ Англіи, Америкѣ и Германіи, въ классахъ высшихъ и образованныхъ, еще недавно созывалъ многочисленнѣйшіе соборы, на которыхъ, къ удовольствію и утѣшенію быть можетъ сотень тысячь Европейцевъ, сочинялись и провозглашались цѣлые догматы о непорочномъ зачатіи Богородицы и непогрѣшимости Римскаго первосвященника. Самое существованіе Римскаго вопроса, далеко не рѣшеннаго занятіемъ Рима Итальянскимъ правительствомъ, свидѣтельствуетъ объ извѣстной силѣ католицизма въ Европѣ. Точно также и протестантство обнаруживаетъ обширную внѣшнюю дѣятельность, располагаетъ огромными капиталами, пользуется въ иныхъ странахъ, напримѣръ въ Пруссіи и до недавняго времени въ Англіи, самымъ сильнымъ покровительствомъ и опекою государственной власти, имѣетъ безпрестанные съѣзды и собранія для открытія давно искомаго и не обрѣтаемаго единства, обладаетъ изобильною письменностью, множествомъ часто совершенно враждебныхъ другъ другу журналовъ. Такимъ образомъ, если нельзя утверждать, что въ Европѣ находится особенно много искренно вѣрующихъ, католиковъ и протестантовъ, разумѣется въ классахъ образованныхъ, то было бы несправедливо думать, что католицизмъ и протестантство перестали существовать въ Европѣ и что будто она совершенно отвергла христіанство въ его извѣстныхъ ей двухъ формахъ. Правда въ передовыхъ классахъ и городскихъ массахъ Европы по большей

части господствуютъ разныя философскія раціоналистическія убѣжденія. Но въ нихъ часто еще менѣе внутренняго согласія и единства, чѣмъ между католицизмомъ и протестантствомъ, или въ разнообразныхъ протестантскихъ сектахъ. Въ Европѣ имѣется много самыхъ враждебныхъ системъ и школъ раціоналистическо-философскихъ. Всѣ онѣ вышли болѣе или менѣе изъ протестантства и носятъ на себѣ сильный національный отпечатокъ. Индуктивный методъ не можетъ восполнить и замѣнить для Европы недостающей ей вѣры, такъ какъ онъ не исключаетъ и не замѣняетъ вѣрованій и нравственныхъ убѣжденій. Кеплеръ и Ньютонъ были вѣрующіе христіане и превосходно владѣли индуктивнымъ методомъ. Индуктивный методъ не есть изобрѣтеніе, ни исключительная собственность Европы. Онъ былъ отлично знакомъ Грекамъ, какъ это доказываетъ философія Аристотеля [1]). Европою онъ только усовершенствованъ, благодаря новѣйшимъ научнымъ открытіямъ и успѣхамъ. Такимъ образомъ, ни христіанство въ его формахъ католической и протестантской, ни различныя системы раціоналистической философіи, съ ихъ сильнымъ національнымъ отпечаткомъ, ни наконецъ индуктивный методъ не придаютъ Европейской цивилизаціи такого особаго признака, который бы ее существенно отличалъ отъ всѣхъ предшествовавшихъ цивилизацій наложеніемъ печати безсмертія Европейскимъ націямъ и государствамъ. Слѣдовательно и онѣ должны имѣть свой конецъ, какъ имѣли свое начало, и какъ имѣли свои начала и концы многія сильныя націи и государства древняго міра. Вопросъ относительно Европы можетъ касаться только времени наступленія этого конца и большей или меньшей его близости къ нашему времени.

Со всѣмъ этимъ должны непремѣнно согласиться Нѣмецкіе мыслители и писатели, утверждающіе, что Латинская раса истощена, вымираетъ, падаетъ. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, нужно признать, что является, они это видятъ, и уже близкое наступленіе этого конца Европейской цивилизаціи. Что открывается глазамъ нашимъ? Одна половина Европейскаго организма утверждаетъ, что другая его половина сильно поражена. Такъ утверждаютъ Германцы о Романцахъ! Нѣкоторые изъ представителей высшей Германской расы въ Россіи, какъ нѣкій Русскій государственный человѣкъ изъ Нѣмцевъ въ Nordische Presse, спускаются до того даже, что объ этомъ собственномъ и чисто семейномъ несчастіи говорятъ во всеуслышаніе, и еще обращаясь къ нисшей и неблагородной расѣ Славянской.

[1]) Это прекрасно раскрыто: Lewes, G. Aristotle. London. 1864. Chapt. VI. p. 108—121.

для нея былъ иной законъ? На это иногда возражаютъ, что тѣ народы были языческіе, со своими національными вѣрованіями, а Европа— міръ христіанскій, ея религія — общечеловѣческая. Но мы видимъ Европу расколотою на двѣ части — католическую и протестантскую. Каждая обвиняетъ свою противницу, что она не понимаетъ, какъ слѣдуетъ, а искажаетъ и извращаетъ христіанство. Кто же правъ, за кѣмъ истина? Не обѣ же лучше? На это иные замѣчаютъ, что все это давно пережито, что ни католичество, ни протестантство не имѣютъ въ Европѣ никакого смысла, что нынѣ онѣ смѣнились общечеловѣческою философіею, наукою, индуктивнымъ методомъ. На это впрочемъ можно возразить, что въ Европѣ, въ образованныхъ классахъ мало людей искренно вѣрующихъ въ католицизмъ и протестантство, тѣмъ не менѣе великое множество образованныхъ Европейцевъ придерживается того или другаго, отчасти по привычкѣ, отчасти за неимѣніемъ ничего лучшаго, изъ боязни остаться безъ всякихъ вѣрованій. Въ этомъ отношеніи католицизмъ въ Европѣ такъ еще силенъ, что онъ еще недавно дѣлалъ завоеванія въ протестантскихъ странахъ, въ Англіи, Америкѣ и Германіи, въ классахъ высшихъ и образованныхъ, еще недавно созывалъ многочисленнѣйшіе соборы, на которыхъ, къ удовольствію и утѣшенію быть можетъ сотень тысячь Европейцевъ, сочинялись и провозглашались цѣлые догматы о непорочномъ зачатіи Богородицы и непогрѣшимости Римскаго первосвященника. Самое существованіе Римскаго вопроса, далеко не рѣшеннаго занятіемъ Рима Итальянскимъ правительствомъ, свидѣтельствуетъ объ извѣстной силѣ католицизма въ Европѣ. Точно также и протестантство обнаруживаетъ обширную внѣшнюю дѣятельность, располагаетъ огромными капиталами, пользуется въ иныхъ странахъ, напримѣръ въ Пруссіи и до недавняго времени въ Англіи, самымъ сильнымъ покровительствомъ и опекою государственной власти, имѣетъ безпрестанные съѣзды и собранія для открытія давно искомаго и не обрѣтаемаго единства, обладаетъ изобильною письменностью, множествомъ часто совершенно враждебныхъ другъ другу журналовъ. Такимъ образомъ, если нельзя утверждать, что въ Европѣ находится особенно много искренно вѣрующихъ, католиковъ и протестантовъ, разумѣется въ классахъ образованныхъ, то было бы несправедливо думать, что католицизмъ и протестантство перестали существовать въ Европѣ и что будто она совершенно отвергла христіанство въ его извѣстныхъ ей двухъ формахъ. Правда въ передовыхъ классахъ и городскихъ массахъ Европы по большей

части господствуютъ разныя философскія раціоналистическія убѣжденія. Но въ нихъ часто еще менѣе внутренняго согласія и единства, чѣмъ между католицизмомъ и протестантствомъ, или въ разнообразныхъ протестантскихъ сектахъ. Въ Европѣ имѣется много самыхъ враждебныхъ системъ и школъ раціоналистическо-философскихъ. Всѣ онѣ вышли болѣе или менѣе изъ протестантства и носятъ на себѣ сильный національный отпечатокъ. Индуктивный методъ не можетъ восполнить и замѣнить для Европы недостающей ей вѣры, такъ какъ онъ не исключаетъ и не замѣняетъ вѣрованій и нравственныхъ убѣжденій. Кеплеръ и Ньютонъ были вѣрующіе христіане и превосходно владѣли индуктивнымъ методомъ. Индуктивный методъ не есть изобрѣтеніе, ни исключительная собственность Европы. Онъ былъ отлично знакомъ Грекамъ, какъ это доказываетъ философія Аристотеля [1]). Европою онъ только усовершенствованъ, благодаря новѣйшимъ научнымъ открытіямъ и успѣхамъ. Такимъ образомъ, ни христіанство въ его формахъ католической и протестантской, ни различныя системы раціоналистической философіи, съ ихъ сильнымъ національнымъ отпечаткомъ, ни наконецъ индуктивный методъ не придаютъ Европейской цивилизаціи такого особаго признака, который бы ее существенно отличалъ отъ всѣхъ предшествовавшихъ цивилизацій наложеніемъ печати безсмертія Европейскимъ націямъ и государствамъ. Слѣдовательно и онѣ должны имѣть свой конецъ, какъ имѣли свое начало, и какъ имѣли свои начала и концы многія сильныя націи и государства древняго міра. Вопросъ относительно Европы можетъ касаться только времени наступленія этого конца и большей или меньшей его близости къ нашему времени.

Со всѣмъ этимъ должны непремѣнно согласиться Нѣмецкіе мыслители и писатели, утверждающіе, что Латинская раса истощена, вымираетъ, падаетъ. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, нужно признать, что является, они это видятъ, и уже близкое наступленіе этого конца Европейской цивилизаціи. Что открывается глазамъ нашимъ? Одна половина Европейскаго организма утверждаетъ, что другая его половина сильно поражена. Такъ утверждаютъ Германцы о Романцахъ! Нѣкоторые изъ представителей высшей Германской расы въ Россіи, какъ нѣкій Русскій государственный человѣкъ изъ Нѣмцевъ въ Nordische Presse, спускаются до того даже, что объ этомъ собственномъ и чисто семейномъ несчастіи говорятъ во всеуслышаніе, и еще обращаясь къ низшей и неблагородной расѣ Славянской.

[1]) Это прекрасно раскрыто: Lewes, G. Aristotle. London. 1864. Chapt. VI. p. 108—128.

Бѣдная Европа! ты забыла слова великаго Наполеона: désormais toute guerre Européenne est une guerre civile, — забыла, что подлѣ тебя есть другой міръ, котораго ты всегда, когда могла, унижала, топтала и терзала, что онъ чуждъ твоимъ судьбамъ, преданіямъ и идеаламъ, можетъ и умѣетъ думать о Романцахъ не по Германски, и о Германцахъ не по Романски. Для насъ ясно, какъ божій день, что Романцы и Германцы — Сіамскіе близнецы. Кому же и, главное, какъ совершить теперь ампутацію, дабы больная, пораженная часть не заразила здоровой?

Кто насъ можетъ увѣрить, что и въ Германскихъ народахъ, въ Германской Европѣ не имѣется вовсе тѣхъ признаковъ разложенія, упадка и смерти, которые, по утвержденію многихъ Нѣмцевъ, такъ отличаютъ современную Романскую Европу и Францію во главѣ.

Деморализація народа, множество самыхъ непримиримыхъ политическихъ партій, распространеніе и утвержденіе въ народныхъ массахъ самыхъ дикихъ и невозможныхъ ученій въ смыслѣ нравственномъ, соціальномъ и экономическомъ—вотъ тѣ главнѣйшія особенности и условія Романскихъ странъ, которыя, говорятъ, мѣшаютъ ихъ дальнѣйшему росту, развитію и процвѣтанію. Всѣ эти особенности и условія сводятся къ явленіямъ религіозной, политической и соціально-экономической жизни.

Посмотримъ же, чѣмъ именно Германская Европа такъ неизмѣримо отличается отъ Романской. Указываютъ на состояніе народныхъ школъ и народнаго образованія, на громадную ученую производительность, великую точность и порядокъ въ администраціи, которыми Германія и особенно Пруссія такъ значительно превосходятъ Испанію, Италію и Францію. Но эти явленія не составляютъ существенной, коренной отличительной черты Германской Европы отъ Романской. Такъ менѣе ста лѣтъ назадъ Пруссія и Германія во всѣхъ этихъ отношеніяхъ мало отличалась отъ нынѣшней Италіи и Франціи и даже въ иныхъ случаяхъ стояла еще ниже ихъ. Народное образованіе, ученая производительность, самая администрація въ Пруссіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда уже родились король Вильгельмъ, Мольтке и Роонъ, находились въ весьма неблестящемъ положеніи. Въ два сраженія Наполеонъ I завоевалъ всю Пруссію, занялъ Берлинъ. Въ то время вся Германія не менѣе нынѣшней Франціи испытывала позоръ и ужасы непріятельскаго вторженія и чужеземнаго владычества. Какъ ни важны народныя школы, ученость и точная администрація, онѣ не составляютъ существеннаго, кореннаго отличія Германіи отъ Романскихъ земель.

Дурная организація школъ безспорно имѣетъ вліяніе на народную нравственность, но отъ этого еще далеко до народной деморализаціи. Тоже самое надлежитъ сказать о бѣдности ученой производительности и о безпорядочной администраціи. Сколько вѣковъ существовали въ Романской и Германской Европѣ самая ничтожная ученость и безобразная администрація, однако ни одинъ разумный историкъ не скажетъ, что тогда Европа истощилась, погибла, вымерла. Историкъ можетъ сказать: бывали злыя болѣзни съ опасными кризисами. Но вѣдь это случается съ самыми здоровыми организмами. Картина упадка государствъ и народовъ отличается совершенно другими чертами. Деморализація народа происходитъ отъ того, что народъ переживаетъ вѣру въ свой прежній верховный нравственный законъ, а вмѣсто прежней вѣры, одушевлявшей и сплачивавшей во едино всѣ слои народные, является разнообразное количество частныхъ мнѣній, иногда совершенно противныхъ прежней вѣрѣ и несогласныхъ между собою. Періодъ энтузіасма безвѣрія и горячей вѣры въ философію, призванную было замѣнить вѣру, былъ прожитъ Европою, Франціею и Германіею, въ к. XVIII вѣка и въ первое тридцатилѣтіе нашего столѣтія. Италія еще въ XVI вѣкѣ пришла къ тому религіозному и философскому индиферентизму и свѣтскому матеріализму, къ которому нынче приходятъ Франція, Германія и отчасти Англія. Рядомъ съ этимъ въ нихъ все болѣе распространяются субъективныя понятія нравственности и то безнравственное отношеніе къ прежней вѣрѣ и къ прежнимъ богамъ, то ханжество и лицемѣріе, которыя теперь господствуютъ во всей почти Европѣ, въ классахъ предержащихъ и въ правительствахъ. Вѣра въ Бога и благочестіе, не обязательныя для классовъ образованныхъ, признаны полезными въ полицейскомъ отношеніи, для обузданія черни и сохраненія священныхъ правъ собственности. Такимъ образомъ въ городскихъ массахъ, какъ во Франціи и Италіи, такъ въ Англіи и Германіи все болѣе распространяются и утверждаются понятія матеріалистическія. Въ этомъ отношеніи про Францію и вообще Романскую Европу нельзя сказать, чтобъ она была особенно болѣе деморализована, чѣмъ Германія, можно развѣ прибавить, что, при большей грамотности Нѣмцевъ, Нѣмецкія городскія массы больше быть можетъ Французскихъ, не говоря уже объ Итальянцахъ и Испанцахъ, прочитали разныхъ статей и книженокъ и наслушались разныхъ рѣчей о Всемогущемъ Веществѣ, о нелѣпости самоограниченія и безполезности самоотреченія. И такъ деморализація народовъ и обществъ происходитъ отъ

для нея былъ иной законъ? На это иногда возражаютъ, что тѣ народы были языческіе, со своими національными вѣрованіями, а Европа— міръ христіанскій, ея религія — общечеловѣческая. Но мы видимъ Европу расколотою на двѣ части — католическую и протестантскую. Каждая обвиняетъ свою противницу, что она не понимаетъ, какъ слѣдуетъ, а искажаетъ и извращаетъ христіанство. Кто же правъ, за кѣмъ истина? Не обѣ же лучше? На это иные замѣчаютъ, что все это давно пережито, что ни католичество, ни протестантство не имѣютъ въ Европѣ никакого смысла, что нынѣ онѣ смѣнились общечеловѣческою философіею, наукою, индуктивнымъ методомъ. На это впрочемъ можно возразить, что въ Европѣ, въ образованныхъ классахъ мало людей искренно вѣрующихъ въ католицизмъ и протестантство, тѣмъ не менѣе великое множество образованныхъ Европейцевъ придерживается того или другаго, отчасти по привычкѣ, отчасти за неимѣніемъ ничего лучшаго, изъ боязни остаться безъ всякихъ вѣрованій. Въ этомъ отношеніи католицизмъ въ Европѣ такъ еще силенъ, что онъ еще недавно дѣлалъ завоеванія въ протестантскихъ странахъ, въ Англіи, Америкѣ и Германіи, въ классахъ высшихъ и образованныхъ, еще недавно созывалъ многочисленнѣйшіе соборы, на которыхъ, къ удовольствію и утѣшенію быть можетъ сотень тысячь Европейцевъ, сочинялись и провозглашались цѣлые догматы о непорочномъ зачатіи Богородицы и непогрѣшимости Римскаго первосвященника. Самое существованіе Римскаго вопроса, далеко не рѣшеннаго занятіемъ Рима Итальянскимъ правительствомъ, свидѣтельствуетъ объ извѣстной силѣ католицизма въ Европѣ. Точно также и протестантство обнаруживаетъ обширную внѣшнюю дѣятельность, располагаетъ огромными капиталами, пользуется въ иныхъ странахъ, напримѣръ въ Пруссіи и до недавняго времени въ Англіи, самымъ сильнымъ покровительствомъ и опекою государственной власти, имѣетъ безпрестанные съѣзды и собранія для открытія давно искомаго и не обрѣтаемаго единства, обладаетъ изобильною письменностью, множествомъ часто совершенно враждебныхъ другъ другу журналовъ. Такимъ образомъ, если нельзя утверждать, что въ Европѣ находится особенно много искренно вѣрующихъ, католиковъ и протестантовъ, разумѣется въ классахъ образованныхъ, то было бы несправедливо думать, что католицизмъ и протестантство перестали существовать въ Европѣ и что будто она совершенно отвергла христіанство въ его извѣстныхъ ей двухъ формахъ. Правда въ передовыхъ классахъ и городскихъ массахъ Европы по большей

жимъ, все это крики отчаянія, вырвавшіеся въ самыя тяжелыя минуты политическихъ неудачъ, въ разгаръ самыхъ сильныхъ страстей, тѣмъ не менѣе, когда въ извѣстной странѣ много является такихъ Іеремій, то объ этомъ стоитъ призадуматься, особенно когда вспомнишь нынѣшній позоръ и униженіе Франціи. Основная причина такого печальнаго, нравственнаго положенія Франціи заключается въ ослабленіи и отсутствіи высшихъ, общихъ и объективныхъ, вѣрованій. Но много ли въ этомъ отношеніи отличается духовное, религіозно-философское состояніе Германіи?

Раздробленность и непримиримость политическихъ партій во

---

sible; la ruine, la grève, la mendicité, la repression, la correction, la banqueroute, l'agiotage, l'usure, la féodalité industrielle, l'écrasement commercial, la traite des blancs, la frénésie de la spéculation, la fièvre de l'or, répandant partout le jeûne, les privations et la misère; le spectre de la faim suspendu sur de milliers de têtes; du plomb pour ceux qui demandent du pain; le workhouse substitué à l'atelier; le prolétariat frémissant, refoulé dans les faubourgs, alteré de vengeances; l'émeute renaissant de l'émeute, l'épouvantable désordre actuel subi par terreur de désordres plus grands encore; la Jacquerie individuelle traquée dans les bois, mais invaincue, et plus redoutable de jour en jour; des légions innombrables de fonctionnaires et de valets toujours inassouvis, une armée féroce, un clergé jésuite, une magistrature humiliée, des nations entières représentées par des instituts de sourd-muets; des prétoriens dégoutant de sang; les plus casse-cous des conspirateurs présidant aux destinées des empires. Plus de croyances: ni dans la justice, ni dans la hache, ni dans la monarchie, ni dans la république, ni dans l'humanité, ni dans la patrie, ni dans la liberté, ni dans la religion. Pour Koran un code romano-napoléonien qui sanctifie l'absolutisme et le vol. Plus de ces mobiles d'honneur, de gloire et d'espérance qui poussent les peuples aux grandes entreprises. Les partis se déchirent, les intrigants se mangent le blanc des yeux; le talent est mince comme feuille et la vanité s'enfle jusqu' à crever pour s'égaler à l'ambition. Les hommes sont décimés par le suicide, l'assassinat, le jeu, le vol, les loteries et la bourse; par des crimes inouis, par un ensemble de jouissances qui dégrade et atrophie l'espèce, par une littérature échevelée, de confessions de désespérances, un romantisme desséchant, mercantile. Le théatre et les arts sont devenus la proie des agents d'affaires. L'espionnage s'est introduit partout: dans le sein des familles, dans les confidences de l'amitié, dans les transports d'amour. L'individu n'a plus rien de sacré; honneur, pensée, parole, signatures et serments, tout est devenu matière à trafic. Les jeunes bourgeois ont placé leur esprit dans la pointe de leurs moustaches, et la pureté de leur conscience dans les vernis de leurs souliers. Les femmes envoient des baisers à Haynau le fouetteur; les hommes élevent des arcs-de-triomphe à Napoléon l'assassin. Enfin le peuple est devenu stupide, badaud, dégénéré; indifférent au joug qu'il porte, il va voir tout ce qui reluit: les feux d'artifice, l'uniforme du soldat, l'acier du sabre, le saint-sacrement et le couperet de la guillotine.» Такова картина Франціи, очерченная Французомъ въ 1854 г. Авторъ ждалъ и желалъ побѣды Русскимъ, надѣясь, что они наконецъ разрушатъ западное общество. Les Russes ont soif de sang. Онъ ошибся только въ названіи кровожаднаго народа, которому предназначала исторія сокрушить Францію.

Франціи происходитъ главнѣйше изъ того же источника, а также отъ частыхъ насильственныхъ государственныхъ переворотовъ, въ ней бывавшихъ. Говорю: изъ того же источника, такъ какъ политическіе идеалы, государственныя теоріи и ученія находятся въ тѣснѣйшей внутренней связи съ господствующими религіозными и нравственно-философскими ученіями и идеалами. Идея общественной безопасности и блага государственнаго, salus publica, raison d'état—въ разныхъ государствахъ, въ разныя времена осуществлялась различно, сообразно съ господствовавшими въ нихъ ученіями нравственности, съ ихъ религіозными и нравственно-философскими идеалами. Въ Италіи XV, XVI в., во время господства полнѣйшаго индиферентизма и преобладанія начала полезности въ ученіи о нравственности, государственные люди и правительства въ видахъ общественной безопасности самымъ спокойнымъ и систематическимъ образомъ прибѣгаютъ къ ядамъ, тайнымъ отравамъ и убійствамъ. Съ другой стороны частые насильственные перевороты расшатываютъ въ народахъ и обществахъ твердость и крѣпость гражданскихъ убѣжденій. Они раскалываютъ общество на множество партій, изъ коихъ каждая, благодаря прежнимъ насиліямъ, пріучается видѣть и искать въ гибели своихъ противницъ свое собственное возвышеніе. Дикость нѣкоторыхъ изъ соціалистическихъ ученій новѣйшей Франціи не подлежитъ сомнѣнію. Іюньскіе дни республики при Кавеньякѣ, тайное общество Маріанна съ самыми безумными и дикими правилами слишкомъ еще свѣжи и памятны. Всѣ эти обстоятельства близко подходятъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя свойственны періоду упадка народовъ и государствъ. Но не слѣдуетъ забывать, что всѣ соціалистическія и комунистическія теоріи, отъ наиболѣе разумныхъ до самыхъ нелѣпыхъ и безобразныхъ, имѣютъ свои глубокія историческія основанія, свою законную причину бытія. Источникъ ихъ соціально-экономическій бытъ Европы, съ особенностями поземельныхъ отношеній и колосальнымъ развитіемъ индустріализма, давленіемъ капитала и съ прямымъ послѣдствіемъ всего этого, развитіемъ пролетаріата и пауперизма, которые нынѣ тѣмъ ужаснѣе, что прежнія общества не знали такихъ гигантскихъ богатствъ, такой утонченной роскоши и, главное, прежніе бѣдняки и нищіе, вѣря въ лучшую будущую жизнь, мужественнѣе переносили свое горе-злосчастіе и великодушнѣе прощали обиды. Повторяемъ, если Франція истощена, деморализована и падаетъ, то причины сего лежатъ глубже, чѣмъ въ слабой организаціи народныхъ школъ и дурной администраціи. Онѣ заключа-

ются въ нѣкоторыхъ особенныхъ явленіяхъ религіознаго, политическаго и соціально-экономическаго быта Франціи. Эти же явленія отнюдь не исключительно Романскія, напротивъ онѣ гораздо слабѣе въ Италіи и Испаніи, чѣмъ въ Англіи и Германіи. Во Франціи преобладаетъ мелкая, а въ Англіи крупная собственность, каждая имѣетъ свои выгоды и невыгоды. Развитыя до крайности, обѣ системы представляютъ великія для государствъ опасности. Magna latifundia Italiam perdidere, колко напоминаютъ защитники мелкой собственности, а ихъ противники съ неменьшею справедливостью указываютъ, какое пагубное вліяніе на семейный бытъ и общественный духъ гражданъ, на общее экономическое состояніе страны оказываетъ слишкомъ мелкое дробленіе поземельной собственности. Въ Германіи существуютъ обѣ системы поземельнаго владѣнія, и обѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уже достигаютъ крайностей Англіи и Франціи; на востокѣ, преимущественно въ восточной Пруссіи, въ послѣднее тридцатилѣтіе количество мелкихъ собственниковъ значительно убываетъ, а число крупныхъ помѣстій увеличивается, тогда какъ на Западѣ, на Рейнѣ, уже оказывается большая бѣдность отъ излишняго дробленія мелкой собственности. [1]) Въ послѣдніе десятки лѣтъ индустріализмъ въ Германіи сдѣлалъ громадные успѣхи и привелъ за собою цѣлый рядъ однородныхъ съ Франціею и Англіею явленій. Успѣхи Лассаля и другихъ соціалистовъ, движенія рабочихъ въ разныхъ краяхъ Германіи довольно наглядно показываютъ, что и въ соціально-экономическомъ, также какъ въ религіозномъ отношеніи, Германія вовсе не такъ много отличается отъ Франціи, какъ это думаютъ иные близорукіе люди, ослѣпленные грозою недавнихъ Нѣмецкихъ побѣдъ. Благороднѣйшій дѣятель, прекрасный знатокъ положенія рабочихъ въ Европѣ и умный писатель, Губеръ, къ несчастью такъ рано похищенный смертью, годъ съ небольшимъ назадъ, писалъ слѣдующее относительно рабочихъ въ Германіи. Ссылаемся на него тѣмъ охотнѣе, что онъ не принадлежитъ къ крайнимъ писателямъ и не обвиняется въ преувеличеніяхъ. „Является, говоритъ онъ, вопросъ, какъ и въ какой степени бѣдность рабочихъ и ея выраженіе въ національныхъ движеніяхъ рабочихъ и ихъ международной коалиціи можетъ внушать страхъ высшимъ классамъ и всему государству. Тутъ представляются два соображенія. Во первыхъ хо-

---

[1]) Lette, Ad. Die Vertheilung des Grundeigenthums im Zusammenhange mit der Geschichte der Gesetzgebung u. den Volkszuständen. Berlin. 1858. Ss. 35—44 ff.

зяйственныя послѣдствія усиленія этой бѣдности свыше извѣстныхъ предѣловъ. Въ этомъ отношеніи нужно только вспомнить Англійскую подать въ пользу бѣдныхъ, которая еще прежде (до реформъ тридцатыхъ годовъ) грозила опасностью обременить податную собственность до обращенія ея въ безцѣнность, — опасностью, грозящею повториться несмотря на реформы, если задача соціальной реформы не будетъ разрѣшена прежде, чѣмъ будетъ поздно. Мы не намѣрены подробно разбирать вопросъ съ этой стороны; но мы не можемъ не отмѣтить, что напр. дальнѣйшее распространеніе и повтореніе восточно-Прусскихъ бѣдствій можетъ скоро и для Германіи привести подобныя опасности такого въ сущности коммунистическаго обремененія собственности. Нельзя указывать на вѣрное ручательство и обезпеченіе противъ этого, если дѣла пойдутъ тою же рутиною, какъ было до сихъ поръ, и если не примутъ мѣръ быстрыхъ и рѣшительныхъ. Какъ бы то ни было, эта опасность слишкомъ отдаленная и условная, слишкомъ посредственная и сложная, чтобы внушать въ этихъ далекихъ кругахъ тотъ страхъ, изъ котораго черезъ свободную соціальную дѣятельность могла бы возникнуть соціальная реформа. Иное дѣло, если бы распространилось убѣжденіе, что грозитъ болѣе близкая, простая и вмѣстѣ болѣе понятная опасность. Она могла бы явиться изъ насильственнаго взрыва негодованія рабочихъ классовъ, дѣятельнѣйшій органъ которыхъ есть международный союзъ рабочихъ. Но мы не скроемъ, что и съ этой стороны трудно возбудить сильный страхъ. Есть слишкомъ много вліятельныхъ голосовъ, внушающихъ общественному мнѣнію и вліятельнымъ кругамъ чувство ложной увѣренности, что нѣтъ никакой опасности. Если бы она даже явилась, то легко успокоиваются тѣмъ, что у государственной власти для возстановленія порядка имѣются громадныя усмирительныя средства, и что въ благополучномъ исходѣ такого столкновенія нельзя на минуту сомнѣваться. Оставимъ это въ сторонѣ, по скольку оно касается Германіи, все таки надо будетъ согласиться, что дѣла обстоятъ гораздо менѣе благополучно по ту сторону Рейна, Альпъ и Пиринеевъ. Нетрудно также замѣтить, что подобный вулканическій взрывъ даже въ такомъ отдаленіи не останется безъ послѣдствій и для Германіи, и что только самое энергическое примѣненіе насильственныхъ мѣръ противъ мѣстныхъ взрывовъ можетъ сохранить существующій порядокъ отъ всеобщаго потрясенія или совершеннаго переворота. Нечего распространяться, какое было бы неизмѣримое бѣдствіе даже временная, мѣстная побѣда красной

республики, даже побѣдоносная борьба съ нею... Впрочемъ въ основаніи этой ложной увѣренности, при всемъ великомъ Прусскомъ и Нѣмецкомъ самомнѣніи, заключается предположеніе, что и во Франціи, въ Парижѣ, нельзя опасаться повторенія іюньскихъ дней 1848 г. и что тамъ уже озаботились, на случай несчастія, принять всѣ нужныя мѣры для успѣшной борьбы въ пользу соціальнаго и политическаго порядка. Болѣе подробное знакомство съ этимъ страшнымъ гражданскимъ и городскимъ побоищемъ должно однако значительно разстроить это довѣріе. Для сего можетъ быть даже достаточенъ простой расчетъ. Въ то время едва десятая часть способныхъ носить оружіе работниковъ находилась на барикадахъ, и силы войска и вооруженной буржуазіи (bayonettes intelligentes) были по крайней мѣрѣ въ четверо значительнѣе инсургентовъ, — не говоря уже о вооруженіи, дисциплинѣ, предводительствѣ. И однако была четырехдневная битва съ большими потерями для побѣдителей и съ нѣсколькими моментами, когда побѣда была очень сомнительна. Тутъ можно спросить: а что бы было, если бы поднялась вся масса рабочихъ, и за чертою города (banlieue)? Какъ бы мы ни преувеличивали усиленія разрушительныхъ средствъ во Франціи и другихъ образованныхъ государствахъ во время мирнаго положенія установленнаго съ 1866 г., однако не должно забывать, что и красная республика не прибѣгала еще къ самому страшному элементарному разрушительному средству — красному пѣтуху (die Brandfackel). Почему ей бы не имѣть своихъ жандармовъ поджигателей, какъ имѣлъ Польскій мятежъ своихъ жандармовъ вѣшателей, противъ которыхъ въ революціонныхъ, даже просто либеральныхъ кружкахъ не высказывали особаго негодованія. Во всякомъ случаѣ требуется слишкомъ малое знакомство съ соціально-демократическою агитаціею, для того, чтобы не принимать въ разсчетъ возможнаго употребленія ею въ извѣстныхъ случаяхъ подобныхъ средствъ. Если это возможно для Парижа, то тѣмъ болѣе для разныхъ другихъ большихъ городовъ Гальскаго и Романскаго Юга, гдѣ нѣтъ такихъ военныхъ и полицейскихъ средствъ, какія есть въ Парижѣ и Ліонѣ. Такъ ли ужь излишне для насъ интересоваться вопросомъ: а что если хоть временно провозглашена будетъ соціальная республика въ Барцелонѣ, Ліонѣ, С-тъ Этьеннѣ или Марсели, или въ Женевѣ? Неужли опасность летящихъ искръ такихъ пожаровъ для нѣкоторыхъ центровъ большой промышленности, въ которыхъ много накопилось горючаго вещества, не представляетъ никакого основанія для страха и по сю сторону Рейна? Но оста-

вимъ совершенно въ сторонѣ возможность насильственныхъ взрывовъ и ихъ послѣдствій, — предположимъ даже, что во время удастся подавить стремящуюся къ нимъ общественную агитацію. И въ такомъ случаѣ, установившаяся увѣренность, что дѣла могутъ и должны итти по старому, обличитъ только недостатокъ соціально-политическаго пониманія и высшихъ нравственныхъ соображеній, столь необходимыхъ въ соціальныхъ вопросахъ. Дѣйствительно, когда въ Нѣмецкой печати зачастую попадаются болѣе или менѣе успокоительныя и часто насмѣшливыя заявленія о совершенной безопасности соціально-демократической агитаціи, когда патріотически либеральная и консервативная чесотка (pruritus) низверженія Французскихъ порядковъ и Бонопартовской политики доходитъ до того, что по поводу извѣстныхъ рѣчей въ собраніяхъ рабочихъ говорятъ о заказѣ краснаго пугала, — и когда велико-Прусскіе оффиціозные органы подтруниваютъ надъ энергическими мѣрами для поддержанія порядка въ Парижѣ, въ томъ же смыслѣ, какъ это давно дѣлаетъ либеральная печать, пока ничто ей прямо не грозитъ, — тогда подобный недостатокъ пониманія Парижскихъ и другихъ корреспондентовъ, равно какъ и парламентарныхъ политиковъ и публицистовъ долженъ возбуждать не только великое удивленіе, но и глубокое негодованіе. Или быть можетъ это „красное пугало" существуетъ только въ воображеніи Бонопартовской полиціи? Нужно ли его заказывать, когда стоитъ только немного прогуляться, дабы увидать зарево?—Кто можетъ утверждать, что теперь наконецъ не время угрожаемымъ соціальнымъ элементамъ подняться на защиту соціальныхъ, политическихъ и церковныхъ порядковъ. Подобныя пересмѣиванія только тогда имѣютъ основаніе, когда люди могутъ хвалиться абсолютнымъ пониманіемъ тонкой грани между благоразумною предусмотрительностью и энергіею. Или можно отрицать, что эти порядки, каковы бы ни были ихъ темныя стороны, все же лучше хаоса, грозящаго ихъ поглотить, что опасность подобнаго пожара въ домѣ сосѣда вовсе не страшна для нашего. Или въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что фразы либеральной оппозиціи могутъ замѣнить эту силу? Въ этой ложной увѣренности заключается также доказательство совершеннаго равнодушія и потому виновнаго невѣжества относительно духовнаго и нравственнаго состоянія массы рабочихъ, отданной на жертву этой агитаціи. Если даже предположить, что это движеніе, какъ тамъ, такъ преимущественно у насъ, можетъ безслѣдно миновать безъ энергическихъ мѣръ и должнаго удовлетворенія основательныхъ жалобъ, то все

таки останется опасность отъ насыщенія почвы и атмосферы этими міазмами не положительно республиканскаго свойства, но всеобщей одичалости, ожесточенія и огрубенія. Эта опасность еще возрастаетъ оттого, что она распространяется безъ опредѣленной, осязаемой формы и болѣе въ частной, нежели въ общественной жизни. Только сильный оптимизмъ можетъ не видѣть, что, при первыхъ затрудненіяхъ Европейской политики, опасности матеріальныхъ взрывовъ будутъ выступать все сильнѣе. Въ этомъ отношеніи нужно обращать вниманіе на то, что постоянный вооруженный миръ не можетъ особенно содѣйствовать благосостоянію рабочихъ, что въ *народѣ вооруженномъ* (Volk im Waffen) подвергнутые упомянутымъ вліяніямъ рабочіе *очень сильно* представлены.» [1])

Что же касается до непримиримости политическихъ партій, то и въ этомъ отношеніи Германія вовсе не такъ можетъ быть далека отъ Франціи, какъ это кажется людямъ, мало вникавшимъ въ новѣйшую исторію Германіи послѣ 1848 г. Насильственный и крутой переворотъ, начатый и продолжаемый Бисмаркомъ накапливаетъ въ будущемъ самыя грозныя опасности, какъ это мѣтко предусматриваютъ и указываютъ нѣкоторые проницательные люди въ самой Германіи, напримѣръ К. Франтцъ. [2])

И такъ, обращаясь къ Нѣмецкому мнѣнію объ истощеніи и паденіи Романской расы, съ какой бы стороны мы его ни разсматривали, мы принуждены согласиться, что если это мнѣніе справедливо, то Нѣмцамъ все таки нѣтъ ни малѣйшей разумной причины сколько нибудь радоваться такому явленію. Паденіе и униженіе Франціи страшно ослабляетъ Европу въ пользу Америки и Россіи. Оно, еще болѣе ослабленія Австріи при Кенигсгрецѣ и Садовой, наноситъ рѣшительный ударъ нравственнымъ вліяніямъ и успѣхамъ Германіи

---

[1]) Deutsche Vierteljahrs-Schrift. Stuttgard. 1869. № 127. Die Arbeiterfrage in Deutschland, Ss. 191—195, Въ Германіи рабочій вопросъ не такая бездѣлица, какъ думаютъ многіе наши ограниченные и тупые поклонники побѣдоносной Пруссіи, и нынѣшнія побѣды и завоеванія ни на волосъ не поправятъ, а напротивъ значительно ухудшатъ положеніе Нѣмецкаго, сельскаго и городскаго, простонародья. О прошлогоднихъ движеніяхъ рабочихъ въ Вѣнѣ и въ Австріи см. Schäffle, Kapitalismus u. Socialismus mit besonderer Rücksicht auf Geschäft— u. Vermögensformen. Tübingen. 1870, въ Пруссіи, Силезіи — Нѣмецкій переводъ Шрамма книги Тортона Die Arbeit съ примѣч. переводчика. Leipzig. 1870. Ss. 528 ff. См. также. Lange, F. A. Die Arbeiterfrage. Ihre Bedeutung für Gegenwart u. Zukunft. Winterthur. 1870.

[2]) Frantz, C. Die Schattenseite des Norddeutschen Bundes vom preussischen Standpunkte betrachtet. Eine staatswissenschaftliche Skizze. Berlin. 1870.

вимъ совершенно въ сторонѣ возможность насильственныхъ взрывовъ и ихъ послѣдствій, — предположимъ даже, что во время удастся подавить стремящуюся къ нимъ общественную агитацію. И въ такомъ случаѣ, установившаяся увѣренность, что дѣла могутъ и должны итти по старому, обличитъ только недостатокъ соціально-политическаго пониманія и высшихъ нравственныхъ соображеній, столь необходимыхъ въ соціальныхъ вопросахъ. Дѣйствительно, когда въ Нѣмецкой печати зачастую попадаются болѣе или менѣе успокоительныя и часто насмѣшливыя заявленія о совершенной безопасности соціально-демократической агитаціи, когда патріотически либеральная и консервативная чесотка (pruritus) низверженія Французскихъ порядковъ и Бонопартовской политики доходитъ до того, что по поводу извѣстныхъ рѣчей въ собраніяхъ рабочихъ говорятъ о заказѣ краснаго пугала, — и когда велико-Прусскіе оффиціозные органы подтруниваютъ надъ энергическими мѣрами для поддержанія порядка въ Парижѣ, въ томъ же смыслѣ, какъ это давно дѣлаетъ либеральная печать, пока ничто ей прямо не грозитъ, — тогда подобный недостатокъ пониманія Парижскихъ и другихъ корреспондентовъ, равно какъ и парламентарныхъ политиковъ и публицистовъ долженъ возбуждать не только великое удивленіе, но и глубокое негодованіе. Или быть можетъ это „красное пугало" существуетъ только въ воображеніи Бонопартовской полиціи? Нужно ли его заказывать, когда стоитъ только немного прогуляться, дабы увидать зарево?—Кто можетъ утверждать, что теперь наконецъ не время угрожаемымъ соціальнымъ элементамъ подняться на защиту соціальныхъ, политическихъ и церковныхъ порядковъ. Подобныя пересмѣиванія только тогда имѣютъ основаніе, когда люди могутъ хвалиться абсолютнымъ пониманіемъ тонкой грани между благоразумною предусмотрительностью и энергіею. Или можно отрицать, что эти порядки, каковы бы ни были ихъ темныя стороны, все же лучше хаоса, грозящаго ихъ поглотить, что опасность подобнаго пожара въ домѣ сосѣда вовсе не страшна для нашего. Или въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что фразы либеральной оппозиціи могутъ замѣнить эту силу? Въ этой ложной увѣренности заключается также доказательство совершеннаго равнодушія и потому виновнаго невѣжества относительно духовнаго и нравственнаго состоянія массы рабочихъ, отданной на жертву этой агитаціи. Если даже предположить, что это движеніе, какъ тамъ, такъ преимущественно у насъ, можетъ безслѣдно миновать безъ энергическихъ мѣръ и должнаго удовлетворенія основательныхъ жалобъ, то все

таки останется опасность отъ насыщенія почвы и атмосферы этими міазмами не положительно республиканскаго свойства, но всеобщей одичалости, ожесточенія и огрубенія. Эта опасность еще возрастаетъ оттого, что она распространяется безъ опредѣленной, осязаемой формы и болѣе въ частной, нежели въ общественной жизни. Только сильный оптимизмъ можетъ не видѣть, что, при первыхъ затрудненіяхъ Европейской политики, опасности матеріальныхъ взрывовъ будутъ выступать все сильнѣе. Въ этомъ отношеніи нужно обращать вниманіе на то, что постоянный вооруженный миръ не можетъ особенно содѣйствовать благосостоянію рабочихъ, что въ *народѣ вооруженномъ* (Volk im Waffen) подвергнутые упомянутымъ вліяніямъ рабочіе *очень сильно* представлены.» [1])

Что же касается до непримиримости политическихъ партій, то и въ этомъ отношеніи Германія вовсе не такъ можетъ быть далека отъ Франціи, какъ это кажется людямъ, мало вникавшимъ въ новѣйшую исторію Германіи послѣ 1848 г. Насильственный и крутой переворотъ, начатый и продолжаемый Бисмаркомъ накапливаетъ въ будущемъ самыя грозныя опасности, какъ это мѣтко предусматриваютъ и указываютъ нѣкоторые проницательные люди въ самой Германіи, напримѣръ К. Франтцъ. [2])

И такъ, обращаясь къ Нѣмецкому мнѣнію объ истощеніи и паденіи Романской расы, съ какой бы стороны мы его ни разсматривали, мы принуждены согласиться, что если это мнѣніе справедливо, то Нѣмцамъ все таки нѣтъ ни малѣйшей разумной причины сколько нибудь радоваться такому явленію. Паденіе и униженіе Франціи страшно ослабляетъ Европу въ пользу Америки и Россіи. Оно, еще болѣе ослабленія Австріи при Кенигсгрецѣ и Садовой, наноситъ рѣшительный ударъ нравственнымъ вліяніямъ и успѣхамъ Германіи

---

[1]) Deutsche Vierteljahrs-Schrift. Stuttgard. 1869. № 127. Die Arbeiterfrage in Deutschland. Ss. 191—195. Въ Германіи рабочій вопросъ не такая бездѣлица, какъ думаютъ многіе наши ограниченные и тупые поклонники побѣдоносной Пруссіи, и нынѣшнія побѣды и завоеванія ни на волосъ не поправятъ, а напротивъ значительно ухудшатъ положеніе Нѣмецкаго, сельскаго и городскаго, простонародья. О прошлогоднихъ движеніяхъ рабочихъ въ Вѣнѣ и въ Австріи см. Schäffle, Kapitalismus u. Socialismus mit besonderer Rücksicht auf Geschäft— u. Vermögensformen. Tübingen. 1870, въ Пруссіи, Силезіи — Нѣмецкій переводъ Шрамма книги Тортона Die Arbeit съ примѣч. переводчика. Leipzig. 1870. Ss. 528 ff. См. также. Lange, F. A. Die Arbeiterfrage. Ihre Bedeutung für Gegenwart u. Zukunft. Winterthur. 1870.

[2]) Frantz, C. Die Schattenseite des Norddeutschen Bundes vom preussischen Standpunkte betrachtet. Eine staatswissenschaftliche Skizze. Berlin. 1870.

на Славянскомъ востокѣ, прямо, безвозвратно бросая Сл
даже Поляковъ (какъ это, надѣемся, вскорѣ обнаружится) и
ятія Россіи. Нѣмецкая партія въ Петербургѣ, которая всегд
зывала великія услуги Германіи, поражена смертельно по
Нѣмцевъ во Франціи, хотя это пока мало замѣтно для насъ
незамѣтнѣе для нея самой. Своимъ образомъ дѣйствій во Фр
послѣ Седана, будущая Германская имперія пріобрѣла себѣ с
враговъ въ Европѣ, что въ случаѣ предполагаемой борьбы
Славянствомъ, оно легко можетъ найти себѣ въ Европѣ
сочувствія, если не союзниковъ: еще Гуситы умѣли себѣ на
его и во Франціи и въ самой Германіи. Нынѣшняя война
съ Франціею есть роковая и никогда болѣе неисправимая с
величайшее несчастіе, разумѣется я становлюсь тутъ на точ
нія Европейскую и даже Германскую. Съ общечеловѣческой х
стіанской точки зрѣнія она несчастіе, по скольку несчастіе
рѣзни, убійства, грабежи и насилія. Въ этомъ смыслѣ со с
Нѣмцевъ едва ли особенно благоразумно такъ восхищаться
побѣдами. Онѣ усилили и возродили старую вражду и не
къ нимъ Французовъ и быть можетъ Романцевъ вообще, а ч
доказали? Wie wir wieder ein Volk geworden sind! Но кто же
выхъ и до осады Парижа сомнѣвался, что Нѣмцы—народъ, и п
всемірно-историческій, а во вторыхъ не полезнѣе ли бы было д
маніи, сообща съ Франціею и всею Европою, обратить всѣ эти
пожертвованія на слабый, неприготовленный, Славянскій В
nach Osten. Теперь же Германія найдетъ его несравненно
приготовленнымъ для должнаго отпора, и въ нравственном
матеріальномъ отношеніи. Радоваться же тому, что Фра
вообще Романская Европа истощилась и пала, со стороны
цевъ просто безсмысленно, такъ такъ Романцы и Германц
раго свѣта есть, повторяю, Сіамскіе близнецы. Они родилис
питались, выросли, работали, наслаждались и страдали
вмѣстѣ. Они имѣли общаго, враждебнаго имъ сосѣда, надъ
рымъ они торжествовали и котораго они сдерживали толь
годаря своей дружбѣ. Паденіе Франціи и прочихъ Романск
мель есть вообще паденіе Европейской цивилизаціи, такъ к
Романской ея половинѣ есть сильная закваска Германская,
Германской — Романская. Если паденіе Франціи и вообще
ской Европы не подлежитъ сомнѣнію, то тѣмъ болѣе несом
что оно проистекаетъ изъ тѣхъ источниковъ, которые сущес
и въ Германіи.

Если же этотъ любимый Нѣмецкій тезисъ объ истощеніи Романцевъ окажется совершенно несправедливымъ, если Франція не гнилая, отцвѣтшая страна, а напротивъ достойна жить, можетъ и должна еще потрудиться для образованности, и слѣдовательно рано или поздно должна воспрянуть изъ нынѣшняго своего позора и униженія, то и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ, что Русскій народъ и вообще Славянскій міръ призванъ исторіею къ великой самостоятельной будущности. Германія, такъ страшно нынѣ унизившая Францію, долго будетъ употреблять всѣ возможныя усилія, чтобы не дать ей снова встать на ноги, оправиться и отомстить свои пораженія. Какая печальная картина ближайшаго будущаго Европы! Мало еще нынѣшнихъ убійствъ, грабежей, пожаровъ, раззореній цѣлыхъ цвѣтущихъ деревень, городовъ и областей! По заключеніи мира два великихъ народа Европы станутъ тратить время и лучшія свои силы для нанесенія взаимнаго вреда и руководиться въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ чувствами вражды, злобы и ненависти. Не вызывается ли поступательнымъ ходомъ всемірной исторіи новый міровый дѣятель, новое великое племя, которое бы занималось преслѣдованіемъ задачъ болѣе честныхъ и возвышенныхъ. Если Романская Европа, и Франція во главѣ, не пала окончательно, а только временно, то не требуется ли внѣшняя посторонняя помощь, которая бы возстановила нарушенное равновѣсіе и, примиривъ враждующихъ, привела бы ихъ въ должныя границы. Если Франціи еще суждено оправиться и подняться, то не въ Славянствѣ ли она будетъ себѣ искать союзника и друга противъ Германіи, какъ послѣдняя искала и нашла въ немъ опору и помощь противъ Франціи, когда она топтала и унижала безсильную Германію. Эта потребность вмѣшательства въ судьбы Европы или міра Романо-Германскаго третьяго историческаго дѣятеля, Славянскаго, ясно намекаетъ и указываетъ на несостоятельность той исторической системы, которая думаетъ обнять всю исторію Арійско-христіанскаго человѣчества, повѣствуя объ однѣхъ судьбахъ Романо-Германскаго міра. Его историческая жизнь безспорно исполнена высокаго интереса, богата громадными и великолѣпными предпріятіями и результатами. Но она не обнимаетъ всего Арійско-христіанскаго человѣчества. Греки, Албанцы, Литовцы и стомилліонное племя Славянъ — такіе же Арійцы и христіане. Ихъ жизни, ихъ дѣлъ нельзя проходить молчаніемъ. Если бы ихъ назначеніе было погибнуть, не раскрывши своихъ силъ, и послужить ингредіентомъ для другихъ племенъ, то они погибли бы гораздо прежде: поводовъ и воз-

можности было немало. Они вынесли страшныя бури, невзгоды и бѣдствія, устояли, окрѣпли, — значитъ, есть же у нихъ какая то внутренняя сила, есть свое міровое призваніе, свое будущее. Въ исторіи взаимныхъ отношеній Романцевъ и Германцевъ, исполненной внутренняго антагонизма и соперничества, и въ средніе вѣка и въ новое время, Славяне всегда занимали особое положеніе и нерѣдко принимали рѣшительное участіе. Безъ знанія отношеній Германской имперіи къ Балтійскимъ Славянамъ, Польшѣ, Чехіи и Угріи (державы болѣе, чѣмъ полуславянской, до 1526 г.) нельзя себѣ вѣрно представить отношеній Германіи къ Италіи до к. XV в. и даже позже. Точно также вѣковыя отношенія Венеціи къ Словинцамъ, Хорватамъ и Сербамъ значительно выясняютъ долгое владычество Испаніи и потомъ Австріи въ Италіи. Для яснаго пониманія борьбы Франціи съ Германіей, начиная съ XVI в., особенно съ 1552 г., когда Франція отняла у Германіи Метцъ, Туль и Верденъ, вплоть до 1870 г., всегда необходимо имѣть при этомъ въ виду положеніе, которое тогда занимали Угрія, Чехія, Польша и Россія. Можно ли себѣ вѣрно и ясно представить исторію войны Германіи за независимость 1813—1815 г., ничего не зная о внутренней и внѣшней исторіи Россіи въ 1812 г. и раньше? Пойметъ ли тотъ вполнѣ ясно исторію нынѣшней Прусско-Французской войны, кто близко не ознакомится съ положеніемъ современной Россіи, съ ея отношеніями къ Франціи Наполеона III, съ нашею бѣдностью, военною неприготовленностью и съ личными симпатіями высшихъ круговъ Петербурга, съ внутренними нашими партіями.

У новѣйшихъ Нѣмецкихъ протестантскихъ историковъ нерѣдко можно встрѣтить одно парадоксальное положеніе, которое совершенно извращаетъ смыслъ важнаго историческаго явленія и мѣшаетъ вѣрному пониманію того значенія, которое имѣли западно-Славянскія земли въ отношеніяхъ Германіи къ Риму и папизму!

Соглашаясь, что западное христіанство въ періодъ IX—XI в. потерпѣло сильное искаженіе, Нѣмецкіе протестантскіе историки, задавшись любимою своею мыслью, что возвышенный духъ первобытной Нѣмецкой національности совершенно гармонировалъ съ принципомъ чистаго христіанства [1]), обыкновенно сваливаютъ всю вину этого искаженія на Италію и вообще Романскія народности.

[1]) Замѣтимъ, что такая похвальба въ устахъ христіанина совершенный грѣхъ и гнусное кощунство, а въ устахъ людей, отвергшихъ христіанство, какъ принципъ односторонній и ложный, просто глупа и безсмысленна.

Между тѣмъ дѣло въ сущности было совершенно иначе. Завоеванія и утвержденіе Аріанъ и язычниковъ Германцевъ въ православныхъ Италіи, Испаніи и Галліи имѣли напротивъ рѣшительное вліяніе на эти искаженія. Въ какой степени была высока первобытная нравственность этихъ Германскихъ дружинъ и вообще Германскаго племени, можно видѣть изъ исторіи нашествій и грабежей Готовъ, Свевовъ, Вандаловъ, Бургундовъ, Франковъ и Англо-Саксовъ въ V в., изъ кровавыхъ придворныхъ и династическихъ лѣтописей Лонгобардовъ и Франковъ VI, VII и половины VIII в., изъ духа большей части древнихъ Германскихъ правдъ (leges) и изъ пѣсень древней Эдды и Нибелунговъ, герои которыхъ отличаются холодною кровожадностью, хитрою мстительностью и алчнымъ корыстолюбіемъ. Однимъ изъ несомнѣнныхъ ближайшихъ послѣдствій большей части этихъ завоеваній для земель Романскихъ было огрубеніе нравовъ, паденіе старой образованности и распространеніе невѣжества въ этихъ православныхъ Римскихъ провинціяхъ. Эти явленія наиболѣе способствовали возникновенію и распространенію на западѣ прибавки къ Символу Filioque (сначала въ Испаніи, на соб. Толедскомъ 589 г.) [1]) и лже-Исидоровскихъ декреталій, составленныхъ въ области западно-Франкской въ первой половинѣ IX в. Этотъ знаменитый подлогъ не только защищалъ и узаконивалъ тѣ стороны церковнаго быта, которыя именно явились въ слѣдствіе завоеванія Франковъ, но и стремился построить всю церковь по образцу ѳеократической монархіи Карла В. Постепенный разрывъ Рима съ Константинополемъ, сначала политическій, а потомъ церковный, былъ въ высшей степени благопріятенъ и желателенъ новой Франкской монархіи, особенно же съ тѣхъ поръ, какъ глава ея съ благословенія папы узурпировалъ титулъ Римскаго императора. Для оправданія этой узурпаціи, для приданія законности этому императорству и имперіи, Франки принуждены были съ одной стороны возвышать власть папы и преувеличивать его значеніе, съ другой доказывать неправовѣріе Грековъ, якобы лишившее ихъ правъ и

---

[1]) Замѣтимъ, что на Западѣ, въ Латинской церкви раздавались голоса противъ этой произвольной и неправильной прибавки въ Символѣ не только въ IX в., но и во второй половинѣ XI в. Такъ современникъ и поборникъ преобразованій Григорія VII, Петръ Даміани въ сочиненіи своемъ contra errorem Graecorum de processione Sp. S. говоритъ: In primis ergo dicamus, unde ignorantiae istius oriatur origo, ut et *Graeci fere omnes*, et *Latinorum quidam* perhibeant Spiritum Sanctum non a Filio, sed a solo Patre procedere. (Cap. II. Migne, Patrol. Curs. Compl. T. CXLV, pag. 635).

достоинства имперіи. Это ясно выразилось въ извѣстномъ письмѣ императора Людовика Нѣмецкаго къ императору Василію I. Сильное участіе Германскаго элемента въ этомъ церковномъ разрывѣ выразилось и въ послѣдствіи, при Оттонѣ I и Генрихѣ II въ ихъ дѣйствіяхъ противъ Грековъ въ Нижней Италіи, наконецъ при Генрихѣ III, который оказалъ такую рѣшительную услугу папѣ Льву IX. Этотъ же папа, Нѣмецъ родомъ, уже развивалъ мысль о земной и небесной власти, о царскомъ священничествѣ Римскаго престола (de terreno et coelesti imperio, immo de regali sacerdotio S. Romanae et apostolicae sedis) и рѣзко заявлялъ Цареградскому патріарху, что Римскую апостольскую каѳедру никто судить не можетъ, ибо, по жалованной грамотѣ императора Константина епископу Сильвестру, Римскій епископъ поставленъ главою всего духовенства, подобно тому, какъ царь глава всѣхъ судей. Послѣ проклятія, произнесеннаго въ Цареградѣ легатами этого папы на патріарха Михаила Керулларія и другихъ епископовъ (1054), какъ извѣстно, церковный разрывъ между востокомъ и западомъ почти окончательно совершился. Объявленіе Грековъ еретиками, отпавшими отъ истинной вѣры, было необходимо для Франкской монархіи Карла В. и для возобновленной имперіи Оттона I. Эта фикція о Греческомъ неблагочестіи и неправовѣріи давала, какъ я сказалъ, благовидное основаніе и законное оправданіе узурпаціи, совершенной Римскимъ епископомъ и Франкскимъ государемъ. Въ этой сдѣлкѣ двухъ западныхъ представителей духовной и свѣтской власти содержалось уже начало будущаго подчиненія императоровъ папамъ. Въ самомъ дѣлѣ Карлъ В. и Оттонъ I съ ближайшими своими преемниками для проведенія въ жизнь упомянутой, столь имъ необходимой, фикціи, должны были желать и попускать, дабы Римскій епископъ былъ поставленъ надъ всѣми патріархами и епископами судьею и главою. Такъ образъ дѣйствій папы Николая I съ патріархомъ Фотіемъ былъ необходимъ для утвержденія Франкской имперіи. Но тотъ же папа считалъ себя еще болѣе вправѣ поступать повелительно и начальнически съ западными епископами. Нарушивъ законъ братства и равенства въ отношеніи къ восточнымъ патріархамъ, Римскій епископъ уже легко могъ западныхъ епископовъ обратить въ своихъ подчиненныхъ. Еще въ IX—X в. можно бы было предвидѣть, до какихъ размѣровъ достигнутъ наконецъ папскія притязанія. Воспитатель императора Оттона III, Гербертъ, папа Сильвестръ II, Нѣмецъ родомъ, уже мечталъ о пріобрѣтеніи власти надъ востокомъ. Передъ его умомъ смутно уже носилась мысль о

крестовомъ походѣ, которая потомъ ясно обрисовалась у Григорія VII и начала потомъ осуществляться при Урбанѣ II. Не отнимая личныхъ заслугъ Гильдебранда, можно однако безъ преувеличенія сказать, что папы Николай I, Сильвестръ II и Левъ IX приготовили и сдѣлали возможнымъ папу Григорія VII съ его планами и преобразованіями. Внутренняя непослѣдовательность Германскихъ носителей императорской власти въ ихъ борьбѣ съ папами всего лучше сказалась въ неудачныхъ попыткахъ Конрада III и Фридриха I Барбароссы заключить оборонительный и наступательный союзъ съ Греками противъ папы и Норманновъ для господства въ Италіи, равно какъ и въ извѣстномъ восклицаніи Фридриха II къ Никейскому Императору I. Ватацію: O felix Asia, o felices Orientalium potestates, quæ subditorum arma non metuunt et adinventiones pontificum non verentur. Вникая въ тяжбу императоровъ съ преемниками Григорія VII и въ доводы обѣихъ враждующихъ сторонъ, мы не можемъ не признать большей послѣдовательности за доводами папскими. Негодуя на посланіе Адріана IV, 1157 г., который напомнилъ императору о милости, оказанной ему Римскою церковью доставленіемъ ему императорской короны, и присовокупилъ, что она можетъ ему оказать еще большія благодѣянія, Фридрихъ I рѣшительно протестовалъ противъ такой мысли. Онъ называлъ папу оскорбителемъ величества и нарушителемъ церковнаго мира, который зависитъ отъ сохраненія императорскаго достоинства. „Кто предполагаетъ, что императоръ имѣетъ свою державу отъ человѣка, тотъ оскорбляетъ Бога. Отъ папы мы ничего другаго не получили, кромѣ простаго помазанія, гдѣ милость, которую мы у него просили? Мы сами надѣли на себя вѣнецъ и царство не отъ него, но отъ Бога получили. Нигдѣ Богослуженіе не совершается хуже Рима, гдѣ домъ Петра сталъ вертепомъ разбойниковъ и жилищемъ демоновъ. Папскаго же отлученія, презираемаго его собственными подданными, мы не боимся.“ Напротивъ того папа Адріанъ IV писалъ Германскимъ епископамъ: „Мы вспоминаемъ изъ древней исторіи, что Нѣмецкая держава, бывшая меньше всѣхъ, милостью и властью апостольскаго престола была вознесена до достоинства Римской, во главу всѣхъ царствъ. Не для того ли имперія перенесена отъ Грековъ къ Нѣмцамъ, дабы государь Нѣмецкій черезъ апостольское посвященіе получилъ достоинство и званіе императора и былъ бы защитникомъ св. Петра? До посвященія онъ король, послѣ него императоръ и августѣйшій. *Отъ кого же тогда онъ имѣетъ императорство, какъ не отъ насъ? Съ чего же онъ равняетъ*

себя намъ, когда все, что онъ имѣетъ, имѣетъ отъ насъ? Тою же самою властью, которою Захарія посвятилъ Карла и перенесъ имперію съ Грековъ на Нѣмцовъ (de Graeco in Theotonicum), не можемъ ли мы сдѣлать на оборотъ, и то, что такъ унижено Нѣмецкими королями, перенести снова съ Нѣмцевъ на Грековъ. Вы видите, въ нашей власти жаловать это, кому хотимъ. Поэтому мы поставлены выше народовъ и царствъ, можемъ ихъ разрушать и воздвигать. Власть Петра такъ велика, что все, что нами достойно и праведно творится, творится не нами, а самимъ Богомъ. Что было бы достойнѣе и праведнѣе, какъ если бы мы пожалованную Нѣмцамъ и ими униженную имперію передали кому захотимъ. Если нашимъ предкамъ было вмѣнено въ праведный подвигъ, когда они отняли ее отъ Грековъ, то какъ же мы не можемъ нынѣ отнять ее отъ Нѣмцевъ."

Эти взаимныя препирательства двухъ узурпаторовъ западнаго міра въ высшей степени характеристичны. Не сходя съ той почвы, на которой стояли папа Захарія и Карлъ В. (799 г.), папа Іоаннъ XII и Оттонъ I (962 г.), мы должны согласиться, что папа Адріанъ IV въ своей теоріи былъ строго послѣдователенъ и вполнѣ справедливъ. Конечно онъ сильно прилгнулъ, говоря, что можетъ отнять имперію отъ Нѣмцевъ и снова перенести ее къ Грекамъ. Отнять ее отъ Нѣмцевъ онъ бы пожалуй и могъ, да никогда не рѣшился бы на такую мѣру. Ему могло быть не безъизвѣстно, что въ Германіи въ то время было сильно распространено худое мнѣніе о Римѣ, высказанное Фридрихомъ I, что искренней любви и преданности Нѣмцы не питали къ Римской церкви. [1]) Отнявъ отъ

---

[1]) Въ Европѣ и въ Германіи XII в. было сильно развито раздраженіе противъ Рима, какъ это можно судить по обличеніямъ современниковъ, которыя не всѣ до насъ дошли и изъ дошедшихъ не всѣ еще изданы (какъ отъ XII, такъ и слѣд. стол.). См. превосходный сборникъ знаменитаго Славянина, одного изъ главныхъ основателей протестантской науки, Матвѣя Флакка Иллирскаго — Catalogus testium veritatis, qui ante nostram aetatem Pontificum Romanorum primatui variisque Papismi superstitionibus, erroribus ac impiis fraudibus reclamarunt. MDCVIII in-folio. Изъ XII в. см. стих. Бернарда Клюнійскаго (pag. 1411 и сл.):

O mala secula, venditur infula Pontificalis:
Infula venditur, haud reprehenditur emptio talis.
Venditur annulus, hinc lucra Romulus auget et urget.
Est modo mortua. Roma superflua, quando resurget?
Roma superfluit, arida corruit, affluo, plena:
Clamitat et tacet, erigit et jacet, et dat egena.

нихъ имперію, папа могъ быть увѣренъ, что съ Нѣмецкихъ высшихъ классовъ и духовенства тотчасъ бы тогда слетѣла маска приличія и условной преданности и покорности Римской куріи, ибо они соглашались терпѣть ея иго взамѣнъ многочисленныхъ и важныхъ услугъ,

---

Roma dat omnibus omnia dantibus, omnia Romae
Cum pretio: quia juris ibi via, jus perit omne.
. . . . . .
Roma nocens nocet, atque viam docet ipsa nocendi,
Iura relinquere, lucra requirere, pallia vendi.
. . . . . .
Aurea tempora castaque pectora praeterierunt:
Tempora pessima, scilicet ultima jam subierunt.
Stant modo stantia lucra, superbia, pax sine pace,
Fraus, Venus, ocia furtaque conscia noctis opacae,
Schismata, praelia, vis, homicidia, traditiones,
Ira, protervia, livor, inertia, seditiones.
Stat simulatio, corruit actio religionis:
Heu! sua propria deputat omnia Rex Babylonis.

Чрезвычайно замѣчательны стихотворенія Англичанина Вальтера Мапа (Mapes) (въ исх. XII в). Онъ самъ былъ въ Римѣ и зналъ его по собственному опыту:

Romam avaritiae vitet manus parca..
Parcit danti munera, parco sed est parca.
Nummus est pro numine, et pro Marco marca.
Huic est minus celebris ara, quam sit arca.
Cum ad Papam veneris, habe pro constanti,
Non est bonus pauperi, soli favet danti.
Et si munus praestitum non sit aliquanti,
Respondet hic tibi sic: non est mihi tanti.
Da istis, da aliis, addas dona datis:
At cum satis dederis, quaerunt ultra satis.
O vos bursae turgidae, Romam veniatis:
Roma viget physica bursa constipatis.

Его же или Гильдеберта:

Vide, Deus ultionum,
Vide, videns omnia,
Quod spelunca vespillonum
Facta est Ecclesia.

Quod in templum Salomonis
Venit princeps Babylonis,
Et excelsum sibi thronum
Posuit in medio.

Нѣмецъ Конрадъ Лихтенау (abbas Urspergensis. 1215 г.) превосходно въ одномъ своемъ стихотвореніи опредѣляетъ значеніе Рима и главный источникъ преданности средневѣковой Германіи католицизму:

Quia per malitiam hominum,
Non per tuam religionem,
Orbem vicisti.
Ad te trahit homines
Non ipsorum devotio;
Aut pura conscientia,

которыя отъ нея получали, между прочимъ, въ благословеніяхъ на усмиреніе Нѣмецкихъ крестьянъ, [1]) коихъ по этому случаю разрѣшалось объявлять еретиками, на крестовые походы противъ ненавистныхъ Славянъ (ad Slavorum depressionem), [2]) въ полученіи выгодныхъ миссій и бенефицій въ Чехіи и Польшѣ и пр. [3]) Между тѣмъ самъ папа имѣлъ въ Германіи богатый источникъ собственнаго могущества. Сверхъ огромныхъ доходовъ она доставляла Римской куріи великую боевую, оборонительную и наступательную, силу противъ ненавистнаго и опаснаго Риму Греко-Славянскаго міра. Угрозѣ своей перенести имперію снова съ Нѣмцевъ на Грековъ папа Адріанъ IV вѣроятно самъ смѣялся. Какъ папа сдружится съ схизматиками и еретиками Греками? Онъ зналъ, что для возстановленія мира востока съ западомъ они прежде всего потребовали бы отъ Рима отреченія отъ преданій Николая I, Льва IX и Григорія VII? а на предложеніе принять отъ папы имперію отвѣтили бы громкимъ смѣхомъ, ибо Греки не стояли на почвѣ Захаріи и Карла В., Іоанна XII и Оттона I. Но Адріанъ IV былъ правъ, утверждая, что императоры обязаны своимъ званіемъ папамъ. Понятно, что католическіе ученые не видятъ тутъ никакой узурпаціи, и въ изложеніи борьбы папъ съ императорами стоятъ рѣшительно на сторонѣ первыхъ; но удивительно, что новѣйшіе Нѣмецкіе протестантскіе историки, хорошо понимающіе или могущіе понять эту узурпацію, не видятъ крайней нелогичности и внутренней непослѣдовательности въ доводахъ императоровъ и ихъ современныхъ защитниковъ противъ папъ. И Карлъ В. и Оттонъ I, вѣнчаясь въ Римѣ изъ рукъ Римскаго епископа, равно какъ и ихъ преемники, тѣмъ самымъ доказывали, что, для прида-

---

Sed scelerum multiplicium perpetratio,
Et litium decisio,
Pretio comparata.

Крестовые походы Нѣмцевъ на Греко-Славянскія земли не были руководимы религіознымъ, хотя бы и ошибочнымъ, но искреннимъ, одушевленіемъ. Отторженіе Германіи отъ Рима произошло послѣ великаго пораженія при Таненбергѣ и побѣдъ Гуситскихъ, когда Римъ оказался безсильнымъ помогать Германизму въ борьбѣ его съ Славянствомъ.

[1]) Срвн. возстаніе и усмиреніе Стедингенцевъ въ 1232 г.

[2]) Датскій король Свенонъ писалъ императору Конраду III въ 1151 г. Et principes vestros ad Slavorum depressionem excitate. (Jaffé, Ph. Bibl. rer. Germ. T. I. Monum. Corbeiensia. p. 467).

[3]) См. Palacky, Gesch. v. Böhmen. Prag. 1847. III. B. I. Abth. S. 287. См. также наше примѣчаніе въ соч. Штура Славянство и міръ будущаго. Москва. 1867. С. 6 — 7.

нія законности и авторитету узурпированному ими титулу и власти, они нуждались въ такомъ вѣнчаніи и освященіи папами. Но что такое эти папы? Въ политическомъ отношеніи подданные Римскаго императора, который имѣлъ тогда свое мѣстопребываніе въ Константинополѣ, а въ церковномъ Римскіе епископы, имѣвшіе равный голосъ съ прочими епископами и патріархами. На какомъ основаніи они вѣнчали Франкскихъ и Нѣмецкихъ королей на Римское императорство? Они узурпировали, незаконно присвоили себѣ право, котораго имъ никто не давалъ, и вѣнчали, на основаніи той фикціи, что Греки отпали отъ истиннаго благочестія и отъ правоты въ дѣлахъ вѣры. Эта же фикція основывалась на другой фикціи, будто бы папѣ принадлежитъ право верховнаго суда надъ церковью, обществомъ вѣрующихъ. Франкскіе и Нѣмецкіе государи, признавая законнымъ свое вѣнчаніе папою въ Римскіе императоры, тѣмъ самымъ признавали обѣ эти фикціи. Они, какъ христіане, должны были признавать надъ собою власть того, кто ими самими былъ признанъ выше церкви. — Вотъ гдѣ истинная внутренняя причина побѣды папства въ борьбѣ его съ императорскою властью. Побѣда въ такихъ случаяхъ всегда остается за противникомъ, строго послѣдовательнымъ и вѣрнымъ своей точкѣ отправленія. Вотъ одно также изъ неопровержимыхъ доказательствъ, что Германская стихія принимала сильное и рѣшительное участіе въ искаженіи христіянства, происшедшемъ въ Европѣ въ IX — XI в., очевидномъ для многихъ чистыхъ характеровъ и ясновидящихъ умовъ средневѣковой Европы и открыто сознанномъ наконецъ, въ нач. XVI в., большею половиною Германіи.

Сильное и рѣшительное участіе въ отрицаемомъ лишь католиками искаженіи христіанства въ IX—XI в. принималъ Германскій элементъ и тѣмъ еще, что тогда какъ Кельтскіе, Ирландскіе и Шотландскіе, проповѣдники разносили по Европѣ чистое ученіе Христа безъ всякаго отношенія къ благоговѣйному почитанію Рима, Германскіе, Англо-Саксонскіе проповѣдники вмѣстѣ съ ученіемъ Евангельскимъ распространяли народамъ какой-то культъ и благоговѣніе къ Риму. Вытѣснивъ проповѣдниковъ Кельтскихъ и потомъ подавивъ Кельтское православіе на его родинѣ, Германцы такимъ образомъ непосредственно способствовали усиленію и возвеличенію папской власти и Римской куріи въ Европѣ. Это благоговѣніе къ Риму было кажется не чуждо еще древнимъ языческимъ Германцамъ. Римскій католицизмъ таки позаимствовалъ Нѣмецкихъ національныхъ воззрѣній. Нѣмецкая *вира*, wehrgeld, отразилась въ индульгенціяхъ. Тѣсное сопроникновеніе Германскаго національнаго духа и Римскаго католи-

цизма въ средніе вѣка было до такой степени глубоко, что его не подвергаютъ сомнѣнію даже Нѣмецкіе протестантскіе историки, хотя они и утверждаютъ, что этотъ духъ вполнѣ гармонировалъ съ христіанствомъ. Ранке говоритъ о Франкской монархіи: „такъ образовалось военно-церковное государство, которое есть основаніе всего Европейскаго развитія. Завоеваніе и христіанизація пошли съ тѣхъ поръ рука объ руку.“ „Нельзя сказать, Франкское ли владычество болѣе способствовало обращенію Турингов въ христіанство или обращеніе ихъ въ христіанство болѣе способствовало присоединенію ихъ къ Франкской имперіи.“ „Нѣмецкая имперія (Оттона I) была средоточіемъ развивавшейся религіи. Она распространяла военно-церковное государство, которое вмѣстѣ было церковью; въ ней главнѣйше проявилось единство западнаго христіанства.“ [1]) В. Гизебрехтъ, говоря о строго Нѣмецкомъ характерѣ капитуляріевъ Карла В. замѣчаетъ: „Въ извѣстномъ смыслѣ все прошедшее Германскихъ народовъ входитъ въ нихъ, и вся дальнѣйшая ихъ жизнь изъ нихъ вытекаетъ. Римляне называли законъ двѣнадцати таблицъ источникомъ своей общей государственной жизни, еще съ большимъ правомъ Нѣмцы, даже всѣ Европейскіе народы могли бы это сказать про законы Карла. Съ благоговѣніемъ и священнымъ трепетомъ перебираешь капитуляріи великаго императора, первую великую книгу законовъ Германцевъ, твореніе, которому въ теченіе многихъ столѣтій, предъидущихъ и послѣдующихъ, ни одинъ народъ не можетъ представить ничего равнаго. Образъ католическаго государства живо представляется душѣ нашей. Мы видимъ, какъ было достигнуто великое и достойное удивленія, какъ стремились къ самому возвышенному. Что̀ преимущественно держало государство, это Римско-католическая церковь; она распространяла *одну* вѣру, *одинъ* нравственный законъ, одинаковые религіозные порядки у всѣхъ народовъ, которые доселѣ отличались между собою языкомъ, нравами и закономъ. Она связывала ихъ, какъ крѣпкою сѣтью, искусственнымъ, тѣсно замкнутымъ организмомъ. Тѣмъ вліятельнѣе была церковь по отношенію къ государству, чѣмъ глубже она вмѣшивалась во всѣ его интересы; чѣмъ духовнѣе были короли, тѣмъ болѣе мірскими были епископы.“ [2]).

---

(1) Ranke, L. Sämmtliche Werke. S. I. Leipzig. 1867. B. I. 6 ff.

[2]) Giesebrecht, W. Geschichte d. deutschen Kaiserzeit. 2-te Aufl. Braunschweig. 1860. B I. Ss. 127—8.

Признавъ слова Германизація и христіанизація тождественными для западныхъ Славянскихъ земель, Нѣмецкіе ученые видятъ затѣмъ въ каждой побѣдѣ Нѣмцевъ надъ Славянами явленіе прогресса, торжество христіанства, побѣду высшаго нравственнаго начала. Такія заявленія еще умѣстны въ устахъ католиковъ, но совершенно неприличны въ устахъ протестантовъ, которые не видятъ въ католицизмѣ чистаго христіанства, признаютъ необходимость народнаго языка въ богослуженіи, вредъ целибата въ духовенствѣ, неограниченной власти папы. Но въ Моравіи, Чехіи, Угріи, Польшѣ, даже у Сербовъ-Лужичанъ [1]) побѣды и успѣхи Нѣмцевъ вытѣсняли Славянскую церковь, основанную Солунскими братьями и ихъ учениками, Славянскій языкъ изъ богослуженія, вводя вмѣсто него Латинскій, распространяли целибатъ духовенства и утверждали власть Римской куріи. Гдѣ же тутъ торжество прогресса и побѣда высшей нравственности и свободы? Можно даже утверждать, что побѣды Нѣмцевъ надъ западными Славянами помѣшали распространенію Славянской церкви и у Балтійскихъ Славянъ. Мы не сомнѣваемся, что въ этомъ случаѣ Германизмъ не распространился бы такъ далеко на востокъ, но дѣло свободы и высшей нравственности отъ этого бы только выиграло, а никакъ не пострадало. Какъ ни ложно и ни грубо было понимаемо христіанство въ Римскомъ католицизмѣ X—XIII в., однако и съ точки зрѣнія самихъ тогдашнѣмцевъ, искренно преданныхъ его дѣлу, завоеванія и побѣды Саксовъ у Балтійскихъ Славянъ и Нѣмецкихъ рыцарей у Литовцевъ, Латышей и Эстовъ не всегда казались особенно благопріятными для христіанства. Жестокость и алчность побѣдителей и завоевателей мѣшала усиліямъ проповѣдниковъ, ибо внушала побѣжденнымъ ненависть къ вѣрѣ Нѣмцевъ. Не странно ли, что Нѣмецкіе историки, щедрые на либеральные отзывы о подвигахъ Испанцевъ въ Америкѣ, не могутъ говорить безъ умиленія и энтузіасма объ аналогическихъ подвигахъ своихъ императоровъ, [2]) маркграфовъ и рыцарей на Славяно-Литовскомъ востокѣ?

---

[1]) Schmaler, I. Welche ist die Lehre des athanasianischen Symbolums von d. dritten Person in der Gottheit u. wie wurde sie von wendischen Theologen sprachlich aufgefasst. Bautzen. 1864.

[2]) Такъ Оттонъ I писалъ изъ Капуи въ Саксонію въ 968 г.: volumus, ut si Redares, sicut audivimus, tantam stragem passi sunt,-scitis enim, quam saepe fidem fregerint, quas injurias attulerint,-nullam vobiscum pacem habeant. Unde haec cum Herimanno duce ventilantes, totis viribus instate, ut in destructione eorum finem operi imponatis. Ipsi, si necesse fuerit, ad eos ibimus. (Widuk. lib. III. 70. Школьное изд.

Относительно вопроса объ историческомъ значеніи Римской имперіи Нѣмецкой національности, ученые Нѣмецкіе раздѣлились на двѣ враждебныя партіи, середины между которыми, несмотря на попытки, еще не найдено [1]). Большинство современныхъ ученыхъ, строго придерживающихся принциповъ такъ называемой Готайской, мало Нѣмецкой, нынѣ съ графомъ Бисмаркомъ совершенно восторжествовавшей въ Германіи партіи, и снова возсозидающей Нѣмецкую имперію, въ слѣдъ за Зибелемъ, утверждаютъ, что эта имперія была не только неблагопріятна, но скорѣе вредна для развитія Нѣмецкой національности. Приверженцы же Австріи и средне-Нѣмецкихъ государствъ, ученые изъ партіи велико-Нѣмецкой, какъ Фикеръ, Онно Клоппъ, Виденбрукъ, К. Франтцъ съ ожесточеніемъ нападаютъ на этотъ взглядъ Зибеля [2]). Самый даровитый изъ нихъ говоритъ про Зибеля: „онъ доказываетъ, что политика Нѣмецкихъ императоровъ своими ѳеократическими идеями всемірнаго владычества повредила Нѣмецкой націи. Но развѣ эта императорская идея не была господствующею идеею въ средніе вѣка, и не есть ли напротивъ неувядаемая слава Нѣмецкой націи, что она въ то же время служила носителемъ всего развитія западной Европы? Выдерживаетъ развѣ критику тотъ упрекъ, что цѣль вообще не была достигнута, и что изъ этого стремленія возникло столь много битвъ, поглощавшихъ силы, которыя могли бы быть употреблены съ большею пользою въ другомъ направленіи? То былъ идеалъ, а идеалы никогда не достигаются; но нѣтъ ничего болѣе достойнаго славы, какъ стремиться къ идеалу. Подобное

Пертца. с. 101). Какъ совершалось эта destructio, можно видѣть изъ того же Видукинда, подъ 955 г. Eo die castra hostium invasa, et multi mortales interfecti vel capti, caedesque in multam noctem protrahebatur. Postera luce caput subreguli in campo positum, circaque illud septingenti captivorum capite caesi, ejusque consiliarius, oculis erutis, lingua est privatus, in medioque cadaverum inutilis relictus (lib. III, 55 c. 94). Описавъ успѣшный походъ на Ратарей въ 932 г., Видукиндъ прибавляетъ: „Captivi omnes postera die (по возвращеніи Нѣмцевъ во свояси), ut promissum habebant, obtruncati".

[1]) См. ст. Мауренбрехера въ Sybel's Zeitschr. (V, 111)

[2]) Ficker-Das deutsche Kaiserrreich in seinen universalen u. nationalen Beziehungen. Innsbruck. 1860. Klopp, O. Die gothaische Auffassung u. d. Nationalverein Hannover. 1862. Wydenbrugk, O. Dio deutsche Nation u. d. Kaiserreich. München. 1862. Kampschulte, F Die Kaiserkrönung Karls des Gr. u. das christliche Universalreich d. Mittelalters. (въ его «Zur Geschichte d. Mittelalters. Bonn. 1864. Ss. 25—46). По нашему мнѣнію, во взглядѣ на эту имперію всѣхъ ближе къ истинѣ Пихлеръ-Geschichte d. kirchlichen Trennung zwischen dem Orient u. Occident. München. 1864. B. I.

стремленіе въ себѣ самомъ имѣетъ цѣну и никогда не бываетъ безплоднымъ, такъ какъ возбуждаетъ силы, которыя бы дремали безъ идеальнаго стремленія. О томъ свидѣтельствуютъ факты нашей собственной исторіи. Въ тѣ самые вѣка, въ которые господствовала идея императорская, произошло величайшее распространеніе Нѣмецкой національности, черезъ завоеванія и колонизацію отъ Эльбы до Чудскаго озера (Пейпусъ), при этомъ же были заведены различныя поселенія въ Польшѣ, Угріи, Трансильваніи и въ приморскихъ городахъ сѣвера, когда Нидерланды, Швейцарія и Бургундскія земли до Прованса принадлежали имперіи. О Боже, то были полетъ и полнота силъ несравнимыя! Пусть походы въ Италію были безплодны, ибо они никогда не приводили къ продолжительному господству, но тѣмъ не менѣе они были неизмѣримой важности для національной образованности, ибо сообщали ей самосознаніе и одушевленіе, которыя сдѣлали возможными эти подвиги. И какъ все пошло обратно, по мѣрѣ того, какъ императорская идея утратила свою прежнюю власть надъ умами, и о прежнемъ величіи осталось одно воспоминаніе. Но и это воспоминаніе имѣло неоцѣнимое значеніе, ибо оно было главнымъ источникомъ, изъ котораго выходитъ всеобщій (универсальный) духъ, проникающій всю Нѣмецкую поэзію и науку, и въ которомъ при видѣ ничтожнаго настоящаго мы еще черпаемъ силу и утѣшеніе. Лоранъ говоритъ: Les lauriers que les Othons et les Hohenstaufen ont cueillis en Italie ne sont pas stériles; les exploits des ancêtres et la gloire du nom germain retentissent encore aujourd'hui dans les coeurs, allemands. Ce sont là des éléments de nationalité, des liens d'unité qui valent bien la centralisation romaine". Такъ судитъ историческій изслѣдователь, которому еще никто не приписывалъ реакціонерныхъ или романтическихъ тенденцій, въ каковыхъ любятъ заподозривать всякое признаніе средневѣковаго величія. Увы, этотъ иностранецъ гораздо глубже понялъ нашу императорскую исторію и вѣрнѣе ее представилъ, чѣмъ г. фонъ-Зибель, который именно выдаетъ себя за особеннаго представителя нашихъ національныхъ интересовъ" [1]).

Относительно обѣихъ этихъ историко-политическихъ партій нужно сказать, что обѣ онѣ слишкомъ исключительно присвоиваютъ Германіи идею императорской власти и связанную съ нею идею міроваго владычества. Она одинаково принадлежала, если еще не болѣе, Италіи среднихъ вѣковъ. Гвельфы и Гибелины въ Италіи одина-

[1]) Frantz, C. Die Wiederherstellung Deutschlands. Berlin. 1865. Ss. 157—8.

ково мечтали объ этомъ владычествѣ надъ міромъ, только думали осуществить его различно, одни черезъ папу, другіе черезъ императора, а третьи, немногіе, какъ Арнольдъ Брешіанскій, Кола ди Рієнци, Стефано Поркари черезъ возстановленіе въ Римѣ республики. Эти послѣдніе связаны внутреннимъ родствомъ съ нѣкоторыми новѣйшими Итальянскими дѣятелями, напр. частью съ Джоберти и особенно Маццини. Итальянскіе Гибелины, какъ доказываютъ произведенія Данта и Петрарки, желали усиленія и возвеличенія власти императорской, но они хотѣли съ ея помощью утвердить владычество надъ міромъ Итальянской стихіи; Нѣмецкую они цѣнили мало и считали недостойною такого великаго призванія. Охотно повинуясь императору изъ Нѣмцевъ, любой Итальянецъ Гибелинъ отвергалъ всякую мысль о подчиненіи Италіи Нѣмцамъ, этимъ грубымъ и неразвитымъ, по его мнѣнію, варварамъ. Такимъ образомъ, эта величавая и плодотворная, по однимъ, и фантастическая и вредная, по другимъ, идея міроваго владычества не была исключительно Нѣмецкою [1]). Можно сказать, что она полнѣе принадлежала Италіи, чѣмъ Германіи, ибо въ послѣдней защитники и друзья папства добровольно подчинялись владычеству Рима. За идею имперіи и императорской власти, будь то благо и величіе, или пустая мечта и нелѣпый бредъ, Германія одна не можетъ принять на себя ни чести, ни отвѣтственности. Славу этого истиннаго величія или тщету этой вредной мечты Германія во всякомъ случаѣ должна раздѣлить съ Италіею. Относительно воззрѣнія Фикера и др. надо замѣтить, что у нихъ паденіе имперіи представляется какимъ то несчастіемъ для всего человѣчества, какою то ошибкою и промахомъ исторіи. Въ этомъ отношеніи историки этого направленія не менѣе извращаютъ смыслъ историческихъ событій и явленій, чѣмъ Зибель, который съ точки зрѣнія Готы и Національ-Ферейна развязно разбираетъ политику Карла В., Оттоновъ и Гогенштауфеновъ, доктринерски отмѣчаетъ ихъ ошибки и при случаѣ указываетъ, какъ бы де надо было имъ поступить. Впрочемъ и въ этомъ даже отношеніи Зибель бываетъ забавно нелогиченъ и непослѣдователенъ. Такъ напр. онъ строго осуждаетъ политику императоровъ за то, что она презирала и топтала права народностей и рѣзко упрекаетъ императоровъ за ихъ Итальянскіе походы: лучше бы де было употребить эти силы на покореніе Славянъ и для завое-

---

[1]) Rendu, E. L'Empire d'Allemagne au moyen-âge (Séanc. et Trav. Фр. Ак. Н. Paris. 1859)

ваній на востокѣ. Видно, по Зибелю, передъ политикою, уважающею права національностей, только Итальянцы, а не Славяне заслуживаютъ уваженія. Средневѣковые Нѣмецкіе императоры были послѣдовательнѣе и логичнѣе.

Мы привели нѣсколько довольно яркихъ образчиковъ и примѣровъ тѣхъ ложныхъ историческихъ положеній и воззрѣній, которыя господствуютъ въ Нѣмецкой исторической наукѣ. [1]) Онѣ достаточно обличаютъ всю странность Нѣмецкихъ негодующихъ возгласовъ,

---

[1]) К. Франтцъ замѣтилъ однажды: «Послѣдствія церковнаго и политическаго раздѣленія Германіи далеко простираются на всѣ отрасли нашей духовной жизни. Всѣ наши духовныя произведенія носятъ на себѣ его слѣды, но всего рѣшительнѣе оно проявляется въ историческомъ изложеніи нашихъ отечественныхъ событій. Если въ другихъ областяхъ изъ этого раздѣленія проистекаетъ много хорошаго, особенное соревнованіе, то тутъ выступаютъ только невыгоды. Въ слѣдствіе этого несказанно трудно пріобрѣсти себѣ точку оправленія, съ которой бы можно было яснымъ, безпристрастнымъ взглядомъ окинуть все Нѣмецкое развитіе. Прибавьте къ этому безпредѣльную полноту матеріала, которая обязана тѣмъ же причинамъ, ибо, по недостатку національнаго устройства, Нѣмецкое развитіе разбивается на тысячу окольныхъ путей; и вы легко поймете, отчего до сихъ поръ нѣтъ Нѣмецкой исторіи, отвѣчающей высшимъ требованіямъ, какъ нѣтъ вообще ни одного такого произведенія, которое бы заслужило общее признаніе и такъ сказать считалось бы классическимъ. Мы говоримъ не о частныхъ, спеціальныхъ историческихъ трудахъ, а объ общей Нѣмецкой исторіи. Между значительнѣйшими произведеніями Нѣмецкой исторіи есть ли хоть одно, совершенно свободное отъ исповѣдной окраски? Думаемъ, что едва ли. И это относится не только до исторіи новѣйшаго времени съ реформаціи, но такъ какъ причины церковнаго раздѣленія относятся къ предшествовавшимъ вѣкамъ, то и они получаютъ освѣщеніе сообразное съ исповѣданіемъ историка, и такъ идетъ почти въ самую глубокую древность, такъ что самыя древнія чащи Германіи едва сохраняютъ свою естественную зелень. Точно также далеко простираются послѣдствія нашего политическаго раздѣленія, какъ это мы видѣли уже у Зибеля, который переноситъ во времена имперіи свои мало-Нѣмецкія воззрѣнія, принадлежащія настоящему, и упрекаетъ нашихъ великихъ императоровъ за то, что они не были Готайцами. Печальное дѣйствіе нашей разорванности. Даже великіе образы прошедшаго, созерцаніе которыхъ должно бы насъ подымать, помрачаются и унижаются духомъ партій. Еще хуже у г. Кнаппа, который кажется поставилъ себѣ задачею, ставить Фридриха Великаго къ позорному столбу, и все это разумѣется для возвеличенія великой Нѣмецкой націи, ибо это историкъ велико-Нѣмецкаго направленія. Ахъ, неужели у насъ такой избытокъ великихъ политическихъ личностей, дабы можно было такъ хладнокровно уничтожать память тѣхъ немногихъ, которыя у насъ имѣются». (Die Wiederherstellung Deutschlands. S. 184).

восклицаній и удивленій, при скромныхъ замѣчаніяхъ, что отъ трудовъ Славянскихъ, Русскихъ ученыхъ такъ называемая средняя и новая исторія можетъ и должна выиграть въ обработкѣ, изложеніи и освѣщеніи.

Не говоря уже о разныхъ укоренившихся въ Германіи ложныхъ и односторонныхъ взглядахъ и мнѣніяхъ, мѣшающихъ вѣрному представленію цѣлыхъ историческихъ эпохъ и явленій, замѣтимъ, что хотя критическое изданіе источниковъ и разработка ихъ сдѣлали въ Германіи и въ Европѣ вообще великіе успѣхи въ послѣдніе два, три десятилѣтія, но сравнительно эти работы начались такъ недавно, столько архивовъ, хоть напр. въ одной Италіи, остаются еще неизслѣдованными, что и по этой причинѣ болѣе, чѣмъ странно отказывать цѣлому племени въ возможности и необходимости образовать новую историческую школу. Да и матеріалы уже изданные, по одной средней Европейской исторіи, далеко не всѣ разработаны, какъ слѣдуетъ. По мнѣнію лучшаго въ Германіи историческаго журнала Зибеля, десять лѣтъ тому назадъ, — а съ тѣхъ поръ въ этомъ отношеніи не много перемѣнилось, ни вѣкъ Карла В., ни время Гогенштауфеновъ не имѣли въ Нѣмецкой литературѣ достойнаго современной науки историческаго описанія и изложенія. [1]) По исторіи Гогенштауфеновъ въ послѣднее

---

[1]) Das Zeitalter Karls des Grossen gehört bekanntlich zu den Theilen unserer Geschichte, die trotz ihrer hervorragenden Bedeutung noch keine den wissenschaftlichen Anforderungen d. Gegenwart entsprechende Bearbeitung erfahren haben. Es darf das um so mehr befremden, als gerade für diesen Zeitabschnitt der Quellenmaterial zum grössten Theile u. in der gesichtetsten Weise in den Monum. Germ. hist. schon seit längerer Zeit zur Bearbeitung einladet. Sybel. Zeitschr. 1860. B. III. S. 186. Wer sich mit der Geschichte der Staufer irgendwie näher eingelassen hat, weiss, wie diese Periode unserer Geschichte, wenige Momente ausgenommen, zu den vernachlässigsten gehört, obwohl wir uns gerade auf sie so viel zu gute thun, und obwohl wir darüber ein ausführliches Geschichtswerk besitzen, das drei Auflagen erlebt hat und berühmter als fast alle übrigen geworden ist (извѣстное сочиненіе Раумера); von den Arbeiten von Jaffé, Abel und Ficker abgesehen, ist in Wahrheit die Hauptsache bis jetzt doch nur in dem Regestenwerke Böhmers-so weit es sich erstreckt-geleistet worden. Ibid. B. V. S. 220.

Въ какомъ незавидномъ положеніи находилась Нѣмецкая исторіографія еще 40 лѣтъ тому назадъ, можно судить по слѣдующимъ словамъ почтеннаго Пфистера изъ предисловія къ его Нѣмецкой исторіи: «Wo die Quellen selbst noch nicht im Reinen sind, wo die Kritik erst angefangen hatte theilweise das Ihrige zu thun, da blieb grosser Spielraum für Jeden, nach seinem Sinne zu verfahren. Vieles ist blindlings nachgeschrieben worden, und hat seit dem für unumstössliche Wahrheit gegolten. Anderes ist noch kein Haar deutlicher, als es bisher gewesen. Das Bild, das wir erhalten, ist oft nur ein gemachtes. Eine kurze Vergleichung der Resul-

время стали правда появляться очень уважаемыя и цѣнимыя въ Германіи изслѣдованія г. Винкельманна, учителя частной Ревельской гимназіи.

При такомъ положеніи средней Европейской исторіи вообще и въ частности Германской, крайне странно и даже смѣшно утверждать, что отъ нашихъ Славянскихъ, Русскихъ ученыхъ ничего нельзя ожидать въ этомъ отношеніи. Нѣкоторые Славянскіе и Русскіе труды по такъ называемой средней и новой всеобщей исторіи доставили уже наукѣ много новаго и важнаго. Достаточно указать на труды Шафарика, Палацкаго, Лелевеля (напр. Géographie

---

tate wird zeigen, dass wir nicht zuviel sagen. Welche *Widersprüche* über die wesentlichsten Gegenstände und Fragen von den ältesten bis auf die neuesten Zeiten! Kein Volk der Erde kann ein solches Denkmal von seinen Feinden aufweisen, wie die Teutschen in der Germania von Tacitus. Was würden andere Nationen sich damit wissen; wie viel besser würden sie d. Inhalt schon geltend gemacht haben! Bei uns ist man noch nicht einmal darüber einig, ob d. unsterbliche Werk ächt, und wenn, ob es Dichtung oder Satyre, oder zum Theil oder ganz historische Wahrheit sein solle... Noch ist der Ursprung der meisten heutigen Völkerschaften nicht im Klaren. Nach Möser sind die *Sachsen* uralte *Insassen*, nach Andern kommen sie von den scythischen *Saken*, wieder nach Andern von den Geten an der Donau. Dem Einem sind die Geten Stammväter der Gothen, Andere lassen sie aus Scandinavien kommen, Andere dahin einwandern. Die Thüringer leitet ein Theil von den Gothen, ein anderer von den Hermunduren her. Die Bojen sollen durchaus Gallier sein, die Bajoarier aber dennoch Teutsche. Den Franken wird sogar die Ehre teutscher Abkunft abgesprochen, sie sollen vandalischer oder slavischer Abkunft sein. Und so geht es durch die ganze Geschichte herunter, mit den Genealogien, wie mit den Deductionen. Ja, es ist noch nicht einmal ausgemacht, ob wir Teutsche oder Deutsche sind. Bei so vielen Widersprüchen im Einzelnen ist es kein Wunder, wenn sich auch das Urtheil über die ganze Gestalt unserer Geschichte bei der grössern Menge wie bei den Gelehrten sehr verschieden ausgesprochen hat. Als was für ein Auswuchs wird das *Feudalwesen* betrachtet! Wie verschieden sind die Meinungen, ob Teutschland einen *Adel* gehabt! Dann die *Hierarchie!* an dieser weiss ein Theil auch gar nichts Gutes und Gesundes zu finden, nichts an Unheil und Fesseln für die Menschheit. Nein, entgegnen Andere, in ihr war allein der Heil; sie hat die Freiheit der Völker gegen die Tyrannen gerettet. Die Reichsverfassung überhaupt, «das heilige römische Reich teutscher Nation», was für ein unbehülfliges, altgothisches Gebäude, sagen Viele, welch ein Koloss ohne Geist und Leben ist es gewesen! Wir sehen Männer und Iünglinge mit hocherzigem Vaterlandsgefühl vor die Ruinen Teutschlands treten; Andere wissen sich ebensoviel einen recht gemeinen Maassstab daran zu legen. (Pfister, Gesch. der Teutschen. Nach den Quellen. Hamburg, 1829, B. I. Ss. VI—VII. Изъ собр. Геерена и Укерта). Въ какомъ же тогда была положеніи наука о Славянствѣ у Нѣмцевъ! Между тѣмъ нынѣшнія рѣзкія сужденія и приговоры совершенно сходны съ тѣми, которыя господствовали въ Германіи 50, 60 и болѣе лѣтъ назадъ. Должно быть Нѣмецкія изысканія послѣднихъ 40 лѣтъ блистательно подтвердили прежнія чаянія и гаданія о Славянахъ.

du Moyen-âge), Гиндели, Рачкаго и Любича, Соловьева, Устрялова (по скольку труды обоихъ ученыхъ касаются Европейскихъ событій), Костомарова (паденіе Польши), Иловайскаго (Гродненскій сеймъ), Милютина (Исторія войны 1799 г.), князя Лобанова-Ростовцева (Письма Маріи Стюартъ), гр. Толстаго, Морошкина, Попова и Самарина о католицизмѣ и езуитахъ, Герье о Лейбницѣ, Новикова о Гусѣ и Лютерѣ, Кудрявцева по средневѣковой Италіи и Ешевскаго о Сидоніѣ Аполинаріѣ, нѣкоторыя работы Дестуниса по Византіи, нѣсколько замѣчательныхъ монографій по Византійской церковной исторіи (въ нашихъ духовныхъ журналахъ), новѣйшія работы Макушева въ архивахъ Италіи и пр. Умѣли же Русскіе ученые представить нѣсколько капитальныхъ трудовъ по исторіи Буддизма, Китая, этнографіи и географіи Персіи, малой и средней Азіи, такъ что они произвели сильное движеніе въ ученомъ мірѣ и въ иныхъ случаяхъ совершенный переворотъ въ наукѣ. Но мы, возразятъ намъ быть можетъ Нѣмецкіе ученые, вовсе не боимся вашей Русской и Славянской образованности. Трудитесь, мы будемъ очень рады, авось занявшись дѣломъ, нашею Европейскою исторіею, перестанете наконецъ бредить панславизмомъ. Гдѣ же однако смыслъ и научный объективизмъ въ извѣстной Нѣмецкой исторической теоріи о неспособности Славянской расы имѣть науку и образованность, имѣть нравственное вліяніе на Европу, на высшую Германскую расу въ особенности? Гдѣ эти признаки и доказательства предназначенія Славянъ послужить ингредіентами для великаго Нѣмецкаго народа? Настоящій панславизмъ, который вамъ такъ противенъ, имѣетъ прямою своею задачею опровергнуть и уничтожить въ теоріи и на практикѣ, вырвать съ корнемъ изъ сознанія любимую Германскую идею о Славянахъ, какъ о расѣ низшей, кѣмъ то предназначенной служить и покорствовать Германіи? Впрочемъ о самостоятельности задачъ, предлежащихъ Славянскимъ и Русскимъ ученымъ въ обработкѣ средней и новой Европейской исторіи, я почелъ нужнымъ распространиться не столько для опроверженія любимой Нѣмецкой мысли о неспособности Славянъ къ научному труду, но для возбужденія научной самодѣятельности въ учащейся молодежи Русскихъ университетовъ и духовныхъ академій, которая и въ журналахъ нашихъ и даже въ аудиторіяхъ нерѣдко слышитъ самыя рабскія мнѣнія о безполезности Русскимъ трудиться самостоятельно по всеобщей исторіи, ибо де Европейскими, особенно Нѣмецкими учеными все уже сдѣлано. Никому не думая уступать въ должномъ уваженіи къ великимъ заслугамъ Нѣмецкой истори-

ческой науки, мы позволимъ себѣ замѣтить и подтвердить нѣсколькими примѣрами, что она не столько же чужда недостатковъ, дабы дѣлать излишними труды постороннихъ, напр. Русскихъ, Славянскихъ ученыхъ. Такъ лучшіе и самые даже высшіе ея представители до такой степени бываютъ иногда несвободны отъ національныхъ пристрастій и увлеченій, что впадаютъ въ крупныя ошибки, промахи и преувеличенія, притомъ не въ политическихъ вопросахъ новой исторіи (напр. объ отношеніяхъ Германіи къ Франціи или Россіи), но даже и по вопросамъ чисто археологическаго свойства. Такъ самые знаменитые ученые считаютъ себя избавленными отъ обязанности избѣгать грубыхъ, невѣжественныхъ ошибокъ и легкомысленныхъ сужденій, когда дѣло идетъ о Славянщинѣ. Такъ есть въ Германіи весьма извѣстные писатели, которые однако своей славы не заслуживаютъ, ибо отличаются большею легкостію и даже недобросовѣстностью. Такъ есть еще болѣе начитанныхъ, трудолюбивыхъ и плодовитыхъ авторовъ, которые ежегодно прибавляютъ массу книгъ къ изобильной Нѣмецкой литературѣ, но своими трудами приносятъ наукѣ весьма сомнительную пользу, благодаря спутанности и темнотѣ своихъ понятій, а часто и совершенной посредственности своихъ умственныхъ дарованій. Ограничимся наиболѣе извѣстными случаями. Великій основатель историческаго языкознанія, одинъ изъ тѣхъ гигантовъ науки, которыми Германія по справедливости можетъ гордиться, Я. Гриммъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ трудовъ, въ исторіи Нѣмецкаго языка, увлекся патріотизмомъ до того, что доказывалъ самую несостоятельную и для того времени совершенно уже неприличную мысль о Германскомъ происхожденіи Гетовъ и Даковъ и о родствѣ и тождествѣ ихъ съ Готами и Датчанами. Почтенный и заслуженный филологъ и историкъ-этнографъ Дифенбахъ, описывая древнихъ Кельтовъ, отмѣтилъ, какъ ихъ отличительную черту отъ древнихъ Германцевъ, преданность ихъ противуестественнымъ порокамъ; между тѣмъ, какъ есть точно такія же несомнѣнныя древнія свидѣтельства о знакомствѣ древнихъ Германцевъ съ этими самыми пороками [1]). Знаменитый богословъ и историкъ Бунзенъ говоритъ прямо въ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ своихъ

---

[1]) Этотъ порокъ не только былъ знакомъ древнимъ Германцамъ, но и къ великому стыду Нѣмецкаго общества нашелъ себѣ горячаго защитника и пропагандиста въ современной Нѣмецкой литературѣ. Карлъ Гейнрихъ Ульрихсъ (Numa Numantius) посвятилъ этому предмету нѣсколько сочиненій. Въ одномъ изъ нихъ онъ насчитывалъ этихъ любителей въ Gesammtdeutschland до 25,000 д., въ Oesterreich - Ungarn — 25,000 — 28,000; Preussen. —

строго-ученыхъ трудовъ, что Славянскій языкъ въ настоящее время распространенъ отъ Адріатики до Днѣпра. Извѣстный писатель и критикъ Ю. Шмидтъ въ своей исторіи Нѣмецкой литературы, пережившей въ Германіи четыре изданія, надѣлалъ много грубыхъ ошибокъ, какъ его наконецъ уличилъ Лассаль, такъ напр. онъ принялъ извѣстный средневѣковый юридическій сборникъ Швабское Зеркало — за сборникъ средневѣковыхъ стихотвореній. Профессора Гёфлера въ Прагѣ, человѣка съ большимъ вліяніемъ въ Австріи, во многихъ Нѣмецкихъ книгахъ и журналахъ называли не разъ отличнымъ ученымъ и великимъ знатокомъ дѣла. Его мнѣнія о Гусѣ

10,000 — 12,000; въ Вѣнѣ — 10,000, въ Берлинѣ — 700 — 900. Среднимъ числомъ въ Германіи Ульрихсъ полагаетъ 1 на 500 мужчинъ, впрочемъ прибавляетъ: «Nach neueren Beobachtungen, die freilich noch nicht genügend constatirt sind, bleiben diese Zahlen indess weit hinter der Wirklichkeit zurück. Fast die Doppelzahl würde man annehmen dürfen. Der Süden scheint mehr Urninge hervorzubringen als der Norden. Im Norden scheinen einzelne Länder besonders viele zu erzeugen, z. B. England und Mecklenburg. Dagegen scheint *die keltische Bevölkerung* der Grafschaft vor alles an denselben arm zu sein. (Prometheus. Jan. 1870). Ульрихсъ завѣряетъ, что Берлинская полиція насчитываетъ по своимъ спискамъ извѣстныхъ ей въ Берлинѣ до 2,000 мужчинъ. Онъ имѣетъ свои списки и увѣряетъ, что ему въ томъ числѣ извѣстны въ Берлинѣ разныя высокія особы. Въ послѣдніе годы въ Германіи между прочимъ публично уличены въ этомъ порокѣ одинъ депутатъ Прусскаго парламента (демократъ), одинъ школьный учитель (изъ либераловъ), два протестантскихъ суперинтендента и пять католическихъ священниковъ (Incubus 1862). Знатокъ своего дѣла, имѣющій многихъ корреспондентовъ изъ разныхъ краевъ обще-Нѣмецкаго отечества, Ульрихсъ увѣрялъ еще въ 1864 г. (Social-juristische Studien): «Trügen nicht verschiedene Anzeichen, so ist in Deutschland die Zahl der Urninge im Verhältniss zu den Dioningen (т. е. Männer welche geschlechtlichen Horror vor Männern empfinden: такъ раздѣляетъ Ульрихсъ все человѣчество) im fortwährenden Wachsen begriffen.» Предоставляю рѣшить другимъ, не въ связи ли это возрастаніе съ извѣстною Zwei-Kinder System. Извѣстный Прускій прогрессистъ (изъ Fortschrittspartei) президентъ фонъ Кирхманнъ сказалъ однажды въ Шульцевскомъ собраніи рабочихъ въ Берлинѣ: «Die Arbeiter sollten dafür sorgen, dass keine Uebervölkerung stattfinde; dadurch würde dann sowohl das Capital wie die Nachfrage nach Arbeitern vermehrt. Der Arbeiter habe an zwei Kindern hinlänglich genug, und um mehr Kinder zu vermeiden, müsse er sich beherrschen, ohne den Trieb der Natur ganz zu unterdrücken» (Ioerg, Geschichte der social-politischen Parteien in Deutschland. Freiburg im Breisgau. 1867. Ss. 53 — 54). Іёргъ прибавляетъ, что Zwei-Kinder System съ рекомендованнымъ Кирхманномъ воздержаніемъ особенно развита у крестьянъ въ протестантскихъ округахъ Франціи, существуетъ auch in einigen deutschen Nachbarstreichen. Онъ прибавляетъ: in manche Gegenden Frankreichs hunderte der bravsten Bauernfrauen sich von den Sakramenten fernhalten müssen, weil sie dem Ioche der wüsten Unsitte nicht entrinnen können. (ibid. Ss. 54 — 5).

и Гуситахъ пущены даже въ оборотъ въ Германіи, между тѣмъ какъ это писатель весьма недобросовѣстный и изрядный шарлатанъ. Въ примѣръ запутанности и темноты мыслей и некритическаго нагроможденія фактовъ самыхъ разнородныхъ достаточно указать на многочисленныя сочиненія извѣстнаго Нѣмецкаго путешественника Бастіана, нынѣшняго президента географическаго общества въ Берлинѣ, а совершенной умственной неразвитости и ограниченности недавнія сочиненія Тортуаля (Böhmens Antheil an den Kämpfen Fridrich d. I in Italien. Münster. 1866.), Краузе (Die Byzantiner. 1869.) и пр. Въ примѣръ же невѣжества, шарлатанства и значительной тупости, довольно сильно представленныхъ въ современной Нѣмецкой литературѣ, можно вспомнить массу приведенныхъ нами рѣзкихъ сужденій и приговоровъ о способностяхъ, историческомъ значеніи и призваніи Славянскаго племени. Многія изъ этихъ сужденій и отзывовъ невольно напоминаютъ тѣ недостатки, въ которыхъ Нѣмецкіе ученые любятъ упрекать Французовъ: die grobste u. leichtfertigste Unwissenheit, die lächerlichste Selbstüberschätzung. До какихъ иногда нелѣпостей и смѣшныхъ промаховъ доходятъ современные Нѣмецкіе ученые даже въ наукахъ болѣе или менѣе точныхъ, когда идетъ рѣчь о взаимныхъ отношеніяхъ Нѣмцевъ и Славянъ, можетъ свидѣтельствовать судьба въ Германіи нѣкоторыхъ положеній извѣстнаго Шведскаго антрополога Ретціуса, который справедливо себя прославилъ внесеніемъ новаго пріема количественнаго опредѣленія въ краніоологическія изслѣдованія.

Этотъ ученый еще въ 1842 г. предложилъ свою систему классификаціи человѣческихъ племенъ, на длинноголовыхъ и короткоголовыхъ, тѣхъ и другихъ раздѣливъ на прямочелюстныхъ и косочелюстныхъ. Въ видѣ опыта онъ представилъ тогда же слѣдующую таблицу племенъ:

Племена (Gentes).	Длинноголовыя (Dolichocephalæ).	Прямочелюстныя (Orthognathæ).	Галлы. Кельты. Бритты. Шотландцы. Германцы. Скандинавы. Гренландцы.
		Косочелюстныя (Prognathæ).	Многія сѣв. и южно-Американск. Индѣйскія племена, какъ то: Караибы, Ботокуды и пр. Негры. Новоголландцы.

Племена (Gentes)	Короткоголовыя (Brachycephalæ).	Прямочелюстныя (Orthognathæ).	Славяне. Финны и другіе Чудскія народности. Афганцы. Персы. Турки. Лопари, Якуты и пр.
		Косочелюстныя (Prognathæ).	Татары. Калмыки. Монголы. Малайцы. Многія сѣв. и южно-Американскія племена, какъ то: Инка и Харуа и пр. Папу.

При этомъ Ретціусъ замѣтилъ, что хотя поличьемъ Славяне отъ прочихъ Европейцевъ не разнятся, однако ихъ черепъ отличается своею короткостью, приближается къ виду четыреугольному или круглому и совершенно удаляется отъ длинной овальной формы, которую Причардъ принялъ вообще для Индо-Атлантическихъ племенъ и которая, по изслѣдованіямъ Ретціуса, такъ хорошо сохранилась у Шведовъ [1]). Ретціусъ былъ настоящій ученый въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова и, придерживаясь череповъ, какъ признаковъ постоянныхъ и характеристическихъ, не хотѣлъ однако прибѣгать ни къ какимъ скороспѣлымъ и преждевременнымъ заключеніямъ о дарованіяхъ и способностяхъ различныхъ племенъ на основаніи той или другой формы черепа. Напротивъ въ своемъ изслѣдованіи о френологіи съ анатомико-этнологической точки зрѣнія (1847) Ретціусъ рѣшительно высказался противъ ненаучности выводовъ Галля и Шпурцгейма. Относительно Галля онъ повторилъ слова Флурана, которыя съ полнымъ основаніемъ могли бы быть примѣнены ко многимъ Европейскимъ извѣстностямъ въ наукахъ историко-политическихъ: „Il fait comme ont fait tant d'autres: il commence par s'imaginer une hypothèse et puis il imagine une anatomie pour son hypothèse". Сказавъ о своихъ измѣреніяхъ различныхъ череповъ, Ретціусъ продолжаетъ: „Я могу утверждать съ увѣренностью, что безпристрастное, основательное изученіе формы череповъ различныхъ племенъ не позволяетъ согласить-

[1]) Retzius, A. Ethnologische Schriften. Nach dem Tode des Verfassers gesammelt. Stockholm. 1864. I. Ueber die Schädelformen der Nordbewohner. III. Ss. 3, 8—12.

ся съ нынѣшними френологическими воззрѣніями. Приведу нѣсколько краткихъ примѣровъ. Кельтскія и Германскія племена, къ которымъ я причисляю Нѣмцевъ, большую часть Французовъ, Англичанъ и Скандинавовъ, вообще признаются за одаренныхъ лучшими способностями души. Черепа ихъ низки, длинны, часто узки, съ особенно выдающеюся, большею частью узкою заднею частью. Славянскія и Чудскія племена, изъ коихъ многія вѣтви достигли высокой степени образованности и развили великія духовныя силы какъ въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ, но вообще во многихъ отношеніяхъ стоятъ на низшей степени образованія, чѣмъ Кельты и Германцы, имѣютъ высшіе и вообще болѣе широкіе, за то гораздо болѣе короткіе черепа, по большей части съ сильно развитыми Tubera parietalia и съ плоскою, короткою заднею частью, между тѣмъ какъ въ половыхъ отношеніяхъ, въ любви къ дѣтямъ, въ привязанности къ родинѣ и въ расположеніи къ дружбѣ они ничѣмъ не уступаютъ длинноголовымъ Германцамъ и Кельтамъ." Такъ разборомъ череповъ различныхъ другихъ племенъ Ретціусъ опровергалъ выводы френологовъ, стараясь доказать, что они лишены всякаго научнаго основанія. „Между тѣмъ, прибавилъ Ретціусъ, въ высшей степени вѣроятно, что внѣшняя форма во многихъ отношеніяхъ можетъ свидѣтельствовать о душевныхъ способностяхъ. Меня къ тому главнѣйше склоняютъ особенности череповъ у преступниковъ; но изъ небольшаго ряда наблюденій, которыя въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вѣроятія, было бы великимъ безсмысліемъ создавать науку, особенно съ такими притязаніями, какія предъявляются френологами" [1]).

Сверхъ того Ретціусъ въ разныхъ своихъ изслѣдованіяхъ указывалъ, что во всей Европѣ есть населеніе короткоголовое и заключалъ что въ древнѣйшія времена Европа была заселена Туранцами, Скиѳами и Сарматами (?), въ коихъ онъ думалъ видѣть родство съ Пелазгами. Такъ онъ находилъ короткоголовыхъ между Греками, и новыми и древними, также въ Бриттаніи, во Франціи, Швейцаріи, Германіи, въ нынѣшнемъ ихъ народонаселеніи. Ретціусъ полагалъ только, что все это остатки Туранцевъ, первобытныхъ обитателей Европы [2]). Въ Германіи Ретціусъ дѣлалъ слѣдующее раз-

---

[1]) Тамъ же. XII. Beurtheilung der Phrenologie von anatomisch-ethnologischem Standpuncte aus. Ss. 76, 84.

[2]) Тамъ же IX. Ueber Schädel der ältesten Bewohner Frankreichs. XIII. Ueber die runde brachycephalische Schädelform der Griechen. XVII. Schädel aus alten Gräbern in grossbritanien.

личіе: „Настоящіе Нѣмцы (Germani), долихокефалы бѣлокурые. Нѣмцы Кельтическіе, долихокефалы смуглые. Славяне, Венды и пр. въ Саксоніи, Пруссіи (древніе Borussi и Ливонцы), въ Австріи и вообще въ восточной и южной части Германіи врахикефалы„. Позже Ретціусъ замѣчалъ, что онъ самъ имѣлъ случай видѣть значительное количество череповъ изъ Тосканы, Ломбардіи, Пьемонта, Тироля и Швейцаріи и пришелъ къ тому убѣжденію, что господствующее въ этихъ странахъ племя — черноволосые врахикефалы. Таково же большинство населенія въ Баденѣ, Виртембергѣ и Баваріи. Во Франціи имѣютъ эту форму черепа Баски, въ Саксоніи и Австріи встрѣчается она очень часто, и въ этихъ земляхъ она вѣроятно Славянскаго, а въ Италіи, Тиролѣ и Швейцаріи — Греческаго происхожденія. Такихъ же короткоголовыхъ Р. самъ много встрѣчалъ въ Шотландіи и думалъ, что они были Басскаго или Финскаго происхожденія [3]).

Если мы отдѣлимъ въ этихъ послѣднихъ замѣчаніяхъ Ретціуса его наблюденія и полученныя изъ нихъ данныя отъ его догадокъ и предположеній, приводимыхъ имъ въ объясненіе этихъ данныхъ, то мы получимъ слѣдующіе два вывода: 1) Многіе нынѣшніе Европейцы короткоголовы, не одни Славяне, но и Греки и Итальянцы, и Французы, и Нѣмцы и Британцы. 2) Все это должны быть остатки древнѣйшихъ обитателей Европы, Басковъ, Финновъ, Лопарей и проч., которые сохранили до сихъ поръ свои физическіе признаки, но приняли Европейскіе языки.

Замѣтимъ, что въ послѣдствіи нѣкоторые антропологи значительно разошлись въ своихъ мнѣніяхъ съ Ретціусомъ относительно формы череповъ древнѣйшихъ обитателей Европы. Такъ Брока во Франціи Басковъ, а Турнамъ въ Англіи древнѣйшихъ обитателей прямо и рѣшительно считали длинноголовыми [1]). Не обративъ вниманія на то, что самъ Ретціусъ считалъ многихъ нынѣшнихъ Нѣмцевъ короткоголовыми также, какъ и многихъ Итальянцевъ, Французовъ и Англичанъ, что изъ короткоголовости людей нельзя ничего заключать о низкомъ уровнѣ ихъ умственныхъ способностей, въ Германіи было рѣшено считать великое отечество страною исключи-

---

[3]) Тамъ же. XIX. Письмо на Франц. яз. къ докт. Николуччи. 1852. XXIII. Blick auf den gegenwärtigen Standpunkt der Ethnologie mit Bezug auf die Gestalt des knöchernen Schädelgerüstes. См. прим. S. 140.

[1]) Memoirs read before the Anthropological Society of London. 1865. Vol. I. Thurnam, On the two principal forms of ancient British and Gaulish skulls, (p. 120 — 168). Въ этомъ отношеніи замѣчательны и выводы проф. Богданова (о курганахъ Моск. губ.).

тельно длинноголовыхъ: Das ganze Deutschland soll es sein, и видѣть въ короткоголовости Славянъ новое важное подтвержденіе давнишнихъ Нѣмецкихъ мнѣній о низшихъ способностяхъ этого племени и его большей принадлежности къ Туранцамъ, чѣмъ къ Арійцамъ.

Какъ велико было, въ сущности впрочемъ невинное, желаніе Нѣмцевъ быть длинноголовыми во что бы ни стало и отнюдь не походить формою головы на Славянъ, показываютъ слѣдующіе примѣры, заимствуемые нами изъ краніологическихъ изслѣдованій почтеннаго Велькера, который наконецъ рѣшился положить конецъ всѣмъ этимъ страннымъ самообольщеніямъ и недостойнымъ обманамъ. Черепъ Шиллера принадлежитъ къ самимъ врахикефальнымъ (100:82), какіе только существуютъ (шире 84 не встрѣчается). Еще Ретціусъ населеніе Виртемберга, родины поэта, причислялъ къ врахифакеламъ. Но рѣшено было, конечно по требованіямъ строго-научнаго объективизма, что Нѣмцы долихокефалы, и вотъ рисунокъ черепа Шиллера печатается въ тысячахъ экземпляровъ съ надписью „Typus der dolichocephalæ orthognatal". Бурмейстеръ присоединилъ къ своему сочиненію „Geschichte der Shöpfung" изложеніе системы Ретціуса и въ образецъ длинноголовости прилагаетъ этотъ рисунокъ черепа Шиллера (5-е изданіе). Въ собраніи череповъ въ Гёттингенѣ находится одинъ черепъ еще болѣе короткоголовый, чѣмъ Шиллеровскій (83,5), и при немъ ярлычекъ, надписанный извѣстнымъ ученымъ Вагнеромъ: „Dolichocephalus", ибо было извѣстно, что это черепъ Нѣмецкій [2]).

Вейссбахъ въ своихъ краніологическихъ изслѣдованіяхъ о народностяхъ Австріи (östr. Medic. Zeit) рѣшительно причисляетъ Австрійскихъ Нѣмцевъ къ долихокефаламъ и тѣмъ отличаетъ ихъ отъ Славянъ, хотя по его же измѣреніямъ они оказываются короткоголовыми (81). Въ сочиненіи своемъ (1860 г.) Велькеръ приложилъ измѣренія 30 Нѣмецкихъ череповъ и на основаніи ихъ рѣшился наконецъ высказать, что Нѣмцевъ нельзя причислять къ долихокефаламъ. Антропологъ фанъ деръ Хуфенъ сдѣлалъ по этому поводу Велькеру слѣдующее замѣчаніе, въ которомъ безсознательно выразилъ глубокую и злую иронію. „Я соглашаюсь, замѣтилъ онъ, что черепа Нѣмецкіе нельзя называть длинными и узкими въ той же степени, какъ черепа Негровъ, но мнѣ необъяснимо, какимъ образомъ, по показанію Табл. XVII, *Русскіе черепа не отличаются отъ Нѣмец-*

---

[1]) Зелигманнъ (Geogr. Jahrb. B. I. Die Menchenracen. S. 481). In der Münchener Sammlung sah ich einen exquisiten Brachycephalen, auf welchen ein humoristischer Kraniolog Folgendes geschrieben hatte: «Etrusker, Tiroler oder Incaperuaner.»

кихъ (въ указателѣ ширины). *Если это такъ, то было бы лучше, по моему мнѣнію, не употреблять болѣе терминовъ долихокефалы и врахикефалы* (dass die russischen Schädel von den deutschen nicht verschieden sein sollten. Wäre dies der Fall, dann glaube ich in der That, dass es besser wäre, die Termini dolichocephal u. brachycephal nicht mehr zu gebrauchen). Наконецъ въ 1866 г. Велькеръ обнародовалъ результаты своихъ новыхъ краніологическихъ изслѣдованій и наглядно подтвердилъ слѣдующіе выводы: „Новые Нѣмцы частью врахикефалы и субврахикефалы, частью ортокефалы, и никогда не долихокефалы. Такъ какъ тутъ нельзя предполагать никакой другой врахикефальной примѣси, то надо признать, или что Нѣмцы никогда не были долихокефалами (dass die Deutschen von Haus aus nicht dolichocephal waren), или что настоящіе долихокефальные Нѣмцы выродились и приняли форму череповъ первобытнаго врахикефальнаго населенія древней Германіи. Если послѣднее предположеніе справедливо, то нужно сознаться, что число настоящихъ Нѣмцевъ въ Германіи исчезаетъ.“ [1]) Нужно ли прибавлять, что въ настоящее время почти единогласно рѣшено не дѣлать болѣе никакихъ выводовъ и заключеній о способностяхъ народовъ на основаніи длины или короткости ихъ череповъ [2])?

Въ послѣдніе годы преимущественно изъ Франціи стало сильно распространяться новое ученіе о Славянахъ. Славяне, говорятъ, племя Арійское, всемірно-историческое, даровитое, благородное, прекрасное, достойное и нашихъ симпатій и прекраснаго будущаго. Они любятъ свободу и умѣютъ ею пользоваться. Они способны къ наукѣ и имѣютъ уже и еще далѣе разовьютъ свою оригинальную образованность. Они храбры и воинственны и всегда хранили и спасали

---

[1]) Archiv für Anthropologie. B. I. 1866. Kraniologische Mittheilungen von Hermann Welcker (Ss. 89—160).

[2]) См. статью проф. Зелигманна (въ Behm's Geograph. Iahrb. B. I). Die Menschenracen. (S. 427- 483). „Prichard hat in seinem umfassenden Werke die Verwirrung nicht vermindert, indem er Brachycephalie als mit Nomadenthum, also Kulturmangel zusammenhängend darstellte und die echten Mongolen als brachycephale, uncultivirte Stämme, als Uebergangsform zu den gebildeteren dolichocephalen Volkern ansah. Auch das wurde schon früher dargethan, dass die Intellectualität weder von Dolichocephalie noch von Brachycephalie abhängt, sondern nur vor der frontalen Schädelentwickelung bei beiden entgegengesetzten Typen, womit überall das Zurücktreten der Prognathie verbunden ist. Aus Al. v. Humboldt's wie Lund's Bemerkungen geht im Gegentheil hervor, dass die echten Mongolen sich von den brachycephalen Amerikanern durch eine stärkere Entwickelung der Stirnpartie auszeichnen. Dass unter frontaler Schädelentwickelung nicht bloss grössere Höhe oder Tiefe der vorderen Gehirnpartien, sondern auch grössere Breite und oft diese allein zu verstehen ist, bedarf keiner weiteren Auseinandersetzung. (S. 473).

Европу отъ Азіатовъ и варваровъ. Словомъ Славяне наши друзья и братья. Противъ Славянъ мы ничего имѣть не можемъ, да и когда что имѣли? Но, продолжаютъ, надо понять Славянство, надо условиться, какіе народы подъ нимъ разумѣть. Прежде всего нужно разсѣять одно великое въ теоретическомъ, научномъ и важное въ практическомъ отношеніи заблужденіе относительно числа и состава Славянскаго племени. Пора наконецъ понять, что сорокъ милліоновъ Великоруссовъ никоимъ образомъ не должны быть причисляемы къ Славянамъ. Пониманіе этого обстоятельства проливаетъ неожиданный свѣтъ на древнюю, среднюю и новую исторію восточной и средней Европы. Проведеніе этой истины въ учебные курсы исторіи и географіи наноситъ смертельный ударъ панславизму. Узнавъ, что Московиты не Славяне, не ихъ соплеменники, западные и южные Славяне перестанутъ тяготѣть къ Россіи, ожидать отъ нея помощи для освобожденія отъ Турокъ, Мадьяръ, Нѣмцевъ, Русская Галиція вмѣсто того, чтобы желать присоединенія къ Россіи, станетъ тогда напротивъ желать присоединенія всѣхъ Русскихъ Малороссіянъ къ имѣющей быть возстановленной Польшѣ или просто къ Австріи. Поймите наконецъ, что Московиты не Славяне, а Турапцы, Монголы, говорящіе только по Славянски и только по виду исповѣдующіе христіанство, и... и... тогда нѣтъ болѣе панславизма, et le panslavisme est détruit dans son principe [1]. „Le Kosak, le Tartare, le Mongol, говоритъ Альб. Ревиль, voilà l'éternel ennemi de notre race". Доказательствъ въ пользу этого положенія множество. Всѣ ихъ можно раздѣлить на внѣшнія и внутреннія. Первыя суть историческія и этнографическія данныя относительно образованія Великорусскаго племени. Вторыя историко-культурныя данныя изъ прошедшей и настоящей жизни Великоруссовъ. Послѣднія почти совершенно сходны съ приведенными нами, во второй и третьей главахъ, внутренними доказательствами неспособности, грубости, низости Славянской расы вообще и сходства ея съ Монголами и разными другими низшими расами. Что тамъ относилось ко всѣмъ Славянамъ, то здѣсь

---

[1]) См. Delamarre, Cas. Un peuple Européen. Paris. 1869. Его же. Un pluriel pour un singulier et le panslavisme est détruit dans son principe. Paris. 1868.

Martin, H. La Russie et l'Europe. Paris 1866. Перев. Кинкеля. Hannover. (1869).

Talbot, L'Europe aux Européens. Paris. 1867. La Russie n'est plus aujourd'hui un péril eloigné par la distance, éloigné par les difficultés et les obstacles de toute nature, c'est un péril qui peut survenir à toute heure. Un hasard, un conflit, un événement imprévu, une heure du trouble en Europe peut faire surgir tout-à-coup la question russe. (p. 379).

напротивъ примѣняется къ однимъ Великоруссамъ. Правда въ рѣдкихъ случаяхъ, но иногда прибавляются здѣсь новыя любопытныя черты. Такъ напр. положеніе Русской женщины есть одно изъ важныхъ доказательствъ Туранства Великоруссовъ. „Въ Московіи, говоритъ Г. Мартенъ, нѣтъ о женщинахъ ни поэтическихъ, ни патріотическихъ преданій. Онѣ играютъ большую роль только, какъ волшебницы или какъ предсказательницы, вслѣдствіе ихъ часто встрѣчающагося расположенія къ матеріальному болѣзненному экстазу, который такъ извѣстенъ въ шаманствѣ и во всемъ Туранскомъ суевѣріи. Подобно жонглерамъ (врачамъ) краснокожихъ Туранскія „мудрыя женщины" занимались врачебнымъ искусствомъ вмѣстѣ съ волшебствомъ; оба искусства переходили одно въ другое. „Голосъ" сообщалъ недавно, что управленіе Уральскихъ казаковъ содержитъ одну даму, какъ воспитанницу, на медицинскомъ факультетѣ въ Петербургѣ." Нѣмецкій переводчикъ Мартена, Кицкель почелъ нужнымъ къ сему присовокупить въ вящее подтвержденіе Туранизма Русской женщины: „Рядомъ съ Америкою и теперь Россія выставляетъ наибольшій контингентъ женщинъ-медиковъ въ тѣхъ иностранныхъ университетахъ, которые допускаютъ студентокъ, напр. въ Цюрихѣ." Сочиненное Французомъ въ 1811—12 г. завѣщаніе [1]) Петра В., si funeste à l'humanité, по выраженію Г. Мартена, признается тоже полновѣснымъ доказательствомъ Туранизма Петра В. и Великоруссовъ вообще [2]). Всѣ остальныя внутреннія доказательства Монголь-

---

[1]) См. ст. Е. Е. Беркгольца Das Testament Peters d. Grossen (Balt. Mntsschr. Riga, 1859. B. I. Ss. 61—72). Въ первые оно появилось еще не подъ этимъ именемъ, а какъ resumé — въ заказанной Наполеономъ книжкѣ Лесюра— Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du 19-e siècle par M. L. Paris. 1812.

[2]) Впрочемъ сама Россія признаетъ себя Туранскою. Объ этомъ очень хорошо говоритъ Казим. Деламарръ: „Quand la Russie parle à l'Europe elle se dit slave et européenne et son souverain s'appelle l'empereur de Russie; lorsqu'elle s'adresse à l'Asie, elle se dit touranienne c'est-à-dire tartare et asiatique, et son autocrate devient le czar blanc. Le gouvernement moscovite et le journal *le Nord* ne se servent pas d'autre expression lorsqu'ils parlent de l'empereur de Russie aux peuples Asiatiques. (Un peuple Européen, p. 4.) Le Nord говоритъ Азіатамъ—недурно! Тальбо свидѣтельствуетъ, что Русскіе, какъ истые Туранцы, называютъ своихъ царей—*Samovodoï* (sic), dieux terrestres (L'Europe aux Européens, p. 67), la Russie n'est qu'une colossale nullité (p. 286); vous, vous (les Russes) ne savez combattre que lorsque vous êtes numériquement les plus forts!... Vous voyez bien que vous ne savez pas ce que c'est que l'honneur d'Européen et que vous n'avez qu'un honneur de Tartares! (p. 321—2); ce panslavisme, cette prétention des Russes de se donner pour des Slaves, ne leur suffit plus. Ces Tartares Oraliens qui se sont appelés eux-mêmes Russiens, puis Russes, puis Slaves, ont inventé

ства Москвитовъ были уже приводимы относительно всѣхъ Славянъ или принадлежатъ къ разряду отзывовъ и приговоровъ о восточной церкви и православіи, которые будутъ нами разсмотрѣны въ послѣдствіи при изложеніи и оцѣнкѣ Европейскихъ господствующихъ мнѣній о Грекахъ, какъ этнографической и церковной единицѣ, о Грекахъ, какъ національности и о Грекахъ, какъ народахъ православныхъ вообще. Такимъ образомъ здѣсь насъ могутъ занимать только внѣшнія доказательства Туранства Великой Руси.

У насъ многіе несправедливо называютъ Польскимъ это историко-этнографическое ученіе. Не отымая нисколько заслугъ,—если это заслуги, — Духинскаго въ развитіи и распространеніи этого ученія, нужно однако замѣтить, что оно есть чисто Европейское, преимущественно Французское. При тѣсномъ родствѣ и общеніи всѣхъ Европейскихъ народовъ, это Французское ученіе въ послѣдніе годы сдѣлало большіе успѣхи во всей Европѣ, въ Германіи, Италіи, Англіи. Въ настоящее время оно имѣетъ довольно обширную литературу. [1]) Лучшіе Французскіе и вообще Европейскіе журналы посвятили много статей этому предмету. Довольно указать на

---

une nouvelle dénomination qui leur fait faire un pas de plus vers nous, ils se disent maintenant: Gréco-Slaves (p. 359); elle (la Russie) n'a jamais remporté une seule victoire sur les Francais, (p. 367), c'est même un fait qu'on ne remarque pas assez: la Russie qui se dit chrétienne, est musulmane par la moitié de sa population, et les sept huitièmes de son territoire, tout le Midi, tout l'Est, depuis le Volga jusqu'à l'Oural, et tout le centre de l'Asie jusqu'à la mer de Japon (p. 369).

[1]) Viquesnel. Voyage dans la Turquie d'Europe. Description physique et géologique de la Thrace. Paris. 1861. Appendice premier. Coupd'oeil sur quelques points de l'histoire générale des peuples Slaves et de leurs voisins les Turcs et les Finnois. Paris. 1861. (p. 459—628) Перепечатка этого же сочиненія (Append.) въ Ліонѣ 1868. – Les origines Slaves. Pologne, Ruthénie. Paris. 1861. Статьи *Bonneau* (Revue Contemp. 1862), *Elias Régnault* (въ Journ. francais de Francfort—о курсѣ Духинскаго въ Парижѣ — въ Cercle des sociétés savantes—1862, № 113, 116 et suiv). *Paul de S. Vincent* (въ Revue Contemp. 1861—62), *Réville* (Revue des deux Mondes. 1862 (févr.), *Alfr. Maury* (Revue Germ.). См. Westminster Review. Régnault. El. La question Européene improprement parlée Polonaise. Paris. 1863. Noailles, marquis de, La Pologne et ses limites. Paris. Brullé-Origines Aryennes. Dijon. Cortambert-Manuel de Géographie. Paris. 1862. Steinbach-Mémoire sur les formules à introduire dans l'histoire des peuples parlant les langues Slaves (въ Mém. couronnés par la Société d'Ethnographie T. I. part. 1). Martin, H. La Rufsie et l'Europe. Paris 1866. Нѣм. перев. Кинкеля съ предисл. и примѣч. Talbot. L'Europe aux Européens. Paris. 1867. Bidermann, H. I, Die ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb u ihre Geschichte. Innsbruck. 1870. Th. H. H. I. Ss, 9 ff. Aus Russlands Vergangenheit. Leipzig. 1870. Chotomski, L. Due civilizioni. Studio etnologico-storico. Venezia. 1870.

Revue Contemporaine, Revue Germanique, Revue des deux Mondes, Siècle, Moniteur, Westminster Review, Times, Ausland, Lit. Centralblatt и пр. Извѣстные ученые и заслуженные писатели Франціи занимались этою темою и посвятили ей нѣсколько монографій, книгъ и статей. О томъ, что Московиты не Славяне, и о томъ, какъ это важно въ научномъ и политическомъ отношеніи,—говорятъ публично во Французскомъ Сенатѣ, въ ученыхъ обществахъ въ Парижѣ, въ географическомъ, этнографическомъ и антропологическомъ, Французское министерство народнаго просвѣщенія (Дюрюи) въ 1863 г., принимаетъ мѣры для введенія главныхъ результатовъ этого ученія въ курсъ преподаванія географіи и исторіи въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1865 г. Австрійское министерство народнаго просвѣщенія особенно рекомендуетъ очеркъ всеобщей исторіи, составленный Зранскимъ, профессоромъ Военной Академіи, гдѣ именно указывается на племенное различіе Славянъ и Московитовъ. Важное въ субъективномъ отношеніи, это ученіе бросаетъ свѣтъ не на десятокъ другой бѣдныхъ Польскихъ эмигрантовъ мечтателей или нѣсколькихъ езуитскихъ прелатовъ и пановъ-интригановъ, а вообще, что гораздо любопытнѣе, на состояніе Европейскаго общественнаго сознанія, на отношенія Европы къ Россіи, наконецъ на нѣкоторыя стороны внутренней силы Европейской мысли и образованности. Обо всѣхъ этихъ предметахъ въ Русскомъ обществѣ имѣются довольно ложныя и неправильныя понятія. Въ этомъ отношеніи разсмотрѣніе этого Европейскаго ученія можетъ имѣть нѣкоторую пользу.

Будемъ по возможности кратки и остановимся на самыхъ существенныхъ сторонахъ этого ученія.

Къ чести Поляковъ надо замѣтить, что оно названія Польскаго совершенно не заслуживаетъ. Старые Польскіе писатели никогда не исключали Великоруссовъ изъ племени Славянскаго, не отдѣляли въ этнографическомъ отношеніи, какъ совершенныхъ иноплеменниковъ, южной и западной отъ сѣверовосточной Руси. Довольно указать на М. Кромера, Красинскаго (+1612), Опалинскаго (+1662)[1]. Еще важнѣе свидѣтельство Мѣховскаго. Онъ принадлежалъ еще къ XV в. и издалъ въ первый разъ въ Краковѣ въ 1517 г. свое со-

---

[1]) Crassinü. I. Poloniae liber I, quibus terminis regnum Poloniae contineatur. (Historiar. Potouiae et magni ducatus Lithuaniae Scriptor. Collectio magna. edid. Mizlerus Опал. Polonia defensa contra Ioh. Barclaium, ubi, occasione ista, de regno geuteque Polona multa narrautur. (у Мизлера I, 663 сл.).

чиненіе объ обѣихъ Сарматіяхъ. Если современные Европейцы въ настоящее время думаютъ ясно видѣть Туранцевъ въ Великоруссахъ, то естественно было бы ожидать, что въ XV в. В. Руссы еще живѣе сохраняли слѣды своего Туранства. Однако ни Мѣховскій, ни его соотечественники (иначе бы онъ распространился объ этомъ) не находили въ В. Руссахъ ничего, что бы могло Полякамъ внушать какое либо сомнѣніе въ ихъ чистомъ Славянизмѣ. Такъ Мѣховскій, говоря о распространенности Славянскаго языка на землѣ, перечисляетъ различныя народности Славянскія, начиная съ южныхъ и кончая *Русскими и Московитами* (Ruteni, Moscovitae). Существеннаго различія между Русскими и Московитами Мѣховскій не дѣлаетъ: по его словамъ въ Московіи господствуетъ языкъ Русскій или Славянскій (sermo per totum est Rutenicus seu Slavonicus); живущіе въ Вяткѣ суть Русскіе и говорятъ по Русски (sicque etiam Ohulici et qui in Viathka degunt Ruteni sunt et rutenicum loquuntur). Согласно съ Поляками и всѣ прочіе старинные Славянскіе писатели, какъ южные, такъ и западные, всегда считали Великоруссовъ Славянами, своими братьями и соплеменниками, напр. Вранчичь [1]), Герберштейнъ, Богоричь и многіе другіе, о которыхъ мы будемъ имѣть случай подробно говорить въ обзорѣ взаимныхъ отношеній Славянскихъ народовъ и историческаго развитія идеи Славянскаго единства.

Это мнѣніе о Туранствѣ В. Русовъ было впервые высказано не Духинскимъ, ни Ходзькой, ни вообще какимъ либо Полякомъ. Московію, Московское государство и ея жителей Европейцы можно сказать никогда не считали своими, Европейскими. Мы Русскіе и вообще всѣ Славяне, особенно же православные, когда послѣдніе были политически независимы, всегда казались для Романо-Германцевъ чужими. На языкѣ Римской куріи, средневѣковыхъ Европейскихъ придворныхъ канцелярій и книжниковъ — слова: Graeci, schismatici, heretici, pagani, Rutheni, Tartari, Slavi, Sclavi, Hunni, Scythae, зачастую чередуются, какъ понятія тождественныя. Это народное, общественное воззрѣніе Европейцевъ проникло и въ ихъ науку. Въ извѣстной статьѣ Journal des Savants 1684 г., въ которой впервые была представлена научная классификація племенъ, Московія въ этнологическомъ отношеніи отдѣлена отъ Европы и поставлена въ одномъ ряду съ Китаемъ,

[1]) Замѣчательное предисловіе Ф. Вранчича см. Lodereecker. P.-Dictionarium septem diversarum linguarum (1605). Онъ прямо говоритъ: «Onu zemlʼyu koya mi sada Rusku illi Mosskvu zovemo..... Iz Russie illi ti Mosskve.»

Китайскою Татаріею, Грузіею, Узбеками (sic) и Туркестаномъ. Во второмъ по времени антропологическомъ сочиненіи, вышедшемъ въ Лондонѣ въ 1695 г., Московиты поставлены между Лопарями и Татарами [1]). Для большинства Французскихъ писателей прошлаго столѣтія и вообще Европейцевъ того времени Русскіе, Московиты, казаки, Татары, Монголы въ общемъ смутномъ представленіи казались тождественными или по крайней мѣрѣ внутренне и наружно сходными и единоплеменными. Въ этомъ смыслѣ выражались о насъ Руссо, Бернарденъ де С. Пьеръ, Мирабо. Извѣстный Итальянскій писатель приключеній, остроумный разскащикъ анекдотовъ, великій развратникъ и лгунъ, бывшій одно время шпіономъ у государственныхъ инквизиторовъ въ Венеціи, Венеціанецъ Казанова разсказываетъ въ своихъ Мемуарахъ разныя небылицы о пребываніи своемъ въ Петербургѣ и Москвѣ при Екатеринѣ II. Между прочимъ въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „Le plus plaisant contraste c'est que la langue Moscovite est un dialecte purement tartare, tandis que la liturgie est grecque; de sorte que les fidèles débitent, leur vie durant, un tas, d'oraisons et de prières dont ils ne comprennent pas le premier mot. Une traduction en regard serait regardée comme oeuvre impie; c'est le clergé qui leur inculque cela pour conserver son pouvoir et en abuser.“ — Нравственный характеръ Казановы не могъ ему мѣшать намѣренно или сознательно распространять ту или другую ложь. Но тутъ нельзя предполагать никакой задней мысли. Тутъ онъ лгалъ безсознательно. Это замѣчаніе его поэтому и любопытно. Венеціанецъ Казанова и въ Венеціи, и на корабляхъ во время своего плаванія въ Цареградъ, и въ Далмаціи, гдѣ онъ былъ проѣздомъ, могъ до такой степени познакомиться съ Сербскимъ языкомъ, что въ Россіи, слыша Русскую рѣчь, онъ могъ безъ труда замѣтить родственность и сходство Русскаго языка съ Сербскимъ. Нѣтъ Венеціанца даже теперь, который бы не зналъ нѣсколько Сербскихъ словъ. Нѣкоторыя изъ нихъ получили полное право гражданства въ нарѣчіи Венеціанскомъ., напр. taka ti boga, b r a t e и пр. Казанова былъ человѣкъ пустой, легкій, но весьма неглупый и отлично, по Европейски образованный. Онъ долго жилъ во Франціи, много странствовалъ по Европѣ, знакомъ былъ со многими тамошними литераторами.

[1]) The history of Anthropology. By T. Bendyshe. (Mem. of Anthrop. Soc. Vol. I. p. 335 – 458). Въ приложеніи напечатана эта статья (въ переводѣ) и это сочиненіе 1695 г.

Общее Европейское мнѣніе о Татарствѣ Русскихъ такъ въ него проникло и незамѣтно для него укоренилось, что, живя въ Россіи, онъ находилъ излишнимъ сколько нибудь прислушиваться къ Русской рѣчи и припоминать сходство съ нѣсколько ему знакомою Сербскою. Казанова искренно кажется вѣрилъ, что la langue Moscovite est un dialecte purement tartare. Остается только удивляться, что Европейскіе писатели и ученые, пишущіе о нашемъ Туранствѣ, не воспользовались до сихъ поръ этимъ важнымъ для нихъ указаніемъ путешественника, свидѣтеля и очевидца. Обращаемъ ихъ серьезное вниманіе на это свидѣтельство Казановы. Оно будетъ посильнѣе многихъ свидѣтельствъ и доказательствъ, съ которыми они теперь носятся и которыя имъ большею частью доставляются Духинскимъ или его соотечественниками, знакомыми съ Русскимъ языкомъ, кое какъ читающими наши лѣтописи и кое что видѣвшими изъ трудовъ и изслѣдованій Русскихъ ученыхъ.

Если Духинскому не принадлежитъ честь и слава перваго сочиненія этой любопытной теоріи, за то Европейскіе ученые исключительно кажется ему обязаны главнымъ аппаратомъ учености, которымъ они щеголяютъ въ своихъ разсужденіяхъ о Туранствѣ Московитовъ. Отъ него кажется главнѣйше они провѣдали всѣ эти дикія и варварскія имена: Меря, Весь, Мурома, Вятичи, Поляне, Кривичи, Суздаль и проч., съ которыми они теперь такъ развязно обращаются. Отъ Духинскаго и другихъ Поляковъ получили они переводы различныхъ отрывковъ изъ Русскихъ книгъ и газетъ, которые представляютъ болѣе или менѣе побѣдоносныя доказательства Туранизма Великоруссовъ. Довольно вообще добродушные и къ Славянамъ злобы особой не питающіе, Французы почти единогласно свидѣтельствуютъ о своей признательности Духинскому. Гордые своею ученостью, не привыкшіе находить заслуги чужихъ, не-Нѣмцевъ, въ наукѣ, Нѣмецкіе писатели въ этомъ случаѣ не всегда бываютъ откровенны и добросовѣстны. Пользуясь трудами Духинскаго, они объ немъ иногда совершенно умалчиваютъ, давая видъ, что будто до всего этого они дошли собственнымъ умомъ, и какъ бы намекая на извѣстные случаи въ исторіи наукъ, когда единовременно два ученыхъ независимо одинъ отъ другаго приходили къ одному важному открытію, напр. Лейбницъ и Ньютонъ. Такъ Бидерманнъ, Пирсонъ о Духинскомъ ничего или почти не упоминаютъ. Впрочемъ этотъ упрекъ не относится ко всѣмъ Нѣмецкимъ писателямъ и ученымъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ слѣдъ за Французами признали за нимъ важныя заслуги въ наукѣ. Такъ Кинкель отзы-

вается о немъ съ искреннею признательностью и должнымъ уваженіемъ [1]). „Я, говоритъ онъ, познакомился съ нимъ въ одномъ собраніи Польскихъ студентовъ въ Рапперсвилѣ (въ 1868 г.). Маленькій человѣкъ, съ огненными черными глазами: типъ изслѣдователя, ученаго; но когда въ разговорѣ и бесѣдѣ онъ оживлялся, то замѣтно было, что онъ привыкъ повелѣвать, состоя въ Италіи на службѣ революціоннымъ офицеромъ Польскаго легіона. Духинскій родомъ изъ Кіева, былъ слушателемъ пресловутаго (berüchtigten) Погодина, былъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ въ Ecole polonaise въ Парижѣ и нынѣ живетъ тамъ, какъ мирный частный ученый и президентъ Этнографическаго Общества. Въ нѣсколько бесѣдъ я тотчасъ понялъ новость и значеніе его воззрѣній, основанныхъ на самомъ широкомъ изслѣдованіи. Онъ предложилъ прочесть двѣ лекціи объ восточной Европѣ, если въ Цюрихѣ найдется довольное число слушателей. Несмотря на то, что ферія уже началась для обѣихъ нашихъ высшихъ школъ, я вмѣстѣ со многими профессорами пригласилъ на эти бесѣды всѣхъ желающихъ, и оба

---

[1]) Итакъ судятъ въ Германіи не одни бѣдные Кинкели. Пользующійся уваженіемъ журналъ Ausland (1854 г. № 49) замѣтилъ: Der Deutsch-Slave Schafaric hat in dem Russinischen Slaven Duchinski einen Nachfolger gefunden. Wenn wir diese beide Namen zusammenstellen, den des gekrönten Professors und des bisher unbekannten Hüchtlings, so wollen wir durchaus keine für erstern verletzende Vergleichung anzustellen... H. Duch. Schrift verdient mit Aufmerksamkeit besprochen zu werden. Духинскій скромностью польскаго шляхтича приводитъ этотъ любопытный отзывъ и прибавляетъ: Les autres apréciateurs allemands nous qualifient aussi du titre de successeur de feu Schafarik. *Nous laissons le lecteur juger jusqu' à quel point la comparaison peut-être juste. Mais s'il connait le système de Schafarik, ses dernières conclutions, il saurait déjà ce que nous pouvons y ajouter de nouveau.* (Duchinski, Peuples Aryas et Tourans. Paris. 1864, p. 7). См. его же. Zasady dziejów Polski i innych krajow Slowianskich. Paris. 1859. Его же Pomnik Nowogrodzki. Paris. 1861. См. также предисл. и прим. Рыкачевскаго въ его перев. Hist. de la Lithuanie et de la Ruthénie. Paris et Leipzig. 1861. Онъ между прочимъ говоритъ: c'est par ce mélange (съ Финнами) que la langue Moskovite a perdu sa pureté et est devenue incompréhensible à tous les Slaves. (p. XI.). Эстрейхеръ (Bibliografia Polska. Kraków. 1870. str. XV—XVI), невѣрно передавая мою мысль, замѣчаетъ: «Lamonski en recommandant la langue des Grands-Russes ou oficielle, comme langue universelle et en l'imposant à tous les Slaves comme la langue la plus riche, aura oublié sans doute d' ajouter que cette langue ne possède pas jusqu'à présent de nomenclature scientifique et que parmi toutes les langues slaves c'est elle qui est la plus corrompue par une affluence trop considérable de vocables et d' idiotismes étrangers. Il suffirait peut-être de mentionner, qu'un savant russe *Michelson* a publié un lexique dans lequel il cherche à expliquer 25,000 vocables étrangers introduits dans la langue des grand-Russes. Moskwa. 1851.

раза одна изъ самыхъ большихъ нашихъ аудиторій была биткомъ набита. Для массы слушателей предметъ въ значительной части былъ слишкомъ новъ для того, чтобы поразительно на нихъ подѣйствовать. Духинскій скорѣе изслѣдователь, чѣмъ ораторъ; его теорія волнуетъ (agitirt), но самъ онъ не агитаторъ. Его рѣчь о Россіи чужда страсти; онъ признаетъ за Туранскою семьею народовъ тоже право существованія, какъ и за Арійскими націями. Въ своей вступительной рѣчи въ годовомъ собраніи Парижскаго Этнографическаго Общества въ 1868 г. онъ заявилъ, какъ результатъ своихъ продолжительныхъ изслѣдованій, что хотя Провидѣніе сообщило двумъ семействамъ народовъ два принципа, которые управляютъ міромъ, индивидуализмъ и коммунизмъ, но для блага всѣхъ оно создало въ каждомъ изъ этихъ семействъ особи и группы, которыя представляютъ противуположное своему народу воззрѣніе. По Духинскому, задача науки внести миръ и обозначить нѣкогда мирную раздѣльную грань между Европою и Азіею, Ираномъ и Тураномъ. Обѣ бесѣды, прочитанныя въ спокойномъ духѣ изслѣдованія, быть можетъ для нѣкоторыхъ образованныхъ слушателей прошли совершенно безслѣдно. Но не для меня: я въ Англіи много лѣтъ занимался географіею, которая тамъ принадлежала къ моей спеціальности. Такимъ образомъ я былъ приготовленъ понимать смѣлаго изслѣдователя. Я тотчасъ въ немъ призналъ одного изъ первыхъ ученыхъ нашего времени (einen der ersten Gelehrten der Zeit), какъ относительно начитанности и собственной наблюдательности, такъ и въ безграничномъ кругозорѣ политической дѣятельности, налагаемой его теоріями."

Высокое уваженіе, которое выказываютъ во Франціи и Германіи разные тамошніе ученые и писатели къ уму, дарованіямъ и учености Духинскаго, есть явленіе безспорно печальное, но имѣетъ и свою утѣшительную сторону. Печально видѣть, что въ Европѣ, не смотря на всѣ успѣхи просвѣщенія, въ кругахъ образованныхъ такъ мало еще настоящей критики и научнаго образованія, что даже галюцинаціи бѣднаго Духинскаго принимаются у нихъ за что-то существенное. На Русскихъ и Славянскихъ ученыхъ, не имѣющихъ чести пользоваться Европейскою извѣстностью и славою, это обстоятельство можетъ дѣйствовать весьма успокоительно: такую извѣстность пріобрѣсть не особенно трудно, пользоваться славою ученаго и писателя въ Европѣ не всегда особенно лестно и почетно. Если Духинскій могъ произвесть переворотъ въ Европейскомъ препода-

нія средней и новой исторіи, то какова же должна быть сила вліянія въ Европѣ настоящихъ ученыхъ Русскихъ и Славянскихъ, когда съ ихъ трудами окажутся если не сыновья, то внуки нынѣшнихъ Европейцевъ? — Кинель въ томъ же предисловіи продолжаетъ: „Духъ и преданія Европы доходятъ только до Двины и Днѣпра, вдоль этихъ рѣкъ задолго еще до Иродота разграничились два совершенно разнородныхъ человѣческихъ союза; Московиты отнюдь не Славяне, по частью Финскаго, частью Турецко-Татарскаго, вообще Туранскаго происхожденія, и между Московитами и восточными Славянами, хотя тѣ и другіе называются Русскими, существуетъ глубочайшее, вѣками неизгладимое различіе въ народномъ духѣ, нравахъ и общественномъ устройствѣ.“ „Истина этихъ положеній меня плѣнила, и ихъ громадныя практическія послѣдствія меня потрясли.“ „Европа должна возстановить свою границу до этого меридіана и возстановить великую Арійскую, Славянскую державу между Германцами и Азіатами.“ Что я вложилъ въ сердцѣ съ тѣхъ поръ, какъ живу политическою, то пріобрѣло для меня совершенную увѣренность, ибо это воскресеніе Польши опирается на всюду торжествующихъ требованіяхъ нашего вѣка: національность опредѣляетъ государствамъ ихъ границы. Прежде я также добродушно вѣрилъ, что Московиты Славяне; нынѣ я увидѣлъ, что глубокое изслѣдованіе подрѣзало корень заблужденію. Когда человѣкъ обращается на истинный путь, то онъ желаетъ обратить и другихъ. *Я видѣлъ, какъ можно мои предположенія Европейскій мостовъ, и нашелъ, что другимъ Нѣмцамъ (вѣрно были въ сожалѣнію мнѣніе профессора-viele Professoren) не лучше было,* (dass es andern Deutschen nicht besser ging). Наши знаменитѣйшіе географическіе учебники ни однимъ намекомъ не касаются этого жизненнаго вопроса нашей части свѣта. Доселѣ въ Германіи не находили даже нужнымъ защищать его“. „Чтобы просвѣтить своихъ соотечественниковъ, возбудить въ нихъ симпатію къ Польшѣ, доказать ученымъ, что они искажаютъ географію и объяснить Нѣмецкому народу, что онъ поранитъ себя ножемъ въ сердце, если не спасетъ Поляковъ, — съ этою цѣлью Кинель хотѣлъ уже самъ сочинить какую нибудь книгу, какъ вдругъ познакомился съ книгою Мартена La Russie et l' Europe... L' Europe aux Européens. Paris. 1866. Книга ему такъ понравилась, что онъ рѣшился просто перевесть ее по Нѣмецки. Въ предисловіи къ этому переводу Кинель съ особеннымъ неудовольствіемъ отзывается о Словенцахъ въ Хорутаніи и Крайнѣ (прибавимъ въ Стиріи и Истріи).

Онъ замѣчаетъ, что они издавна составляютъ часть Нѣмецкаго государства, что говорить о присоединеніи Словинцевъ къ южно-Славянскому государству все равно, что присоединять къ возстановленной Ирландіи Французскую Бретань, въ которой говорятъ по Кельтски. Да, наконецъ, прибавляетъ Кинкель, Тріестъ необходимъ Германіи для господства на Адріатикѣ. „Моря не должны быть заперты, поэтому мы и будемъ бороться съ Русскими за Балтійское и Черное моря (darum wollen wir ja um Ostsee u. Schwarzes Meer mit den Russen kämpfen). Далѣе Кинкель съ особеннымъ сочувствіемъ указываетъ на основательныя и важныя, по его словамъ сочиненія Эдварта Катнера „Preussens Beruf im Osten 1868," В. фонъ Бока „Der deutsch-russische Conflikt an der Ostsee. 1869", и наконецъ отвѣтъ Ширрена Самарину. Своимъ читателямъ все въ томъ же предисловіи, Кинкель указываетъ на необходимость принадлежности трехъ нашихъ Балтійскихъ губерній къ Германіи и возстановленія Польско-Литовскаго государства до Днѣпра. Если, говоритъ онъ, Германія объявитъ съ этою цѣлью войну Россіи, то на нашей сторонѣ будетъ сочувствіе и даже союзъ со всѣми Европейскими государствами и даже Соединенными Штатами, которые для Польши бросятъ свою дружбу съ Россіею. Для Германіи, говоритъ онъ, всего опаснѣе союзъ съ Россіею. Для нея сильная Германія еще невыносимѣе, чѣмъ Французамъ. Вмѣсто того, чтобъ насъ поддерживать во время западной войны, Россія, пользуясь замѣшательствомъ на западѣ, направитъ свои удары на Стокгольмъ(?), или еще вѣроятнѣе на Константинополь. Гораздо полезнѣе для Германіи, по мнѣнію Кинкеля, союзъ съ Франціею, Италіею и Скандинавіею противъ Россіи. Союзъ съ Франціею нужно пріобрѣсть обѣщаніемъ возстановить Польшу, отрѣзавъ отъ Пруссіи Польскія земли. Въ замѣнъ этого Пруссія могла бы, прибавляетъ Кинкель, получить Остзейскія провинціи.

Ганри Мартенъ съ наибольшимъ талантомъ изъ всѣхъ Французовъ представлялъ необходимость новаго крестоваго похода Европы противъ Россіи. Всѣми силами души призывалъ онъ Францію и Германію не завидовать другъ другу и не ссориться между собою, выставлялъ имъ, какъ великую общую задачу, борьбу съ чуждою и враждебною Европѣ Россіею. Россія, говорилъ онъ, есть жизненный вопросъ стараго міра. Ему должны быть подчинены всѣ прочія международныя Европейскія задачи. Это загадка сфинкса, которую надо не только отгадать, но и рѣшить. Россія чужда Европѣ по вѣрѣ, по государственному устройству, по соціально-эко-

номическому быту. Христіанства, какъ понимаетъ его Европа, Россія не понимаетъ. Все это разумѣется кажется Мартену столь же дурнымъ и ужаснымъ, какъ и то что у насъ настоящаго дворянства не имѣется, что высшіе классы у насъ не получили, по его словамъ, помазанія рыцарства, что у насъ есть даже поземельная община, это исчадіе комунизма. По его мнѣнію, Петръ В., какъ и всѣ Московиты, былъ чистый Татаринъ. Онъ представляется Мартену и друг. прямымъ преемникомъ Аттилы и разныхъ Азіатскихъ бичей Божьихъ. По мнѣнію Мартена, какъ и многихъ другихъ Французскихъ и Нѣмецкихъ писателей, Русскій вопросъ для Европы есть тоже, что былъ Турецкій въ XV-XVII в. Прежній Türkennoth смѣнился теперь Russennoth'омъ. Замѣтимъ, что, исключивъ брань и ругательства, со всѣмъ этимъ трудно не согласиться. Можно прибавить, что раньше Türkennoth'а — были Hussitennoth, Polennoth, и такъ далѣе, пока наконецъ черезъ Оттокара II, Болеслава Храбраго, Болеславовъ Чешскихъ, Святополка и Ростислава Моравскихъ, мы бы не дошли до Людевита Хорватскаго, Само и Аттилы. Если бы Г. Мартенъ глубже и спокойнѣе вникъ въ отношенія Гунновъ къ Славянамъ, освободившихъ ихъ отъ Готовъ и вообще Германцевъ, то онъ бы вѣроятно пересталъ видѣть доказательство Туранства Русскихъ въ слѣдующемъ отрывкѣ одного приводимаго имъ стараго Русскаго стихотворенія:

Теперь мы славны, но и славу
Пора намъ предковъ защитить;
Аттилы грозную державу
Во всемъ величьи воскресить.
Да, да, Славянъ рукою твердой
Себѣ востокъ онъ покорилъ
И, величавый, мощный; гордый,
Нагайкой западу грозилъ.

Если бы Мартенъ и другіе Французскіе писатели были нѣсколько знакомы съ исторіею западныхъ Славянъ, то они можетъ быть перестали бы изъ любви къ Славянамъ и для ихъ спасенія сочинять разные проэкты о возможно большемъ ослабленіи Россіи, единственной Славянской національности политически независимой, которая могла бы быть полезна самой Франціи. Какъ велико въ этомъ отношеніи ослѣпленіе Французовъ, всего лучше доказывается тѣмъ, что въ то время, какъ Бисмаркъ, Роонъ и Мольтке подводили подъ Францію мины, составляли свои планы, вооружали и

приготовляли Нѣмецкія арміи къ войнѣ съ Франціею, она легкомысленно предавалась своимъ проэктамъ будущей борьбы Ирана съ Тураномъ. [1]) Бѣдная Франція. Тебя губили твои собственныя дѣти, не только Наполеоны, Лебефы, Оливье и Базены, но и лучшіе твои передовые люди, которые ничего не имѣли общаго съ первыми. Еще намедни,—непріятель уже вступалъ во Францію, для того, чтобъ черезъ 60—70 дней окружить на глухо Парижъ и заморить его голодомъ, а потомъ ограбить, въ Парижѣ, въ Географическомъ обществѣ, серьезно разсуждали о Монгольствѣ Русскихъ [2]), о необходимости для Франціи уничтоженія того самаго народа, который нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ спасъ Французскую столицу отъ разграбленія и помѣшалъ присоединенію Альзаса къ Германіи. Какъ ни жаль намъ, Русскимъ, глядѣть на современныя несчастія Франціи, однако мы не можемъ не сознавать, что Россіи могла бы грозить величайшая опасность, если бы эти планы и проэкты Французовъ нашли болѣе приготовленную почву въ Германіи. Будь въ ней въ данное время поболѣе Кинкелей и болѣе его даровитыхъ, съумѣй они увлечь Германское общественное мнѣніе въ пользу союза съ Франціею, а наши Эккарты, Боки, Сиверсы и Ширрены успѣй во время натравить алчность Нѣмцевъ и возбудить ихъ старый Drang nach Osten, кто знаетъ, нынѣ не лилась ли бы кровь, не пылали ли бы города и села не на западѣ, а на востокѣ. Изъ двухъ золъ нынѣшнее для насъ Русскихъ конечно

---

[1]) Les défaillances sont mauvaises pour les peuples, comme pour les individus; ne laissons pas mourir la Pologne, de peur qu'un jour un Mouravief n'écrive à son maître: Sire, l'ordre règne en Alsace! (Talbot, L'Europe. Paris. 1867. p. 380).

[2]) Bulletin de la Soc. Géogr. Paris. 1870. Juin. Первая статья Каз. Деламарра. Les peuples Slaves et les Moscovites, d'apres Viquesnel. p. 469—489. Іюльская книжка съ окончаніемъ статьи такъ и не получена въ Петербургѣ, за осадою Парижа. Въ 1867 г. Тальбо писалъ, что Русскіе только спятъ и видятъ, чтобъ осуществить завѣщаніе Петра В. и завоевать Европу, Францію: «Ah! nous savons bien que si jamais vous approchiez de nos frontières, la France se replierait sur elle même et, d'un seul élan, rejetterait au loin vos débris!.. et l'été qui suivrait, pour compter vos morts, il suffirait de contempler les plaines où vous seriez tombés, tant les moissons seraient riches! Mais, c'est que nous ne voulons pas que la lutte ait lieu près de nos cités; c'est que nous ne voulons pas que les trésors d'art, de poésie, de littérature, de science, amassés par des siècles de civilisation puissent être menacées, ne fût ce qu'un instant; c'est que nous ne voulons pas voir, à votre approche, pâlir nos femmes et pleurer nos enfants; c'est que nous ne voulons pas que celles que nous aimons aient, à cause de vous, même une heure de douleur et d'angoisse et cessent de nous sourire et d'être fières de notre amour. Voilà pourquoi nous voulons, nous qui avons des poitrines à opposer à vos balles, aller vous rencontrer au milieu

гораздо предпочтительнѣе. Теперь Нѣмцы, ослабляя Францію, уничтожаютъ на долгіе годы, если не навсегда, тотъ Европейскій патріотизмъ, который бы долженъ былъ, по словамъ Мартена и др., создать Европейскій союзъ и коалицію для истребительной борьбы съ Туранскою Россіею. Въ этомъ отношеніи, такъ страшно ослабляя Францію, Германія трудится не столько для собственнаго усиленія, сколько для ослабленія Европы вообще и для усиленія Россіи и Америки въ особенности, ибо Германія можетъ быть только сильна въ Европѣ, и въ Европѣ сильной. Съ ослабленіемъ же Франціи, слабѣетъ вся Европа, теряя свой вѣсъ въ пользу Россіи и Америки, интересы коихъ далеко не тожественны съ интересами Европейскими. Въ этомъ отношеніи нынѣшняя война не только ошибка, а просто безуміе со стороны Европейцевъ. Впрочемъ оно было едва ли не неизбѣжно и предотвратимо [1]). Такой исходъ т. е. возвышеніе Россіи и Америки

---

des populations que vous avez décimées, vous faire reprendre vos frontières naturelles, *vous y mûrer par une Pologne reconstituée, grande et forte, sauver la civilisation et maintenir l'Europe aux Européens.* (Talbot, L'Europe aux Européens. Paris. 1867. p. 325—6). Эта Польша отъ Балтійскаго до Чернаго моря съ Ригою и Одессою состояла бы изъ 24 мил. жителей, une nation parfaitement homogène, par la race, la religion, la langue, les moeurs, les traditions, par tout ce qui constitue l'unité d'un peuple. (ib. p. 239).

[1]) Почти передъ началомъ войны вышла любопытная книга К. Франца Die Naturlehre des Staates als Grundlage aller Staatswissenschaft. Leipzig u. Heidelberg. 1870. Здѣсь Ф. говоритъ между прочимъ: «Восточный вопросъ есть скорѣе *Русскій* вопросъ, т. е. вопросъ о томъ, долго ли будетъ дозволено Россіи распространяться въ Европѣ. Западныя державы сами всѣми силами помогли пріобрѣсть Россіи ея угрожающее положеніе, когда онѣ такъ неблагоразумно увлекали ее въ западную систему. Теперь Россія нашъ добрый другъ и товарищъ, которому только нельзя противурѣчить. И съ тѣхъ поръ возникъ восточный вопросъ, собственно потому такъ названный, ибо вслѣдствіе того нужно было прибѣгать къ изворотамъ, дабы вообще помогать дѣлу дипломатическимъ путемъ. Было бы проще возвратить Россію въ ея границы, а Турцію представить ея заслуженной судьбѣ. Вмѣсто того принято такое направленіе, что будто бы задача состояла въ томъ, чтобы помочь Турціи. Извѣстно, какую пользу принесла Турціи эта помощь, между тѣмъ Россія могла все болѣе распространяться. Если правильная постановка вопроса есть уже полурѣшеніе задачи, то на оборотъ неправильная его постановка мѣшаетъ всякому его рѣшенію. И Крымская война, въ слѣдствіе этого ложнаго направленія политики, достигла только половиннаго результата. Что Турція была временно защищена, Россія временно ослаблена, это слишкомъ мало, всячески недостойно принесенныхъ жертвъ. Тутъ было гораздо важнѣе образованіе противъ Россіи коалиціи, но именно только половинной, и оттого такой результатъ. Пруссія совершенно не участвовала, Австрія ограничилась полумѣрами, которыя ей послѣ обошлись тѣмъ

на счетъ Европы предвидѣли уже давно Кузенъ, Токквиль, Тьеръ, Г. Мартенъ, М. Шевалье во Франціи, Ю. Фребель, К. Франтцъ и многіе другіе въ Германіи. Само собою разумѣется, что они, какъ Европейцы, не могли примириться съ этимъ исходомъ и видѣли въ немъ не законное, логическое развитіе предъидущей исторіи, а возможное въ грядущемъ страшное, но легко еще теперь предотвратимое несчастіе: стоило бы только возстановить Польшу въ старыхъ предѣлахъ отъ моря до моря съ 22 милліонами жителей, поставивъ Днѣпръ и западную Двину западными границами Россіи. Также легкимъ казалось Европѣ ослабить Америку: стоило бы только признать независимость и самобытность мятежныхъ южныхъ штатовъ (Алабама) и образовать Мексиканскую имперію. Эти обѣ новѣйшія политическія попытки Европы противъ ея двухъ соперницъ Россіи и Америки были отчаяными усиліями падающаго величія остановить ходъ всемірныхъ событій и передѣлать трудъ цѣлыхъ вѣковъ. Онѣ напоминаютъ попытки и проэкты Димосѳена остановить ростъ Македоніи, Грековъ Ахейскаго союза и Карѳагена положить предѣлы могуществу Рима, проэкты послѣднихъ Палеологовъ спасти Византію и изгнать Турокъ изъ Европы, планъ Ми-

---

дороже. Вмѣсто того, чтобъ занимать только Румынію, она должна была вторгнуться въ Россію и не останавливаться до тѣхъ поръ, пока бы не завоевала по крайней мѣрѣ границы Днѣстра, безъ которой устья Дуная никогда не будутъ обезпечены. Точно также съ другой стороны Балтійскія державы (die Ostseestaaten) всегда будутъ угрожаемы, пока Россія не будетъ отодвинута по крайности за Двину... Австрія и Пруссія должны собственно быть охранительными украйнами западной цивилизаціи. Но какъ къ сожалѣнію онѣ не то, то въ будущемъ можетъ быть увидимъ, что Россія точно также будетъ господствовать въ Прагѣ, какъ она теперь господствуетъ въ Варшавѣ. Къ этому уже издалека подготовляется панславизмъ. Такъ называемый восточный вопросъ рѣшится тогда же, ибо Россія займетъ тогда такое господствующее положеніе, что отъ ея прихоти будетъ зависѣть сегодня или завтра вступить въ Цареградъ, и тогда уже не останется никакого вопроса. Если дипломатія западныхъ державъ погрузилась въ ежедневные интересы, то Русская этого не дѣлаетъ. Она отлично умѣетъ пользоваться каждымъ обстоятельствомъ, но она знаетъ также, что великіе замыслы нуждаются въ долгой, тихой подготовкѣ, между тѣмъ, какъ другіе дѣйствуютъ именно такъ, какъ будто дѣло идетъ о минутной опасности или минутномъ успѣхѣ. При такой близорукой, непостоянной и уклончивой политикѣ весь западъ долженъ тѣмъ больше терять въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи, чѣмъ больше требуется его дружнаго согласія для достиженія чего нибудь прочнаго противъ Россіи. Но какъ же это возможно при политикѣ, которая сегодня заключаетъ союзы, чтобъ разорвать ихъ завтра. Для того, чтобы Крымская война сдѣлалась въ полномъ смы-

ланскаго патріота Мороне и другихъ Итальянскихъ политиковъ 1525 г. стряхнуть владычество Карла V въ Италіи, проэктъ Испанскаго министра Альберони (1718) возстановить прежнее величіе Испаніи и всѣ имъ подобные мертворожденные проэкты древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ. Если не чувство состраданія къ падающимъ и не уваженіе къ благороднымъ усиліямъ отдѣльныхъ борцовъ проиграннаго дѣла, то простое благоразуміе должно удерживать историковъ иного народа и времени отъ слишкомъ легкаго осужденія или дешеваго глумленія надъ внутреннею несостоятельностью всѣхъ этихъ неудавшихся попытокъ, вопреки естественному ходу исторіи, задержать чужой ростъ и возстановить свое преходящіе величіе. Исторія человѣчества не представляетъ примѣра силы, которая бы наконецъ не разбилась объ силу, еще болѣе ея сильную, примѣра величія, которому бы не было суждено въ концѣ концовъ умалиться и преклониться передъ другимъ высшимъ величіемъ. Сила и величіе народовъ и государствъ въ политикѣ, въ наукахъ и искусствахъ, въ промышленности и торговлѣ носятъ въ себѣ зародыши паденія и слабости. Сила и величіе приводятъ людей и народы къ гордости, самомнѣнію и самодоволь-

---

слѣ Европейскимъ предпріятіемъ для ослабленія Россіи, за Парижскимъ конгрессомъ черезъ три года должна была послѣдовать война Итальянская, которая въ такой же степени, какъ ослабила Австрію, вновь усилила Россію. Это значитъ разрушать одною рукою, что созидаютъ другою. Что̀ затѣмъ оставалось изъ результатовъ Крымской войны, было уничтожено событіями 1866 г. Съ тѣхъ поръ дѣло снова стоитъ такъ, какъ будто Крымской войны не было вовсе, за исключеніемъ бумажныхъ гарантій, которыя тѣмъ менѣе значатъ, что послѣднее десятилѣтіе подкопало всякую вѣру въ договоры. Или какой еще остается результатъ Крымской войны? Временное разстройство финансовъ имѣетъ ничтожное значеніе для такого государства, какъ Россія, которая всего менѣе государство торговое. Оно не подавитъ его завоевательнаго духа (?). Исторія представляетъ много примѣровъ, что превосходство денежныхъ средствъ и промышленности защищаетъ мало отъ сильныхъ варваровъ и какъ мало ихъ удерживаетъ бѣдность отъ великихъ предпріятій. Еще остаются затрудненія, въ слѣдствіе освобожденія крестьянъ, но онѣ пройдутъ, и послѣ этого Россія только усилится. Между тѣмъ строятся желѣзныя дороги, которыя совершенно измѣнятъ Русскія военныя силы, и пусть еще пройдетъ нѣсколько лѣтъ—Россія имѣетъ время: «сижу у моря и жду погоды», говоритъ Русская поговорка. Такъ сидитъ Россія и ждетъ. Подуетъ вѣтеръ и энергическій царь на престолѣ, и тогда трепещи Европа (??!!) если не будетъ умнѣе (dann mag Europa zittern, wenn es nicht weiser geworden!) Ss. 441 ff. Любопытно, что напишетъ теперь К. Франтцъ послѣ войны Французской и Русскаго циркуляра 19 октября.

ству—Bethörung bis zum Selbstgefallen, къ умственному и нравственному огрубенію, къ ослабленію логики и внутренняго чувства правды.

Въ этомъ Французскомъ и вообще Европейскомъ ученіи о Туранствѣ В. Руссовъ невольно поражаетъ внутренняя слабость мысли, непослѣдовательность, какая то боязнь правды и особенное пристрастіе ко лжи.

Говорятъ: Европа, особенно Франція должна непремѣнно воевать съ Россіею, елико возможно ее ослабить и обезсилить, и это потому, что мы Велико-руссы не Славяне, не Арійцы, а Туранцы. Положимъ, что все, что говорится о *Московитахъ*, безусловно справедливо. Но гдѣ сказано и написано, гдѣ тотъ законъ, который бы требовалъ напр. отъ Франціи, для ея спасенія и величія, чтобы она не жила въ мирѣ и согласіи съ державами или народами Туранскими? Развѣ временные политическіе интересы никогда не могли и не могутъ увлечь Францію въ необходимость заключить сдѣлку или союзъ съ какимъ нибудь Туранскимъ народомъ или государствомъ? Въ международной политикѣ великое значеніе имѣютъ преданія и прежде бывшіе примѣры. Исторія Франціи и ея внѣшней политики не только ничего не говоритъ въ пользу необходимости воевать ей съ Россіею на томъ основаніи, что Московиты —Туранцы, но даже представляетъ примѣры совершенно противнаго. Въ борьбѣ своей съ Германскою имперіею Франція постоянно искала союза не только съ Уграми, Мадьярами, но и съ Турками. Г. Мартенъ говоритъ, что Мадьяры по происхожденію и языку Туранцы, но по сердцу Арійцы. Тоже онъ думаетъ и о Финляндцахъ, полагая, что они сочувствуютъ Европѣ, а не Россіи. Этотъ оригинальный пріемъ не вошелъ и войти не можетъ ни въ антропологію, ни въ исторію. Кто возьмется опредѣлять сердце народовъ особо отъ ихъ крови и кто объяснитъ, что значитъ Арійское сердце въ народѣ Туранской крови? Самъ Мартенъ не называетъ Турокъ по сердцу Арійцами. Онъ даже въ великую заслугу Польши поставляетъ ея борьбу съ Турціею, забывая или вѣрнѣе не зная, что Поляки боролись съ Турками преимущественно Русскими силами, что даже въ XVI в., по свидѣтельству отличныхъ знатоковъ дѣла Венеціанскихъ пословъ и баиловъ, Турція не особенно побаивавшаяся Польши, видѣла себѣ въ Москвѣ страшнаго и грознаго врага. Франція напротивъ того съ Франциска I была постоянною и открытою союзницею Порты противъ Испаніи и Германіи. Авторъ превосходнаго труда „Исторія дипломатическихъ сношеній Франціи съ Тур-

ціею", отлично извѣстнаго историку Франціи Г. Мартену, почтенный Шарьеръ старался оправдать и извинить эти постоянные союзы и сердечное согласіе христіаннѣйшихъ королей Франціи съ главами невѣрныхъ, враговъ имени христова, какъ тогда называли въ Европѣ грозныхъ для нея Османовъ. Онъ высказываетъ мысль, что Франція еще въ XVI в. имѣла такимъ образомъ благотворное вліяніе на Турокъ, какъ бы умѣряя и сдерживая ихъ фанатизмъ, являясь защитницею и покровительницею христіанъ въ Турціи [1]). Это замѣчаніе не совсѣмъ справедливо. Турки XVI в. и позже въ религіозныхъ дѣлахъ далеко превосходили своею терпимостью, особенно къ христіанамъ восточнымъ, которые и составляли огромнѣйшее большинство христіанскихъ подданныхъ Турціи, и Францію, и всѣ прочія Европейскія государства. Не у Франціи Варѳоломеевской ночи учиться было религіозной терпимости преемникамъ Магомета II и Солимана, у которыхъ восточные христіане искали и находили себѣ защиту противъ фанатизма Латинянъ, Франковъ. Въ союзахъ Франціи съ Турціею въ XVI в. первая всегда играла второстепенную роль. Турки очень хорошо понимали, что въ нихъ Франція гораздо болѣе нуждается, чѣмъ они въ ней. Франціи въ XVI в. нерѣдко очень дорого обходилась эта дружба и помощь Турецкая, безъ которой впрочемъ она была не въ силахъ бороться съ Испаніею и Германіею. Такъ въ 1543 г. жители Тулона подвергались всевозможнымъ лишеніямъ и стѣсненіямъ въ пользу экипажа стоявшей въ Тулонѣ нѣсколько мѣсяцевъ Турецкой эскадры Барбароссы, отъ котораго Франціи удалось наконецъ избавиться уплатою за его услуги огромной по тогдашнему суммы, 800 тысячь Французскихъ талеровъ [2]). Позже въ 1560-хъ годахъ жители Прованса и Лангедока испытывали страшныя бѣдствія отъ Турецкихъ корсаровъ, и Французское правительство старалось глядѣть на это сквозь пальцы, боясь раздражить Порту [3]).

---

[1]) Négociations de la France dans le Levant ou correspondances, mémoires et actes diplomatiques des ambassadeurs de France à Constantinople... publiés pour la première fois par E. Charrière. Paris. MDCCCXLVIII. T. I, XXII и сл. Правда Французскіе посланники въ Портѣ имѣли нерѣдко большое вліяніе (Rel. du B. Navagiero 1553, у Alberi, p. 81), но въ 1554 г. Д. Тревизанъ такъ отчасти его объяснялъ: «spera (il Gran-Signore) di poter avere per mezzo delli ministri di quella maestà comodità grande ad intender facilmente li governi e secreti di cadaun altro principe» (Alberi, S. III. V. I, p. 159).

[2]) Négociations de la France T. I, p. 562 suiv.—Тамъ же «Actes relatifs au séjour de la flotte Turque en Provence. p. 567 suiv.—См. такъ же Zinkeisen, Gesch. d. osman. Reich. in Europa. Gotha. 1854. Th. II, 857.

[3]) Объ этомъ сообщалъ любопытныя свѣдѣнія тогдашній Французскій

Всего забавнѣе, что самъ Г. Мартенъ въ той же самой книгѣ, въ которой силится представить необходимость для Франціи предпринять крестовый походъ противъ Россіи именно за ея Туранство, объясняетъ важность Туранской Японіи для Французской политики по отношенію къ Россіи и Америкѣ. „Истинный интересъ, говоритъ Г. Мартенъ, на крайнемъ востокѣ заключается въ Японіи, не для поселеній или торговли, но для союза. Этому народу, отличающемуся умомъ и дарованіями, надобно помочь для созданія арміи и флота, нужно его вооружить для его защиты противъ владѣльцевъ Амура, которые ранѣе или позже, болѣе или менѣе рѣшительно возьмутъ въ свои руки Китай. На это должно обращать больше вниманія, чѣмъ на анархію небесной имперіи, которой впрочемъ мы и не можемъ помочь. Въ Японіи еще есть точка опоры и сила сопротивленія; Китай разсыпается въ прахъ."—Проповѣдуя Европейцамъ, что надо любить другъ друга, жить въ мирѣ и согласіи и только думать о войнѣ съ Туранскою Россіею, объ оттѣсненіи В. Руссовъ къ Волгѣ и Уралу, Г. Мартенъ и др. поступаютъ непослѣдовательно, слишкомъ съуживая свою задачу. Малороссы, Словаки, Сербо-Хорваты, Болгары должны бы быть также извергнуты изъ Европейскаго общества, такъ какъ во всѣхъ этихъ племенахъ Славянскихъ есть сильныя примѣси Туранскія: Торки, Берендѣи, Печенѣги, Половцы, Гунны, Авары, Мадьяры, Татары, Турки, всѣ они немало подбавили своей крови къ крови этихъ Славянъ. Отъ этой примѣси во всякомъ случаѣ не совершенно свободны Словинцы и Чехи, которые долгое время жили вмѣстѣ и должны были смѣшиваться съ Гуннами, Аварами, ни тѣмъ болѣе Поляки, которые смѣшивались

посланникъ въ Венеціи, въ одномъ изъ своихъ объясненій съ Дожемъ и Синьоріею въ Коллегіи, какъ-то видно изъ ея протоколовъ. Вамъ вѣроятно извѣстно, говорилъ онъ, о тѣхъ раззореніяхъ, gravissimi danni, che hanno fatto li Corsari nella Provenza, et anco nella Lengua d'Occa, con prendere et menar via molte anime, et depredando robbe et mercantie per infinita valuta. Французское правительство, продолжаетъ онъ, жаловалось въ Стамбулѣ, но безъ проку: » li danni continuano; et io sono avisato, che non sono tre settimane, che hanno fatto del male assaï, et io lo so, perchè son di quelle parti, et vi ho delli parenti, che me ne danno aviso. Quelli popoli sono pronti a difendersi, come hanno fatto altre volte, et sono atti non solamente a conservare il suo, ma a propulsare le ingiurie, et assicurare il paese per 300 miglia oltra li suoi confini, purchè il Re voglia et *li dia licentia, che faciano; perchè venendo li Corsari con patenti del Signor Turco, li ministri di Sua Maestà Christianissima non li lasciano offendere, et essi sotto coperta dell'amicitia o simulatione fanno ogni male.*» (См. драгоцѣнную рукописную коллекцію Esposizioni Principj. V. I. p. 154 и слѣд., въ Венеціанскомъ Архивѣ ai Frari).

и съ Финнами и Татарами. Отчего бы ихъ всѣхъ, этихъ Славянъ, сѣверо-и югозападныхъ не прогнать какъ можно далѣе на востокъ: l'Europe aux Européens. Эта мысль давно улыбается Германіи, гдѣ не со вчерашняго дня и не даромъ же примѣчаютъ въ Славянахъ большое сходство съ Монголами, даже въ языкахъ. Всѣ эти Славянскія земли было бы очень выгодно и пріятно присоединить къ Нѣмецкому отечеству.

Г. Мартенъ и прочіе Французскіе писатели, вмѣстѣ съ покровительствуемыми ими Поляками, на это то обстоятельство и не обратили своего вниманія. Имъ повидимому и въ голову не приходило, что съ ослабленіемъ Россіи, съ насильственнымъ ея оттѣсненіемъ на востокъ, дѣло Германизаціи въ западныхъ земляхъ Славянскихъ получило бы огромное облегченіе и съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ нынѣ, могло бы быть поведено къ желаемому концу. Французы боялись,—и печальныя событія показали, что основательно,—соединенія Пруссіи съ южно-Германскими государствами. Какой же интересъ, какія бы выгоды имѣла Франція отъ присоединенія къ Пруссіи — Чехіи, Моравіи, Стиріи, Крайны, Хорутаніи и Истріи? Самая Польша, о благѣ и спасеніи которой такъ пеклись эти Французскіе политики, могла ли бы съ успѣхомъ противиться объединенной Германіи. Три литературныхъ Славянскихъ нарѣчія— Польское, Чешское и Словинское представляютъ должно быть также отличное орудіе для борьбы этихъ Славянъ съ Германизаціею. Или думали Французскіе писатели, что эти Славяне примутъ Французскій языкъ органомъ высшей образованности и языкомъ дипломатическимъ? Или они полагали, что Нѣмцы откажутся отъ своихъ стародавнихъ притязаній на господство въ этихъ Славянскихъ земляхъ, отъ своей давно лелѣемой мысли о принадлежности ихъ къ Германіи? Французы теперь слишкомъ хорошо знаютъ, что Нѣмцы не отказываются не только отъ Люксембурга, но даже и отъ Альзаса и Лотарингіи. Какъ ни грустно, а надо признаться, что это Французское ученіе о Туранствѣ Московитовъ, при всей даровитости нѣкоторыхъ его поборниковъ (Г. Мартена и др.), обличаетъ замѣчательную тѣсноту историко-политическихъ воззрѣній, большую ограниченность и пустоту мысли и совершенное незнаніе исторіи отношеній Германіи къ Славянству. Если сообразить, что политическіе проэкты, построенные на этомъ ученіи, имѣли огромное вліяніе на характеръ новѣйшихъ отношеній Русскаго кабинета къ Французскому, то будетъ чрезвычайно затруднительно сказать, кто кому больше вредилъ: Французы ли Полякамъ обѣщаньями и подстрека-

тельствами, или Поляки Французамъ ученостью и критикою несчастнаго Духинскаго?

Распространеніе этого ученія о Туранствѣ Московитовъ въ Германіи между Нѣмецкими учеными и писателями производитъ новую путаницу и только усиливаетъ замѣшательство въ Нѣмецкомъ сознаніи по вопросу о Славянахъ, ибо это ученіе признаетъ всѣхъ Славянъ равноспособными и равноправными съ Германцами, отказывая въ такомъ признаніи только Великоруссамъ, и за то собственно, что они не Славяне, не Арійцы. „Мы васъ не любимъ, мы съ вами будемъ, ибо должны, враждовать: того требуетъ антропологія и исторія. Да! жаль, что вы не Славяне, не Арійцы, какъ напр. Поляки, Чехи, Словинцы, о какъ бы мы тогда васъ обняли и приласкали, съ какою бы радостью приняли мы васъ въ нашу великую Арійскую семью.“ Вотъ что говорятъ, что должны намъ говорить, если хотятъ быть послѣдовательны, Нѣмецкіе поборники ученія о Туранствѣ Великоруссовъ. Успѣхи этого ученія въ Германіи, нельзя не признаться, еще менѣе приносятъ чести Нѣмцамъ, чѣмъ Французамъ его успѣхи во Франціи. Если Французскимъ писателямъ малоизвинительно не знать историческихъ отношеній Германіи къ западному Славянству, то писателямъ Нѣмецкимъ это просто постыдно. Сколько нибудь же ихъ зная, увѣрять добрыхъ людей, что изъ желанія спасти Славянъ, своихъ дорогихъ братьевъ, отъ Туранцевъ, Московитовъ, Нѣмцы должны ослабить, урѣзать и сократить Россію, увѣрять въ этомъ другихъ во всеуслышаніе — это дѣло уже вовсе нечистое и нечестное. Оно свидѣтельствуетъ только о замѣчательномъ пониженіи чувства правды и о сильной наклонности ко лжи того общества, въ которомъ могутъ раздаваться подобные голоса. Притомъ это дѣло совершенно безполезное: Славяне не вѣрятъ этимъ Нѣмецкимъ признаніямъ въ любви и смѣются надъ притворными слезами Нѣмцевъ о несчастіяхъ Польши, называя ихъ крокодиловыми слезами. Можно прибавить, что это дѣло и неумное, нецѣлесообразное. Оно ведетъ къ противуположнымъ и неожидаемымъ Нѣмцами результатамъ: огромное большинство Славянъ западныхъ, у Поляковъ пока еще слабое меньшинство, отлично начинаетъ благодаря этимъ толкамъ понимать призваніе Россіи въ Славянствѣ по отношенію къ Германіи. Наконецъ эти крики Нѣмецкіе противъ Русскихъ вмѣстѣ съ пробуждающимся самосознаніемъ Русскаго общества значительно содѣйствуютъ ослабленію Нѣмецкаго вліянія въ Россіи и постепенно ей выясняютъ ея политическія задачи относительно Славянъ и Нѣмцевъ.

Въ отношеніи чисто-научномъ это ученіе о Туранствѣ Великоруссовъ представляетъ также нѣсколько крупныхъ погрѣшностей и ошибокъ, указаніе которыхъ можетъ быть поучительно. Любопытно, что тутъ извѣстная теорія нѣкоторыхъ антропологовъ о постоянствѣ расъ и неизмѣняемости ихъ признаковъ прилагается къ тѣмъ этнологическимъ явленіямъ, которыя наилучше опровергаютъ вѣрность этой теоріи [1]). Поборники ея совершенно послѣдовательно отрицаютъ плодотворность и пользу смѣшенія разнородныхъ расъ. По этой преимущественно причинѣ и Польша должна быть отдѣлена, по словамъ Духинскаго, Г. Мартена и др., отъ

---

[1]) Лучшимъ понынѣ выраженіемъ этой теоріи должны быть признаны классическіе труды Американцевъ Мортона и особенно Нотта и Глиддона «Nott a. Gliddon, Indigenous races of the earth, or new Chapters of Ethnological Inquiry. Philadelphia 1857, Chapt. IV и преимущественно Chapt. V. The monogenists and the polygenists; being an exposition of the doctrines of schools professing to sustain dogmatically the unity or the diversity of human races. (p. 402—662), и Chapt. VI. См. также — Nott a. Gliddon, Types of Mankind or Ethnological researches based upon the ancient monuments, paintings, sculptures, and crania of races.. illustrated by selection from the inedited papers of S. G. Morton,. Philadelphia. 8 th edit. 1857. — Pouchet, De la pluralité des races humaines. Essai anthropologique. 2-e edit Paris. 1864. Авторъ очень хорошо формулируетъ положенія своей школы: «Il faut, pour que l'union de deux souches réussisse dans le sens du progrès, que les deux termes unis ne soient pas trop dissemblables. Ceci est essentiel, et, si nous avons essayé de prouver que les métis de races éloignées ne possèdent pas toutes les conditions nécessaires de vie animale et de propagation, il nous serait facile de trouver de nombreux témoignages pour démontrer qu'en général les conditions intellectuelles du métis ne sont pas beaucoup plus satisfaisantes, que ses conditions physiques, quand les deux organismes intelligents qui se sont combinés n'offraient pas dejà une certaine similitude. Le docteur Tschudi dit, en parlant des Zambos, métis d'indigènes et de nègres à Lima: «comme hommes, ils sont grandemeut inférieurs aux races pures, et comme membres de la société, ils sont la pire classe de citoyens;» seuls ils fournissent les quatre cinquièmes des criminels des prisons de Lima. — E. G. Squier a fait des observations à peu près analogues sur les Zambos du Nicaragua. De son coté, l'union des Espagnols avec ces mêmes Américains ne semble avoir produit que des hommes abâtardis qui ne présentent aucun élément de perfectibilité. Enfin, c'est au nom des mêmes principes que M. de Gobineau s'est appliqué à prouver longuement que le mélange des races conduit nécessairement à la dégradation et à l'abrutissement universel. Cabanis avait professé les mêmes idées. L'hypothèse où se sont placés Cabanis et M. de Gobineau ne se réalisera sans doute jamais. Pour arriver à un melange complet, il faudrait admettre que chaque race est cosmopolite, ce qui n'est pas. Mais du moins reste-t-il vrai et prouvé que, quand deux races *très-différentes* s'unissent, il ne faut espérer rien de bon non plus que rien de durable de leur union.» (p. 155—6). — Противъ этого ученія въ послѣднее время лучше другихъ писали Катрфажъ во Франціи, Вайтцъ въ Германіи и Вильсонъ въ Англіи и Америкѣ. Prehistoric man. Researches into the origin of civilisation in the old and the new world. Sec. edit. *London. 1865. Chapt.* XXII. p. 513 и сл.

Россіи. Будь Великоруссы-Славяне, а не Туранцы, въ сожитіи Поляковъ съ Русскими не было бы, по ихъ собственному признанію, ничего противузаконнаго и противуестественнаго. Чего естественнѣе и такъ сказать современнѣе народамъ одной расы, близкимъ соплеменникамъ жить въ государственномъ союзѣ и сообща трудиться для взаимнаго благополучія и благоденствія. Самъ Г. Мартенъ и другіе на этомъ основаніи требуютъ образованія даже Европейской федераціи — изъ Франціи и Германіи, Италіи и проч.

Славяне-Арійцы. Финны — Монголы, Туранцы. Великоруссы тоже чистые Туранцы, хотя и говорятъ по Славянски.

Арійцы и Туранцы строго и существенно между собою различны. Смѣшеніе и скрещиваніе ихъ должно быть вредно для тѣхъ и другихъ. Метисы должны отличаться безплодіемъ (hybridité). Славяне съ Финнами и Монголами не должны смѣшиваться и скрещиваться, ихъ метисы не могутъ обѣщать потомства. Великоруссы должны быть признаваемы чистыми Туранцами, ибо они народъ многочисленный, плодовитый, возрастающій. Но въ такомъ случаѣ съ чего, съ какой стати, какимъ образомъ или какимъ чудомъ заговорили они по Славянски? Государство, церковь, говорятъ, навязали Туранцамъ — Московитамъ языкъ Славянскій. Брюлле и др. совершенно послѣдовательно, хотя и невѣжественно, принимаютъ, что Великорусское нарѣчіе есть Церковно-Славянскій языкъ, нѣсколько видоизмѣненный. Указываютъ на примѣры нѣкоторыхъ Азіатскихъ, Американскихъ и Африканскихъ дикихъ или кочевыхъ племенъ, которыя перемѣняютъ съ теченіемъ времени свои языки. Но во первыхъ этихъ явленій никто еще подробно не изучалъ и не прослѣживалъ строго-научнымъ образомъ, во вторыхъ подобныя перемѣны сравнительно быстрыя и внезапныя могутъ совершаться только въ средѣ племенъ и нарѣчій сродныхъ и близкихъ между собою, въ третьихъ и для этихъ даже перемѣнъ требуется болѣе или менѣе долгое общеніе племенъ, ихъ смѣшеніе и скрещиваніе. Примѣры многихъ православныхъ Кареловъ, Мордвы и другихъ нашихъ инородцевъ очень дурно и неправильно говорящихъ или вовсе не умѣющихъ (особенно женщины) по Русски всего лучше доказываютъ, что ни церковь, ни торговыя и экономическія сношенія, ни военная служба не въ силахъ измѣнить языкъ инородцевъ, безъ ихъ смѣшенія и скрещиванія съ Русскими. Напр. въ Карельскихъ мѣстностяхъ Крестецкаго уѣзда Новгородской губерніи—тѣ деревни, тѣ семьи говорятъ хорошо по Русски, въ которыхъ есть Русскія бабы, научающія своихъ мужей и особенно дѣтей правильному Русскому языку. При-

писывая Суздальскому княжеству и государству Московскому искусственное распространеніе у ихъ подданныхъ Славянскаго языка, навязываютъ этимъ правительствамъ такія цѣли и задачи, которыхъ онѣ, по обстоятельствамъ времени, имѣть не могли, предполагаютъ существованіе отлично организованныхъ народныхъ школъ, которыхъ не имѣетъ и современная Россія. Довольно указать на Сербовъ Лужичанъ въ Саксоніи и Пруссіи, на Кашубовъ и Поляковъ въ ней же, дабы убѣдиться, что истребленіе чужой народности и обезъязыченіе инородцевъ вовсе не такое легкое дѣло даже для обществъ и государствъ высоко-образованныхъ и прямо и энергически стремящихся къ этой цѣли. Такимъ образомъ безъ явнаго нарушенія смысла и искаженія всѣхъ историческихъ, этнологическихъ и филологическихъ свидѣтельствъ нельзя утверждать, что Великоруссы чистые Туранцы, только по Славянски говорящіе. Знакомый съ антропологическими вопросами, А. Мори не рѣшился утверждать этого, въ слѣдъ за Г. Мартеномъ, Духинскимъ и др., но высказалъ, что Великоруссы сильно смѣшаны на сѣверѣ съ Финнами, на югѣ съ Монголами и Турками. [1]) Такимъ образомъ Великоруссы должны быть признаны расою смѣшанною, и вопросъ теперь заключается лишь въ томъ, какая стихія, Туранская или Славянская, представлена въ нихъ сильнѣе. Славянскій языкъ Великоруссовъ, собственное ихъ мнѣніе о себѣ, какъ о Славянахъ, исконное мнѣніе всѣхъ прочихъ Славянъ южныхъ и западныхъ о Великоруссахъ, какъ объ ихъ кровныхъ братьяхъ и соплеменникахъ, наконецъ мнѣнія Туранцевъ о Великоруссахъ и Великоруссовъ о Туранцахъ, какъ о неродственныхъ другъ другу иноплеменникахъ, — все это въ глазахъ самаго строгаго этнолога должно быть важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу рѣшенія вопроса въ смыслѣ преобладанія въ Великоруссахъ стихій Славянскихъ надъ Туранскими. Въ пользу этого же преобладанія свидѣтельствуетъ и важное лингвистическое явленіе: Великорусское нарѣчіе богато (говоря относительно) грамматическими формами и флексіями, нисколько не опередило въ этомъ отношеніи другихъ Славянскихъ нарѣчій и рѣзко отличается вмѣстѣ съ ними отъ нарѣчія Болгарскаго, утратившаго свою грам-

---

[1]) Revue Germanique, 1858. t. IV. „Les Russes, que nous avons l'habitude de ranger parmi les Slaves, sont en réalité une population extrêmement mêlée; tandis qu'au sud l'élément turc et mongol y entre pour une forte proportion, au nord l'élément finnois est de fait prédominant».

матику, именно въ слѣдствіе смѣшенія Задунайскихъ Славянъ съ Болгарами [1]).

Дѣйствительно ли однако смѣшеніе племенъ изъ разнородныхъ расъ есть великое несчастіе въ человѣчествѣ, источникъ многихъ золъ и бѣдствій историческихъ? Въ примѣръ и подтвержденіе этого положенія обыкновенно указываютъ съ одной стороны на центральную и южную Америку, съ другой на сѣверную. «Сохраненіе аристократіи кожи», говоритъ Карлъ Андре, однозначительно съ вѣрностью высшей и благороднѣйшей нравственности, съ удержаніемъ себя на высшей и благороднѣйшей ступени, съ сохраненіемъ болѣе высокой и даровитой души, съ сильнымъ нравственнымъ центромъ тяжести. Результаты передъ нами; достаточно сравнить Испанскія и Португальскія, Креоловскія государства Америки съ ихъ преобладающимъ населеніемъ изъ метисовъ, Негровъ и Индѣйцевъ, съ Германскими колоніями, въ которыхъ рѣшительно преобладаетъ бѣлая кость [2]). Тамъ распаденіе и разложеніе, здѣсь разцвѣтъ и свѣжая жизнь. Усиливающаяся зависимость слабыхъ, внутренно разстроенныхъ земель отъ могущественнаго, все болѣе на нихъ наступающаго съ сознаніемъ своей силы сосѣда понятна и объясняется сама собою; черезъ это выполняется лишь законъ природы, который имѣтъ свою силу во всѣ времена.“ [3]) Въ сред-

---

[1]) Whitney, Language and the study of language. London. 1867. Въ X лекціи даровитый и осторожный авторъ очень дѣльно говоритъ объ языкѣ, какъ о признакѣ расы (p. 371 и сл.)

[2]) Andree, Geographische Wanderungen. Dresden. 1859. B. I. S. 10.

[3]) Духинскій галюцинируетъ: «Les Moscovites ne sont ni Slaves ni chrétiens dans l'esprit des Slaves et des autres chrétiens indo-européens. Jusqu' aujourd'hui ils sont nomades et resteront nomades à jamais. Leur noblesse, leurs sectes religieuses sont en opposition avec les manifestations de ce genre chez les Slaves et les autres peuples indo-européens, et cette opposition existera à jamais. Oui, à jamais ils seront Touraniens, et jamais ils ne seront Indo-Européens. Les Moscovites, paysans et nobles, sont moralement plus rapprochés du paysan et du noble chinois que du paysan et du noble russe blanc et petit russe. En revanche, les paysans et les nobles de ces deux derniers peuples forment une pareille unité vis-à-vis des Moscovites et des Chinois avec les Irlandais, les Portugais, les Italiens, avec les colons indo-européens de New-Iork, du Chili, du Mexique, du Pérou.» — Duchinski, Peuples Aryas et Tourans agriculteurs et nomades. Paris. 1864. p. 22—3. — Elias Régnault писалъ про Духинскаго «si nous lui reprochions d'être *consciencieux à l'excès*, il pourrait à bon droit *prendre ce blame pour un éloge.*» —(См. также p. 23). — Любопытно замѣчаніе Духинскаго про умственныя способности Московитовъ: «la faculté du raisonnement chez les Moscovites ne développe nullement chez eux la puissance créatrice de l'intelligence, ils raisonnent beaucoup, mais superficiellement (вотъ ужь съ больной головы да на здоровую!), terre à terre.»

ней и южной Америкѣ происходило и происходитъ смѣшеніе и скрещиваніе Европейцевъ, Арійцевъ съ туземцами и Неграми; въ сѣверной совершалось и совершается уничтоженіе, истребленіе туземцевъ, иногда даже простое ихъ вымираніе отъ одного приближенія къ нимъ энергическихъ и высокодаровитыхъ Европейцевъ. Это замѣчаніе было высказано и въ нашей литературѣ знаменитымъ академикомъ К. М. Беромъ [1]). Для насъ Русскихъ оно имѣетъ высокую научную и политическую важность. Въ случаѣ вѣрности этого положенія намъ предстоитъ заняться, если мы не совершенно еще отуранились, благородною Арійскою охотою за нисшими породами людей, систематическимъ истребленіемъ нашихъ инородцевъ, изъ опасенія, чтобы въ слѣдствіе смѣшенія и скрещиванія съ ними не понизилась наша Арійская душа, не испортилась наша бѣлая кожа. Быть можетъ впрочемъ мы Русскіе такъ уже смѣшались съ Туранцами, что изъ насъ, смѣшаннаго племени, также, какъ изъ креоловъ и метисовъ средней и южной Америки никакого уже проку ожидать нельзя. Упомянутое положеніе заслуживаетъ вниманія. Можно правда нѣсколько усумниться въ вѣрности этихъ строгихъ приговоровъ о средней и южной Америкѣ. Не преувеличены ли полно отзывы о гнилости, испорченности и истощенности тамошнихъ Испанцевъ и Португальцевъ? Вѣдь эти отзывы нѣсколько въ связи съ извѣстными скромными сужденіями Нѣмецкихъ писателей о превосходствѣ и величіи Германской расы и объ истощеніи Романской, въ связи съ давно ощущаемою потребностью и громкими заявленіями о необходимости для Германіи имѣть свои морскія стоянки и колоніи въ Новомъ Свѣтѣ. Не зеленъ ли виноградъ? Положимъ, что внутреннее состояніе Испанскихъ и Португальскихъ колоній въ Новомъ Свѣтѣ не особенно блестящее и завидное, хотя быть можетъ и не такое уже гнусное, какъ угодно представлять это нѣкоторымъ Европейскимъ и сѣверо-Американскимъ писателямъ. Принявъ въ соображеніе внутреннее состояніе Испаніи и Португаліи за послѣднія 200 и даже 300 лѣтъ, мы найдемъ быть можетъ, что оно также не особенно завидное и блестящее, хотя тутъ у себя дома, въ Европѣ, Испанцы и Португальцы не смѣшиваются и не скрещиваются ни съ какими нисшими народами и въ чистотѣ сохраняютъ свою

(Тамъ же p. 154). Впрочемъ онъ предупредительно оговариваетъ: «Chez les peuples aryas-européens.. *l'amour du sol natal de la patrie, du beau idéal doit occasionner plus de cas de folie* que chez les Touraniens.“

[1]) Зап. Геогр. Общ. Кн. 1 и 2. 1849. С. 74.

бѣлую кожу. Что смѣшеніе и скрещиваніе тутъ совершенно не причемъ, доказывается и тѣмъ, что оно существуетъ и въ сѣв. Америкѣ, что упомянутое положеніе объ истребленіи, исчезновеніи и вымираніи ея туземцевъ оказывается, по новѣйшимъ и точнымъ наблюденіямъ, совершенно невѣрнымъ и несогласнымъ съ дѣйствительностью. Почтенный Англійскій ученый Дан. Вильсонъ прекрасно обслѣдовалъ этотъ предметъ и представилъ множество краснорѣчивыхъ доказательствъ, что туземцы сѣверной Америки исчезаютъ въ ней, какъ раса, отчасти по крайности въ слѣдствіе того же процесса, которымъ Нѣмецъ, Шведъ, Ирландецъ или Французъ, переселившись въ Англо-Саксонскіе штаты Америки, черезъ одно или два поколѣнія сливается съ главнымъ ядромъ. Первые колонисты или піонеры дикаго Запада были естественно здоровая, крѣпкая молодежь, охотники и трапперы. Они рѣдко брали съ собою женъ или дочерей, но гдѣ селились, тамъ и брали себѣ женъ у дикарей. Противъ такого смѣшенія крови Индѣйцы не имѣли предразсудковъ и не представляли никакихъ препятствій. Генри въ своемъ путешествіи въ Канадѣ, около озера Винипагонъ, въ 1760 г. разсказываетъ, что одинъ изъ вождей туземцевъ (племени Кристино-Cristineaux) увѣрялъ его, что дѣти рожденныя ихъ женами отъ Европейцевъ бываютъ лучшими воинами и охотниками, чѣмъ они сами.—Вильсонъ представилъ нѣсколько смѣшеній туземцевъ съ Европейцами въ Канадѣ. Изъ Канадскихъ метисовъ (half-breeeds) есть много людей въ адвокатурѣ и законодательномъ собраніи, въ духовномъ званіи, въ медикахъ; они служатъ въ арміи, занимаются дѣятельною торговлею. Въ глазахъ обыкновеннаго наблюдателя они не выдаются никакими отличительными чертами отъ общества, среди котораго живутъ; и онѣ исчезаютъ черезъ одно или два поколѣнія въ слѣдствіе численнаго превосходства особенностей Европейскихъ. По оффиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ 1860 г. въ Британской Колумбіи было слѣдующее отношеніе жителей по народностямъ. На островѣ Ванкувера и въ Британской Колумбіи было 75,000 д. Индѣйцевъ, а въ Портъ-Дугласѣ

Гражданъ Соедин. Штатовъ.	73
Китайцевъ	37
Британскихъ подданныхъ	35
Мексиканцевъ и Испанцевъ.	29
Французовъ и Итальянцевъ	16
Цвѣтнокожихъ	8

Изъ центральной Европы	4
— сѣверной Европы	4
	206
Изъ нихъ: Мужчинъ	204
Женщинъ	2

При такомъ отношеніи половъ, замѣчаетъ Вильсонъ, разумѣется неизбѣжно смѣшеніе съ туземнымъ населеніемъ; между тѣмъ, когда Колумбія придетъ въ возрастъ Новой Англіи, потомки этой разнообразной смѣси народностей будутъ также громко говорить объ «Англо-Саксонскихъ» правахъ и обязанностяхъ, какъ любое изъ древнѣйшихъ Англо-Саксонскихъ поселеній. Такъ совершается процессъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, съ тѣхъ поръ, какъ Европейскій колонистъ началъ занимать земли Американскихъ туземцевъ. [1]) Всюду колонизація начинается съ выселенія

[1]) Карлъ Андре, по обычаю многихъ своихъ соотечественниковъ, самымъ рѣшительнымъ, не допускающимъ никакого сомнѣнія, тономъ утверждаетъ, что Сѣверные Американцы чистые Германцы, не смѣшанные съ туземцами, не то, что Романцы средней и южной Америки, гдѣ говоритъ онъ, происходятъ гражданскія и племенныя войны. А что же происходитъ въ Европѣ хоть съ 1848 г. по настоящій день? «Романскіе народы не сохранили чисто свою кровь въ чужихъ частяхъ свѣта; отсюда по большей части проистекаютъ тѣ бѣдствія, которымъ они подверглись. Есть опытное положеніе неопровержимое и несомнѣнное, что всякое физическое смѣшеніе между двумя разными великими человѣческими типами, если между ними нѣтъ внутренняго сродства, ухудшаетъ поколѣніе, физически и нравственно развращаетъ потомство. Въ такихъ, говоритъ, штатахъ, гдѣ есть смѣшанное населеніе нѣтъ настоящаго общества. Затѣмъ Андре представляетъ и философскую необходимость такого печальнаго положенія, и наконецъ съ обычною Нѣмецкою самоувѣренностью въ непогрѣшимости заключаетъ: и это болѣе, чѣмъ простой инстинктъ, это убѣжденіе безусловной необходимости, что *Германскіе народы въ колоніяхъ всячески избѣгаютъ этого смѣшенія*. По крайней мѣрѣ оно у нихъ никогда не достигало такихъ размѣровъ, какъ у Португальцевъ и Испанцевъ. (Geor. Wand. B. I. Ss. 9-10). Точно будто Андре самъ производилъ наблюденія или даже изучалъ чужія. Тутъ дурно не то, что человѣкъ ошибается, а то, что старается напередъ въ себѣ и въ читателѣ истребить всякое сомнѣніе въ возможности своихъ ошибокъ. И источникъ то всѣхъ подобныхъ благочестивыхъ обмановъ все таже несчастная мысль, что Германское племя, и Нѣмцы въ особенности предназначены господствовать ни больше ни меньше, какъ надъ всѣмъ міромъ, разумѣется за свое благонравіе и прилежаніе. «Настоящее и будущее всѣхъ пяти частей свѣта преимущественно опредѣляются народами Германскими. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что господство надъ міромъ принадлежитъ имъ, ибо міровая торговля преимущественно въ ихъ рукахъ».

преимущественно мущинъ; и естественное преобладаніе женщинъ въ странахъ, откуда они вышли, сообщаетъ новый характеръ ихъ старымъ поселеніямъ. Это не только замѣтно въ Европейскихъ источникахъ эмиграціи, но оно вообще отличаетъ Восточные отъ Западныхъ Американскихъ штатовъ. Изъ ревизіи 1860 г. видно, что женщины въ Массачусетсѣ превышали численностью мущинъ на 37,000 душъ, тогда какъ Индіана наоборотъ показываетъ излишекъ 48,000 мужчинъ [1]). Послѣдній штатъ граничитъ съ Индѣйскою областью, туземки которой помогаютъ уравновѣшенію въ немъ половъ; простота жизни пограничнаго поселенца (border) отстраняетъ главныя препятствія скрещиванію расъ. При такихъ обстоятельствахъ оно становится неизбѣжнымъ между туземною расою и бѣлыми поселенцами, и такъ продолжается тотъ самый процессъ, который начался со времени перваго появленія Европейской колонизаціи на материкѣ. Смѣлыя толпы піонеровъ, искателей приключеній или одинокихъ охотниковъ и траппероръ проникали все дальше впередъ въ лѣсныя мѣстности, занятыя дикарями и брали себѣ въ жены Индѣйскихъ дѣвушекъ. Часть этого смѣшаннаго потомства выросла подъ охраною Индѣйскихъ матерей и осталась между туземцами. Другая часть раздѣлила судьбу бѣлаго отца, подвергалась вмѣстѣ съ нимъ всѣмъ превратностямъ жизни украинцевъ (border) и пользовалась выгодами осѣдлаго поселенія, которое постепенно вокругъ устроивалось. Между тѣхъ, какъ украина медленно передвигалась на далекій западъ, время постепенно производило свою перемѣну; и прежде, чѣмъ небольшая куча первобытныхъ хижинъ обратилась въ городъ или столицу штата, слѣды Индѣйской крови уже исчезли. Тѣмъ не менѣе скрещиваніе имѣло мѣсто; тутъ былъ извѣстный процентъ Индѣйской крови, и она въ значительной степени имѣла вліяніе на образованіе характеристическихъ особенностей, которыя отли-

---

и т. д. (S. 5). Удивительно, какъ не надоѣстъ людямъ писать и твердить все одно и тоже про это предназначенное Германцамъ Weltherschaft. Сколько сотенъ разъ напишется эта фраза хоть бы въ теченіе года разными Нѣмецкими писателями въ одномъ даже городѣ. Полно, ужь ясно ли это имъ самимъ, такъ ли они твердо въ этомъ сами убѣждены. Не хотятъ ли ужъ безпрерывными повтореніями этой фразы увѣрить себя въ ея истинѣ? Иначе къ чему бы такъ долго и безпрестанно твердить одно и тоже себѣ самимъ и про себя?

[1]) Обширныя права женщинъ въ Новгородѣ и затворничество женщинъ въ Москвѣ отчасти не объясняются ли съ одной стороны избыткомъ, а съ другой скудостью женскаго ихъ населенія.

чаютъ Англо-Американцевъ отъ Великобританцевъ. Въ примѣръ любопытнаго явленія такого скрещиванія Вильсонъ приводитъ указаніе на небольшое племя въ 7,000 д. съ небольшимъ, на Красной рѣкѣ, впадающей въ озерѣ Виннипегъ. Оно произошло отъ Индѣйскихъ матерей и бѣлыхъ отцевъ, исповѣдуетъ католическую вѣру. Оно сохраняетъ въ первомъ поколѣніи черный цвѣтъ глазъ и другія черты своихъ матерей, но въ выраженіи глазъ значительно отличается отъ Индѣйцевъ. Какъ общее правило можно отмѣтить, что семейства, происшедшія отъ этого смѣшаннаго родства, многочисленнѣе семействъ, происходящихъ отъ бѣлыхъ родителей. Эти метисы на Красной Рѣкѣ отличаются своимъ здоровымъ и атлетическимъ тѣлосложеніемъ, обладаютъ сильнымъ и крѣпкимъ потомствомъ. Въ образѣ жизни они значительно удаляются отъ Индѣйцевъ не смѣшанныхъ, ведутъ съ ними войны, но лишены дикости и кровожадности послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ, замѣчаетъ Вильсонъ, смѣшанное племя Красной Рѣки не можетъ вѣчно оставаться, какъ особая раса. Вообще поселенцы смѣшанной крови охотно брачатся съ бѣлымъ населеніемъ, и съ полнымъ равенствомъ сберегаютъ всѣ права и вольности общества. По мѣрѣ увеличенія эмиграціи, здѣсь будутъ происходить тѣже результаты, которые вообще происходили во всѣхъ древнѣйшихъ поселеніяхъ отъ береговъ Новой Англіи или залива Св. Лаврентія на западъ до отдаленнѣйшихъ починковъ юной цивилизаціи. Послѣдніе слѣды красной кожи (red blood) исчезнутъ, не въ слѣдствіе исчезновенія, но поглощенія смѣшаннаго меньшинства новыми поколѣніями преобладающей расы. Однако вмѣстѣ съ перемѣнами, произведенными климатомъ, учрежденіями, привычками на народъ, предназначаемый быть наслѣдникомъ и обитателемъ пустынныхъ Индѣйскихъ охотничьихъ земель, эта стихія окажетъ свое вліяніе и поможетъ ему отличаться отъ его Европейскихъ предковъ. Какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ отношеніи, мы нуждаемся, въ особомъ терминѣ: Евро-Американскій, для обозначенія этой новой расы.

Столь же важно, по нашему мнѣнію, замѣчаніе Вильсона, относительно постоянныхъ и безконечныхъ истребительныхъ войнъ, которыя вели между собою различныя туземныя племена Америки, до поселенія въ ней Европейцевъ. Такъ Аллеганы были племя сильное, доходило до восточныхъ береговъ Миссисипи. Прекрасныя долины р. Огіо и ея притоковъ были заняты многолюдными городами и селеніями. Воинственные Ирокезы истребили Аллегановъ почти безъ остатка; они подвергли той же участи племя Сусквеганноковъ

и наконецъ Делаваровъ. Такимъ же образомъ погибли Шауни, Нантикоки, Унами, Минси, Иллиноисы, въ племенныхъ истребительныхъ войнахъ.— Также любопытны и поучительны приводимыя В. примѣры языка, образовавшагося въ фортѣ Ванкувера. Тутъ господствуетъ Вавилонское смѣшеніе языковъ. Здѣсь живутъ вмѣстѣ Англичане, Канадскіе Французы, Китайцы, Ирокезы, жители Сандвичевыхъ острововъ, Кри (Crees) и Чинуки (Chinooks). Сверхъ того сюда пріѣзжаютъ для торговыхъ цѣлей Валла-Валласы, Кликататсы, Калапургасы, Клакамусы, Коулитцы и другія Индѣйскія племена. Тутъ образовалось нарѣчіе всѣмъ понятное и нужное для взаимнаго общенія. Англійскій языкъ, видоизмѣненный устами туземцевъ, составляетъ основу этого нарѣчія, но Французскій языкъ путешественниковъ вноситъ также свою долю. Все прочее составлено изъ отдѣльныхъ словъ нарѣчій Нутка, Чинукскаго, Кри, Гавайскаго и изъ разныхъ другихъ выраженій. Общее привѣтствіе есть Clak-hoh-ahyah-изъ Англійскаго выраженія Clark, how are you? Англичанинъ называется Kint-shosh, т. е. King George; Американецъ — Boston; Tala обозначаетъ деньги, монету-dollar; oluman-oldman-старый человѣкъ, отецъ; Paia-огонь-fire; lum-ромъ-rum; wata-вода-water; stutshin-sturgeon; tumola — to-morrow; kol-cold; pos-suppose. Также передѣлываются и Французскія слова: lamestin-la médecine; lakles-la grasse; kuli-courir; lalon-la langue; litan-les dents; sawash-Индѣецъ-sauvage; lawie-la vieille. Грамматика совершенно не существуетъ; нѣтъ чиселъ, времена обозначаются нарѣчіями. Имена и глаголы также постоянно употребляются, какъ нарѣчія или префиксы, измѣняющія другія слова; наконецъ. звукоподражаніе играетъ великую роль, какъ и въ образованіи всѣхъ языковъ. Такъ напр. moo-moos-быкъ, волъ; kalakala-птица; tiktik-часы; tingling-колокольчикъ; haha-смѣхъ, tumtum-сердце и проч. Вильсонъ приводитъ замѣчаніе Американскаго филолога Галя (Hale) относительно Индѣйцевъ и пріѣзжихъ на рѣкѣ Колумбіи: „Общія сношенія главнѣйше поддерживаются посредствомъ особаго жаргона, который можетъ быть названъ преобладающимъ нарѣчіемъ. Есть Канадцы и метисы, женатые на Чинукскихъ женщинахъ, которые могутъ разговаривать съ своими женами только на этомъ языкѣ. Какъ ни странно, но это фактъ, многія дѣти выростаютъ съ этимъ случайнымъ, какъ своимъ материнскимъ языкомъ, и они говорятъ на немъ съ легкостью и совершенствомъ [1]).

[1]) Wilson, Dan. Prehistoric man. Researches into the origin of civilisation in the old and the new world. London. Sec. edition. 1865.-P. 513-588-passim.

Мы привели эти подробности относительно сѣв. Америки, дабы показать все легкомысліе и неосновательность тѣхъ Европейскихъ писателей, которые въ послѣднее время такъ много стали толковать о смѣшанности Великорусскаго племени, о нечистотѣ его Славянской крови. Если бы въ немъ не преобладала стихія Славянская, то Великорусское нарѣчіе въ грамматическихъ отношеніяхъ походило бы не только на Болгарско-Славянское, которое въ слѣдствіе сильнаго смѣшенія Задунайскихъ Славянъ съ Финско-Турецкимъ племенемъ Болгаръ, почти совершенно утратило всѣ грамматическія формы и флексіи, но скорѣе напоминало бы языкъ порта Виктуара или Русско-Китайскій языкъ въ Кяхтѣ или такъ называемый Pigeon-English, господствующій въ Шангаѣ и Кантонѣ (pigeon-business). — Если бы эти Европейскіе писатели сколько нибудь понимали процесъ смѣшенія и скрещиванія, сліянія и поглощенія, совершающійся въ сѣверной Америкѣ, съ XVI в., въ постепенной колонизаціи этого богатаго будущимъ материка, — то они бы устыдились съ великою важностью толковать о вздорномъ бредѣ и глупостяхъ невѣжественнаго и полусумасшедшаго Дуклинскаго [1]). Правильно понимая образованіе и составъ сѣверо-Американской національности, Янки, и даже Англійскаго населенія Канады, Европа или должна перестать гордиться однимъ изъ величайшихъ явленій своей новой исторіи, заселеніемъ сѣверной Америки, своими колонизаторскими силами и способностями, или должна наконецъ понять, что Славяне не только никогда не откажутся считать Великоруссовъ своими соплеменниками и братьями, но еще всегда будутъ гордиться этимъ племенемъ, которое доставило гонимой и преслѣдуемой на западѣ Славянской рѣчи и народности прочное господство на такихъ громадныхъ пространствахъ Азійско-Европейскаго материка. Что такое вся пресловутая Нѣмецкая колонизація такихъ землицъ, какъ Мекленбургъ, Померанія, Бранденбургъ, обѣ Пруссіи и части Сак-

---

[1]) Такъ и говоритъ умный и даровитый Прудонъ: «On va m'appeler russophile, je m'y attends; on m'appellera comme on voudra: je ne m'en émeuvai uère. Mais je rougirais de mon pays et de mes contemporains, s'il ne se trouvait parmi nous un homme dour protester contre ces jongleries polonaises»... «poussant l'outrage jusqu'à la dérision, on dénie aux Moscovites la qualité des Slaves; on leur ôte le nom des Russes; on les dit pétris d'un autre limon que les riverains de la Vistule, de la Dvina et du Dniéper; on les retranche de la liste des nations civilisées ou civilisables et des races nobles, et l'on demande, au nom du salut public, qu'ils soient refoulés au delà l'Oural, en attendant que l'expansion des vrais Slaves les aille exterminer au fond du Kamtschatka».

сонія передъ колоссальною Великорусскою колонизаціею? Ее можно сравнивать только съ заселеніемъ сѣв. Америки. Поэтому изученіе намѣченнаго указаніями Вильсона процесса имѣетъ для насъ Русскихъ величайшую важность, представляя любопытныя аналогіи и поясненія для исторіи Славянской стихіи въ Восточной Россіи, по сю и по ту сторону Урала.

Упомянутые Европейскіе писатели избѣжали бы смѣшныхъ своихъ ошибокъ и разныхъ нелѣпыхъ выводовъ, еслибы также обратили вниманіе на слѣдующія обстоятельства.

Еще въ древній періодъ исторіи Славянской, до XV в., многочисленность Русскаго народа поражала иностранцевъ, всегда удивлявшихся многолюдству Славянскому. Такъ Византіецъ Никифоръ Григора (XIV в.) называетъ Русскихъ народомъ самымъ многолюднымъ: polyanthropotaton ethnos tôn Ros. Въ XII в. Матвѣй, епископъ Краковскій (ок. 1150) писалъ, что Русь есть какъ бы особый міръ, народъ Русскій своимъ безчисленнымъ множествомъ равняется какъ бы звѣздамъ.

Финскія племена сѣверо-восточной Россіи не безъ великаго сопротивленія покорялись Русской власти, принимали Русскіе порядки, долго и упорно сохраняли свои нарѣчія, вѣрованія, нравы и обычаи. Такъ Мордва удержалась почти въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ жила въ древности, въ Нижегородской, Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерніяхъ. Въ XII и XIII в. извѣстны большіе походы и войны Русскихъ съ Мордвою, которая въ XIV в. управлялась своими князьями и соединялась съ Татарами противъ Русскихъ. Карелы нѣсколько разъ въ XIV в. соединяются со Шведами противъ Новгородцевъ. Еще во второй половинѣ XV в. Московское правительство принуждено было посылать войска въ Югру покорять Вогуличей и ихъ князей. Въ XII в. (ок. 1181 г.) начали Русскіе ожесточенную борьбу съ Вотяками и Черемисами и въ половинѣ XVI в. усмиреніе Вотяковъ и Луговой Черемисы стоитъ большихъ усилій Московскому правительству (1552—1557). Изъ грамотъ митрополита Макарія 1534 г. и Новгородскаго архіепископа Ѳеодосія 1548 г. мы знаемъ, что даже Водь и Чудь въ областяхъ Новгородскихъ и Псковскихъ, давно уже покорные Русской власти и близко сообщавшіеся съ Русскими, упорно сохраняли въ то время своихъ народныхъ *арбуевъ* и крѣпко придерживались своихъ стародавнихъ обычаевъ.

Огромное большинство этихъ Финскихъ племенъ, если не всѣ онѣ, вели въ древности, въ періодъ перваго знакомства съ Русскими

Славянами, по преимуществу образъ жизни звѣролововъ и охотниковъ, къ земледѣлію перешли во времена позднѣйшія, какъ напр. даже Мордва, которая еще при Герберштейнѣ славилась своею мѣткою стрѣльбою лукомъ и отличалась только отъ Черемисовъ большею осѣдлостью. На такой образъ жизни ихъ указываютъ дикость и лѣсистость сѣверной и средней Россіи до конца XIV в. и позже. Въ средней Россіи преимущественно, если не исключительно, жили Финскія племена такъ называемой Угорской вѣтви [1]), наиболѣе сродныя съ Мадьярами, которые превзошли всѣхъ своихъ соплеменниковъ политическою организаціею и наибольшимъ запасомъ силъ и приготовленностью къ борьбѣ за существованіе. Между тѣмъ разсматривая словарь Мадьярскій, мы найдемъ, что Мадьяры употребляютъ массу Славянскихъ словъ для обозначенія понятій изъ быта земледѣльческаго, промышленнаго и осѣдлаго. Еще въ XII в. и позже Мадьяры, живя уже въ своемъ королевствѣ Арпадовичей, сохраняли многія привычки кочевниковъ [2]). Наши Угорскія народности, какъ болѣе Мадьяръ слабыя, менѣе организованныя, должны были долѣе сохранять свой бытъ звѣролововъ и охотниковъ. При такомъ же образѣ жизни племенъ, край не можетъ быть густо населенъ, народъ безъ особаго сожалѣнія и труда мѣняетъ свои старыя жилища.

Разсматривая историческія извѣстія о различныхъ нашихъ Финскихъ инородцахъ и дополняя ихъ данными ихъ народныхъ преданій и ихъ нынѣшнихъ отношеній, мы замѣтимъ почти тоже явленіе, на которое указалъ Вильсонъ у племенъ Американскихъ. Они всѣ почти состояли и отчасти состоятъ въ болѣе или менѣе жестокой враждѣ между собою, притѣсняютъ, давятъ и истребляютъ другъ друга. Для сего довольно вспомнить войны Чуди съ Водью, Ижоры и Кареловъ съ Емью, Норвежскихъ Лопарей съ Русскими, новѣйшія взаимныя отношенія Вогуличей и Остяковъ, Зырянъ и Самоѣдовъ и проч.

Не отрицая болѣе или менѣе значительнаго смѣшенія и скре-

---

[1]) Журн. М. Н. Просв. 1868. Іюль. Ст. г. Европеуса «Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ нынѣшней Россіи до поселенія въ ней Славянъ».

[2]) Otto Fris. Gesta Frid. Imp. I, 31. Sunt autem Ungari facie tetri, profundis oculis, statura humiles, moribus et lingua barbari et feroces... Denique cum vilissima in vicis vel oppidis ibi, id est ex cannis tantum, rara ex lignis, rarrissima ex lapidibus habeantur habitacula, toto oestatis vel autumpni tempore papiliones inhabitant». (Шк. изд. Пертца. II, 50). О Слав. словахъ въ Мадьярскомъ языкѣ см. Leschka, St., Elenchus vocabul. Europaeor. cumprimo Slavicorum Magyarici usus. Budae. 1825.

щиванія Славянъ съ Финнами, на которое еще указывалъ Ломоносовъ, нужно однако принимать въ соображеніе и передвиженіе Финскихъ племенъ, которое происходило въ слѣдствіе появленія между ними Русскихъ Славянъ и воинскихъ успѣховъ и усилій послѣднихъ распространить надъ туземцами свою власть и вліяніе. Такъ есть извѣстіе XVI в. объ уходѣ Черемисовъ, Мордвы, Вотяковъ изъ областей Ростовскихъ въ нынѣшнюю Казанскую губернію [1]). Кастренъ указавъ на собственное названіе Черемисовъ *Мара* (человѣкъ) замѣтилъ: „Къ этому же корню можно отнести и *Мерю*, имя, которое даетъ Несторъ Финскому народу, жившему въ области древняго Ростова. Онъ же упоминаетъ нынѣ исчезнувшій Финскій народъ *Мурома*, на западъ отъ Мордвы, въ области нынѣ извѣстнаго гор. Мурома. Безъ сомнѣнія Мурома есть слово сложное, при чемъ *муръ* напоминаетъ Зырянское слово *мортъ*. Того же происхожденія первая часть *мордъ* въ словѣ *Мордва* [2])". *Мещера* и *Мещеряки*, жившіе въ XI — XII в. на нижней Окѣ, между Мордвою и Черемисою, являются въ послѣдствіи въ Уфимскомъ краѣ, между Башкирами. Такъ образовалась и смѣшанная народность Тептерей — изъ Черемисовъ, Чувашей, Вотяковъ и Татаръ, бѣжавшихъ отъ Русскихъ, послѣ завоеванія Казани, съ Волги на южный Уралъ. Шведу Шенстрему въ 1741 г. разсказывали Вогуличи, что они нѣкогда жили на Двинѣ и Югѣ. Въ исходѣ XIV в., недовольныя обращеніемъ въ христіанство Стефаномъ Пермскимъ, толпы Пермяковъ и Зырянъ ушли на востокъ за Уралъ [3]). Наконецъ большое выселеніе Угровъ-Мадьяръ изъ нынѣшней сѣверной Россіи въ державу Хозарскую, и изъ нея въ нынѣшнюю Молдавію и Валахію, а потомъ въ нынѣшній Magyarország—есть уже событіе всемірно-исторической важности. Оно также могло произойти въ слѣдствіе какого нибудь неизвѣстнаго намъ движенія или давленія Русскихъ Славянъ на Финновъ. Слѣдуетъ также допустить, что первыя поселенія Славянъ въ Ростовской и Суздальской области относятся еще ко временамъ до-историческимъ, что въ слѣдствіе этихъ

---

[1]) Карамз. И. Г. Р. V. с. 25 и прим. 40. (Эйп.).

[2]) Castren, A. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker nebst Mährchen u. Tatarischen Heldensagen. St. Petersburg. 1857. Ss. 132—4 и его же Reiseberichte u. Briefe. St. Petersburg. S. 16—17. Карамз. И. Г. Р. I. пр. 73 и 66. Списки насел. мѣстъ — Ярославск. и Тамбовск. губ. — Артемьева, Владимірск. — Вильсона, Тверская — Раевскаго.

[3]) Müller, F. Der ugrische Volksstamm. Berlin. 1838—39. I. 162 ff. II, 381 ff., 388 ff., 453 ff., 462 ff., 468 ff.

поселеній Славянскихъ съ одной стороны часть Финновъ была оттѣсняема на юго и сѣверо-востокъ, а съ другой по сосѣдству Славянъ и оставшейся части Финновъ въ старыхъ приблизительно жилищахъ съ теченіемъ времени образовывались новые, смѣшанные роды, подобные тѣмъ half-breeds Красной Рѣки, о которыхъ говоритъ Вильсонъ, т. е. потомки Славянъ-отцевъ и Финскихъ-матерей, оставшіеся жить у матерей. Вмѣстѣ съ тѣмъ и число Финскихъ женщинъ должно было возрастать въ новыхъ Славянскихъ поселеніяхъ, починкахъ и острогахъ. За то въ послѣдствіи времени, при умноженіи Славянскаго населенія, хотя уже и смѣшаннаго съ Финскимъ, при войнахъ съ нимъ Финновъ, не желавшихъ ему покоряться, не могли быть рѣдки случаи увода и плѣна Русскихъ женщинъ этими Финнами. Такъ мало по малу и Финнамъ передавалась кровь Славянская. Вообще у насъ еще слишкомъ мало обращаютъ вниманія на то вліяніе, какое имѣли Русскія плѣнницы (полоняночки) на ассимиляцію Финскихъ и Тюркскихъ инородцевъ. Въ послѣдствіи вмѣстѣ съ Грузинками, Армянками, Гречанками и южными Славянками, въ продолженіе XV, XVI, XVII в. и позже онѣ имѣли огромное вліяніе на измѣненіе первоначальнаго типа Османовъ.

Вообще нелѣпо было бы отвергать, что Великорусское племя есть племя болѣе или менѣе смѣшанное, но еще нелѣпѣе признавать его смѣшаннымъ или просто не-Славянскимъ въ смыслѣ Духинскаго, и уже просто безсмысленно строить на этомъ цѣлыя политическія теоріи, какъ это дѣлаютъ Викенель, Г. Мартенъ и др., такъ недостойно унижая Французскую науку своимъ легкомысленно-ребяческимъ довѣріемъ бреднямъ и чепухѣ Духинскаго, этимъ jongleries Polonaises, по мѣткому замѣчанію Прудона. Относительно своей помѣси Великоруссы не составляютъ никакого исключенія ни въ средѣ Славянскихъ, ни въ средѣ другихъ Европейскихъ племенъ. Всѣ Арійцы стараго и новаго свѣта — суть племена болѣе или менѣе смѣшанныя съ другими не-Арійскими обитателями Америки, Азіи и Европы (Лигуры, Этруски, Баски, Лопари). Великоруссы только тѣмъ отличаются отъ Европейцевъ, что Романо-Германцы по большей части смѣшались съ этими не-Арійцами и ассимилировали ихъ во времена до-историческія. Впрочемъ и тутъ есть исключенія: Баски въ Испаніи и Франціи, Лопари въ Скандинавіи. За то Великоруссы въ этомъ отношеніи ближе къ Англо-Саксамъ Новаго Свѣта. Нѣтъ никакого разумнаго основанія полагать, что Финны, Монголы, Турки, съ которыми мы такъ давно смѣшиваемся и еще Богъ дастъ многіе вѣка будемъ смѣшиваться, ниже, малоспособнѣе, слабѣе

физически и нравственно всѣхъ не-Арійскихъ первобытныхъ обитателей Европы и Америки, съ которыми смѣшались Европейцы у себя дома и продолжаютъ смѣшиваться въ Америкѣ. Было бы крайне смѣшно, если бы не жалко, долго разбирать увѣренія Поляка Духинскаго, что Финскія или Туранскія народности неспособны къ самоуправленію и политической свободѣ. Довольно сравнить Мадьяръ и нашихъ Финляндцевъ съ Поляками, дабы убѣдиться, что политическій смыслъ въ этомъ случаѣ не на сторонѣ Арійцевъ. Французскіе и Нѣмецкіе писатели, думающіе видѣть въ давнишней враждѣ и ненависти Европейцевъ и Польскаго духовенства и шляхетства къ Россіи какое-то инстиктивное отвращеніе чистыхъ Арійцевъ къ Туранцамъ и заключающіе поэтому о Туранствѣ Русскихъ, могутъ на нынѣшней войнѣ остановиться, дабы не ходить дальше за убѣжденіемъ и доказательствами, что чувства взаимной вражды и ненависти между самими Арійцами не принадлежатъ къ явленіямъ невозможнымъ и немыслимымъ.

Съ нашей стороны было бы безумно, дѣтски надѣяться, что Германія, послѣ новѣйшихъ побѣдъ, можетъ скоро освободиться отъ своего любимаго воззрѣнія на Славянъ, какъ на расу низшую. Если такимъ образомъ Германіи еще долго предназначено пребывать въ своихъ заблужденіяхъ относительно Славянства, если крайне трудно, даже невозможно передъ судомъ чистаго ума и науки отдать предпочтеніе Нѣмецкому ли любимому ученію о Туранствѣ и вообще малоспособности и неравноправности съ Германцами всѣхъ Славянъ безъ исключенія или таковому же Французскому о Туранствѣ однихъ Великоруссовъ, если для успѣховъ науки распространеніе того или другаго ученія одинаково вредно и маложелательно, то въ практическомъ отношеніи, изъ любви къ человѣчеству, нельзя не выразить рѣшительнаго предпочтенія ученію Французскому о Туранствѣ Великоруссовъ. Намъ Русскимъ особенно нельзя не желать, чтобы это Французское ученіе распространялось все больше и больше въ Европѣ и наконецъ вытѣснило бы господствующее Нѣмецкое мнѣніе о Славянахъ вообще. Пусть говорятъ и распинаются Нѣмцы о своей любви и привязанности къ своимъ Арійскимъ братьямъ, Полякамъ, Чехамъ и прочимъ Славянамъ. Давно бы пора Германіи перемѣнить свои рѣчи о Славянахъ, авось потомъ она почувствуетъ необходимость и нѣсколько сообразить свои дѣйствія со смысломъ своихъ новыхъ рѣчей. Мы Русскіе дѣйствительно отличаемся отъ Славянъ южныхъ и западныхъ одною важною особенностью. Всѣ эти толки и отзывы о неспособности Славянъ и о предназначеніи ихъ быть служебнымъ

элементомъ у Нѣмцевъ, а потомъ и совершенно онѣмечиться, для насъ Русскихъ почти исключительно имѣютъ одно теоретическое значеніе и слѣдовательно представляются намъ одною своею стороною комическою. Нашимъ же несчастнымъ братьямъ, лишеннымъ политической независимости, эта комическая сторона совершенно заслоняется стороною трагическою. Лучше ужь пусть будемъ мы Великоруссы Туранцами, лишь бы со Славянами обращались, какъ съ людьми себѣ равными. А о томъ, чтобы не прогнали насъ за Двину и Днѣпръ, мы уже сами можемъ и должны позаботиться. Нынѣшняя война Франціи съ Германіею значительно облегчаетъ намъ эту задачу. Она какъ будто нарочно для того и предпринята, чтобы, если не совершенно уничтожить, то надолго по крайности разстроить всякія пожеланія и попытки Европы на наступательный союзъ для изгнанія Туранцевъ-Московитовъ въ Азію. Время покажетъ, слишкомъ ли смѣло теперь надѣяться, что столь пострадавшая нынѣ Франція вмѣстѣ со многими прежними заблужденіями и ошибками откажется наконецъ и отъ этой несчастной теоріи Викенеля, Мартена и др. и вполнѣ убѣдится доводами въ глупостяхъ Духинскаго и доказательствами необходимости для нея искать дружбы и союза съ Россіею. Нѣкоторыя изъ этихъ доводовъ и доказательствъ были неоднократно приводимы задолго до нынѣшней войны многими лучшими сынами и дѣятелями Франціи, Вив. де С. Мартеномъ, Шницлеромъ, Прудономъ, Дюраномъ, Шарьеромъ, Бильо [1]) и мн. друг.

---

[1]) Дюранъ въ Антропол. общ. въ Парижѣ 7 янв. 1869 представилъ сильныя возраженія г. Мартену о Русскихъ и отзывался о Россіи съ величайшимъ сочувствіемъ. (Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris. 1869. T. IV. 1 p. 35 suiv. Billot, Les Alliances de la France. Bruxelles. 1853.

D 377 .L3 C.1
Ob istoricheskom izuchenii gre
Stanford University Libraries
3 6105 036 874 951

DATE DUE
STANFORD LIBRA
OCT 2 8 198
I. L. L.